

**Президент Алтайского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
Юрий Федорович Кирюшин**

Министерство образования и науки Российской Федерации

Алтайский государственный университет
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая

Институт археологии и этнографии СО РАН
Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Сборник статей,
посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина*

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

УДК 902(571.1)(08)
ББК 63.48(253.3)я43
А874

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *В.В. Горбунов*,
доктор исторических наук *С.П. Грушин*,
кандидат исторических наук *А.Л. Кунгуров*,
кандидат исторических наук *Д.В. Папин*,
кандидат исторических наук *Н.Н. Серегин*,
кандидат исторических наук *Н.Ф. Степанова*,
кандидат исторических наук *Т.В. Тишкина*,
кандидат исторических наук *Я.В. Фролов*

А874 **Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований** [Текст] : сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 416 с.
ISBN 978-5-7904-2025-2

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов Международной научной конференции «Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований», посвященной 70-летию Юрия Федоровича Кирюшина, доктора исторических наук, профессора кафедры археологии, этнографии и музеологии, президента Алтайского государственного университета, заслуженного деятеля Республики Алтай, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации (конференция организована в рамках гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)).

Публикации сгруппированы в следующие тематические разделы «О юбиляре», «Теоретико-методологические, методические и практические разработки современной археологии», «Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях», «Освоение Алтая и Западной Сибири в каменном веке и энеолите», «Процесс формирования культур и общностей Сибири в эпоху бронзы», «Кочевники степей поздней древности и средневековья», «Искусство народов Центральной Азии и сопредельных территорий в древности, средневековье и новом времени».

УДК 902(571.1)(08)
ББК 63.48(253.3)я43

ISBN 978-5-7904-2025-2

© Авторы статей, 2015
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

О ЮБИЛЯРЕ

<i>Тишкин А.А.</i> Основные этапы научной, педагогической и административной деятельности Юрия Федоровича Кирюшина	9
<i>Грушин С.П., Леонтьева Д.С.</i> Роль Ю.Ф. Кирюшина в изучении памятников андроновской культуры лесостепного Алтая	14
<i>Дашковский П.К.</i> Слово о научном руководителе	19
<i>Кунгуров А.Л.</i> Катунская экспедиция Алтайского государственного университета: начало	21
<i>Рыкун М.П.</i> «Жизнь – трамплин!»	23

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К.</i> Исследования в Северной Бетпакдале	28
<i>Ковалевский С.А.</i> О начальном периоде изучения ирменских древностей	31
<i>Ковтун И.В.</i> Предандроновские/андроновские древности и «андроновский диалект»	39
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур	44
<i>Кунгуров А.Л.</i> Работы Алтайского государственного университета на р. Тыткескень (Алтай)	54
<i>Марсадалов Л.С.</i> 1200-, 600- и 300-летние периодизации археологических эпох и этапов для древней, античной и средневековой культур в Горном Алтае	59
<i>Мацына А.И., Жувак Д.В., Никитин А.Ю.</i> Электронная карта как основа комплексных исследований ВНК «Воздушная разведка памятников археологии»	66
<i>Мерц В.К.</i> Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений	69
<i>Плешаков А.А.</i> Создание музея под открытым небом на основе реконструкции хозяйственных комплексов	74
<i>Татауров Ф.С.</i> Вещи из археологических памятников как источники по реконструкции социального облика древних обществ	78
<i>Татаурова Л.В.</i> Естественно-научные методы в археологии русских Сибири и опыт проведения полевых молодежных научных школ	82
<i>Татауров С.Ф., Черная М.П.</i> Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города	86
<i>Тихонов С.С.</i> Возможности этнографо-археологического изучения рыболовства населения Сибири	91
<i>Шмидт А.В.</i> Возрастная структура населения в палеодемографии: принципы построения	94

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Гаврилов Д.А., Шумиловских Л.С., Амиров Е.Ш., Камалдинов И.Р.</i> Результаты микробиоморфного и палинологического анализов культурного слоя городища Жанкент (Казахстан)	101
<i>Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю.</i> Пригары из керамических сосудов поселения Новоильинка-III в Северной Кулунде	106
<i>Гольева А.А., Кирюшин К.Ю.</i> Характеристика ландшафтов периода функционирования поселения Новоильинка-VI по данным естественных наук ...	110
<i>Дашковский П.К., Новикова О.Г.</i> Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана №31 могильника Чинета-II (Алтай)	115
<i>Дашковский П.К., Тишкин А.А.</i> Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана №5 могильника Ханкаринский дол (Алтай)	119
<i>Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А.</i> Состав сплавов изделий из цветных металлов могильника Проспихинская Шивера-IV (обобщение предварительных результатов)	125
<i>Солодовников К.Н., Хохлов А.А., Рыкун М.П.</i> Антропологические связи населения афанасьевской культуры куротинского, арагольского и улитинского типов погребений Горного Алтая	129
<i>Соломонова М.Ю., Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю.</i> Итоговые результаты фитолитных исследований на территории археологического объекта Новоильинка-III	134
<i>Тишкин А.А., Казаков А.А., Матренин С.С.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ коллекции металлических предметов быстринской культуры из могильника Каменка (по материалам раскопок 2014 г.)	138
<i>Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ наконечников стрел из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край)	144

ОСВОЕНИЕ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ И ЭНЕОЛИТЕ

<i>Бобров В.В.</i> Каменные орудия разрушенных погребений из северных предгорий Кузнецкого Алатау	148
<i>Захаров С.В.</i> Проблема формирования каменной индустрии ботайской культуры	154
<i>Захаров С.В.</i> Исходный ареал дресвяной рецептуры формовочных масс ботайской культуры	158
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.</i> Большемысский комплекс поселения Новоильинка-VI	164
<i>Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю.</i> Разновидности каменного сырья и особенности их отбора древним человеком в палеолитических индустриях памятников Хараганын-Гол-5 и Толбор-21 (Толборский археологический микрорайон, Северная Монголия): предварительные результаты	170
<i>Степанова Н.Ф.</i> К характеристике инвентаря из афанасьевских погребальных комплексов (Горный Алтай)	178
<i>Хаценович А.М., Каномата Й., Гунчинсүрэн Б.</i> Срединные резцы памятника Хараганын-Гол-5: специфика изготовления и трасологический анализ	183

<i>Чемякин Ю.П., Погодин А.А., Клементьева Т.Ю.</i> Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье	188
---	-----

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР И ОБЩНОСТЕЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

<i>Боброва Л.Ю., Умеренкова О.В.</i> К проблеме реконструкции украшений головного убора эпохи бронзы (по материалам памятника Новый Белоаярск-I)	195
<i>Гайдученко Л.Л., Ломан В.Г.</i> Фаунистический комплекс поселения Донгал в Центральном Казахстане	200
<i>Герасимов Ю.В., Корусенко М.А., Полеводов А.В.</i> Некоторые проблемы изучения бронзового века лесостепного Обь-Иртышья в свете новейших находок в Омске ...	204
<i>Горячев А.А.</i> К вопросу об устройстве древних храмов эпохи бронзы в горной зоне Заилийского Алатау	209
<i>Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Фрибус А.В., Вальков А.С.</i> Предварительные итоги изучения андроновского могильника Сигнал-I	214
<i>Ковтун И.В., Баштанник С.В., Фрибус А.В.</i> Андроновское захоронение могильника Юрман-I и змее-/драконоборческие мотивы в орнаментации погребальных сосудов	220
<i>Мерц И.В., Волошин В.С.</i> Случайная находка каменного шлифованного топора-молота на оз. Жамантуз (Казахстан)	226
<i>Миляев Г.А.</i> Модель животноводства андроновского общества по материалам поселений Восточного Казахстана	232
<i>Молодин В.И.</i> Берликская культура в западносибирской лесостепи	237
<i>Папин Д.В., Степанова Н.Ф.</i> Технология гончарного производства в переходное время от бронзового века к железному в Алтайском Приобье	245
<i>Петрова Л.Ю., Григорьев С.А.</i> Постройки алакульской культуры поселения Мочище-I	250
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.</i> Тупики в культурах бронзового века (некоторые аспекты семантики)	255
<i>Соенов В.И., Трифанова С.В.</i> К проблеме структурирования и хронологии археологических культур Алтая периода ранней бронзы	261
<i>Сотникова С.В.</i> Андроновские (федоровские) погребения с перевернутыми сосудами: к реконструкции представлений о роли женщины в мифоритуальной практике	267
<i>Тишкин А.А., Косинцев П.А., Некрасов А.Е., Грушин С.П.</i> Находки костей птиц и рыб на поселении Березовая Лука	272
<i>Ткачев А.А., Ткачева Н.А., Трофимова Е.А.</i> Хронологическая и культурная принадлежность ранних комплексов поселения Роза Ветров-III	276
<i>Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А.</i> Сооружение андроновского периода на поселении Жарково-3	284

КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Weisenov A.Z.</i> Studies of the Saka settlement in the east part of Central Kazakhstan ...	289
<i>Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.</i> Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке	294

<i>Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б.</i> Исследование нового памятника коргантасского времени на могильнике Байке-2 (Центральный Казахстан)	298
<i>Боброва А.И.</i> Катайгинское городище III – новый памятник раннего железного века с Верхней Кети (предварительное сообщение)	301
<i>Головченко Н.Н., Телегин А.Н.</i> Аппликации головных уборов населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (классификация и семантика)	305
<i>Илюшин А.М.</i> Железные кинжалы в культуре кочевников развитого Средневековья Кузнецкой котловины	308
<i>Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О.</i> Малый Гоньбинский кордон-2/6 – новый памятник одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья	312
<i>Лихачева О.С.</i> Дротики с территории лесостепного Алтая XII–VI вв. до н.э.	315
<i>Лукпанова Я.А.</i> Новое элитное погребение из Западного Казахстана	321
<i>Матренин С.С.</i> Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая	325
<i>Мунхбаяр Ч., Мунхбат Ц., Энхтур Ч., Гал-Од Б.</i> О тюркских изваяниях, обнаруженных на территории Цэцэг сомона (Монгольский Алтай)	330
<i>Плетнева Л.М.</i> Бронзовая бляха из Тимирязевского поселения IV	334
<i>Серегин Н.Н.</i> Основные тенденции распространения предметов китайского импорта в археологических памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии	341
<i>Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В.</i> Кенотафы могильника Степушка-2	347
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Части «золотой диадемы» из курганов памятника Яломан-II (жужанское время, Центральный Алтай)	351
<i>Хасенова Б.М.</i> Серьги салтовского типа срединной Евразии: поиск формы и содержания	355
<i>Худяков Ю.С.</i> Оружие воинов скифского времени из долины реки Эдиган в Горном Алтае	359
<i>Шульга П.И.</i> Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками	366

ИСКУССТВО НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ

<i>Бобров Л.А.</i> Особенности конструкции и декоративного оформления казахских «восьмеркообразных» колчанов XVII – первой половины XIX в.	372
<i>Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А.</i> Тюркские петроглифы урочища Ой-Джайляу	375
<i>Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Демиденко С.В.</i> Ритуальный сосуд с зооморфным декором из Жетысу	381
<i>Есин Ю.Н.</i> Миниатюрные изображения из рога окуневского могильника Итколь-II в контексте искусства скифо-сакского круга	386
<i>Ковалев А.А.</i> Бассейн верхней Кобдо как чемуручкская ритуальная территория	391
<i>Матехина Т.С.</i> Средневековые кожаные чехлы для ложек	395
<i>Ожередов Ю.И.</i> Наскальный памятник Кызылчин близ устья р. Чаганузун в Горном Алтае	402
<i>Рахимжанова С.Ж., Кирюшин К.Ю.</i> Техничко-технологический анализ керамики поселения Новоильинка-III (результаты изучения орнаментальных традиций)	407
Список сокращений	414

О ЮБИЛЯРЕ

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ ФЕДОРОВИЧА КИРЮШИНА

В 2016 г. доктору исторических наук, профессору кафедры археологии, этнографии и музеологии, президенту Алтайского государственного университета, заслуженному деятелю Республики Алтай, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, действительному члену Международной Академии высшей школы и Российской академии естественных наук Юрию Федоровичу Кирюшину исполняется 70 лет.

В кратком очерке найдут отражение основные этапы научной, педагогической и административной деятельности юбиляра, уже в определенной мере зафиксированные в ранее вышедших публикациях [Профессор..., 1996; Шамшин, 2000; Ректор..., 2006, с. 6–17; Тишкин, 2006, 2013; и др.]. Эти сведения будут дополнены новой информацией. Следует отметить, что обобщение материалов осуществлено и в специально подготовленной статье, которая выйдет в первом номере журнала «Российская археология» в 2016 г. [Тишкин, Кунгуров, Папин, 2016].

Юрий Федорович Кирюшин родился 13 января 1946 г. в г. Бердске (Новосибирская область). В 1953 г. он начал учиться в школе поселка Шлюз, но 11-й класс уже заканчивал в школе №125 в Академгородке г. Новосибирска. В детские годы много времени уделял занятиям по математике, участвовал в олимпиадах и конкурсах, занимал призовые места. В последних классах сильно увлекся историей, много читал различных книг. У друга сестра училась в Новосибирском педагогическом институте и ездила с Татьяной Николаевной Троицкой в экспедиции. Она много рассказывала о полевых изысканиях, об археологических открытиях и снабжала литературой по такой тематике. В те же годы Ю.Ф. Кирюшин активно занимался парашютным спортом. В 1961 г. отец пошел на пенсию, и семья оказалась стеснена в средствах. Поэтому свою трудовую деятельность Юрий Федорович начал еще школьником в качестве сезонного рабочего Сибирского ботанического сада (1963). После окончания в 1964 г. средней школы он не прошел по конкурсу в Новосибирский государственный университет на гуманитарный факультет и устроился в Институт катализа СО АН СССР. Сначала работал препаратором, а затем лаборантом в лаборатории каталитической полимеризации. Постоянный заработок позволил «встать на ноги», одеться и обуться.

В 1965 г. Ю.Ф. Кирюшин поступил в Томский государственный университет (ТГУ) на историко-филологический факультет. Во время учебы занимался в археологическом кружке, которым руководил В.И. Матющенко. В нем он познакомился с такими же увлеченными студентами – В.А. Посредниковым, В.Д. Славниным, А.Ф. Косаревым и др. Тема первой курсовой работы была связана с изучением каменного века

европейской части СССР. В ходе ее подготовки на кружке был сделан доклад о результатах исследований на знаменитом комплексе Костенки на Дону. После первого курса полевая археологическая практика проходила под руководством Л.А. Чиндиной. Около с. Молчаново раскапывался комплекс памятников под названием «Рёлка». В августе того же года вместе с Людмилой Александровной Ю.Ф. Кирюшин отправился в экспедицию на Малгет. Материалы исследований этого археологического объекта легли в основу второй курсовой работы. В последующие годы Юрий Федорович принимал активное участие в экспедициях, организованных В.И. Матющенко, который научил не только находить памятники, но и составлять описания, вести полевую документацию.

На старших курсах Юрий Федорович временно стал работать лаборантом кабинета антропологии ТГУ, а затем был зачислен и штатным сотрудником. Еще до окончания университета Ю.Ф. Кирюшин стал заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ. Летом 1969 г. он провел первую самостоятельную экспедицию по р. Васюгану, а осенью был отправлен на стажировку в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

С конца 1970 г. Ю.Ф. Кирюшин был зачислен младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при ТГУ, которой руководил маститый историк А.П. Бородавкин. В 1-й половине 1970-х гг. Кирюшиным проделана огромная работа по обследованию и изучению археологических памятников севера Томской области. Результатом стала кандидатская диссертация «Бронзовый век Васюганья», защищенная в феврале 1977 г. в Институте археологии АН СССР (Москва). Научным руководителем указанной квалификационной работы стала Л.А. Чиндина – ныне известный сибирский археолог. На этом томский этап жизни и деятельности Ю.Ф. Кирюшина закончился. Летом 1977 г. после избрания по конкурсу его приняли старшим преподавателем на кафедру истории СССР Алтайского государственного университета (АГУ). В этом значительную роль сыграл А.П. Бородавкин, который был приглашен в Барнаул для создания в краевой столице нового учебного заведения.

В 1978 г. по инициативе Ю.Ф. Кирюшина в АГУ образована внебюджетная Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая, которая дала толчок для развития научных исследований и формирования коллектива сотрудников. Являясь ее заведующим, Юрий Федорович организовывал работу хоздоговорных археологических экспедиций на памятниках, попадавших в зоны строительства объектов народного хозяйства. Кроме этого, осуществлялись масштабные обследования слабо изученной территории Алтайского края. Результаты таких изысканий заложили основу для качественно нового этапа в исследовании археологии юга Западной Сибири и Алтая.

В 1979 г. вышла первая научная монография Ю.Ф. Кирюшина «Бронзовый век Васюганья», написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко [Кирюшин, Малолетко, 1979]. Эта книга на протяжении многих лет была образцом эффективного использования естественно-научных методов в археологии. Плодотворное сотрудничество двух ученых, начавшееся еще в Томске, продлилось долгие годы и зафиксировано в публикациях. Одной из крупных работ стала еще одна монография, в которой нашли отражение материалы многолетнего изучения поселения эпохи бронзы Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005].

В марте 1980 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран доцентом кафедры истории СССР АГУ. За время работы преподавателем он вел различные курсы, а также выполнял общественные поручения. Будучи куратором студенческой группы, руководителем учебной археологической практики, курсовых и дипломных работ, много общался с обучающейся молодежью. Эта деятельность оставила глубокий след в жизни Юрия Федоровича. До сих пор выпускники университета поддерживают связь со своим «шефом», отдавая дань уважения человеку, много сделавшему для них.

Активная исследовательская деятельность позволила Ю.Ф. Кирюшину собрать значительный по объему археологический материал, потребовавший серьезного обобщения. Для подготовки докторской диссертации Юрий Федорович в 1983 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника. В течение двух лет осуществлялась кропотливая работа по систематизации имевшихся данных и введению их в научный оборот. В 1987 г. в Новосибирске состоялась защита подготовленной докторской диссертации «Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья». Это был успех не только лично Ю.Ф. Кирюшина, но и руководимого им коллектива. Получение степени доктора наук давало много возможностей уже другого уровня. Они и были реализованы в последующие годы.

В 1980-е гг. большое значение имели конференции, проведенные в Барнауле, а также выход научных сборников, ставших «лицом» барнаульской археологии. Важным результатом стало создание Музея археологии и этнографии Алтая АГУ (1985). Следует указать на постоянное сотрудничество Ю.Ф. Кирюшина с учеными ближайшего академического учреждения – Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР во главе с академиком А.П. Окладниковым. Именно эти контакты позволили существенным образом повысить авторитет археологов АлтГУ, что выразилось в совместных изданиях, экспедициях, конференциях и проектах.

В 1988 г. Ю.Ф. Кирюшин избирается профессором кафедры дореволюционной отечественной истории, а с открытием на историческом факультете кафедры археологии, этнографии и источниковедения возглавляет ее. Новое подразделение быстро и эффективно развивается и становится одним из лучших в АГУ. Эта традиция сохраняется до сих пор.

Благодаря появившимся возможностям учебная и исследовательская работа в конце 1980-х гг. стала приобретать концептуальный характер. Это выразилось в широкой специализации студентов и создании научной школы. Развитию археологии способствовали масштабные раскопки в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС, а также другие многочисленные хозяйственные работы на территории Алтайского края.

В 1990 г. Ю.Ф. Кирюшин получил звание профессора, а с 1991 г. начинается важный этап в его деятельности на должности проректора по научной работе АГУ. Огромная энергия, коммуникабельность и целеустремленность позволили Юрию Федоровичу существенным образом продвинуть научную деятельность в вузе. Значительно увеличилось число аспирантов, открылась докторантура на историческом и физическом факультетах, созданы научно-исследовательские институты, получены гранты и возможности участвовать в федеральных программах, организованы кандидатские и докторские диссертационные советы и многое другое. При такой активной работе рос авторитет провинциального вуза.

В 1991 г. открыт Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований. Юрий Федорович стал его научным руководителем. На базе этого НИИ позже создана совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири. Являясь ее заведующим, Ю.Ф. Кирюшин много сделал полезного для развития сибирской науки. Постоянные контакты с академиком РАН А.П. Деревянко и В.И. Молодиным способствовали укреплению необходимых связей и росту уровня археологических исследований на Алтае.

В 1994 г. на историческом факультете был открыт диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций сначала по двум, а затем по трем специальностям. Успешная работа позволила преобразовать его в совет по защите докторских диссертаций (2005) по археологии, отечественной истории, историографии, источниковедению и методам исторического исследования. За 20 лет работы диссертационного совета защищено значительное число диссертаций соискателями из многих городов России, а также из Казахстана и Монголии. В результате АГУ стал одним из центров подготовки высококвалифицированных кадров в области исторических знаний. Стоит отметить, что многие кандидатские, а также докторские диссертации состоялись под руководством Юрия Федоровича, который все время выполнял обязанности председателя диссертационного совета. Несмотря на все сложности и перипетии современных реформ в области образования и науки, диссертационный совет продолжает свою работу.

В 1997 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран ректором АГУ. Положительные результаты деятельности способствовали переизбранию его еще на один срок. Занимая столь ответственную административную должность, Юрий Федорович никогда не оставлял научные исследования. Однако они приобрели несколько иной характер. Не имея возможностей подолгу находиться в экспедициях, Ю.Ф. Кирюшин сосредоточился на обобщении уже полученных результатов. За эти годы опубликованы восемь монографий! Вершиной такой работы стали объемные книги, написанные на основе докторской диссертации и отражающие многолетние исследования автора: «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири» (2002) и «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири» (2004). Особенно впечатляют проведенные изыскания в трудных полевых условиях на территории болотисто-таежной равнины Среднего Приобья.

На посту ректора Ю.Ф. Кирюшину удалось увеличить набор студентов, в том числе госбюджетный, открыть многие новые специальности. Продолжилось развитие филиалов. Для них были приобретены здания в Рубцовске, Белокурихе, Славгороде. Увеличилось количество факультетов, докторов и кандидатов наук. Огромным достижением стали сдача нового корпуса университета, а также проведение многочисленных мероприятий, активизация всех сфер и направлений деятельности, при которых вуз стал звучать в рамках российского масштаба. О многолетней деятельности Юрия Федоровича на посту ректора еще предстоит написать не одну страницу в книгах по истории университета. В 2011 г. он избран первым президентом АГУ.

Вклад Ю.Ф. Кирюшина в археологическое изучение Западной и Южной Сибири значителен. Его научные интересы довольно широки: от палеолита до эпохи средневековья. Однако особый приоритет отдается энеолиту и бронзовому веку. Проведенные в течение многих лет экспедиции под руководством Юрия Федоровича дали материал, позволивший по-новому и существенным образом решать имевшиеся проблемы. Список научных работ Ю.Ф. Кирюшина насчитывает более 500 позиций. Он является

автором и соавтором более 20 монографий, редактором и соредактором нескольких десятков изданий, входит в состав редакционных советов, в том числе авторитетных журналов «Российская археология» и «Археология, этнография и антропология Евразии». Созданная им научная школа в области археологии продолжает свой потенциальный рост. Это выражается в защищенных диссертациях, количестве полученных грантов и осуществленных экспедиций, выпущенных сборников и монографий, проведенных конференций и семинаров, а также в других важных исследовательских результатах.

За свою трудовую деятельность Ю.Ф. Кирюшин неоднократно отмечен благодарностями, почетными грамотами, дипломами и премиями. В 1997 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник АГУ», в 1998 г. награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России», а в 2004 г. – «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Ю.Ф. Кирюшин является лауреатом премии Президента РФ в области образования (2002). В 2003 г. он удостоен звания «Почетный профессор АГУ», а также получил знак «За заслуги перед городом Барнаулом». В 2004 г. совершена запись фамилии Юрия Федоровича в «Книгу Почета Сибири» за большой личный вклад в развитие исторической науки. В 2005 г. присвоено звание «Заслуженный деятель Республики Алтай» с вручением нагрудного знака.

В настоящее время Юрий Федорович занимает пост президента Алтайского государственного университета, продолжая работать профессором на кафедре археологии, этнографии и музеологии и заведующим Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, а также являясь председателем диссертационного совета. Он плодотворно трудится над созданием своих трудов и руководит научными проектами. Научная школа Ю.Ф. Кирюшина признана в нашей стране и неоднократно была поддержана специальным грантом Президента РФ.

Завершая данный очерк, следует отметить, что благодаря Юрию Федоровичу в Алтайском государственном университете образованы и активно работают такие структурные подразделения, как кафедра археологии, этнографии и музеологии (источниковедения), Музей археологии и этнографии Алтая, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований, кабинет антропологии. Новый толчок в научно-исследовательской деятельности дал мега-грант, полученный в рамках реализации Постановления №220 Правительства РФ. Благодаря этому в АГУ создана Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая под руководством академика РАН А.П. Деревянко. Реализация проекта «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» закладывает существенный фундамент для дальнейшего перспективного развития. Приобретается современное оборудование, проводятся масштабные экспедиционные работы, публикуются высокорейтинговые статьи и т.д. В этом процессе существенную роль выполняет Ю.Ф. Кирюшин, который за 70 лет прошел путь, наполненный многими жизненными событиями и выдающимися результатами. Имеющиеся возможности позволяют и дальше успешно трудиться на благо созданного коллектива и университета в целом.

Библиографический список

- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.
Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. I.

Ректор Алтайского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Кирюшин Юрий Федорович : библиография / сост. А.А. Тишкин, Т.Б. Ухналева. Барнаул, 2006.

Профессор Юрий Федорович Кирюшин : библиография научных трудов / сост. А.Б. Шамшин ; вступит. статья В.Н. Владимирова, А.Б. Шамшина. Барнаул, 1996.

Тишкин А.А. Юрий Федорович Кирюшин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2 (26).

Тишкин А.А. Кафедра археологии, этнографии и музеологии // Исторический факультет Алтайского государственного университета 1973–2013 гг. : очерки истории. Барнаул, 2013.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Папин Д.В. К 70-летию Юрия Федоровича Кирюшина – археолога, педагога и общественного деятеля // Российская археология. 2016. №1 (в печати).

Шамшин А.Б. Кирюшин Юрий Федорович // Барнаул : энциклопедия. Барнаул, 2000.

С.П. Грушин, Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РОЛЬ Ю.Ф. КИРЮШИНА В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности»

Изучение памятников андроновской культуры имеет более чем столетнюю историю. За этот период произошли значительные изменения взглядов исследователей на определение и характеристику андроновских древностей. Первый андроновский памятник был открыт А.Я. Тугариновым в 1914 г. недалеко от д. Андронovo. Уже в 1927 г. опубликована концепция С.А. Теплоухова о развитии культур эпохи палеометалла на территории Среднего Енисея, в том числе об андроновской культуре [Теплоухов, 1927]. С тех пор данное научное направление постоянно привлекает внимание специалистов.

Лесостепной Алтай имеет насыщенную историю археологического изучения андроновских памятников как по количеству специалистов, так и опубликованных статей. На сегодняшний день известно более 60 андроновских могильников [Бобров, 2014; Попова, 2009] и около 70 поселений и местонахождений с керамикой андроновского облика [Леонтьева, 2013]. Интерес к андроновским древностям Алтая начал проявляться еще в конце XIX в., но профессиональное отношение и первая обобщающая работа, в которой дана развернутая характеристика культуры, связаны с деятельностью М.П. Грязнова [1956]. Необходимо отметить вклад в изучение памятников региона таких ученых, как А.П. Уманский, В.А. Могильников, Н.Л. Членова, Б.Х. Кадиков, А.Б. Шамшин, А.А. Тишкин, О.А. Позднякова, В.С. Удодов, С.Ю. Лузин, Д.В. Папин, С.М. Ситников, С.П. Грушин, М.А. Демин, С.С. Запрудский, О.А. Федорук и др. На Алтае масштабные археологические изыскания и публикационная деятельность приходится на период существования Алтайского государственного университета (АГУ).

Огромный вклад в развитие андроновской проблематики внес Ю.Ф. Кирюшин. Долгие годы он являлся участником и руководителем полевых археологических экспедиций на территории Алтая. Важное место в полевых исследованиях юбиляра занимали такие могильные комплексы андроновской культуры: Елунинский Грунтовый могильник-II [Кирюшин, 1980], Быково-II [Шамшин, 1998; Кирюшин, 1995, с. 62], могила андроновской культуры на памятнике Телеутский Взвоз-I [Кирюшин и др., 2000] и Восход-I, изучавшийся совместно с А.Б. Шамшиным [Кирюшин и др., 2001]. Также им велось изучение поселений Большой Лог-I [Кирюшин, Лузин, 1990] и Коровья пристань-III [Кирюшин, Кадилов, 1980; Кирюшин, 1978].

Под руководством Юрия Федоровича проводились разведки Лабораторией археологии, этнографии и истории Алтая АГУ. Мониторинг территорий юго-западных районов Алтайского края позволил открыть на разрушенных днах более 15 памятников андроновской культуры: Перешеечное, Новенькое-6, 7, 21, Калантарь-II, Новогорьевка-I, Первомайский, Павловка-2, 7, 13 и др. [Кирюшин, Клюкин, 1985; Памятники истории..., 1990, с. 130], памятник Чистюнька [Кирюшин и др., 1980, с. 181].

Кроме полевой деятельности, Ю.Ф. Кирюшиным совместно с коллегами проводилась работа по введению в научный оборот археологических коллекций. В 1980 г. опубликованы итоги работ на памятнике Ляпустин Мыс-I, который раскапывался в 1960-х гг. Б.Х. Кадиловым на оз. Иткуль [Кирюшин, Кадилов, 1980, с. 60]. В 1990-х гг. вышло несколько работ, посвященных андроновскому времени: опубликованы материалы могильников Подтурино [Кирюшин, Лузин, 1993] и Ближние Елбаны-XVI [Абдулганеев и др., 1996]. Вышла в свет обобщающая публикация Юрия Федоровича совместно с А.Л. Кунгуровым об андроновских памятниках Верхнего Чумыша: Чесноково-1, Лог Солонювка-2, Усть-Васиха-2, Степь-Чумыш, Куяк-1 и 2, Коврижка-2, Сосновый Лог-1, Гориное Озеро, Манжиха, Манжиха-2, Карьер кирпичного завода [Кирюшин, Кунгуров, 1996]. В 2007 г. опубликован могильный комплекс Кытманово, изучавшийся в 1960-х гг. [Уманский и др., 2007]. Юрий Федорович является соавтором ряда статей, связанных с андроновскими памятниками Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2008], Жарково-III [Кирюшин, Федорук, Папин, 2008], Калиновка-II [Кирюшин и др., 2007], Барсучиха-II [Кирюшин и др., 2005], Малаховский [Кирюшин и др., 2002], Калистратиха-II [Кирюшин, Грушин, Папин, 2007], Чесноково-I [Кирюшин, Шульга, 1996] и др.

Особую ценность представляют теоретические работы ученого. Они посвящены нескольким аспектам: хронология андроновской культуры, вопросы расселения племен на территории лесостепного Алтая, их ХКТ, особенности погребального обряда и семантика орнаментов погребальной посуды. Основные тезисы были изложены в одной из глав докторской диссертации [Кирюшин, 1986]. В данной работе учтен весь имевшийся материал на период конца 80-х гг. XX в. К сожалению, он не напечатан, лишь отдельные тезисы представлены в статьях 1990-х гг.

Значительное место в работах Юрия Федоровича уделяется хронологии памятников бронзового века. Время существования андроновских племен на Алтае он определяет в границах XV–XII вв. до н.э. [Кирюшин, 1985, с. 46], в последней четверти II тыс. до н.э. в предгорной зоне андроновское население сменяется носителями корчажкинской культуры, а в западных районах – бегазы-дандыбаевской и культурами валиковой керамики [Кирюшин и др., 1988].

В 2007–2009 гг. проводились крупные исследования по разработке региональной хронологической схемы бронзового века с привлечением радиоуглеродного анализа. Над проектом работали Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, С.П. Грушин и др. Акцент был сделан на исследовании опорных и ключевых памятников, что позволило провести синхронизацию памятников внутри хронологических периодов и культур. Андроновское время представлено небольшим количеством дат – материалы грунтовых могильников: Телеутский Взвоз-I, Восход-I, Подтурино, Фирсово-XIV, Рублево-VIII, Манжиха-V, Чекановский Лог-X [Кирюшин и др., 2007]. Компактность радиоуглеродных дат, как калиброванных, так и нет, полученных для памятника Чекановский Лог-X (1520 ± 90 – 1410 ± 55 гг. до н.э.), позволила рассматривать данный памятник как хронологический «репер» для андроновского периода [Кирюшин и др., 2007]. Полученные даты относятся к XVIII–XVI вв. до н.э. и значительно разнятся с традиционной археологической периодизацией, по которой андроновские древности относятся к XV–XII вв. до н.э. [Кирюшин, Шамшин, 1992], поэтому они не укладываются в общепринятую схему. Древние даты нуждаются в уточнении, и представляется, что в скором времени будет необходимо пересматривать датировку андроновских памятников в сторону ее удревления [Кирюшин, 1991].

Ю.Ф. Кирюшин – один из первых археологов, который обратился к разработке культурно-хронологических схем памятников андроновской культуры лесостепного Алтая. Расселение племен андроновской культуры на территории Алтая, по мнению ученого, проходило в два этапа. Первая волна «андроновцев» («федоровцы» из Южного Зауралья) заняла предгорную зону в XV–XIV вв. до н.э. Вторая волна переселенцев имела смешанный алакульско-федоровский облик (выходцы из Казахстана). Памятники располагаются в лесостепной зоне Алтая и датируются более поздним временем (XIII–XII вв. до н.э.) [Кирюшин, 1981], и вслед за М.Ф. Косаревым [1981] ученый говорит о возможности выделения верхнеобского варианта федоровской культуры.

В своих работах Юрий Федорович рассматривает хозяйственно-культурный тип племен андроновской культуры. Для них характерен скотоводческий тип хозяйства. В ходе исследования юбилару удалось выяснить, что на андроновских поселениях прослеживается различная направленность отдельных областей хозяйства. Для раннеандроновских памятников Алтая типична молочная направленность скотоводческого хозяйства, в стаде резко преобладает КРС. Для позднего периода характерно увеличение мясной направленности, связанной со значительным увеличением роли лошади и овцы в стаде. Охота играла вспомогательную роль [Кирюшин, Шамшин, 1992]. В 2010 г. опубликована развернутая статья, в которой рассматривается состав стада андроновских племен на основе поселений Большой Лог, Фирсово-XV, Шляпово [Кирюшин, Грушин, 2010].

В трудах Ю.Ф. Кирюшина освещается тема погребальной обрядности андроновских племен. Так, в 1995 г. опубликована исчерпывающая работа, посвященная характеристике погребального обряда на Верхней Оби, где рассматриваются половозрастные различия захоронений, положение умерших в могиле, особенности погребального обряда при ингумации либо кремации, культовые объекты на кладбищах [Кирюшин, 1995]. Позднее, в 2004 г., выходит работа совместно с Д.В. Папиным, О.А. Поздняковой и А.Б. Шамшиным, где анализируется погребальный обряд «андроновцев» Кулундинской степи на основе памятника Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2004].

Еще одним аспектом в научном творчестве ученого является семантика орнаментов погребальной посуды. Используя этнографические данные и работы коллег (М.Ф. Косарева, М.П. Грязнова, Г.Н. Грач), Юрий Федорович оригинально трактует пышный декор андроновских сосудов. В орнаментальном построении композиции, наборе элементов орнамента он видит отметку родовой принадлежности, пола, возраста, социального положения человека андроновского общества. Информация могла быть отражена в специальных элементах орнамента или в использовании разных размеров посуды. Сходная орнаментация на разных территориях объясняется конкретными связями различных групп «андроновцев» [Кирюшин, Лузин, 1993; Кирюшин, 1995]. Данная гипотеза была опробована при анализе погребального обряда могильника Подтурино [Кирюшин, Лузин, 1993].

Подводя итоги, следует отметить, что Юрий Федорович внес огромный вклад в развитие андроноведения на Алтае. Он долгие годы являлся руководителем полевых археологических экспедиций. Информация по большинству памятников введена в научный оборот, а также опубликованы и проанализированы памятники, изучавшиеся в 1950–1960-х гг. Несколько учеников Юрия Федоровича защитили кандидатские диссертации по бронзовому веку Алтая. Публикации ученого до сих пор являются основой для любой работы по андроновской культуре региона. Многие выводы вошли во всеобщий обиход и сегодня остаются актуальными. Вместе с тем хотелось бы отметить, что в последние 30 лет отсутствуют обобщающие работы, отражающие своеобразие андроновских комплексов Алтая. Современные исследователи решают узкие проблемы, что увеличивает ценность и значимость работ Ю.Ф. Кирюшина.

Авторы поздравляют Юрия Федоровича с юбилеем и выражают искренние пожелания выпустить монографию по андроновской культуре лесостепного Алтая.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
- Бобров В.В. Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.; Л., 1956 (МИА; №48).
- Кирюшин Ю.Ф. Новый могильник андроновской культуры у с. Елунино // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.
- Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1978 г. М., 1980.
- Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3.
- Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири // Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири. Барнаул, 1991.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, без которой мне не жить». Барнаул, 1995.
- Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Хозяйство населения андроновской культуры Верхнего Приобья // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Раиткин С.С., Тырышкина Ю.Ю. Новые материалы эпохи бронзы с поселения Калиновка-II в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х. Итоги исследования археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники энеолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего железа. Барнаул, 1985.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.

Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия. М., 1980.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Поздняков Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Предварительные итоги изучения грунтового могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2008.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Пугачев Д.А., Запрудский С.С. Аварийные археологические исследования поселения Барсучиха-II в Ребрихинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-I // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Позднякова О.А. Малаховский грунтовый могильник эпохи бронзы в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск, 2002.

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Грунтовый могильник Калистратиха-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-III в центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2008.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Позднякова О.А. Грунтовый могильник Восход-I – новый памятник андроновской культуры Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновские погребения на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. 1996. №2.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Леонтьева Д.С. Картография поселений андроновской культуры лесостепного Алтая // Археология, этнология и антропология АТР. Владивосток, 2013.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.

Попова О.А. История изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Вып. 2. Л., 1927. Т. 1.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья: по материалам могильника Кытманово. Барнаул, 2007.

Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СЛОВО О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Юрий Федорович, без преувеличения можно сказать, сыграл значительную роль в развитии отечественной археологии и в судьбе многих исследователей Сибири. Об этом свидетельствует сформированная им одна из ведущих в России археологических научных школ, которая проводит широкомасштабные исследования в Сибири и Центральной Азии. Благодаря его усилиям в свое время были открыты кафедра археологии, этнографии и музеологии, Музей археологии и этнографии Алтая, научные лаборатории и центры, в том числе совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН, диссертационный совет и многое другое. Занимая различные административные посты в университете, от заведующего кафедрой до ректора и ныне президента вуза, Юрий Федорович не переставал при этом заботиться о своих сотрудниках. Благодаря его поддержке и научному руководству многие из его коллег и учеников, в том числе и я, защитили кандидатские и докторские диссертации.

О Юрии Федоровиче первый раз я узнал еще школьником, когда в сентябре 1992 г. пришел заниматься в археологический кружок Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина. Из рассказов Алексея Алексеевича было ясно, что все связанное с археологическими исследованиями на Алтае в тот период имело самое прямое отношение к научно-организационной деятельности Ю.Ф. Кирюшина. Потом я несколько раз в течение года видел Юрия Федоровича в коридорах университета, и только летом 1993 г. состоялось мое непосредственное знакомство с ним. Это произошло во время экспедиции на знаменитый комплекс археологических памятников Тыткескень, работами на котором руководил Юрий Федорович. Благодаря опять же Алексею Алексеевичу мне удалось попасть в состав этой масштабной экспедиции, где, кстати сказать, я впервые познакомился и с деканом исторического факультета Владимиром Николаевичем Владимировым. Конечно, на школьника даже короткие беседы о научных исследованиях, о социально-политических процессах в стране (а в это время как раз произошел распад СССР со всеми вытекающими последствиями) с известными учеными и руководителями произвели большое впечатление.

Потом шли годы обучения в университете, которые сопровождались не только лекциями и семинарами, но и поездками на научные археологические конференции, в многочисленные экспедиции. Хорошо помню лекции Юрия Федоровича, который всегда сопровождал свои занятия (семинары тогда вел Артур Леонидович Кунгуров) значительным количеством иллюстративного материала, примерами из собственного

опыта проведения археологических раскопок. Вел занятия интересно, захватывающе, но и спрашивал, как оказалось потом, на экзамене с полной отдачей. Достаточно сказать, что из нашего потока, состоящего из двух групп, на «отлично» экзамен удалось сдать только мне.

Обучаясь сначала в лицее №86 г. Барнаула, а затем и в университете, я все время в научном направлении работал с Алексеем Алексеевичем Тишкиным. Однако при подготовке своих работ по скифской эпохе Алтая я часто обращался к материалам Юрия Федоровича. Так, он уже для курсовых, а затем и при написании дипломной работы разрешил использовать свои неопубликованные материалы по исследованию могильника скифского времени Тыткескень-VI. После моего поступления в аспирантуру Юрий Федорович вместе с Алексеем Алексеевичем подключился к моему научному руководству. В тот период много происходило значимых для меня событий, особенно в год защиты. Точно помню дату, как 30 января 2002 г. Юрий Федорович зашел на кафедру и сказал, что нужно как можно быстрее защищаться и лучше до окончания срока аспирантуры, иначе защита будет платная. Пришлось все остальные дела отодвинуть в сторону и быстро завершить работу над диссертацией, а уже 5 июня того же года защитить ее досрочно на полгода в диссертационном совете нашего университета [Дашковский, 2002].

После защиты кандидатской диссертации в течение многих лет я проводил раскопки разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона (Краснощековский район Алтайского края). Основное внимание уделялось памятникам кочевников раннего железного века и средневековья. И хотя сфера научных интересов Юрия Федоровича лежала в основном в плоскости изучения эпохи энеолита и бронзового века, тем не менее он всегда с вниманием выслушивал мои сообщения об итогах раскопок курганов пазырыкской, тюркской, кыргызской и сросткинской культур малоизученного региона Северо-Западного Алтая.

Большую роль Юрий Федорович сыграл в защите моей докторской диссертации. В течение ряда лет я активно занимался изучением социальной структуры и мировоззрения кочевников Саяно-Алтая поздней древности и средневековья, что в конечном итоге и вылилось в докторскую диссертацию [Дашковский, 2010]. В силу значительной загруженности административной и научно-образовательной работой (в то время я был заведующим кафедрой религиоведения и государственно-конфессиональных отношений и заместителем декана факультета политических наук) я не мог уйти в докторантуру и поэтому диссертацию готовил как соискатель. При разработке проблематики диссертации серьезную помощь оказал Алексей Алексеевич Тишкин. Поскольку при подготовке докторской диссертации (в отличие от кандидатской) официально может быть только один консультант, то им в окончательном варианте работы стал Юрий Федорович Кирюшин. Благодаря его научной и административной поддержке удалось оперативно решить многие формальные моменты, связанные с подготовкой самой защиты, определением оппонентов, ведущей организации и т.д. В результате в декабре 2010 г. в диссертационном совете Томского государственного университета состоялась моя защита. Защищаться в чужом совете и в чужом городе всегда намного тяжелее психологически, даже если чувствуешь, что твоя работа серьезная и имеет научное значение. Юрий Федорович это прекрасно понимал, поэтому, несмотря на занятость в должности ректора, лично приехал на защиту и еще собрал всех иногородних оп-

понентов – д.и.н., профессора Михаила Александровича Демина и д.и.н., профессора Анатолия Ивановича Мартынова. Для меня это, конечно, была очень показательная забота учителя об ученике.

После защиты докторской диссертации Юрий Федорович еще не раз оказывал мне поддержку в научной и образовательной деятельности. Можно много приводить примеров о его научно-образовательных достижениях, человеческих качествах. Но одна из самых главных его заслуг – ему удалось сформировать научную школу, в которой ученики на протяжении уже нескольких десятилетий продолжают дело учителей, а в чем-то может даже идут дальше своих наставников, но при этом всегда чувствуются поддержка и понимание. И очень приятно видеть, что основы алтайской археологической школы, заложенные Юрием Федоровичем, сейчас активно продолжают его многочисленные ученики: д.и.н., профессор А.А. Тишкин, д.и.н., доцент В.В. Горбунов, д.и.н., доцент С.П. Грушин, к.и.н., доцент А.Л. Кунгуров, к.и.н., доцент Т.В. Тишкина, к.и.н. В.П. Семибратов, к.и.н. К.Ю. Кирюшин, к.и.н. Д.В. Папин и многие другие, к числу которых я отношу и себя.

Остается пожелать Юрию Федоровичу в день его юбилея здоровья, бодрости духа, жизненной легкости и добра!

Библиографический список

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

Дашковский П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КАТУНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: НАЧАЛО

Строительство каскада гидроэлектростанций на Катунь запланировано еще в 60-х гг. XX в. Уже в «Атласе Алтайского края» присутствует подробнейшая карта с размещением плотин [Атлас Алтайского края, 1978]. Поскольку головной организацией по археологическому обследованию зон строительства в Алтайском крае стал Алтайский государственный университет, основная доля работ должна быть выполнена им. Остальные участники работ имели статус субподрядчиков.

Для археологов Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтай АГУ исследования на Катунь стали серьезным испытанием, которое они выдержали с честью. К началу исследований в 1983 г. Юрий Федорович Кирюшин «прогнал» большую часть своих сотрудников через основные этапы подготовки. Все они много лет имели Открытые листы (первые «студенческие») Открытые листы получили в 1978 г. В.Б. Бородаев и А.Б. Шамшин) и накопили достаточный опыт археологических разведок и аварийных исследований самых разных объектов. Мало того, все молодые исследователи Алтайского госуниверситета имели опыт работы в Горном Алтае, научились общаться с местными жителями и администрацией поселков и сел.

Первой планировалась разведка к сооружению Еландинская ГЭС с зоной затопления от плотины у с. Еланды до устья Урсула. До этого археологические обследования в долине Катуня почти не проводились, только осуществлялся осмотр отдельных участков около сел и в тех местах, где были автомобильные дороги. Совершенно необследованными оставались левобережье и участки правого берега выше с. Куюс, где заканчивалась дорога. Это мы сейчас представляем себе сколько курганов, поселений и стоянок расположено по берегам Катуня, а тогда задача их поиска и обследования казалась проще, но только до 1983 г. – года осуществления первой разведки участка левого берега от Каянчи до Еланды. Эти работы проводил М.Т. Абдулганеев (1958–2009 гг.), и итоги разведки потрясли всех. Десятки поселений и стоянок, многочисленные некрополи, насчитывающие сотни объектов – курганных насыпей, оградок разных форм и размеров, каменных изваяний и балбалов.

Мне удалось принять участие в разведке 1984 г. от с. Куюс до Каянчи и Каянчи Второй, которую мы провели вдвоем с Михаилом Тимофеевичем. В те времена путешествие по Горному Алтаю, особенно в такие удаленные от Чуйского тракта места, сами по себе были приключением. Транспорт АГУ для проведения разведок не предоставлялся, и мы добирались до начала маршрута на автобусах два дня. Первый день – от Барнаула через Бийск до Горно-Алтайска. Второй – от Горно-Алтайска до Чемала. Автобус в Чемал ходил рано утром и вечером и только из Горно-Алтайска. Дальше вверх по долине Катуня путь был непредсказуем. Мы, например, до Куюса ехали с попутным КамАЗом, который вез бульдозеры. Автомобильная дорога заканчивалась за Куюсом. Далее наш путь пролегал по древней караванной тропе, подчас выбитой в камне на глубину до метра.

Археологические памятники мы фиксировали в каждой долине. Катунь своими изгибами образовала чередование долин и бомов – скальных обрывов. Поэтому тропа то шла по крутым бокам и уступам скал вверх, то выходила на простор речных террас. Часто встречались небольшие речки и ручьи со звучными названиями, как будто специально подготовленными для наименования археологических памятников: Бойтыгем, Тогусхан, Кемечикпан. Стоит ли говорить, что памятников в этих урочищах фиксировалось очень много: каменные изваяния, пазырыкские и тюркские курганы, комплексы поминальников, афанасьевские оградки из вертикально поставленных плит, поселения и стоянки. Встречались и наскальные изображения, уже известные благодаря работам Е.А. Окладниковой, прошедшей до нас этой тропой. К сожалению, кроме рисунков ее экспедиция больше толком ничего не фиксировала [Окладникова, 1984]. Несмотря на то, что разведка проходила в середине мая, мы даже палатку с собой не брали. Ночевали в аилах с пастухами или в пустых пастушеских домиках, имеющих почти в каждой долине.

Когда мы дошли до сел Каянча Вторая и Каянча, располагающихся соответственно на правом и левом берегах Катуня, то смогли перейти на левобережье по подвесному мосту. От Каянчи уходил вверх перевал на Онгудай – единственная дорога домой, если, конечно, не возвращаться обратно по уже пройденному пути. На преодоление перевала ушел полный день, а я к тому же подобрал в Каянче Второй древний ствол кремневого ружья восьмигранного сечения с серебряными оковками, который весил чуть меньше, чем лом. Сейчас этот ствол хранится в Музее археологии и этнографии АГУ. На подходе к вершине перевала рос кедровник, и в изобилии валялись прошлогодние шишки, которыми мы забили все свободное место в рюкзаках. Однако археология и здесь от нас не отстала: при сборе шишек мне попало два каменных орудия – средних размеров скребла из крупных сколов.

Подобных разведок было много. После сведения всех зафиксированных памятников в итоговый отчет заказчику – дирекции строящегося каскада Катунских ГЭС – наступил период исследования памятников, которые попадали в резервы грунтов, обновляемые и вновь сооружаемые дороги, участки, отведенные под строительство и зоны затопления. У каждой организации, принимавшей участие в процессе исследования памятников Катунни, был свой фронт работ. Мы начинали эти исследования с Тыткескенья в том же 1984 г.

В 2008 г. на пещере Чагырская С.В. Маркин вспоминал, как они с А.П. Деревянко в июле 1984 г. подвозили мою бригаду из пяти человек (я, две девушки и два школьника) от Денисовой пещеры до Еланды, когда мы начинали там работы. После того как мы ушли по подвесному мосту на другую сторону Катунни, Анатолий Пантелеевич грустно посмотрел вслед и сказал:

– Пропадут ведь! Пошли неведомо куда...

Нашей целью было поселение Тыткескень-2, занимавшее участок террасы правого берега Тыткескенья при впадении его в Катунь. Никто тогда и представить себе не мог, что на этом поселении имеется целых восемь культурных слоев и что номерами 1 и 2 наименования объектов в долине этой речки не завершатся. Одних «Тыткескеньей» за годы работ было открыто восемь, а еще четыре Нижнетыткескеньских поселения, Сары-Бел, пять пещер с культурными слоями, несколько каменоломен по добычанию кремня, в том числе уникальная штольня со столбом-опорой. А тогда – летним июльским вечером – выйдя на поляну, усыпанную клубникой, и глядя на ревущий и гудящий Катунский порог «Черные ворота», мы и представить себе не могли размах будущих работ, но это уже совсем другая история.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул, 1978.
Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катунни. Новосибирск, 1984.

М.П. Рыкун

Томский государственный университет, Томск, Россия

«ЖИЗНЬ – ТРАМПЛИН!»

«Homo sapiens» – «человек разумный», т.е. умный.

С этого, видимо, все и началось.

«Sapiens» точнее переводится – «мудрый».

А не лучше ли «homo humanus»?

То есть «человек человеческий»,

(также – человеколюбивый, дружелюбный,

снихождительный, разумный в том числе).

Дрёмов В.А., сентябрь – ноябрь, 1989 г.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА Юрия Федоровича Кирюшина тесно связана с Томским государственным университетом (ТГУ) – центром междисциплинарных исследований истории, археологии, этнографии и антропологии Сибири. Со студенческих лет Юрий Федорович был не просто студентом, а исследователем, без чего фундаментальное освоение своего предназначения, тем более своей науки – археологии, невозможно.

В архиве кабинета антропологии ТГУ есть сведения о том, что, будучи студентом, Юрий Федорович работал на полставки лаборантом кабинета (приказ №493 от 7 октября 1968 г. §9. Зачислить временно на ½ ставки лаборанта кабинета антропологии Кирюшина Ю.Ф. с 23/IX по 23/XII 1968 г. с окладом 35 руб. в месяц; приказ №621 от 30 декабря 1968 г. §10. Лаборанту кабинета антропологии Кирюшину Ю.Ф. продлить срок работы с 23.XII по 23.II. 1969 г. с окладом 35 руб. в месяц (на ½ ставки); приказ №96 от 6 марта 1969 г. §12. Лаборанта кафедры истории СССР Кирюшина зачислить в постоянный штат на ½ ставки с окладом 35 руб. в месяц).

Это было время первых полевых работ, освоение профессиональных навыков. Студенты тех лет были молоды, полны сил, энергии и воспринимали свою науку весьма поэтично.

* * *

Иль чума меня подцепит?
Иль мороз окостенит?
Непроворный инвалид? ...

С. Есенин

Что мешает нам работать?
Непогода? Комары?
Или тонем мы в болотах?
Иль сдыхаем от жары?

Над нами бродит призрак смерти,
И вьется тучей мошкара...
Как нам уйти от будней серых?
И как дожить нам до утра?

В могиле камни, камни, камни,
Может скоро «задуннит»?
Интересно очень знать нам:
Кто зарыт? И как зарыт?

* * *

Когда-нибудь из тьмы веков
Ко мне вззовет Плутон лукавый,
И, камнем падая на скалы,
Я буду счастлив: нет оков.

Законов, долга и приличий,
Пустых неповторимых глаз,
Желания увидеть вас,
Пусть даже раз, пусть даже лишний.

Всю жизнь искал я только вас,
Сибирь изъездил, ждал чего-то,
Терпел жару, тонул в болотах,
Весь мир упорством я потряс!

И находил. А годы жизни
Текли неспешною струей,
Уйду я скоро на покой,
И смерть-злодейка ближе, ближе...

Пройдут года. И, может, кто-то
В могиле тесной гроб найдет,
И в руки череп мой возьмет,
И скажет: «Наконец-то сотый!»

Валерий Зыков, студент ИФ ТГУ, осень 1973 г.

После окончания историко-филологического факультета ТГУ в 1969 г. устройство на работу в родной университет было определяющим событием. Так оно и случилось. В 1969 г. Юрий Федорович уже становится заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири, младшим научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (1970–1977) [Беликова, Мец, 2001, с. 70–71].

В то время кабинетом антропологии и сектором антропологии уже в составе Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (лаборатория открыта в декабре 1968 г.) руководил Владимир Анатольевич Дрёмов (22 декабря 1940 – 22 марта 1996 г., Томск). Еще 19-летним юношей в своем дневнике он изложил творческое развитие молодых и талантливых ученых в таком образе:

«Жизнь – трамплин. Ты ведь видел, как катится лыжник с трамплина? Сначала он стоит вверху, ожидает. Но вот прозвучала команда – он присел, сделался маленьким: демонстрация началась. Он вверху маленький, как маленький человек в детстве, он катится вниз по горе и впереди видит только дорогу, стремительно ведущую вниз. Это его детство. Человек растет – лыжник выпрямляется. И вот наступает минута, когда решается все: лыжник выпрямляется во весь рост, даже еще тянется вперед, когда он вдруг отрывается от края трамплина. Он видел перед собой обрыв: это жизнь с высоты юности. Как он будет жить, как он справится со своей задачей – все решается в миг прыжка. Начинаются трудности, потом опасности жизни. Человек-лыжник должен все время поддерживать равновесие, чтобы не ошибиться. И еще он стремится как можно дальше пролететь на том уровне, на каком он оторвался от трамплина. Чем дальше он сохраняет «прежний уровень» – тем дальше он отдалается от горы спуска.

И вот – приземление. Это очень трудно – с честью приземлиться. И какие разные чувства наполняет лыжников во время приземления! Один горд тем, что совершил замечательный прыжок, эта гордость наполняет его, дает ему уверенность с честью закончить спуск, другой приземляется так же благополучно, но прыжок ему явно не удался, и он обыкновенно спускается дальше, как все – утешается он. А третий вообще не мог приземлиться, упал – не удалось ему закончить жизнь даже обыкновенно.

А потом люди-судьи подсчитывают очки» [Дрёмов, 2000, с. 195].

Однако уже первые поступления палеоантропологических материалов из раскопок Ю.Ф. Кирюшина датируются 1970 г. (см. табл.)*. Но в перспективном плане научно-исследовательской работы Проблемной лаборатории истории, археологии

* Описания места проведения экспедиции и датировка памятников даны по Инвентарным книгам кабинета антропологии ТГУ на момент поступления материалов.

и этнографии Сибири и кафедры истории СССР досоветского периода ТГУ по археологии, этнографии и антропологии на 1971–1975 гг. уже значатся конкретные темы, закрепленные за Ю.Ф. Кирюшиным. К ним относятся: «Изучение каменного века и эпохи бронзы Приобья», «Изучение эпохи железа Приобья», «Разработка вопросов древней истории Васюгана». Это публикации, а именно в планах значатся три статьи по исследованиям древнего металла Приобья в связи с историческими проблемами и разработка вопросов древней истории Васюгана в совместных работах с В.И. Матющенко, В.А. Посредниковым, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетнёвой.

Палеоантропологические материалы кабинета антропологии ТГУ
из раскопок под руководством Ю.Ф. Кирюшина (1970–1983 гг.)

№ п/п	Место и год раскопок	Датировка памятника	Инвентарные номера КА ТГУ
1.	Старое кладбище на могильном яру выше д. Катальга, прав. бер. р. Васюган, Кргасогский р-н, Томская обл. Раскопки 1970 г.	Поздние серии, ханты	КА ТГУ №1001, 1004, 1005. [Кран. колл. КА ТГУ, 1979, с. 78]
2.	Могильник у бывш. пос. Степановка близ пос. Ср. Васюган, лев. бер. р. Васюган. Раскопки 1971 г.	Эпоха раннего металла	КА ТГУ №1738 [Кран. колл. КА ТГУ, 1979, с. 17]
3.	Могильник Малый Гоньбинский кордон-1 у д. Гоньба, Повалихинский с/с, пр. бер. р. Оби, Первомайский район Алтайский край. Раскопки 1977 г.	V–I вв. до н.э. Три могилы	КА ТГУ №2116
4.	Могильник Белый Бом. Раскопки 1978 г.	Курган 5, погребение 1, черепа А и Б	КА ТГУ №3326; 3327
5.	Могильник в урочище Обские Плесы, Обские Плесы-II, прав. бер. р. Оби у с. Бобровка, Первомайский район, Алтайский край. Раскопки 1978 г.	V – нач. IV в. до н.э. Две могилы	КА ТГУ №2119
6.	Елунинский курганный могильник (ЕКМ-I) у д. Елунино, Павловский район, Алтайский край. Раскопки 1978 г.	VI–III вв. до н.э. Курган 1, могила 3; Курган 2, могила 3	КА ТГУ №2120, 2121
7.	Елунинский курганный могильник (ЕКМ-I) у д. Елунино, Павловский район, Алтайский край. Раскопки 1979, 1980 гг. Случайная находка на дневной поверхности	V–III вв. до н.э. Курганы 2, 3, 4, 5, 6, 7. 25 могил Курганы 2, 14. 7 могил	КА ТГУ №2263–2282; 3329 КА ТГУ №3294, 3295, 3296 КА ТГУ №3330
8.	Елунинский грунтовый могильник-I (ЕГМ, раскоп 1) в центре с. Елунино, Павловский район, Алтайский край. Раскопки 1979 г.	Предандроновское время, две могилы (1, 3)	КА ТГУ №2283, 2284
9.	Елунинский грунтовый могильник-II (ЕГМ, раскоп 2) в центре с. Елунино, Павловский район, Алтайский край. Раскопки 1979, 1980 гг.	Андроновская культура Три могилы (1, 7, 8). 9 могил (10, 11, 14, 15, 16, 18, 20, 23, 24)	КА ТГУ №2285, 2286 КА ТГУ №3297–3302
10.	Погребение на поселении Костенкова избушка (могильник КИ) на оз. Иткуль, Бийский район, Алтайский край. Раскопки 1979, 1981 гг.	Поздний неолит. Три могилы (1, 2, 3). Могила 5	КА ТГУ №2287, 2288, 2289. КА ТГУ №3324
11.	Могильник Староалейка-I, Топчихинский район, Алтайский край. Раскопки 1980 г.	Поздний неолит – энеолит. 14 черепов	КА ТГУ №34271–3274

№ п/п	Место и год раскопок	Датировка памятника	Инвентарные номера КА ТГУ
12.	Могильник Староалейка-II, Топчихинский район, Алтайский край. Раскопки 1981 г.	Ранний металл, раннее железо (V–III вв. до н.э.). 24 могилы	КА ТГУ №3275–3293
13.	Ближние Елбаны-7. Раскопки 1981 г.	Сросткинская культура. Могила 1	КА ТГУ №3310
14.	Ближние Елбаны-16. Раскопки 1981 г.	Андроновская культура	КА ТГУ №3312
15.	Курганный могильник Телеутский Взвоз, Павловский район, Алтайский край. Раскопки 1980 г.	Конец I – начало II тыс. н.э. Курганы 1, 2	КА ТГУ №3317, 3318
16.	Павловка-6, Угловский район, Алтайский край. Раскопки 1982 г.	Андрон поздний. Могила 1	КА ТГУ №3319
17.	Павловка-4, Угловский район, Алтайский край. Раскопки 1982 г.	Андрон поздний. Могила 1	КА ТГУ №3320
18.	Озерки Восточные на оз. Иткуль к С–З от г. Бийска. Раскопки 1981 г.	Елунинская культура. Могила 2	КА ТГУ №3321
19.	Бобровка. Раскопки 1981	Погребение 26	КА ТГУ №3328
20.	Быковский грунтовый могильник (БГМ) у д. Быково, Тюменцевский район, Алтайский край. Раскопки 1983 г.	Андроновская культура. Шесть могил (2, 3, 9, 10, 11, 13)	КА ТГУ №4388, 4389
21.	Быковский курганный могильник-I (БКМ-I) у д. Быково, Тюменцевский район, Алтайский край. Раскопки 1983 г.	Раннее железо (III–I вв. до н.э.). Курган 6, могилы 1, 2, 3, 5, 6	КА ТГУ №4390, 4391
22.	Поселение Быково-III. Раскопки 1983 г.	Большереченская культура (V–III вв. до н.э.)	КА ТГУ №4392
23.	Могильник Усть-Ляпиха у с. Гоньба в окрестностях г. Барнаула. Раскопки 1983 г.	Позднее средневековье (XV–XIX вв.)	КА ТГУ №4393, 4394
24.	Киприно-II (Кип-II), Шелаболихинский район, Алтайский край	Андроновская культура Могила 2	КА ТГУ №4395

Защита Ю.Ф. Кирюшиным в 1977 г. кандидатской диссертации по теме «Бронзовый век Васюганья» стала логическим завершением «отрыва от трамплина» на достойном уровне!!!

Дальнейшая научная деятельность Юрия Федоровича в Алтайском государственном университете – это поддержание высокого уровня в саморазвитии, в воспитании достойных учеников, в развитии археологического познания «homo humanus», а именно «человека человеческого», и достойное приземление с гордостью и уверенностью, что спуск прошел с честью!

Новых проектов, талантливых учеников и всех благ!

Библиографический список

Беликова О.Б., Мец Ф.И. Кирюшин Юрий Федорович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001.

Дрёмов В.А. Неоконченная книга (выдержки из личного дневника). Подготовлено к печати С.В. Дрёмовым // Багашёв А.Н. В.А. Дрёмов и сибирская антропология / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2000 (Труды Томского областного краеведческого музея; т. X).

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета / сост. В.А. Дрёмов, А.Р. Ким. Томск, 1979.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.З. Бейсенов, Д.Б. Дуйсенбай, И.К. Ахияров

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ БЕТПАКДАЛЕ

Работа выполнена в рамках следующих проектов: 2988/ГФ4 Комитета науки Министерства образования и науки РК «Культура населения Бетпакдалы в эпоху палеометалла»; «Проведение реставрационных работ мавзолеев и захоронений эпохи бронзы и раннего железного века Атасуского микрорайона, Жанаркинский район» Управления культуры Карагандинской области»

Вопрос изученности обширной историко-географической области Бетпакдалы в археологическом отношении не однозначен, что связано с пониманием ее внутренних районов или зон. Наиболее обжитой в древнее время и относительно исследованной разными отраслями науки, поэтому более или менее «открытой» для археологов (в археологическом отношении) территорией Бетпакдалы является ее северная часть. В административном отношении территория Северной Бетпакдалы расположена в Карагандинской, Южно-Казахстанской и Жамбылской областях.

В археологии Казахстана существует термин «Северная Бетпакдала» («памятники Северной Бетпакдалы»), который главным образом применяется по отношению к комплексу памятников бассейна реки Атасу [Кадырбаев, Курманкулов, 1992], являющейся левым притоком реки Сарысу. Именно там были открыты яркие памятники палеометаллической эпохи. Следует заметить, что довольно условный термин «Северная Бетпакдала», по-видимому, появился в обиходе археологов и представителей иных областей науки в период работы на Атасу замечательного исследователя широких просторов Центрального Казахстана Мира Касымовича Кадырбаева. В принципе, Атасуский бассейн – это типичный район Казахского мелкосопочника. Собственно Бетпакадала начинается южнее этих земель.

Широкие поймы р. Атасу, покрытые хорошим травостоем, наличие укрытых долин в системе горных возвышенностей, своеобразный климат создавали с древнейших времен благоприятные условия для жизни людей на этой территории, расположенной на стыке пустыни и степи. Наличие воды, леса, растительности, разнообразного животного мира, полезных ископаемых позволяло вести уже в древние времена комплексное хозяйство, о чем свидетельствует множество памятников.

Первооткрывателем археологии района Атасу, или северной кромки Бетпакдалы, заслуженно считается Алькей (Аликей) Хаканович Маргулан, который посетил эти места во 2-й половине 1940-х гг. в ходе реализации раннего этапа Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ). В 1955 г. впервые было открыто и исследовано знаменитое поселение Атасу [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966]. С 1958 г. изучением памятников раннего железного века на территории Северной Бетпакдалы стал заниматься М.К. Кадырбаев. В 1975 г. М.К. Кадырбаев на-

чал новые стационарные исследования на поселении Атасу и ряде других памятников. Кадырбаевский период – это яркие страницы в истории археологического изучения рассматриваемого региона. Ряд моментов из этой истории в той или иной мере были показаны в публикациях [Бейсенов, 2015а, с. 40–47; 2015б, с. 111–122; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014], что избавляет нас от необходимости повторного рассказа.

Отметим, что ядро Атасуского микрорайона (кадырбаевский термин) составляет довольно яркая и значимая группа объектов бронзовой эпохи. Это четыре поселения – Атасу-I, Атасу-II (Акмустафа), Мыржик, Акмая, а также серия некрополей – Сангыру-I–III, Атасу-I–III, Акмустафа, Мыржик-I–IV.

С начала 1990-х гг. планомерные стационарные изыскания археологов в Северной Бетпакдале остановились, за исключением кратковременных работ и посещений.

В настоящее время, спустя четверть века, исследования на Атасу возобновлены. Начатые работы предполагается проводить с учетом ряда задач, в числе которых находятся расширенный поиск памятников в условиях современных требований и возможностей, проведение новых раскопок и иных изысканий, доисследование и реставрация ранее изученных объектов и др. В составе Атасуского отряда работали сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана – А.З. Бейсенов, К.А. Жамбулатов, Д.Б. Дуйсенбай, И.К. Ахияров, а также ряд специалистов из разных учреждений.

Первоочередной задачей стала новая фиксация путем расширенной разведки памятников бассейна реки Атасу и прилегающих территорий.

В ходе выполнения этой задачи вновь обследованы ранее известные комплексы, а также открыты многочисленные новые объекты. По состоянию на осень 2015 г. всего было осмотрено свыше 90 пунктов, в числе которых могильники, поселения, одиночные погребальные сооружения, культовые объекты разных исторических эпох. Эти данные составили основу «Карты памятников Атасу», которую планируется дополнить в течение предстоящих двух-трех лет.

Раскопкам подвергнут ряд памятников эпохи бронзы и раннего железного века. Это ограды и курганы, в том числе два комплекса курганов с «усами».

Получены радиоуглеродные даты из ряда памятников, в том числе по образцам из трех раскопанных в 2014 г. погребальных сооружений могильников Сангыру-I и Сангыру-III, что уже удалось опубликовать [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169, табл. 7]. Речь идет о мавзолее №7 и ограде №11 могильника Сангыру-I, а также ограде №2 могильника Сангыру-III. Эти памятники относятся к бегазы-дандыбаевской культуре Центрального Казахстана. Помимо решения задач по Атасу, эти даты будут касаться более широкой проблематики, в частности проблемы определения времени существования бегазы-дандыбаевской культуры. Дело в том, что полученные три даты позволяют отнести три указанных памятника из Сангыру-I и Сангыру-III к периоду не ранее XV в. до н.э. и не позднее середины XIII в. до н.э. Более ранним, по-видимому, является мавзоль №7 из Сангыру-I. Его верхняя радиоуглеродная дата не выходит за пределы XV в. до н.э. В целом дата трех бегазынских сооружений представляется в рамках XV–XIV вв. до н.э. [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 170–171].

В 2015 г. проведены раскопки ограды №19 могильника Сангыру-II, ограды №4 могильника Сангыру-III, а также кургана №3 могильника Мыржик-VI.

Первые два объекта относятся к андроновской эпохе, курган №3 из могильника Мыржик-VI показал принадлежность к тасмолинской культуре раннего железного

века. Там вскрыто воинское погребение, сопровождавшееся бронзовыми деталями наборного пояса, бронзовым кинжалом, железным ножом. Погребенный ориентирован головой на ССЗ, в целом материалы кургана будто бы указывают на Шидерты, туда, где была открыта в свое время Тасмола (материал готовится к печати).

Одна из весьма нелегких, но важных перспективных задач по части поисковых работ – выявление и обследование памятников на остальной части Бетпакдалы. Огромная территория Бетпакдалы археологически по-настоящему еще не пройдена. Пионером в этом направлении был А.Х. Маргулан, посвятивший данной теме специальные статьи: «Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала», «Историко-топографический фон восточной Бекпак-Далы» и др. [Маргулан, 1949, с. 18–78; 1950, с. 61–70].

Эти поиски будут касаться территории настоящей пустынной Бетпакдалы.

Работы на могильнике Сангыру-1: 1 – мавзолей №7 после реставрации; 2 – мавзолей №8 после реставрации; 3 – бронзовый кельт, мавзолей №8; 4 – бронзовый топор, мавзолей №1

Объемная работа проведена по части реставрации ранее исследованных объектов. В 2014 и 2015 гг. реставрационным работам подверглись более 10 погребальных сооружений бегазинского могильника Сангыру-1. В том числе один объект, мавзолей №7, реставрирован в 2014 г. (рис.-1). Работы на всех остальных объектах проводились в 2015 г. В районе разваленных стен мавзолея №1 (раскопан ЦКАЭ в 1955 г.) за пределами основной линии кладки найден бронзовый вислообушной топор хорошей сохранности (рис.-4).

Интересный факт поджидал в мавзолее №8. Для реставрационных целей там полностью были разобраны остатки кладки стен сооружения. Среди плит самого нижнего слоя найден бронзовый кельт (рис.-3) – находка, как и предыдущий топор, тоже весомая и редкая. В ходе исследований ЦКАЭ тогдашние ее участники не разбирали сохранившиеся нижние слои каменных стен, и именно с этим обстоятельством связаны обе находки. Топор найден за пределами стены. Возможно, он был оставлен возле нее. Кельт явно положен древними людьми специально вовнутрь кладки, в чем сомневаться не приходится.

В целом, изучение памятников Северной Бетпакдалы, в особенности района реки Атасу, представляет собой перспективную задачу в области археологии эпохи палеометалла.

Библиографический список

- Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 2015а.
- Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. История. 2015б. №3 (35).
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакдалы). Алма-Ата, 1992.
- Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Вестник АН КазССР. 1949. №1.
- Маргулан А.Х. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы // Вестник АН КазССР. 1950. №6.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Официально историю изучения ирменской культурно-исторической общности (в традиционном понимании культуры. – С.К.) принято начинать с середины 1950-х гг., когда Н.Л. Членова поставила вопрос о выделении ирменской археологической культуры позднего бронзового века на территориях Западной и Средней Сибири [Членова, 1955, с. 38–57]. Однако процессы накопления источников, которые были в 1955 г. объявлены

Н.Л. Членовой «ирменскими», их хронологическая и культурно-историческая интерпретация восходят к концу XIX – 1-й половине XX в. и связаны с именами таких исследователей, как В.В. Радлов, С.К. Кузнецов, А.В. Адрианов, Н.С. Гуляев, В.П. Михайлов, М.П. Грязнов, С.А. Теплоухов, С.М. Сергеев, К.Э. Гриневич, Г.В. Трухин, А.П. Дульзон, М.П. Комарова, С.В. Киселев и др. Наиболее подробно история изучения памятников поздней бронзы Западной Сибири освещена в работах Ю.Ф. Кирюшина, А.Б. Шамшина, А.В. Матвеева и В.И. Матющенко [Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 194–200; Матвеев, 1993, с. 7–9; Матющенко, 1992, 1994].

Первые находки артефактов поздней бронзы, относимые сегодня к ирменской культурно-исторической общности, сделаны во 2-й половине XIX – начале XX в. Так, ирменская керамика стала известна из раскопок и сборов В.В. Радлова у д. Осинцевой на р. Оми [Грязнов, 1956а, с. 37]. Во 2-й половине XIX в. начинаются исследования археологических памятников и на территории Томско-Нарымского Приобья, что во многом связано с открытием в 1880-м г. Томского императорского университета, ставшего крупным научным центром Сибири. Значительную роль в этом процессе сыграл В.М. Флоринский, создавший в 1882 г. Археологический музей при Томском университете, объединивший деятельность таких ученых, как А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, И.П. Кузнецов, Г.Н. Потанин [Матющенко, 1992, с. 37]. Благодаря усилиям В.М. Флоринского был организован сбор археологических материалов, по итогам которых опубликована первая сводка древностей Томской земли [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 9–10]. В эту сводку вошли первые сборы с городища Шеломок (ныне поселение Шеломок-IV), а также в урочище Басандайка [Флоринский, 1889]. С 1887 г. систематические раскопки археологических памятников Притомья начинают А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, С.М. Чугунов и др. Изучавшиеся ими томские древности были отнесены к каменному, бронзовому и железному векам [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 10]. Среди объектов различных эпох три памятника (Томское мусульманское кладбище, поселения Каштак и Лагерное) открыты на территории Томска в конце XIX в. С.К. Кузнецовым. С.К. Кузнецов и А.В. Адрианов предприняли на территории Лагерного поселения и первые раскопки [Кузнецов, 1890, с. 144–145]. Тогда же С.К. Кузнецовым проведены раскопки на Басандайке. С конца XIX в. известен и расположенный неподалеку от Томска Коларовский грунтовый могильник, содержащий культурный поселенческий слой и погребения поздней бронзы. Впоследствии информация об этих исследованиях была опубликована [Чернышев, 1940, с. 3; Гриневич, 1947б, с. 18–19; Дульзон, 1954, с. 237; 1956, с. 110; Матющенко, 1974, с. 8–9; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 117, 126–127, 136–138, 144].

На территории Барнаульского Приобья изучение памятников позднего бронзового века началось с исследований археологического комплекса у с. Большая Речка (ныне с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края). Так, Н.С. Гуляевым в 1896 или 1897 г. впервые там собраны подъемные материалы. К изучению этого важного памятника исследователь обращался и в последующие годы. Наиболее значимые раскопки были предприняты Н.С. Гуляевым в 1912 г., что отражено в машинописном тексте «Отчет об археологических раскопках в окрестностях деревни Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда, произведенных летом 1912 г.», записях полевого дневника Н.С. Гуляева и ряде других документов. Обследования археологических объектов близ с. Большая Речка были продолжены в 1915 г. студентом Томского университета В.П. Ми-

хайловым, получившим информацию об этих исследованиях от Н.С. Гуляева. В итоге было раскопано несколько погребений поздней бронзы [Михайлов, 1917, с. 4–8; Грязнов, 1956б, с. 10–12, 28; Демин, 1978, с. 130; Тишкина, 2006, с. 124–133; 2009, с. 14–16]. Тогда же М.Д. Копытовым открыты и первые поселения поздней бронзы (Енисейское, Малоугренево-I, Фоминское) на территории Бийского Приобья [Лапшин, 1982, с. 3–4]. В лесостепном Прииртышье в 1918 г. С.А. Ковлером обнаружена и обследована Омская стоянка [Жук, 2013, с. 5].

После окончания Гражданской войны наступил новый этап изучения периода поздней бронзы. Он был связан с деятельностью столичных и местных музейных учреждений. По данным В.И. Матющенко, организация, финансирование и издательская деятельность направлялись в этот период усилиями Русского (позднее – Всесоюзного) географического общества (РГО), музеями и Российской (позднее – Государственной) Академией истории материальной культуры – РАИМК (ГАИМК). Только в пределах Западной Сибири на протяжении данного периода действовало 22 музея [Матющенко, 1992, с. 89]. Многие из них проводили обследования памятников археологии и вели активную издательскую деятельность.

На территории Томско-Нарымского Приобья в 1920–1930-е гг. серьезную археологическую работу проводил созданный в это время Томский краеведческий музей. Сотрудниками этого музея производились сборы, частичные раскопки и обследования уже открытых памятников. Среди различных объектов обследованы и памятники, сохранившие материалы ирменского времени. Так, сотрудник музея И.М. Мягков в 1928 г. проводил разведочные работы на поселении Шеломок-IV [Чиндина и др., 1990, с. 11, 144]. В 1-й половине 1920-х гг. обследования памятников на территории нижнего Притомья осуществляли М.П. Грязнов, А.К. Иванов, В.Ф. Смолин, Д.П. Славнин и другие исследователи. В 1924 г. М.П. Грязновым и Д.П. Славниным обследован могильник Томское мусульманское кладбище. Они же произвели сборы подъемного материала на Лагерном поселении. Затем на протяжении 1924–1928 гг. Лагерное поселение осматривалось Д.П. Славниным. Тогда же М.П. Грязновым и А.К. Ивановым открыто поселение Самусь-III, содержащее среди прочих и ирменские материалы. В 1930-е гг. исследования на территориях Приобья и Притомья проводил Н.А. Чернышев. В частности, в ходе разведок в 1938 г. он осмотрел поселение Шеломок-IV [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 97–98, 121, 127, 144].

На территории лесостепного Прииртышья в изучаемый период были также открыты первые ирменские поселения. Так, в 1929 г. В.П. Левашевой разведано городище Ачаир-V [Полеводов, 2003]. В 1935 г. известным сибирским геологом, историком, литератором П.Л. Дравертом обнаружено поселение близ д. Исаковка [Труфанов, 1990, с. 10]. Материалы этого памятника, а также открытой ранее Омской стоянки впоследствии использованы Н.Л. Членовой при выделении ирменской культуры [Членова, 1955, с. 50–51].

В 1924–1929 гг. в составе Алтайской экспедиции, организованной Этнографическим отделом Государственного Русского музея (ЭО ГРМ), возглавляемой С.И. Руденко, археологические исследования на территории Алтайского Приобья осуществлял М.П. Грязнов. Он обследовал долину р. Бии, а также долину р. Оби между Бийском и Барнаулом [Руденко, 1926, с. 61–78]. В ходе проведенных им археологических разведок в 1925 г. обследован район правобережья р. Оби в районе населенных пунктов

у с. Шипуново, Клепиково и Камышенка [Фролов, 1995, с. 110; Тишкина, 2009, с. 18]. Было раскопано несколько могил периода поздней бронзы на Ближних Елбанах близ с. Большая Речка и обследованы поселения Дальние Елбаны [Грязнов, 1956б, с. 26–30]. По итогам полевых работ и в соответствии с периодизацией С.А. Теплоухова, разработанной для Южной Сибири [Теплоухов, 1927, с. 106–107; 1929, с. 44], М.П. Грязнов отнес исследованные памятники к карасукскому историко-культурному периоду бронзового века, оговорив при этом имеющиеся сходство и различия между памятниками Минусы и Алтая [Грязнов, 1930, с. 5–7].

В конце 1920-х и в 1930-е гг. археологические исследования памятников поздней бронзы Алтая проводили сотрудники Бийского краеведческого музея (БКМ) М.Д. Копытов, С.М. Сергеев, а позднее А.П. Марков. По информации А.Л. Кунгурова, посвятившего деятельности М.Д. Копытова специальную статью [Кунгуров, 1995, с. 270–282], собранные этим исследователем коллекции составили основу Бийского Советского народного музея, в котором он трудился до 1931 г.

С 1927 г. С.М. Сергеев, возглавивший Бийский краеведческий музей, начал активно заниматься исследованием археологических памятников Барнаульско-Бийского Приобья [Кунгуров, 1992, с. 177–184]. Благодаря его усилиям коллекции БКМ за несколько лет пополнились многими археологическими артефактами. Так, в ходе археологических разведок 1920–1930-х гг. сотрудниками БКМ открыты и обследованы поселения Малоугренево-1, Восточная стоянка, Долгая Грива (Камышенка-1), Шипуново-1 и др. [Фролов, 1995, с. 110; 1999б, с. 15; Кунгурова, 2005, с. 6]. В 1929 г. археологической экспедицией БКМ под руководством С.М. Сергеева открыт могильник Змеевка и начаты его раскопки, в ходе которых исследовано одно женское погребение карасукской эпохи [Киселев, 1949, с. 52–54, 88–92; Грязнов, 1956б, с. 16–17, 19, 30–31; Членова, 1976, с. 76–83]. В 1930 г. С.М. Сергеевым раскопаны 15 курганов могильника Камышенка, относящихся к периоду поздней бронзы [Киселев, 1951, с. 151–156, 181; Грязнов, 1956б, с. 30–31]. В 1932 и 1934 гг. С.М. Сергеев совместно с А.П. Марковым исследовали более 20 объектов эпохи поздней бронзы на могильнике Суртайка [Членова, 1973, с. 114–115]. В конце 1930-х – 1-й половине 1940-х гг. исследования памятников поздней бронзы были временно свернуты.

После Великой Отечественной войны на территориях большинства административно-территориальных образований Западной Сибири активизировались исследования археологических памятников различных исторических периодов. На территории Омского Прииртышья с 1945 г. начала работу Северо-Барабинская экспедиция ИИМК под руководством В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской. Сотрудниками экспедиции обследована Омская стоянка и проведены работы в 1949 г. на поселении Большой Лог. Материалы исследований были опубликованы [Чернецов, Мошинская, 1951, с. 78–87].

Активизации археологических исследований на территории Томско-Нарымского Приобья способствовало открытие в Томском государственном университете (ТГУ) и Томском государственном педагогическом институте (ТГПИ) гуманитарных факультетов. Это выдвигало неотложную задачу восстановления древней истории края. Было предпринято сплошное обследование Притомья, Причудымья, Кети, Тыма и Чаи [Чиндина и др., 1990, с. 12–13]. На территории Томско-Нарымского Приобья благодаря исследованиям К.Э. Гриневича, Г.В. Трухина, А.П. Дульзона, Р.А. Ураева, В.И. Матю-

щенко и других археологов обследованы открытые ранее памятники поздней бронзы. В 1944–1946 гг. К.Э. Гриневич организовал большую объединенную экспедиционную группу ТГУ и ТГПИ по исследованию комплекса памятников в урочище Басандайка, где работали такие известные ученые, как Г.И. Пелих, Е.М. Пеняев, З.Я. Бояршинова, Г.В. Трухин, А.П. Дульзон [Матющенко, 1994, с. 26–27]. Итоги работ на Басандайском городище, где были получены материалы различных исторических эпох, достаточно оперативно введены в научный оборот [Гриневич, 1945, с. 41; 1947а, с. 144–146; 1947б, с. 7–49; 1947в, с. 125–137; Трухин, 1949, с. 143–175; Дульзон, 1954, с. 233–278].

В 1946 г., а затем в 1959 г. Г.В. Трухиным [1945, с. 48; 1947, с. 185–186; 1949, с. 144–149; 1952, с. 64; 1954, с. 281–286; 1960, с. 70–71] продолжены исследования поселения Шеломок-IV. Обследования поселения Каштак в 1949 г. произвел А.П. Дульзон [1954, с. 237; 1956, с. 114], собравший на памятнике коллекцию керамики «карасукского типа». В начале 1950-х гг. работы на поселении вел В.И. Матющенко [1974, с. 11–12]. Лагерное поселение обследовалось в 1947 г. сотрудником ТГУ Н. Мартемьяновым, в 1949 и 1952 гг. – А.П. Дульзоном, в 1955 г. – Р.А. Ураевым, Н.М. Петровым и А.П. Дульзоном, в 1955–1956 гг. – В.И. Матющенко [Дульзон, 1954, с. 255; 1956, с. 89–316; Ураев, Косарев, 1963, с. 62; Матющенко, 1974, с. 9–10; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 126–127]. Поселение Самусь-III в 1953–1955 гг. обследовано В.И. Матющенко. В 1955 г. исследования на памятнике проводил и Г.В. Трухин [Дульзон, 1956, с. 89–316; Матющенко, Старцева, 1960, с. 49–51; Матющенко, 1974, с. 18; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 97–98]. Д.П. Славниным, а позднее В.И. Матющенко, А.П. Дульзоном, Н.М. Петровым и Р.А. Ураевым продолжилось и изучение могильника Томское мусульманское кладбище [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 121–122].

В ходе сплошных разведок в Томско-Нарымском Приобье во 2-й половине 1940-х – начале 1950-х гг. были открыты и новые археологические памятники поздней бронзы, содержащие ирменские материалы. На территории Нижнего Притомья в 1954 г. В.И. Матющенко [1963, с. 87–95; 1971, с. 200–201; 1973, с. 228–229; 1974, с. 7–8, 18] открыты поселения Алаево, Аникин камень, Самусь-IV, Ярское (Стрелковый бор). В Томском Приобье В.С. Синяевым [1950, с. 331–340], работавшим в составе экспедиции ТГПИ, в 1946 г. открыто поселение Остяцкая Гора, Е.М. Смокотинным в 1954 г. – Иштано-Мингерское поселение (Иштан-I). В 1955 г. Г.В. Трухин обследовал Иштано-Мингерское поселение и открыл разновременный курганный могильник Иштан [Матющенко, 1974, с. 24; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 83–84]. Важным итогом исследований этого периода стала работа А.П. Дульзона «Археологические памятники Томской области», куда вошло описание 572 археологических памятников, разведанных и исследованных к середине 1950-х гг. [Дульзон, 1956, с. 89–316].

Изучением памятников поздней бронзы Алтайского Приобья занималась в тот период Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры (тогда ЛО ИИМК), руководимая М.П. Грязновым. В составе экспедиции работали М.Н. Комарова, В.Н. Полтарацкая, В.С. Сорокин, С.С. Черников, А.А. Гаврилова, Н.С. Белова, А.П. Уманский и другие исследователи. В 1946–1949 гг. М.П. Грязнов провел изучение в Барнаульском Приобье комплекса памятников в урочище Ближние Елбаны [Грязнов, 1947, 1949]. В частности, исследован грунтовый могильник Ближние Елбаны-IV, где М.П. Грязнов раскопал пять могил. Материалы исследований были опубликованы [Грязнов, 1952а, с. 93–102; 1956а, с. 30–34].

Фактически только в 1-й половине 1950-х гг. началось изучение памятников поздней бронзы на территории Новосибирского Приобья, хотя отдельные разведки проводились и ранее [Автушкова, 2008, с. 34–35]. В 1952–1954 гг. на территории Новосибирского Приобья проводила исследования Новосибирская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова. В ее составе работали такие исследователи, как М.Н. Комарова, М.П. Завитухина, В.Н. Полторацкая, М.П. Нечаева, П.И. Засецкая, А.М. Оразбаев, А.П. Уманский, Н.Л. Членова. В ходе разведочных работ в начале 1950-х гг., проводившихся преимущественно на левобережье р. Оби в зоне затопления Новосибирской ГЭС, М.П. Грязновым, М.Н. Комаровой и другими исследователями открыт целый ряд позднебронзовых поселений между городами Новосибирском и Камнем-на-Оби (близ с. Аллак, Ирмень, Новостройка, Нижняя Каменка, Кротово, Мереть).

В числе других М.П. Грязновым были открыты такие ирменские памятники, как поселение Ирмень-1 и могильник Ордынское-1. На поселении Ирмень-1 в течение 1952–1953 гг. раскопаны три жилища (по определению М.П. Грязнова, карасукские землянки), зольник и межжилищное пространство [Грязнов, 1952б, 1953], на могильнике Ордынское-1 в 1954 г. – курган №3 [Грязнов, 1954]. Результаты исследований нашли отражение в ряде публикаций [Грязнов, 1956а, с. 30–42; 1960, с. 22–24; Грязнов, Троицкая, Уманский и др., 1973, с. 3–44; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 93, 94, 96, 104–106, 110; Троицкая, 1990, с. 148–153]. В наиболее полном виде материалы исследований М.П. Грязновым памятников поздней бронзы приведены в монографии А.В. Матвеева [1993, с. 29–43, 90–92].

Таким образом, к моменту выделения Н.Л. Членовой ирменской культуры (1955 г.) уже было открыто и частично раскопано около 39 памятников, содержащих материалы, отождествляемые ныне с данным культурным образованием. Материалы преимущественно получены специалистами, работавшими на территории Верхнего Приобья. В ходе проведенных за полувековой период разведок и раскопок памятников поздней бронзы начали складываться и определенные представления о характере изучаемой эпохи. Так, начиная с конца 1920-х гг. памятники периода поздней бронзы юга Западной Сибири рассматривались исследователями в рамках карасукской культуры. Такой исследовательский подход связан со следующими обстоятельствами. Во-первых, памятники поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины в тот период были лучше исследованы, чем памятники западносибирской лесостепи. Во-вторых, с территории Хакасско-Минусинской котловины происходило большое количество случайных находок карасукских бронз, преимущественно хранящихся в музеях Красноярска и Минусинска и известных специалистам. В-третьих, изучением западносибирских древностей поздней бронзы занимались исследователи, хорошо знакомые с материалами Хакасско-Минусинской котловины. Эти обстоятельства, а также сравнительно небольшой источниковый фонд памятников поздней бронзы юга Западной Сибири предопределили рассмотрение исследователями Хакасско-Минусинской котловины в качестве некоего культурного центра Южной Сибири в изучаемую эпоху. При этом следует отметить, что, хотя исследователи и использовали понятие «карасукская культура» в отношении западносибирских древностей, они справедливо отмечали имевшиеся отличия их от карасукских памятников Хакасско-Минусинской котловины.

Библиографический список

Автушкова А.Л. Археологические исследования на берегах Обского моря в 1950–1960 гг. у села Ордынское Новосибирской области // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008.

Гриневич К.Э. Басандайская керамика (опыт классификации) // V научно-исследовательская конференция молодых ученых в Томске. Томск, 1945.

Гриневич К.Э. Археологическое обследование урочища Басандайка близ г. Томска // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева и ТГПИ. Томск, 1947. Т. 98.

Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева и ТГПИ. Томск, 1947а. Т. 98.

Гриневич К.Э. Описание басандайской керамики // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева, ТГПИ, Томск, 1947б. Т. 98.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М. ; Л., 1947. Вып. XVIII.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. М. ; Л., 1949. Вып. XXVI.

Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. 1952а. Вып. XLVIII.

Грязнов М.П. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР за 1952 год // Архив ИА РАН. Р. I, №728. Л., 1952б.

Грязнов М.П. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС в 1953 году // Архив ИА РАН. Р. I, №920. Л., 1953.

Грязнов М.П. Отчет Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 году в зоне затопления Новосибирской ГЭС // Архив ИА РАН. Р. I, №1059. Л., 1954.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956а. №64.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М. ; Л., 1956б (МИА; №48).

Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Обской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: подсекция археологии, этнографии и антропологии. Иркутск, 1960.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севостьянова В.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. Научные труды НГПИ. Вып. 85. Новосибирск, 1973.

Демин М.А. Археологические исследования Н.С. Гуляева на Алтае // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1978. №6.

Дульзон А.П. О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1954.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. 1956. Т. V, вып. 24.

Жук А.В. Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и историческом измерении. Омск, 2013.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л., 1949 (МИА; №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1899 г. // Известия Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2.

Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992.

- Кунгуров А.Л. Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995.
- Кунгурова Н.Ю., История исследования археологических памятников Бийского района // Бийский район. История и современность. Т. 1. Барнаул, 2005.
- Лапшин Б.И. История исследования Алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.
- Матюшенко В.И. Датировка археологических памятников эпохи бронзы в низовьях р. Томи // Труды ТГУ. Серия историческая. 1963. Т. 165.
- Матюшенко В.И. Исследование поселения Самусь IV // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.
- Матюшенко В.И. Исследование поселения Самусь IV // Археологические открытия 1972 г. М., 1973.
- Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974б. Вып. 12.
- Матюшенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992.
- Матюшенко В.И. Сибирская археология в 1940–1950-е годы. Омск, 1994.
- Матюшенко В.И., Старцева Л.М. Самусьский комплекс археологических памятников // I научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Подсекция археологии, этнографии и антропологии. Сообщения. Иркутск, 1960.
- Михайлов В.П. Предварительное сообщение об археологических разведках городищ и курганов у дер. Большая Речка // Труды ТГУ. 1917. Вып. LXVI.
- Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2.
- Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Руденко С.И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Государственного Русского музея. Л., 1926.
- Синяев В.С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // Советская археология. 1950. №13.
- Теплоухов С.В. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927.
- Теплоухов С.В. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в окрестностях с. Большая Речка в 1912 г. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009.
- Троицкая Т.Н. Исследования М.П. Грязнова на берегах Новосибирского водохранилища // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.
- Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.
- Трухин Г.В. Могильники и городища в окрестностях Томска // V научно-исследовательская конференция молодых ученых в Томске. Томск, 1945.
- Трухин Г.В. Археологическая карта Томского района // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева и ТГПИ. Томск, 1947. Т. 98.
- Трухин Г.В. Археологическая разведка в урочище Шеломок близ с. Коларово Томского района // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1949.
- Трухин Г.В. Описание археологических памятников по берегам р. Томи в пределах Томской области // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1952.
- Трухин Г.В. Археологические древности Томска // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1954.

Трухин Г.В. Городище «Шеломок» // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Иркутск, 1960.

Ураев Р.А., Косарев М.Ф. Памятник карасукской эпохи // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI, вып. 2. Томск, 1963.

Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия Императорского Томского университета. 1889. Кн. 1, отд. 2.

Фролов Я.В. Обследование современного состояния археологических памятников Усть-Пристанского района Алтайского края культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Ползуновские чтения. Барнаул, 1999.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.

Чернышев Н.А. Археологические раскопки на Томи и на Чульме // Красное знамя. 1940. №155.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. №23.

Членова Н.Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. 1973. Вып. 134.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. 1976. Вып. 147.

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия

ПРЕДАНДРОНОВСКИЕ/АНДРОНОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ И «АНДРОНОВСКИЙ ДИАЛЕКТ»

Идея об индоиранской принадлежности андроновской культуры («культуры Андроново»), по всей видимости, впервые была высказана М.М. Дьяконовым [Кузьмина, 2008, с. 126]. Ираноязычными считал «андроновцев» В. Бранденштайн [1948, 1953], но такую лингвокультурную атрибуцию категорически отрицал К. Йеттмар [1956] (см. по: [Грантовский, 2007, с. 26, 61]). В 1940-е гг. была изложена гипотеза С.П. Толстова [1948, с. 68] о сложении индоиранцев на базе синтеза анаусской культуры и тазабагыябского андроноидного массива, восходящего, по мнению автора, к кельтеминарским древностям. Эту гипотезу поддерживали Э. Мольнар [1954] и С.С. Черников. При этом С.С. Черников [1960, с. 112] констатировал, что принадлежность к «восточноиранской группе языков представляется пока наиболее вероятной для большинства андроновцев» (см. также: [Грантовский, 2007, с. 57]). Обобщая подобные представления, Э.А. Грантовский [2007, с. 57] указывал: «Положение об иранской или индоиранской принадлежности андроновцев наиболее распространено сейчас среди археологов и специалистов по древней истории Средней Азии и Казахстана». Аналогичную тенденцию отмечал и И.М. Дьяконов [1956, с. 124]: «В советской археологии распространена гипотеза, связывающая первоначальных носителей индоиранских языков с андроновской культурой Казахстана и Южной Сибири». Позднее сам И.М. Дьяконов [1995, с. 129], предполагая, что в Митанни прибыли непосредственные предшественники представителей третьей ветви индоиранских языков, говорившие на дардо-кафирских диалектах, отождествлял

дардо-кафиров с бишкентско-вахшской или донгальской культурами, допуская алакульскую (?) культурную принадлежность их митаннийских предшественников.

Особого мнения придерживался К.В. Сальников. Он основывался на разноэтничности и разноязычности «алакульцев» и «федоровцев», с чем позднее согласился и М.Ф. Косарев [1974, с. 150]: «Многие советские археологи (С.П. Толстов, А.Н. Бернштам и др.) основываясь на ретроспективном методе, видят в андроновцах ираноязычные племена. Нам думается, что этого нельзя сказать обо всех андроновских племенах. Лишь племена алакульского времени и типа вместе с племенами срубной и тазабагъябской культур составили ираноязычный этнический массив на границе Европы и Азии... Ираноязычность населения алакульской территории подтверждается совпадением ее с районами расселения савроматов, происхождение которых от поволжских срубников и западных андроновцев доказано» [Сальников, 1967, с. 347].

Ираноязычность «андроновцев» осторожно предполагалась Л.А. Лелековым [1980, с. 123–124], а в концепции индоевропейских прародин В.А. Сафронова [1989, с. 204–205] петровская и алакульская культуры, а равно весь андроновский массив считаются ираноязычными.

Г.Б. Зданович [1995, с. 42] отождествляет петровское население с древними иранцами, а синташтинское – «с протоиндийцами (вероятно, обособившимися протоиндоариями – *И.К.*), которые к XVI в. до н.э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию».

К. Ренфрю [2002, с. 23] достаточно обобщенно предполагает, что «язык носителей андроновской культуры вполне мог быть индоиранским», оговаривая при этом, что ей предшествует культура Аркаим-Синташта.

Е.Е. Кузьмина [1994, с. 266; 2008, с. 335] сформулировала тезис об индоарийской принадлежности федоровского населения. Но Е.А. Хелимский [2000, с. 504, 509–510], определяя время распада индоиранского единства «ранее XVII в. до н.э., т.е. до появления андроновской культуры», считал отождествление «андроновцев» с индоариями «заведомой бессмыслицей», обосновывая идею четвертой андроновской группы индоиранских языков, сосуществовавшей с языками индоарийской и индоиранской ветвей со 2-й половины II тыс. до н.э.

Комментируя тезис об индоарийской принадлежности «андроновцев», Ю.Ф. Кирюшин [2002, с. 84] справедливо указывает на неправомерное отождествление Е.Е. Кузьминой андроновского и сейминско-турбинского искусства, приведшее к этому ошибочному заключению: «Е.Е. Кузьмина вообще распространение сейминско-турбинской металлургии и искусства связывает с андроновскими-федоровскими племенами, которых она считает индоариями. Не возражая против прихода племен индоариев в Восточный Казахстан и на Алтай, не могу согласиться, что это были андроновцы».

Сомневался в индоарийской принадлежности «андроновцев» и Л.А. Лелеков. Как и многие другие авторы, он склонялся к признанию их ираноязычности [Лелеков, 1980, с. 123] и т.д.

Позицию, близкую идее Е.Е. Кузьминой, недавно представил А. Парпола, отнесший весь ранне- или предандроновский комплекс, включающий синташтинские и петровские древности, а также абашевские материалы, к индоарийской ветви индоиранского массива. Характеризуя культурно-историческую ситуацию в регионе, автор

приходит к неоднозначным выводам: «...в то время как большая часть Прото-(Индо-)Арийской элиты перебралась на восточную сторону Уральских гор носители Арийского языка, оставшиеся в Волго-Камском регионе... в уменьшившемся составе, начали говорить на Прото-Уральском языке, как на своем родном (первом), однако сохранили способность общаться на Прото-(Индо-)Арийском с растущим восточным крылом Сейминско-Турбинской сети. Таким образом, Прото-Уральский, по-видимому, стал языком Европейской части Сейминско-Турбинских производителей металла и их сети воинов торгующих там. Сибирская часть сейминско-турбинской сети с ее производством оловянных бронз без сомнения находилась в руках носителей Прото-(Индо-)Арийского языка с очень сильными культурами Синташты и Петровки» [Parpola, 2012 (2013), p. 138, 159–160]. Это заключение противоречит преимущественному распространению в аркаимо-синташтинских комплексах евразийских, а в сейминско-турбинских памятниках – одноименных типов бронзовых изделий (напр.: [Ковтун, 2013, с. 53–55]). Поэтому родоначальники сейминско-турбинской традиции металлообработки, отличной от аркаимо-синташтинских образцов, не могли находиться под доминирующим влиянием аркаимо-синташтинского массива, тем более заимствовать приписываемый аркаимо-синташтинским сообществам какой-либо из протоиндоарийских диалектов.

Вероятно, более раннее утверждение А. Парполы и К. Карпелана о самодийской принадлежности сейминско-турбинских группировок (см.: [Carpelan, Parpola, 2003, с. 78]) предполагало заимствованность подобных диалектов западным флангом изначально протоиндоарийских сейминско-турбинских сообществ (?). Первоначально в состав индоарийской ветви исследователь вместе с К. Карпеланом включает аркаимо-синташтинские [Carpelan, Parpola, 2003, с. 79], а спустя десять лет и более поздние петровские, алакульские и федоровские комплексы [Parpola, 2012 (2013), p. 138–140]. Как уже отмечалось, этот вывод отчасти повторяет точку зрения Е.Е. Кузьминой об индоарийской принадлежности федоровского, точнее сказать, собственно андроновского населения.

В.Н. Чернецов [1953, с. 61] первым указал на сходство андроновской и обско-угорской орнаментации, что позволило ему провести и этнокультурные параллели: «...лишь глубокими этническими связями можно объяснить проникновение в среду таежных племен андронидной орнаментации, послужившей основой для развития современной орнаментальной системы манси и хантов». Так исследователь пришел к выводу о финно-угорской принадлежности «андроновцев»/«федоровцев», «предполагая генетическую связь угорского населения Зауралья с носителями андроновской культуры» [Кузьмина, 1994, с. 16, 119].

Позднее это предположение, правда, без ссылки на автора идеи, поддержал и К.В. Сальников [1967, с. 347]: «Восточные андроновцы не подверглись иранизации и, насколько можно судить по имеющимся далеко недостаточным данным, они связаны с угорской языковой средой».

Более осторожен в своих предположениях М.Ф. Косарев [1974, с. 150]: «...так называемый «андроновский орнаментальный комплекс» в изобразительном искусстве современных угорских и самодийских народов севера Западной Сибири сопоставим не с андроновским декоративным набором вообще, а прежде всего с орнаментальными мотивами на федоровской керамике».

Угорская принадлежность «федоровцев» категорически отрицалась Е.Е. Кузьминой [1990, с. 34; 1994, с. 120] «в свете новых данных и открытия федоровских памятни-

ков на юге Средней Азии», а также В.И. Стефановым и О.Н. Корочковой [2000, с. 93–94], полагающих, что «Она основана почти исключительно на сходстве федоровского орнамента с угорским декором».

Сейчас индоиранская («раннеарийская») [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 7, 376] (см. крат. обзор: [Кузьмина, 1999, с. 268–270]), а скорее древне(восточно)иранская, иначе «раннедревнеиранская» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 854], языковая принадлежность основного комплекса Аркаима – Синташты обоснованно установлена исследователями [Михайлов, 1999, с. 430; Михайлов, 2002, с. 200–204; Иванов, 2004, с. 63].

В.В. Иванов [2003, с. 8] усматривает в полиэтнической, по его мнению, культуре Аркаима – Синташты след северной группы праиранцев, продвигавшейся на Кавказ, в Южное Приуралье, Среднюю Азию и контактировавшей с носителями северокавказского и картвельского языков. Одновременно он же полагает, что состав диалектов, взаимодействовавших в аркаимо-синташтинское время в южноуральском и соседних регионах, включал индоевропейские, особенно индоиранские и, возможно, тохарский, финно-угорские, енисейские и северокавказские языки [Иванов, 1999, с. 45]. По мнению исследователя, неоднородное население протогородов (протогородов? – *И.К.*) аркаимо-синташтинского комплекса говорило уже на восточно-иранском диалекте скифской (аланской) группы, финно-угорском и (пра)енисейском языке при явном преобладании восточно-иранского субстрата [Иванов, 2004, с. 63]. Такую многоязычность В.В. Иванов считает характерным признаком аркаимо-синташтинского периода, присущим «... всей области распространения древних металлопроизводящих городищ Южного Урала». Это удостоверяют взаимопроникновения терминов индоевропейских, особенно индоиранских, и, возможно, тохарских, финно-угорских, енисейских и северокавказских языков, обозначавших металлы, колесничную атрибутику и лошадей [Иванов, 1999, с. 45–47].

Подобная идея не разделялась Е.Е. Кузьминой [2008, с. 175–176, 334], вероятно, поддерживавшей заключение Ж. Фусмана и О. Скьярво о распаде индоиранской общности между 1700 и 1500 гг. до н.э., хотя и допускавшей билингвизм создателей аркаимо-синташтинского комплекса.

И.М. Стеблин-Каменский [2009, с. 18] прямо увязывал хронологию Аркаима и Синташты с филиацией индоиранского языкового единства: «Датируются эти памятники примерно серединой II тыс. до н.э. (финалом III – первыми веками II тыс. до н.э. – *И.К.* [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 97, 99–100]), т.е. предполагаемой эпохой распада индоиранской (арийской) общности на иранскую и индоарийскую».

Идея о древнеиранской принадлежности населения, оставившего комплекс аркаимо-синташтинских древностей, опирается и на предположение, что фортификации так называемой «Страны городов» соотносятся с авестийской Варой [Гуревич, 1989, с. 48–49; Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; Кузьмина, 1994, с. 71–72; Стеблин-Каменский, 1995, с. 167; Пьянков, 1999, с. 281; Медведев, 1999, с. 283; Михайлов, 2002, с. 201; Стеблин-Каменский, 2009, с. 18] (критику см.: [Членова, 1995, с. 180–182; Lamberg-Karlovsky, 2002, р. 69]). Например, Большой Синташтинский курган представляется Ю.И. Михайлову [2002, с. 201] идеальной моделью, схожей с образом этой постройки. Известны и другие аргументированные доводы, удостоверяющие сопоставимость аркаимо-синташтинских сооружений с архаичным образом Вары, присущим устной древне- или еще протоиранской традиции до зороастрийской редакции подобных представлений в Видевдате.

Библиографический список

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- Гуревич Л.Л. О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процессы урбанизации в Средней Азии»). Ташкент, 1989.
- Дьяконов И.М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV века до н.э. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И.М. Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?» М., 1994) // Вестник древней истории. 1995. №1.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. №4.
- Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Иванов Вяч.Вс. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.
- Иванов Вяч.Вс. Восточные индоевропейцы, анатолийцы и носители древнебалканских культур // В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. Изд. 2-е, исправл. (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы.). М., 2003.
- Иванов Вяч.Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово, 2013.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Кузьмина Е.Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. II.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008.
- Лелеков Л.А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Медведев А.П. Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.
- Михайлов Ю.И. Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск, 1999.
- Михайлов Ю.И. К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I.
- Пьянков И.В. Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.
- Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник древней истории. 2002. №2.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Стеблин-Каменский И.М. Примечания // Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата / пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / пер. с авестийского, комм. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Хелимский Е.А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («ари-андроновцы»? // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953 (МИА; №35).

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960 (МИА; №88).

Членова Н.Л. Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1.

Carpelan C., Parpola A. The abashevo culture and the earliest history of the indo-iranian and uralic (finno-ugric) languages // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // Current Anthropology. February 2002. Vol. 43, No 1.

Parpola A. Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated 'total' correlations // Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 266). Helsinki, 2012 (2013).

С.В. Кузьминых¹, А.А. Чижевский²

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия;*

²*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия*

ФИНАЛ БРОНЗОВОГО И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ: КУЛЬТУРОГЕНЕЗ, ГРАНИЦЫ И КОНТАКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РФФИ
(№14-06-00287) и РГНФ (№14-01-00348а)

В финале бронзового века (XII/XI–X/IX вв. до н.э.) этнокультурная карта северо-востока Европы меняется коренным образом. Набирают силу интеграционные процессы. Мозаичность культур, характерная для предшествующей фазы позднего бронзового века (ПБВ), уходит в прошлое: здесь формируются огромные культурно-исторические области (рис. 1). В Карелии, на северо-западе и в центре Русской равнины, а также в Среднем Поволжье распространяются памятники культуры «текстильной» керамики (КТК). В Волго-Камье складывается маклашеевская (предананьинская) область. На севере Восточной Европы происходит трансформация ранее, по сути, нерасчленимого культурного пространства, характерным индикатором которого являлась «пористая» и гребенчатая керамика волосовской, гаринской, чойновтинской и других культур. От Белого моря и до Печоры формируется область культур (лебяжская, позднекаргопольская и позднебеломорская на раннем этапе и др.), которые сохраняют гребенчатую орнаментальную традицию. В Северное Приуралье из Зауралья мигрируют группы населения коршаковской и атлымской культур со специфической керамикой с фигурно-штампованным и змейчатым орна-

ментом. В горно-лесной Башкирии, на Белой и в среднем течении Камы памятники маклашеевской и межовской культур приходят на смену «андроноидным» – луговским, черкаскульским и сусканским.

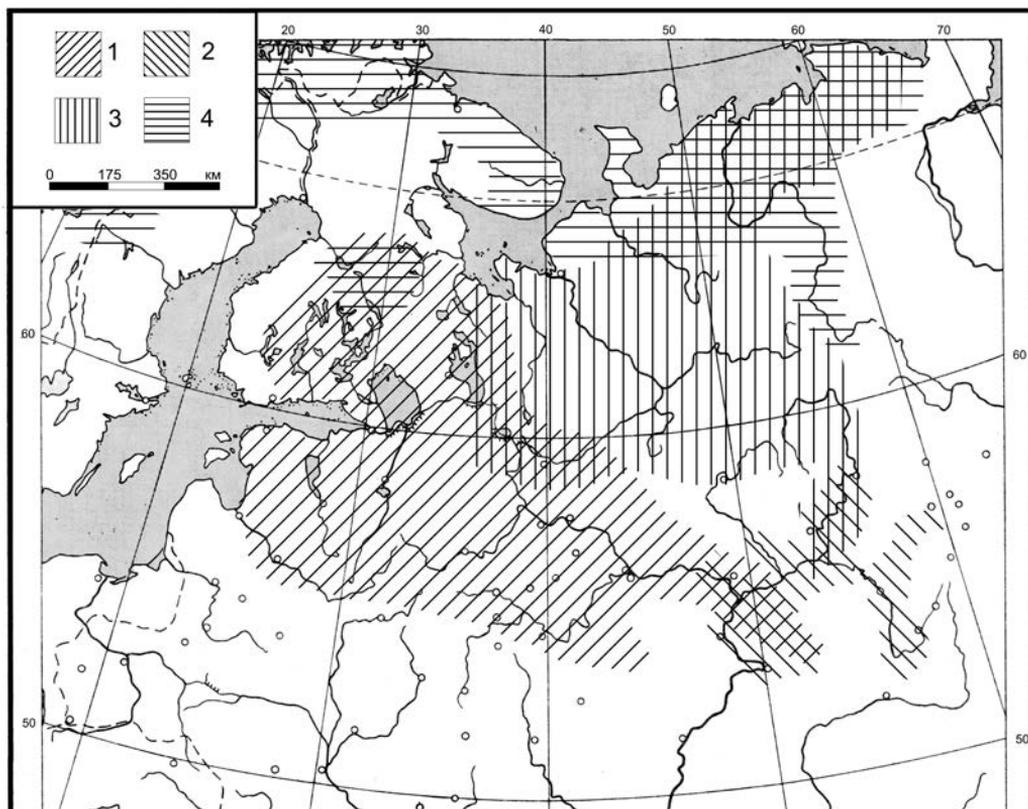

Рис. 1. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в финале бронзового века: 1 – культурно-историческая область «текстильной» керамики; 2 – предананьинская (маклашеевская) культурно-историческая область и межовская культура; 3 – ареал постэнеолитических культур с гребенчатой керамикой (лебяжская, атаманнюрская, позднекаргопольская и позднебеломорская на раннем этапе и др.); 4 – ареал культур циркумполярной зоны с «вафельной» керамикой (культура асбестовой керамики, коршаковская и др.)

На этих огромных пространствах происходит своеобразный «ренессанс» аборигенных культур, выразившийся в заметном росте народонаселения, коренной переработке и даже отказе от некоторых привнесенных в предшествующие эпохи стереотипов культур срубно-андроновского мира. Особенно ярко это проявляется в повсеместном распространении круглодонной керамики, ее орнаментальном декоре, постепенном отказе от курганного обряда захоронения, этнографическом своеобразии женских украшений. Поселенческие памятники этих культур представлены в основном селищами. Некоторые из них укреплены валами и рвами. В южных районах Волго-Камья и изредка в Волго-Окском междуречье известны могильники – грунтовые или курганные с невысокими насыпями. На севере обычные грунтовые захоронения не выявлены.

В финале ПБВ северная лесостепь и юг лесной зоны входят в ареал многоотраслевой экономики с динамичным сочетанием производящих и присваивающих занятий. Основой жизнеобеспечения культур этой зоны являлось придомное скотоводство, но отнюдь не земледелие. В ту эпоху агрикультура только начинает укореняться в северной лесостепи, причем в очень ограниченных масштабах, оставаясь в условиях сурового континентального климата рискованным занятием. Охота и рыболовство остаются основой жизнеобеспечения населения глубинных лесных и таежных районов Восточной Европы, различаясь лишь подвижным или оседлым образом жизни обществ охотников и рыболовов.

С финалом ПБВ связаны важные изменения в локализации очагов металлообработки. Почти полностью прекращается деятельность степных и лесостепных центров Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. Ведущие очаги металлообработки – маклашеевский и «текстильный» – передислоцируются в южные районы лесной полосы. Основная часть меди и бронз поступает сюда из горно-металлургических центров Саяно-Алтая и Казахстана. Заметно сокращается производство меди в Уральской горно-металлургической области. Набор металлического инвентаря кардинально не меняется. Это по-прежнему втульчатые кельты, наконечники копий и стрел, тесла, двулезвийные ножи, разнообразные украшения. Модификации орудий и оружия определяются так называемыми евразийскими (абашевская – срубно-алакульская – «валиковская» линия развития) и в меньшей степени сейминско-турбинскими и самусьско-кижировскими стереотипами Евразийской провинции.

Базовой культурой финала ПБВ на северо-востоке Европы является маклашеевская культура. В ее развитии прослеживается два этапа: атабаевский – ранний и маклашеевский – поздний. Сложение маклашеевской культуры на атабаевском этапе связано с распадом луговой или сусканско-луговой культуры – одной из самых западных культур «андроноидного» мира. Хотя в орнаменте керамики еще сильны луговые элементы, а сами сосуды имеют плоское или уплощенное дно, заметна трансформация, изживание андроноидных традиций. Судя по комплексам Балымского могильника, начало этого процесса относится к XIV–XIII вв. до н.э. С этого времени начинает активно функционировать маклашеевский очаг металлообработки – крупнейший в лесной полосе Восточной Европы в позднебронзовую эпоху. Изменение керамического комплекса на следующем – маклашеевском – этапе (XII/XI–X вв. до н.э.) обусловлено миграцией носителей КТК с запада – из Нижегородско-Марийского Поволжья. Взаимодействие КТК с носителями атабаевского керамического комплекса привело к оформлению классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребенчатого штампа и резными линиями.

Инициированный миграцией КТК культурогенез шел в разных регионах Волго-Камья по-разному. Самые значительные изменения произошли в материальной культуре атабаевского населения Марийско-Чувашско-Казанского Поволжья, приустьевых районов Камы и прилегающих участков Волги. Значительно меньшему влиянию подверглись обитатели Нижнего и Среднего Прикамья, бассейнов Вятки и Белой. Архаичные атабаевские черты в декоре посуды здесь сохранялись вплоть до финала ПБВ. Региональная специфика в маклашеевском керамическом комплексе позволяет

рассматривать данное культурное образование как многокомпонентное, но имеющее, по всей вероятности, единую атабаевско-«текстильную» основу.

Интеграционные и миграционные процессы на рубеже ПБВ и раннего железного века (РЖВ) существенным образом изменили этнокультурный ландшафт северной лесостепи и зоны широколиственных и хвойных лесов Европейской России. В начале РЖВ (IX/VIII–VI вв. до н.э.) там формируются три обширнейших культурно-исторических области, или ареала: «штрихованной» керамики, КТК керамики и ананьинской (рис. 2). На западе и северо-западе Русской равнины распространяются городища и селища культур «штрихованной» керамики (верхнеокская, днепро-двинская и др.). В Карелии, на северо-западе и в центре Русской равнины, а также в Среднем Поволжье продолжается развитие КТК. Средневожские памятники КТК представлены не только городищами и селищами, но и могильниками (Акозинский, Ст. Ахмыловский, Козьмодемьянский, Убеевский и др.). Важнейшей диагностирующей чертой этих погребений является вовсе не «текстильная» керамика, а бронзовые кельты акозинско-меларского типа. В остальной части ареала КТК могильники не известны, за исключением Мл. Волосовского на Средней Оке, но он по погребальному обряду и инвентарю близок акозинским древностям.

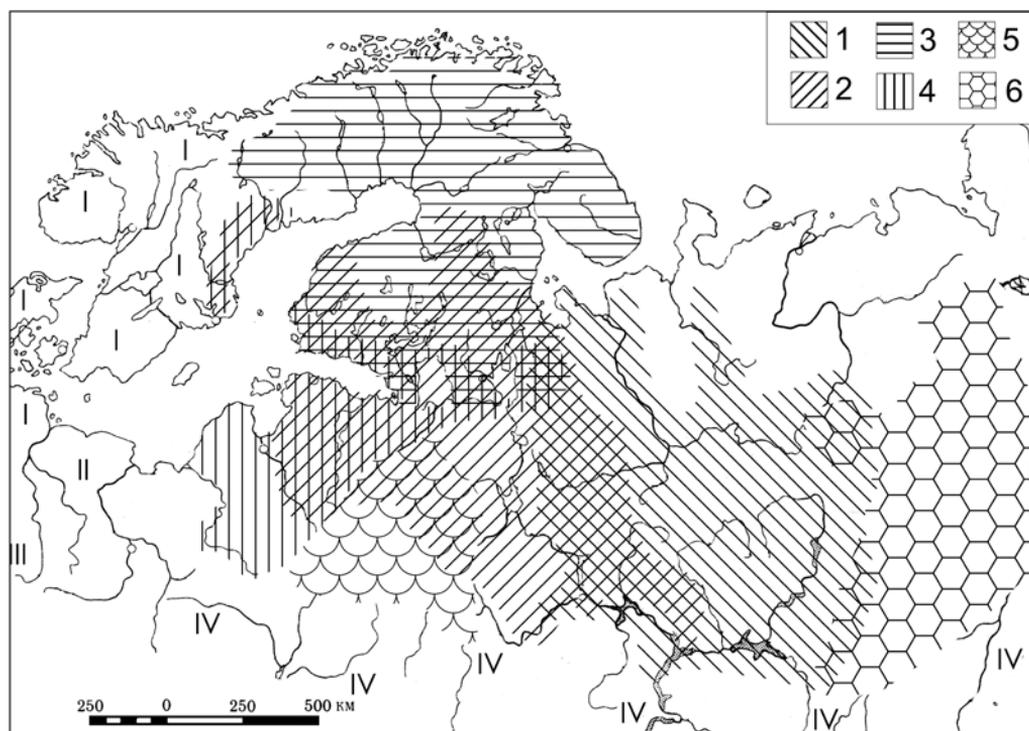

Рис. 2. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в начале раннего железного века: 1 – ананьинская культурно-историческая область; 2 – культурно-историческая область «текстильной» керамики; 3 – культура асбестовой керамики; 4 – культура штрихованной керамики; 5 – днепро-двинская и верхнеокская культуры; 6 – культуры с «крестовой» керамикой и иткульская

В Волго-Камье и на севере Восточной Европы происходит формирование ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Археологические памятники ананьинского мира представлены могильниками и стационарными поселениями (прежде всего в южнотаежной зоне, на Средней Волге, Каме, Ветлуге, Вятке и Белой), сезонными поселениями, «поселениями-мастерскими» и святилищами (по преимуществу в зоне темнохвойной тайги, в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени и Северной Двины).

Процесс формирования АКИО связан с внутренней интеграцией и миграциями маклашеевских, «текстильных», лебяжских (и других постгаринских) популяций в финале ПБВ, а его стержнем и движущей силой стало взаимодействие носителей четырех культур: аозинско-ахмыловской (с включением в нее и верхневолжских городищ типа Ватажки и Минского), постмаклашеевской, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики. Формирование культур ананьинского мира было обусловлено также активными миграциями в начале РЖВ. Все эти процессы и определили подвижные территориальные рамки АКИО в пределах лесной зоны Восточной Европы в различные хронологические периоды.

Четко очерченных границ не имеют не только четыре упомянутые стержневые культуры АКИО, но и культурные образования на периферии ананьинского мира. На северо-западе Европейской России, в Карелии, Заонежье, Беломорье и Верхневолжье формируются культуры гибридного типа (лууконсари-кудома, позднекаргопольская, позднебеломорская и др.), в которых ананьинские (постмаклашеевский и гребенчато-шнуровой) и «текстильный» компоненты переплетаются в причудливом сочетании с местными. При этом замечено, что ананьинская «вуаль» в этих культурах постепенно ослабевает в западном направлении. На севере и северо-востоке, в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени и Северной Двины, появляются памятники типа Ластва, в керамике которых продолжается развитие лебяжской (гребенчатой) орнаментальной традиции, а появление шнуровых и змеевидных отпечатков рассматривается в контексте взаимодействия с прикамскими и зауральскими группами населения.

Трансформация культурного комплекса населения Волго-Камья на рубеже X–IX вв. до н.э. связана прежде всего с внутренним развитием маклашеевской культуры и при явном воздействии импульсов из предкифских раннекочевнических образований юга Восточной Европы. В IX в. до н.э. в регион проникает с Кавказа высокоразвитая технология железообработки и укореняется в постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культурах. В АКИО, при несомненной преемственности основных черт материальной культуры, меняется погребальный обряд (на тех могильниках, на которых хоронили умерших ногами к реке, начинают хоронить головой к реке и наоборот), исчезают подкурганские захоронения и постепенно – вторичные, распространяются частичные захоронения, «дома мертвых» и т.д. Различия в погребальной обрядности, формах и декоре керамики и бронзовых кельтов, характере цветной и черной металлообработки отражают не просто региональную специфику, но этнокультурную.

Ранний железный век Волго-Камья подразделяется на две фазы, материальная культура которых резко отлична. Первая фаза связана с существованием ананьинской культурно-исторической области, вторая – с пьяноборским и постпьяноборским миром. В границах АКИО выделены четыре археологических культуры. Аозинская, или аозинско-ахмыловская, культура в Среднем Поволжье и в приустьевых районах Камы

представляет собой симбиоз компонентов позднебронзовых культур – КТК и маклашеевской с доминантой первой из них. Этническим, племенным маркером культуры являются бронзовые кельты меларского или аозинско-меларского типа в Младшем Волосовском, Ст. Ахмыловском, Аозинском, Убеевском и в других средневожских могильниках. Постмаклашеевская культура в Среднем Поволжье (вплоть до Самарской Луки), Нижнем Прикамье и в среднем течении р. Белой – прямая наследница маклашеевской культуры. Для нее характерны бронзовые кельты с овальным сечением по венчику втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками. Ананьинская культура шнуровой керамики распространена в Среднем и Верхнем Прикамье; ее истоки – в культурах конца эпохи бронзы этого региона. Для нее характерны специфичные группы бронзовых кельтов с шестигранным сечением по венчику и тулову и прямоугольной фаской. Памятники ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики локализуются в бассейнах Ветлуги и Вятки (с выходом в устьях этих рек на Волгу и Каму) и в Верхнем Прикамье. Корни ее связаны с более ранними комплексами с гребенчатой керамикой на Печоре, Вычегде и в верховьях Камы, восходящими к гаринской и другим энеолитическим культурам северо-востока Европы. Для этой культуры характерны своеобразные группы бронзовых шестигранных кельтов с рельефным пояском в виде шестиугольника под устьем втулки и арковидным орнаментом на фаске.

Подвижки населения в пределах ананьинского мира были вызваны, судя по палинологическим данным, заметными палеоклиматическими и палеоландшафтными изменениями в бореальной зоне Северной Евразии в конце II – начале I тыс. до н.э. В отдельные интервалы времени эти изменения (повышенная увлажненность и заболачивание лесов) носили для таежных популяций катастрофический характер. Миграционный поток этих групп (культуры гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики) был связан прежде всего с речными системами и выплеснулся не только на Каму, но и на Вятку и Ветлугу, а по Вычегодско-Двинскому пути – и на запад. Он совпал с проникновением из-за Урала в бассейны Печоры, Верхней и Средней Камы (по Чусовой и Сылве), Белой (по Уфе и ее притокам) населения гамаюнской и иткульской культур.

Первая фаза распада АКЦИО пришлась на рубеж VI–V вв. до н.э., когда произошло запустение Среднего Поволжья и Усть-Камья (по крайней мере, вдоль основных речных магистралей): эти районы покинуло население постмаклашеевской, аозинско-ахмыловской и гребенчато-шнуровой культур. Активные процессы интеграции и взаимоассимиляции предшествующих столетий (о чем свидетельствуют гибридные формы керамики и бронзовых кельтов) так и не завершились здесь формированием единой симбиозной культуры. Но в то же время благодаря импульсу с востока эти процессы заметно активизировались на северо-западной периферии АКЦИО – в Верхневожье, Двинско-Сухонском междуречье, Заонежье и Карелии. Именно в связи с восточными влияниями следует рассматривать появление на севере и северо-западе Восточной Европы и в Фенноскандии кельтов ананьинского и аозинско-меларского типов, формирование которых происходило в рамках ананьинского и «текстильного» миров.

На второй фазе распада АКЦИО (VI/V–IV/III вв. до н.э.) на севере Европейской России продолжились процессы культурогенеза в рамках трех уже упоминавшихся культурно-исторических областей, или ареалов. Ареал культур «штрихованной» ке-

рамики заметно расширился в восточном и северо-восточном направлениях. Это привело к трансформации всего облика КТК: «штрихованная» и заглаженная керамика становится неотъемлемой частью их керамического комплекса, круглодонные формы вытесняются плоскодонными. На южной и юго-западной периферии КТК обособляются культуры гибридного типа: дьяковская и городецкая в центре Русской равнины, асваская – в Эстонии и др. Причем в западных памятниках дьяковской культуры «текстильная» керамика постепенно выходит из употребления. В Верхневолжье, Двинско-Сухонском междуречье, Заонежье и Карелии под влиянием восточных импульсов продолжился процесс трансформации «текстильных» этнокультурных образований и обособления культур гибридного типа. При этом, пожалуй, только в Костромском и Ярославском Поволжье «текстильное» начало в керамическом комплексе, при явной ананьинской «вуали», сохраняется дольше всего. В остальной части прежнего ареала КТК доминируют гибридные формы керамики. Симбиоз ананьинских и «текстильных» традиций зашел здесь настолько далеко, что провести четкие рубежи тех или иных этнокультурных образований на северо-западе Европейской России не представляется возможным. С этого времени эти культуры (лууконсари-кудома, позднекаропольская, позднебеломорская и др.) с полным правом можно рассматривать в рамках АКИО.

Ареал базовых культур АКИО на этой фазе заметно сузился на юге: Среднее Поволжье в постананьинскую эпоху, когда там появились памятники городецкой культуры и курганы типа Чурачикских (с элементами погребального обряда донских скифов), остается, по сути, «диким полем». Часть населения постмаклашеевской культуры, помимо оттока на северо-запад, переселяется в среднее течение Белой (памятники касьяновского типа). В Среднем и Верхнем Прикамье (включая Вятку) продолжилось развитие гребенчато-шнуровой и шнуровой культур.

На севере и северо-востоке, от Онеги и до полярного Урала, появляются памятники типа Перный, Чаркобож, Ямашор и др. Памятники типа Перный в бассейне Вычегды и Печоры (с характерной для них «воротничковой» керамикой с гребенчатыми и шнуровыми узорами), судя по всему, оставлены мигрантами из Прикамья. В памятниках типа Чаркобож и Ямашор в Северном Приуралье, в керамике которых своеобразно сочетаются шнуровые, «крестовые», ямочные, гребенчатые, волнистые и фигурные отпечатки, отразились процессы взаимодействия и взаимоассимиляции местных, прикамских и зауральских групп населения.

Погребальные обряды, связанные с захоронением в землю, по-прежнему распространены в южном ареале АКИО. Под влиянием постмаклашеевского населения эта обрядность была воспринята наиболее южными группами гребенчато-шнуровой и шнуровой культур. «Этническим» знаком этих захоронений является не только керамика со шнуровыми отпечатками, но и упоминавшиеся группы кельтов с шестигранным устьем втулки. Именно с этой культурной средой связано появление в Прикамье специфического низколицего монголоидного антропологического типа, хорошо известного по материалам Луговского могильника. Для постмаклашеевских (равно как и маклашеевских) популяций характерен прежде всего европеоидный антропологический тип. В северной части ананьинского мира, а также в культурах «штрихованной» и «текстильной» керамики (включая дьяковскую и городецкую) обычные захоронения в землю не известны, за исключением Шиховского могильника на крайнем

северо-востоке Европы (с керамикой типов Перный и Ямашор). В этих культурах были распространены иные формы погребальных обрядов. Одной из них являлись, в частности, деревянные «дома мертвых», выявленные в дьяковской культуре (Березняки и др.). Вероятнее всего, именно к этим сооружениям восходят своими истоками каменные могильники с ящиками и оградками, распространенные у западных финнов (Kivikalme и Tarandkalme в Эстонии и Финляндии).

Начальные фазы РЖВ на севере Европейской России характеризуются распространением весьма контрастных экологических, хозяйственных и социальных доминант. В северной лесостепи и на юге лесной зоны у населения культур «штрихованной» керамики, «текстильной» (прежде всего, аозинско-ахмыловской) и постмаклашеевской утвердился комплексный характер производящей экономики. Это высокотехнологичные и передовые для своего времени бронзолитейное дело и железообработка, животноводство и земледелие (впрочем, роль последнего в производстве пищи – при ограниченных прямых свидетельствах земледелия – явно преувеличивается). Железообработка постмаклашеевской и аозинской культур сложилась при явном кавказском импульсе, а дьяковской – под влиянием юго-западного и западного импульсов (культуры скифского круга и «штрихованной» керамики). Дьяковская цветная металлообработка – в отличие от предшествующих культур КТК (к примеру, аозинской) – нацелена только на производство украшений.

В южнотаежном и таежном Прикамье, на Вятке, Ветлуге и Белой главенствующая роль в хозяйственной деятельности по-прежнему принадлежит придомному животноводству. Здесь нет прямых свидетельств земледелия. Явно заметней становится роль пушной охоты. На фоне доминирующей цветной металлургии и металлообработки наблюдается достаточно вялое развитие железообработки. Количество и ассортимент железных изделий на порядок уступают, к примеру, постмаклашеевскому производству. В цветной металлообработке, несмотря на ее видимый расцвет, происходит заметный регресс технологии – возврат к широкому использованию «чистой» меди. Резко уменьшается доля изделий, изготовленных из оловянных, оловянно-мышьяковых и других сплавов, характерных для постмаклашеевского и аозинского очагов металлообработки. Сама техника литья в восточных ананьинских очагах, как и в иткульском на Урале, становится более грубой, как бы «варваризированной». С позднебронзовой эпохи сохраняются типы изделий (втульчатые тесла, наконечники копий и кельты), причем медные и бронзовые кельты отливаются в самусьско-кижировской традиции, которая укоренилась в РЖВ в большинстве таежных культур Северной Евразии.

Гребенчато-шнуровая и шнуровая культуры АКИО (равно как и иткульская культура Урала с ее опорой на собственные источники меди) демонстрируют нам феномен «запоздалого» бронзового века. В еще большей степени эта характеристика присуща популяциям зоны темнохвойной тайги северных широт – от Карелии до полярного Урала. Основу хозяйства здесь составляют охота и рыболовство. Это обусловило мобильность и подвижный характер сравнительно малочисленных коллективов. Этому были подчинены все остальные виды жизнедеятельности. Железные орудия появляются здесь, вероятно, не ранее середины I тыс. до н.э., причем на западе в формах, характерных для культур Восточной Балтики и Волго-Камья. Обработка меди и бронз фиксируется, но в весьма ограниченных масштабах. В формах изделий отчетливо

улавливаются ананьинские стереотипы. На севере достаточно долго сохраняются и широко используются кремневые, кварцитовые и сланцевые орудия.

На второй – заключительной – фазе РЖВ (III/II вв. до н.э. – IV/V вв. н.э.) процессы культурогенеза на севере Европейской России развивались в русле дифференциации и перегруппировки сложившихся в предшествующую эпоху этнокультурных образований (рис. 3). В результате этих процессов в лесной полосе Восточной Европы произошел разрыв прежнего единого культурного пространства от Камы и Печоры на востоке до Финляндии и Карелии на западе. Многими исследователями ананьинская культурно-историческая область (в широком понимании этого термина) рассматривается как колыбель предков прибалтийских и поволжских финнов и пермских народов. В постананьинскую эпоху восточные импульсы теряют былую роль катализатора культурных и этнических процессов в северо-западных областях Европейской России, как то было в рамках АКИО. Для предковых культур западных финнов доминирующим вновь становится балтийский вектор культурных связей.

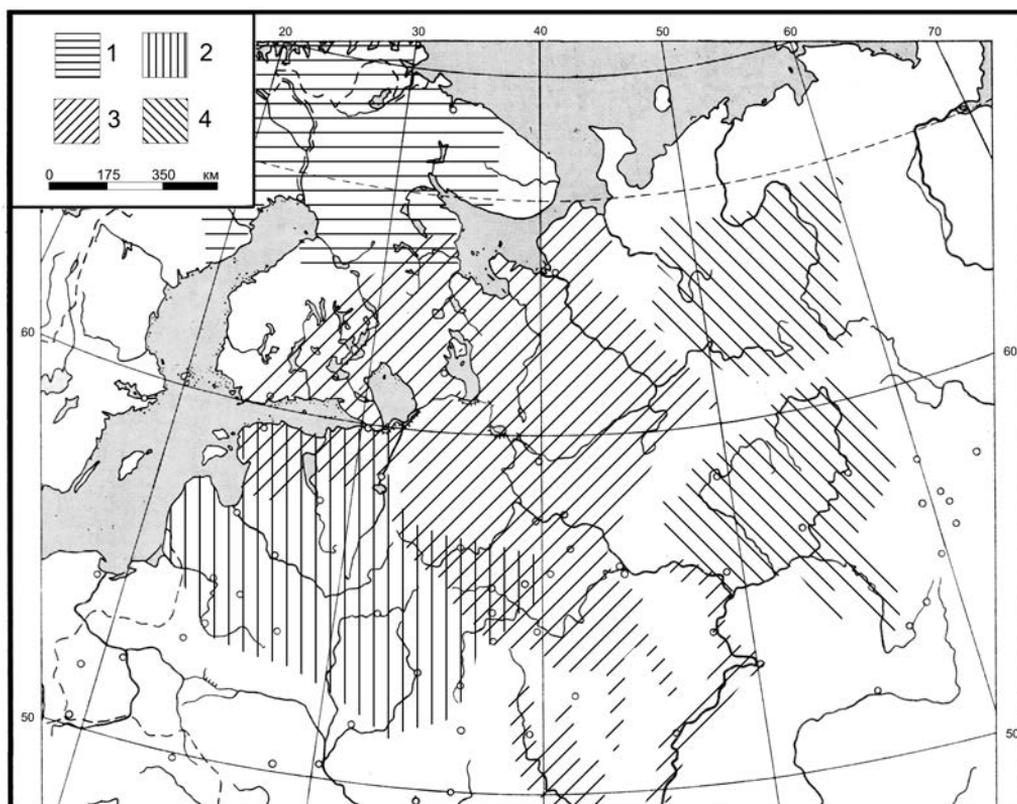

Рис. 3. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в конце раннего железного века: 1 – культура с керамикой «арктического» типа (по М.Г. Косменко); 2 – ареал протобалтских культур (верхнеокская, днепро-двинская, юхновская, милоградская, штрихованной керамики и др.); 3 – ареал предковых культур поволжско-финских и западно-финских народов (городецкая, дяковская, асваская, позднекаргопольская, лууконсаари и др.); 4 – ареал предковых культур пермских народов (пьяноборская и гляденовская общности)

Происходит размежевание в развитии культур Волго-Камья (худяковская, чегандинская, осинская, кара-абызская, гафурийско-убаларская, гляденовская) и крайнего северо-востока Европы (пиджская, джуджыдъягская), с одной стороны, и Волго-Окского междуречья (дьяковская, городецкая), Верхневолжья, Заонежья, Белозерья, Карелии и Финляндии (позднекаргопольская, позднебеломорская, лууконсаарикудома, с керамикой «арктического» типа, или кьельмо) – с другой. В пьяноборскую и последующие эпохи на севере и северо-западе Восточной Европы и в Финляндии все еще сохраняется мода на изготовление украшений в стиле, характерном для прикамских культур, но связано ли это с этнокультурными связями или торговлей, еще предстоит выяснить.

В дьяковской культуре западных и центральных районов Волго-Окского междуречья становится еще более заметным влияние западных культур «штрихованной керамики» (верхнеокской, днепро-двинской, юхновской и др.). Вполне вероятно, что дьяковская культура на этом этапе является частью не финно-угорского, а балтского мира. «Текстильное» наследие сохраняется только на восточной и северо-восточной периферии этой культуры, в Ярославском и Костромском Предволжье и Заволжье. В этих районах, особенно на Вологодчине, выявлен целый пласт погребальных памятников (трупосожжения, помещения в «дома мертвых»), которые получают широкое распространение в раннесредневековых культурах западных и поволжских финнов. Вероятно, именно в этих районах сформировалось в раннем средневековье ядро археологических культур, с которыми связаны своими истоками предки поволжских финнов – меря и мари.

«Текстильное» наследие сохранилось также в среднем и нижнем течении Оки, в ареале ранней городецкой культуры. Этой культуре отводится, как известно, ключевая роль в формировании тех этнокультурных образований раннего средневековья, с которыми связаны истоки других поволжско-финских народов – муромы и мордвы. В это время происходит существенное расширение ареала городецкой культуры в юго-восточном и южном направлениях. Миграция направлена в правобережные и даже таежные (Ветлуга) районы Среднего Поволжья, в бассейны Суры и Свияги, в верховья Дона. Племена городецкой культуры занимают благоприятные для их жизнеобеспечения (прежде всего, придомного животноводства) лесные анклавы в глубине поволжской и донской лесостепи вплоть до Самарской Луки, Хвалынских гор и ленточных боров в районе Саратова и Воронежа.

Этнокультурные образования Прикамья (за исключением гафурийско-убаларской культуры) и Европейского северо-востока образуют ареал предковых культур пермских народов, объединенных в пьяноборскую культурно-историческую область. Развитие камских культур пошло по пути концентрации племенных групп на крупнейших водных артериях в местах с наиболее обширными пойменно-луговыми угодьями. Освоение малых рек и водораздельных пространств происходит в Прикамье только в мазунинское время, когда важную роль в системе жизнеобеспечения стало играть подсеčno-огневое земледелие. В конце эпохи наметился сдвиг камских групп населения на запад. Племена азелинской культуры, которые отождествляются с прапермянами, дисперсными группами осваивают Вятско-Ветлужское междуречье.

Северные группы прапермян связаны с культурами гляденовской общности Верхнего Прикамья и северо-востока Европы, которые сформировались на базе шнурового

и гребенчато-шнурового ананьина и при участии зауральских импульсов. В Северном Приуралье сохраняется дисперсное расселение гляденовских групп, унаследовавших от своих предков охотничье-рыболовческий уклад хозяйства.

Подводя итог, отметим, что в финале бронзового и раннем железном веках, т.е. на протяжении примерно полторы тысячи лет, на северо-востоке Европы шли сложные этно- и культурогенетические процессы. Они отличались динамизмом и на севере, и на юге, но интеграционные и миграционные процессы в северных – таежных – широтах шли более плавно, скорее, в рамках трансформации и адаптации мигрантов к определенным экологическим, хозяйственным и социальным доминантам, укоренившимся в аборигенной среде. Эти же процессы шли и на юге, в северной лесостепи и в южнотаежной зоне, но роль миграций проявилась здесь более явно.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАБОТЫ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА р. ТЫТКЕСКЕНЬ (Алтай)

Археологические памятники в устье р. Тыткескень впервые зафиксированы в 1983 г. в ходе работ М.Т. Абдулганеева по поиску и картографированию объектов, попадавших в зону разрушения и затопления Катунской (Еландинской) ГЭС. Вся деятельность сотрудников АГУ и Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая на протяжении всех периодов работ организовывалась и направлялась Ю.Ф. Кирюшиным.

В 1984 г. начались плановые регулярные исследования памятников приустьевой зоны р. Тыткескень, прежде всего раскопки многослойного памятника Тыткескень-2, расположенного на правом борту. В 1984–1986 гг. раскопки поселения проводились под руководством А.Л. Кунгурова [Кунгуров, Кунгурова, 1986, с. 184]. В процессе этих работ в осыпях левого берега, подвергшегося в тот период времени достаточно сильному разрушению (работа геологического бурового комплекса и связанной с ним инфраструктуры), А.Л. Кунгуров зафиксировал отдельные находки каменных орудий и керамики. В период 1984–1987 гг. А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой открыты памятники, получившие наименования Тыткескень-3, 4, и 5. Расположенное на правом борту долины Тыткескена, в 300 м выше по его течению от Тыткескена-2, многослойное поселение Тыткескень-3 исследовалось на протяжении 1988–1991 гг. Оно стало базовым объектом для выделения и характеристики позднего этапа устьеминской мезолитической культуры, а также различных отделов каменного, бронзового и железного веков [Кунгуров, 1994, с. 43–58; Семибратов, 1991, с. 65–66; 1994, с. 97–111].

После раскопок в 1988 г. курганный группы на правом берегу стало ясно, что правобережный и левобережный погребальные комплексы являются различными. Поэтому последнему присвоено имя Тыткескень-6 (VI) [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992, с. 125].

В период с 1988 по 1993 г. силами нескольких экспедиции АГУ на памятнике было исследовано более 60 курганов скифского времени (пазырыкская культура V–

III вв. до н.э.). Основу некрополя составляла цепочка курганов раннего железного века, вытянутая с юга на север по краю террасы левого берега Катуня. Отдельную планиграфическую группу представляли собой погребальные сооружения раннескифского периода, располагавшиеся в южной части долины Катуня рядом со скальным выходом, севернее полевой дороги, идущей вверх по течению р. Тыткескень. Диаметр каменных насыпей курганов варьировал от 3,2 до 9,5 м, глубина ям – от 1,3 до 3 м. Во всех могилах прослежены остатки деревянных погребальных сооружений. Умершие лежали на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на восток или восток – юго-восток. Инвентарь включал керамические сосуды, каменную «курильницу», бронзовые кинжалы, ножи, зеркала и др. Наибольший интерес представляют бронзовый кинжал из кургана №4 и бронзовое зеркало из кургана №2. Рукоять кинжала художественно оформлена в виде двух голов грифов, а рукоять зеркала – изображением лежащего верблюда [Степанова, Кирюшин, 1989, с. 64–66]. Этот некрополь для Горного Алтая остается по-прежнему самым крупным по числу изученных курганов рядового населения скифской эпохи [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003].

При исследовании южной группы погребальных объектов археологического комплекса в насыпях курганов стали фиксироваться поселенческие находки, попавшие туда при сооружении надмогильных конструкций. Найденные артефакты (керамика, каменные изделия) имели более ранний возраст, чем курганные захоронения. Для выявления культурного слоя в 1990 г. в южной части памятника, примыкающей к долине р. Тыткескень, был заложен рекогносцировочный раскоп, продемонстрировавший наличие культурных слоев эпохи бронзы, энеолита (большемысская культура) и неолитического времени [Кирюшин, Кунгуров, 1994; Kirjushin, Kungurov, 1995]. Кроме этого, документировалось наличие поминальных комплексов тюркского времени и эпохи поздней древности в виде ям с костями животных и древесным углем, отдельных металлических предметов и керамики.

Кроме указанных находок, в процессе исследования курганов в 1989 г. под полами надмогильных сооружений скифо-сакского времени обнаружены частично разрушенная каменная выкладка и захоронение подростка в яме. Положение умершего (вытянуто на спине с поднятыми вверх (впоследствии завалившимися) коленями), находки (костяные трубочки-пронизки, каменное шлифованное тесло), а также окрашенность скелета охрой позволили предварительно отнести погребение к энеолиту. В публикации 1995 г. этот объект, получивший №61, был отнесен к комплексу большемысской культуры [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Однако дальнейшие антропологические исследования позволили достаточно уверенно датировать могилу афанасьевским временем. Тогда же была полностью раскопана Нижнетыткескеньская пещера-I, в которой зафиксированы культурные слои от финального мезолита до средневековья. Наиболее значимым результатом исследований стал комплекс погребения шамана, датирующийся 1-й половиной IV тыс. до н.э. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995].

В ходе работ 1989 г. при исследовании площади могильника сплошным раскопом (южная часть комплекса Тыткескень-б) изучены семь курганов-выкладок булан-кобинской культуры периода поздней древности (II–IV вв. н.э.). Объекты были вытянуты цепочкой, ориентированной юг-север, умершие, похороненные вытянуто на спине

в каменных ящиках, ориентированы головой на запад. Найдены костяные и железные наконечники стрел, роговые накладки на лук, костяные трубочки, железные элементы поясов, пряжки, ножи, керамические пряслица и бусины [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992].

Тюркские погребения комплекса (три кургана – №1, 5, 10, расположенные к востоку от погребальных сооружений РЖВ) содержали достаточно «богатые» захоронения воинов с конем или снаряжением лошади (курган №1). Найдены удила, стремяна из железа, роговые и железные псалии, предметы вооружения и снаряжения, детали боевых поясов, роговые накладки на лук. Датировка определена исследователями таким образом: курган №5 – начало образования I Тюркского каганата (около 552 г. н.э.); курган №10 – время пребывания на Алтае Чабыш-Кагана (630–650 гг. н.э.); курган №1 – начало возникновения II Восточно-Тюркского каганата (около 682 г. н.э.) [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998].

В работах на поселенческих и погребальных комплексах в долине и устьевой зоне р. Тыткескень принимало участие достаточно большое количество специалистов, аспирантов, студентов, школьников, любителей истории и археологии из многих городов Сибири. Следует отметить археологов Ю.Ф. Кирюшина, К.Ю. Кирюшина, А.Л. Кунгурова, Н.Ю. Кунгурову, А.А. Тишкина, Ю.Т. Мамадакова, Н.Ф. Степанову, С.В. Неверова, В.П. Семибратова, В.В. Горбунова, М.Т. Абдулганеева; антрополога А.Р. Кима; геологов Г.Я. Барышникова, А.М. Малолетко; историков В.В. Владимиров, С.В. Цыба, О.Ф. Кунгурову; художника М.Г. Мингулова. Раскопки посещали А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, С.В. Николаев, А.Б. Долинский (США) и многие другие. В исследованиях принимали участие студенческие практики конца 1980-х – начала 1990-х гг. из АГУ и Бийского ГПИ.

За период работ 1983–2006 гг. открыто более 20 памятников археологии, при этом исследователи неоднократно отмечали факт необходимости тщательного изучения района. Дело в том, что специального обследования долины Тыткескень не проводилось – все объекты были открыты во время проведения стационарных работ, практически случайно: во время познавательных экскурсий, при проведении хозяйственных работ, осмотре пещер и т.п. Вероятнее всего, археологических памятников различных эпох в дальнейшем будет открыто больше. Есть несколько причин такого скопления древних объектов в долине небольшой речки (скорее, даже крупного ручья) под звучным наименованием Тыткескень.

1. Долина имеет доступный и удобный выход на Сема-Катунский водораздел, т.е. не является замкнутой, как большинство долин левобережья Катуня. Именно поэтому здесь проходил участок Чуйского тракта, при строительстве и эксплуатации которого пострадала северная оконечность поселения Тыткескень-6.

2. Тыткескень на разных участках своей долины пересекает массивы девонских карстующихся известняков, изобилующих пещерами. Нет никакого сомнения в том, что исследователи знают далеко не обо всех карстовых полостях. Мало того, даже известные до настоящего времени серьезно не проверены на наличие культурных слоев. Исследованы только Нижнетыткескеньские пещеры (НТП)-1 и 4, в остальных – археологические артефакты зафиксированы на поверхности.

3. Присутствие в долине нескольких обширных выходов кремнистых пород высокого качества, на которых зафиксированы штольни, каменоломни и мастерские. Дан-

ный минеральный ресурс имел большое значение на всем протяжении каменного века и даже в энеолите и бронзовом веке.

4. Долина Тыткескени отличается значительным количеством урочищ и микро-долин, насыщенных ботаническим разнообразием и значительными популяциями различных зоологических видов. Существенную роль в сложении указанного биологического разнообразия сыграл «сквозной» характер речки, имеющей свои истоки на водоразделе. Для древнего человека данные биологические ресурсы были очень важны, особенно на фоне отмеченных ранее особенностей долины Тыткескени.

Перечень причин плотного освоения человеком характеризуемого участка долины Катуня можно продолжать и далее. В настоящее время здесь известен 21 памятник практически всех периодов древнейшей, древней и средневековой истории. С учетом прекрасно сохранившихся участков старого Чуйского тракта и остатков инфраструктуры планируемой в 1980-х гг. прошлого века Еландинской ГЭС можно смело говорить об объектах Нового и Новейшего периодов истории.

Анализ и обобщение проделанной в XX в. работы (см. библиографический список) позволили спланировать полевые исследования 2006 г., ориентированные на полное изучение Тыткескени-VI, связанное с планировавшимися строительными работами по созданию инфраструктуры гидроэлектростанции. В частности, было решено вскрывать участки большой площадью между старыми раскопами, а также заложить отдельный раскоп, охватывающий всю площадь поселения в южной части долины.

Для проведения аварийных археологических работ была образована Катунская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета (КАЭ АГУ) под руководством директора НИИ ГИ, к.и.н. В.П. Семибратова. В ее составе работала археологическая практика АГУ (1-й курс, студенты 161–162-й групп исторического факультета, руководитель – к.и.н. доцент А.Л. Кунгуров), археологическая практика исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета (руководители – В.И. Соенов, Э.П. Дворников, С.В. Трифонова).

В исследовании принимали участие сотрудники кафедры археологии, этнографии и источниковедения АГУ, сотрудники НИИ гуманитарных исследований и Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН. В экспедиции были задействованы сотрудники Бийского государственного педагогического университета. В разное время в работе экспедиции работали: А.А. Тишкин, С.П. Грушин, А.В. Шмидт, К.Ю. Кирюшин, Е.А. Бельгибаев, С.С. Магренин, В.В. Горбунов, Т.Г. Горбунова; студенты, магистранты и аспиранты АГУ (А.Т. Сингаевский, Е.В. Шелепова, А.В. Гончаров, А. Цыро, Л. Смирнова и др.), ГАГУ, БПГУ, школьники Алтайского, Советского, Алейского, Краснощековского, Чарышского районов. Общий состав экспедиции равнялся в июне – 68, в июле – 127, в августе – 143, в сентябре и октябре – по 25 человек.

За время работы экспедиции на раскопках побывали археологи Московского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Института археологии и этнографии СО РАН, японские, итальянские, французские и другие коллеги.

Научное руководство полевыми работами и камеральной обработкой материала осуществлялось доктором исторических наук, профессором Ю.Ф. Кирюшиным.

Библиографический список

Абдуганеев М.Т. Работы в Горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. М., 1985.

- Абдулганеев М.Т. Разведки на Алтае // АО 1984 года. М., 1986.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Археологическая карта // Атлас Алтайского края. М., 1991.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Аварийные раскопки на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Вып. 3. Горно-Алтайск, 1992.
- Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Палеогеографические условия формирования Нижнетыткескенской пещеры и первые археологические находки в ней // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул, 1989.
- Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескен в среднем течении Катунь // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть 1: Древний Алтай : пособие для учителей. Барнаул, 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю., Кунгуров А.Л. К вопросу о бронзовом веке Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Вып. III. Горно-Алтайск, 1992.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескен-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Находки ранней бронзы на Средней Катунь // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Вып. 2. Барнаул, 1991.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. №1. 1995.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескен 6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология НТП-1 // Барнаул, 1995.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
- Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991.
- Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.
- Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескен // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
- Кунгуров А.Л. Итоги изучения каменного века Алтая в Алтайском госуниверситете // Актуальные проблемы Сибирской археологии. Барнаул, 1996.
- Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники р. Тыткескен (Средняя Катунь) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы в предгорьях Алтая // АО 1984 года. М., 1986.
- Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987.
- Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескен-3 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Красноярск, 1991.
- Семибратов В.П. Финально-мезолитический комплекс поселения Тыткескен-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

1200-, 600- И 300-ЛЕТНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭПОХ И ЭТАПОВ ДЛЯ ДРЕВНЕЙ, АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУР В ГОРНОМ АЛТАЕ

Научные работы Юрия Федоровича Кирюшина, известного исследователя древних культур Сибири, охватывают широкие *временные периоды* (от каменного века до средневековья) и *территориальные ареалы* (Западная Сибирь, Алтайский край, Горный Алтай) [Кирюшин, 2002, 2004; Кирюшин, Тишкин, 1997, 1999; и др.].

Изучением археологических культур Горного Алтая занимались многие ученые – А.А. Миллер, П.К. Фролов, Г.И. Спасский, Э.Г. Муральт, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, С.И. Руденко, М.П. Грязнов, Г.П. Сосновский, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, А.А. Гаврилова, С.С. Черников, А.П. Окладников, С.С. Сорокин, И.М. Замоторин, Ф.Х. Арсланова, А.И. Мартынов, Д.Г. Савинов, Л.Л. Баркова, В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, В.Д. Кубарев, Е.А. Окладникова, Л.С. Марсадолов, В.А. Могильников, А.С. Васютин, Ю.С. Худяков, А.С. Суразаков, Н.А. Боковенко, Н.В. Полосьмак, А.П. Бородавский, А.Б. Шамшин, Н.Ф. Степанова, М.Т. Абдулганеев, А.А. Тишкин, М.А. Демин, П.И. Шульга, В.Б. Бородаев, О.В. Ларин, В.А. Кочеев, О.В. Ларин, А.В. Кунгуров, З.С. Самашев, В.В. Горбунов, П.К. Дашковский, И.Ю. Слюсаренко, Г.В. Кубарев, В.И. Соенов, Е.В. Шелепова и многие другие исследователи. История изучения археологических памятников Алтая и создания хронологических систем подробно описана в работах М.А. Демина [1989], Л.С. Марсадолова [1996], А.А. Тишкина [2007] и в трудах других археологов.

За последние 30 лет наши знания по археологии Алтая значительно расширились и углубились. Из древней истории Алтая постепенно исчезают «белые» пятна, заполняются или передвигаются памятники и этапы. Среди афанасьевских и каракольских памятников выделены ранние и поздние объекты. Ныне никто уже не датирует «шибинский» этап хунно-сарматским временем, потому что исследованы новые яркие памятники этой эпохи. В горных районах Алтая пока наиболее слабо изучены объекты эпохи поздней бронзы, синхронные карасукской культуре в Хакасии, но более близкие к памятникам монгун-тайгинского типа в Туве и Монголии. В последующих археологических работах следует уделить более пристальное внимание также «темным» векам – при переходах или завершениях культурно-хронологических этапов (см. табл.).

1200-летняя периодичность. С каждым годом все отчетливее становится значение огромного влияния на природу и общество, оказываемое многолетними 1200-летними периодами. К.Н. Леонтьев [1991] и Л.Н. Гумилев [1990] обратили внимание на влияние этого периода на *становление, расцвет, спад и гибель цивилизаций* (римской, византийской и др.).

Не исключено, что каждый из 1200-летних периодов связан с «эпохами великих переселений народов» и с «волнами» появления новых типов изваяний (см. табл.). «Вечные» изваяния из камня встречали в степи новых пришельцев, которые частично свергали их или полностью переделывали в соответствии с их мировоззрением, воздвигали новые обелиски как знаки их «гарантии и вечности» на проживание в данном регионе, связи с прошлым, с предками и т.п. [Марсадолов, 2014].

1200-, 600- и 300-летние периодизации
археологических эпох и этапов для древней,
античной и средневековой культур в Горном Алтае

1200- летний период	Истори- ческий период	Эпоха (археология + история)		Этап (культура + ведущий этнос)	Дата	Основные вехи
5-й (с XVII века, незавер- шённый)	Новое и нашей время	Эпоха много- укладности	Новейшего Времени	Полиэтничности ⊥ - памятники (камень, металл)	с XX в. н.э.	Глобализм, социализм, капитализм. ЭВПН *
			Нового Времени	Вхождение Сибири в состав России	XVII – XIX	ЭВПН
4-й (V – XVI вв.)	Средне- вековье	Эпоха средне- вековых кочевников	Позднего Средне- вековья	Монгольское Великодержавие	XI– XVI	Центры за преде- лами Алтая. ЭВПН
			Раннего Средне- вековья	Поздне- тюркский ⊥ - изваяния	VIII-X	Этно- образующий для тюрков. ЭВПН
				Ранне- тюркский	V-VII	
3-й (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.)	Антич- ность	Эпоха Железа (кочевников античного периода)	Позднего Железа (преобла- дания железа)	Белобомский (хунно-сянбийский)	II–IV вв. н.э.	Центры за преде- лами Алтая (в Монголии) III в. до н.э. – «тёмный». ЭВПН
				Усть- эдиганский (хуннский)	II в. до – I в. н.э.	
			Раннего Железа (отдельных железных изделий)	Пазырыкский (самые ранние памятники в VI в. до н.э.)	V-III	Центральная ставка на Алтае. ЭПН
2-й (XX – IX вв. до н.э.)	Древно- сть	Эпоха Бронзы (пастухов-скотоводов)	Поздней Бронзы	Близки к ранним памятникам монгун-тайгинского типа в Централ. Азии	XI-IX	Памятники пока мало изучены на Алтае.
					XIV-XII	
			Средней Бронзы	Каракольский (окуневский вариант) ⊥ - изваяния	XVII-XV XX- XVIII	Преобладание скотоводства и охоты. ЭПН**
1-й (XXXII– XXI вв. до н.э.)			Ранней Бронзы (меди)	Афанасьевский (алтайский вариант) ⊥-?	XXXII- XXI	Переход к пастушескому скотоводству. ЭВПН *

ЭВПН* – Эпоха Великого переселения народов. ЭПН** – Эпоха переселения народов.
⊥ – изготовление каменных изваяний, высоких стел, мегалитов – высотой более 1,5 м
(с XVIII в. – портретных скульптур выдающихся деятелей и героев).

Вероятно, пять 1200-летних образуют 6000-летний период, который в отсчете от наших дней, на территории Сибири соответствует *переходу к эпохе бронзы* (IV тыс. до н.э.) и крупным изменениям в социальной, экономической и культовой жизни древних племен – становлению афанасьевской культуры на Алтае. В свою очередь, половина 6000-летнего периода – 3000 лет назад – в истории человечества совпадает с началом эпохи железа, постепенному переходу к ее расцвету в античный период.

300-летние этапы – перестроечные. Не исключено, что крупный 1200-летний период образуют четыре 300-летних, в чем-то похожих на переломные периоды в течение *одних суток* (*утро* – восход солнца; *полдень* – солнце в зените; *вечер* – закат солнца; *полночь*); *одного года* (четыре сезона: *весна* – становление, равноденствие; *лето* – высокое солнцестояние, тепло; *осень* – равноденствие, плодоношение, увядание и *зима* – зимнее солнцестояние, холод) и т.д. Как пять 12-летних подпериодов образуют более значимый 60-летний период (очень почитаемый в странах Востока, примерно равный усредненному периоду жизни отдельного человека), так и пять 60-летних периодов создают новый еще более крупный *300-летний перестроечный период* [Марсадолов, 2013].

Для памятников I тыс. до н.э. археологи уже давно выделяют *300-летние перестроечные культурно-хронологические этапы* (см. табл.):

– *архаический* в Греции соответствует *пред- и раннескифскому* в Восточной Европе, *аржанскому, майэмурскому и бийкенскому* на Саяно-Алтае и *салбыкскому* в Хакасии – VIII–VI вв. до н.э.;

– *классический* в Греции (с начала греко-персидских войн в 500 г. до н.э.) = *скифский* в Восточной Европе = *пазырыкский* на Алтае и *саглынский* в Туве – V–III вв. до н.э.;

– *сарматский (хуннский)* – II в. до н.э. – I в. н.э. и т.п.

600-летние эпохи – два этапа – «от расцвета до начала заката». Важны не только 300-летние этапы, но и их двукратное умножение – эпохи по 600 лет. Например, в Хакасии примерно по 600 лет равно время существования карасукской, тагарской и таштыкской культур [Марсадолов, 2015]. 600-летний интервал имеют предскифская + скифские культуры; сарматская + позднесарматская, архаическая + классическая культуры в Греции, римское время, а в Китае период VIII–III вв. до н.э. называют Восточным Чжоу и т.д. На Алтае примерно по 600 лет равны эпохи бийкенской + пазырыкской; хуннской + сяньбийской и древнетюркской археологических культур (см. табл.).

Период античности в Евразии и Сибири (с VIII в. до н.э. по IV в. н.э.). Хотя термин «античность» (от латинского *antiquitas*) близок термину «древность», но исторически и археологически это не одно и то же. Кочевники Европы и Саяно-Алтая принимали активное участие в общемировых культурно-исторических процессах античного периода, который нашел отражение как в письменных и мифологических источниках, так и в предметах сакрального искусства, вооружении, вазописи с изображением кочевников и на многих других объектах.

Следует отметить, что период античности, 1200 лет, равен периоду средневековья (см. табл.), но если период древности в Сибири ныне охватывает два 1200-летних периода [Марсадолов, 2015, с. 120–131], то в Передней Азии он может состоять не из двух, а из трех и более периодов (шумеры, Чатал-Хуюк, Гербекли-Тепе и т.п.).

Начало периода античности, с VIII в. до н.э., слабо освещено в европейских письменных источниках. В это время на территории Евразии произошли *крупные перестроечные события*: в Греции вокруг городов-полисов объединились разные по происхождению народности и в 776 г. до н.э. состоялись первые олимпийские игры, в ходе которых прекращались все конфликты (в дальнейшем заложившие основы для исчисления абсолютной европейской хронологии); в 753 г. до н.э. был заложен город Рим в Италии – основа и столица будущей империи; в 770-е гг. до н.э. – в Китае под ударами кочевников произошла смена правящей династии Западной на Восточную Чжоу; а в 1-й половине VIII в. до н.э. в Туве был сооружен самый большой на Саяно-Алтае курган Аржан-1 и т.д. Заканчивается *«архаический» этап* созданием новых супердержав – Греции на Западе и Ахеменидской Персии в Передней Азии (вместо ранее господствовавшей в VIII в. Ассирийской империи).

«Классический» этап в Евразии начинается с греко-персидских войн (500/499–449 гг. до н.э.), в которые были втянуты и евразийские кочевники – скифы и саки, а завершается завоеванием Греции набирающей мощь Римской республикой в 200 г. до н.э. В 498 г. до н.э. в Китае был подавлен мятеж ряда кланов, и в силе осталось четыре правящих рода. Фактически с этого времени началась эпоха «Сражающихся княжеств/царств», которая закончилась объединением Китая в 221 г. до н.э. и началом правления новой династии Хань – с 202 г. до н.э.

В Монголии с 209 г. до н.э. постепенно возвышалась хуннская кочевая «империя». Династия Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) просуществовала дольше любой другой правящей династии в многовековой китайской истории, а ее правление послужило образцом для последующих восточных империй, так же как и Римская империя стала образцом для европейцев. *Рим и Китай – супердержавы на Западе и Востоке Евразии*. В I в. н.э. упрочились сухопутный и морской торговые пути между Европой и Китаем, поэтому китайцы уважительно называли Рим «Большим Китаем», а римляне именовали их «Страной шелка».

Обобщая «с точки зрения общеисторических закономерностей», Д.Г. Савинов [2009, с. 104–105] отметил, что ситуация в Центральной Азии в тесинское время «... чем-то напоминает Римскую империю с ее ближними и дальними провинциями на Балканах и на Ближнем Востоке: доминирующей во всех отношениях метрополией и относительно самостоятельными провинциями со своими исполнителями верховной власти – наместниками, вытеснением (точнее – замещением) местной традиционной культуры инокультурными, социально обусловленными ценностями. В принципе, одно и то же время, одна и та же имперская психология, и единый, соединяющий Запад и Восток Великий шелковый путь».

Как хорошо известно, в 330 г. н.э. император Константин на границе Европы и Азии, на месте Древнего Византия, основал город Константинополь и перенес туда столицу Римской империи, но только в 395 г. император Феодосий I перед смертью разделил государство между двумя сыновьями: старшему Аркадию достался восток, а младшему Гонорию – запад, т.е. обширная империя окончательно распалась на Западно-Римскую и Восточно-Римскую.

В начале V в. н.э. положение Западно-Римской империи значительно осложнилось, набирал силы и размах новый исторический период, связанный с эпохой Великого переселения народов. В 401 г. в Италию вторглись вестготы во главе с Аларихом,

в 404 г. – остготы, вандалы и бургунды, а 24 августа 410 г. вестготы впервые в многовековой истории захватили Рим и подвергли его двухдневному разграблению. Интересно отметить, что в Китае династия Западная Цзинь положила конец смутной эпохе «Троецарствия», объединив страну на короткий период, а затем новый раскол привел к созданию правящей династии Восточная Цзинь (с 317 по 420 г.). С 304 по 439 г. вокруг Китая существовало 16 варварских мелких государств, в том числе и хуннов.

Как в западных государствах античного мира, так и у евразийских кочевых народов зафиксированы изображения в металле, дереве, коже, на петроглифах, выполненных в «геометрическом» стиле (VIII–VII вв. до н.э. – Аржан-1, Майэмир, частично Чиликта-5); в классическом (V–IV вв. до н.э. – Пазырыки, Иссык); в динамичном (эллинистическом, хуннском и китайском), в более позднем – схематизма (таштыкском) и в иных художественных стилях античного исторического периода [Марсадолов, 2000, табл. 3; 2015]. Не только аржанский, алтайский и хуннский импульсы оказали влияние на материальную, художественную и духовную культуру тагарцев [Савинов, 2009, 2012], но и все регионы Саяно-Алтая (Тувы, Алтай и Хакасии) и Центральной Азии испытали общее влияние сакрально-художественных стилей Евразии VIII в. до н.э. – IV в. н.э. – геометрического, ориентализирующего, классического, ахеменидского, эллинистического, римского, хуннского, ханьского и т.п. [Марсадолов, 2015, рис. 89]. Не только Греция и Персия, но и их союзники и противники – европейские и восточные кочевники – принимали активное участие в греко-персидских войнах, а затем в походах Александра Македонского и т.д. В курганах кочевников были найдены импортные изделия, выполненные не только под влиянием ахеменидских мастеров, но и греческих.

Римское время на Западе и эпоха Хань на Востоке – это создание, расцвет и гибель могущественных империй, которые разрушили набеги как восточных кочевников (хуннов и их потомков гуннов, сарматов, парфян и др.), так и западных «варваров» (готов, вандалов и т.д.). В античный период письменные источники зафиксировали крупные региональные и глобальные исторические процессы, «жизнь» отдельных этносов не только в своем регионе (в Китае, Греции, Италии, Иране, Индии), но и в соседних районах, в том числе и у кочевников Евразии.

В контексте античной истории необходимо различать *пять уровней историко-культурного развития* народов и племен в разных регионах мира [Марсадолов, 2015, с. 126]:

1) *мировой* уровень истории и культуры на территории Евразии и Африки (например: греко-персидские войны; походы Александра Македонского, создание и гибель Римской империи и т.п.) – крупномасштабные евразийские исторические события;

2) *зональный* (лес, степь, морское побережье, пустыни) – история степной полосы Евразии и других природных зон;

3) *крупных этносов* (скифы, саки, греки и др.), занимавших территорию нескольких регионов и активно влиявших на соседние народы;

4) *региональный* (Алтай, Тува, Хакасия – «тагарцы», «пазырыкцы», «саглынды» и т.д.);

5) *районный* (Западный, Центральный Алтай, Юго-Восточный Алтай – «майэмирцы», «бийкенцы» и др.).

При более детальной синхронизации археологических объектов на региональном и районном уровнях могут быть нестыковки хронологических шкал с общим уров-

нем мировой истории. Восточно-европейские археологи-скифологи начиная с XIX в. «привязали» региональные хронологические схемы к греческой античной хронологии. В 1930–1950-е гг. сибирские археологи-классики соответственно синхронизировали региональные хроношкалы с европейскими (для Алтая, Приобья, Хакасии, Тувы, Казахстана и др.), но почти забыли, что они связаны с конкретной исторической обстановкой в античном мире. Например, С.В. Киселев [1951] разделял «скифообразную» майэмирскую культуру на две «стадии»: раннюю – VII–VI вв. до н.э. и позднюю – V–IV вв. до н.э. К ранней стадии отнесены курганы в Майэмирской степи, под Солонечным белком и у деревни Черновое, а к поздней – рядовые курганы в Туэкте (1937 г., №6, 8, 10 и 11), а Пазырык-1 – к III в. до н.э., к гунно-сарматскому времени [Киселев, 1951, с. 288, 291–292, 298, 300, 327]. Следовательно, в позднюю стадию майэмирской культуры С.В. Киселев включал ранние пазырыкские памятники – малые курганы в Туэкте, и он был в чем-то прав, так как на уровне мировой истории Туэкта-Башадар и Пазырык – это разные хронологические и исторические этапы.

С.И. Руденко [1960] и Л.С. Марсадолов [1996, 2000] датировали большие курганы в Туэкте и Башадаре серединой и 1-й четвертью VI в. до н.э. Позднее Л.С. Марсадолов [2004, с. 79] отнес памятники *башадарско-черниговского пласта* у кочевников Евразии к VI в. до н.э., а А.А. Тишкин [2007, с. 150] датировал *башадарский этап* на Алтае 2-й половиной VI – 1-й половиной V в. до н.э.

Сейчас автору удалось дополнительно синхронизировать саяно-алтайские дендрошкалы. Курган Аржан-2 в Туве, который датируется серединой – 2-й половиной VII в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 215; Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Марсадолов, 2004], всего на 50 лет старше кургана Туэкта-1 на Алтае (поправка $\pm 1-2$ года), еще в 1970–1990 гг. датированный 580-е гг. до н.э. [Марсадолов, 1996, 2000; и др.]. Таким образом, курган Туэкта-1 на 80 лет старше греко-персидских войн 500-го и позднее годов до н.э., начала нового мирового исторического этапа. Материалы больших курганов Туэкта-1 и Башадар-2 связаны с совершенно другими историческими событиями в Передней Азии и отражают ассирийско-фригийское, а также центральноазиатское влияния 2-й половины VII – начала VI в. до н.э. [Марсадолов, 2000, 2015].

В материалах больших Пазырыкских курганов 2-й половины V в. до н.э. многими исследователями отмечено влияние совершенно иной ахеменидской культуры, уже после начала греко-персидских войн. Поэтому на *региональном уровне* самые ранние памятники пазырыкской культуры, типа Туэкты-1 и Башадара-2, относятся к VI в. до н.э. Именно асинхронность развития разных этносов придавала во все века динамику в развитии конкретных исторических событий на территории Евразии.

В целом евразийский «античный период» продолжался с VIII в. до н.э. по IV в. н.э., а его традиции уходят в более ранние и в поздние исторические периоды. Античный период в VIII в. до н.э. начинается с постепенного становления государств на Западе (в Греции, Италии, Фригии), с крупных побед союзов кочевых племен киммерийцев и скифов, с падения правящей династии Западной Чжоу в Китае на Востоке и с возвышения кочевников в Центральной Азии. Заканчивается античный период расколом Римской империи на Западе, закатом крупных объединений скифов и сарматов, возвышением и закатом кочевых союзов хуннов-гуннов и новым объединением Китая на Востоке – в конце IV в. н.э.

Более широкое использование термина «античный период» для сибирских и других евразийских регионов позволит глубже изучить связи евразийских кочевников с оседлыми цивилизациями, с разными политическими, экономическими и культурными центрами. В целом это будет способствовать выходу на новый уровень обобщений, поиску связей центров с периферией, осознанию значимости сложных по составу суперкультур, определению их роли в разные исторические периоды.

Хотя формально «строгие» периодизации археологических объектов и предметов *по материалу*, вероятно, предполагают продление «эпохи железа» до современности, но реально более применимы и жизненны «смешанные» комплексные периодизации (по типу представленной выше таблицы). Поэтому археологи вместо термина «новый» и «позднейший железный» периоды, по В.В. Радлову [1896], все чаще используют более краткий и емкий термин – «средневековье». Термины-понятия «античность», «средневековье», «новое время» гораздо глубже отражают «включенность» разных регионов Евразии в общемировую культурно-исторический процесс.

Несомненно, что со временем границы бытования культурно-хронологических этапов в Сибири будут уточнены и увязаны с жизнедеятельностью определенных этносов, как это частично уже сделано для Греции в античный период, в истории Китая и для средневековых памятников на Саяно-Алтае. Основная трудность заключается в том, что при отсутствии данных письменных источников археологи фиксируют уже свершившиеся и отложившиеся в земле факты и события, хотя в реальности их начало и завершение могло происходить на десятилетия ранее или позднее.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что на территории Евразии можно выделить цивилизационные 1200-летние исторические периоды, состоящие из двух 600-летних эпох и четырех 300-летних культурно-хронологических этапов (см. табл.). Только комплексный подход к археологическим источникам и интеграция выводов различных отраслей знания помогут в решении сложных хронологических проблем.

Библиографический список

- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
Демин М.А. Первооткрыватели древности. Барнаул, 1989.
Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991.
Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурол. СПб., 2000.
Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.

Марсадолов Л.С. Числа, их счет, мера, периодичность и сакральность у кочевников Евразии в I тысячелетии до н.э. // Цикличность: динамика культуры и сохранение традиции. СПб., 2013. Вып. VI.

Марсадолов Л.С. 1200-летняя периодичность появления «волн» каменных изваяний в Южной Сибири и современные проблемы их изучения // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014.

Марсадолов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана, салбыкского периода и этапа // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб., 2015.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1896.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.

Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010.

А.И. Мацына¹, Д.В. Жувак¹, А.Ю. Никитин²

¹Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия», Челябинск, Россия;

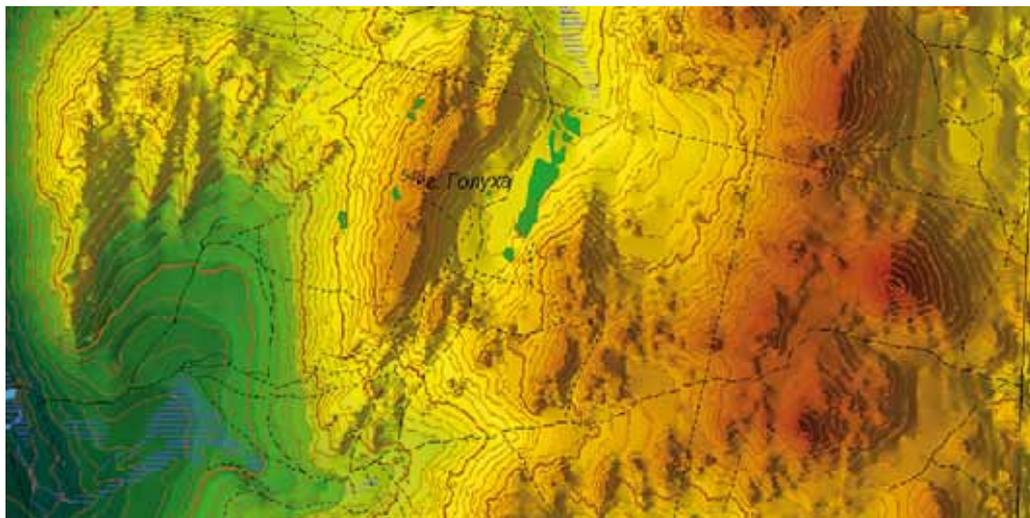
²Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН,
Челябинск, Россия

ЭЛЕКТРОННАЯ КАРТА КАК ОСНОВА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНК «ВОЗДУШНАЯ РАЗВЕДКА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ»

Военно-научный кружок «Воздушная разведка памятников археологии» Челябинского филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» организован и более пятнадцати лет успешно работал под руководством кандидата исторических наук, доцента, полковника Н.И. Чуева. Спецификой кружка стала учебно-научная работа, сопряженная с освоением методов дешифровки аэрофотоснимков, работы с картами, электронными геоинформационными системами и современными технологиями топографической съемки местности. В 2007 г. работа военно-научного кружка дополнена археоастрономическим направлением (руководитель – О.О. Полякова), и состоялось первое учебно-научное мероприятие в горной местности (руководитель – А.И. Мацына). Целью таких учебно-научных мероприятий является практическое совершенствование профессиональных качеств курсантов при работе с картами в складках горной местности. В результате военно-научная работа способствовала открытию нового памятника археологии в районе г. Голуха Чашковского хребта административного округа г. Миасс Челябинской области. С 2013 г. в работу кружка в направлении авиационной картографии, топографии и геодезии активно включился старший преподаватель кафедры самолетовождения подполковник Д.В. Жувак. После двухлетнего перерыва, связанного с закрытием филиала, с 2013 г. военно-научный кружок возрождается,

и основными направлениями его работы становятся разведочно-поисковая деятельность и составление электронной карты на базе ГИС «Панорама».

Система позволяет создавать векторные, растровые и матричные карты, а также оперативно обновлять различную информацию о местности. Электронная карта – это скомпонованный пользователем набор различных цифровых данных о местности, относящейся к определенной территории. Работа с электронными картами является важным этапом подготовки будущего штурмана и офицера боевого управления. Утвердившаяся в науке практика применения ГИС-технологий дает возможность фиксировать схемы расположения объектов, в том числе и памятников в ландшафте с их топографическими, археологическими и археоастрономическими особенностями.

Изображение района г. Голуха в ГИС «Панорама»
(электронная карта + гипсорельеф местности)

В рамках истории материальной культуры можно выделить направление, объектом исследования которого являются памятники не всегда ясного предназначения, которые часто определяются как горные святилища. Горный Урал – территория, потенциально богатая подобными памятниками. Однако их обнаружение и изучение, выявление их культурной принадлежности, постижение их утилитарного и религиозно-мифологического предназначения требуют комплексных исследований на основе постепенного формирования многоуровневой подробной электронной карты.

Замысел комплексных поисковых исследований представляется вполне обоснованным в свете философского тезиса о человеческом бытии как о мире, подвергнутом культурной разметке. С этих позиций и для археолога, и для летного состава профессионально значимой оказывается многоуровневая электронная карта, позволяющая хранить различные пласты информации. Специфика комплексных учебно-научных исследований, когда будущий штурман или офицер боевого управления работает в составе археологической разведки с целью фиксации маршрута или объектов на карте, позволяет, с одной стороны, закрепить необходимые ему профессиональные знания по авиационной астрономии, аэронавигации, авиационной картографии, топографии

и геодезии, с другой – уже имеющиеся профессиональные навыки и умения использовать в выполнении поставленных исследовательских задач. В результате человеческое бытие начинает рассматриваться не только как «свое», понимаемое в контексте своего мира и времени, но и как «наше», «общее» достояние, тотальная предметность, получившая неоднократную культурную разметку в результате человеческой деятельности. Выполняя научное задание, будущий военный специалист помещает свои профессиональные навыки в иной культурный контекст.

Реализация этих идей была начата в инициативной научно-исследовательской работе 2014 г. «Топографическая съемка» и продолжена в работе 2015 г. «Воздушная разведка памятников археологии». Летом-осенью 2015 г. в районе г. Голуха Чашковского хребта, административный округ г. Миасс Челябинской области, проведено первоначальное археологическое обследование под руководством А.Ю. Никитина (Открытый лист №1390), обобщившее случайные находки, сделанные местным населением и военно-научным кружком, проводившим выездные полевые учебно-научные мероприятия в этом районе. В результате работ обнаружен новый археологический памятник с местонахождением артефактов эпохи энеолита, бронзового века и средневековья, зафиксирован и обработан подъемный материал.

Чашковский хребет является восточным отрогом Уральских гор протяженностью 14 км, отдельные вершины его достигают 600 метров. Гора Голуха Чашковского хребта расположена по правому берегу р. Черной, на участке между селами Черновское и Кундравы, в 2,5 км к юго-востоку от околицы с. Черновское, административный округ г. Миасс, Челябинской области.

Примечательной является «каменная чаша» на вершине Голухи, которая представляет собой сквозное отверстие подквадратной формы в горизонтально расположенной гранитной плите. Плита в нижнем основании переходит в гранитный массив, имеющий открытое с восточной стороны естественное углубление, образующее нишу размерами 0,8 x 1,5 м. Ниша своей открытой частью выходит на небольшую гранитную площадку, заканчивающуюся с восточной стороны отвесным обрывом.

На разноуровневых площадках и каменных нишах восточного склона горы был собран подъемный материал, состоящий в целом из около 90 фрагментов керамики, нескольких предметов каменной индустрии и двух экземпляров зубов лошади. Судя по внешнему облику, большинство фрагментов керамики принадлежат сосудам энеолита, поздней бронзы и средневековья.

В 1987 г. Чашковский хребет объявлен ботаническим памятником природы Челябинской области из-за уникальной флоры его горного луга. Малонаселенность района позволила сохранить уникальность этого природного уголка. С учетом археологических находок на Голухе следует отметить, что неизученным, но высокоперспективным с археологической точки зрения является весь район Чашковского хребта. Однако местность уже длительное время испытывает очень интенсивное антропогенное воздействие, а экологическая ситуация с каждым годом ухудшается.

Таким образом, комплексные учебные мероприятия военно-научного кружка способствовали получению данных о материальной культуре древних насельников этой местности. Выявлен новый археологический памятник «Голуха», представляющий пример природного объекта, который в силу своей необычности притягивал внимание населения на протяжении нескольких исторических эпох, что сохраняется и до

современности. Интенсивное антропогенное воздействие приводит к деградации природно-культурной системы.

В связи с этим требуется продолжение комплексных междисциплинарных мониторинговых исследований всего хребта, стержнем которых является составление подробной электронной карты в ГИС «Панорама». Интерактивная карта поможет эффективно произвести ревизию, максимально обобщить и сохранить информацию о состоянии археологических памятников Чашковского хребта, способствовать прогнозу новых открытий на его территории и сохранить этот уникальный природно-культурный мир.

В.К. Мерц

*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Республика Казахстан*

СИСТЕМА АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ В ГОРНОСТЕПНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И МЕТОДЫ ПОИСКА ИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В изучении памятников древних скотоводов степной и горностепной зон Северной Евразии преобладают погребальные сооружения, представленные курганами, оградами и грунтовыми захоронениями. Зачастую представления о той или иной археологической культуре складывались лишь по погребальному обряду или отдельным типам предметов, что отражалось и в названиях некоторых из них (ямная, катакомбная, курганная, воронковидных кубков, боевых топоров, погребальных урн, срубная и т.д.), которые не всегда точно и полно могли их характеризовать. Такая традиция сложилась на заре евразийской археологии и была связана с избирательностью объектов изучения, представленных наиболее заметными и типичными памятниками, которые, в отличие от поселений, не нужно было искать. Из этого следовали информативная ограниченность и неполнота знаний о данных культурах. Особенно это касалось степных культур древних скотоводов, поселения которых долгое время были не известны. Важную роль в этом сыграли и древние авторы начиная с Геродота, впервые описавшего культуру древних кочевников степной Евразии, который и заложил такую историографическую традицию, воспринятую и укрепленную более поздними авторами, создавшими миф о кочевнике [Хазанов, 2002, с. 66–67].

Данные стереотипы успешно перекочевали и в умы русско-советских историков и археологов, которые часто даже не допускали мысли о том, что у кочевников могут быть поселения. К сожалению, эта живучая традиция была привита многим специалистам по культуре древних и ранних кочевников, в том числе являющихся их прямыми потомками. Этот «комплекс кочевника» долгие годы тормозил и до сих пор тормозит развитие евразийской археологии, отражающей лишь один аспект материальной и духовной культуры степных скотоводов различных эпох, связанной с погребальной практикой, а памятники бытовой культуры, производственной и хозяйственной деятельности зачастую отсутствуют в перечне изучаемых объектов и сфере научных интересов большинства специалистов. Это отражает несбалансированность и однобокость

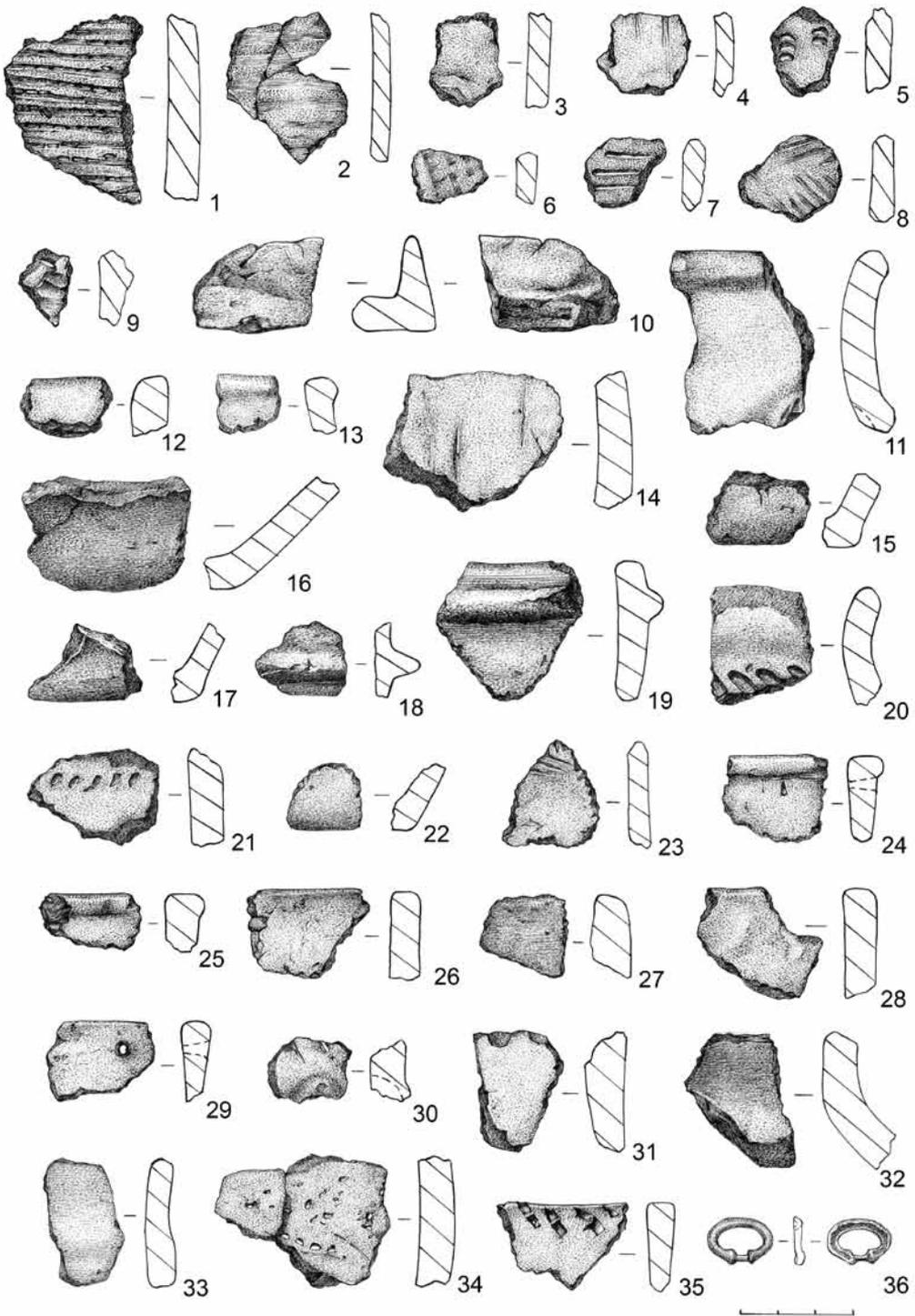
деятельности многих исследователей стран СНГ, занимающихся изучением культуры скотоводческих племен Евразийской степи.

Правда, с распадом СССР и освобождением от некоторой идеологической зависимости, а также в связи с накопившейся информацией о материальной культуре ранних кочевников Казахстана был выдвинут тезис о «степной или кочевой цивилизации», позволивший приоткрыть эту проблему на теоретическом [Мартынов, 1989; Хабдулина, 1997] и практическом уровнях путем поиска и изучения поселенческих памятников ранних и средневековых кочевников Северного и Центрального Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 17, 67; Бейсенов, 2002].

Подойти к этой проблеме безо всяких идеологических предубеждений, опираясь на опыт практической деятельности и понимание неполноценности источников, удалось в результате многолетнего изучения археологических памятников Северо-Восточного Казахстана и других регионов. Так, при изучении памятников Шидертинского археологического комплекса и выявлении дюнных неолитических стоянок Казахстанского Прииртышья отмечено обязательное присутствие в материалах большинства памятников хронологической триады: неолит, ранняя бронза и ранние кочевники [Мерц, 2006, с. 73]. На мелкосопочнике поселения ранней бронзы и ранних кочевников часто перекрываются казахскими зимовками конца XIX – 1-й трети XX в. То есть в разные, не связанные между собой хронологические периоды население этих регионов выбирало одни и те же места поселений и временных стоянок. Это может объясняться прежде всего сходными формами хозяйственной деятельности. Следовательно, для выявления более ранних памятников здесь необходимо использование знаний по казахской этнографии, топонимике и топографии зимовок. Использование этих методов позволило выявить и изучить в Центральном Казахстане десятки поселений ранних кочевников. Особенности их топографии и внешние характеристики уже представлены во многих работах казахстанских исследователей [Бейсенов, 2006; Бейсенов, Ломан, 2009]. Еще раньше подобные работы по изучению усуньских поселений Семиречья проводил К.А. Акишев [1969].

Затем подобная ситуация выявлена и в предгорной зоне Семиречья, где недавно были изучены поселения ранней, развитой и поздней бронзы, обнаружены и первые поселения ранних кочевников, часто перекрытые остатками казахских зимовок [Горачев, 2011; Франчетти, Марьяшев, Доумани, 2014]. Такая ситуация, связанная с расположением поселений древних скотоводов, повторяемая как в степной, так и в предгорной зоне, позволяет сделать эти наблюдения методической основой для поиска поселений не только ранних кочевников, но и более древних памятников в регионах с подобным ландшафтом. Кроме того, сейчас выявлены крупные поселения ранних кочевников и в полупустынной зоне Северного Приаралья у неолит-энеолитической стоянки Саксаульская и аула Косаман [Ишангали, Мерц, Бонора, 2012]. Есть такие поселения и в Северо-Восточном Прикаспии.

В этой связи хотелось бы отметить специфику исследовательского подхода памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии, среди которых до сих пор так же не было известно поселений, а лишь погребально-поминальные комплексы, что явно не отражало полноты понимания их культурной специфики. Так, на территории Северо-Западной Монголии, расположенной в пределах Монгольского Алтая, где преобладают горностепные ландшафты, выделено несколько археологических культур,

Материалы поселения Шар говь-4

среди памятников которых нет ни одного поселения [Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2009; Мунхбаяр, 2013, с. 19–23]. До сих пор не известны поселения и чечурчекской культуры, к которой А.А. Ковалев относит и часть памятников Восточного Казахстана, содержащих елунинскую керамику [Ковалев, 2012, с. 34; 2014, с. 7]. Однако елунинских поселений уже выявлено и изучено большое количество не только в Обь-Иртышском междуречье, но и на окраине Казахского мелкосопочника [Мерц, 2003, с. 133; 2010, с. 18, 220; 2011, с. 399]. Напрашивается справедливый вопрос: почему в Монголии нет поселений не только ранних кочевников, но и эпохи бронзы, а в Горном Алтае при обилии поселений афанасьевского времени, раннего железа и средних веков, топография расположения которых часто совпадает [Шульга, 2012, с. 204], практически нет памятников развитой и поздней бронзы [Погожева, 2006, с. 58–59]? Некоторыми исследователями предлагались различные варианты ответов на эту проблему, среди которых выдвигались версии о культурно-хозяйственной специфике древнего населения, не оставившего поселенческих объектов, и о природно-климатических условиях региона, препятствовавшие их появлению здесь [Абдулганеев, Ларин, 2005, с. 175–176].

Однако вышеприведенный пример использования этнографических данных и выявленные особенности топографии поселений древних скотоводов Казахстана привели к убежденности, что для определения топографии древних поселений Монголии и других регионов с горностепным ландшафтом должны использоваться аналогичные методы. В связи с этим в 2014–2015 гг. в составе российско-монгольской экспедиции, проводившей исследования под руководством А.А. Ковалева* в Баян-Ульгийском аймаке, мною проведен эксперимент по их поиску в условиях горностепного ландшафта [Мерц, 2015]. Важно отметить, что здесь местные казахи до сих пор успешно занимаются пастушеским хозяйством. На высоте более 2,5 тыс. м над уровнем моря находятся не только их летние пастбища – джайляу, но и зимние жилища – кыстау, расположенные в горных лощинах на ровных площадках.

В районе одной такой зимовки, расположенной недалеко от слияния рек Ховд и Годон-гол в урочище Шар говь, выявлено несколько площадок с остатками древних конструкций прямоугольной формы, напоминающих фундаменты жилищ, но подъемного инвентаря на них обнаружить не удалось, поэтому шурфовка также не проводилась. Лишь на площадке, расположенной с противоположной стороны ручья, у подножия скалы с петроглифами, прикрывающей ее с севера, обнаружены остатки нескольких конструкций, выделяющихся на общем фоне хорошей задернованностью. Вокруг них были собраны фрагменты керамики нескольких эпох, каменные орудия, металлургические шлаки и кости животных. Данный пункт получил название Шар говь-4.

Небольшой раскоп площадью 9 кв. м, заложенный между двух конструкций, показал незначительную глубину культурного слоя – до 20 см и низкую плотность находок – 12 фрагментов керамики. На дне раскопа обнаружена небольшая ямка с прокаленным грунтом. Среди собранного инвентаря выделяются фрагменты керамики со сплошным отступающе-накольчатый и прочерченным орнаментом периода ранней бронзы (рис.-1–9), венчики сосудов средней и поздней бронзы с отогнутым и прямым венчиком, наlepными и формованными валиками, косыми насечками и вдавлениями (рис.-10–23) и фрагменты венчиков с карнизом и жемчужным орнаментом раннего же-

* Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность А.А. Ковалеву и Ч. Мунхбаяру за предоставленную возможность провести это исследование.

лезного века (рис.-24–33). Интересен фрагмент керамического предмета с невысокой прямой стенкой и плоским дном, возможно, являющийся литейной формой или плоским блюдом (рис.-10). Несколько толстостенных фрагментов с мелкими вдавлениями и косыми отгисками крупной гребенки по краю венчика тонкостенного сосуда и мелкая медная бляха (рис.-34–36), видимо, относятся к средним векам.

Каменные орудия представлены одним пестом-терочником с выделенной рукояткой и шлифованной рабочей частью. Он выполнен из черного алевролита. Найдено также несколько обломков абразивов из песчаника. Характер полученного материала свидетельствует о разновременном использовании данной площадки в качестве поселения, где были каменные сооружения, и еще раз подтверждает правильность методики поиска подобных памятников в местностях с горностепным ландшафтом. Важным фактором является ориентирование исследователя в таких условиях, знания по этнографии, топонимике и топографии расположения традиционных мест поселений скотоводов степной зоны Евразии. Их использование может привести к открытию новых памятников, расширяющих информативную базу о культуре, производственной и хозяйственной деятельности древних скотоводов Центральной Азии.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдыр-1. Барнаул, 2005.
- Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: Проблеми розвитку. Луганск, 2002.
- Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века в Карагандинской области (Центральный Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009.
- Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ II // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011.
- Ишангали С.К., Мерц В.К., Бонора Ж.Л. Исследования по каменному веку Северного Приаралья // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012.
- Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурачский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб., 2012.
- Ковалев А.А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014.
- Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул, 2003.
- Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Мерц В.К. Поселение Шидертинское-II // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы, 2010.
- Мерц В.К. Археологическое изучение Северо-Восточного Казахстана за 20 лет независимости // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011.
- Мерц В.К. Новые материалы по бронзовому веку Северо-Западной Монголии // Эрдэм шинжилгээний бичиг 7 (19). Ховд их сургуулийн Нийгэм хүмүүнлэгийн ухааны сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2015.
- Мунхбаяр Ч. Погребально-поминальные комплексы монгольского Алтая периода ранней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., Погожева А.П. Эпоха бронзы // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006.

Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009.

Франчети М.Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2014. №5 (297).

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация критерии и понятия // Известия МН РК. Серия общественных наук. 1997. №1 (209).

А.А. Плешаков

*Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан*

СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ НА ОСНОВЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Работы производились по бюджетной программе 055 «Научная и/или научно-техническая деятельность», подпрограмма 101 «Грантовое финансирование научных исследований», по договору №275 от 12 февраля 2015 г.

В современных условиях неизмеримо возросли роль и значение отечественной истории, основными задачами которой являются сохранение исторической памяти и познание закономерностей общественного развития и консолидация общества. За более чем двадцатилетний период казахстанскими историками проведена колоссальная работа по переосмыслению дореволюционной и советской историографии Казахстана, изучению «белых пятен» истории Казахстана на основе новых артефактов и архивных источников.

Коллекции материалов, полученные в ходе работ Северо-Казахстанской археологической экспедиции (СКАЭ) за 48 лет, являются основой экспозиции зала древней истории областного музея и музея Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (СКГУ), получили отражение в залах Центрального республиканского музея г. Алматы и музея Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, демонстрировались в экспозициях выставок в Великобритании, Германии и США.

Идея проекта состоит в создании музея под открытым небом на основе реконструкции погребальных комплексов и жилищных конструкций разных эпох в натуральную величину. Внутренние интерьеры и площадки межжилищных пространств предполагается использовать для реконструкции различных производств и домашних промыслов от каменного века до средневековья. Функциональные реконструкции кузнечного дела, керамического производства, плетения и вязания, изготовление одежды и украшений по древним технологиям привлекут интерес экскурсионных групп для активного отдыха в полевых условиях с возможностью участия в различных древних производственных процессах.

Практическая значимость проекта обусловлена растущей потребностью вовлечения подростков в общественно-полезную деятельность и необходимость патриоти-

ческого воспитания подрастающего поколения. Создание музея под открытым небом позволит получить рабочие места для местного населения и молодых специалистов, расширит сферу деятельности туристского направления в области.

Предложенный проект направлен на развитие системы знаний по истории и культуре Республики Казахстан, формирование исторического сознания и патриотизма учащихся школ, трудовых навыков молодежи, совершенствование научно-методического и культурно-просветительского уровня специалистов.

Уже в этом году проведены мероприятия по ознакомлению школьников с древней историей края на основе созданных реконструкций жилищных комплексов, производственных процессов и костюмов по образцам древности на городище Ак-Ирий. Заключены договоры с районными отделами образования о творческом сотрудничестве, на основе которых ученики старших классов имеют возможность принять участие в увлекательном историческом походе в древность и своими руками создать образцы культуры по аналогиям с первобытных производственных комплексов и уникальных экспонатов.

Резкое сокращение финансирования (менее 30%) может отрицательно повлиять на результаты работ и увеличить сроки создания музея, поскольку нет возможности проводить полноценные полевые работы по созданию открытой экспозиции. В запрашиваемом финансировании не предполагалось приобретения оборудования, излишних штатов и командировок, была составлена реальная смета расходов с минимальными затратами на выполнение грантового задания. Из-за недостаточности финансирования для выполнения программы возникла угроза невыполнения планов работ, и пришлось изыскивать финансы из других источников и личных средств участников проекта.

Для проведения работ по реконструкции производств и жилищных комплексов различных эпох Северного Казахстана собрана база научных данных по истории изучения и состояния изученности памятников каменного века, эпохи бронзы и раннего железного века лесостепной зоны Евразии. Для этого был составлен библиографический список научных работ по различным разделам древнейшей истории Северного Казахстана.

Особое внимание уделено научным данным по реконструкции одежды эпохи бронзы и раннего железного века и украшениям костюма древнего населения. Для этого изучены способы изготовления и собраны образцы украшений различных эпох из разных материалов, используемых как при украшении собственно костюма древнего населения каменного, бронзового, раннего железного века и средневековья (расширенные бляшки и бляхи для ремня, различные пронизи и трубочки для украшения одежды), так и для ношения на теле (подвески, браслеты, кольца и т.д.).

Согласно календарному плану работ по выполнению грантового задания по теме «Комплексное исследование городища раннего железного века Ак-Ирий у села Долматово и реконструкция хозяйственных комплексов древних племен Северного Казахстана» группой исследователей произведена работа по разным направлениям проекта.

Реконструкции древнего гончарного производства. При реконструкции древнего гончарного производства были обустроены площадки для изготовления керамики и обжига в различных условиях с использованием различных методов формовки посуды и различных способов обжига готовых экземпляров. Оборудованы кострища и сооружена печь для обжига керамической посуды, изготовленной экспериментально

участниками проекта по реконструкции древнейших производств при создании музея под открытым небом. Проведена работа по полному циклу производства керамики по образцам различных эпох с использованием разных методов формовки посуды и различных способов обжига готовых экземпляров. Применен метод ленточного налепа, когда на подготовленную донную часть витками укладывается глиняная масса шнуровой формы с последующего процесса заглаживания каменными или костяными гладилками при подготовке к нанесению орнамента и сушке перед обжигом. Вторым методом было применение матрицы в виде готового сосуда, на который наносится глиняная масса с последующим уплотнением путем выколачивания деревянной колотушкой.

Обжиг производился на костре или в печи. В результате была создана коллекция керамической посуды и керамических изделий в виде украшений для этнологической экспозиции будущего музея под открытым небом.

Воссоздание древних жилых и хозяйственных конструкций. Начало реконструкции было положено многолетними наблюдениями и данными, выявленными работами Северо-Казахстанской археологической экспедиции при раскопках памятников каменного века и эпохи бронзы.

Основой землянки эпохи каменного века стал глубокий котлован, сооруженный с помощью современных инструментов на склоне небольшого естественного оврага. Метрические размеры котлована составили 2,0 x 3,0 м глубиной 1,3 м. Перекрытие жилища конструктивно явилось составной частью его двускатной крыши, опирающейся на три столбовые конструкции. Центральная плаха, закрепленная на этих столбах, приняла на себя давление и вес кровли, сложенной из березовых плах, веток тальника и земляных дерновых пластов. Высота землянки составила до 1,9 м. Фронтоны крыши, изготовленные из коротких плах, были обложены земляными пластами. Вход прокопан в виде ступенчатой траншеи шириной 0,7 м. В конечном итоге землянка позволила комфортно вместить четыре спальных места.

Для реконструкции помещения эпохи бронзы выкопан неглубокий котлован размером 2,0 x 4,0 м при глубине 0,25 м и сделан деревянный столбовой каркас. Перекрытие жилища конструктивно схоже с кровлей конструкции №1 и явилось составной частью его двускатной крыши, опирающейся на три центральные столбовые стойки и деревянные каркасные столбовые опоры, по периметру скрепленные плахами. Кровля была сложена из березовых плах, веток тальника и перекрыта земляными дерновыми пластами.

Высота землянки от уровня пола котлована составила от 2,25 до 2,55 м. Стены конструкции были изготовлены по типу плетня с последующей обмазкой глиняной массой, смешанной с травой.

Реконструкция одежды древнего населения Северного Казахстана. В традиционной для современной этнографии системе описания костюмов принято делить одежду на плечевую (платья, кафтаны, рубахи и пр.) и поясную (штаны, юбки, шаровары). Плечевая одежда, в свою очередь, делится на распашную и нераспашную. По имеющимся артефактам с территории Северного Казахстана говорить об использовании в эпоху бронзы распашной одежды не представляется возможным.

Фиксируемая у многих народов Евразии туникообразная рубаха (платье) является наиболее примитивной и архаичной формой нераспашной одежды. Она отмечена у восточных славян, угорских племен раннего средневековья в Поволжье, сибирских

народов, таджиков, туркмен, узбеков, а также являлась основной одеждой у всего населения средневековой Европы. Вероятнее всего, туникообразная рубаша (платье) была также основой костюма эпохи бронзы. Скорее всего, как женская, так мужская и детская одежда не различалась по принципам кройки и шитья. Она изготавливалась на основе туникообразной рубахи (платья) из кусков холста и практически не требовала какого-либо раскроя.

Хронометраж экспериментальных работ: раскрой и пошив платья заняли по времени от 2 до 2,5 часов общего времени; вышивка и нашивание украшений и орнаментальных сюжетов на одежде – от 7 до 12 часов общего времени.

Изготовление ювелирных украшений. Украшения – почти единственный вид артефактов, который позволяет составить представление о древнем костюме эпохи бронзы (подвески, бляхи, браслеты, бусы и пр.). Органические составляющие одежды, как правило, не сохраняются, однако в сочетании с другими подобными элементами образуют комплексы украшений, которые вкупе с органической основой являются составляющими элементами костюма (накосные украшения, лицевые подвески, нагрудники, головные уборы) и, как правило, образуют декор отдельных его частей (обшивка платья, обуви). По месту расположения в погребениях украшений и ювелирных изделий нередко удается воспроизвести облик древней одежды.

Именно украшения определяют стиль и культурное своеобразие костюмов, так как сама одежда, ее покрой и внешний вид, скорее всего, не отличались разнообразием. Это подтверждают примеры современных традиционных обществ, в которых на протяжении многих столетий не менялись покрой и стиль костюмов, а различия между роскошью и бедностью выражались лишь в качестве ткани и количестве украшений.

Для этого изучены способы изготовления украшений, собраны образцы украшений различных эпох из разных материалов, используемых как при украшении собственно костюма древнего населения каменного, бронзового, раннего железного века и средневековья (расшивные бляшки и бляхи для ремня, различные пронизи и трубочки для украшения одежды), так и украшений, которые использовались для ношения на теле (подвески, браслеты и кольца и т.д.).

В процессе работ по организации историко-этнографического туристического парка-музея под открытым небом у села Долматово с целью воспитательного воздействия на молодежные и детские группы и формирования здорового образа жизни, развития туристской индустрии организуется полевой археологический лагерь труда и отдыха для учащихся школ города и области в рамках исторического похода «Мое родное Приишимье в древности». Это служит важной составляющей в деле воспитания казахстанского патриотизма населения, чего не хватает в наше время.

Осуществление проекта позволит вписать территорию Северного Казахстана, бывшую до того белым пятном на карте экономических путей Великого шелкового пути, в общую евразийскую панораму событий раннего этапа континентальных миграционных процессов. Материалы исследования актуальны в плане сравнительного изучения процессов древнего культурогенеза в Евразии. Уже начаты работы по восстановлению жилищных комплексов, реконструкции одежды и украшений, гончарному делу, ювелирному промыслу для создания музея под открытым небом на основе реконструкции жизнедеятельности древнего населения Казахстана в разные периоды первобытности от каменного века до средневековья.

Ф.С. Тагауров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

ВЕЩИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

В настоящее время все больше внимания уделяется проблемам общественных отношений в древних и средневековых обществах. Но за пределами изучения пока остается период Нового времени (XVI–XIX вв.), при исследовании которого археологические источники практически не привлекаются. Вопросы, касающиеся социальных слоев и отношений населения Российского государства, рассматриваются только на основании письменных источников, которые, однако, не способны в полной мере раскрыть суть данных проблем. Письменные источники позволяют выделить социальные слои русского населения, отношения между которыми регламентировали нормативные документы, однако показать с их помощью социально-культурный облик представителей конкретного социального слоя очень сложно, и существенную помощь в реконструкции может оказать археологический материал.

Обращаясь к проблемам реконструкции социально-культурного облика общества по археологическим материалам, необходимо обратиться к истории изучения данного вопроса. В работах по этой теме в качестве научной базы исследователи используют материалы, полученные в ходе раскопок погребальных памятников. Несмотря на то, что среди ученых до сих пор нет единого мнения, насколько такие материалы отражают реальную социальную картину в изучаемом обществе, к настоящему времени этой проблеме посвящено достаточно большое количество научных трудов. В нашей работе мы рассмотрим лишь некоторые, потому что они наиболее подробно раскрывают основные методы изучения социально-культурного облика древних обществ на основе археологического материала; полученные в них выводы представляются нам применимыми, в том числе, к результатам археологического изучения памятников Нового времени (XVI–XIX вв.).

Одним из признаков социального статуса погребенного выступает сопровождающий его инвентарь. Можно сказать, что он является во многом репрезентативным, так как соотнесение его с материалами поселенческих комплексов позволяет реконструировать социально-культурный облик различных слоев населения на основе того, что умершему в могилу клали те вещи, которые он использовал при жизни. Соответственно, мы можем выделить определенный набор предметов, характерных для конкретной социальной группы населения. В этом наборе, кроме вещей, несущих сугубо утилитарную функцию, присутствуют и те, что мы можем назвать статусными – вещи/предметы (эти понятия выводятся нами как тождественные), используемые не для удовлетворения повседневных потребностей, а подчеркивающие социальное положение владельца.

Цель данной статьи – проанализировать научные работы, посвященные изучению социального строя по археологическим материалам и определить значимость вещей из археологических памятников с точки зрения реконструкции социально-культурного облика древних обществ.

Попытки моделирования социального строя древних обществ на основании археологических материалов можно обнаружить в работах исследователей начиная

с 20-х гг. XX в., однако первые обобщающие труды по данной теме появляются лишь к середине XX в. В 1951 г. С.В. Киселев в своем фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири» представил выводы, полученные в ходе анализа погребальных памятников Алтая, относящихся к периоду раннего средневековья. Исследователь связывал социальный статус умершего с конструктивными особенностями погребальных сооружений и с набором сопроводительного инвентаря. По его мнению, показателем наивысшего статуса можно считать предметы роскоши (прежде всего, украшения из драгоценных металлов) и оружие. Важно отметить, что исследования проводились на материалах моноэтнической культурной общности тюрок Алтая в раннем средневековье, следовательно, все различия в погребальном обряде определялись исключительно различиями в социальном статусе погребенных [Киселев, 1951, с. 530–544]. Исследования социального строя кочевников юга Западной Сибири в эпоху средневековья продолжались и в последующие годы, в частности, стоит отметить работы А.А. Гавриловой [1965], Г.В. Длужневской [1976], А.Д. Грача [1980], П.П. Азбелева [1990] и др. При этом следует отдельно остановиться на работе А.Д. Грача, который, обобщив труды предшественников, выделил следующие критерии статусности вещи: 1) мастерство изготовителей; 2) импортное происхождение; 3) изготовление из дефицитных материалов [Грач, 1980, с. 45–50]. Наиболее полно вещь как показатель социального статуса в средневековом обществе тюрок Алтая и Центральной Азии представлена в монографии Н.Н. Серегина [2013]. Описывая социальный строй изучаемого общества, исследователь указывает на ряд черт, которые он рассматривает как «социальные факторы», указывая на то, что основой для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря в погребениях. Для вещей выделяется ряд статусно-важных черт: 1) материальная ценность; 2) символическая значимость; 3) закономерности распространения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок; 4) общие тенденции развития общества [Серегин, 2013, с. 79–80].

В середине XX в. подобную работу в свете изучения ананьинской культуры проводил А.В. Шмидт, по материалам археологических исследований могильников и городищ обрисовав социально-культурный облик вождей, знати, данников племени и выявив наличие патриархального рабства [Шмидт, 1932, с. 27]. Эта работа нашла развитие в труде А.В. Збруевой, которая выделила на основе погребального инвентаря с нескольких могильников семь групп мужских и четыре группы женских погребений [Збруева, 1952, с. 148].

Первым крупным исследованием теоретического характера, посвященным изучению конкретного социума по археологическим материалам, стала работа В.М. Массона [1976]. Автор впервые в советской науке вводит понятие «социальной археологии», но, к сожалению, оно не было раскрыто в достаточной степени, так как исследователь столкнулся с проблемой отделения статуса от богатства. В работе подробно описаны все основные социальные слои обществ эпохи бронзы на территории СССР. Критериями социального статуса он предлагал считать: 1) количество вещей из драгметаллов; 2) количество уникальных вещей; 3) размеры погребальной насыпи. В рамках нашей работы интерес представляют выявление в погребальном инвентаре «уникальных» вещей и определение следующих критериев уникальности: 1) вещь, сделанная далеко от места проживания конкретного общества; 2) вещь, сделанная в признанных художественных центрах древнего мира [Массон, 1976, с. 164–170].

В 80-х гг. XX в. появляется новая тенденция в работах, посвященных реконструкции социального строя древних обществ, связанная с тем, что главным критерием социального расслоения общества выступают трудозатраты при создании погребального комплекса, погребальный инвентарь при этом не учитывается. Такой подход впервые продемонстрирован в работе А.О. Добролюбского. Основанием для выявления социальных групп в древнем обществе он считает, например, дополнительные трудовые затраты: чем их больше, тем выше социальный статус умершего [Добролюбский, 1982].

Развитие этой идеи прослеживается в работах Е.П. Бунятян [1985], Л.Н. Коряковой [1988], С.В. Ивановой [2001], Н.П. Матвеевой [2007]. В концепции Е.П. Бунятян в определении статуса умершего, помимо важности трудовых затрат при погребении, дополнительным критерием выступает инвентарь как продукт труда. Исследовательница приходит к выводу, что именно социальные привилегии были залогом имущественного неравенства. К тому же в строго стратифицированных обществах члены сословий имели внешние отличительные признаки (одежда, украшения и т.п.) [Бунятян, 1985, с. 72–75]. Стоит отметить, что Е.П. Бунятян применяла математические методы, выявляющие наличие связи (сопряженности либо корреляции) внутри групп предметов, которыми пользовались разные социальные слои общества, что позволило выделить группы вещей, которые можно назвать статусными. Результаты реализации данной методики демонстрируют ее универсальность как для разных обществ, так и для разных типов памятников.

В работе Л.Н. Коряковой [1988] выделены группы вещей, по которым можно определить социальный статус погребенного, они соотнесены и с конструкцией погребального сооружения. Для нас интерес представляет то, что автор рассматривает размещение инвентаря в социальном пространстве могилы как один из факторов определения социального статуса погребенного, указывая на сакральный статус головного и ножного участков могилы, однако она не смогла соотнести устройство погребальной камеры с расположением инвентаря и деталями ритуала [Корякова, 1988, с. 52–58].

С.В. Иванова [2001] на первое место ставит уровень трудозатрат при сооружении погребения, но рассматривает их не в совокупности, а по отдельным компонентам (наличие курганной насыпи; наличие уступа; параметры могильного сооружения), что позволяет предположить, что каждый из выделяемых параметров связан с конкретным социальным статусом. Существенным выводом является то, что, по мнению С.В. Ивановой, одни знаки отражают наследуемый, а другие – достигаемый статус умершего. Погребальный инвентарь и его количество тоже играют важную роль, в частности исследовательница выделяет символы власти (повозки), материальные ценности (серебряные и золотые украшения), предметы культа. При этом акцент делается на знаковую сущность вещи, которая выступает прежде всего как символ социального статуса, но при этом она может быть сделана из недорогих материалов, значение имеет именно форма [Иванова, 2001, с. 187–229].

Такой же подход использован Н.П. Матвеевой [2007]. Социальный статус соотносится с трудозатратами при сооружении погребения. Метод исследования заключался в выявлении «среднестатистических» параметров погребений, а затем в фиксации отклонений от них, на основании чего делается вывод о социальном статусе погребенных. Подробно описана методика изучения социального строя общества по археологическим материалам, например, палеоэкономический анализ, в рамках ко-

того учитываются все возможные социальные различия, зафиксированные при археологических исследованиях: площадь и материал для строительства домов, декор и планировка интерьера, размеры, устройство захоронений, ассортимент инвентаря и сопроводительной пищи в погребениях, наличие символов власти в захоронениях и пр. Разновидности орудий труда и вооружения по сферам занятости служат главным инструментом для выделения социальных групп, а редкость и неутилитарное значение предметов позволяют исследователю выделять подуровни в системе социального устройства общества [Матвеева, 2007, с. 64–73].

На современном этапе исследователи активно используют математические методы при изучении социального строя общества по археологическим данным [Матвеева, 2007; Серегин, 2013]. Среди них необходимо отметить работу А.В. Кондрашова [2004], который выделил два комплекса предметов, характеризующих положение человека по шкале «власти» и «богатства», и предложил систему дефиниций, учитывающую степень сочетания различных комплексов признаков между собой (принцип «сопряженных групп»). В результате структурирования археологического материала, разделенного на три группы по возрастному признаку (детская, женская, мужская), выделено в детской – 7 социальных групп, в женской – 5 и в мужской – 27. Оценивая результаты этого исследования, мы можем утверждать, что вещь, как источник по изучению социальной структуры древних обществ, дает возможность достаточно подробно изучить общественные отношения даже в условиях полного отсутствия письменных источников. С другой стороны, широкие возможности для интерпретации материала противодействуют выработке единого мнения относительно социального строя того или иного общества. А.Л. Банников [2013] в своей работе подробно описывает подобные противоречия, отмечая также, что огромный массив вводимых данных приводит к сбоям и погрешностям, при том что конечный результат (выявление социальных групп) может достигаться и в результате ручной обработки материала. Решением проблемы автор предполагает сбалансированность математической выборки, анализ изучаемого материала только в рамках закрытого комплекса или только из хронологически близких памятников. Д.В. Шмуратко предлагает использовать для изучения социального статуса по археологическим материалам метод иерархического кластерного анализа. Во-первых, он предполагает возможность исключать и добавлять необходимые признаки, что позволяет выявить всю структуру внутренних связей между ними. Это дает обширное поле для интерпретации данных, полученных с использованием различных кластерных метрик [Шмуратко, 2006].

Подводя итог, можно сказать, что учеными проведено большое количество исследований, касающихся вопросов изучения социальных организаций древних обществ и роли вещи в определении статуса человека как одного из инструментов реконструкции социально-культурного облика общества. Выделено несколько основных критериев статусности вещи: 1) вещь, изготовленная из драгоценных или/и дефицитных материалов; 2) вещь, завезенная далеко от мест своего производства; 3) «уникальная» вещь, не имеющая широкого распространения в изучаемом обществе; 4) вещь, имеющая опосредованное утилитарное назначение; 5) вещь, статус которой определяется отношением к ней общества в определенный отрезок времени. Эти критерии применительно к археологическим материалам можно использовать для реконструкции социально-культурного облика любого социума, его групп и даже отдельных членов.

Вещь здесь выступает как универсальный источник познания социальной истории населения конкретного региона в исторический период времени, она дает возможность проследить эволюцию и трансформацию социально-культурного облика конкретных членов общества, выявить характер социальных отношений в древности.

Библиографический список

Азбелев П.П. Опыт археологической реконструкции социальной структуры населения Кыргызского каганата (VII–X вв.) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.

Банников А.Л. О некоторых проблемах анализа социальной структуры кочевых обществ раннего железного века // Вопросы исторической науки. Челябинск, 2013.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (по материалам скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев, 1985.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л., 1965.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.

Добролюбовский А.О. О принципах социальной реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методика археологических исследований. Киев, 1982.

Збруева А.В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. №30. М.; Л., 1952.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сросст-кинской культуры: По материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень, 2007.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Барнаул, 2013.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. Т. XII. Вып. 1–2. Л., 1932.

Шмуратко Д.В. Агафоновский I могильник: социальная реконструкция или о чем говорит статистика. // Музей и наследие коми-пермяков в пространстве пермского края. Кудымкар, 2006.

Л.В. Тагаурова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия*

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ СИБИРИ И ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛЕВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

Бытующее до сих пор мнение о том, что период XVI–XIX вв. в Сибири хорошо отражен в письменных источниках, не соответствует истине. Накопление же дополнительной информации к имеющимся источникам и получение новой лежит в сфере

возможностей археологического изучения. За последние 20 лет интерес археологов к памятникам этого исторического времени значительно возрос, особенно к истории российского освоения Сибири [Артемов, 2005, с. 7–28; Татаурова, 2011, с. 16–25], сложилось и оформилось такое научное направление, как археология русских [Татаурова, 2007, с. 172–179; Беляев, 2012, с. 179–191; 2014, с. 11–18], обозначена специфика археологического источника Нового времени [Татаурова, 2015, с. 98–103].

Для развития обозначенного направления необходимы результаты междисциплинарных исследований с использованием естественно-научных методов, потому что они позволяют получить новые знания. Чтобы показать, насколько широки возможности этих методов и важны полученные результаты, представим некоторые итоги изучения системы жизнеобеспечения русского населения сельских памятников Омского Прииртышья (Изюк-I, Ананьино-I – Омская область). Раскопки на этих комплексах проводились автором с 1999 по 2015 г. [Татаурова и др., 2014, с. 175–179].

Для реконструкции природно-экологической среды, условий адаптации к ней населения, систем землепользования необходимо построение ландшафтных моделей. Это возможно с использованием разных видов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА – самолет, квадрокоптер). В 2013–2015 гг. с помощью БПЛА сделаны съемки комплекса Ананьино-I, построена ландшафтная модель с координатной привязкой раскопанных объектов [Быков, Костюк, Быков В.Л. и др., 2013, с. 139–145; Татаурова, Орлов, Быков и др., 2013, с. 340–344], на ее основе будет создана 3D-модель археологического комплекса, как это выполнено для памятника Изюк-I [Татаурова и др., 2014, с. 262, рис. 60–61].

Для реконструкции системы хозяйства проведены палеозоологические [Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008, с. 356–367; Номоконова, Батракова, Татаурова, 2012, с. 132–136], карпологические определения [Корона, Татаурова, 2011, с. 323–333]. Они позволили подтвердить и дополнить сведения из письменных источников о культивируемых зерновых культурах и составе стада домашних животных.

Наличие погребальных комплексов позволило выполнить антропологические исследования [Багашев, Антонов, 2005, с. 29–37], взяты древние генетические образцы, и ведется их сбор среди современного населения.

На основании антропологических исследований и биоархеологических реконструкций на материалах погребальных комплексов зафиксированы такие патологии, как дегенеративно-дистрофические заболевания позвоночника и суставов, травматические повреждения. Такие проблемы со здоровьем могут указывать на преодоление трудностей, связанных с различной хозяйственной деятельностью: заготовкой леса и подготовкой бревен для строительства жилищ, собственно строительные работы, которые требовали больших физических нагрузок, связанных с переноской и подъемом тяжестей – это могла быть промысловая и хозяйственная деятельность (охота, рыбалка, обработка пашни, сенокос). Травматические повреждения костей скелета могут быть связаны с бытовыми травмами, полученными, например, при падении с лошади, в драке. Переломы ребер, а также переломы костей свода черепа являются своеобразным маркером агрессивности, неблагоприятной социальной атмосферы в популяции. Если сопоставить данные письменных источников о составе населения этих деревень (стрельцы, служилые люди, казаки), то становится понятным происхождение некоторых проблем со здоровьем и травм, обусловленных профессиональной деятельностью

[Слепченко, Татаурова, 2012, с. 92–101; Татаурова, и др., 2014, с. 218–223]. Анализ системы хозяйства и археологического материала, связанного с различными видами хозяйственной деятельности, позволил реконструировать структуру питания населения деревень.

Собраны образцы для построения длительной календарно привязанной древесно-кольцевой хронологии, необходимой для датирования археологической древесины. Выполнены исследования технологий производств [Глушкова, 2008, с. 326–333; Зиняков, 2005, с. 275–289] и отдельных категорий артефактов [Довгалоук, Татаурова, 2010, с. 37–45; Татаурова, Толпеко, 2010, с. 190–198]. Разработана методика очистки и консервации культового медного литья [Татаурова, Орлов, Татауров и др., 2014, с. 36–45]. Проведены анализ письменных источников и их интеграция с археологическим материалом [Татаурова, Крих, 2015, с. 479–490].

Междисциплинарные исследования позволили во многих случаях заново представить различные аспекты жизнедеятельности русского сельского населения XVII–XVIII вв.

Не менее важно профессиональное освоение молодыми исследователями передовых естественно-научных методик в археологических исследованиях. Это очень продуктивно в процессе применения их на конкретном материале в ходе изучения археологического памятника. В отношении памятников Нового времени подобные методики применяются еще недостаточно широко. Чтобы ознакомить молодых специалистов с возможностями и перспективами междисциплинарных исследований, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского с 2011 по 2015 г. под руководством автора организовал на базе археологической экспедиции на памятнике Ананьино-I международные полевые научные школы для молодежи. В рамках мероприятий ведущими зарубежными и российскими специалистами проведены мастер-классы по различным направлениям: использованию беспилотных летательных аппаратов для построения ландшафтных моделей районов археологических памятников; применению систем высокоточного позиционирования на основе GPS/ГЛОНАСС для фиксации археологических объектов и артефактов; методам и технологиям геоархеологических и геофизических исследований; теории и практике палеоантропологических исследований, включая физическую антропологию, палеопатологию и реконструкцию физической активности и типа питания древнего населения; методам и методикам генетических исследований на основе древнего и современного населения; методикам реконструкции внешнего облика человека на основе археологического материала; датирования археологических памятников с помощью дендрохронологии; методикам палеозоологических реконструкций; методам визуальной антропологии; технологиям древних производств.

Опубликованы методические сборники [Методика междисциплинарных..., 2011; Полевая школа..., 2012].

Проведенные мероприятия способствовали не только эффективному освоению молодыми исследователями лучших научных и методических достижений, но и конкретным научным результатам.

Библиографический список

Артемьев А.Р. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.

Багашев А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2005.

Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // *Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН*. М., 2012.

Беляев Л.А. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. I. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014.

Быков А.Л., Костюк А.С., Быков В.Л., Быков Л.В., Татаурова Л.В., Орлов П.В., Погарский П.М. Применение материалов аэрофотосъемки с беспилотного летательного аппарата для картографического обеспечения археологических работ // *Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013*. Т. 1. Новосибирск, 2013.

Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананьино-I // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2008.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2010. №2 (42).

Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: технологическая характеристика // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2005.

Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск, 2011.

Методика междисциплинарных археологических исследований : сборник научных статей и методических рекомендаций. Омск, 2011.

Номоконова Т.Ю., Батракова Н.А., Татаурова Л.В. Перспективы применения зооархеологических методов к археологическим комплексам русского населения Сибири XVII–XIX вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2012. №2 (17) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipdn.ru/tics/va>.

Полевая школа геoarхеологических и палеoантропологических исследований : сборник материалов международной научной школы для молодежи. Омск, 2012.

Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первопоселенцев Тарского Прииртышья (по материалам могильника Ананьино I) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2012. №3 (18) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipdn.ru/tics/va>.

Татаурова Л.В. Археология русских Сибири как особое направление научных исследований // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования*. Т. 5, ч. 1. Владивосток, 2007.

Татаурова Л.В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск, 2011.

Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015. №3 (36).

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // *Былые годы*. 2015. Т. 37, вып. 3.

Татаурова Л.В., Орлов П.В., Быков Л.В., Костюк А.С., Погарский П.М. Геодезия и ортофотометрия в археологии русских XVII–XVIII вв. (на примере комплекса Ананьино-I в Тарском районе Омской области) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XIX. Новосибирск, 2013.

Татаурова Л.В., Орлов П.В., Татауров Ф.С., Гринберг П.Б. Применение ионно-плазменных методов для нанесения защитных покрытий на объекты медного культового литья // *Вестник НГУ. Сер. : История, Филология*. 2014. Т. 13, вып. 7.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск, 2014.

Татаурова Л.В., Толпеко И.В. Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // Вестник Омского государственного университета. 2010. №4 (58).

Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

С.Ф. Татауров¹, М.П. Черная²

¹*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия;*

²*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

ЗЕМЛЯНАЯ ЛЕТОПИСЬ ТАРЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ИСТОРИИ ГОРОДА

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект №33.1684.201 «Алгоритмический анализ социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках».

Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета в рамках проекта №8.1.19.2015. «Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»

Город-крепость Тара, поставленная в 1594 г. на пограничье со степным миром, играла важнейшую роль в продвижении и закреплении русских в Омском Прииртышье и до начала XVIII в. была щитом, прикрывавшим русские территории к северу по Иртышу и Оби. Военно-оборонительный характер Тары во многом определил особенности ее застройки и образа жизни горожан, что нашло отражение в письменных и археологических источниках.

Археологические исследования в Таре начались в 2007 г. с поиска фундамента Никольского собора, разрушенного во 2-й половине 30-х гг. XX в. С этого времени археологические раскопки ведутся ежегодно, за исключением 2008 г. Работы осуществляются экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при участии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а с 2010 г. совместно с Томским государственным университетом.

Появление археологических источников поднимает изучение ранней истории Тары на новый уровень и не только потому, что количественно восполняет недостаточную информативность письменных данных. Археология дает предметное отражение исторической действительности в остатках подлинных объектов и предметов, что позволяет представить жизнь средневекового города в зримых и потому более понятных образах и сокращает разрыв в традициях между современными людьми и не такими уж далекими нашими предками.

Плотность застройки, концентрация разнообразных объектов, интенсивность образа жизни обуславливают высокий информационный потенциал городских археологических памятников. На информативность культурного слоя влияют природный и антропогенный факторы. Физической сохранности памятника способствуют влажность или мерзлотность слоя и минимальное воздействие человека. Тара, как археологический памятник, оказалась в благоприятных условиях, несмотря на то, что город продолжал развиваться и отстраиваться на уже сформировавшихся культурных напластованиях.

Раскопки усадебного комплекса в самом центре исторической застройки Тары показали, что за исключением подрезки верхнего слоя при разбивке сквера и клумб культурный слой не потревожен, а напластования откладывались непрерывно в течение нескольких веков. Такие физические параметры культурного слоя, как влажность и, главное, высокая концентрация мочевины ввиду насыщенности слоя навозом, обеспечили очень хорошую сохранность органических материалов: архитектурных остатков, предметов из кожи, дерева, растительных и животных волокон. Толщина культурного слоя нарастала также за счет периодического посыпания поверхности двора щепой в качестве дренажного и уплотняющего материала. Указанные обстоятельства способствовали формированию мощного культурного слоя – до 3–4 м и более.

Существенно повысили информативность археологического слоя Тары несколько факторов. Во-первых, исторические центры в небольших сибирских городах мало застроены, значительная часть отведена под зеленые зоны, что делает возможным, в отличие от крупных центров, проведение работ на широких площадях. Вследствие малой застройки отсутствуют и подземные коммуникации, при прокладке которых уничтожается культурный слой. Во-вторых, в малых городах нет крупных промышленных зон, что позволило в значительной степени сохранить первоначальную планировку, это облегчает идентификацию выявляемых в ходе раскопок архитектурных комплексов. В-третьих, пока сохранялся пограничный характер Тары, жизнь города протекала на очень ограниченной площади, не выходя за пределы крепостных стен, внутри которых располагались все жизненно важные военные, административные, жилые и хозяйственные объекты.

На полноту и адекватность прочтения информации, содержащейся в археологическом памятнике, влияют методика и тщательность вскрытия культурного слоя, а также использование уже в поле естественно-научных методов, что заметно усилилось в последние десятилетия. Вряд ли можно говорить о какой-то единой методике раскопок по отношению к русским поселенческим комплексам, поскольку их изначальное отличие друг от друга еще более усиливается в процессе археологизации. Наиболее распространена методика снятия культурных напластований по горизонтам с зачисткой поверхности и раскрываемых архитектурных объектов. При этом находки и объекты должны не только фиксироваться по условным горизонтам, но и соотноситься с исторически сложившимися напластованиями. Особенности памятников неизбежно вносят коррективы в технологию горизонтального вскрытия, когда толщина снимаемых пластов варьирует в зависимости от степени влажности, плотности, содержания грунта или горизонтальное снятие сочетается с послойным. Самостоятельно послойный метод изучения культурного слоя практикуется реже, поскольку его применение возможно на памятниках с четко различаемыми границами слоев. Эффективность послойно-рельефного метода продемонстрировали раскопки Мангазеи, в промерзшем грунте которой выделяются три яруса: слой разрушения, слой функционирования, строительный слой, – разделенные стерильными прослойками, которыми пересыпали пожарища. Но при раскопках Березовского Кремля, где сохранность органики гораздо хуже и значительно выше плотность грунта, зафиксировать триаду слоев удалось только в нижнем ярусе [Пархимович, 2011, с. 63–69].

В Таре снятие культурного слоя, отличающегося большой плотностью и насыщенностью практически неперегнившей щепы, ведется по горизонтам, что допол-

няется послойной выборкой заглубленных объектов. Стратиграфическими маркерами археологического слоя Тары являются слои пожарищ, которые документируют неизбежное следствие тесной деревянной застройки города.

Тара многократно горела – это случалось в 1607, 1624, 1709 гг. и т.д. Часто это были локальные пожары, а в некоторые годы город выгорал практически полностью. Пожар 1669 г. уничтожил 380 дворов в остроге, церкви, приказную избу, воеводский двор, амбары и другие казенные постройки. Тарский воевода князь Мещерский писал в Москву о том, что «город згорел Божией волей... Дворы были тесны гораздо и улицы были узки» [Цветкова, 1994, с. 22].

Многочисленные пожары служили причиной, увеличивающей нарастание культурного слоя Тары. После тушения пожара остатки бревен жители города частично пускали на дрова или вывозили за пределы города, пепелище разравнивали и на этом месте рубили новые постройки. Щепу и другие отходы строительства равномерно рассыпали на близлежащей территории. Пожарище могли засыпать слоем песка или глины, но так поступали не всегда. В некоторых случаях пожарища перекрывали слоем назема, заполняя им разрушенные погребов и хозяйственные ямы.

Таким образом, в стратиграфической колонке углисто-зольные слои пожаров стали определенными хронологическими реперами, позволяющими разделять строительные горизонты города. К сожалению, уголь и зола из-за высокого уровня грунтовых вод материалом для датировки служить не могут. В ходе раскопок выделено семь основных строительных горизонтов для хронологического периода с момента основания города и до начала XX в. В центре Тарской крепости выделяются все горизонты, в острожной части – 4–5, что связано с особенностями ведения хозяйства в этих частях города. В силу того, что расположение датирующих материалов далеко не всегда соответствует слою, в котором они были найдены, эти стратиграфические маркеры стали основными для определения времени функционирования конструкций. Для археологических материалов периода истории сибирского русского города с конца XVI по начало XX в. основными датирующими категориями являются дерево (данные дендрохронологии) и монеты. Но в ходе раскопок Тары мы столкнулись с ситуацией, когда используемая при строительстве древесина не совпадала с общей датировкой горизонта культурного слоя. Такие факты фиксируются при следующих обстоятельствах: когда более поздний строительный комплекс прорезает ранние горизонты (рис. 1) – это в основном касается срубов для погребов и хозяйственных ям или когда поздняя постройка сооружена из древесины разобранных построек, сооруженных сто и более лет назад (рис. 2). Еще более сложная ситуация с монетами, которые в результате хозяйственной деятельности могли оказаться на более ранних горизонтах или, наоборот, подняться на более поздние уровни. Зафиксирована ситуация, когда в кожаном кошельке вместе с монетами XIX в. находилась давно вышедшая из обращения монетка начала XVIII в.

Слои пожарищ еще более важны для разграничения массового материала – керамики, изделий из металла, кости, кожи, тканей, дерева и других предметов, которые не имеют четко выраженных признаков и для которых несоответствие хронологическому горизонту одного или двух предметов не имеет большого значения. То же касается хозяйственных остатков – костей животных и рыб, слоев навоза (состоящего из соломы зерновых культур). Возможность разграничения подобных материалов позволяет определить особенности направления хозяйственной деятельности на отдельных

этапах истории города, а также локализовать места промысловых и ремесленных занятий тарчан. В частности, отсутствие напластований навоза после пожара 1709 г. на территории Тарской крепости связано с выносом тарчанами хозяйственных дворов за пределы укреплений и тем самым с началом строительства посадской части города.

Рис. 1. Сруб погреба городской усадьбы XIX в. прорезает срубы крепостной стены более раннего времени

Рис. 2. Сруб начала XX в. на Базарной площади из баясин крепостной стены г. Тары (крепость была срыта в начале XIX в.)

Еще более сложная ситуация сложилась с датировкой фортификационных сооружений города. Мы знаем год строительства первоначальной крепости, но год окончательного срытия тарских укреплений не известен до настоящего времени. Считалось, что Тарская крепость прекратила свое существование в 1800 или 1801 гг. Однако най-

дены документы, свидетельствующие о том, что еще в 1809 г. Москва высылала деньги на ремонт крепостных стен [РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 161. Л. 14]. Но сохранились ли до этого времени в Таре крепостные стены? Еще более запутанная ситуация с ремонтами стен и башен, на что также регулярно выделялись деньги из государственной казны. При этом остается открытым вопрос: осуществлялся ли на выделенные деньги ремонт и в какой мере – заново рубили башни или только заменяли нижние венцы?

В 2010 г. нами раскопан восьмиугольный сруб, который мог быть основанием Княжьей башни, срубленной одной из первых в Тарской крепости*. В ходе эксплуатации башня несколько раз перестраивалась, что затрудняет определение года сооружения раскопанного сруба. Во время зачистки основания башни под полом в центре комплекса найдена монетка начала XVIII в. (1701 г.), но основанием для датировки она служить не могла. В ходе раскопок стало очевидно, что все нижние венцы срубили одновременно, а не проведена замена только нижних рядов. На бревнах отсутствовали следы огня, значит, башня в период своего функционирования не горела, следовательно нужно исходить из времени последнего мощного пожара крепости, который случился в 1669 г. Город отстраивался медленно, и укрепления города – рвы и надолбы – были восстановлены только к 1698 г. Княжья башня поставлена только в 1701 г. – в этом конкретном случае совпали данные двух документов: описание г. Тары дворянином И.Р. Качановым 1701 г. [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 1–5] и «Списка Тарского города...» этого же года [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1–4. 1702 г.]. После этого пожара Тарская крепость больше не горела. Тем самым башня действительно была поставлена в начале XVIII в., и новая монетка оказалась под башней совсем не случайно.

В данном случае башня является отдельным фортификационным комплексом, и его функционирование отмечено в документах, а вот ремонт конкретных участков крепостных стен, особенно в острожной части города, в документах не обозначен, поэтому зафиксированные нами следы ремонта могут быть датированы только по следам пожарищ, тем более что эта стихия посещала эту часть города гораздо регулярнее. Так, следы пожара и ремонта тарских «городен» (срубов, из которых состояла острожная стена), отмеченные при раскопках 2015 г., соотносятся с пожаром острога 1709 г., так как это по стратиграфии пожара совпадает со сгоревшей усадьбой острога, исследованной в 2011 г. и датированной нами этим временем.

Огненная стихия, сметавшая несколько раз Тару практически полностью, была своеобразной точкой отсчета и для уровня деревообработки, и для развития города в целом. Примерно в середине XVIII в. в Таре на смену тесаным топором плахам и дранке пришли пиленные доски. Это, в свою очередь, повлекло массовое использование гвоздей и т.д. В результате мы фиксируем значительные изменения хозяйственных построек и вспомогательных конструкций – заборов, навесов и т.д.

После очередных пожаров, уничтоживших несколько церквей, было принято решение о строительстве в городе каменных храмов.

* Мнения авторов относительно интерпретации данного объекта не совпадают. М.П. Черная исходя из того, что раскопанный объект не встроен в стены, атрибутирует его в качестве «быка» с пушечным «боем», который выдвигался вперед перед башней для увеличения зоны обстрела. Такие деревянные или деревоземляные «быки» («выводы», «раскаты», «бастеи») с пушками появляются в Сибири, по меньшей мере, с середины XVII в. как новейшая тенденция в русском оборонном зодчестве [Черная, 2002, с. 151–153].

Так слои пожарищ прочерчивают вехи в истории застройки Тары, земляная летопись которой хранит еще много нераскрытых тайн.

Библиографический список

Пархимович С.Г. К вопросу о методике раскопок поселений средневекового времени (из опыта работы на Мангазейском и Березовском городищах) // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск, 2011.

Цветкова Г.Я. Город на речке Аркарке // *Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.)* Омск, 1994.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002.

С.С. Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЫБОЛОВСТВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Очевидно, что для проведения этнографо-археологического исследования культурного феномена, социального и/или хозяйственного процесса или же отдельного артефакта необходимо иметь археологические и этнографические материалы, которые можно сопоставить, методику их комплексного анализа и разработанную процедуру верификации полученных результатов. С этих позиций и рассмотрим возможность этнографо-археологического изучения некоторых компонентов рыболовства как одного из производственных процессов, которым занимались и занимаются жители Сибири с момента их появления на этой территории и до настоящего времени.

Впервые мнение о необходимости специализированного изучения рыболовства я услышал от М.Ф. Косарева, когда в июле 1983 г. мне посчастливилось работать в его экспедиции на раскопках памятников раннебронзового времени на оз. Юргаркуль близ д. Чебурга Тобольского района Тюменской области. Экспедиция была небольшая, днем времени было много; поскольку у нас был особый график работ с восхода Солнца (примерно в 3 часа утра) до времени появления большого количества гнуса (примерно в 9 часов), то день и вечер мы проводили в беседах. Больше всего говорил Михаил Федорович, рассказывая об археологии, ученых и, конечно, о научных проблемах, в том числе и об изучении рыболовства. Он говорил, что эта тема весьма перспективна для исследований, но по каким-то причинам ею мало кто специально занимается. Полагаю, что правоту М.Ф. Косарева подтверждает практика. За последние 30 лет мне известны только две специальные солидные работы по рыболовству населения Сибири, сделанные С.И. Эверстовым [1988] и Д.О. Плахутой [2002]. Но вернемся к изучению этого процесса и рассмотрим несколько компонентов рыболовства как хозяйственного процесса.

Промысловые угодья, или места, где можно поймать рыбу в многочисленных водоемах, – материальная база рыболовства, с которой нужно начинать. Места ведения промысла, вероятнее всего, известные всем местным жителям, могут быть в пользовании всех рыбаков населенного пункта, или семьи, или индивида, располагаются, как правило, неподалеку от мест проживания промысловиков и подготовлены для рыболовства (прочищено дно, установлены рыболовные ловушки, есть места для хранения

лодок или снастей и т.д.). Вероятно, составление этнографами современных карт-схем расположения мест, где ведется добыча рыбы жителями деревни, может быть делом хлопотным, но выполнимым. Тем более, что опыт таких работ уже имеется. А.И. Селезнев и И.А. Селезнева собрали этнографические материалы по рыболовству татар Тарского Прииртышья [Селезнев, Селезнева, 2001, с. 48–66; 2002, с. 197–224; 1995, с. 37–43; 1997, с. 124–129], а М.А. Корусенко и С.Ф. Татауров провели поиск заброшенных (археологизирующихся) промысловых землянок [Корусенко, Татауров, 2002, с. 175–191].

Что касается выявления археологами мест рыболовства древнего и средневекового населения, то все обстоит не так просто. Ю.Ф. Кирюшин, анализируя особенности расположения поселений эпохи бронзы в верховьях Васюгана, обратил внимание на то, что памятники находились в местах, которые удобны для ведения рыболовства [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 126–127]. К таким же заключениям пришел и А.И. Петров, исследовавший в 1970-х – начале 1980-х гг. памятники неолита – ранней бронзы в Среднем Прииртышье [Петров, 2014, с. 158]. Подтверждает эти выводы и К.Н. Тихомиров, изучавший места концентрации памятников сибирских татар позднего средневековья [Бережнова, Корусенко, Матвеев и др., 2014, с. 56–56].

Говоря о современном уровне сопоставлений данных археологии и этнографии по промысловым угодьям, можно говорить о том, что места расселения аборигенов Западной Сибири совпадают в целом с местами лова рыбы, но конкретные участки промысла населения неолита до средневековья определить затруднительно.

Орудия рыболовства, к которым отнесем сети, удочки, стационарные ловушки и прочее, – необходимый атрибут рыболовства. В целом эта категория предметов описана этнографами неплохо. Но для реконструкции *системы* (выделено авт.) рыболовства этого недостаточно, поскольку необходимы и количественные показатели: сколько у промысловика было сетей, неводов, рыболовных ловушек и крючковых снастей. Например, такие данные собрал В.Я. Нагнибеда в 1910–1911 гг. во время статистического обследования Нарымского края [Нагнибеда, 1927, с. 2–70, 86–252, 254–301]. Но, вероятно, такие материалы можно считать исключением, а не правилом.

Что касается данных археологии, то чаще всего в поле зрения исследователей Западной Сибири попадают рыболовные стерженьки, рыболовные крючки, грузила для сетей, иногда гарпуны и поплавки. Это верные показатели использования удочек (возможно, переметов, перетяг, жерлиц и т.д.), сетей (сплавных или ставных), неводов или бредней. По рыболовным стерженькам и крючкам можно приблизительно судить о величине рыб. Но системы рыболовных сооружений, наподобие тех, что показаны Н.А. Варпаховским [1898], археолог восстановить пока не может. Хотя время от времени появляются публикации, в которых описаны стационарные рыболовные устройства [Буров, 1969, с. 130–134; 1988, с. 145–160; Лозе, 1986, с. 78–82; Федоров, 1937, с. 61–70]. В Западной Сибири одно из них раскопали М.А. Корусенко и С.Ф. Татауров [2003, с. 175–191].

Видовой состав и размеры пойманных рыб. Имеются как этнографические, так и статистические материалы о видах вылавливаемых рыб и об объеме уловов [Нагнибеда, 1927; Орлова, 1928; Плотников, 1901]. Это великолепные источники по рыболовству, позволяющие детально проанализировать такой промысел на уровне довольно крупного региона. Но дело в том, что у археологов пока нет сопоставимых с этими материалами данных, поскольку ихтиологические свидетельства в раскопах встречаются не так часто.

Однако иногда археологи публикуют информацию о видах и размерах пойманных когда-то рыб [Цепкин, 1978, с. 81–87; Цепкин, Могильников, 1968, с. 54–61], из которых следует, что люди прошлого ловили такую-то рыбу таких-то размеров. Это важные сведения, но не всегда достаточные для реконструкции системы рыболовства. Рассмотрим это по материалам Еловского поселения, полученным в 1961 [Гундризер, 1966, с. 119–123] и 1982 гг.

Язь (Leucis cusidus). В 1982 г. скопления жаберных крышек, костей позвоночника, ребер, чешуи этой рыбы найдены в 16 квадратах, преимущественно в виде скоплений. Возраст рыбы – 6–10 лет, с преобладанием особей в возрасте 7–8 лет. Длина рыб – 30–60 см (преимущественно 50–60 см). Вес отдельных особей достигает 5–6 кг. По данным А.Н. Гундризера, язь в уловах был наиболее массовой рыбой, достигал возраста 6–10 лет, но вес его был чаще всего 700–800 гр.

Нельма (Stenodus leucichthus nelma). В 10 квадратах в 1982 г. найдены жаберные крышки, ребра, позвонки, по одному разу – чешуя и кости челюсти. Возраст рыбы – от 9 до 12 лет. Длина особей – 70–90 см, три особи имели длину 1 м. Вес такой нельмы составлял 20–25 кг. А.Н. Гундризер отметил только наличие костей нельмы.

Щука (Esox Lucius). Чешуя рыбы в 1982 г. найдена в четырех квадратах. Возраст рыб – 5–7 лет, длина – 40–45 см. Вес рыбы известен только в одном случае – 1 кг. А.Н. Гундризер же определил, что в уловах преобладала щука возрастом 3–4 года, длиной около 80 см, хотя был экземпляр рыбы возрастом до 15 лет.

Осетр (Acipenser). Остатки этой рыбы в 1982 г. найдены только в одном квадрате. Ее возраст – 15 лет, длина – около 90 см, вес – до 50 кг. А.Г. Гундризер же определил, что на поселении были остатки осетров весом 1,5–2 кг (преобладали) и 6–8 кг (две особи).

Муксун (Coregonus mukcun). Челюсть, жаберные крышки, чешуя, ребра рыбы в возрасте 6 лет, длиной около 50 см найдены в 1982 г. только в одном квадрате. В 1961 г. остатков муксуна не отмечено, что позволило А.Н. Гундризеру предположить, что в древности рыбу добывали вблизи поселения, поскольку нерестилища муксуна есть только около Шегарки, что в намного ниже Еловского поселения.

Плотва (Rutilus rutilus). Мелкие кости, чешуя, ребра рыб в 1982 г. найдены в пяти квадратах. Вероятно, это прилов. А.Н. Гундризер считал, что плотва и другие мелкие рыбы были в уловах второстепенными.

В ихтиологических материалах 1982 г. не выявлены остатки стерляди и золотистого карася, хотя в материалах 1961 г. эти рыбы имелись.

В целом в определении рыб из разных лет раскопок есть и сходство, и различие, связанное, вероятно, со степенью сохранности остатков рыб, опыта исследователя и применяемой им методики.

Получается, что имеются этнографические и археологические материалы, которые документируют одни и те же компоненты рыболовства: места ведения промысла, орудия труда, размер, вес и вид рыб, что внушает оптимизм при комплексном анализе материалов археологии и этнографии по рыболовству.

Библиографический список

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск, 2014 (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 13).

Буров Г.М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117.

Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // Советская археология. 1988. №3.

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898.

Гундризер А.Н. Рыбы из поселения Еловка на Оби // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966 (Ученые записки ТГУ; №60).

Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Стационарные рыболовные промысловые сооружения населения, проживающего в низовьях реки Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск, 2003.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

Лозе И.А. Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звидзе // КСИА. 1986. Вып. 185.

Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927.

Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск, 2014.

Плахута Д.О. Рыболовство населения Обь-Иртышья эпохи камня – средневековья: история изучения: По публикациям XVIII–XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

Плотников А.Ф. Нарымский край // Записки ИРГО по отд. статистики. Т. X, вып. 1. СПб., 1901.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Рыболовство коренного населения Тарско-Иртышского бассейна (по материалам поселений Тарских татар) // Этнографическое обозрение. 2001. №6.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Рыболовство и охота в поселениях тарских татар (опыт исследования малых локальных культурных комплексов) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 5. Новосибирск, 2002.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Система рыболовства в окрестностях д. Чеплярово Большереженского района Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 2. Омск, 1995.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Система рыболовства в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области (к изучению локальных этнографических комплексов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Уфа, 1997.

Федоров В.В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // Советская этнография. 1937. №2.

Цепкин Е.А. К истории промысловой ихтиофауны и рыболовства бассейна Иртыша // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. 1978. Т. 83 (2).

Цепкин Е.А., Могильников В.А. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // Советская этнография. 1968. №3.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988.

А.В. Шмидт

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ В ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

Возраст – это период от рождения человека до того или иного момента его жизни. Возраст является общей координатой всех демографических и социальных явлений, которые происходили в палеопопуляциях, будь то инициация, вступление в брак, рождение детей, смерть. То есть при реконструкции палеодемографических процессов исследователи соотносят события с возрастом индивидуума, с которым эти события произошли.

Современная демографическая наука измеряет возраст в годах, месяцах (на первом году жизни), неделях (на первом месяце жизни), днях и даже часах. Палеодемография в связи со спецификой своего исследования производит измерение возраста только в годах, а точнее, в возрастных интервалах, кратных определенному числу лет (об этом речь пойдет ниже). Даже если возможно установить возраст для грудного младенца по костным останкам с точностью до шести месяцев, то такую информацию используют достаточно редко. Таких детей объединяют в группу «до одного года». Вообще следует отметить, что чем младше усопший, тем ярче выражены возрастные особенности костных останков, и, соответственно, можно точнее определить его возраст. Для взрослых людей точность определения возраста составляет 5 лет, а для престарелых – 5–10 лет. Либо их относят к группе с открытым возрастным интервалом, т.е. старше назначенного количества лет.

К сожалению, не существует абсолютно точных способов определения возраста некогда живших людей. Различные письменные источники, включая надписи на надгробиях, могут содержать ошибки, обусловленные какими-либо причинами. Кроме этого, письменные данные, позволяющие сделать вывод о возрастных структурах населения, существуют не для всех территорий и не для всех хронологических периодов. Поэтому чаще всего исследователи вынуждены обходиться без них. В основном источником информации о возрасте в палеодемографии служат костные останки умерших.

В настоящий момент исследователями различных научных отраслей знаний разработано большое количество методик определения возраста по костям. Практически для всех отделов скелета есть возрастные стандарты, построенные на представительном статистическом материале: по плечевым и бедренным костям; по облитерации швов черепа; по строению симфиза лобковой кости; по возрастным изменениям стернальных концов ребер; по степени дегенеративных изменений аурикулярной поверхности подвздошной кости; по приращению эпифизов грудных позвонков и многие другие методы, включая опирающиеся на изучение рентгенографического изображения кости, что связано с возможностью анализа ее внутренней структуры [Пиголкин и др., 2010].

В некоторых археологических и этнографических культурах определенную информацию о возрасте несет сопроводительный инвентарь погребений. Но в основном это относится к разграничению взрослых и детей, т.е. прошедших и не прошедших обряд посвящения во взрослую жизнь (инициацию).

Возрастной структурой населения называется распределение по возрастным группам и возрастным контингентам. Ее построение необходимо в целях изучения прошлых, настоящих и будущих демографических и социально-экономических процессов, происходящих в обществе.

Палеодемографическую возрастную структуру можно построить двух типов:

1. Первый тип строится для населения, «реально живущего» на поселении, в городе, крепости и т.п., со свойственным для живых распределением по возрастам, средней продолжительностью жизни, количеством детей и стариков, т.е. по аналогии, как ее строит современная демография для населенного пункта или целой страны.

2. Второй тип определяется по смертельным случаям среди живущего населения, т.е. по материалам могильников.

Второй тип построения возрастной структуры реально возможен намного чаще, нежели первый, так как источником информации для первого типа могут быть только письменные данные.

Важно отметить следующий момент: возрастная структура, построенная по смертельным случаям, будет значительно отличаться от возрастной структуры живущего населения, в пределах которого происходят эти смертельные случаи. Это обусловлено тем, что для древнего и средневекового населения риск умереть сильно зависит от возраста, т.е. в тот или иной период жизни человека он либо возрастает, либо понижается. В то время как выживаемость поколения со временем непрерывно снижается, пока не оказывается равной нулю [Chamberlain, 2006, p. 15].

Информация о возрастной структуре населения необходима для исследования многих социально-экономических и демографических процессов. При этом разные ее типы несут в себе и разную информацию. Они дополняют друг друга, но не дублируют. Так, возрастная структура, построенная для «реально живущего населения», позволяет достаточно обоснованно предполагать о прошлых и будущих тенденциях рождаемости и смертности данного общества, возможности противостоять внешней агрессии или, наоборот, быть ее источником, говорить о вероятных социальных и экономических проблемах в прошлом, «настоящем» и будущем.

Возрастная структура, базирующаяся на остеологическом материале некрополей, позволяет делать выводы о средней продолжительности жизни, о наличии или отсутствии факторов, повышающих уровень смертности (военные столкновения, эпидемии, стихийные бедствия), о здоровье населения, об уровне младенческой смертности и даже о том, всех или не всех жителей поселения хоронили на одном кладбище. Кроме этого, она дает возможность для построения таблиц дожития. Однако точность этого метода напрямую зависит от объемов статистического материала и полноты выборки.

Возрастная структура описывается с помощью группировок. Одна из самых простых и широко используемых делит население на три большие группы: детей, взрослых и стариков. Схема очень удобная и активно используется в биологии при характеристике нечеловеческих популяций [Stiner, 1991]. Она хорошо показывает соотношение в населении количества детей, взрослых и стариков.

В современной демографической науке к детям относятся лица, не достигшие 15-летнего возраста, т.е. 0–14 лет. От 15 и до 60 лет (в некоторых западных странах до 65) – категория взрослых. Люди старше 60 (или 65), т.е. достигшие пенсионного возраста, считаются стариками. В основу данной схемы положены экономические соображения. От категории трудоспособного населения (взрослые) отделены те, кто еще не может работать (дети), и те, кто уже не может работать (старики).

Но современные критерии возрастной оценки при анализе палеопопуляций мало подходят. Социальный прогресс, совершивший значительный рывок за последние два столетия, существенно замедлил процесс физического старения людей, в то время как шансы дожить до пенсионного возраста у человека эпохи древности и средневековья в зависимости от популяции составляли 1 : 20 – 1 : 70. К тому же возрастные изменения косных останков у индивидуумов старше 50 лет зафиксировать крайне сложно. Зачастую антропологи относят их в группу с открытым возрастным интервалом (50+). Поэтому при составлении возрастной структуры «дети – взрослые – старики» в палеодемографии исследователи опираются на физиологические и поведенческие

изменения, связанные прежде всего с половым созреванием. Юные организмы физически и социально развиты недостаточно, в связи с чем сильно зависят от взрослых в плане пропитания и защиты. У детей один из самых высоких уровней смертности. Переход из возрастной группы детей в группу взрослых происходит с наступлением фертильности у девушек и сексуальной зрелости у юношей. Возраст полового созревания сильно зависит от пола (у мальчиков это происходит медленнее, чем у девочек), этнической принадлежности и многих других факторов. В целом данный процесс завершается к 14–15 годам жизни. Приблизительно в этом же возрасте (особенно у девушек) прекращаются активные фазы телесного роста. Таким образом, к категории детей с точки зрения палеодемографической науки следует относить индивидуумов в возрастном интервале от 0 до 14 лет.

Примерно с 15 лет человек переходил в следующую группу – «взрослые», которая характеризуется физическим, психологическим и репродуктивным созреванием. Наступление старости исследователи в области биологии и палеодемографии соотносят с возрастом, когда у большинства женщин прекращается фертильная функция, и они становятся неспособными к зачатию и вынашиванию ребенка. Это происходит примерно в 45 лет. С наступлением старости представители обоих полов чаще болеют, что влияет на физическое, психологическое и эмоциональное состояние организма. Как результат – абсолютное увеличение уровня смертности [Chamberlain, 2006, p. 17]. Таким образом, возрастная структура «дети – взрослые – старики» в палеодемографической науке базируется на физиологических изменениях, основу которых составляет репродуктивная функция человека, т.е. от способных к воспроизводству себе подобных (взрослые) отделены дети, не достигшие полового созревания, и старики, чей возраст превысил порог фертильной функции.

Следует подчеркнуть, что реально в возрастной структуре «дети – взрослые – старики» не может быть четкой границы между группами. Возрастные контингенты: дети – 0–14 лет; взрослые – 15–44; старики – 45 лет и старше, – взяты как усредненные показатели, обусловленные в силу ряда причин неравномерным физиологическим развитием индивидуумов. Данная структура разработана таким образом, чтобы ее можно было применить к любой палеопопуляции независимо от эпохи и участка земного шара. Именно такое подразделение по возрасту (дети – взрослые – старики) можно встретить в старинных письменных источниках при характеристике городского населения в древности и средневековье.

Если говорить в целом о возрастной периодизации, то в зависимости от научного направления (биология, психология, социология, медицина и др.) существует большое количество различных схем, отвечающих тем или иным интересам. Наибольшую популярность у антропологов получила возрастная структура, разработанная В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебецем [1964], в основу которой легло общее развитие скелета, а также его отдельных участков: *Infantilis I* – до появления постоянных первых моляров; *Infantilis II* – до появления постоянных вторых моляров; *Juvenis* – до закрытия клиновидно-затылочного синостоза; *Adultus* – 18–35 лет; *Maturus* – 36–55 лет; *Senilis* – больше 56 лет. Однако данная возрастная схема в недостаточной степени отвечает требованиям палеодемографии.

Среди специалистов, изучающих современное общество, наибольшую популярность получила возрастная структура, которая делит население на возрастные интер-

валы, кратные пяти годам: ..., 5–9, 10–14, 15–19 и т.д. Завершает этот ряд так называемый открытый интервал – 85 лет и старше. Это стандартная возрастная структура, принятая во всех демографических документах и расчетах ООН. Ей следует придерживаться в обязательном порядке всем обществоведам, чтобы результаты исследований могли бы сочетаться между собой.

Палеодемография и антропология также очень активно используют данную схему, с единственным исключением: открытому возрасту соответствуют лица, достигшие 50 лет и старше, о чем уже говорилось выше. Популярность такой структуры при изучении палеопопуляций объясняется в первую очередь тем, что, исследуя костные останки древнего и средневекового населения, возраст усопших можно определить в большинстве случаев только с точностью до 5 лет. Кроме этого, использование стандартной возрастной группировки позволяет сравнивать полученные данные между собой, между эпохами, а также проводить сравнительный анализ с современностью, так как многие результаты, которые получены современной наукой при изучении ныне живущего населения, можно смело переносить на древние коллективы, потому что во многих ситуациях человечество развивается по одним и тем же законам вне зависимости от хронологических и территориальных рамок.

Следует сразу отметить, что найти письменные данные для древнего населения, по которым можно построить возрастную структуру с 5-летними группировками, практически невозможно. Даже для эпохи позднего средневековья такая информация крайне редка и весьма приблизительна. Кроме этого, она имеется только для наиболее развитых городов и прилегающих к ним областей.

Чаще всего возрастную структуру с 5-летними группировками строят по результатам антропологических исследований материалов могильников, так как эта информация для нас более доступна. В некоторых работах по палеодемографии и антропологии можно увидеть возрастную структуру, построенную на 10-летних интервалах. Как правило, это происходит из-за неудовлетворительной сохранности скелетов, либо, что бывает значительно реже, антропологические определения носят предварительный характер и/или основаны на неполном скелете.

При построении возрастной структуры с 5-летними группировками в современной демографии в отдельную группу относят детей до года (младенцы). Выглядит это таким образом: 0 лет, 1–4 года, а уже затем идут 5-летние группы: 5–9, 10–14 и так далее, о чем речь уже шла выше. Выделение детей до года в отдельную группу обусловлено практической необходимостью. Она наиболее ярко отражает многие фундаментальные процессы, которые происходят в обществе. Большое количество младенцев говорит о высоком уровне рождаемости и о значительной доле молодежи в составе всего населения. Кроме этого, даже сейчас уровень смертности в возрастной группе детей до года является одним из самых высоких. Вероятность умереть на первом году жизни примерно такая же, как у людей, достигших 55 лет. Еще сравнительно недавно младенческая смертность в 10 и более раз превышала общую смертность населения. Высокие показатели здесь говорят прежде всего о низком социальном, санитарном и медицинском уровне развития общества.

Так, в средненеолитическом комплексе могильника Сахташа-Па младенцы составили 35,3% от общего числа погребенных, или 87,5% от числа захороненных детей. По мнению авторов, данная палеопопуляция, «судя по соотношению числа погребен-

ных взрослых и детей, не находилась в особо благоприятных условиях, однако и не испытывала на протяжении своего существования особых стрессов» [Алексеева и др., 1997, с. 55]. Данный показатель «укладывается в стандартные границы вариаций численности детских погребений в могильниках ранних исторических периодов» [Алексеева и др., 1997, с. 58].

Достаточно часто исследователи в области палеодемографии и антропологии не отделяют младенцев от детей младше 5 лет, суммируя их в одну возрастную группу. По мнению автора данной работы, это является большой ошибкой. Выделив детей до года в отдельную категорию в возрастной структуре населения, мы можем получить много полезной информации. Надо помнить, что уровень младенческой смертности очень высокий и количество смертельных случаев среди младенцев больше, чем у детей от 1 до 4 лет вместе взятых. В целом это не зависит от территориальной, хронологической или этнической принадлежности населения, в котором происходили эти смертельные случаи. Такая ситуация была всегда и везде. Соответственно, если в материалах могильника младенцев меньше, чем детей от 1 до 4 лет, или их нет вообще, то можно со 100-процентной уверенностью утверждать, что не всех умерших хоронили на данном некрополе.

В этом ключе очень хорошо говорят авторы книги «Неолит лесной полосы Восточной Европы...» Сравнивая показатели детской смертности волосовского комплекса (энеолит) могильника Сахташа-Па (11,5% от общего числа погребенных) со средне-неолитическим слоем этого же памятника (41,2% от общего числа погребенных), исследователи приходят к следующему выводу: «Очевидно, что причина резкого (почти в 4 раза) уменьшения показателя детской смертности в энеолите сравнительно со средне-неолитическим периодом рассматриваемого памятника никак не может быть связана ни с экологическими, ни с культурными изменениями за рассматриваемый период времени. Уменьшение детской смертности до фиксируемых в позднем неолите пределов, если полагать, что оно связано с внешними причинами, должно было бы сопровождаться настолько серьезными археологическими указаниями на глобальные перемены в образе жизни населения, что не заметить их было бы невозможно. Однако свидетельства глобального характера перемен в образе жизни энеолитического населения того же памятника отсутствуют.

Деформация численности детской выборки в энеолите не связана с сохранностью самого культурного слоя волосовского времени, несмотря на достаточно близкое к поверхности положение погребений. Захоронения волосовского времени прослеживаются достаточно четко, «пропустить» или «не заметить» их практически невозможно.

Таким образом, происхождение феномена резкого уменьшения детской смертности в поздне-неолитическое время можно, по всей видимости, связывать только с изменениями погребального обряда Сахташа-Па в энеолитическое время сравнительно со средним неолитом» [Алексеева и др. 1997, с. 58–59].

Очень часто младенцы (все или какая-то их доля) «отправлялись в мир усопших» по иному погребальному обряду. Для них могло существовать отдельное кладбище. Их могли хоронить непосредственно на поселении в жилище или между жилищами.

На сегодняшний день существуют методики, позволяющие при подсчете избежать искажений демографического профиля, обусловленных неполной представленностью на могильниках погребений младенцев (< 1 года) и детей раннего возраста

(< 5 лет). Прежде всего, это индекс ювенильности (Juvenility index) [Vocquet, Masset, 1977], характеризующий соотношение детей и взрослых в популяции. Он вычисляется как отношение количества детей в возрасте от 5 до 15 лет к числу взрослых в возрасте 20 лет и старше. Величина индекса ювенильности тесно коррелирует с такими демографическими показателями, как вероятность смерти в возрасте до 1 года и до 5 лет, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, а также общая фертильность (Total Fertility Rate), или коэффициент фертильности, – среднее количество детей, рожденных женщиной на протяжении репродуктивного периода [Бородовский, Тур, 2015, с. 132].

Библиографический список

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Бородовский А.П., Тур С.С. Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине Нижней Катунь (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №3.
- Пиголкин Ю.И., Гончаров Н.Н., Самоходская О.В., Черепов А.В. Дифференцированная балловая оценка возрастных изменений костей кисти (новые методические приемы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII : Антропология. 2010. №3.
- Vocquet J.-P., Masset C. Estimateurs en paléodémographie // L'Homme. 1977. Vol. 17.
- Chamberlain A. Demography in Archaeology. Cambridge, 2006.
- Stiner M.C. An interspecific perspective on the emergence of the modern human predatory niche // Human Predators and Prey Mortality. Boulder, 1991.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Д.А. Гаврилов¹, Л.С. Шумиловских², Е.Ш. Амиров³, И.Р. Камалдинов³

¹Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Георг-Август-Университет Гёттинген, Гёттинген, Германия;

³ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы, Казахстан

РЕЗУЛЬТАТЫ МИКРОБИОМОРФНОГО И ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА ЖАНКЕНТ (Казахстан)

Работа выполнена при финансовой поддержке ГУ
«По охране памятников истории и культуры Кызылординской области»

Культурный слой (КС) – неотъемлемая часть археологических объектов, являющаяся материальным признаком освоения людьми территории в древности. В то же время он является компонентом современного ландшафта, что делает его объектом изучения не только археологии, но и целого ряда естественных наук: почвоведения [Демкин, 1997; Васильева, Дергачева, 2003; и др.], геофизики [Молодин и др., 2004], геохимии и геологии [Долгих, Александровский, 2010; Каздым, 2006; и др.]. Каждое из научных направлений имеет свой арсенал методов исследования, которые порой раскрывают новые стороны жизни древних обществ, неизвестные до этого археологии.

Культурный слой характеризуется определенным разнообразием морфологических и физико-химических свойств, что обусловлено не только длительностью и характером использования территории в прошлом, но и палеоэкологической обстановкой. Культурные слои пустынных ландшафтов отличны от КС гумидных районов. Среди главных отличительных черт КС аридных районов – небольшая доля органического компонента в его строении, что обусловлено изначальной бедностью окружающих почв поселения органическим веществом и его быстрой минерализацией в сухих условиях, что делает морфологический облик КС монотонным и нефизиономичным. Данная особенность требует применения более тонких методов, которые при совместном использовании дают обширную информацию. Поэтому наша работа посвящена рассмотрению возможностей применения в исследовании культурных слоев пустынного ландшафта методов, имеющих наиболее широкий географический диапазон применения: микробиоморфного [Гольева, 2001, 2008, 2012] и споропыльцевого.

Объект исследования. Городище Жанкент (Янгикент) находится на левом берегу р. Сыр-Дарьи, в 23 км юго-западнее г. Казалинска (Кызыл-Ординская область, Казахстан). Городище имеет прямоугольную форму размером 325 x 200 м. В северо-западной части памятника расположена хорошо сохранившаяся цитадель. С внутренней стороны северной стены пристроена возвышающаяся подквадратной формы отдельная усадьба. В западной и восточной частях городища расположены городские ворота.

В северной части городища в 2014 г. был заложен раскоп (№5), которым вскрыты три уровня культурного слоя и помещение (№2) с межквартальным пространством (третий слой).

Результаты исследования. Стратиграфические образцы из культурного слоя взяты с глубин 15 (DZ_14_5_0.) и 40 см (DZ_14_5_101). Верхний образец имел светло-серую окраску, а нижележавший – бурый.

В верхнем образце микробиоморфный комплекс характеризуется малым разнообразием (рис.). В образце единично встречаются кутикулы, споры грибов, корни растений. Много микроугольков. Фитолитов очень мало (12 шт. на площадь покровного стекла). Обнаруженный морфотип имеет длинную форму и свойственен классу двудольных растений. Образец отличается от других большой концентрацией пыльцы, достигающей 140000 пыльцевых зерен в см³. В пыльцевом спектре доминируют маревые (*Chenopodiaceae*, 86%). Степные растения – полыни и злаковые – достигают всего 7 и 4% соответственно. Прочие элементы составляют пустынные кустарники *Nitraria* и *Ephedra fragilis*-type, а также *Centaurea cyanus*, *Cerealia*-type, *Matricaria*-type и *Sparganium*-type. Спор грибов не обнаружено. Концентрация микроугольков (> 50 микрон) составляет ~ 9000 шт./см³.

Таким образом, высокая концентрация пыльцы и наличие кутикул растений свидетельствуют об открытом характере территории во время седиментации. Этот участок городища является межквартальным пространством. Пыльцевой спектр данного образца с доминированием маревых и присутствием пустынных кустарников представляет собой типичный спектр пустынной растительности. Присутствие крупной пыльцы злаков в совокупности с васильком может быть индикатором сельскохозяйственной деятельности в окрестностях, хотя подобная пыльца может встречаться и у диких некультивируемых злаков. Присутствие *Sparganium*-type свидетельствует о присутствии небольших стоячих водоемов недалеко от места отбора образца. Концентрация микроугольков позволяет говорить о недалеком расположении места разведения огня.

В нижележащем образце из второго уровня культурного слоя в фитолитном спектре содержится большое количество удлинённых морфотипов фитолитов с дендровидной поверхностью, свойственных для шелухи культурных злаков (*Triticum* spp.). Образец характеризуется высокой концентрацией пыльцы (25000 в см³). В пыльцевом спектре доминируют маревые (85%), с небольшим содержанием полыней (6%) и злаков (5%). Присутствует пыльца ольхи и березы, а также разнотравья (*Brassicaceae*, *Centaurea jacea*-type, *Cerealia*-type, cf *Rhinanthus* group, *Rosaceae*) и заболоченных мест (*Sparganium*-type). В спектре грибных спор встречаются *Glomus*, *Chaetomium*, *Sporormiella*, а также неидентифицированные конидио(?)споры. Концентрация микроугольков высокая (6000 шт./см³).

Таким образом, судя по пыльцевому спектру и высокой концентрации пыльцы, седиментонакопление проходило в открытых условиях. Доминирование маревых свидетельствует об условиях пустыни, хотя наличие древесной пыльцы и разнотравья, возможно, указывает на более мягкие климатические условия по сравнению с предыдущим образцом. В окрестностях были стоячие водоемы с рогозовыми. Присутствие крупной пыльцы злаков может указывать на сельскохозяйственную деятельность. В образце присутствуют споры копротрофных и сапротрофных грибов, возможно, свидетельствующие о присутствии пастбищ. Концентрация микроугольков говорит о присутствии огня. Фитолиты пшеницы позволяют определить вид возделываемой культуры и возможное нахождение места отбора образца как места ее складирования или шелушения.

Следующие образцы из третьего культурного слоя (60 см) представляют собой объекты, которые демонстрируют разное использование человеком участков городища: межквартальное пространство (DZ_14_5_127) и жилище (DZ_14_5_116).

Первый образец имел светло-серый цвет и пылеватый состав, что позволило при полевом обследовании предположительно определить его как золу.

По результатам микробиоморфного анализа удалось установить, что данный образец среди серии изученных отличается обилием концентрации фитолитов и кутикул растений (рис.). Фитолитный спектр характеризуется широким разнообразием морфотипов, среди которых наибольшую долю имеют удлинённые дендровидные, округлые и веерообразные формы. Дендровидные удлинённые фитолиты встречаются в шелухе пшеницы (*Triticum* spp.). Удлинённый морфотип фитолитов относится к классу двудольных, а веерообразный морфотип – фитолиты тростника (*Phragmites* sp.).

Среди биоморф преобладают кутикулы растений, обилие которых в образцах диагностируют поверхностные горизонты почв или навоз. Идентифицированы кутикулы *Triticum* spp. и *Phragmites* sp.

По данным споропыльцевого анализа, в образце концентрация пыльцы довольно высокая – 23000 шт./см³ (рис.). Данный образец принципиально отличается от прочих по пыльцевому спектру. Доминирующим таксоном здесь является *Sparganium*-типе (47%), и только потом *Chenopodiaceae* (27%) и *Poaceae* (20%). *Cerealia*-типе достигает 2%. Кроме того, характерно большое количество микроугольков (48000 шт./см³). Из разнотравья присутствуют сложноцветные и крестоцветные. Разнообразен спектр обильных грибных спор, включающих копротрофные и сапротрофные грибы *Arnium*, *Coniochaeta*, *Sordaria* и неидентифицированные конидио(?)споры. Присутствует детрит.

Таким образом, концентрация пыльцы свидетельствует о накоплении в открытых условиях. Большая концентрация микроугольков указывает на зольник, который также использовался в качестве депозита растительной органики. Вероятно, сюда выбрасывали остатки рогоза, вегетативные части которого могли использоваться в хозяйстве. Произрастание рогоза на месте отбора образца маловероятно из-за отсутствия прочих индикаторов водоема. Сюда же, скорее всего, складывали злаки. Маревые и полыни, вероятно, относятся к региональному спектру, указывая на пустыню в региональном контексте. Детрит и большое количество спор копротрофных и сапротрофных грибов свидетельствуют об активном разложении органики и возможном присутствии навоза. Обилие кутикул и фитолитов характеризует искусственное происхождение образца. Микробиоморфный состав позволяет предположить, что на данном месте складировался навоз, в формировании которого следует отметить большую долю тростника и пшеницы.

Образец из жилища (DZ_14_5_116) имеет низкое содержание биоморф, среди которых встречаются фитолиты двудольных трав (удлинённой формы), растений семейства осоковых (*Cyperaceae*) и тростника, единично – кутикулы *Triticum* spp. и пыльца в малом количестве (4600 шт./см³).

По данным пыльцевого анализа, доминирующими таксонами являются маревые (71%), злаки (12%) и полыни (4%). Количество *Cerealia*-типе превышает 2%, присутствуют споры *Riccia*. Спектр этого образца характеризуется самым высоким разно-

образом, достигая 15 пыльцевых типов. Характерно присутствие пыльцы древесных (ольха, береза, сосна) и кустарника эфедры. Из травянистых присутствуют свинчатковые, сложноцветные, крестоцветные. *Sparganium*-type достигает 5%. Количество спор грибов (16%) представлено в основном неидентифицированными конидио(?)спорами и спорами микоризного гриба *Glomus*. Присутствует детрит. Концентрация угольков сопоставима с предыдущими образцами (7000 шт./см³).

Низкая концентрация пыльцы свидетельствует о накоплении в закрытом помещении, что, возможно, влияло на формирование спектра. Интересно присутствие древесной пыльцы, которая в совокупности с повышенным содержанием злаков предполагает более мягкие климатические условия по сравнению с верхними слоями. Большое количество крупной пыльцы злаков в совокупности с присутствием спор печеночного мха *Riccia* свидетельствует об обширном земледелии в окрестностях. Пыльца рогозовых указывает на присутствие стоячих водоемов или заболоченных участков вблизи поселения. Споры гриба *Glomus* могли быть принесены с почвой или занесены ветром. Большое количество конидиоспор и детрит свидетельствуют об активном разложении органики в помещении. Концентрация микроугольков сравнительно невысока и, скорее всего, указывает на отсутствие открытого огня в помещении или выводе дыма наружу. Обнаруженные в небольшом количестве фитолиты тростника позволяют предположить использование его в изготовлении циновок, которыми могли покрывать пол помещения. Наличие кутикулы культурных злаков доказывает употребление пшеницы местными жителями в пищу.

Таким образом, серия стратиграфических и горизонтально отобранных образцов позволяет получить разнообразную информацию о природных условиях времени функционирования городища и особенностях быта людей. В стратиграфически отобранных образцах отражен пустынный ландшафт, в состав которого входили водоем и сельскохозяйственные земли. Обнаруженные фитолиты шелухи пшеницы позволили определить этот вид как возделываемую культуру. Кроме земледелия, вторым видом хозяйственной деятельности человека было животноводство (остатки навоза).

Библиографический список

- Васильева Д.И., Дергачева М.И. Влияние жизнедеятельности человека в местах поселений средней бронзы степного Заволжья на состав гумуса и свойства почв : препринт. Новосибирск, 2003.
- Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М. ; Сыктывкар ; Элиста, 2001.
- Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М., 2008.
- Гольева А.А. Фитолиты – источник информации о природе хозяйственной деятельности народов в прошлом // Палеопочвы, природная среда и методы их диагностики. Новосибирск, 2012.
- Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пушкино, 1997.
- Долгих А.В., Александровский А.Л. Почвы и культурный слой Великого Новгорода // Почвоведение. 2010. №5.
- Каздым А.А. Техногенные отложения древних и современных урбанизированных территорий (палеоэкологический аспект). М., 2006.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софейков О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. I. Новосибирск, 2004.

Л.Л. Гайдученко¹, К.Ю. Кирюшин^{2,3}

¹*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

³*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ПРИГАРЫ ИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-III В СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Памятник Новоильинка-III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 м² [Кирюшин, Ситников, Семибратов, Гельмель, 2011]. Получены представительные коллекции керамики, каменных артефактов и костей животных [Кирюшин, 2015]. По костям животных, найденным на поселении, имеется серия радиоуглеродных дат: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320), которые позволяют датировать его серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на 1000 лет удревает культурный слой памятника. Разброс значений по 1 σ (вероятность 68,2%) занимает интервал от 3650–3600 до 2650–2630 гг. до н.э., по 2 σ (95,4%) – от 3700–2850 до 3500–2400 гг. до н.э. Таким образом, максимальный разброс составляет 1020–1300 лет, а минимальный – 650–950 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого промежутка времени. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы поселения можно отнести к 1-й половине III тыс. до н.э. [Кирюшин, 2015].

Первоначальные раскопки поселения Новоильинка-III в 2005 г. принесли около 420 костных остатков (из них 63,7% неопределимых). Большая часть определимого материала (94,1%) относилась к лошади, а единичные остатки принадлежали туру, лосю и сайгаку [Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007]. Раскопки памятника в 2010 г. дали в общей сложности 8420 остеологических остатков (78,9% – неопределимые). Определимые кости принадлежат лошади (96,7%) и туру (3,2%). Найдено по одной кости косули и лисицы. Исходя из анализа представленных остатков лошадей, а также строения метаподий высказано предположение, что данная лошадь относилась, вероятнее всего, к дикой форме – тарпану [Васильев, Кирюшин, Ситников и др., 2011].

Заявленные версии входили в противоречие с археологическим контекстом находок и с результатами исследований по системе жизнеобеспечения населения неолита и энеолита Степного Казахстана [Гайдученко, 1998а–б, 2005, 2009, 2013–2014; Гайдученко, Калиева, Логвин, 2007; Калиева, Шевнина, 2007; и др.].

Решение проблемы системы жизнеобеспечения населения исследуемого памятника имеет принципиальное значение для реконструкции среды обитания энеолитического населения Северной Кулунды. Для решения обозначенных задач было принято использовать пригары с глиняной посуды поселения Новоильинка-III.

Подобные исследования проведены для поселенческих комплексов ранней бронзы Алтая и дали хорошие результаты [Грушин, Гайдученко, 2013]. В сосудах с поселений Березовая Лука, Колыванское-I, с могильников Телеутский Взвоз-I, Мышиный Лог-I, Староалейка-II обнаружены пять ингредиентов: мясо или рыба, молоко, вегета-

тивные части растений, ягоды (?) и зерно (?) [Грушин, Гайдученко, 2013]. Проведенные исследования позволили сделать важные выводы о системе жизнеобеспечения и стратегии освоения пищевых ресурсов населения елунинской культуры Обь-Иртышья.

Методика изучения пригоревшей в древности в процессе приготовления в сосуде пищи разработана Л.Л. Гайдученко в 1999 г. [Гайдученко, 2000, с. 150–169]. С начала разработки она претерпела некоторые изменения, но ее основа – гистологическое исследование частиц пригоревшей пищи или иного продукта – осталась неизменной.

Среди фрагментов керамики из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-III по признаку наличия следов пригара на внутренней поверхности отобраны 32 фрагмента. Их размеры составили от 5 до 25 см². После сбора в ходе полевого изучения памятника все образцы были вымыты с применением щетинной щетки, и основная часть пригара была утрачена. Тем не менее с помощью деревянного (береза) шпателя от 30 фрагментов получены образцы пригаров объемами от 1 до 4 мм³.

После деконсолидации в течение двух месяцев образцы были микроскопированы – 26 из 30 оказались результативными, состав обнаруженных в них частиц приведен в таблице 1.

Таблица 1

Качественный состав пригаров из поселения Новоильинка-III

№ образца	Обнаруженные частицы
1	Мясные ¹ + песчаные
2	Мясные
3	Мясные + растительные ²
4	Мясные + неустановленные
5	Молочные + песчаные
6	Мясные + растительные
7	Мясные
8	Мясные + песчаные
9	Молочные
10	Мясные
11	Мясные
12	Молочные + растительные
13	Мясные
14	Молочные + песчаные
15	Молочные
16	Мясные
17	Мясные
18	Мясные
19	Мясные
20	Мясные + песчаные
21	Молочные + растительные
22	Молочные
23	Мясные + растительные + песчаные
24	Молочные
25	Молочные + песчаные
26	Мясные

Примечание: ¹ под названием «мясные» подразумеваются частицы животного происхождения: мясо, субпродукты или рыба; ² под названием «растительные» подразумеваются частицы вегетативных частей растения: листья, стебли, корни.

Принимая за основу комбинации частиц, реконструируем четыре блюда, приготовление которых было связано с длительным воздействием высокой температуры на содержимое керамических сосудов:

- вареное или тушеное мясо (57,7%);
 - вареное или тушеное мясо с незерновыми растительными добавками (11,5%);
 - кипяченое или топленое молоко (23%);
 - кипяченое или топленое молоко с незерновыми растительными добавками (7,7%).
- В целом доля мясных блюд составляет 69,2%, молочных – 30,7%.

Расклад по ингредиентами показывает следующие соотношения последних (табл. 2).

Таблица 2

Общее соотношение ингредиентов в пригарах
из керамических сосудов поселения Новоильинка-III

Ингредиенты	Количество (n = 31 = 100%)	
	абсолютное	%
Мясо, субпродукты или рыба	18	68,1
Молоко	8	25,8
Незерновые части растений	5	16,1

Анализ по ингредиентам показывает, что чуть более четверти пищевых композиций, приготавливавшихся в керамических сосудах древними обитателями поселения Новоильинка-III, включали в свой состав молоко. Было это молоко коров или кобылиц, мы уточнить не можем. Однозначно лишь то, что это не следы пригоревшего молока в процессе варки вымени тех же коров или кобылиц*.

Полученные нами путем анализа пригаров данные указывают на производящий характер экономики энеолитических обитателей поселения Новоильинка-III. Эти сведения вступают в противоречие с археофаунистическими заключениями о наличии в кухонных остатках этого поселения только диких животных: тарпана, тура, лося, косули, сайги, лисицы [Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007; Васильев, Кирюшин, Ситников и др., 2011].

В пользу того, что лошадь Новоильинки-III не является дикой, свидетельствует значительное количество ее костей и присутствие среди последних немясных частей – дистальных отделов конечностей, фрагментов черепов и нижних челюстей [Васильев, Кирюшин, Ситников, Семибратов, 2011]. Если бы это были останки диких животных, то логично было бы предполагать их добычу непосредственно у поселения. В противном случае малопродуктивные части туши (голова и дистальные отделы конечностей) на поселение если бы и доставлялись, то в очень малых количествах. Это обусловило бы выборочность накопления костей на поселении, чего не отмечается. Следовательно, охота должна была бы вестись неподалеку от поселения (по меньшей мере, не далее одного километра), так как иначе целую тушу или все части расчлененной туши на поселение доставить было бы затруднительно.

* Вымя коров, кобылиц или других животных перед употреблением в пищу требует длительной варки. Вследствие его пригорания в пригаре обязательно присутствуют частицы молочного и мясного происхождения, но в данном случае этого не наблюдается.

Изучение окрестностей поселения Новоильинка-III показало отсутствие в непосредственной к нему близости мест охоты, позволявших бы на постоянной основе из года в год добывать диких лошадей, тем более совместно с туром. На такой основе сколько-либо длительное обитание не возможно. Единовременные же охоты могли обеспечить лишь временные охотничьи лагеря. Изучаемое поселение (судя по количеству находок) таковым не является.

Справедливости ради следует отметить тот факт, что пока только один памятник в Казахстане из всех изученных памятников эпох неолита и мезолита, заключающих остеологические остатки, располагается в условиях, позволявших вести систематические и массовые охоты на диких копытных, – стоянка Екидин-24 в Тургае [Гайдученко, Зданович, 2000, с. 66–69].

Выполненное исследование позволяет характеризовать экономику древних обитателей поселения Новоильинка-III как производящую. Коррекция остеозоологических определений с «тарпана» на домашнюю лошадь и «тура» на крупный рогатый скот позволяет в качестве хозяйственной базы признать животноводство. Последнее включало коневодство (основное направление) и скотоводство как разведение крупного рогатого скота (вспомогательное направление).

Именно такое животноводство характерно для неолитических и энеолитических племен Степного Казахстана [Гайдученко, 1998а–б, 2005, 2009, 2013–2014; Гайдученко, Калиева, Логвин, 2007; Калиева, Шевнина, 2007; и др.].

Библиографический список

Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П. Фаунистические остатки из поселения Новоильинка-3 (по материалам раскопок 2010 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск, 2011.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. Алматы, 1998.

Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М., 1998.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археолог. Источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

Гайдученко Л.Л. Этапы развития молочного хозяйства у населения древности Урало-Казахстанских степей // Зырянские чтения. Курган, 2005.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана // Маргулановские чтения – 2009. Т. I. Петропавловск, 2009.

Гайдученко Л.Л. Древнейшие формы крупного рогатого скота Урало-Казахстанских степей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013.

Гайдученко Л.Л. Зубр, тур, крупный рогатый скот в голоцене Казахстана и интерпретация наскальных изображений // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана, 2013.

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.

Гайдученко Л.Л. Семь тысячелетий истории казахской лошади // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана, 2014.

Гайдученко Л.Л. Время появления, особенности формирования и причины устойчивости морфотипа казахской лошади // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. Эволюция жизнедеятельности степного зауральского населения в неолите – бронзовом веке // Экология древних и современных обществ. Вып. 3. Тюмень, 2007.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Osteологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана, 2013.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014.

Грушин С.П., Гайдученко Л.Л. Стратегия освоения пищевых ресурсов населением елунинской культуры лесостепного Обь-Иртышья (по материалам гистологического анализа пригаров на керамике) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.

Калиева С.С., Шевнина И.В. Основы жизнеобеспечения терсекского общества // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, 2007.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61).

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород, 2011.

Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка-III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007.

А.А. Гольева¹, К.Ю. Кирюшин^{2,3}

¹*Институт географии РАН, Москва, Россия;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

³*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАНДШАФТОВ ПЕРИОДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI ПО ДАННЫМ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселение Новоильинка-VI находится в Хабарском районе Алтайского края. В 2014 г. на нем исследованы 96 кв. м [Кирюшин, 2014]. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к периоду финального энеолита, а №3 – к более позднему времени, т.е. финальному энеолиту – ранней бронзе.

В северо-восточной части раскопа выявлено пятно, которое может оказаться частью четвертого жилища. Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы каких-то легких наземных конструкций, которые могут датироваться более ранним временем. Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом, который пока не имеет аналогов на территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края.

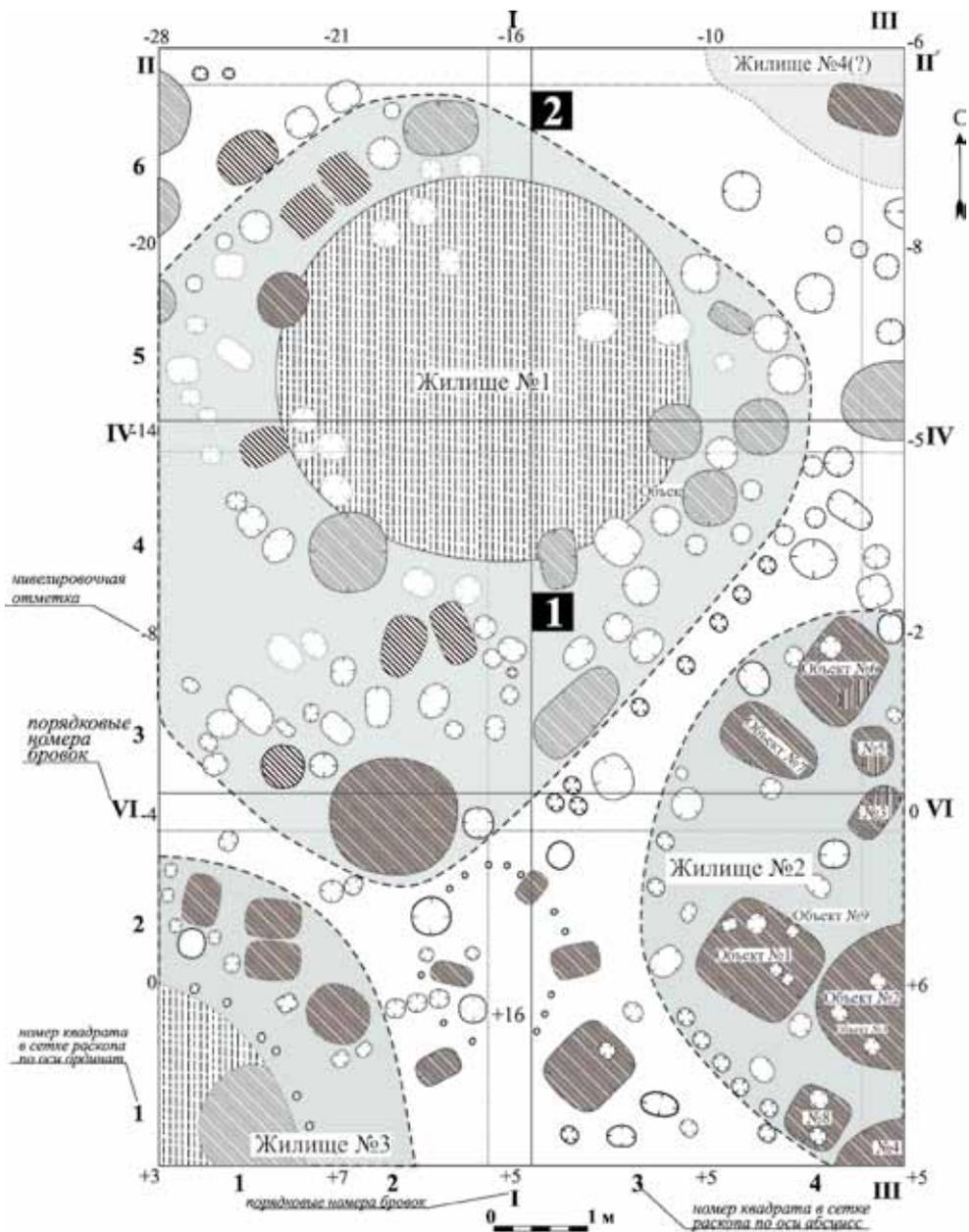
Для первого горизонта жилища №1 получены две радиоуглеродные даты – 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043) [Кирюшин, 2014].

Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014]. В материалах первого горизонта обнаружено несколько десятков тысяч артефактов (изделия из камня и кости, керамика).

Естественно-научные исследования поселения были проведены с целью реконструкции ландшафтов на период функционирования поселения. Одним из основных вопросов являлось определение вероятной причины забрасывания поселения. Для ответа на поставленный вопрос и общей реконструкции ландшафтов изучены четыре разреза: два фоновых и два с культурными слоями (рис.). Во всех разрезах вертикальными колонками отбирались образцы для проведения лабораторных анализов.

Необходимость использования двух фоновых разрезов объясняется современными ландшафтными характеристиками: первый фоновый разрез заложен на том же геоморфологическом уровне от вскрытого жилища, второй – в расположенном рядом заболоченном понижении. Целью работы с фоновыми разрезами было получение сравнительных данных для более полной характеристики культурных слоев, а также ответа на вопрос: был ли водоем в период функционирования поселения или же это был заболоченный участок наподобие современного?

В случае поселенческих культурных слоев исследовалась толща, сформированная как непосредственно на месте древнего жилища, так и в стороне от него. Подобный подход позволяет изучать одновозрастные, но различные по характеру формирования культурные слои: высокоинтенсивные в случае жилища и слабоинтенсивные на участке вне его. Морфологически в поле различия между всеми объектами были ярко выражены. В первую очередь это фиксировалось в мощностях темноцветных гумусовых горизонтов: наименьшая – в первом фоновом разрезе, наибольшая – в культурном слое жилища (проба №1, рис.). Культурный слой вне жилища занимал промежуточное значение (проба №2, рис.). Верхняя часть (0–50 см) второго фона являлась оторфованной органикой, ниже шел белесый слой сапропеля. Интересно, что граница между этими двумя слоями была нелинейная, четко виден рисунок, оставленный корнями трав. То есть ранее здесь находилось озеро, затем был период стока воды, когда участок зарос травами, и лишь после этого начались процессы заболачивания, сформировалась толща торфа. Поскольку выявленная смена гидрологического режима непосредственно рядом с поселением могла сыграть в прошлом решающую роль в уходе людей с этого места, был взят образец для определения радиоуглеродного возраста органического материала на границе между сапропелем и торфом. Анализ сделан в радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН.

Поселение Новоилынка-VI. План второго горизонта

Результаты химических анализов представлены в таблице 1. Хорошо видны различия по содержанию валового фосфора в жилищном котловане (максимальные) и остальных разрезах. Выделяется толща 38–64 см как слой наиболее интенсивного бытования. В культурном слое за жилищем количество валового фосфора выше нормы, особенно в слое 20–45 см, но существенно меньше, чем в жилище. Насколько велики эти данные, можно убедиться, сравнив их с результатами по первому фоновому разрезу. Во втором фоновом разрезе фосфора больше, чем в первом, но эти значения не выходят за пределы нормы для подчиненных ландшафтов.

Таблица 1

Химические свойства изученных объектов на поселении

Глубина, см	pH	Сорг	P ₂ O ₅ , % вал	СО ₂ карб., %
Фон 1				
0–10	8,96	1,95	0,10	0,21
10–20	9,13	1,44	0,08	0,15
20–30	8,71	1,62	0,11	0,06
30–40	8,5	1,28	0,09	0,1
40–50	8,46	0,23	0,05	0,03
50–60	8,31	0,16	0,04	0
60–70	8,62	0,13	0,04	0,03
Фон 2				
0–12	8,13	6,11	0,23	2,48
12–22	8,45	4,85	0,23	2,73
22–32	8,59	1,73	0,14	3,68
32–42	8,89	0,98	0,12	2,67
42–52	8,99	0,72	0,12	0,93
52–62	9,01	0,42	0,14	8,88
60–70	8,81	0,29	0,19	22,34
Жилище №1, кв. 3–4/3–4 (проба №1)				
0–9	6,68	2,94	0,16	0,02
9–19	7,49	1,40	0,17	0,03
19–29	7,82	4,46	0,25	0,05
29–34	7,82	1,45	0,26	0,02
34–39	7,89	1,21	0,33	0
39–44	7,91	1,16	0,31	0
44–49	7,92	1,15	0,33	0
49–54	8,11	1,22	0,40	0
54–59	8,15	1,08	0,46	0,05
59–64	8,03	0,87	0,45	0,02
64–68	7,91	0,96	0,38	0,02
68–78	8,21	0,46	0,19	0,02
78–88	8,35	0,10	0,05	0,05
88–98	8,2	0,06	0,03	0,01
98–108	8,36	0,11	0,12	0,04
КС за жилищем №1, кв. 3–4/5–6 (проба №2)				
0–5	6,53	1,66	0,13	0
5–10	6,91	1,70	0,16	0
10–15	7,1	1,18	0,15	0
15–20	7,28	1,12	0,16	0
20–25	7,38	1,10	0,23	0

Окончание таблицы 1

Глубина, см	pH	Сорг	P ₂ O ₅ , % вал	СО ₂ карб., %
25–30	7,45	0,96	0,19	0
30–35	7,51	0,61	0,20	0
35–40	7,56	0,64	0,25	0
40–45	7,57	0,49	0,22	0
45–50	7,44	0,20	0,13	0
50–60	7,27	0,15	0,10	0
60–70	8,27	0,15	0,04	0,03

Во всех разрезах определено содержание углерода карбонатов. На всех автоморфных участках карбонатов практически не было. В то же время в гидроморфном участке (второй фон) карбонатов было много даже в оторфованной массе, а сапропелевые отложения внизу подстилались разложенными известняками. Отсутствие карбонатов в разрезе жилища позволяет уверенно говорить, что люди в бытовых целях известняк не использовали. В то же время высокая концентрация карбонатов кальция в сапропелевых отложениях позволяет говорить не только о жесткости воды в озере, но и о ее чистоте, абсолютной пригодности для питья.

По ¹⁴C получена дата порядка 4200 лет назад (ИГАН-4700) (табл. 2) – период начала заболачивания водоема. Эта дата коррелирует с наиболее поздними датами функционирования поселения.

Таблица 2

Радиоуглеродный возраст горизонта обсыхания во втором фоновом разрезе

Лаб. № ИГАН	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	Интервал калибров. возраста: Cal BP – лет назад, Начало – конец вероятность
4700	Фон 2 42–52 см	ГК	4210 ± 130	68.3 (1 sigma) cal BP 4528 – 4871 1.000 95.4 (2 sigma) cal BP 4414 – 5066 0.972 5111 – 5121 0.002 5183 – 5272 0.026

Таким образом, проведенные исследования позволили с высокой долей вероятности говорить о том, что в период существования поселения Новоильинка-VI в непосредственной близости от жилищ было озеро с чистой питьевой водой. Высока вероятность того, что именно изменение гидрологического режима – пересыхание озера с последующим заболачиванием – стало основной причиной ухода людей с обжитых территорий. Следствием заболачивания стали резкое уменьшение ресурсной базы, ухудшение качества и общих объемов питьевой воды, появление большого количества кровососущих насекомых. Все в совокупности сделало жизнь в районе поселения малокомфортной.

Дальнейшие исследования позволят детализировать полученные выводы.

Библиографический список

- Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014.
- Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка-VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014.

П.К. Дашковский¹, О.Г. Новикова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ЛАКА ИЗ КУРГАНА №31 МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА-II (Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в саяно-алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»)

В процессе изучения разновременного курганного могильника Чинета-II, расположенного в Северо-Западном Алтае, раскопана серия объектов скифо-сакского периода [Дашковский, 2004; Дашковский, Мейкшан, 2014; 2015; и др.]. Среди них особый интерес представляет курган №31, который расположен в центральной части долины, в непосредственной близости от края второй надпойменной террасы р. Ини. Диаметр каменной насыпи объекта достигал 15 м, а высота – 0,85 м. По периметру кургана выявлены более крупные камни, которые образовывали каменную кольцевую выкладку – крепиду. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры от уровня древнего горизонта: 3,3 x 2,5 x 3,1 м. Вся могила до самого погребения была забутована камнями. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, уложенной на живот и ориентированной головой на восток. Из снаряжения лошади найдены следующие предметы: костяная подпружная пряжка, в зубах лошади – железные кольчатые удила, а на лбу – круглая налобная бляха из золотой фольги. Внутри могилы, вероятно, была сооружена деревянная рама, которая практически не сохранилась. В раме выявлен скелет человека очень плохой сохранности, который, судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям, был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. У восточной стенки могилы (в средней ее части) выявлены фрагменты золотой фольги, оставшейся, вероятно, от аппликаций. У развала керамического сосуда обнаружены остатки плохо сохранившейся деревянной чашечки (?), покрытой красным лаком. Еще одно скопление фрагментов красного лака найдено в 25 см к юго-западу от первого в районе костей скелета человека.

Зафиксированные особенности погребального обряда и инвентаря имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных памятниках пазырыкской культуры как в Северо-Западном Алтае на могильниках Ханкаринский дол и Инской дол [Дашковский, 2011, 2014; Дашковский, Мейкшан, 2015], так и в других районах Алтая [Кубарев, 1987, 1991; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.]. Достаточно интересный элемент снаряжения лошади представлен подпружной пряжкой, которая, согласно классификации В.Д. Кубарева [1987, с. 29–30, рис. 14.-4; 1991, с. 49–52, рис. 10.-3; и др.], может быть отнесена к типу блоковидных, с двумя овальными вырезами и неподвижным, выступающим наружу язычком. Такого типа подпружные пряжки встречаются в курганах пазырыкской культуры в 1-й половине V – III в. до н.э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 119–123, рис. 81.-4]. Остальные категории инвентаря

из кургана №31 также датируются в достаточно широком хронологическом диапазоне 2-й половины V – III в. до н.э.

В исследованном кургане №31 могильника Чинета-II от лаковых артефактов обнаружены лишь компактные скопления остатков красного лака, что связано со значительным давлением каменной забутовки могил, глинистым грунтом и грунтовыми водами. В захоронении кургана №31 фиксировалось два близкорасположенных скопления. Именно из-за такого расположения нами сделано предположение относительно формы предмета («деревянная чашечка»), основанное на том, что в процессе расчистки под фрагментами лака обнаружены очень плохой сохранности древесные фрагменты (из-за сильной деструкции их не удалось взять). Лаковые фрагменты с остатками древесины на обороте, которые имеют размеры от 0,5 мм до 3 см, располагались в том месте (к северо-востоку от черепа человека), в котором обычно в захоронениях пазырыкской культуры помещали керамическую и деревянную посуду. При этом кочевники использовали деревянную посуду достаточно широко, что подтверждается значительным количеством ее находок в курганах Юго-Восточного Алтая на могильниках Уландрык-I, Ташанта-II [Кубарев, 1987, с. 49–50], Юстыд-XII [Кубарев, 1991, с. 65–68], Барбургазы-I [Кубарев, 1992, с. 49–51], Ак-Алаха-III [Полосьмак, 2001, с. 194–202] и др.

Изготовление лаковых предметов было трудоемким и недешевым процессом. Лак и его компоненты (киноварь) в Китае были чрезвычайно дорогостоящими продуктами, а различные операции с ними, включая изготовление деревянной основы (получение лакового сока, приготовление составов, нанесение грунта и лакокрасочных слоев из лака и краски, высушивание каждого слоя в специальных температурно-влажностных условиях, их шлифование и др.), выполняли по строгим технологическим регламентам. Для каждой операции был свой мастер, а работали с лаком под контролем специальных надсмотрщиков, и в первую очередь в императорских мастерских [Цинь-Хань, 1996]. Стоимость лаковых вещей уже в те времена была выше цены нескольких изделий из бронзы.

Необходимо отметить, что проведенные ранее комплексные исследования лакокрасочных покрытий, найденных в курганах скифо-сакского и гунно-сарматского периодов на некрополях Пазырык [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013], Ноин-Ула [Елихина, Новикова, 2013], Яломан-II [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008], Туэкта, Бугры, Царам и других памятниках, позволяют провести атрибуцию лаковых артефактов, уточнить их способ изготовления и технологические особенности, а также сопоставить лаковые образцы из различных курганов между собой. В отделе научной экспертизы Государственного Эрмитажа исследования составов и технологических особенностей древних восточных лаков ведутся в связи с вопросами реставрации, а также для целей атрибуции и реконструкции лаковых артефактов. Китайский ци-лак уверенно определяют методами аналитической химии. Для идентификации компонентов восточных лакокрасочных материалов часто используют Фурье-ИК-спектроскопию, с помощью которой производят сопоставление спектра неизвестного покрытия со спектрами атрибутированных материалов [Urushi, Getty, 1985].

При исследовании химического состава и структуры лакокрасочных покрытий (ЛКП) из некрополя Чинета-II применяли комплекс методов аналитической химии с использованием микроскопии, ИК-спектроскопии, рентгенографии и др. Были сняты ИК-спектры, произведены рентгенофлуоресцентный анализ и микрофотофикса-

ция ЛКП. Проведено сопоставление полученных результатов с данными исследования ЛКП из курганов №1–7 могильника Пазырык (микропробы взяты с 40 лаковых предметов), курганов некрополя Ноин-Улы (свыше 200 лаковых предметов), курганов могильника Бугры и других объектов из коллекции Государственного Эрмитажа.

Окраска не дошедших до нас в первозданном виде артефактов из могильника Чинета-II по химическому составу имеет сходство с образцами красно-чернолаковых китайских лакокрасочных покрытий, а также прослеживаются аналогии в материалах из элитных памятников скифской эпохи Алтая. Это подтверждается также данными стратиграфических исследований красочных слоев проб. Они показали, что ЛКП были изготовлены по традиционной для Древнего Китая технологии. Верхние слои ЛКП красного цвета (пигментированный красный слой чешуек ЛКП) аналогичны слоям из краски тун-ци (кит. 彤漆 – смесь ци-лака с киноварью). Они нанесены на тонкие темно-коричневого прозрачного цвета слои ци-лака, окрашенного солями железа. Следует подчеркнуть, что так же, как и в традиционных китайских лаках, эти слои лака лежат поверх тончайшего слоя ткани из растительных волокон. На некоторых образцах сохранился слой из каолина, кварца и альбита. Таким образом, все компоненты красочных слоев традиционны для древних китайских технологов. Данные стратиграфии ЛКП в совокупности с результатами микроанализа и физико-химических исследований показали, что ЛКП из Чинета-II можно уверенно сопоставить с ЛКП из курганов №1–7 могильника Пазырык. Отличием является присутствие в значительных количествах водорастворимых солей меди во многих ЛКП из курганов могильника Пазырык. В лакокрасочных пробах из кургана №31 соли меди не зафиксированы.

Необходимо также отметить, что из большой коллекции образцов ЛКП, найденных в захоронениях в Сибири и Центральной Азии, относительное сходство (по некоторым параметрам) для ЛКП из могильника Чинета-II наблюдается еще с несколькими образцами ЛКП, найденными при раскопках курганного комплекса Бугры, который расположен в степной зоне Алтая [Чугунов, 2014, с. 714–725; Тишкин, 2012, с. 507]. При этом фиксируется довольно высокая степень сходства, несмотря на то, что на момент нашего исследования было найдено всего 12 лаковых образцов из могильника Бугры. Общим для красок из могильника Бугры является отсутствие (или очень малое количество) в них тунгового масла (тун-чжоу 桐油), необходимого для хорошего перетира и успешного совмещения киновари с лаковым связующим. Частицы киновари в них крупнодисперсны, и краска высоко наполнена этим пигментом. Аналогичная ситуация наблюдается в красочных слоях ЛКП из Чинеты-II.

Для этих артефактов отмечена также схожесть составов ЛКП в неорганической части (значительное количество ионов железа, кальция и примесь ионов титана в лаке), а также определенное сходство в технологии их изготовления. ЛКП прочные и твердые, так как не содержат значительных количеств модификаторов лака (масла и др.), как, например, лаки из могильников Ноин-Улы. Наибольшее сходство по технологическим параметрам и составам ЛКМ нами отмечено с тремя пробами красно-чернолаковых ЛКП из некрополя Бугры. Во-первых, это двухсторонний фрагмент с росписью от стенки китайской лаковой чашечки «с ушами» эр бэй (кит. 耳杯) из кургана №1 могилы №3. Его создание атрибутируют временем не ранее конца III в. до н.э. Во-вторых, это пробы ЛКП из несохранившегося предмета этого же кургана из могилы №1. И, наконец, в-третьих, пробы ЛКП из кургана №4 могилы №6 (предположительно

чашечка). Следует подчеркнуть, что указанные фрагменты ЛКП из могильника Бугры очень малы по размерам и практически лишены орнамента. Все указанные ЛКП из некрополя Бугры также отличает высокое содержание белка (полосы 1561–1547 см⁻¹, характерные для аминокрупп). Для росписи чашечки в красной краске, кроме киновари, была использована (как пигмент/наполнитель) красная охра.

Не менее интересно сопоставление лаковых образцов из некрополя Чинета-II с результатами исследования образцов ЛКП из Второго Туэктинского кургана, датированного 2-й половиной VI в. до н.э. Проба №37, взятая с каплевидной бляхи нагрудника конского снаряжения из этого археологического памятника, по многим своим химическим показателям (чрезвычайно малое количество масла и др.) может быть соотнесена с исследованными нами ЛКП из могильника Чинета-II. Необходимо учитывать, что аналогов ЛКП из курганов пазырыкского круга может быть и больше, однако их сравнение значительно ограничено из-за технических причин, так как часто лимитируется сохранностью конгломерата с наличием всех слоев ЛКП.

Исследования лакокрасочных покрытий из кургана №31 могильника Чинета-II Северо-Западного Алтая уже на предварительном этапе показали, что все они выполнены с использованием традиционных китайских материалов (ци-лак, киноварь, каолин, альбит) и соблюдением традиционной для ци-лака технологии. Высокая цена импортных лаковых изделий указывает на значительный социальный статус погребенного в кургане №31 могильника Чинета-II, которого можно отнести к представителям региональной элиты кочевников Северо-Западного Алтая. Кроме того, можно предположить, что остатки деревянных лаковых предметов, обнаруженных в погребениях скифо-сакского периода (Пазырык, Туэкта, Бугры, Чинета-II), поступали к кочевникам из одной зоны лакового производства Древнего Китая VI–IV вв. до н.э.

Библиографический список

- Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004.
- Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011.
- Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение кургана скифо-сакского периода на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXI. Барнаул, 2015.
- Елихина Ю.И., Новикова О.Г. Исследования китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7).
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II : Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.
- Новикова О.Г., Степанова Е.В., Хаврин С.В. Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7).
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. Kraków, 2012.*

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008.*

Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // *Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.*

Чу Цинь-Хань циди ишу (楚秦 漆器) / 振裕主. 武: 湖北美 出版社. 1996. (Лаковые художественные изделия княжества Чу / под ред. Чэнь Чжэнью. Ухань, 1996).

Elikhina Y., Novikova O., Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // *Asian Archaeology. 2013. V. 2.*

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОМУ ДАТИРОВАНИЮ КУРГАНА №5 МОГИЛЬНИКА ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ (Алтай)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-01201 «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в Саяно-Алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»), а также в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Данная публикация посвящена результатам радиоуглеродного датирования двух образцов, полученных в процессе археологического исследования кургана №5 на могильнике Ханкаринский дол. Памятник входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края [Тишкин, Дашковский, 2002; Дашковский, 2004]. Его изучение проводилось на протяжении нескольких лет Краснощековской археологической экспедицией Алтайского государственного университета. В результате работ раскопаны 24 объекта, 22 из которых относятся к пазырыкской культуре. Полученные сведения частично опубликованы [Тишкин, Дашковский, 2003, 2008; Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Дашковский, Тишкин, 2006; Дашковский, 2011, 2012; и др.]. Особый интерес представляет курган №5, на материалах которого остановимся подробнее.

Курган №5 вплотную примыкал к кургану №4 с юга, но не перекрывал его. Насыпь, сложенная из камней в один слой, имела диаметр 6,5 м, а высоту – 0,2 м (рис. 1). В центре сооружения зафиксирована западина, диаметр которой с запада на восток составлял 3,75 м, а с юга на север – 3,25 м. Она образовалась в результате просада камней и грунта в заполнение могильной ямы. По периметру кургана выделялась выкладка-крепида.

Под насыпью находилась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В процессе ее выборки установлены следующие размеры: 2,8 x 1,8 x 1,5 м. В могиле у южной стенки на глубине 1,37–1,45 м зафиксированы костные останки

двух человек – ребенка 5–7 лет и подростка 14–17 лет (антропологические определения выполнены канд. ист. наук С.С. Тур). От скелета ребенка остался только череп без нижней челюсти и диафизы бедренных костей. К скелету подростка относились свод черепа, длинные кости конечностей (за исключением голеней), кости таза, несколько ребер и грудных позвонков. Все они имели очень плохую сохранность и были представлены фрагментами (рис. 2). На нижнем эпифизе плечевой кости отмечено искусственное повреждение резаного происхождения. Расположение черепов показывало, что покойники, которым они принадлежали, должны были лежать рядом головой на восток (с отклонением к югу). Череп подростка располагался ближе к южной стенке, а к западу от него находилось беспорядочное скопление костей посткраниального скелета, имевшее вытянутую в продольном направлении форму. У бедренной кости подростка обнаружен миниатюрный бронзовый (?) кинжал (рис. 3.-1). Сбоку от скопления костей, на том месте, которое было предназначено для ребенка, лежали сильно обгоревшие деревянные плашки. Не исключено, что они заменяли недостающие части скелета ребенка. Около остатков обоих черепов, а также на деревянных плашках и под посткраниальными костями, расположенными в непосредственной близости к черепам, обнаружено множество мелких фрагментов золотой фольги [Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007, с. 204, табл. 1]. По-видимому, вместе с костями находилась и одежда покойников.

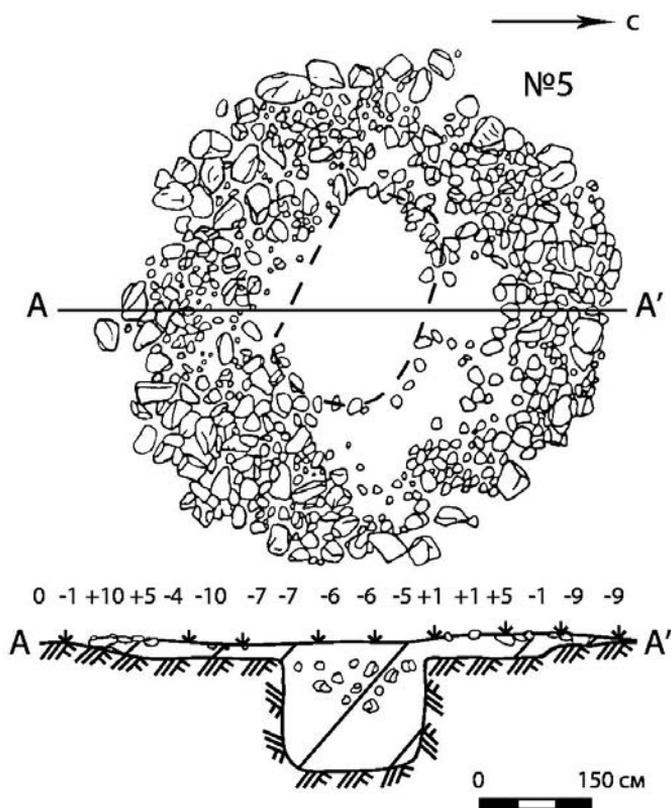

Рис. 1. Ханкаринский дол. Каменная насыпь и разрез кургана №5

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,08–1,4 м зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая располагалась на животе с подогнутыми ногами (рис. 2) и была ориентирована головой на восток (с отклонением к югу). Животное оказалось убито ударом чекана в лобную часть головы. В его зубах находились железные удила (рис. 3.-2). Между лошадьёю и останками умерших людей, в восточной части могилы, обнаружен развал керамического сосуда (рис. 2). Рядом с ним отмечены остатки ритуальной пищи (курдюк лошади, крестец барана), а также железный нож (рис. 3.-3). Еще один комплект ритуальной пищи, второй железный нож (рис. 3.-4) и второй развал плохо сохранившегося сосуда найдены на 0,2 м ниже предыдущего (рис. 2).

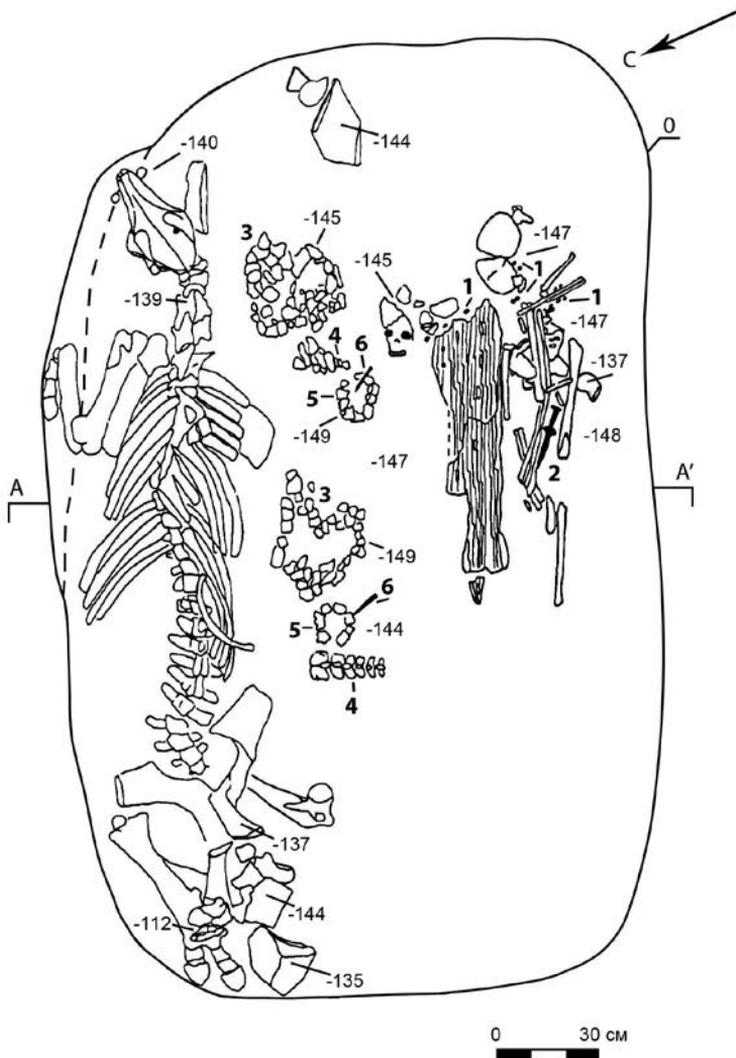

Рис. 2. Ханкаринский дол. Погребения в кургане №5: 1 – фрагменты золотой фольги; 2 – бронзовый миниатюрный кинжал; 3 – развалы керамических сосудов; 4–5 – остатки ритуальной пищи; 6 – железный нож

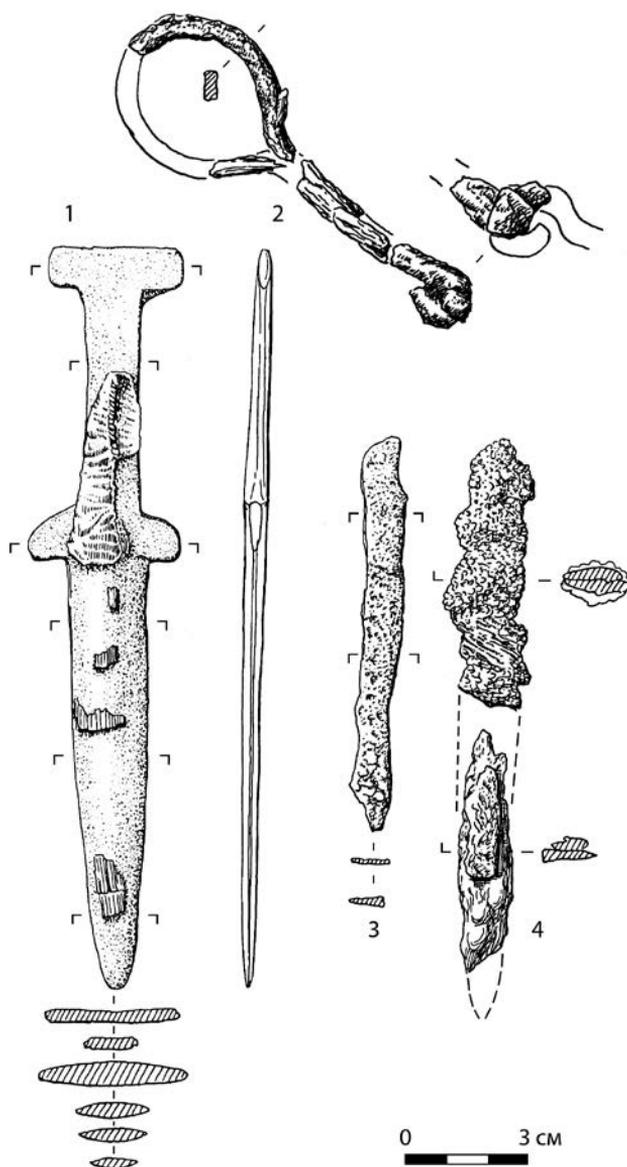

Рис. 3. Ханкаринский дол. Курган №5. Погребальный инвентарь: 1 – бронзовый миниатюрный кинжал, 2 – остатки железных удил, 3–4 – железные ножи

Особенности погребального обряда и предметный комплекс из кургана №5 могильника Ханкаринский дол имеют широкие аналогии в памятниках пазырыкской культуры Центрального и Юго-Восточного Алтая 2-й половины V – III в. до н.э. [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кубарев, Шульга, 2007; и др.]. В целом вещевой комплекс из погребений рассматриваемого памятника позволяет датировать его IV – началом III в. до н.э. Для уточнения данной хронологии осуществлено радиоуглеродное датирование.

По костям лошади из кургана №5 в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) получен показатель 2030 ± 60 лет (Le-7420) [Тишкин, Дашковский, 2007]. С помощью специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3), одним из авторов статьи определены следующие интервалы калиброванного календарного возраста [Тишкин, 2007, с. 256–257]:

Reference Calibrated age(s) cal BC 41, 25, 25 8, 3;

cal BP 1990, 1974, 1974, 1957, 1952

cal AD/BC (cal BP) age ranges obtained from intercepts (Method A):

one Sigma cal BC 95 – cal AD 29 (2044–1921); cal AD 40–50 (1910–1900)

two Sigma cal BC 197–189 (2146–2138); 179 – cal AD 84 (2128–1866); cal AD 104–118 (1846–1832)

Summary of above:

maximum of cal age ranges (cal ages) minimum of cal age ranges:

1 sigma cal BC 95 (41, 25, 25, 8, 3) cal AD 50; cal BP 2045 (1990, 1974, 1974, 1957, 1952) 1900;

2 sigma cal BC 197 (41, 25, 25, 8, 3) cal AD 118; cal BP 2147 (1990, 1974, 1974, 1957, 1952) 1832;

cal AD/BC & cal BP age ranges (cal ages as above)

from probability distribution (Method B):

% area enclosed	cal BC (cal BP) age ranges	relative area under probability distribution
-----------------	----------------------------	--

68.3 (1 sigma)	cal BC 109 – cal AD 30 (2058–1920)	0.934
----------------	------------------------------------	-------

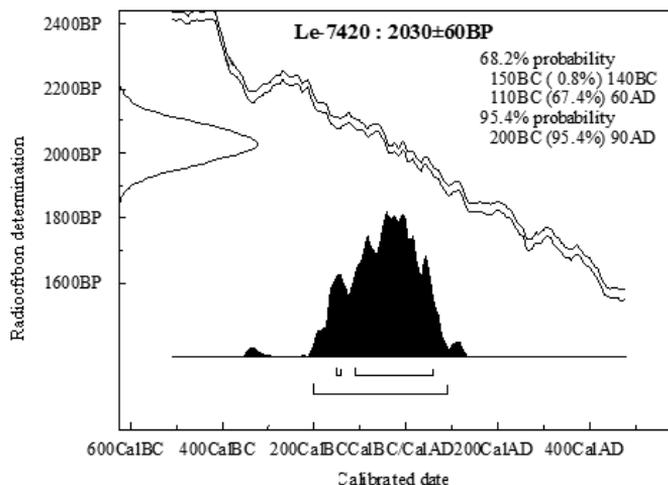
	cal AD 39–52 (1911–1898)	0.066
--	--------------------------	-------

95.4 (2 sigma)	cal BC 197–189 (2146–2138)	0.009
----------------	----------------------------	-------

	179 – cal AD 83 (2128–1867)	0.981
--	-----------------------------	-------

	cal AD 104–117 (1846–1833)	0.010
--	----------------------------	-------

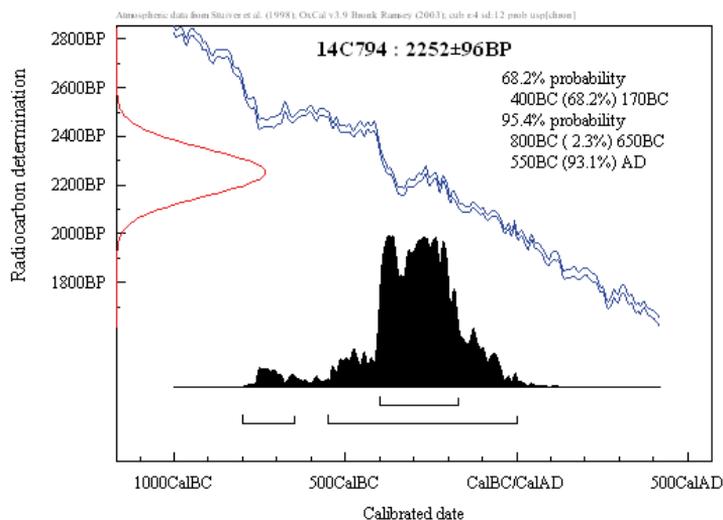
Приведенные данные указывают на период, который моложе обозначенного хронологического диапазона, полученного при использовании традиционного метода датированных аналогий. То же самое продемонстрировала калибровка имеющейся даты с использованием доступной программы OxCal v. 3.0.

Представленная противоречивая ситуация требовала дополнительного радиоуглеродного датирования. Однако выполнить такую задачу удалось лишь в 2015 г. Для этого был использован образец, который представлял собой древесный уголь, отобранный в полиэтиленовый пакет из могилы кургана №5 в процесс раскопок. Радиоуглеродный анализ осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Полученные результаты отражены в таблице.

Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст (Новое время)
ИМКЭС-14С794	Древесный уголь	Ханкаринский дол, курган №5	2252±96	По 1δ (68%) 480–170 BC По 2δ (95%) 800 BC – 0AD

Интервалы калиброванного календарного возраста получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания), и предоставлены старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН, к.т.н. Г.В. Симоновой.

Несмотря на то, что их диапазон довольно широкий, имеющиеся данные дополняют наши исследования по уточнению хронологии могильника Ханкаринский дол. Ранее уже рассматривались калибровочные показатели радиоуглеродных дат, полученные по образцам, которые брались из курганов одной цепочки (№4–8) [Тишкин, 2007, с. 255–261]. Все они указывают на заключительный этап существования пазырыкской общности (с заходом в хуннское время, хотя ни одного характерного изделия из круга предметов материальной культуры сюнну в пазырыкских курганах не обнаружено). Имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования указанных объектов памятника Ханкаринский дол позволяют допустить существование отдельных групп носителей пазырыкской культуры в начале II в. до н.э. на территории Северо-Западного Алтая. Однако такое заключение требует дополнительных доказательств и проведения сравнительного анализа с материалами из памятников раннего этапа булан-кобинской культуры, а также с многочисленными сведениями, полученными при раскопках комплексов каменной и других культур раннего железного века сопредельных территорий.

Библиографический список

- Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004.
- Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011.
- Дашковский П.К. Направления комплексного изучения материалов из курганов скифского времени северо-западного Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Улан-Батор, 2012.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II : Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск, 2002.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2 : Древности Касношековского района. Барнаул, 2008.

П.О. Сенотрсова¹, П.В. Мандрыка¹, А.А. Тишкин²

¹*Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

СОСТАВЫ СПЛАВОВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV (обобщение предварительных результатов)

К настоящему времени в Алтайском государственном университете (АГУ) сформировался крупный научный центр по изучению древней и средневековой истории Сибири. Его основателем является доктор исторических наук, профессор Юрий Федорович Кирюшин, которому в январе 2016 г. исполняется 70 лет. Одним из приоритетных направлений работы коллектива, руководимого юбиляром, стало широкое применение естественнонаучных и других методов при проведении археологических исследований.

Такой подход обеспечивает получение существенного объема информации, необходимой для реализации всесторонних реконструкций. В отмеченном процессе отдельное место занимает использование рентгенофлюоресцентного анализа для установления химического состава изделий, изготовленных из цветных металлов, а также для изучения свидетельств металлургического производства. Имеющиеся результаты нашли отражение в целом ряде публикаций сотрудников кафедры археологии, этнографии и музеологии и других подразделений АлтГУ [Тишкин, Хаврин, 2004, 2006; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2008, Тишкин, Серегин, 2011; Кирюшин, Тишкин, Грушин и др., 2013; Тишкин, 2013; и др.]. Это позволило осветить ряд технологических особенностей при изготовлении бронзовых предметов, отметить закономерности в изменении составов сплавов, решать вопросы происхождения отдельных категорий вещей и др.

Именно в АГУ был осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ 193 находок из могильника Проспихинская Шивера-IV, который изучался П.В. Мандрыкой и П.О. Сенотрусовой в составе Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН. Памятник располагался в нижнем течении Ангары и датирован XI–XIV вв. н.э. [Сенотрусова, 2013]. Работа по определению состава сплавов проводилась под руководством одного из авторов данной публикации с использованием рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Еще восемь предметов тестировались экспертом ЗапСибГИПН по ДМ и ДК А.В. Наберухиной на рентгенофлюоресцентном анализаторе «ПРИЗМА-М(Au)» в музее Института археологии и этнографии СО РАН. В общей сложности получены данные о составе сплава 201 изделия, что составляет одну четвертую часть всех изделий из цветных металлов, найденных на некрополе. Следует отметить, что одна из серий результатов опубликована [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015]. Необходимо также указать, что осуществленные исследования стали первыми работами по изучению сплавов средневековых украшений для таежной зоны Средней Сибири. В настоящей статье обобщаются предварительные результаты проведенных анализов.

Из общего числа украшений, изготовленных из цветных металлов, в отдельную группу были выделены изделия из серебряносодержащих сплавов (15 экз.), при этом среди них отмечены предметы из биллонов и почти чистого серебра (содержание более 91%). Серебряные изделия разнородны: крестообразные накладки, четырехлепестковая нашивка, височные кольца и детали одного поясного набора [Мандрыка, Сенотрусова, 2015]. Некоторые из них пока отнесены к данной группе предварительно (только на основании визуального осмотра) – кольчатые серьги, подвески, поясные накладки. Проблема выявления и изучения серебряных предметов, обнаруженных в памятниках южной тайги Средней Сибири, требует дальнейшего рассмотрения. Этому будет способствовать уже имеющийся опыт исследований [Бородовский, Оболенский, Бабич и др., 2005].

Небольшую группу (17 экз.) составляют изделия из многокомпонентных сплавов, в которых доля меди составляет менее 40%. В зафиксированных составах преобладают олово и свинец. Из таких сплавов отлиты трехчастные нашивки и поясные накладки. Вместе с тем, учитывая склонность свинца к ликвации, а также увеличение содержания олова в поверхностном слое металла в результате коррозионных процессов, нужно с осторожностью подходить к этим результатам. Повышенное содержание олова и свинца в полученных результатах может быть вызвано и особенностями процедуры рентгенофлюоресцентного анализа [Ениосова, Митоян, 2014]. Для данной группы предметов желательно проведение дополнительных и всесторонних определений.

Большая часть проанализированных находок отлита из различных сплавов на основе меди. Для их группирования использовалась классификационная схема, предложенная московскими исследователями [Ениосова, Митоян, Сарачева, 2001]. В полученной выборке преобладают изделия из многокомпонентных сплавов с различной комбинацией легирующих добавок. Из почти чистой меди (Cu составляет более 97%) отлита всего шесть четырехлепестковых нашивок. Невыразительна серия предметов из простых сплавов. Так из оловянной бронзы сделана одна колесовидная подвеска, а из свинцовой бронзы – одна нашивка. Из латуни (с содержанием цинка в пределах 5–10%) изготовлена пара кольчатых височных колец.

Все остальные предметы отлиты из трехкомпонентных и многокомпонентных сплавов. Из оловянно-свинцовой бронзы изготовлены 95 изделий (преобладают предметы с высоким содержанием олова и свинца). Больше всего из этого сплава отмечено четырехлепестковых и трехчастных нашивок, деталей поясной гарнитуры и пронизок. Выделяется группа предметов с повышенным содержанием свинца до 40%. Отметим, что подобная рецептура нетипична для славянских и болгарских древностей [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 156]. Для избегания погрешности используемого метода анализа необходимо более детальное изучение подобных украшений. Возможно, эти бронзы отражают таежные технологические традиции в ювелирном деле.

Другие рецептуры трехкомпонентных сплавов представлены единичными изделиями. Из оловянно-цинковой бронзы изготовлена только одна пряжка, из свинцовой латуни отлита пара височных колец, а также цепочка и еще одна пряжка. Оловянные латуни в обработанной выборке не представлены. Несколько больше украшений (29 экз.) изготовлено из многокомпонентной бронзы (преобладают нашивки и поясные накладки). Остальные предметы (50 экз.) были сделаны из многокомпонентной латуни (в основном это детали поясных наборов монгольского времени). Нужно подчеркнуть, что в Средневековье сложные сплавы в большинстве случаев получали не преднамеренно, а в ходе переплавки бронзового лома. Наиболее широко подобные бронзы были распространены в ювелирном деле Волжской Болгарии и Золотой Орды [Ениосова, Сарачева, 2008, с. 270].

Корреляция категорий предметов с определенными типами сплавов пока носит предварительный характер. Можно отметить, что различные латуни и серебросодержащие сплавы применялись для тех украшений, при изготовлении которых использовались приемы деформации металла (височные кольца, пластинчатые браслеты, кольчатые серьги). Очевидно, это связано с высокой пластичностью обозначенных сплавов [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 156–157]. Среди других закономерностей отметим преимущественное использование оловянно-свинцовых бронз, многокомпонентных латуней и бронз для отливки поясных наборов монгольского времени [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015].

В отношении других категорий украшений подобные закономерности пока выявить нельзя. Для изготовления однотипных вещей часто применялись разные сплавы. Особенно это касается четырехлепестковых нашивок, для отливки которых использовались пять различных по рецептуре медных сплавов. Учитывая большое количество брака (недоливы, облой и др.), отмеченного при осмотре этих украшений, и разнообразии используемых сплавов, можно говорить о том, что они отливались в ремесленном центре (или центрах), где уровень качества литья был невысоким. К подобным «центрам» можно отнести, например, тазовскую ювелирную мастерскую [Хлобыстин, Овсянников, 1973]. В целом объективная корреляция категорий предметов и типов

сплава будет возможна только после исследования остальных изделий, найденных на могильнике Проспихинская Шивера-IV.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о месте изготовления обнаруженных предметов из цветных металлов. Несмотря на обилие бронзовых и серебряных украшений как на некрополе Проспихинская Шивера-IV, так и на других погребальных памятниках региона, прямых свидетельств об их местной отливке нет. На южно-таежных поселениях Ангары и Енисея начала II тыс. н.э. следы цветной металлообработки не выявлены, хотя на памятниках раннего железного века литые бронзы зафиксировано [Мандрыка, Фокин, 2005; Герман, Леонтьев, Савельева, 2015]. Но, тем не менее, низкое качество ряда бронзовых изделий, а также их формы, не имеющие аналогий на сопредельных территориях, позволяют считать возможным изготовление некоторых простых изделий на месте.

Большая часть бронзовых украшений изученного могильника находит аналогии в западно- и южно-сибирских материалах, а также среди комплексов более отдаленных территорий (Китай, Волжская Болгария) [Сенотрусова, 2013]. Однако сведения о составе бронзовых сплавов начала II тыс. н.э. представлены не для всех районов. Для таежной зоны Западной Сибири они практически отсутствуют. Тем не менее, уже проведенные исследования позволили доказать изготовление элементов одного поясного набора, найденного на могильнике, в Волжской Болгарии [Гуненко, Сенотрусова, 2013]. Также не вызывает сомнений подлинность китайской отливки монеты «сянфу юаньбао» [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2014].

Проведенные исследования являются пока только началом комплексного изучения ангарских средневековых украшений из цветных металлов. Необходимо дальнейшее проведение рентгенофлуоресцентного анализа всех бронзовых изделий, найденных на некрополе, а также дополнительное изучение серебросодержащих предметов и находок из многокомпонентных сплавов. Это позволит свести к минимуму возможные погрешности естественнонаучных анализов. Изучение изделий из цветных металлов дает возможности на новом уровне подойти к рассмотрению культурных связей и уровня ремесла средневекового населения Нижнего Приангарья.

Библиографический список

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск, 2005.

Герман П.В., Леонтьев С.Н., Савельева А.С. Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VII. Красноярск, 2015.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2008.

Гуненко Я.Д., Сенотрусова П.О. Набор бронзовых изделий, найденных в погребении № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VI. Красноярск, 2013.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.IV. Казань, 2014.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. М., 2001.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М., 2011.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-1) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7).

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековое серебро таежной Ангары // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. II. Хух-Хото, 2015.

Мандрыка П.В., Фокин С.М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское-2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез Северной Азии. Иркутск, 2005.

Сенотрусова П.О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья развитого средневековья: Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2013.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10).

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №2 (43).

Тишкин А.А. Перспективные возможности проведения рентгенофлюоресцентного анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

К.Н. Солодовников¹, А.А. Хохлов², М.П. Рыкун³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия;

³Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРОТИНСКОГО, АРАГОЛЬСКОГО И УЛИТИНСКОГО ТИПОВ ПОГРЕБЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект №15-06-01916 «Популяционно-антропологическая структура скотоводов Поволжья и Алтая в эпоху раннего металла: происхождение и родственные связи населения ямной и афанасьевской культур»)

Накопление и ревизия имеющихся археологических материалов энеолита – бронзы Горного Алтая позволили к настоящему времени, помимо самостоятельной каракольской культуры окуневского типа Южной Сибири, выделить (или наполнить конкретно археологическим содержанием) из собственно афанасьевской культуры отдельные типы погребений: куротинский, арагольский, улитинский [Степанова, 2010, 2012а]. Хронологическое соотношение и характер взаимодействия оставившего их населения с афанасьевским не вполне ясны. Возможно, арагольские захоронения синхронны древнейшим афанасьевским

и древнее улитинских, а последние синхронны поздним афанасьевским и хронологически близки погребальным комплексам каракольской культуры [Степанова, 2010]. В отношении могильников куротинского типа предполагается, что они оставлены группой населения, подвергшейся влиянию «афанасьевцев», и не исключено, что эта группа появилась в Горном Алтае вместе с афанасьевским, но отличалась от него по этнографическим характеристикам [Степанова, 2009]. Определенным своеобразием на фоне единокультурных комплексов Горного Алтая характеризуются материалы из афанасьевского могильника в устье р. Куюм на Средней Катуне [Эпоха энеолита и бронзы..., 2006]. Отмечается, что между группами афанасьевского населения, различающимися по этнографическим признакам, а также группами иной культурной принадлежности существовали тесные контакты, что нашло отражение в погребальном обряде и инвентаре [Степанова, 2012б].

Выход в свет обобщающего «Свода памятников афанасьевской культуры» [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014] позволил сгруппировать имеющиеся палеоантропологические материалы, ранее суммарно относящиеся к афанасьевской культуре Горного Алтая, по культурно-историческому принципу. Измерения черепов, опубликованные ранее [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Чикишева, 1994, 2000, 2012; Солодовников, 2003, 2005, 2010], были суммированы вместе с единичными новыми материалами, изученными авторами данной статьи. В результате получены серии мужских черепов собственно афанасьевской культуры, куротинского (включая черепа из погребений, совмещающих афанасьевские и куротинские признаки погребального обряда) и арагольского типов Горного Алтая. К сожалению, арагольская группа представлена минимальным количеством черепов, что повышает возможность существенного влияния на средние характеристики индивидуальной вариабельности. Афанасьевская и куротинская серии морфологически характеризуют горно-алтайское население как длинноголовое долихокранное, с высокой черепной коробкой, широким средненаклонным лбом, широким средневысоким ортогнатным и клиногнатным лицом, абсолютно и относительно очень низкими орбитами, очень высокими носовыми костями и крайне большим углом выступания носа к линии общего лицевого профиля. Таким образом, перед нами характерные типологические черты палеоевропейского (протоевропейского) антропологического типа, выделенного еще Г.Ф. Дебецем [1948] и В.П. Алексеевым [1961]. Черепа из погребений арагольского типа отличаются от афанасьевских и куротинских в среднем меньшими значениями основных поперечных диаметров мозгового и лицевого отделов и высокими орбитами. Однако, учитывая их малочисленность, нельзя исключать, что эти небольшие различия отражают индивидуальные особенности, на которые указывалось ранее [Солодовников, Ларин, 2002, с. 122]. Поэтому вопрос о морфологических отличиях населения, оставившего погребения арагольского типа от населения других культурных групп энеолита – бронзы Горного Алтая следует оставить открытым до появления новых материалов. В таблице 1 приведены основные краниометрические данные по сериям мужских черепов, относящихся к культурам: афанасьевской Горного Алтая и ямной Волго-Уралья, а также близким культурным типам и типам погребений. Краниологические серии восточного ареала ямной общности также получены в результате исследований последних лет [Хохлов, 2013]. На промежуточной территории между Алтаем и Восточной Европой изучены памятники, соотносимые археологами с ямной или афанасьевской культурами. Краниологические материалы некоторых из них также исследованы [Гинзбург, 1956; Солодовников, 2010; неопублик. данные].

Таблица 1

Краниометрические характеристики серий мужских черепов
Горного Алтая и Волго-Уралья

Признак, № по Мартину и др.	Афанасьев- ская культура		Куротин- ский ТП		Араголь- ский ТП		Ямная куль- тура Волго- Уральской лесостепи		Ямная культура Поволжской степи		Полтав- кинская культура Поволжья		Тамаруткуль- ский куль- турный тип Приуралья	
	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х
1	37	191,3	8	191,8	2	193,5	18	192,3	15	189,5	28	188,7	25	192,5
8	36	142,9	8	143,6	2	134,5	19	145,6	16	143,2	27	144,1	22	140,2
17	25	138,7	4	140,0	2	141,0	13	137,2	8	137,8	16	137,4	15	137,5
9	38	100,1	10	100,3	3	102,7	18	101,1	15	98,2	26	98,6	24	98,3
32	34	80,9	4	79,8	2	85,0	17	80,1	11	78,1	23	78,9	16	79,3
45	34	140,1	8	140,5	3	136,0	18	141,4	13	139,2	23	139,2	14	135,1
48	33	70,1	8	71,0	3	69,7	14	72,9	14	72,2	21	70,8	17	72,8
72	30	85,3	4	87,8	2	83,5	14	85,8	9	84,3	21	85,9	13	88,0
77	34	137,4	8	139,0	1	132,5	18	138,1	11	137,2	24	138,0	21	137,0
∠Zm'	30	125,8	5	125,6	1	126,1	16	125,0	9	125,2	20	124,5	19	122,8
51	32	44,3	5	45,0	1	43,0	17	43,9	11	43,7	24	44,2	22	43,7
52	36	30,9	7	31,0	3	36,0	18	32,0	14	32,3	25	32,5	21	32,8
55	34	51,1	6	53,4	3	51,3	18	53,4	15	53,1	25	51,8	22	52,9
54	35	25,9	6	27,1	3	25,0	18	25,7	16	25,5	24	25,0	20	26,0
75(1)	26	35,3	5	37,8	2	35,0	11	35,5	10	36,0	19	34,8	18	35,3
SC	31	9,1	6	8,2	1	9,8	14	9,2	11	9,7	23	8,9	24	8,3
SS	30	5,4	6	6,1	1	5,8	14	5,8	11	4,9	22	5,2	24	4,8

Межгрупповой канонический анализ и кластеризация расстояний Махалано-биса этих краниологических серий на широком географическом фоне синхронных и предшествующих по времени материалов [Солодовников, Хохлов, Рыкун, 2015] подтверждает принадлежность горно-алтайского и урало-поволжского населения к протоевропейскому антропологическому типу. Наибольшее сходство с морфологически близкими между собой горно-алтайскими сериями афанасьевской культуры и куротинского типа обнаруживают краниологические материалы ямников Волго-Уралья и степного Поволжья, полтавкинской группы, а также новосвободненской культуры степного Предкавказья. Данные серии составляют отдельный кластер, в который входят также выборки черепов из погребений тамаруткульского типа Приуралья, предьямные хвалынско-среднестоговской общности районов от Днепра до Волги, ямные степного Поднепровья, арагольского типа Горного Алтая и афанасьевской культуры Минусинской котловины. Эти серии характеризуются преимущественно умеренно долихокранной формой крупной высокой мозговой капсулы и широким лицом (протоевропейский тип). Морфологически они обособляются как от узколиких долихокранных европеоидов энеолита – ранней бронзы Средней Азии, Закавказья и Северного Причерноморья (трипольская, майкопская, кемпи-обинская культуры, ямная Северо-Западного Причерноморья), так и в меньшей степени от брахикранных широколицых протоевропейцев эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия (серии ямной и северокавказской культур).

Максимально морфологически отличаются как от южносибирских сравниваемых «афанасьевских» групп, так и от восточноевропейских серий, черепа людей кельтими-

нарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик. Значительно отличаются от серий афанасьевской культуры и сходных типов погребений Горного Алтая также черепа доафанасьевского времени из районов, занятых впоследствии афанасьевским населением, либо соседних регионов (из пещер Горного Алтая, погребений его северных предгорий, Новосибирско-Каменского Приобья, Кузнецкой котловины и Красноярско-Канской лесостепи). Очевидно, морфологическую специфику этих групп определяют автохтонные западно-южносибирские антропологические варианты, отличающиеся от европеоидных краниологических комплексов. К данной совокупности присоединяются черепа лесостепного Зауралья (Ботай, Гладунино-3), а также неолита – раннего энеолита Волго-Уральской лесостепи. Черепа с промежуточных территорий из погребений ямно-афанасьевского времени входят в «протоевропейский» кластер (Карагаш, Усть-Нарым) либо проявляют существенные отличия от ямных и афанасьевских (Григорьевка-II).

Таким образом, исходя из проведенного анализа, мы поддерживаем точку зрения о миграционной природе протоафанасьевского населения. В районах Горного Алтая и соседних с ним предгорно-равнинных регионах местное население антропологически очень сильно отличалось от афанасьевского, что дает возможность утверждать о миграции древнего скотоводческого населения. Истоки ее маловероятны на территории юга Средней Азии или других южных регионов Евразии, как областей преимущественного распространения в эпохи неолита-бронзы узколицых долихокранных европеоидов южного морфологического облика. Вместе с тем, по нашим данным, возрастает роль конкретных популяций степей и лесостепей Восточной Европы в формирование населения энеолита-ранней бронзы Горного Алтая. Среди них наибольшее сходство горноалтайского населения прослеживается с группами ранних «ямников» лесостепного Волго-Уралья и полтавкинской культуры Поволжья.

Касаясь краниологических материалов из погребений улитинского типа, следует отметить их малочисленность даже по сравнению с арагольскими. Ранее были известны измерения лишь одного мужского черепа (Балькты-Юл, курган №2), исследованного по сокращенной программе без признаков, характеризующих горизонтальную профилировку лицевого отдела и переноса. Судя по индивидуальным данным [Дебеч, 1948, прил. 29] он не отличается от большинства материалов энеолита – ранней бронзы Горного Алтая, характеризуется длинной высокой долихокранной мозговой капсулой, широким лбом, крупным лицом и сильно выступающим носом, выделяясь лишь большой высотой орбиты. Помимо этого, авторами данной публикации изучен череп взрослой женщины из парного разнополого погребения улитинского типа из кургана №1 могильника Карасу-II (раскопки В.А. Могильникова 1983 г.). К сожалению, для получения краниометрической характеристики удалось реставрировать лишь черепную коробку. На фоне антропологических материалов афанасьевской культуры и связанных с ней типов погребений, данная краниологическая находка выделяется широким суббрахиокранным невысоким черепом. Ранее черепа такого облика были изучены антропологами среди афанасьевских материалов, однако у них подобная форма черепной коробки сочетается с резкой горизонтальной профилировкой лица и другими выражено европеоидными характеристиками в строении лицевого отдела [Чижишева, 2000, 2012; Солодовников, 2003, 2010].

Морфологически череп из погребения улитинского типа характеризуется заметной горизонтальной уплощенностью на уровне наибольшего сужения лба и в лицевой части на назомаллярном уровне. В сочетании с большими значениями затылочно-теменного указателя и скулового диаметра он проявляет сходство с черепами из погребений доафанасьев-

ского времени из Нижнетыткескенской I и Каминной пещер, а также каракольской культуры постафанасьевского времени, для которых характерны морфологические особенности автохтонного населения Южной Сибири [Чикишева, 2000, 2012].

Кроме этого, в архиве кабинета антропологии Томского госуниверситета обнаружены бланки измерений черепов Усть-Куюмского могильника, выполненных В.А. Дремовым, по-видимому, в конце 60-х гг. XX в. Среди них, обнаружены ранее не опубликованные измерения женских черепов из могил №18 и 19 могильника Усть-Куюм на Средней Катуне, своеобразие инвентаря из которых на афанасьевском археологическом фоне неоднократно отмечалось [Эпоха энеолита и бронзы. ..., 2006]. Судя по измерениям, один из этих черепов также характеризуется суббрахикранной невысокой мозговой коробкой и уплощенностью лица на уровне орбит (при его в общем европеоидном строении). Анализ индивидуальных данных этих, ставших недавно известными материалов, на фоне женских черепов доафанасьевского времени Горного Алтая и его северных предгорий, каракольской и афанасьевской культур и куротинского типа, позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимодействия афанасьевского населения с автохтонным населением Горного Алтая.

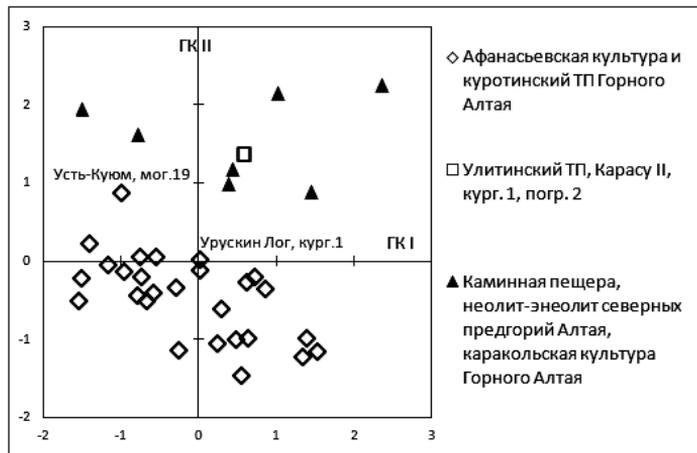
Анализ главных компонент по признакам, характеризующим строение мозговой коробки, ширину лица и его профилировку на верхнем уровне, демонстрирует морфологическое сходство улитинской находки с черепами, представляющими автохтонный антропологический компонент, и отличия от куротинских и афанасьевских Горного Алтая (табл. 2; рис.). Череп из могилы №19 Усть-Куюмского могильника занимает промежуточное положение между ними и остальными афанасьевскими, что можно рассматривать и как результат метисации.

Таблица 2

Факторные нагрузки двух первых главных компонент (I–II) женских черепов

Признак	ГК I	ГК II
1	0,594	-0,570
8	0,807	0,226
20	0,641	-0,507
9	0,341	-0,445
11	0,771	0,420
12	0,662	0,337
29	0,754	-0,394
Sub.Nß:29	-0,112	-0,662
45	0,811	0,273
77	0,120	0,719
λ	3,818	2,308
%	38,182	23,075

Положение женских черепов в пространстве I и II главных компонент (ГК)

Таким образом, при доминирующих западных антропологических связях населения энеолита – бронзы Горного Алтая, анализ ставших известными в последнее время материалов из коллекций и архива кабинета антропологии ТГУ позволяет предполагать вероятность единичных контактов с потомками местного доафанасьевского населения. Осуществлялись они, по-видимому, через женскую часть популяции и/или население, оставившее отличные от собственно афанасьевской культуры типы погребений.

Библиографический список

- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М., 1961 (ТИЭ; т. 71).
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014.
- Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // Антропологический сборник I. М., 1956 (ТИЭ; т. 33).
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (ТИЭ; т. IV).
- Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск, 2003.
- Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Приложение 1. Барнаул, 2005.
- Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуги // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.
- Солодовников К.Н., Ларин О.В. Краниологическая серия из могильника Сальдьяр-I афанасьевской культуры Горного Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.
- Солодовников К.Н., Хохлов А.А., Рыкун М.П. Антропологические данные к исследованию трансевразийских миграций начального этапа бронзового века // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI Алексеевские чтения). СПб., 2015.
- Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2009.
- Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.
- Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012а.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012б.
- Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита-бронзы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.
- Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994.
- Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск, 2012.
- Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006.

М.Ю. Соломонова, К.Ю. Кирюшин, М.М. Силантьева, Н.Ю. Сперанская

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИТОГОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФИТОЛИТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА НОВОИЛЬИНКА-III

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Современные методы палеоботанических и палеопочвенных исследований на местах археологических работ позволяют расширить познания о культурных особенностях древних народов и природных условиях определенных периодов истории.

В археоботаническом плане территория юга Западной Сибири, особенно Кулундинской низменности, или Кулунды, перспективна для применения палеоботанических и палеопочвенных методов исследования.

Одним из наиболее слабо изученных периодов истории Кулунды является эпоха энеолита. Поэтому археологический памятник этого времени Новоильинка-III – это ценный объект археологических и палеоботанических исследований.

Поселение Новоильинка-III, открытое в 2004 г. С.М. Ситниковым, находится в Хабаровском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинки, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурлы [Кирюшин, Ситников, 2013, с. 207–208]. Территория археологических работ относится к провинции степей Западно-Сибирской низменности, подпровинции Кулундинской степи, ограничивающейся примерно Центрально-Кулундинской депрессией, к Кулундинскому вторично-степному округу, занимающему водоразделы рек Бурлы, Суетки, Кулунды [Куминова и др., 1963, с. 35–50].

В 2011 г. на территории поселения Новоильинка-III были начаты фитолитные исследования, которые продолжались в течение пяти лет [Соломонова и др., 2013, с. 10–14]. Объем полученных данных позволяет провести реконструкцию растительного покрова на месте исследования.

Материалы и методы исследования. Для сопоставления результатов реконструируемого растительного покрова с современным на территории вокруг археологического объекта были проведены геоботанические работы. Для этих же целей изучены фитолиты злаков, произрастающих на месте исследования, так как представители семейства *Poaceae* являются важными ценозообразующими видами луговых и степных сообществ, а также производят большое количество эколого-специфичных форм фитолитов. Кроме того, получены фитолиты нескольких представителей семейства *Asteraceae* (сложноцветные). Еще одним подготовительным этапом можно считать исследование фоновых почв под различными фитоценозами в окрестностях поселения.

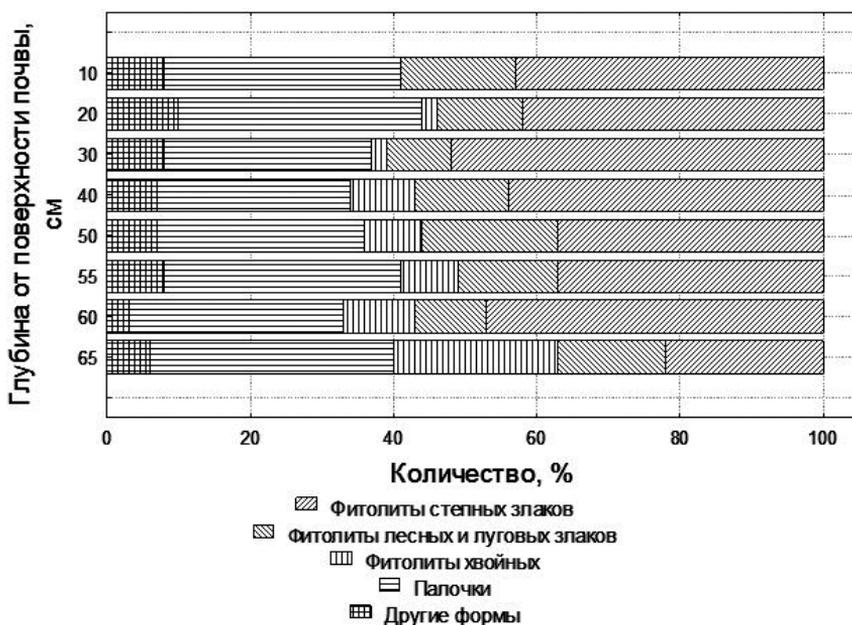
Основной этап исследований включал в себя фитолитный анализ проб почвенного грунта из профилей стенок квадратов раскопа и их сравнение с фитолитными спектрами фоновых почв и фитолитным составом отдельных видов растений (в основном злаков).

Таким образом, исследованы 20 видов растений, принадлежащих к семействам *Poaceae* (12 видов), *Asteraceae* (4 вида), *Salicaceae* (1 вид), *Betulaceae* (1 вид), *Pinaceae* (1 вид), *Equisetaceae* (1 вид); 12 фоновых почвенных проб; семь почвенных профилей.

Выделение фитолитов из почв и растительных материалов производилось по методике, предложенной А.А. Гольевой [2001, с. 17–18]. При интерпретации результатов фитолитного анализа почв поселения работа проводилась не с отдельными формами фитолитов растений, а с фитолитными спектрами, характеризующими отдельные фитоценозы [Гольева, 2001, с. 38–40]. Такой подход статистически обоснован И.З. Каманиной [1992, с. 2–15] и позволяет реконструировать ландшафтные условия, минуя этап диагностики отдельных растений. Этот принцип лежит в основе разработанной А.А. Гольевой [2001, с. 42–43] классификации фитолитных спектров различных биоценозов. Она выделяет три группы фитолитов.

1. Формы, универсальные для многих фитоценозов (шары, пластинки, палочки с гладкими краями), различия имеются лишь в пропорциях.

2. Формы, встречающиеся лишь в некоторых фитоценозах, но в различных количествах (луговые трихомы, гантелевидные формы).
3. Формы, указывающие на один конкретный фитоценоз, – «сигнальные формы» (лесные трихомы, фитолиты хвойных).

Фитолитный профиль стенки раскопа поселения Новоильинка-III с культурным слоем глубже 60 см

Классификация фитолитных спектров А.А. Гольевой была использована с учетом методических исследований на территории юга Западной Сибири [Сперанская и др., 2013, с. 40–46; 2014, с. 89–94], а также с учетом предварительного этапа работ на территории объекта.

Результаты и их обсуждения. В настоящее время на территории вокруг археологического объекта находятся следующие растительные сообщества: полынно-типчачово-волоснецовая степь, осочково-типчачово-ковыльная степь, остепненный разнотравно-злаковый луг, солонцеватый луг. Изученные фитолиты растений были объединены по эколого-ценотическому принципу в следующие группы: фитолиты степных злаков, фитолиты лесных и луговых злаков, фитолиты хвойных, неспецифичные формы фитолитов (палочки, пластинки и прочие морфотипы).

При изучении фитолитных спектров современных почв вокруг памятника было отмечено, что в них доминируют фитолиты степных злаков. В почвах под современными степными фитоценозами в окрестностях памятника количество фитолитов степных злаков иногда превышает другие группы фитолитов в 2–3 раза.

При изучении фитолитных профилей стенок раскопа памятника нами выделены два типа профилей. У одних (рис.) с глубиной уменьшается роль фитолитов степных злаков и увеличивается роль форм луговых, лесных злаков, а также в нижних слоях культурного горизонта в большом количестве (до 20%) присутствуют

фитолиты хвойных. Особенно важно отметить наличие фитолитов хвойных под наводками горизонтально залегающих костей, этот уровень принят нами за древнюю поверхность почвы.

У других почвенных профилей (с менее выраженным или отсутствующим культурным слоем) состав фитолитных спектров более однороден. На всей глубине в подобных фитолитных профилях доминируют фитолиты степных злаков, лишь в нижних слоях наблюдается незначительное увеличение луговых форм.

Обобщая исследования этих профилей, можно с высокой степенью достоверности предположить несколько смен растительных сообществ на территории памятника. Изначально, до возникновения поселения, на участке существовал разреженный лес или его опушка. В лесу произрастали сосны и лиственные породы деревьев, скорее всего, березы. Травянистый ярус был достаточно хорошо развит, и в его состав помимо типично лесных и луговых видов растений входили и степные злаки, возможно, овсяницы и ковылы. С возникновением поселения можно связать сведение леса и, как минимум, вырубку хвойных пород деревьев, которые предположительно могли использоваться для жилищ, загонов для скота и очагов. Этот вывод подтверждается результатами исследования почв А.А. Гольевой, обнаружившей следы корней хвойных и лиственных пород деревьев ниже культурного слоя [Кирюшин и др., 2014, с. 36–37].

Вторым важным моментом, помимо сведения леса, стоит считать остепнение участка. Оно могло происходить в результате длительного антропогенного воздействия на этом месте. Примером может служить вытаптывание территории во время выпаса лошадей (и) или проживания человека. В результате этого воздействия корневищные луговые виды злаков были вытеснены более устойчивыми дерновинными видами.

Библиографический список

- Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. Сыктывкар, 2001.
- Каманина И.З. Кремнеземистые фитолиты в почвах некоторых природных зон : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1992.
- Кирюшин К.Ю., Гольева А.А., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Новые результаты почвенных исследований на территории поселения Новоильинка-III // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул, 2014.
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013.
- Куминова А.В., Вагина Т.В., Лапшина Е.И. Геоботаническое районирование юго-востока Западно-Сибирской низменности // Растительность степной и лесостепной зон Западной Сибири. Новосибирск, 1963 (Труды ЦСБС; вып. 6).
- Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М. Разнообразие фитолитов ковылей (*Stipa*) юга Западной Сибири // Известия АГУ. 2014. №3/1 (83).
- Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М. Трихомы и лопастные фитолиты растений как возможные индикаторы мезофильных сообществ при реконструкции растительности // Приволжский научный вестник. 2013. №11 (27).
- Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю. Реконструкция растительного покрова мест археологических работ: Новоильинка-3 и Нижняя Каянча (Алтайский край), Тыткескень-2 (Республика Алтай) // Приволжский научный вестник. 2013. №10 (26).

А.А. Тишкин¹, А.А. Казаков², С.С. Матренин²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАМЕНКА (по материалам раскопок 2014 г.)

Быстрианская археологическая культура северных предгорий Алтая выделена в начале 90-х гг. прошлого столетия по материалам могильников и поселений, локализованных в междуречье Бии и Катуня, Бии и Чумыша, а также на левобережье Катуня (в нижнем течении) [Киреев, 1992а–б, 1994; Абдулганеев, Кунгуров, 1996; Тишкин, 1996; Абдулганеев, Тишкин, 1999; и др.]. На сегодняшний день она является одной из наименее изученных культур скифо-сакского времени юга Западной Сибири.

Большинство погребальных памятников указанной общности было разграблено, и поэтому при раскопках получен невыразительный инвентарь. Многие курганы, исследованные в 1-й половине XX в., раскапывались по упрощенной методике без ведения необходимой графической документации и фотофиксации. Кроме этого, имеет место депаспортизация отдельных вещественных материалов. Однако даже известные предметные комплексы быстрианской культуры дают представление о сложных по форме и содержанию контактах населения предгорной зоны с кочевыми племенами соседних регионов во 2-й половине I тыс. до н.э.

Авторы настоящей публикации считают актуальной задачу изучения химического состава металлических изделий из могильника Каменка, найденных в процессе раскопок памятника в 2014 г. археологической экспедицией Барнаульского юридического института МВД России, в которой также приняли участие специалисты из Алтайского государственного университета [Казаков, Семибратов, Редников и др., 2015]. Перед тем как изложить полученные результаты, необходимо отметить, что предметы из цветного металла из погребальных памятников быстрианской культуры в таком аспекте исследуются впервые.

Некрополь Каменка находится за северо-восточной окраиной с. Красный яр Советского района Алтайского края. Он расположен на мысовидном выступе, образованном поймой р. Каменки и третьей террасой Катуня. Памятник открыт и исследовался С.М. Сергеевым [1946]. В августе 1929 г. им зафиксировано более 100 курганных насыпей, в настоящее время полностью распаханных [Сергеев, 1946; Абдулганеев, Тишкин, 1999]. В ходе визуального осмотра могильника в 2014 г. на всей его территории выявлены множественные следы разрушений каменно-земляных насыпей, установить границы и количество которых (даже приблизительно) не представлялось возможным из-за дернового слоя и распашки. В процессе раскопок участка на южном склоне террасы (географические координаты: N – 52°21'52.66"; E – 85°21'08.37"), в пределах которого хорошо прослеживалось скопление речного галечника, указывающее на локализацию там одной или нескольких каменных конструкций, выявлены три погребения. Среди них особым «богатством» сопроводительного инвентаря выделялось погребение №2, заключенное в кольцевую многослойную выкладку овальной формы длиной 4,36 м, шириной 3,2 м, высотой 0,35 м, ориентированную длинной осью по линии ЗСЗ–

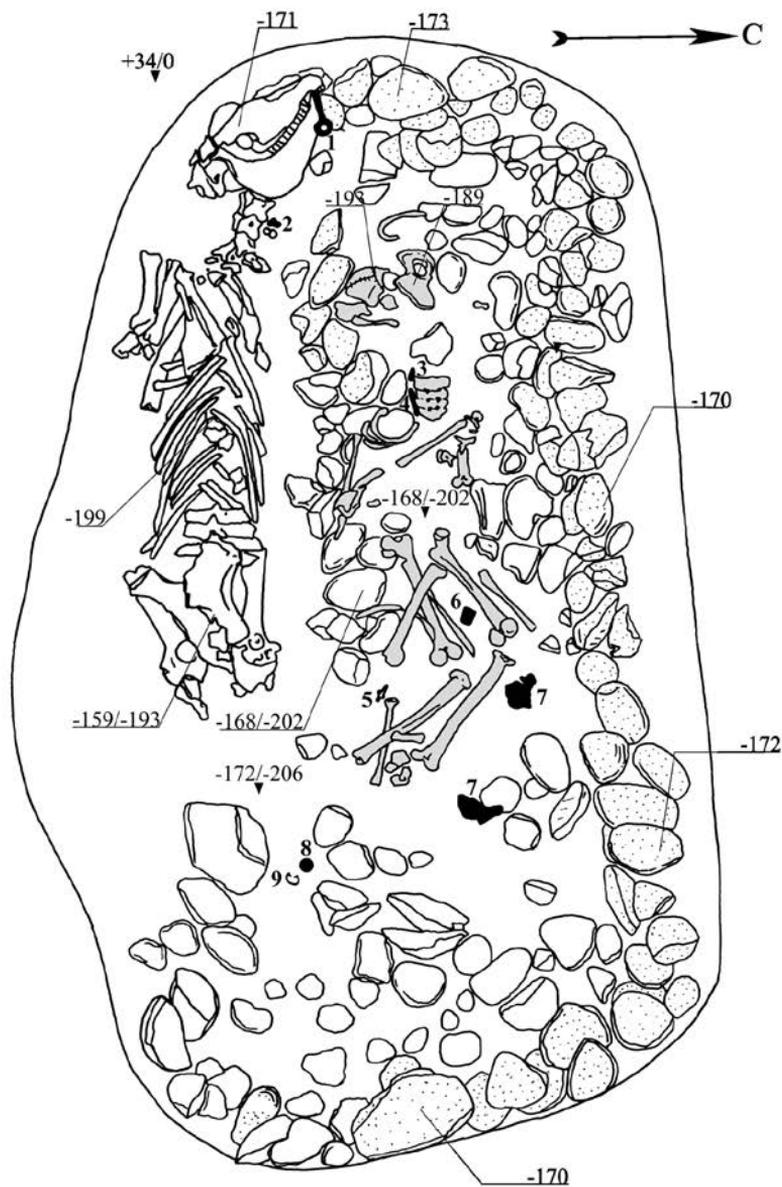
ВЮВ. Сверху данное сооружение перекрывала каменно-земляная наброска размерами 5,4 x 4,7 м, мощностью до 0,25 м. В границах внешнего контура выкладки находилась могильная яма вытянуто-овальной формы размерами 3,76 x 2,4 м (рис. 1). Заполнение могилы состояло из супеси коричневого и желтого цвета, желтой суглинистой супеси, а также плотной каменной забутовки, маркирующей грабительский лаз, в котором на глубине 1,1 и 1,4 м от уровня древнего горизонта были найдены бронзовые распределитель ремня (рис. 2.-3) и три уздечные бляхи-полуобоймы (рис. 2.-4-6). На глубине 2,06 м от уровня древнего горизонта, вдоль южной стенки могилы, располагалось захоронение верхового коня, уложенного на живот с подогнутыми ногами и головой, ориентированной на северо-запад (рис. 1). В проекции шейного отдела позвоночника лежали две бронзовые уздечные бляхи-пронизы (рис. 2.-1-2). В северной половине ямы расчищен сильно потревоженный грабителями скелет взрослого человека в обкладке из валунов. Судя по расположению костей ног, первоначально погребенный был ориентирован головой в западный сектор. С умершим обнаружены металлические предметы: сломанный вотивный чекан (рис. 2.-7) и накладка на ремень (рис. 2.-8). Остальной погребальный инвентарь представлен железным ножом, железными бляхами (с бабочковидным, прямоугольным, фигурным корпусом), удилами, фрагментом венчика керамического сосуда [Казаков, Семибратов, Редников и др., 2015, рис. 2, 3].

Основные признаки ингумации в погребении №2 свидетельствуют о его принадлежности к быстринской археологической культуре [Суразаков, 1988, с. 134–136; Киреев, 1992а–б; Абдулганеев, Кунгуров, 1996; Абдулганеев, Тишкин, 1999; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 37–40]. Данное захоронение имеет специфические черты, аналогии которым в опубликованных археологических материалах о рассматриваемой общности нам пока не известны. К их числу относятся наземные конструкции в виде многорядных кольцевых выкладок с грунтовым заполнением внутреннего пространства (нельзя исключать, что данные элементы устройства надмогильных сооружений могли присутствовать на других памятниках, но они не были зафиксированы из-за упрощенной методики раскопок либо по причине сильного разрушения насыпей) и погребальная камера, представлявшая собой каменную обкладку из валунов. Относительно каменной обкладки стенок могилы стоит заметить, что она обнаруживает параллели в древностях пазырыкской культуры Северного Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 12–13]. Наиболее близкие аналогии им происходят из памятников, локализованных в долине Нижней Катунь – Чултухов-Лог-I и Барангол-I [Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 55.-1; 53.-1; 54.-2-3; 71.-4; 72.-1-2; с. 51].

Восемь изделий из цветного металла были проанализированы на предмет определения химического состава сплавов. Они изучались с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в Алтайском государственном университете. Такая процедура проводилась в аналитическом режиме.

Уздечная бляха-пронизь (рис. 2.-1; двойтель нащечных ремней (по: [Шульга, 2008, с. 86–87]). Сначала тестировалась окисленная поверхность данного изделия. Прибором зафиксирован следующий поэлементный ряд:

– Cu (медь) – 76,25%; Sn (олово) – 21,97%; Pb (свинец) – 0,8%; As (мышьяк) – 0,77%; Fe (железо) – 0,15%; Ni (никель) – 0,06%.

- 1 – железные удила (-161/-195 см)
- 2 – бронзовые уздечные бляхи-пронизи; 2 экз. (-169/-203 см)
- 3 – бронзовая накладка (-163/-197 см)
- 4 – железный нож (-163/-197 см)
- 5 – бронзовый чекан (-171/-205 см)
- 6 – железные прямоугольная и «бабочковидная» бляхи; 2 экз. (-167/-201 см)
- 7 – железные фигурные бляхи, крупные; 2 экз. (-167/-171/-201/-205 см)
- 8 – бронзовый распределитель ремней (-76/-110 см)
- 9 – бронзовые уздечные бляхи-полуобоймы; 3 экз. (-140 см)

Рис. 1. Могильник Каменка, погребение №1.
План захоронения человека с верховым конем

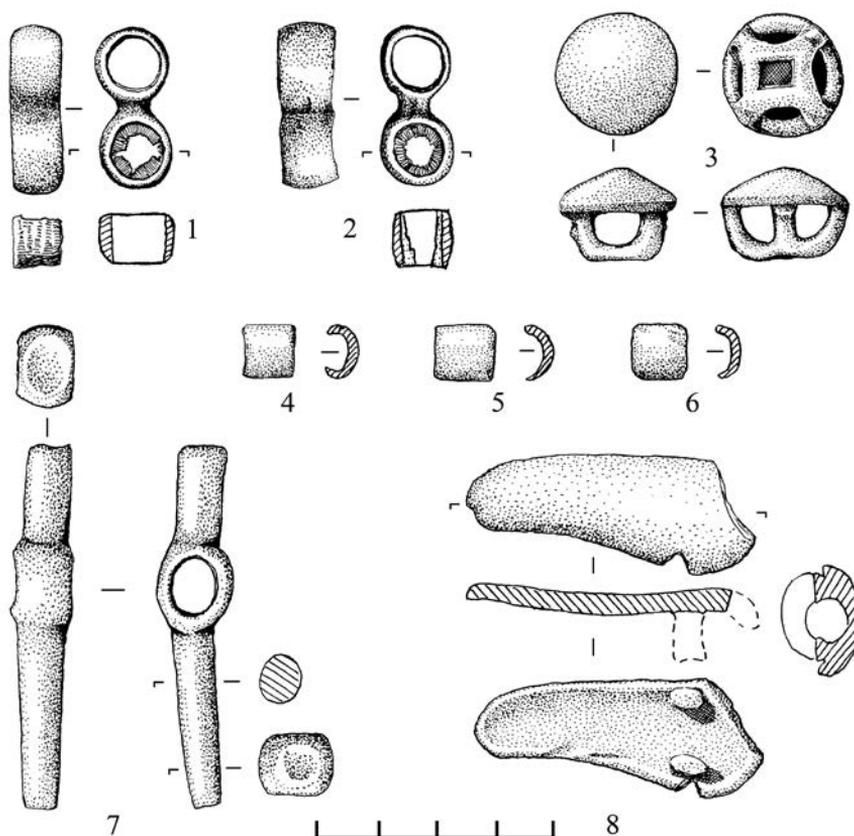

Рис. 2. Предметы из цветного металла, обнаруженные в могильнике Каменка:
 1–2 – уздечные бляхи-пронизи; 3 – распределитель ремней;
 4–6 – уздечные бляхи-полуобоймы; 7 – чекан; 8 – накладка на ремень

Затем дважды в разных местах исследовался участок, на котором механически были сняты продукты интенсивной коррозии:

- Cu – 76,27%; Sn – 21,89%; As – 1,09%; Pb – 0,7%; Ni – 0,05%;
- Cu – 80,39%; Sn – 18,35%; As – 0,79%; Pb – 0,47%.

По вышеизложенной схеме изучалось **второе аналогичное изделие** (рис. 2.-2). Последовательно получены такие данные:

- Cu – 73,77%; Sn – 23,89%; As – 0,92%; Pb – 0,82%; Fe – 0,5%; Ni – 0,1%;
- Cu – 75,56%; Sn – 22,37%; As – 1,24%; Pb – 0,68%; Ni – 0,15%;
- Cu – 76,18%; Sn – 21,81%; As – 1,18%; Pb – 0,64%; Ni – 0,19%.

Указанные результаты свидетельствуют о бронзовом сплаве, основу которого составляет медь. В качестве легирующей добавки использовалось достаточное количество олова. Его наличие, а также присутствие мышьяка и свинца определили высокое качество сплава.

Распределитель ремней (рис. 2.-3). Сначала дважды тестировалась патинированная лицевая поверхность данного изделия в разных местах. Зафиксированы такие показатели:
 – Cu – 83,98%; Sn – 14,75%; Fe – 1,02%; Pb – 0,25%;

– Cu – 74,02%; Sn – 22,51%; Fe – 2,74%; Pb – 0,51%; Ni – 0,12%; Co – 0,1%.

Далее исследовался участок на обратной стороне распределителя, где частично были удалены окислы. Также дважды и в разных местах получены следующие поэлементные ряды:

– Cu – 72,93%; Sn – 23,34%; Fe – 2,78%; Pb – 0,52%; As – 0,31%; Ni – 0,12%;

– Cu – 73,84%; Sn – 22,41%; Fe – 2,83%; Pb – 0,58%; Ti – 0,24%; Ni – 0,1%.

В полученных результатах аномальным выглядит существенное содержание железа и наличие других элементов в разном количестве на фоне бронзового сплава. Объяснение может заключаться в том, что исходным сырьем для медной основы были полиметаллические руды.

Имеющиеся *бляхи-полуобоймы* от узды (рис. 2.-4–6) тестировались каждая один раз в лицевую поверхность без удаления окислов. Получены такие похожие результаты, которые демонстрируют несколько иную рецептуру сплава:

– Cu – 93,37%; Sn – 5,66%; Sb – 0,52%; Fe – 0,28%; Pb – 0,17%;

– Cu – 92,23%; Sn – 5,86%; Fe – 0,57%; As – 0,55%; Sb – 0,5%; Pb – 0,19%; Ni – 0,1%;

– Cu – 91,15%; Sn – 6,74%; As – 1,01%; Fe – 0,64%; Pb – 0,25%; Bi – 0,12%; Ni – 0,09%.

Чекан (рис. 2.-7). Сначала исследовались два участка, механическим путем очищенные от коррозии. В разных местах получена такая серия данных, демонстрирующая практически оптимальный медно-оловянный сплав с присутствием рудных примесей либо элементов, попавших в ходе коррозии:

– Cu – 79,14%; Sn – 20,5%; Pb – 0,3%; Ni – 0,06%;

– Cu – 80,68%; Sn – 18,95%; Pb – 0,3%; Ni – 0,07%;

– Cu – 80,76%; Sn – 18,94%; Pb – 0,25%; Ni – 0,05%.

Затем для сравнения дважды тестировалась окисленная поверхность на бойке и втулке:

– Cu – 90,83%; Sn – 8,89%; Fe – 0,15%; Pb – 0,13%;

– Cu – 82,45%; Sn – 17,26%; Fe – 0,15%; Pb – 0,14%.

Накладка на ремень (рис. 2.-8). Указанным рентгенофлуоресцентным спектрометром удалось изучить лицевую сторону изделия сначала без удаления слоя коррозии:

– Cu – 95,49%; As – 2,18%; Pb – 1,23%; Sn – 0,57%; Ni – 0,42%; Fe – 0,11%.

Затем дважды в разных местах исследовался участок с частичным снятием окислов:

– Cu – 97,14%; As – 1,8%; Pb – 0,55%; Ni – 0,3%; Sn – 0,17%; Fe – 0,04%;

– Cu – 96,85%; As – 1,96%; Pb – 0,53%; Sn – 0,33%; Ni – 0,29%; Fe – 0,04%.

Представленные поэлементные ряды демонстрируют медное изделие с набором рудных примесей. Наличие несущественного количества олова может быть чисто символической добавкой при выплавке накладки.

Полученные результаты рентгенофлуоресцентного анализа демонстрируют разные рецептуры сплавов, из которых изготавливались найденные предметы. Несмотря на это, наблюдается некоторое сходство с имеющимися аналогичными данными по памятникам «раннескифского» времени северо-западных предгорий Алтая [Хаврин, 2008], а также других ближайших объектов скифо-сакского периода [Тишкин, Кирюшин, Семибратов, 2011]. Данное обстоятельство может косвенно свидетельствовать в пользу того, что племена майэмирской культуры могли принимать участие в формировании быстринской общности, демонстрирующей целый ряд синкретичных характеристик.

Детальная хронологическая атрибуция погребения №2 могильника Каменка является задачей самостоятельного исследования. Взаимовстречаемость полученных изделий, прежде всего бронзовых блях-пронизей, полуобойм, распределителя ремня, накладки, а также железных блях, дает основания предварительно относить данный объект к концу VI – V в. до н.э. (обзор некоторых аналогий по: [Суразаков, 1988, рис. 46.-5, 14; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 55.-9 – 13; рис. 83.-1, 3, 4–12; 84; Шульга, 2004, рис. 1.-11, 13, 24, 27, рис. 2.-11–13, 15; 2011, рис. 3.-2; 4; 2013, рис. 43, 51]).

В заключение следует отметить, что результаты рентгенофлуоресцентного анализа коллекции металлических изделий из раскопок могильника Каменка в 2014 г. расширяют корпус опубликованных источников для изучения быстрианской археологической культуры северных предгорий Алтая.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрианской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015.

Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992а.

Киреев С.М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б.

Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрианской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III : Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004.

Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. 1946. №8.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.

Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Предметный комплекс из памятника скифо-сакского времени Нижняя Каянча на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск, 2011.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I : Раннескифское время. Барнаул, 2008.

Шульга П.И. Датировка ранних курганов каменской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I : Раннескифское время. Барнаул, 2008.

Шульга П.И. О сходстве и различиях памятников пазырыкской культуры (Алтай) и могильника Цзяохэ Гоубэй (Синьцзян) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартянова). Новосибирск, 2013.

А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ
МКУК «РАЙОННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМ. В.М. КОМАРОВА» (с. Волчиха, Алтайский край)**

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»), и по проекту №1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» в рамках базовой части государственного задания

В фондах МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» имеется коллекция случайных находок, происходящих из Волчихинского района. Наиболее представительной в этом собрании является группа металлических наконечников стрел.

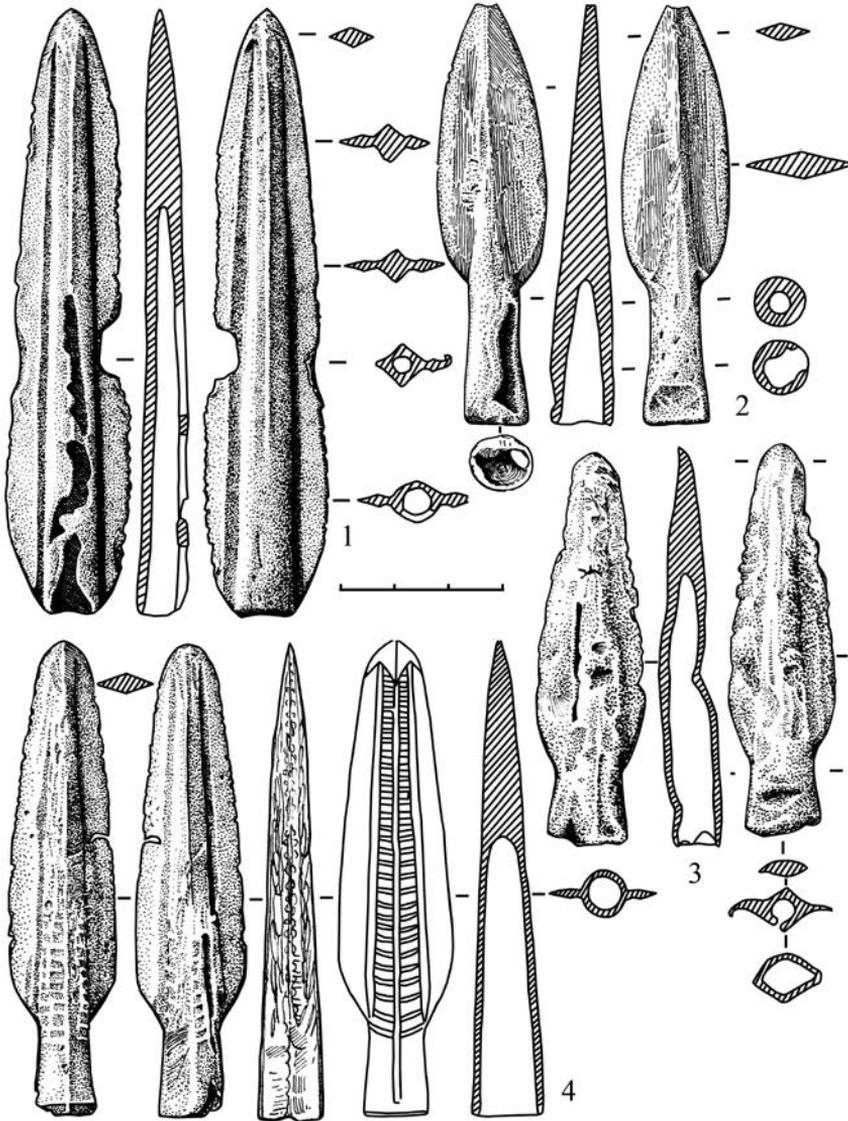
Территория Волчихинского района находится на юго-западе Кулундинской равнины. Юго-восточную часть ее занимает ленточный бор, произрастающий в ложе долины древнего стока. На границе леса и степи располагается система пресных и соленых озер, по берегам которых обнаружено несколько комплексов поселений, датирующихся эпохой бронзы и ранним железным веком [Фролов, 1994, с. 96–99]. Вероятно, что ряд экспонатов музея происходит именно из этой зоны (окрестности с. Усть-Кормиха).

Все наконечники стрел в музее имеют один инвентарный номер – ОФ 304. Под этим же номером значится коллекция из девяти наконечников стрел, найденных И.О. Васьным в с. Волчихе на ул. Комсомольской (на глубине 2 м). В состав собрания входят восемь изделий из цветного металла и одно из железа. Однако эти предметы представлены типами, которые датируются разными периодами, что исключает нахождение их вместе *in situ*. На одном из наконечников процарапано слово «Усть-Кормиха», что, вероятнее всего, отражает название села, в районе которого он и был найден. Также на лопасти этого же наконечника процарапана цифра «79». Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что, по крайней мере, часть из девяти наконечников происходит из других мест Волчихинского района. Не исключено, что при записи в книгу поступлений в одну коллекцию оказались объединены находки, имеющие разное происхождение.

Часть из рассматриваемых наконечников стрел действительно может быть связана с одним комплексом (клад, погребение и др.), так как они относятся к периоду поздней бронзы. Улица Комсомольская располагается на юго-восточной окраине с. Волчихи и проходит по краю террасы р. Волчихи. Поэтому обнаружение археологического памятника в этом районе вполне вероятно. В данной статье будут представлены четыре наконечника стрел (рис.) из коллекции ОФ 304. У каждого из них определялся химический состав сплава. Для этой цели использовался портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в Алтайском государственном университете. Прибор работал в программном режиме «Аналитический».

1. Наконечник стрелы – втульчатый, двухлопастной. Перо имеет удлиненную листовидную (пламевидную) форму (рис.-1). Длина изделия – 11,5 см, ширина пера – до 2,4 см, толщина в центре – 0,7 см. Острие заовалено и заточено. Втулка скрытая, длина

полости – чуть более 6,5 см, внутренний диаметр – у основания 0,85 x 0,7 см, затем идет сильное сужение. На втулке выделена нервюра, служащая для укрепления изделия и переходящая в ребро ближе к острию. Наконечник покрыт патиной зелено-коричневого цвета. На одной из сторон на втулке имеются отверстия, являющиеся литейным браком (недолив). Края перьев имеют зазубрины, загибы и другие изъяны.

Металлические наконечники стрел из районного историко-краеведческого музея им. В.М. Комарова (с. Волчиха)

Указанным прибором сначала тестировалась патинированная поверхность втулки. Получен следующий поэлементный ряд: Cu (медь) – 79,26%; Sn (олово) – 20,02%; Fe (железо) – 0,41%; Zn (цинк) – 0,25%; Pb (свинец) – 0,06%. Затем исследовался уча-

сток пера, который был механически освобожден от окислов. В двух разных местах получены показатели, указывающие на бронзовый сплав:

- Cu – 85,28%; Sn – 14,33%; Fe – 0,39%;
- Cu – 86,74%; Sn – 13,12%; Fe – 0,14%.

2. Наконечник стрелы – двухлопастной, с сильно выступающей втулкой (рис.-2). Втулка по перу продолжена рельефной нервюрой. Длина находки – 7,9 см, из них втулка выступает на 2,6 см. Перо листовидной формы, ширина его – до 2 см, толщина в центре – 0,4 см, у места соединения с втулкой – 0,8 см. Длина полости втулки – до 2,6 см. Внутренний диаметр деформированного основания втулки – 1,2 x 1,05 см, толщина стенок – от 0,1 до 0,5 см. Изделие покрыто темной патиной. Острие пера отломано. Имеется литейный брак – недолив втулки с одной стороны.

Рентгенофлюоресцентным спектрометром сначала тестировалась патинированная поверхность в центре изделия. Зафиксированы такие химические элементы: Cu – 94,54%; As (мышьяк) – 4,14%; Fe – 0,73%; Sn – 0,21%; Zn – 0,2%; Pb – 0,18%. Затем дважды в разных местах исследован участок у края втулки, где были удалены окислы:

- Cu – 95,63%; As – 3,51%; Fe – 0,53%; Sn – 0,19%; Pb – 0,14%;
- Cu – 95,35%; As – 3,63%; Fe – 0,56%; Sn – 0,32%; Pb – 0,14%.

Полученные результаты указывают на медную основу сплава с наличием рудных примесей и незначительным присутствием олова.

3. Наконечник стрелы – двухлопастной, с выступающей втулкой, деформированный (рис.-3). Перо имеет листовидную (пламевидную) форму. Длина предмета – 7,4 см, из них перо – 6,0 см (ширина пера – до 2 см). Диаметр втулки установить сложно из-за деформации и литейного брака (недолив по краю). Глубина втулки – около 4,2 см. Нервюра не выделена. Изделие покрыто темной патиной. Имеются потертости, вмятины и другие дефекты. Острие было заточено, лопасти пера тонкие, с зазубринами и загибами. Рентгенофлюоресцентный анализ осуществлялся по отработанной схеме: сначала тестировалась патинированная поверхность, а затем дважды исследовался участок, на котором были удалены окислы. Получены следующие поэлементные ряды:

- Cu – 87,56%; Sn – 11,2%; Pb – 0,65%; Fe – 0,36%; Zn – 0,23%;
- Cu – 86,98%; Sn – 12,24%; Pb – 0,78%;
- Cu – 86,73%; Sn – 12,38%; Pb – 0,83%; Fe – 0,06%.

Приведенные данные указывают на бронзовый сплав, в котором стоит отметить заметное содержание свинца.

4. Наконечник стрелы – двухлопастной, с выступающей орнаментированной втулкой (рис.-4). Общая длина изделия – 8,95 см. Перо имеет листовидную (пламевидную) форму. Его длина – 7,3 см, ширина – до 2,1 см. Внешний диаметр втулки – 1,15 см, стенки втулки толщиной меньше 1 мм. Лопасти пера тонкие, имеют мелкие зазубрины. С двух сторон по втулке идет нервюра. Вдоль втулки на лопастях имеются два небольших паза. Длина полости втулки – около 5,2 см.

Орнамент плохо просматривается. У устья втулки он представляет собой «елочку». Изделие покрыто темной патиной, есть потертости. Имеется литейный брак – недолив у основания втулки и в средней части с одной стороны. Представленные ниже результаты рентгенофлюоресцентного анализа отражают апробированный алгоритм тестирования:

- Cu – 75,69%; Sn – 23,61%; Ti – 0,25%; Mn – 0,19%; Fe – 0,15%; Pb – 0,11%;
- Cu – 80,38%; Sn – 19,31%; Fe – 0,13%; Mn – 0,11%; Pb – 0,07%;

– Cu – 80,88%; Sn – 18,9%; Mn – 0,08%; Fe – 0,08%; Pb – 0,06%.

Зафиксированные химические элементы демонстрируют медно-оловянный (бронзовый) сплав с набором рудных примесей, выявленных на уровне возможностей прибора.

Морфологически наконечники из коллекции Волчихинского музея можно разделить на несколько групп.

Крупные наконечники стрел с пером пламевидной формы и выступающей втулкой распространены в Казахстане, Обь-Иртышском междуречье и Верхнем Приобье [Аванесова, 1991, с. 41, рис. 39.-IV, X; Иванов, 2000, с. 17, рис. 3.-3; рис. 43.-8; Папин, Федорук, Шамшин, 2006, с. 85, рис. 1.-7, 14]. Часто на них имеется елочный орнамент по втулке, как и у экспоната из Волчихинского музея (рис.-4). Встречаются подобные изделия реже, чем втульчатые наконечники с пером листовидной формы, и датируются они несколько раньше последних [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, с. 85]. Для периода поздней бронзы они уже мало характерны и не встречаются в более позднее время. Об этом свидетельствует и находка подобного наконечника совместно с андроновской керамикой на поселении Крестьянское-2 [Иванов, 2000, с. 17, рис. 3.-3]. Н.А. Аванесова [1991, с. 41, рис. 39.-IV, X] крупные двухлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и пламевидным абрисом пера датирует XVI–XIV вв. до н.э. О ранней дате рассматриваемых изделий косвенно может свидетельствовать находка наконечника стрелы с пером лавролистной формы и выступающей втулкой, украшенной орнаментом, в погребении елунинской культуры [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 106, рис. 36.-3].

Довольно рано датируется наконечник стрелы с пером листовидной формы с сильно выделяющейся втулкой. Подобные наконечники найдены в погребении позднего этапа коптыковской культуры в Нижнем Притоболье (XV–XII вв. до н.э.) [Зах, Илюшина, 2011, с. 26–27, рис. 5; Зах, 2012, с. 39, рис. 7.-28, 30].

Следует подчеркнуть, что отсутствие в настоящее время детальной классификации наконечников эпохи бронзы Западной Сибири и Казахстана, не позволяет использовать их в качестве надежных элементов для датирования памятников этого хронологического отрезка.

Изучение случайных находок из Волчихинского района дает возможность более детально реконструировать зону распространения культур эпохи бронзы на территории Кулунды.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Зах В.А. Коптыковская культура в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №2 (17).
- Зах В.А., Илюшина В.В. Позднебронзовый могильник Чепкуль-5 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14).
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Фролов Я.В. История археологического изучения Волчихинского района Алтайского края // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994.

ОСВОЕНИЕ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ И ЭНЕОЛИТЕ

В.В. Бобров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия;

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ РАЗРУШЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ

Работа выполнена в рамках государственного задания №33.1175.2014/К

Посвящая эту небольшую статью доктору исторических наук, профессору Юрию Федоровичу Кирюшину в честь его славного юбилея, сделаю краткое отступление. Невозможно переоценить деятельность Ю.Ф. Кирюшина, его вклад в развитие высшего образования и науки (особенно археологии) Алтайского края в изучение дописьменного периода истории народов Южной и Западной Сибири. При широте научных интересов главный «конек» ученого связан с познанием таких историко-хронологических периодов, как неолит и эпоха бронзы. Именно эта область археологической науки свела нас более 40 лет назад, явилась той благодатной почвой, на которой возникли наши дружеские отношения. Все эти годы они были и остаются основанными на – назовите это лозунгом, девизом или каким-либо другим термином – «Научные разногласия не путай с дружбой». У любого специалиста есть свое понимание историко-культурных явлений и процессов, видение нюансов археологических объектов и артефактов. За этим кроется многофакторная причина. Знаю одно: чем меньше этих факторов, тем большее единство во взглядах на научные проблемы.

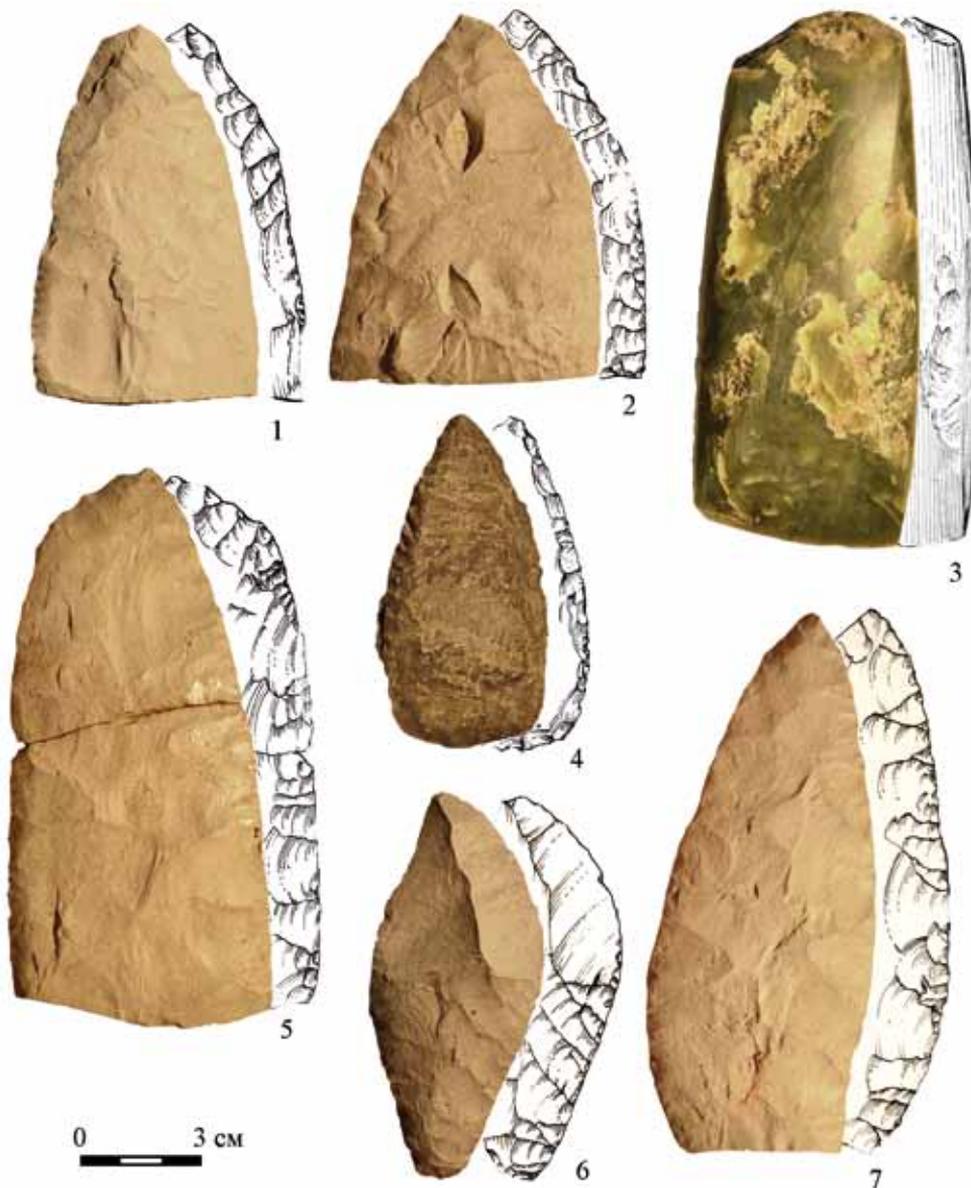
Нам с Юрием Федоровичем нередко приходилось полемизировать по некоторым конкретным проблемам эпохи палеометалла, когда судьба сводила нас на конференциях различного ранга или на сессиях диссертационных советов. А на страницах научной продукции мы заметно меньше приглашали друг друга к дискуссии. В данной статье мне хотелось бы вернуться к проблеме неолита и переходного периода к палеометаллу Томско-Нарымского Приобья, в решение которой внес значительный вклад Ю.Ф. Кирюшин. Но подойду к ней с публикации материалов из разрушенных погребений, обнаруженных в северных предгорьях Кузнецкого Алатау.

В начале 80-х гг. прошлого столетия работником Тамбарского совхоза были обнаружены орнаментированные фрагменты керамики, которые он передал в Тисульский районный краеведческий музей. Он возил доярок на летний гурт, который был расположен в пяти километрах от с. Тамбарна на берегу достаточно большого водохранилища, сооруженного на р. Дудет. В обнажении подмываемого водой берега водителем (к сожалению, утрачены сведения о нем) собраны обломки керамической посуды, а из воды во время рыбной ловли извлечены каменные изделия и череп взрослого человека. В 1983–1985 гг. на этом памятнике, который получил название «Тамбарское водохранилище», Кузбасский отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции

Кемеровского госуниверситета под руководством автора данной статьи проводил исследование. За эти годы на памятнике было вскрыто около 3000 кв. м, а протяженность раскопа с целью сохранения памятника от естественного разрушения составила 400 м. Наиболее значительные по масштабу работы отряд провел напротив местонахождения каменных орудий и предполагаемого погребения. Памятник представлял собой крупное стационарное поселение лугавской культуры, обитатели которого активно взаимодействовали с населением ирменской культуры и, вероятно, молчановской культуры, но в меньшей степени. На южной периферии памятника планиграфически выделялся андроновский комплекс. В северной части локализовался керамический комплекс, который по облику близок окуневской культуре. Каменный инвентарь культурного слоя представлен пластинами, включая микроформы, срединным резцом с плечиками, изготовленным на пластине, скребками и наконечниками стрел. Крупных орудий, идентичных или близких тем, которые были обнаружены в воде водохранилища, не найдено [Бобров, 1985–1986, 1993; Бобров, Михайлов, 1987, с. 17–27; Членова, Бобров, 1991, с. 143–180]. Именно этот общий контекст содержания памятника послужил еще одним подтверждением принадлежности случайно найденных каменных орудий к сопроводительному инвентарю в погребении. Уязвимость дальнейших рассуждений о месте этих находок в историко-хронологической схеме развития археологических культур Сибири заключается в том, что перед нами не весь набор сопроводительного инвентаря. Это надо иметь в виду, как и то, что весь мир материальной культуры в археологии «грешит» неполнотой данных.

Обнаруженный в воде комплекс каменных орудий составляют семь предметов: пять – ножи, один – наконечник, вероятно, дротика, один – топор-тесло. Скорее всего, они относились не к одному захоронению, а, как минимум, к двум. О принадлежности их к погребальному обряду свидетельствует также незначительность участка местонахождения (приблизительно 8–10 м вдоль берега). Несмотря на то, что четыре ножа представлены фрагментами, можно достоверно установить их принадлежность к крупным, листовидной формы изделиям, у которых широкое и тонкое лезвие. Все они изготовлены из сливного песчаника светло-желтого цвета. Поверхность ножей с двух сторон подготовлена тонкими широкими снятиями (отжимная ретушь), а края, особенно лезвия, имеют дополнительную, более мелкую по форме снятий подработку. Судя по фрагментам, два ножа имели относительно симметричную форму клинка, при ширине одного 5 см, а другого – около 7 см (рис.-1–2). Третий нож имеет треугольную форму клинка, но ближе к рукояти, которая, к сожалению, не сохранилась, лезвие приобретает выпуклый вид. Обушковый край остается слабовыгнутым, а переход к рукояти обозначен плавным уступом (рис.-7). Еще один крупного размера широкий нож имеет жало, образованное за счет прямого скоса под углом к обушковому краю (рис.-5). Оригинален нож из отщепы, для изготовления которого потребовалось оформить только рукоять. Оформление было выполнено ретушированием. При этом снятие плоских подпрямоугольных чешуек производилось диагонально к центральной оси рукояти. Короткое широкое лезвие ножа представлено естественным видом отщепы с ребром от предшествовавших параллельных снятий. Жало ножа немного отогнуто (рис.-6). Аналогией ему является нож из погребения №1 могильника Крутиха-5, которое В.И. Молодин [1977, табл. XVI-1] относит к неолиту, а впоследствии к кузнецко-алтайской культуре. Наконечник дротика листовидной формы сделан из сланца (растения демонстрируют огромное разнообразие

формы листьев). Пропорциональное соотношение высоты и ширины (наибольшая расположена немного ниже середины) дают представление о достаточно широкой форме листа. Плоские стороны наконечника сохранили естественную поверхность, только по всему периметру изделия нанесена ретушь. База наконечника слегка закруглена (рис.-4). Наконеч, заключаем описание комплекса топором-теслом. Он изготовлен из нефрита темно-зеленого цвета. Форма его практически прямоугольная, только обушок незначительно округлен. Лезвие соответствует ширине изделия, и в плане оно едва заметно изогнутое, как у долота. Сечение предмета овальное, длина его – 13 см, ширина – 5 см (рис.-3).

Каменные орудия из разрушенных погребений на Тамбарском водохранилище

Решение проблемы культурной и хронологической принадлежности обнаруженного комплекса традиционно следует связывать с принципом аналогий. Это единственный возможный вариант, хотя и с существенным потенциалом субъективности. Следуя принципу, первую ассоциативную связь с рассматриваемым комплексом вызывают материалы могильника Старое Мусульманское кладбище (СМК). Только в погребениях этого памятника найдены листовидные широкие ножи сегментовидного типа, по определению Ю.Ф. Кирюшина [2004, с. 18], т.е. ножи с дугообразным лезвием или с дугообразно выпуклым участком на лезвии. Обращает на себя внимание не только морфологическое тождество, но и идентичность технологии изготовления каменных орудий. Отметим также менее показательный признак – единство каменного сырья. Во вторую очередь ассоциации вызывают материалы кузнецко-алтайской неолитической культуры. Но сходство ограничивается общей морфологической характеристикой, которая сводится к крупным размерам, незначительной толщине и форме сечения, а также листовидному облику. Есть сходство и в технологии производства, но кузнецко-алтайские изделия, на мой взгляд, имеют более тщательную обработку поверхности. Возможно, это объясняется тем, что они изготовлены из сливного песчаника серого цвета, обладающего несколько лучшим качеством. Отмеченное сходство соответствует, назовем, северной группе памятников кузнецко-алтайской культуры. В эту группу следует включать так называемый Шипуновский клад. Для южной группы (Усть-Иша, Солонцы-5, Павловка-III) характерны крупные, но узкие изделия. Эллипсовидное их сечение близко ромбу. На это уже обращали внимание исследователи [Кунгурова, 2005, с. 52]. Вероятно, за отмеченным своеобразием кроется признак локального характера, так как основные черты погребального обряда и сопроводительного инвентаря совпадают во всех памятниках данной культуры. Что касается топора-тесла из нефрита, то аналогии уводят нас на восток, где ближайшим памятником является поселение Усть-Унюк на р. Енисее, а дальними – неолитические памятники Байкальской Сибири. Обращаясь к своеобразной группе ножей-клинков, следует отметить, что они имели локальное распространение в пределах лесостепного Приобья. Ю.Ф. Кирюшин [2002, с. 20] пишет: «Подобные ножи широко встречаются в неолитических памятниках Западной Сибири от предгорий Алтая до Томского Приобья». С арелом следует согласиться. На востоке они известны на неолитических памятниках Прибайкалья, в частности серовского и исаковского этапов. На это неоднократно обращали внимание исследователи в связи с проблемой происхождения неолитических культур в верхнеобском бассейне, которая приобрела историографический характер [Марочкин, 2014; Аникович, 1969, с. 62–64; Матющенко, 1973, с. 60–61; Молодин, 1977; и др.].

Из сказанного и из работ специалистов следует вывод о существовании на территории лесостепного Приобья, а также Рудного Алтая, прибайкальской традиции изготовления ножей и ножей-клинков. Более того, за пределами этого региона к северу, западу и югу их нет ни в неолите, ни в более поздних периодах. Эта традиция подтверждается и другими источниками кузнецко-алтайской культуры. Несомненно, место каменных орудий из разрушенных погребений, обнаруженных на Тамбарском водохранилище, связано с историко-культурными процессами на территории верхнеобского бассейна. Хотя местонахождение расположено к востоку, за его пределами.

Сложнее определить хронологическую принадлежность комплекса каменных орудий. Могильник СМК В.И. Матющенко относил к неолиту. Сознательно не отме-

чаю предлагаемые им хронологические рамки существования новокаменного века. Надо иметь в виду, что в 60-е, а нередко даже в 80-е гг. прошлого столетия исследователи подходили к датировке комплексов с позиции традиционных археологических методов, привлекая единичные радиоуглеродные даты подчас с удаленных территорий. А представление о хронологических границах менялось. Достаточно напомнить о двух этапах (начало 70-х и середина 80-х гг. XX столетия) удревнения нижней хронологической границы эпохи палеометалла. Основанием для этого на втором этапе явились даты, полученные естественно-научными методами, которые, кстати, тоже изменились относительно дат 60-х гг. Отметим, что в западносибирской археологии Ю.Ф. Кирюшин был одним из пионеров второго этапа удревнения эпохи палеометалла.

М.Ф. Косарев как приверженец научных идей В.Н. Чернецова отстаивает позицию принадлежности могильника СМК к ранней бронзе [1974, с. 55; 1981, с. 70–74; 1987, с. 266–267]. Его последователи, к числу которых относится Ю.Ф. Кирюшин, также настаивают на отнесении этого памятника к началу эпохи палеометалла. Несмотря на то, что им были инициированы и получены две даты, которые позволяют определять возраст памятника в пределах 1-й половины – середины IV тыс. до н.э., он остается верен своей концепции [Кирюшин, 1988, с. 60; 1991, с. 43; 2004, с. 24]. Здесь следует выделить очень важное наблюдение Ю.Ф. Кирюшина о том, что каменный инвентарь могильника имеет архаический облик, а керамическая посуда найдена вне захоронений. Поэтому он считает, что погребения с каменным инвентарем следует относить к ранним этапам (видимо, новокусовскому этапу. – *В.Б.*) энеолита Томско-Тымского Приобья, а керамический комплекс – к ранней бронзе [Кирюшин, 2004, с. 25]. Не позволяют относить погребения с каменным инвентарем к неолиту, по его мнению, отсутствие в могилах вкладышей и составных орудий, а также то, что все орудия сработаны и пришли в негодность [Кирюшин, 2004, с. 24; Кирюшин, Кунгурова, 1996, с. 5–10]. Возможный ответ на первый аргумент – так было определено практикой и обрядом погребения. Вероятно, в этом проявлялась традиция западносибирского неолита, причем его равнинной территории. А то, что составные орудия были в обиходе у населения, свидетельствуют находки вкладышей-бифасов на Новокусовской стоянке [Косарев, 1987, с. 265]. Но пока нет данных для определения уровня развития вкладышевой технологии производства орудий населением так называемого новокусовского этапа в ареале Томско-Нарымского Приобья. Что же касается второго аргумента, то достаточно обратиться к качественным иллюстрациям каменных орудий из погребений СМК в монографии Ю.Ф. Кирюшина [2004, рис. 26–29].

Удревнение эпохи палеометалла Ю.Ф. Кирюшиным восходит к датировке естественно-научными методами афанасьевской культуры Горного Алтая, выделения им большемысской культуры и выявления взаимодействия между населением этих культур. Соответственно, результаты этих исследований легли в основу его концепции о культурно-исторических процессах в лесостепном и лесном Приобье. Суть ее сводится к следующей схеме. В пределах данного географического ареала существовала верхнеобская неолитическая культура, которую на юге сменила большемысская, а на севере новокусовская с двумя этапами (собственно новокусовский и игрековский). Между культурами в Новосибирском Приобье обитало население, оставившее памятники ирбинского типа [Кирюшин, 1988, с. 59–61; и др.]. Но возникает вопрос: а что остается неолитического на территории лесостепного Алтая при отрицании су-

существования кузнецко-алтайской культуры, а на севере – верхнеобской, если из нее выведен ряд памятников, включая СМК? Исключение в этой схеме – незначительное количество «новосибирских» памятников, исследованных В.И. Молодиным [1977] и В.А. Захом [2003]. В связи с этим обращу внимание на достаточно аргументированное обоснование принадлежности Иткульского могильника к кузнецко-алтайской культуре, представленное В.И. Молодиным [1999, с. 36–57]. Наконец, обратимся к радиоуглеродным датам могильников Солонцы-5, Лебеди-2, Иткуль, Усть-Иша, Кузнецк [Кунгурова, 2005, с. 57]. Большая часть их совпадает с датами погребений могильника СМК. Они соответствуют IV тыс. до н.э. Как это объяснить? С точки зрения Ю.Ф. Кирюшина [1991, с. 44], «Получилась парадоксальная ситуация: племена, живущие рядом, вступающие между собой в различные контакты, в том числе и брачные, относились к различным историческим периодам». Нет ничего удивительного в существовании контактов народов с разным уровнем социально-экономического развития. На периферии ранних государств существовали общества первобытно-общинной формации. Это яркий пример неравномерности исторического развития. Что же касается археологической периодизации, то в ее основе – материал для производства орудий, а не история.

Изложенные, вероятно не все, аргументы и логические заключения позволяют вновь вернуться к проблеме хронологической принадлежности могильника СМК и памятников с однотипным материалом. Как и А.Г. Марочкин [2014, с. 25], предполагаю, что время его функционирования относилось к финальному неолиту. Разумеется, это не окончательное утверждение. Не весь каменный инвентарь погребального комплекса памятника СМК представлен в данной статье. В.И. Матющенко обосновал влияние на верхнеобскую культуру достижений прибайкальского неолита, но она, тем не менее, сохраняла западносибирский колорит. И это влияние шло через культуру Красноярской лесостепи. Не являются ли находки на Тамбарском водохранилище следом этого влияния? Маркером его может стать нефритовый топор-тесло, идентичный китойским. Развитие в более южных районах приобской лесостепи пошло по иному сценарию, что привело к формированию кузнецко-алтайской культуры. Проявление байкальской неолитической традиции хотя имело разный характер, но привело к некоторой общности в морфологии и технологии производства каменных ножей, вероятно, и других орудий двух локальных культур лесостепного Приобья.

Библиографический список

- Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969.
- Бобров В.В. Исследования Кузбасского отряда в 1983 году // АО 1983 года. М., 1985.
- Бобров В.В. Раскопки памятников эпохи бронзы в Кемеровской области // АО 1984 года. М., 1986.
- Бобров В.В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Комплекс андроновской культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

- Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2001.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Бронзовый век лесной полосы СССР. М., 1987.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005.
- Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. I. Томск, 1973 (Из истории Сибири; вып. 9).
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита Западной Сибири. Кемерово, 1999.
- Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.

С.В. Захаров

*Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан*

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Каменный инвентарь ботайской культуры охарактеризован в целом ряде публикаций [Зайтов, 1985; Зайберт, 1993; Плешаков, Зайберт, 1985]. Сырьем для изготовления орудий «кремневого комплекса» служили в основном казахстанские яшмокварциты, макроорудий – кварциты, песчаники, сланцы, гранитные породы, известняки и другие породы. Господствующей является отщеповая техника расщепления камня, основной заготовкой выступает отщеп. Из вторичных техник обработки каменных орудий широко практиковались сплошная бифасальная обработка отжимной ретушью, техники обивки, пикетажа, сверления, шлифовки, пиления, очень редко – техника резцового скола. Немногочисленные пластины представлены случайными сколами без вторичной обработки. Ведущими типами изделий являются бифасальные наконечники, скребки, скребла, ножи, топоры, тесла, перфорированные диски.

Истоки каменной индустрии ботайской культуры В.Ф. Зайберт [1985, с. 14; 1992, с. 122] прослеживает в камнеобработке явленского варианта атбасарской культуры, в рамках которого в конце неолита происходит переход от использования кремневого и яшмового сырья к применению некачественной кварцевой породы и крупнозернистой яшмы, от пластинчатой техники к отщеповой, распространяются двусторонне об-

работанные наконечники, сохраняются традиции изготовления рубящих орудий, хотя отмечается сужение номенклатуры типов. В.Ф. Зайберт [1993, с. 159] отмечает, что ряд категорий ботайского инвентаря являются принципиально новыми, в местном неолите не встречающимися, – это каменные диски, дисковидные скребла. Изменения в каменной индустрии на этом этапе, по мнению В.Ф. Зайберта [1992, с. 117], «...однозначно объяснить трудно. Но очевидно, что доминантой в этом процессе явились внутренние причины – развитие производительных сил общества».

Однако в вопросе эволюции каменной индустрии в неолите-энеолите на территории Северного Казахстана не все столь однозначно, так как существует ряд противоречивых точек зрения на этот процесс, и неоднозначен характер их источниковой основы.

Л.Я. Чалая [1973, с. 200] отмечает в кремневом инвентаре стоянок Иман-Бурлук-1 и Иман-Бурлук-2 использование их обитателями разного сырья: грубого кварцита на Иман-Бурлуке-1 и яшмовидной породы – на энеолитической стоянке Иман-Бурлук-2. На самом поселении Ботай (в восточной его части) также часто встречаются микропластинчатые изделия двух типов – на коричневых кремнях и грубых белых кварцитах, ни технологически, ни по сырью не связанных с энеолитическим комплексом. Налицо серьезная разница между индустриями позднего неолита и энеолита в использовании каменного сырья.

Не прослеживается преемственности и в облике каменной индустрии как между материалами стоянок Иман-Бурлук-1 и Иман-Бурлук-2, так и между двумя комплексами поселения Ботай – собственно ботайским и хронологически предшествующим ему. На стоянке Иман-Бурлук-1 встречены пластины и изделия из пластин, скребки на грубых массивных отщепах, массивные отщепы неопределенных очертаний, нуклеусы для снятия пластин, «утюжок». Для индустрии стоянки Иман-Бурлук-2 характерны: доминирование отщеповой технологии, скребки, сверла, ножи разнообразных форм, ретушированные отщепы, наконечники стрел, дротиков и копий с двусторонней обработкой по всей поверхности, орудия для деревообработки, перфорированные диски, «утюжок», костяные лощила, вкладышевый костяной нож, а также небольшое число пластин. По мнению Л.А. Чалой [1973, с. 200], серьезные отличия в каменной индустрии (и в керамике тоже) стоянок Иман-Бурлук-1 и Иман-Бурлук-2 носят отнюдь не хронологический характер, и «все это вряд ли говорит о преемственности в инвентаре обитателей стоянок, оно отражает более сложные исторические процессы, протекавшие на этой территории в неолитическое время».

В береговых раскопах поселения Ботай выявлен каменный комплекс рубежа неолита-энеолита, состоящий из орудий, выполненных так же, как и на Иман-Бурлук-1, из массивных отщепов. Он состоит из симметричных и асимметричных остроконечников, одно- и двусторонних ножей без обработки, простых и угловатых скребел, треугольных симметричных изделий на плоских отщепах вытянутой формы, с боковыми гранями, подработанными крутой многоступенчатой ретушью, сегментовидных и выемчатых изделий. В.И. Зайтовым [1985, с. 20–21, рис. 2] этот комплекс рассматривается как типологически никак не связанный с ботайским. Противоречит идее преемственности атбасарской и ботайской индустрий и отмеченный В.Ф. Зайбертом [1985, с. 14] факт сужения номенклатуры типов изделий в позднем неолите. Это идет вразрез с тем типологическим разнообразием орудий, которое демонстрируют материалы поселения Ботай.

Таким образом, хронологически предботайские каменные комплексы очень сильно отличаются от ботайских как по сырью, так и по каменной технологии и ассортименту орудий. Поэтому стоит проанализировать ту источниковую основу, которая позволила В.Ф. Зайберту сделать вывод о постепенной эволюции пластинчатой индустрии атбасарской культуры в ботайскую отщепового облика.

В первую очередь наше внимание привлекают стоянки явленского варианта атбасарской культуры [Зайберт, 1992, с. 25–36], так как именно их материалы, по мнению В.Ф. Зайберта [1992, с. 117–124], становятся доминирующими на территории Северного Казахстана с эпохи среднего неолита, и именно на материалах стоянок явленского варианта им прослеживается эволюция пластинчатой микролитической вкладышевой каменной индустрии в отщеповую, явившуюся исходной для формирования ботайской камнеобработки. На основе исследования неолитических памятников Явленского микрорайона В.Ф. Зайбертом [1992, с. 35–36] выделены четыре хронологических группы памятников, отличающихся характером каменного инвентаря.

I группа (Явленка-II, Мичуринская-I, Боголюбово-II). Индустрия отличается совершенной микролитической техникой ... Широко развита резцовая техника (угловые резцы, боковые и срединные), сверла, проколки, резчики, пластины с притупленным краем. Незначительным количеством представлены скребки на отщепах и пластинах.

II группа (Явленка-VI, VII, Карлуга-III, Боголюбово-III). Технология характеризуется постепенным укрупнением составных частей вкладышевых орудий и самих пластин ... Появляются макроформы – двусторонне обработанные наконечники копий, крупные ножи и скребла на отщепах, скобели на крупных пластинах и отщепах, единичные крупные симметричные трапеции ...

III группа (Явленка-IV–V, Карлуга-IV, Боголюбово-II, Булаево-I и др.). В технологии постепенно исчезает вкладышевая традиция. В качестве заготовок для орудий чаще используются целые или проксимальные части пластин длиной 5,7 см и шириной до 2,5–3 см. Среди орудий преобладают пластины с ретушью, скребки на пластинах и отщепах. Резцовых форм, сравнительно со II группой, немного. Широко распространяются наконечники стрел листовидной и иволистной формы с двусторонней обработкой ...

IV группа (Явленка-III, Мичуринское-I (поздний комплекс), Новоникольское-V, Боголюбово-I и др.). Характерный облик коллекций составляют орудия на отщепах (скребки, скобели, ножи, наконечники стрел). Изделия на пластинах представлены экземплярами с ретушью, единичными скобелями, проколками. Типы наконечников – черешковые, с выемкой в основании, с прямым или округлым насадом» [Зайберт, 1992, с. 35–36].

Раскопами исследованы только стоянки Явленка-III, IV, V, VI, VII. На остальных памятниках демонстрируются сборы с их поверхности. На стоянке Явленка-III культурный слой разрушен современными ямами. Стоянка Явленка-IV разрушена оползнями. Культурный слой сохранился лишь на площади около 20 кв. м. Основная масса происходящих из него орудий – на пластинах. На отщепах – всего один наконечник, скребки и отщепы с ретушью [Зайберт, 1992, с. 27, 29]. На стоянке Явленка-V культурный слой не нарушен, инвентарь залегал компактной группой. Этот памятник с ненарушенным культурным слоем демонстрирует наличие только пластинчатой индустрии. Большинство отщепов – отходы производства, а не орудия [Зайберт, 1992, с. 29, 31]. Основная часть культурного слоя стоянки Явленка-VI разрушена оврагом. Основной комплекс орудий из непотревоженного участка культурного слоя пред-

ставлен нуклеусами для снятия пластин, пластинами и изделиями из них, отщепами. Крупные орудия на отщепах залежали отдельной группой в небольшом углублении. Орудия из отщепов массивные (ножи 5–11 см длиной, один – на широком отщепе (7,6 см)), обработка ретушью слабая, только по краю. Скребки также массивные, толщиной до 2,4 см [Зайберт, 1992, с. 31–32, 34]. Культурный слой стоянки Явленка-VII сохранился лишь на площади в 15 кв. м. Основная масса орудий изготовлена на пластинах. Орудий из отщепов мало – всего один массивный скребок длиной 7,4 см [Зайберт, 1992, с. 158, табл. 2.-31], один наконечник листовидной формы [Зайберт, 1992, с. 158, табл. 2.-32], несколько сколов с нерегулярной ретушью [Зайберт, 1992, с. 34–35]. Есть одна макроформа – это топор, оббитый с двух сторон, с частичной пришлифовкой [Зайберт, 1992, с. 158, табл. 2.-33]. Основная масса отщепов – отходы.

Таким образом, в Явленском микрорайоне из пяти памятников, исследованных раскопами, на четырех (Явленка-III, IV, VI, VII) культурный слой нарушен либо представлен тонкими прослойками на небольшой площади. На стоянках с уцелевшим культурным слоем абсолютно доминирует пластинчатая техника обработки камня. Остальные хронологические группы стоянок выделены типологически. Причем в основе типологии лежат комплексы с памятников с нарушенным культурным слоем, ранжированные исходя из тезиса об автохтонной эволюции пластинчатой индустрии в отщеповую.

Выделенные В.Ф. Зайбертом [1992, с. 35–36] хронологические каменные комплексы в Явленском микрорайоне распространения памятников атбасарской культуры страдают существенным недостатком: в них включены орудия разного хронологического и индустриального характера. Об этом свидетельствует и факт нахождения на стоянках костей домашних животных (лошадь, крупный рогатый и мелкий рогатый скот) [Зайберт, 1992, с. 130], распространение которых достоверно зафиксировано на памятниках Казахстанского Приишимья только в энеолите – бронзе.

Двусторонне обработанные наконечники стрел и копий, выполненные на отщепах, являются органической частью отщеповой технологии камнеобработки. В лесной полосе Восточной Европы они появляются только с распространением самой отщеповой технологии. Вместе с тем В.Ф. Зайберт, выделяя хронологические группы неолитических памятников Казахстанского Приишимья, помещает их, наряду с ножами на отщепах, в каменные комплексы с пластинчатой индустрией – стоянки II группы (Явленка-VI–VII, Карлуга-III, Боголюбово-III) и III группы (Явленка-IV–V, Карлуга-IV, Боголюбово-II, Булаево-I), причем в разнохарактерные пластинчатые комплексы, характеризующиеся вкладышевой техникой (стоянки II группы) и отсутствием вкладышевой техники, но с основой на крупных массивных пластинах (стоянки III группы). То есть одни и те же типы орудий характерны для комплексов, которые типологически чужды друг другу.

Вместе с тем и в Явленском, и в Тельмановском микрорайонах существуют неолитические комплексы, в которых бифасов – наконечников и ножей – вообще нет. На неолитических стоянках у г. Булаево и у с. Медвежка наконечников-бифасов не обнаружено, только пластинчатый инвентарь, скребки на отщепах и отщепы без обработки [Зайберт, Плешаков, Зайтов и др., 1976]. В мастерской Тельмана-I, где присутствует только неолитическая керамика с примесью травы, обнаружены 20 наконечников стрел. Все они изготовлены на пластинах, и нет ни одного бифаса на отщепе. В бесспорно неолитическом комплексе стоянки Тельмана-VIII также встречены только пластинчатые наконечники [Зайберт, 1977]. Вместе с тем двусторонне обработан-

ные наконечники, обнаруженные на стоянках Тельмана-XI, XII, XIII, XV, XVIII, происходят из сборов, как и орудия из пластин [Зайберт, Плешаков, Заитов и др., 1976], и достоверность их принадлежности к пластинчатому комплексу сомнительна.

Эти наблюдения показывают, что, основываясь только на схеме развития каменной индустрии в неолите – энеолите Казахстанского Приишимья, предложенной В.Ф. Зайбертом, невозможно проследить истоки ботайской камнеобработки как в атбасарской культуре, так и вне ее. Поэтому ввиду характера состояния источниковой базы для решения проблемы распространения в Казахстанском Приишимье отщеповой каменной индустрии считаем необходимым: во-первых, изучать вопрос в тесной связи с историей развития каменных индустрий в неолите – энеолите в культурных образованиях сопредельных территорий с целью выявления общих тенденций в их трансформациях; во-вторых, прояснить вопрос о том, возможна ли в принципе постулируемая рядом исследователей внутренняя, без влияния извне, трансформация пластинчатой индустрии в отщеповую; в-третьих, выяснить, существовали ли в неолите культуры, характеризующиеся только отщеповой технологией раскалывания камня, если да, то имеют ли они какое-либо отношение к процессам, происходившим на территории Казахстанского Приишимья. И только после решения этих проблем, как нам кажется, можно будет с достаточной долей уверенности (и, опираясь на археологические факты и эмпирическое обобщение) судить о факторах формирования каменной технологии ботайской культуры.

Библиографический список

- Заитов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Зайберт В., Плешаков А., Заитов В., Кисленко А., Даниленко Т. Разведочные работы в Северном Казахстане // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.
- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.
- Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Зайберт В.Ф. Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
- Плешаков А.А., Зайберт В.Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

С.В. Захаров

*Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан*

ИСХОДНЫЙ АРЕАЛ ДРЕСВЯНОЙ РЕЦЕПТУРЫ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС БОТАЙСКОЙ КЕРАМИКИ

Как считает А.А. Бобринский, традиции керамического производства самым непосредственным образом соотносятся с культурными особенностями древнего населения. Передаваясь по наследству из поколения в поколение, эти традиции делают керамику ин-

дикатором «... различных групп населения, образованных на основе кровного родства» [Бобринский, 1978, с. 242]. И особое значение в деле реконструкции культурных процессов придается именно анализу исходного сырья и формовочных масс, характерных для керамики тех или иных памятников, и их изменений [Бобринский, 1978, с. 224].

Данные по технологии производства ботайской керамики обобщены В.С. Мосиным [2003, с. 54–57]. В формовочные массы неорнаментированных сосудов и сосудов с гребенчатым орнаментом к местной ожелезненной глине добавлялось от 25 до 35% отошителя в виде дресвы. Керамика с веревочной орнаментацией содержала 30–35% дресвы. В основном это кварц и кварцит. Размеры частиц дресвы в глиняном тесте веревочной керамики достигают 7 мм, они плохо окатанные, поэтому поверхность сосудов шероховатая, занозистая от выступающих зерен дресвы.

В задачу нашей работы входит поиск в неолите и раннем энеолите исходного ареала использования в качестве отошителя дресвы, что с учетом традиционности керамических технологий поможет определить истоки рецептуры формовочных масс ботайской керамики. Это исследование является частью работы по решению проблемы истоков ботайской керамики и культуры в целом.

Керамика неолитических стоянок всех периодов атбасарской культуры изготовлена с примесью песка, песка и дресвы, песка и растительности или песка, дресвы и растительности. Постоянной примесью является песок, который сочетается как с дресвой, так и с растительной примесью [Зайберт, 1992, с. 35, 41, 46, 62, 70, 73, 75]. По примесям к глиняному тесту песка и растительности она близка посуде кельтеминарской и оюклинской культур [Виноградов, 1981, с. 66, 70; История Казахстана, 1996, с. 89]. Дресва в глиняном тесте керамики неолитической стоянки Иман-Бурлук-1 естественного происхождения, входящая в состав глиняного сырья [Чалая, 1973, с. 191].

О том же, что неолитическое население со стоянки Иман-Бурлук-1 использовало глину с примесью дресвы непреднамеренно, т.е. чтобы не добавлять в нее специально искусственную дресву, свидетельствуют два факта: 1) добавление населением стоянки Иман-Бурлук-2 в ту же глину искусственной дресвы; 2) добавление в глину растительной примеси, что свидетельствует о стремлении неолитического населения изготавливать керамику с совершенно другими свойствами, чем керамика с неорганическими (в данном случае, дресвяной) примесями. Органический отошитель растительного происхождения обеспечивает лучшие связующие свойства глиняных масс, придает пористость черепку и поэтому облегчает сосуды, но увеличивает при этом водопоглощение. «Отошитель такого рода пластичен в работе и не требует сложных расчетов» [Сайко, 1982, с. 71]. Получаемый хрупкий и пористый черепок, как отмечает Ф. Зингер, «зачастую ... гораздо устойчивее к резким температурным колебаниям» (цит. по: [Сайко, 1982, с. 73]). Неорганические отошители, в том числе крупнозернистый кварцит, уменьшают воздушную усадку при сушке и обжиге изделий и, что важно для нашего случая, наоборот, снижают влагопроницаемость [Сайко, 1982, с. 12–11], черепок становится плотным и звонким. Таким образом, можно предполагать естественное происхождение дресвяной примеси в остальной керамике атбасарской культуры, а искусственными считать другие примеси – растительную и песчаную.

Для керамики Ботая и Иман-Бурлука-2 фиксируется, помимо естественной гранитной, и искусственная примесь кварцитово-дресвы [Чалая, 1973, с. 197]. К тому же для ботайской керамики не характерно применение примеси песка и растительных добавок.

Примесь дресвы, наряду с шамотом, песком, толчеными раковинами, встречена в кельтеминарской керамике развитого неолита со стоянки Джанбас-Кала-4 [Массон, 1966, с. 139–140]. Однако для керамики других стоянок характерны только растительная примесь, песок и шамот [Массон, 1966, с. 66, 70, 89, 93, 105, 107].

В лесном Зауралье дресва из песчаника добавлялась в формовочные массы козловской керамики, но применялись и другие отошители – шамот и птичий помет [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51]. В более позднее время сосуды с примесью дресвы встречены только на двух стоянках – Юрьинская и Стрелка – и в целом для Зауралья не характерны, так как в основном здесь применялись тальк и песок [Старков, 1980, с. 109–111, 126–127, с. 112, табл. 4, с. 128, табл. 8].

Дресва применялась при изготовлении сосудов верхневолжской культуры с накольчато-отступающей орнаментацией, но и здесь так же, как и в уже рассмотренных выше случаях, керамика лепилась и с примесью шамота, песка, птичьего помета, иногда растительной или ракушечной примесью [Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, 1981, с. 10; Смирнов, 1986, с. 36].

Население памятников следующих за верхневолжской культурой этапов неолита Волго-Окского междуречья и соседних с ним территорий, часто объединяемых понятием «культура ямочно-гребенчатой керамики», имело устойчивую рецептуру формовочных масс. Ее ядро составляло использование одного искусственного отошителя – дресвы, гранитной либо кварцевой. Единственным отклонением было использование песка, часто крупнозернистого, что можно рассматривать как заменитель дресвы.

Рассмотрим конкретные примеры. Ямочно-гребенчатая керамика стоянок балахнинской культуры нижнего течения Оки первого (стоянки Малоокуловская, Гавриловка-II, местонахождения у дер. Сокорка и у с. Линда, нижний горизонт стоянки Садовый Бор) и второго (нижний горизонт стоянок у с. Панфилово и с. Волово, стоянки Плеханов Бор, у дер. Желнино и две у дер. Гавриловка (Гавриловка с могильником и Гавриловка-IV), Большекозинская, Балахнинская, Моховогорская, Сонино и др.) периодов (по И.К. Цветковой) изготавливалась исключительно из глины с примесью дресвы, и только на памятниках третьего этапа (Гавриловка-III, Сейма, Решетиха-II) она изготавливалась из рыхлой глины с растительными примесями, что объясняется волосовским влиянием [Цветкова, 1963, с. 57, 59, 71, 73, 75–76, 80].

Гребенчато-ямочная керамика стоянок Серково-I Горьковской области, Сокольская-I Ивановской области [Гаврилова, 1963, с. 50, 52; Крижевская, 1963, с. 30–31], вся льяловская и протоволововская керамика Вашутинской стоянки [Гадзяцкая, Уткин, 1989, с. 137], ямочно-гребенчатая керамика поселения Польцо Ярославской области [Никитин, 1975, с. 124–125, 135] изготовлены только с примесью дресвы.

Дресва выступала единственным искусственным отошителем формовочных масс льяловской керамики поселения Маслово Болото-7, Бисерово-восточная и Бисерово-северная, а также других стоянок Маслово Болота – МБ-1, 2, 7, 11, 14–16, 21 Западной Мещеры [Сидоров, 1986, с. 130, 135].

10% льяловской керамики стоянок Святое озеро-I и II на оз. Шатура [Сидоров, 1975, с. 108], часть льяловской керамики стоянок в верхнем течении Москва-реки (1-й Звенигородская, Бережковская и другие) изготовлена с примесью дресвы, причем со временем ее доля (относительно другого отошителя – песка) все нарастает и становится основной [Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1959, с. 249–250, 252]. Позднельяловская ямочно-гребенчатая ке-

рамика стоянки Яга-II близ Вашутинского озера также имеет примесь крупной и мелкой дресвы [Уткин, 1991, с. 147]. Дресву содержали сосуды древней ямочно-гребенчатой керамики (ранний этап рязанской культуры) стоянки Владычинская-Береговая-I [Цветкова, Кравцов, 1982, с. 84], сосуды с лапчатой орнаментацией стоянки Лопачи Владимирской области и с других поселений рязанской культуры в Окском поречье: Борковское-I и II, Белоомут, Борок, Черепки, Коренец-I, Шумаш, Ловецкий городок и др. [Зими́на, 1963, с. 279, 282]. Частично с примесью дресвы изготовлены ямочно-гребенчатая с круглой ямкой, ромбоямочная, лапчатая керамика стоянки Красное-V, гребенчато-ямочная и лапчатая – стоянки Красное-X на Верхней Оке [Смирнов, 1986а, с. 8–10, 13, 15].

В Верхнем Подесенье ромбоямочная керамика раннеэолитической стоянки Свенская, посуда стоянок развитого неолита – Партизанское, Луневое, Жмуровский Сад, Орлик, Бельнец, Мыс Очкинский, Черепеньки, Холм, Витховка, Пионерская, украшенная ромбической, округлой ямками и разнообразными вдавлениями, лепилась из глины с примесью дресвы или крупнозернистого песка [Третьяков, 1985, с. 5–7]. Основными примесями лапчатой керамики стоянок Бесец-I, III, Бельнец-I, II, IV на левом берегу Десны на территории Брянской области служили песок и кварц [Смирнов, 1979, с. 134], и частично – на стоянках Устье Свени-II, Устье-Ревна-II, Устье-Ревна-IV [Смирнов, 1982, с. 71–72, 74–76].

В раннем неолите применение дресвы характерно для керамики культур сперрингс и срязниеми I, распространенных на территории Финляндии, Норвегии, Карелии, Кольского полуострова [Титов, 1970, с. 225; Гурина, 1986]. Ямочно-гребенчатая керамика с примесью дресвы изготавливалась на стоянках Карелии [Панкрушев, 1975, с. 201], в Заонежье [Журавлев, 1986], на стоянках бассейна р. Мсты [Зими́на, 1981, с. 123–124]. Продолжала дресва использоваться в Заонежье и в энеолите, так как волосовское население сюда не проникло [Журавлев, 1986, с. 143].

Керамику с примесью дресвы на памятники Лубанской равнины в Восточной Прибалтике приносит также волго-окское население [Лозе, 1984, с. 31–32].

Перечисление памятников культуры ямочно-гребенчатой культуры, где при изготовлении керамики применялась рецептура глина+дресва, можно продолжать и продолжать.

Таким образом, дресва в качестве примеси к глиняному тесту сосудов встречается в керамическом материале атбасарской и верхневолжской культур. Эпизодическое применение дресва находила в керамическом производстве населения лесного Зауралья, Среднеазиатского междуречья.

Во всех этих случаях дресва применялась для отошения формовочных масс наряду с широким спектром других примесей: шамота, песка, птичьего помета, растительности, ракушки. Причем на памятниках отмечены частые случаи их сочетания в глиняном тесте. То есть для верхневолжской, атбасарской, кельтеминарской культур и памятников Зауралья можем констатировать отсутствие традиции применения в керамическом производстве чистых дресвяных рецептов формовочных масс.

И только в культурах раннего неолита сперрингс и срязниеми I Скандинавского и Кольского полуостровов и Карелии, пожалуй, впервые (по нашим данным) распространяется применение чистых дресвяных рецептов, причем и для производства керамики с веревочной орнаментацией. На втором этапе раннего неолита и в последующие стадии нового каменного века традиция примешивать в формовочные массы исключи-

тельно дресву широко распространяется по лесной зоне Восточной Европы от Верхнего Поднепровья на западе до Среднего Поволжья на востоке. Этот процесс был связан с экспансией населения культуры ямочно-гребенчатой керамики, происхождение которой ряд исследователей (Д.А. Крайнов, Н.В. Лобанова и А.П. Журавлев) связывают с миграцией из северо-западных районов России (Карелии и др.) [Косорукова (Кандакова), 1992, с. 302]. Причем применение в качестве основного отошителя дресвы было свойственно практически всем вариантам культуры ямочно-гребенчатой керамики: льяловской, балахнинской, рязанской, белевской культурам, памятникам северо-запада и др. Длительность же ее применения зависела от конкретных историко-культурных процессов и культурного окружения. В районе Верхнего Подесенья, Посожья, Верхнего Поднепровья, Верхней и Средней Оки, в зоне контакта с населением иных культурных общностей и керамических традиций керамика ямочно-гребенчатой культуры изготавливается уже с применением сложных рецептов (дресва+органика, дресва+песок), или уже на втором этапе существования дресва заменяется другим отошителем (например, рязанская культура, где вместо дресвы стал использоваться песок).

В глубинных районах Волго-Окского междуречья и более северных территориях чистые дресвяные рецепты применялись на всем протяжении истории населения культуры ямочно-гребенчатой керамики, включая энеолит, и даже на части памятников протоволосовского этапа (Вашутинская стоянка), когда зарождается традиция гребенчато-ямочной орнаментации. За исключением волосовских и фатьяновских памятников рецептура глина+дресва использовалась местным финно-угорским населением вплоть до X–XII вв. н.э. [Голубева, 1962, с. 66], т.е. до славянской и тюркской ассимиляции. В большинстве случаев на протяжении неолита – раннего средневековья использовалась гранитная и кварцевая дресва. К сожалению, объем статьи не позволяет привести соответствующую библиографию.

Использование чистых дресвяных масс на основе кварца в непосредственно предшествующее энеолиту время только населением культуры ямочно-гребенчатой керамики позволяет нам сделать закономерный вывод о том, что именно гончарные традиции этой культурной общности являются единственным источником для формирования аналогичных традиций в керамическом производстве ботайской культуры Северного Казахстана. Этот вывод на первый взгляд может показаться невероятным. Однако он тесно коррелируется с выявленными нами аналогиями в материалах памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики веревочной техники орнаментации, ведущих форм посуды, ряда других морфологических и технических черт ботайских сосудов, а также каменной индустрии [Захаров, 2012].

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
- Гаврилова И.В. Неолитическая стоянка у дер. Серково // Труды Горьковской археологической экспедиции (Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья). М., 1963 (МИА; №110).
- Гадзяцкая О.С., Уткин А.В. Новые раскопки Вашутинской стоянки // Советская археология. 1989. №1.
- Голубева Л.А. Археологические памятники веси на Белом Озере // Советская археология. 1962. №3.
- Гурина Н.Н. О некоторых общих элементах культуры древних племен Кольского полуострова и их соседей // Палеолит и неолит. Л., 1986.

- Журавлев А.П. Поселение с керамикой льяловского типа в Заонежье // Советская археология. 1986. №1.
- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.
- Захаров С.В. Исходный ареал культуруобразующих признаков североказахстанского энеолита (анalogии и параллели) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень, 2012.
- Зими́на М.П. Неолит бассейна р. Мсты (публикация материалов). М., 1981.
- Зими́на М.П. Стоянка Лопачи // Советская археология. 1963. №1.
- История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 4 т. Т. 1. Алматы, 1996.
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
- Косорукова (Кандакова) Н.В. Совещание по проблеме «ранний неолит лесной и лесостепной зон СССР и его генезис» (Ленинград, 1990) // Российская археология. 1992. №2.
- Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Советская археология. 1981. №2.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // Советская археология. 1977. №3.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Новые памятники льяловской культуры // Советская археология. 1959. №1.
- Крижевская Л.Я. Неолитическая стоянка Сокольская I на Волге // Труды Горьковской археологической экспедиции (Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья). М., 1963 (МИА; №110).
- Лозе И.А. Памятники гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Массон В.М. Неолитические охотники и собиратели // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. Этногенез уральских народов). Челябинск, 2003.
- Никитин А.Л. Многослойное поселение Польцо // Советская археология. 1975. №3.
- Панкрушев Г.А. Турбинская керамика на древних поселениях Карелии // Советская археология. 1975. №3.
- Сайко Э.Ф. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- Сидоров В.В. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // Советская археология. 1986. №4.
- Сидоров В.В. Стоянки на озере Святом у Шатуры // Советская археология. 1975. №3.
- Смирнов А.С. Неолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец // Советская археология. 1979. №2.
- Смирнов А.С. Белевская культура (проблемы неолита Верхней Оки) // Советская археология. 1986. №4.
- Смирнов А.С. Новые неолитические памятники брянского Подесенья // Советская археология. 1982. №2.
- Смирнов А.С. О раннем неолите Верхнего Поднепровья // Советская археология. 1986. №1.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит Лесного Зауралья. М., 1980.
- Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа сперрингс // Советская археология. 1970. №1.
- Третьяков В.П. Неолит Верхнего Подесенья // Советская археология. 1985. №2.
- Уткин А.В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера // Советская археология. 1991. №3.
- Цветкова И.К. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // Труды Горьковской археологической экспедиции (Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья). М., 1963 (МИА; №110).
- Цветкова И.К., Кравцов А.Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I // Советская археология. 1982. №2.
- Чалай Л.А. Позднеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БОЛЬШЕМЫССКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были не известны, поэтому каждый новый объект археологического наследия этого времени существенно расширяет круг источников по этому периоду в древнейшей истории Алтая.

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013]. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, 2014]. В площадь раскопа попали части трех долговременных жилищ, в которых обнаружено несколько десятков тысяч артефактов (изделия из камня и кости, керамика). Анализ найденных в первом горизонте костей животных (более 30000) позволяет уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014].

Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). Для первого горизонта жилища №1 получены две радиоуглеродные даты 4290±95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320±100 л. т.н. (СОАН-9043), что позволяет датировать материалы памятника серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. [Кирюшин К.Ю., 2014]. Калибровка дат почти на тысячу лет удревает время формирования этого слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2% probability) и по сигме 2 (95,4% probability) составил 800 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого временного промежутка. С учетом калибровки радиоуглеродных дат можно датировать материалы этого комплекса 1-й половиной III тыс. до н.э.

Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим памятником с большим количеством жилищ, хозяйственных и столбовых ям. Работа по выяснению хронологии и периодизации каждого объекта потребует тщательного анализа археологических коллекций и радиоуглеродного датирования.

Керамические коллекции поселения Новоильинка-VI очень оригинальны и, имея черты несомненного сходства, выделяются из массива имеющихся данных по неолиту и энеолиту степного, лесостепного Алтая и Верхнего Приобья. Главное отличие керамики поселения Новоильинка-VI от синхронных памятников Алтая заключается в ярко выраженном «геометризме». Скорее всего, это связано с расположением поселения в своеобразной буферной зоне между «гребенчато-ямочными культурами» западно-сибирского или урало-сибирского типов (байрыкского, екатерининского, кипринского и т.д.) и «геометрическими» казахстанского типа (ботайской и терсекской) [Кирюшин К.Ю., 2015а, с. 155]. Наиболее распространенный орнаментальный прием керамики памятника – отпечатки «отступающей палочки» с элементами накальвания, которые сочетаются с рядами ямок [Кирюшин К.Ю., 2015а, рис. 1-2]. Посуда, орнаментированная подобным образом,

составляет основу керамического комплекса поселения Новоильинка-III, которое находится в 300 м к западу от памятника Новоильинка-VI [Кирюшин К.Ю., 2015б].

Отступающе-накольчато-ямочная керамика присутствует в археологических коллекциях поселений Барнаульско-Бийского Приобья Киприно и Иня-III (Топотушка) [Комарова, 1956; Кирюшин, Шмидт, Грушин, 2001]. Мы уже отмечали, что материалы поселений Новоильинка-II, Киприно и Иня-III (Топотушка) принадлежат к единой культурной традиции и относятся к эпохе энеолита [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2013]. В настоящее время этот список можно расширить, включив в него поселение Северной Кулунды Новоильинка-VI и памятники Барнаульско-Бийского Приобья – поселение Бойниха-I [Кирюшин, Фролов, Редников, 2014; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015] и грунтовый могильник Тузовские Бугры-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015].

Коллекция большемысской керамики, найденная на поселении Новоильинка-VI, немногочисленна (56 экз.), но достаточно выразительна. Большемысская керамика обнаружена в первом горизонте на всей площади раскопа, но наибольшая концентрация (36 экз.) отмечена в юго-западной части раскопа, где выявлена часть жилища №3.

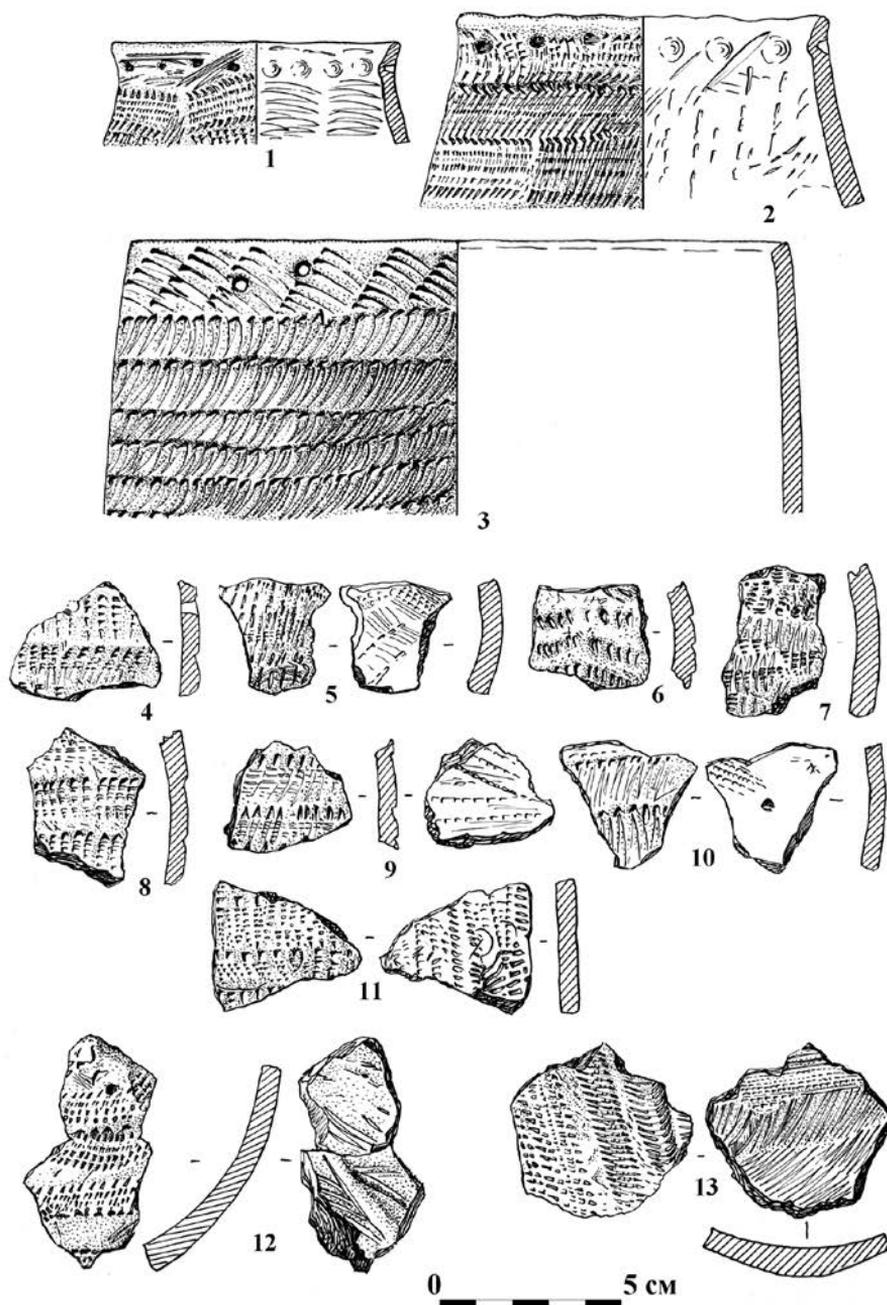
Судя по составу теста, толщине стенок и характеру орнамента, коллекция представлена фрагментами от 4–5 сосудов (см рис.). Обнаруженные венчики позволяют частично реконструировать форму двух сосудов (рис.-1–2). Это небольшие, можно даже сказать, миниатюрные, тонкостенные горшки (толщина стенок у первого – 3,5–4 мм, у второго – 4–4,5 мм), с хорошо профилированным отогнутым наружу венчиком, орнаментированным рядом наколов (ямок) (рис.-1–2). Внешняя поверхность обоих фрагментов декорирована отпечатками короткого гребенчатого штампа, образующего горизонтальные ряды шагающей гребенки. Отпечатки гребенчатого штампа сильно затерты и при поверхностном осмотре воспринимаются как гладкая качалка. Использование в качестве орнамента гребенчатого штампа хорошо заметно только при помощи увеличительных приборов.

Гладкой качалкой украшены семь фрагментов тулова сосуда среднего размера (рис.-3). Обнаруженные фрагменты дают представление о средней части тулова профилированного сосуда с толщиной стенок 6 мм. Имеющиеся экземпляры декорированы горизонтальными и диагональными рядами гладкой качалки (рис.-3). Керамика, идентичная по технике орнаментации и построению орнаментальной схемы, находит многочисленные аналогии в материалах большемысской культуры Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин Ю.Ф., 2002].

24 фрагмента керамики мелкого размера являются фрагментами тулова и декорированы отпечатками короткого гребенчатого штампа (рис.-4–11). Отпечатки в различной степени затерты. В большинстве случаев следы гребенчатого штампа визуально фиксируются четко (рис.-4, 7, 8–9, 11), а в ряде случаев воспринимаются как гладкая качалка (рис.-5, 10) или даже насечки (рис.-6).

Два фрагмента от придонной части апплицируются (рис.-12). Они орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, сильно затертого и воспринимающегося как гладкая качалка, сильно профилированы. Толщина стенок плавно увеличивается с 5 до 7 мм. Еще один сильно профилированный фрагмент, орнаментированный аналогичным образом (рис.-13), является, по всей видимости, округлым днищем сосуда.

Стоит отдельно отметить, что вся керамика имеет плотное однородное тесто. В сломках сосудов визуально не заметно следов органики (пуха, волоса, травы и пр.).

Поселение Новоильинка-VI: 1-13 – керамика большемысской культуры

Большемысская энеолитическая культура была выделена одним из авторов статьи в 1986 г. по материалам поселений Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин Ю.Ф., 2002], с чем согласилось большинство исследователей. Во многом это связано с тем, что большемысская керамика, несмотря на кажущуюся простоту формы, техники на-

несения орнамента и орнаментальную схему, достаточно своеобразна, выразительна и за счет этого четко выделяется среди посуды неолита и энеолита Алтая и сопредельных территорий. Включение Ю.Ф. Кирюшиным в состав этой культуры могильника Большой Мыс, который до этого исследователи относили к алтайско-кузнецкой неолитической культуре, вызвало оживленные дискуссии, которые продолжаются до сих пор. Это во многом связано с тем, что в ранних погребениях Барнаульско-Бийского Приобья отсутствует такой важный этнокультурный индикатор, как керамика.

Со временем территориальные рамки большемысской культуры расширились за счет открытия и исследования поселений в Кемеровской области [Бобров, 1999] и на Средней Катуни [Кирюшин, 2002, с. 31, рис. 60; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 56–63, рис. 82–100]. Кроме поселений, увеличивалось количество могильников, которые, по мнению части исследователей, относились к большемысской культуре.

Авторами было предложено добавить к списку признаков, характерных для погребальных памятников большемысской культуры, такие, как нахождение в межмогильном пространстве фрагментов керамики [Кирюшин, Волков, Пугачев и др., 2006, с. 223] и трасологически выявленные следы обработки металлическими орудиями на артефактах из погребений [Кирюшин Ю.Ф., Волков, Кирюшин К.Ю. и др., 2006, с. 22–24]. Особую критику у коллег вызвало включение в список признаков нахождение в межмогильном пространстве фрагментов большемысской керамики [Марочкин, 2009, с. 124]. Можно согласиться с критикой оппонентов, что данное положение является дискуссионным, но, по нашему мнению, оно не просто имеет право на существование, но в некоторых случаях может иметь существенное значение в решении проблем культурной принадлежности того или иного памятника.

В решении проблем реконструкции этнокультурных процессов на территории Алтая в эпоху энеолита большое значение могут иметь материалы грунтового могильника Тузовские Бугры-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт и др., 2011; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт и др., 2012]. Анализ предметного комплекса, находок из межмогильного пространства, планиграфии и стратиграфии грунтового могильника Тузовские Бугры-I позволяет сделать вывод, что на одном сакральном пространстве локализованы различные по времени и по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья на протяжении неолита и энеолита входила в зону контактов различных культурных образований [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015, с. 51–67].

Данное обстоятельство особенно заметно на примере находок, сделанных в могиле №7, которая зафиксирована в юго-восточной части раскопа. Заполнение ни планиграфически, ни стратиграфически по своему составу не отличалось от состава культурного слоя и представляло собой светло-серую супесь. Примерные размеры могилы – 1,4 x 2,15 м (длинная ось ЮЗ–СВ). Могила №7 была нарушена могилами №5 (восточный угол), №29 (южный угол) и, может быть, могилей №11 (западный угол). В 0,35 м к северу от могилы №7 на глубине 0,3 м были найдены челюсти собаки. В заполнении могилы на глубине 0,5–0,6 м в центральной и северо-западной ее частях обнаружены лежавшие в беспорядке кости рук, две бедренные кости, ребра и позвонки. Среди костей лежали каменный пест и обломок костяного гарпуна, фрагменты керамики раннего облика [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015, рис. 6.-1–3] и отщепы. На дне могилы, на глубине 0,65 м от современной поверхности, у юго-западной стенки лежали сохранившиеся в анатомическом

порядке кости ног взрослого человека. Судя по ним, погребенный был уложен в могилу на спине вытянуто, головой на северо-восток. К юго-востоку от них найдены бедренные кости второго человека: левая – у юго-восточной стенки, правая сдвинута в южный угол. Севернее них, у средней части юго-восточной стенки обнаружены лежавшие в анатомическом порядке лучевые кости левой руки. Остатки второго погребенного лежали, видимо, так же, как и первого: на спине вытянуто, головой на северо-восток. Есть все основания полагать, что мы имеем дело со вторичным погребением.

22 фрагмента тонкостенного сосуда (толщина стенок – от 0,25 см в районе венчика до 0,5 см в придонной части) из заполнения могилы №7 позволяют реконструировать верхнюю часть сосуда с диаметром венчика 12 см, тулова – 13 см. Сохранившаяся часть составляет в высоту 11 см, но, судя по всему, его изначальная высота – около 13–13,5 см [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015, рис. 6.-1]. Это сосуд открытой формы, высота которого примерно равна ширине или чуть больше, со слегка отогнутым наружу венчиком, у которого максимальное расширение приходится на нижнюю треть. Форма днища предположительно остродонная или приостренная. Вся поверхность сосуда орнаментирована отпечатками короткого гребенчатого штампа, образующими ряды шагающей гребенки. Внутренняя поверхность венчика украшена отпечатками короткого гребенчатого штампа. Подобная керамика характерна для поселенческих комплексов большемысской энеолитической культуры Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 16–18, рис. 2–11] и Средней Катуня [Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 31, рис. 60; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 56–63, рис. 82–100].

Остальные фрагменты керамики толщиной 0,5–0,65 см, принадлежащие, скорее всего, одному сосуду, декорированы в совершенно иной манере [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015 рис. 6.-2–3]. Керамика орнаментирована рядами ямок и отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания, образующими ряды горизонтальных волнистых линий и ряды прямых наклонных линий [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015 с. 60–62].

В нашем распоряжении имеются два случая совместного нахождения большемысской керамики и отступающе-накольчато-ямочной (поселение Новоильинка-VI и могила №7 грунтового могильника Тузовские Бугры-I). Стоит признать, что коллекции большемысской керамики поселения Новоильинка-VI нельзя назвать представительными, и на их основании можно делать только предварительные выводы, но есть все основания надеяться, что при продолжении исследований будут получены обширные материалы. На данном этапе исследований можно сделать вывод, что в эпоху энеолита территория Барнаульско-Бийского Приобья являлась контактной зоной, как минимум, двух археологических культур – большемысской и кипринской (отступающе-накольчато-ямочная керамика) [Кирюшин Ю.Ф., 2002; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2013, 2015; Кирюшин, Шмидт, Грушин, 2001; Кирюшин, Фролов, Редников, 2014; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015; Комарова, 1956]. Не исключено, что в результате контактов происходило взаимопроникновение элементов материальной и духовной культуры, которые приводили к появлению различных симбиозных форм, фиксируемых в керамическом инвентаре. Также нельзя исключить, что это происходило в результате брачных контактов и инкорпоранты являлись проводниками материальной культуры, которая быстро растворялась в иной этнокультурной среде и фиксируется эпизодически.

Будущие исследования позволят подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения.

Библиографический список

Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014.

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка-VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88).

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. №1 (61).

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013.

Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачев Д.А., Семибратов В.П. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка – памятник энеолита Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006.

Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачев Д.А., Семибратов В.П. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка – памятник энеолита Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские Бугры-I (одна из версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12).

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтая // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии к 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск, 2013.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-I как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-I как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс памятника Иня-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64.

Марочкин А.Г. К вопросу о «погребальном компоненте» большемысской энеолитической культуры // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография.

Е.П. Рыбин^{1,2}, А.М. Хаценович^{1,3}, Р.А. Шелепаев⁴, А.Ю. Попов⁴

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

² Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

⁴ Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск, Россия

РАЗНОВИДНОСТИ КАМЕННОГО СЫРЬЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОТБОРА ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ПАМЯТНИКОВ ХАРАГАНЫН-ГОЛ-5 И ТОЛБОР-21 (Толборский археологический микрорайон, Северная Монголия): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проекты №14-06-00163 и №15-36-20820 мол_а_вед)

Начиная с 2004 г., в долинах двух рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол, правых притоках р. Селенги в Северной Монголии, исследовались стратифицированные памятники палеолита. Там обнаружена наибольшая концентрация многослойных объектов в Монголии. Все они, за исключением мастерской Толбор-15, расположены на делювиальных шлейфах, прилегающих тыловыми швами к коренным бортам долин, на которых обнаруживались выходы первичного сырья, пригодного для расщепления.

В 2014 г. проведено изучение петрографической композиции этих долин. Изученные объекты расположены в северной части Орхон-Селенгинского прогиба, который принадлежит к числу наиболее значительных позднепалеозойско-раннемезозойских структур Северной Монголии. Изученные археологические памятники расположены в поле развития пород тулбурской свиты, залегающей в верхней части хануйской серии мощных толщ вулканогенных отложений прогиба [Рыбин и др., 2014].

Были произведены петрографический и элементный химический анализы как артефактов из археологических коллекций, так и образцов пород из первичных выходов сырья и аллювиального галечника. С целью определения особенностей отбора каменного сырья, влияния его характеристик на морфологию артефактов, а также способов их изготовления использовался археологический атрибутивный метод.

Все описанные ниже разновидности сырья, принадлежащие к моногенетической толще пород, встречаются на одних и тех же выходах сырья, проявляющихся на поверхности в различных участках изучаемых нами долин. Основное простирание тулбурской свиты, равно как и наиболее богатые выходы сырья, находятся в пределах 10 км простирания долины Их-Тулбэрийн-гол, а в долине Харганын-гол, расположенной параллельно к ней, встречается уже периферия пород свиты.

Отобранные образцы пород демонстрируют разные характеристики текстуры и цветности. В сырьевой базе коллекций были выделены три группы: *силициты* (осадочные кремнистые породы) с крипнокристаллической структурой халцедон-кварцевого состава, *терригенно-вулканогенные породы* с кремнистым цементом и *туфы* (до туфо-алевролитов).

В свою очередь, в сырьевых группах посредством петрографического анализа отобранных на выходах сырья и непосредственно в коллекции образцов выявлены разновидности, отличающиеся вещественно-текстурными характеристиками. Они

представлены 14 типами пород, использовавшихся с разной интенсивностью в период с 45000 до 15000 л.н. «Инородное» сырье в единичных экземплярах выявлено в поздних индустриях, таких как горизонт (далее – гор.) 3 стоянки Толбор-4 (ок. 15000 л.н.) (рис.-13) и гор. 4 (ок. 20000–15000) стоянки Харганын-гол-5. Разновидности силицитов, несмотря на генетическую близость этих пород, существенно различаются по своим петрофизическим характеристикам (массивность, размеры зерна, пластичность, твердость, массивность), имеющим значение для использования в качестве сырья при изготовлении каменных артефактов. Немаловажное значение имеет и степень их фракционирования в результате влияния неотектонических процессов, а также перепадов температуры, воздействия влаги, криогенных деформаций.

Наиболее многочисленная группа *силицитов* включает девять разновидностей.

1. Силицит микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,01 мм), в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный и сульфатизированный. Текстура пород преимущественно массивная. В ряде образцов проявлена горизонтальная или градационная слоистость. Иногда фиксируется неравномерная раскristаллизация основной массы до тонко-микрокристаллической размерности (рис.-1-1a).

2. Силицит микрокристаллический алевритистый, в разной степени кальцитизированный и лейкоксенизированный. Текстура пород преимущественно массивная, иногда проявляется горизонтальная слоистость (рис.-2).

3. Силицит тонко-микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,05 мм) иногда слабо алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный. Текстура преимущественно слоистая субгоризонтальная, иногда слабо проявленная (рис. -3).

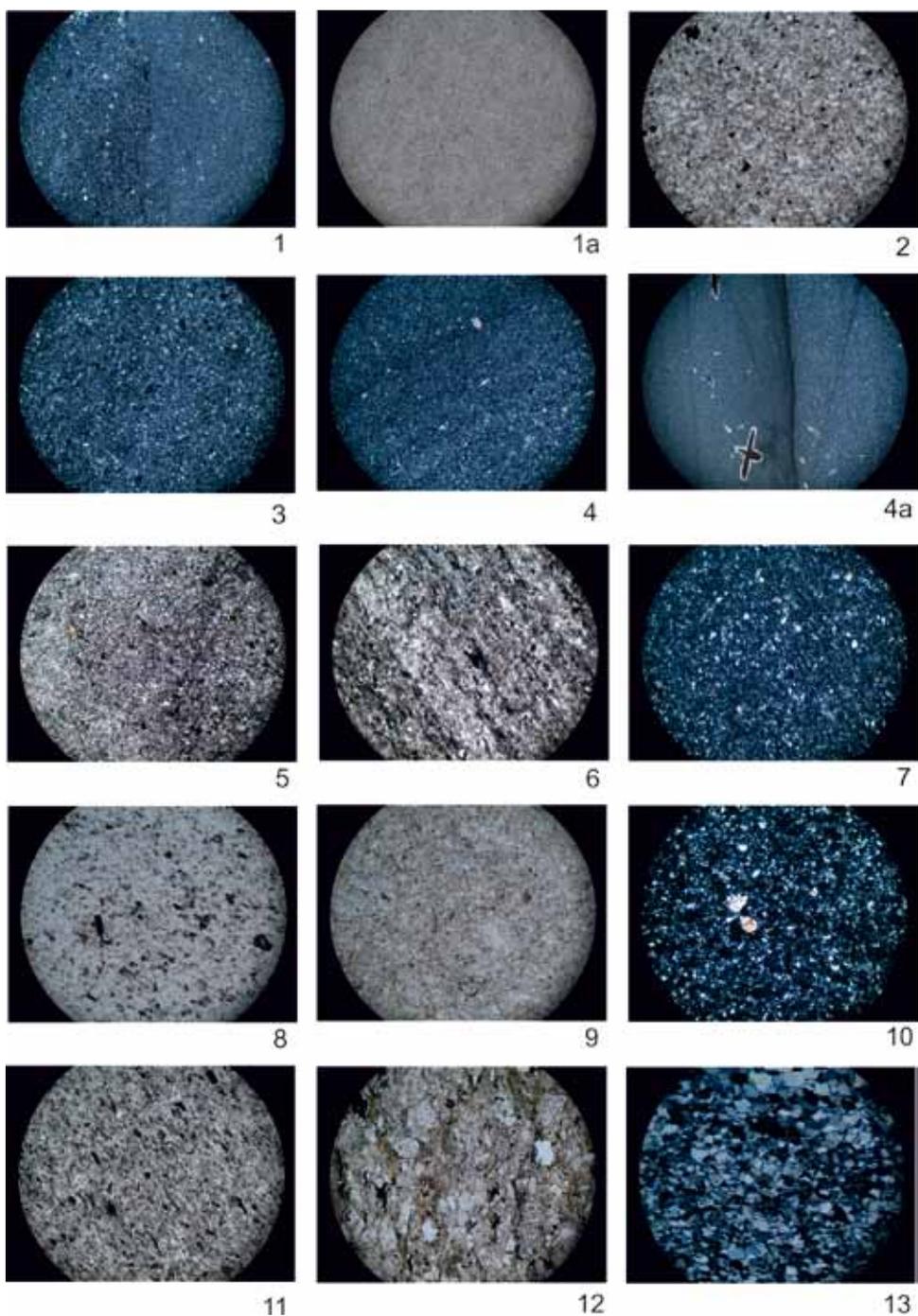
4. Силицит от тонко- к микрокристаллическому и от тонко-микро- к скрытокристаллическому за счет градационной, участками горизонтальной слоистости. Преобладает микрокристаллический материал, иногда кальцитизированный и лейкоксенизированный. Во многих образцах из орудий отмечаются кальцитизированные или замещенные сульфидами спикулы губок (?) (рис.-4-4a).

5. Силицит тонко-микрокристаллический углеродистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный, иногда сульфатизированный. Текстура горизонтально-слоистая, иногда до тонкослоистой, нередко нарушенная мелкими следами жизнедеятельности, взмучиваниями, смятиями (рис.-5).

6. Силицит тонко-микрокристаллический алевритистый углеродистый, в разной степени кальцитизированный, сильно лейкоксенизированный. Текстура горизонтально-слоистая, иногда слабовыраженная. В одном образце фиксируются мелкие следы жизнедеятельности (рис.-6).

7. Силицит тонко-микрокристаллический алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный, реже – сульфатизированный. Терригенная примесь представлена преимущественно кварцем и полевыми шпатами. Текстура в большинстве случаев слоистая субгоризонтальная, иногда слабо проявленная (рис.-7).

8. Силицит тонкокристаллический (участками микро-тонкокристаллический) раскristаллизованный, слабо алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный. Текстура преимущественно слоистая субгоризонтальная, иногда слабо проявленная (рис.-8).

Шлифы образцов пород из обнажений и коллекций Толборского археологического района:
1–4 – силициты №1–4; 4а – силицит №4 при 2,5-кратном увеличении;
5–10 – силициты №5–10; 11–12 – туфы №11–12; 13 – «инородное» сырье,
кварцит средне-мелкокристаллический, гор. 3 Толбор-4

9. Силицит микрокристаллический, иногда участками до тонкокристаллического, алевритовый за счет существенной примеси мелкотуфового материала, представленного преимущественно кристаллокластами кварца и полевого шпата. Порода в разной степени кальцитизирована и лейкоксенизирована, иногда сульфатизирована. Проявлена горизонтальная слоистость, развита сланцеватость (рис.-9).

Терригенно-вулканогенные породы с кремнистым цементом представлены алевритом от мелко- до крупно-мелкозернистого полевошпатово-кварцевого с тонко-микрокристаллическим кремнистым цементом. Порода кальцитизирована, лейкоксенизирована, сульфатизирована. Присутствует рудная пыль. Текстура как горизонтально слоистая, так и массивная (рис.-10).

Туфы делятся на три разновидности: туф мелкозернистый кристалло-витро-кластический с пирокластическим цементом (25–30%) кислого состава, порода в разной степени раскристаллизована (рис.-11); туф от мелко- до крупно-мелкозернистого лито-кристаллокластический с пирокластическим цементом (до 60%) кислого состава, иногда проявлена флюидалность (рис.-12); туф лапилиевый лито-витро-кристалло-кластический с пирокластическим цементом (40–50%) кислого состава.

С целью выявления характера отбора различных разновидностей сырья произведен атрибутивный анализ коллекций, полученных в результате раскопок 2015 г. памятников Харганын-Гол-5 и Толбор-21. Комплексы этих многослойных стоянок, с их типичной для микрорайона стратиграфией и геоморфологией, отражают развитие индустрий начиная с финала среднего палеолита и заканчивая развитым поздним палеолитом.

Наиболее протяженная хронологическая и культурно-стратиграфическая последовательность выявлена при изучении отложений местонахождения Харганын-Гол-5. Технология расщепления в финально-среднепалеолитических комплексах гор. 7 и 6 памятника Харганын-Гол-5 отличается присутствием леваллуазских сколов и крупных пластин с бипродольной огранкой при доминировании отщеповой технологии скалывания. Малочисленный орудийный ансамбль включает скребла, в том числе на леваллуазских сколах, ретушированные пластины, резцы, атипичный леваллуазский остроконечник, зубчатое изделие. В гор. 5, относящемся ко времени начального этапа верхнего палеолита, техника расщепления характеризуется получением пластин в плоскостной системе параллельного способа скалывания, наличием мелких подпризматических нуклеусов для снятия пластинок, присутствием леваллуазских нуклеусов, как классических черепаховидных, так и конвергентных, а также единичных леваллуазских отщепов с продольно-поперечной и субконвергентной огранкой. Орудийный набор комплекса включает леваллуазские сколы, пластинки с притупленным краем, различные варианты скребков, струги и скобели. Основу расщепления гор. 4 составляют плоскостные и подпризматические нуклеусы с параллельным встречным или однонаправленным способом скалывания, предназначенные для получения отщепов и пластинок. Пластины получали с плоскостных одноплощадочных монофронтальных ядрищ, подпрямоугольных в плане и сечении, а также с торцовых нуклеусов. Присутствует и простое ситуационное расщепление, представленное кубовидным и радиальным ядрищами. Ансамбль орудий гор. 4 отличается высокой вариабельностью и представлен различными типами острий, резцов, скребков, проверток и проколов, присутствуют струги и скребла.

Стоянка Толбор-21, расположенная в долине р. Их Тулбэрийн-гол, примерно в 10 км от памятника Харганын-гол-5, приурочена к пологому подгорному шлейфу. Первоначальная шурфовка, произведенная в 2011 г., выявила присутствие в склоновых отложениях палеолитических комплексов. Получены два ¹⁴C-AMS определения: 44,640 ± 690 (MAMS-14933) и 39,240 ± 360 (MAMS-14936). В 2015 г. исследования были продолжены. Вскрыты отложения глубиной до 310 см, что позволило выделить пять литологических слоев, сформированных субэаральными и склоновыми процессами. Также выявлено шесть археологических горизонтов. Небольшой комплекс нижнего гор. 6 не содержал культурно-диагностических предметов. Комплекс гор. 5 предварительно, на основе присутствия проколки и острия на пластине, отнесен к ранней стадии верхнего палеолита. Гор. 4 и 3 расположены в литологическом слое 3, вероятно, соотносимом с хронологическим определением в 39000 л.н. Эти комплексы подпадают под определение раннего верхнего палеолита, они характеризуются преобладанием однонаправленного расщепления подпризматических ядрищ, направленных на получение пластин, пластинок и микропластин. Немногочисленные комплексы гор. 2 и 1 относятся к позднему верхнему палеолиту и раннему голоцену.

Во всех анализируемых индустриях среди неретушированных сколов доминирует силицит №1 (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение различных типов каменного сырья для неретушированных сколов в комплексах памятников Харганын-гол-5 и Толбор-21 (исключая отщепы меньше 3 см и обломки)*

Типы сырья, №	Харганын-гол-5								Толбор-21							
	гор. 4		гор. 5		гор. 6		гор. 7		гор. 3		гор. 4		гор. 5		гор. 6	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	92	39,8	56	35,9	39	34,8	8	23,5	126	61,5	68	34,3	8	72,7	5	100
2	4	1,7	5	3,2	1	0,9	3	8,8	9	4,4	9	4,5				
3	28	12,1	16	10,2	5	4,5	1	2,9	58	28,3	49	24,7	3	27,3		
4	15	6,5	9	5,7	7	6,2	4	11,7			5	2,5				
5	8	3,5	15	9,6	4	3,6	1	2,9			5	2,5				
6	12	5,1	7	4,5	8	7,1	4	11,7	2	1,0	28	14,1				
7	14	6	7	4,5	8	7,1	3	8,8	3	1,5	17	8,6				
8	20	8,6	11	7	10	8,9			1	0,5	1	0,5				
9	4	1,7	6	3,8	2	1,8			1	0,5	6	3,0				
10	6	2,6	16	10,2	17	15,2	6	17,6	3	1,5	6	3,0				
11	9	3,9	3	1,9					1	0,5	2	1,0				
12	3	1,3	1	0,6	5	4,5					1	0,5				
Неопред.			3	1,9	4	3,6										
Инород.	1	0,4	1	0,6					1	0,5	1	0,5				
всего, экз.	231	100	156	100	112	100	34	100	205	100	198	100	11	100	5	100

* Здесь и далее цветом выделены наиболее распространенные разновидности сырья.

Он широко представлен как в обнажениях толщи метаморфизованных пород, так и среди отделившихся кусков породы и является наиболее доступным и массовым сырьем. При расщеплении он отличается высокой твердостью и достаточной для получения удлиненных сколов однородностью, равно как и более или менее крупными размерами

блоков. Впрочем последнее свойство могло варьировать среди конкретных выходов использовавшегося сырья – от очень крупных (30 см на стоянке Толбор-4) до относительно мелких (на стоянке Харганын-гол и Толбор-21, где их размер ни в одном из измерений не превышает 15 см). Если исключить ансамбли с малым количеством артефактов (нижние слои Толбор-21 и Харганын-гол-5), то наблюдается вполне определенная тенденция к нарастанию его доли в более поздних индустриях каждого анализируемого памятника. В этих комплексах его удельный вес варьирует от 34 до 61%. В индустриях Харганын-гол-5 вторым по представительности сырьем является силицит №3. Вместе с тем более или менее массово оно представлено только в верхнепалеолитических слоях объекта. Это же сырье является вторым по распространенности в верхнепалеолитических индустриях гор. 3 и 4 Толбор-21, где его удельный вес превышает четверть всей коллекции. Это микро- и мелкозернистое однородное сырье является самым высококачественным среди исследуемых разновидностей. Если рассматривать особенности при раскалывании, то его можно назвать вязким, оно дает раковистые сколы, позволяет получать предсказуемо ровные фасетки при вторичной обработке, чаще всего исходя из анализа коллекций, параллельные или чешуйчатые. Относительно небольшой при этом процент этого сырья, например в индустрии Харганын-гола, объясняется его редкой встречаемостью как на поверхности в виде отделившихся кусков породы, так и непосредственно в толще выходов сырья. В ранневерхнепалеолитическом ансамбле гор. 3 Толбора-21 его использовали при пластинчатом расщеплении (65% силицита №3 было реализовано для получения пластинчатых сколов; более того, специализированно для изготовления пластинок и микропластин 41,4% этого сырья утилизировалось для изготовления этих заготовок). Вместе с тем это сырье было довольно сильно фракционировано. В индустриях Толбора-21 ни в одном линейном измерении его размер не превышает 85 мм, в то время как размеры артефактов из силицита №1 достигают 150 мм. Остальные типы сырья, ставшие основой для изготовления неретушированных сколов в комплексах Толбора-21, в количественном отношении значительно уступают двум основным разновидностям.

В среднепалеолитических комплексах Харганын-гол-5 представлена другая позиция сырья. Здесь не прослеживается ориентация на самое высококачественное сырье, доля силицита №1 самая низкая среди всех анализируемых ансамблей. Для индустрий этого памятника характерна ориентация на разнообразное сырье, использовался, очевидно, весь доступный массив каменных материалов.

Определенное понимание характера использования и отбора каменного сырья может дать рассмотрение сырьевого состава нуклеусов (табл. 2).

Существенное ограничение накладывает крайне малое их количество в большинстве ансамблей, что само по себе уже свидетельствует о характере утилизации камня на стоянках. Можно только отметить, что в гор. 4 стоянки Харганын-гол-5, где количество нуклеусов относительно велико, распределение нуклеусов по типам сырья в целом соответствует картине, показанной нами для неретушированных сколов. Здесь же следует указать, что увеличение количества силицита №8 в среднепалеолитическом гор. 6 связано исключительно с артефактами, ремонтажирующимися в ядрище с конвергентной однополярной системой скалывания. В целом на стоянке Харганын-Гол-5 нет признаков того, что одна из разновидностей силицита расщеплялась за ее пределами.

Таблица 2

Соотношение различных типов каменного сырья для нуклеусов
в комплексах памятников Харганын-гол-5 и Толбор-21

Типы сырья, №	Харганын-гол-5						Толбор-21			
	гор. 4		гор. 5		гор. 6		гор.3		гор.4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	6	28,5	2	66,7			7	58,3	7	50
2	1	6,2					1	8,3	2	14,3
3	2	12,5					1	8,3	1	7,1
4	2	12,5	1	33,3	1	50				
5	1	6,2								
6	1	6,2					1	8,3		
7	1	6,2%					2	16,7	3	21,4
8					1	50				
9									1	7,1
10	1	6,2								
11	1	6,2								
Всего, экз.	16	100	3	100	2	100	12	100	14	100

Как уже отмечалось выше, в верхнепалеолитических ансамблях Толбора-21 высококачественный силицит №3 был вторым по распространенности типом сырья. Однако как в гор. 3, так и в гор. 4 из этого сырья было изготовлено лишь по одной преформе. Доминирующим становится силицит №1, доля нуклеусов из него почти вдвое превышает долю сколов, изготовленных из него, и составляет более половины нуклевидных форм. Очевидно, как и следует из состава коллекции, на данном месте осуществлялась первичная отделка нуклеусов из качественного сырья №3, большая часть которых уносилась за пределы рабочей площадки.

Обращает на себя внимание малое количество орудий в индустриях обоих памятников (табл. 3). Деятельность по их производству явно не относилась к основным производственным процессам на этих стоянках.

Безусловное доминирование силицита №1 в индустрии сколов не находит отражения при анализе орудий из среднего и начального верхнего палеолита Харганын-гол-5. Здесь эта разновидность сырья подвергалась вторичной обработке в равных долях с силицитом №10 (гор. 6), №3 и 4 (гор. 5). В среднем – начальном верхнем палеолите из него изготавливались только неформальные орудия. В позднем палеолите гор. 4 его доля увеличивается, но все равно остается меньше, нежели количество ретушированных сколов из этой же породы. Суммируя наблюдения, можно сказать, что орудия изготавливались из самых разнообразных видов сырья. Иная тенденция в индустриях Толбора-21, где доля сырья №1 в соответствии с тенденцией, отмеченной нами для нуклеусов, резко возрастает по сравнению с неретушированными сколами. Видимо, утилизация этого вида сырья происходила на месте. Доля сырья №3, использовавшегося для изготовления орудий, остается в соответствии с неретушированными сколами, из остальных типов сырья орудий практически не изготавливали.

В целом, анализируя коллекции комплексов памятника, можно отметить несоответствие доминирующих групп сырья в первичном расщеплении и среди орудий. Силициты №5 и 10, несмотря на их значительную долю в индустрии сколов гор. 5 (9,4 и 10%), не подвергались вторичной обработке, за единственным исключением.

Таблица 3

Соотношение различных типов каменного сырья для орудий
в комплексах памятников Харганын-гол-5 и Толбор-21

Типы сырья, №	Харганын-гол-5								Толбор-21							
	гор. 4		гор. 5		гор. 6		гор. 7		гор. 3		гор. 4		гор. 5		гор. 6	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	6	27,2	4	19	2	33,3			8	57,1	15	53,6	3	75		
2	1	4,5	1	4,7			1	20	1	7,14	3	10,7				
3	3	13,6	4	19	1	16,6	1	20	3	21,4	8	28,6	1	25	1	100
4	1	4,5	4	19			2	40								
5							1	20			1	3,57				
6	1	4,5	1	4,7												
7			2	9,5							1	3,57				
8	5	22,7	2	9,5	1	16,6										
9																
10			1	4,7	2	33,3										
11	2	9	1	4,7												
12																
Неопред.			1	4,7												
Инород.	2	9%							2	14,3						
Всего, экз.	22	100	21	100	6	100	5	100	14	100	28	100	4	100	1	100

Несмотря на то, что в коллекциях обоих стоянок выделено девять разновидностей силицита и три туфа, индустрия является моносырьевой, выделенные типы силицита являются генетически однородными и представляют собой лишь вариации одних и тех же петрофизических характеристик. Следует отметить, что при изготовлении артефактов предпочтение отдавалось именно осадочным породам. Туфы в археологической коллекции представлены незначительно, несмотря на распространенность вулканогенно-осадочных пород в долине. Это объясняется их малой пригодностью для утилизации человеком. В то же время осадочные породы, активно использовавшиеся древним человеком, занимают, по приблизительным подсчетам, лишь 10% среди встречаемого сырья в долине.

На первичных выходах сырья присутствуют в большом количестве отделившиеся конкреции, покрытые естественной коркой. Именно эти отдельности породы являются наиболее привлекательными с точки зрения расщепления, так как процент внутренней трещиноватости среди них низкий, они имеют угловатую форму, которая, как правило, предопределяет организацию ударной площадки и фронта будущего нуклеуса. На долину р. Харганын-Гол приходится терминальная, остаточная часть пояса пород тулбурской свиты, содержащей пригодное для эксплуатации человеком сырье. В результате можно наблюдать, что породы на их первичных выходах сильно метаморфизованы, мало пригодны для раскалывания, и отделившиеся конкреции сырья, которое человек мог бы отбирать для раскалывания, имеют маленькие размер. Вероятно, с этим связано то, что комплексы стоянки Харганын-Гол-5 отличаются от комплексов соседней долины Их-Тулбэрийн-гола небольшими размерами артефактов от начальных до конечных продуктов. Как показывает анализ распределения сырья, в индустриях Харганын-гола использовались все более или менее пригодные для расщепления разновидности силицитов. Хотя здесь и наблюдается некоторое преимущество двух разновидностей пород, оно значительно менее выражено, чем в индустриях из соседней долины. Очевид-

но, расщепление производилось на территории стоянки. Учитывая малое количество нуклеусов, степень редукции нуклеусов (часть которых могла уноситься) была велика.

Несколько иная картина реконструируется для комплексов раннего верхнего палеолита Толбора-21. Во всех индустриях выражена отчетливая унификация предпочтительных типов сырья. Всего выделяется две доминирующих разновидности, первая из которых (силицит №1) утилизировалась на месте, вторая, будучи относительно редким видом сырья (силицит №3), пригодным для получения пластинок, подготавливалась к транспортировке в виде нуклеусов и уносилась с территории памятника. Остальные типы сырья являлись фоновыми и не оказывали заметного влияния на общую композицию индустрии. Следует отметить, что в обеих индустриях деятельность по первичной отделке нуклеусов играла значительную роль – доля артефактов со следами естественной корки на дорсальной поверхности варьировала от 27 до 34,5%, что является достаточно высоким показателем.

Произведенные наблюдения хотя и охватывают индустрии, относящиеся ко всем основным этапам верхнего палеолита и конца среднего палеолита, основываются на относительно небольшой выборке, требующей дальнейшего увеличения и расширения круга памятников. Вместе с тем нам удалось показать спектр пород, использовавшихся для изготовления артефактов, выделить предпочтительные породы и установить характер отбора каменного сырья в соответствии с участками распространения выходов сырья и их петрофизическими характеристиками.

Библиографический список

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья палеолитических объектов долин рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014.

Н.Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНВЕНТАРЯ ИЗ АФАНАСЬЕВСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ (Горный Алтай)

Для характеристики афанасьевской культуры актуальны результаты исследования предметов материальной культуры. Особое значение имеет инвентарь из погребальных комплексов. Сложилось так, что основное внимание уделяется керамике как самой массовой находке. Остальные категории инвентаря изучаются в меньшей степени, так как они немногочисленны, и вещи часто плохой сохранности, из-за чего сложно определить их функциональное назначение [Цыб, 1984; Степанова, 1997, 2014].

Проведенные исследования показали, что на могильниках афанасьевской культуры инвентарь находят в могилах, реже – над могилами и около них, на перекрытиях, среди камней надмогильных сооружений и на надмогильных конструкциях. Особого внимания заслуживают находки в надмогильных конструкциях. Как правило, среди камней насыпей и на надмогильных сооружениях встречаются фрагменты керамики, кости животных и иногда другие предметы. Поскольку вещи найдены не в закрытых комплексах, то связывать их с погребениями можно лишь в тех случаях, когда культурная принадлежность находок не вызывает сомнений. Наличие фрагментов афанасьевской керамики на

насыпях чаще всего объясняют ритуальными действиями, так как обычно они не имеют отношения к сосудам из могил. Часть находок из надмогильных конструкций не связана с ритуальными действиями, например вещи и кости человека, которые были помещены в погребения, но извлечены из могил при ограблении или из-за действий грызунов. Кроме того, в надмогильных конструкциях афанасьевской культуры и куротинского типа найдено несколько необычных для Горного Алтая находок. Это копье из Бике-II, скульптурка головы медведя из Усть-Куномского могильника, относящиеся к более позднему времени и не имеющие отношения к захоронениям афанасьевской культуры [Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 2001, с. 46, рис. 15.-1; Берс, 1974, рис. 6]. Скульптурка имеет аналогии в памятниках кротовской культуры [Молодин, 1994].

Безынварные погребения. Сложилось мнение, что афанасьевские погребения бедны инвентарем и среди них много безынварных. Изучение материалов показало, что понятие «безынварное» захоронение для афанасьевской культуры условно, так как к безынварным принято относить захоронения без керамики и предметов из металла, камня и кости, т.е. без изделий из тех материалов, которые сохраняются до наших дней. Комочки и скопления охры, в отличие от таких же находок в погребениях ямной КИО, как инвентарь не рассматриваются, хотя в ряде случаев, когда находят скопления охры, есть основания предполагать, что они находились в мешочках из органических материалов, например, остатки берестяного мешочка, в котором хранилась охра, выявлены на Бойтыгеме-2. Раскопками на Бертеке-33 установлено, что в афанасьевских захоронениях были изделия из бересты, дерева [Древние культуры..., 1994; Абдулганеев, Ларин, 1994].

Об относительной безынварности могил свидетельствует и ряд объектов, в погребениях которых вещей не было, но над могилой, на перекрытии или в надмогильных конструкциях преднамеренно помещались зернотерки, куранты и др. Поскольку зернотерки всегда находились выше могил, то очевидно, что это неслучайно и, по-видимому, связано с особым статусом этих предметов. Нельзя не учитывать и то, что часть захоронений нарушены, и нередко находки из могил оказались в норах грызунов, поэтому существует вероятность, что в некоторых нарушенных погребениях инвентарь был, но мог быть извлечен во время ограбления или деятельности грызунов.

В результате, по уточненным данным, афанасьевские погребения, но не объекты в целом, без керамики и предметов из металла, камня и костей составляют 20,5%.

Особенности инвентаря из афанасьевской культуры. Инвентарь из афанасьевских погребальных комплексов может быть разделен: 1) по материалу, из которого изготовлены предметы, и 2) по функциональному назначению вещей. Основное количество находок составляет керамика, обнаруженная в 65% могил. Изделия из металла, камня, кости встречаются намного реже (соответственно в 20, 14 и 15% погребений). Могилы без керамики, но в которых были предметы из металла, камня или кости, составляют 11%. О наличии вещей из дерева, бересты и других органических материалов известно по материалам могильников Бертек-33, Бойтыгеме-2, Кара-Коба-1, Первый Межелик-1, где зафиксированы остатки деревянных или берестяных предметов. Многие категории находок представлены 1–2 экземплярами, среди них серия предметов, которые, по мнению исследователей, использовались вторично и не были изготовлены афанасьевскими мастерами: нож-скребок из Нижнего Тюмечина-1, пильчатое изделие из Улиты и др. Из-за плохой сохранности изделий, особенно костяных, часто не удается определить их назначение, например пластинок из захоронений из Бойтыгеме-2 и др. [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 5.-3].

Изделия из металла. Из металла (74,2% изделий из меди, 19,3% – из метеоритного железа, 6,5% – из золота) изготавливали украшения, реже – орудия труда и предметы быта (ножи, шилья, оковки). Украшения из меди представлены серьгами, звеньями-пронизками браслетов, из железа – звеньями браслетов, из золота – спиралевидными серьгами.

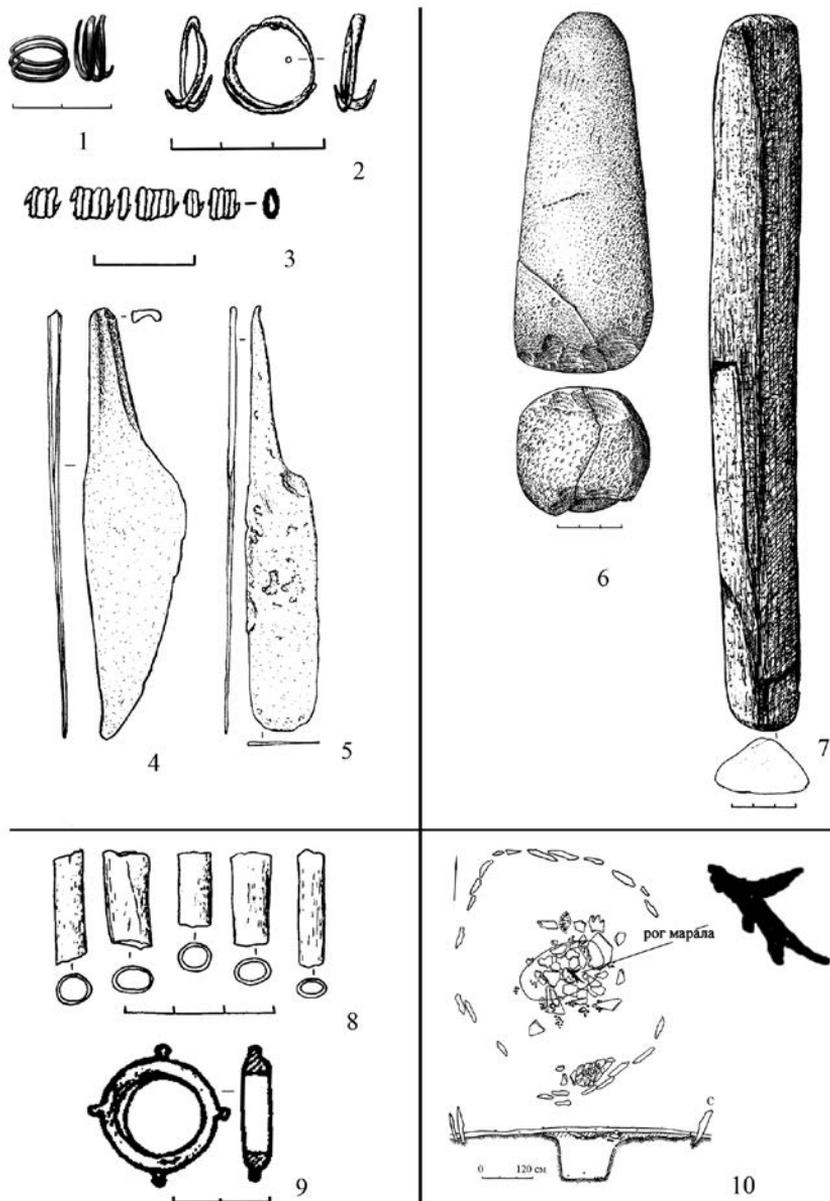
Статистический анализ показывает, что изделия из металла найдены в погребениях мужчин, женщин, подростков и детей в возрасте от 3 лет и старше. Они встречаются чаще в захоронениях мужчин, реже – в детских и погребениях женщин с ребенком. Очень редко предметы из металла находят в одиночных погребениях женщин и всего однажды найдены в захоронении подростка. Изделий из железа и золота обнаружено немного, но они были как в мужских и женских, так и в детских погребениях. Из шести находок из железа три обнаружены в погребениях мужчин, две – женщины и ребенка и одна – в погребении ребенка 6–7 лет. Золотые спиралевидные серьги найдены в захоронении женщины (Урускин Лог-1, к. 1) и мужчины (Первый Межелик-1, огр. 12) [Эпоха энеолита и бронзы..., 2006, рис. 37.-1; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 19.-8]. Серьги чаще встречаются в захоронениях мужчин, браслеты из меди – в погребениях женщин с ребенком. В мужских погребениях найдены ножи. Шилья были в мужском и детском захоронениях. Остальные предметы единичны, поэтому выявить зависимость категорий находок от пола и возраста умерших невозможно. Отмечено, что предметы из металла чаще встречаются в захоронениях с ориентацией умерших на запад – северо-запад, юго-запад – запад, запад и северо-запад, и реже – с ориентацией умерших на юго-запад [Степанова, 2012].

Изделия из камня. Вещи из камня найдены в погребениях и в оградах. Из камня изготовлены орудия труда и предметы быта (песты, жезлы, зернотерки и др.) и реже – украшения. Чаще других встречаются жезлы и песты, немного реже – зернотерки и куранты. Остальные категории инвентаря представлены 1–3 экземплярами (терочник, кольца, подвеска из кварцита, бусины), а в погребении афанасьевско-куротинского типа на Первом Межелике-1 – наконечники стрел. Иногда находят предметы архаичного облика – отщепы, пильчатое орудие и др. (Ело-Баши, Первый Межелик-1 и др.). Жезлы чаще встречаются в захоронениях мужчин, зернотерки и их обломки, куранты – в женских и детских, однако эти наблюдения носят предварительный характер, так как половозрастные определения имеются не для всех объектов.

Зернотерки и куранты находят в пределах надмогильных конструкций, а не в могилах. В частности, на уровне древней дневной поверхности обнаружена зернотерка, а под ней курант на Нижнем Тюмечине-1, огр. 8, Сальдьяре-1, огр. 15, 17. Курант в насыпи найден на Большом Толгоеке, огр. 16, а на Толгоеке-II и Усть-Теплая, огр. 7, 16 – обломки зернотерок и зернотерки. Курант находился на ритуальном объекте №1 могильника Сальдьяр-1 [Ларин, 2005, рис. 4, с. 113]. В насыпи кургана №5 Усть-Куюмского могильника обнаружен пест, который был заложен между плит [Эпоха энеолита и бронзы..., 2006, с. 123].

Изделия из кости и рога. Из кости и рога изготавливали украшения, гвоздики, проколки, пронизки, по-видимому, кирки и др. Чаще других встречаются находки рогов крупных животных (марала). Они располагались на перекрытиях могил (Нижний Тюмечин-1, огр. 1, 6, 13, Кара-Коба-1, огр. 7) (рис.-10), в заполнении (Сальдьяр-1, огр. 21, Ело-1, огр. 7), на древней поверхности в раскопе (Кызык-Телань-1, к. 31), в могиле (Балыкты-Юль, к. 1). В пределах ограды №6 могильника Урмулык обнаружены две кирки, поскольку погребение было нарушено, первоначальное их местоположение не известно. Они изготовлены из ответвлений рогов марала, вверху оставлена часть более толстого

основного ствола. На последних видны следы работы рубяще-режущих инструментов. Нижние (рабочие окончания) изделий обрублены и тем самым приострены [Суразаков, 1987, с. 6, 8]. Рядом с кирками лежал фрагмент верхней части ноги кости крупного животного. Нижний конец трубчатой кости был разломан так, что оказался приостренным. За пределами ограды найден рог крупного животного. По мнению А.С. Суразакова [1987, с. 9], все эти инструменты употреблялись для рытья могильной ямы.

Находки из золота (серьга – 1), меди (серьга, звенья браслета, ножи – 2–5), камня (пест, жезл – 6–7), кости-рога (пронизки и кольцо – 8–9), изделия из рога на перекрытии (10) (по: [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014 (1–8, 10); Древние культуры Бертегской долины, 1994 (9)])

В погребениях чаще находят пронизки из трубчатых костей птиц, часть из которых входят в состав ожерелий (Сальдьяр-1, огр. 36, Тыткескень-6, огр. 61, Усть-Куюмский), другие (Бойтыгем-2, к. 20) – более крупные и, вероятнее всего, не являются составными частями украшений. В пяти погребениях найдены подвески из зубов животных (Урускин Лог-1, к. 2, 4, Усть-Куюмский, Сальдьяр-1, 36, 19), в двух – гвоздики и проколки. По одному экземпляру обнаружены полированное кольцо с шишечками, роговые рукоять (игольница?) и кольцо-перстень. В нескольких случаях упоминаются изделия из кости или обломки костяных изделий, назначение которых не ясно или они плохой сохранности.

К заключению. Анализ состава инвентаря и его местонахождения показал, что некоторые вещи находят только или преимущественно в пределах надмогильных конструкций, над могилами, на перекрытиях (зернотерки, куранты, крупные изделия из рога), другие – только в захоронениях (украшения, оковки, жезлы). Находки из металла в оградах встречаются редко. Обычно это вещи, вероятнее всего, выброшены из могил во время ограбления, например нож из Урмулыка [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 35.-20]. Отмеченные закономерности не случайны и отражают как отношение к разным вещам, так и особую их значимость (зернотерок, курантов и др.) в жизни афанасьевского населения.

Статистический анализ показывает, что предметы из металла в целом находят чаще, чем из камня и кости. Изделия из металла обнаружены в каждом пятом погребении, а из камня и кости – в каждом седьмом. Предметы из металла найдены в погребениях взрослых и маленьких детей. Это свидетельствует о том, что металлические изделия уже заняли прочное место в жизни афанасьевского населения и существенно потеснили каменные и костяные. Вероятно, поэтому изделия из камня достаточно однообразны, а навыки обработки камня во многом утрачены, что подтверждается и исследованиями каменного инвентаря поселений [Кунгуров, 2006, 2012; Погожева, 2006].

Подводя итог, отметим, что, несмотря на то, что все категории инвентаря, за исключением керамики, представлены небольшим количеством экземпляров, выделяются группы вещей, которые характерны для афанасьевской культуры. Из украшений – это серьги (спиралевидные и с заходящими концами), звенья-пронизки браслетов (рис.-1–3), из орудий труда и предметов быта – песты и жезлы (рис.-6–7), зернотерки, куранты, шилья, костяные гвоздики, оковки деревянных предметов. Такие же находки есть и на Енисее, хотя жезлы и песты чаще встречаются на Алтае, а гвоздики и оковки – на Енисее. К необычным находкам следует отнести подвески из зубов животных, подвеску из камня (Мухор-Тархата-1) и некоторые другие. Нельзя не отметить, что существует группа погребений (их 11%), в которых не было керамики, но присутствовали вещи из других материалов. С ними нередко связаны и необычные находки. Например, украшения из зубов животных (могильники Усть-Куюмский, Сальдьяр-1) имеют аналогии в неолитических захоронениях, пронизкам из трубчатых костей птиц из Бойтыгема-2 известны относительные аналогии среди находок из погребений древнеямной КИО, а подвеске из Мухор-Тархаты-1 – в окуневском захоронении [Кунгурова, 2005, рис. 26; Мерперт, 1974, рис. 8.-5; Вадецкая, 1981, рис. 15.-3]. Очевидно, что появление таких предметов, вероятнее всего, связано с контактами разных этнографических групп населения. В целом необходимо отметить, что состав инвентаря из афанасьевских погребений перспективен для дальнейших исследований.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
- Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014.
- Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №6. Горно-Алтайск, 2001.
- Кунгуров А.Л. Каменная индустрия поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006.
- Кунгуров А.Л. Каменная индустрия многослойного поселения Малый Дуган (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005.
- Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск, 1994.
- Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006.
- Степанова Н.Ф. Инвентарь из погребений афанасьевской культуры Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012.
- Степанова Н.Ф. Изделия из металла из погребальных комплексов афанасьевской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014.
- Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987.
- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.
- Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006.

А.М. Хаценович^{1,2}, Й. Каномата³, Б. Гунчинсурэн⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

³Университет Тохоку, Сендай, Япония;

⁴Институт истории и археологии АН Монголии, Улан-Батор, Монголия

СРЕДИННЫЕ РЕЗЦЫ ПАМЯТНИКА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5: СПЕЦИФИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00045)

В долине р. Харганын-Гол (Северная Монголия) обнаружена многослойная стоянка, демонстрирующая своеобразные культурные наборы верхнепалеолитических комплексов. Стратиграфический разрез памятника состоит из семи литологических слоев, вмещающих соответствующие им культурные горизонты. На основе технико-типологического анализа с применением атрибутивного подхода на данном памятнике выявлена культур-

но-хронологическая последовательность в развитии комплексов – от финальной стадии среднего палеолита до финала верхнего палеолита. Последний представлен своеобразной индустрией горизонта (гор.) 3. Первичное расщепление этого комплекса характеризуется наличием как плоскостного, так и призматического расщепления, с небольшой долей участия микротехники, в частности клиновидных нуклеусов. Орудийный набор содержит скребла, долотовидные изделия, проколки. Облик гор. 3 из Харганын-Гол-5, имеющего радиоуглеродную дату около 13000 л.н., в некоторых его аспектах может быть соотнесен с селенгинской культурой Забайкалья. Этому комплексу предшествует индустрия гор. 4, существенно отличающаяся от него, так же как и от нижележащих комплексов, от которых, очевидно, ее отделяет существенный хронологический hiatus.

Коллекция гор. 4 составляет 1411 экз., из них типологически определимых, участвующих в атрибутивном анализе предметов, – 630 экз., среди них 8,4% занимают нуклеусы, 57,3% – отщепы, 23% – пластины, 9,5% – пластинки и 1,6% – микропластины. Изделия со вторичной обработкой составляют 10,47%. Основу редуccionной технологии составляют торцовые, плоскостные и подпризматические нуклеусы с параллельным встречным или однонаправленным способом скалывания, предназначенным для получения отщепов, мелких пластин и пластинок. В комплексе происходит резкое изменение в выборе сколов-заготовок для орудий, выразившееся в предпочтении мелких пластин и пластинок, по сравнению с нижележащим гор. 5: с 3 до 15% и с 12,5 до 17% соответственно. В целом инвентарь комплекса гор. 4 выглядит более грацильным, размеры изделий заметно уменьшаются, по сравнению с нижележащими слоями, орудия обладают заданной морфологией, достигаемой посредством преднамеренной фрагментации и в меньшей степени – поперечным усечением. В орудийном инвентаре присутствуют специфические типы изделий, образующие серии, которые способствовали предварительному определению возраста комплекса. Во-первых, серия изделий, которые можно отнести к геометрическим формам, – это морфологически определяемые как трапеции, диагонально битронкированные пластины и пластинки. Аналогичное изделие обнаружено в гор. 4 памятника Толбор-16, имеющем радиоуглеродную дату около 16000 л.н., а вместе с мелкопластинчатой направленностью индустрии гор. 4 стоянки Харганын-Гол-5 стало возможным отнести комплекс ко времени 20000–15000 л.н. Еще одна серия специфических орудий гор. 4 подтверждает технологическую связь с гор. 3, однако отличия в технике первичного расщепления, в том числе отсутствие свидетельств развитой микротехники в гор. 4, не позволяют говорить об их прямой последовательности или эволюции.

Серия срединных резцов гор. 3 и 4 насчитывает 10 экз. (рис.-1–8). В гор. 4 заготовками служили преимущественно пластины, чей размер варьировал от 14 до 20 мм в ширину (табл.). Определить длину отбираемых заготовок не представляется возможным: все изделия выполнены на медиальных или медиально-дистальных фрагментах, проксимальная часть была удалена либо предварительно, либо в процессе вторичной обработки. При этом наблюдается тенденция к определенным пропорциям конечных предметов: соотношение длины к ширине примерно 1 : 2. В гор. 3 только одно изделие выполнено на пластине (табл.-4) и по своим метрическим параметрам соотносится с гор. 4. Оставшиеся три предмета оформлены на пластинках. Среди них также наблюдается стремление к сохранению пропорций, за исключением орудия, выполненного на мелкой пластинке (табл.-1).

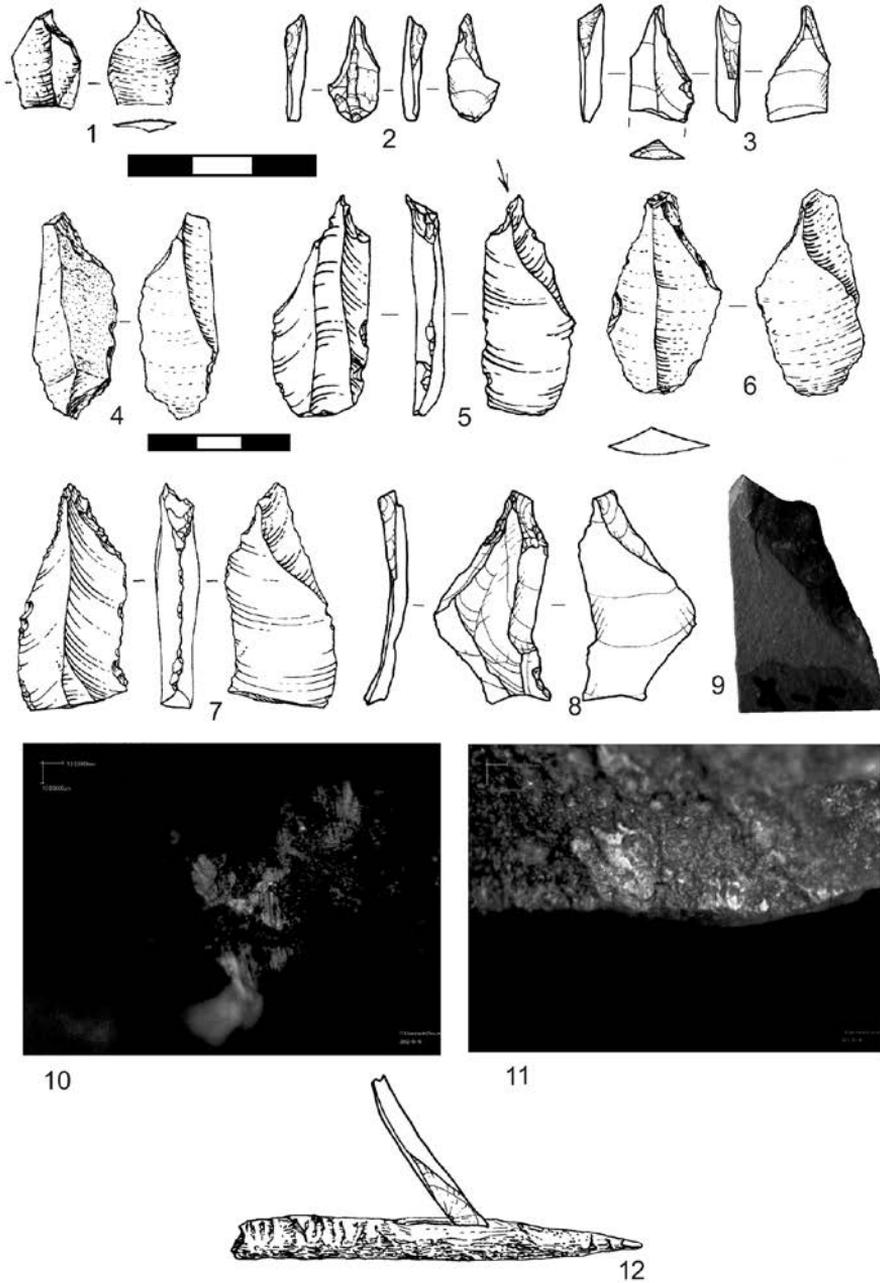
Несмотря на унифицированный облик конечных изделий, оформление рабочей области, придание заданной формы, создание нужного угла рабочего края производились

несколькими способами, которые позволяют проследить эволюцию в приемах вторичной обработки. Изделия гор. 4 обнаруживают следующую последовательность операционной цепочки вторичной обработки. Пластинчатая заготовка, если она обладала значительной длиной, фрагментировалась. Затем по правому краю наносилась глубокая отвесная чешуйчатая ретушь, однорядная либо двурядная, крупно- или среднефасеточная (рис.-4–9). С помощью ретуширования задавался угол и значительно модифицировался правый край заготовки в ее проксимальной части. Очевидно, в рамках этого ретуширования создавалась площадка для снятия резцового скола. Следующей стадией было скалывание длинного резцового скола с левого края, который можно назвать вентральным. У изделий в гор. 3 последовательность вторичной обработки оставалась прежней, однако вместо ретуширования необходимый угол правому краю задавался также резцовым сколом, который стремились не заводить на вентральную поверхность, в отличие от противоположного. Снятие резцового скола с левого края в гор. 3 также является финальной стадией оформления орудия (рис.-1–3). В гор. 4 присутствует единственное изделие, демонстрирующее сочетание этих двух приемов: рабочая область была оформлена сначала снятием резцового скола с правого края и последующим ретушированием, а затем скалыванием вентрального резцового скола по левому краю (рис.-6). Очевидно, этот экземпляр представляет собой некую переходную форму в применении двух приемов оформления. Резцы не подвергались дополнительному ретушированию, однако на большинстве из них присутствует ретушь аккомодации на необработанных краях. Тип изделий, оформленных двумя резцовыми сколами, можно определить как двугранный симметричный (срединный) резец (тип B27 согласно тип-листу Борда), однако экземпляры из гор. 4 не соответствуют ему по своим морфологическим параметрам и относятся к срединным ретушным резцам.

Метрические параметры срединных резцов горизонтов 3 и 4 Харганын-Гол-5

№ на рисунке	Горизонт	Тип заготовки	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм	Правый край	Левый край
1	3	пластинка	13	8	2	Рез. скол	Рез. скол
2	3	пластинка	20	10	3	Рез. скол	Рез. скол
3	3	пластинка	21	12	4	Рез. скол	Рез. скол
4	3	пластина	35	21	6	Рез. скол	Рез. скол
5	4	пластина	32	14	4	Ретушь	Рез. скол
6	4	пластина	43	16	5	Ретушь, рез. скол	Рез. скол
7	4	пластина	33	15	4	Ретушь	Рез. скол
8	4	пластина	33	14	6	Ретушь	Рез. скол
9	4	пластина	44	20	7	Ретушь	Рез. скол
10	4	пластина	38	20	3	Ретушь	Рез. скол

Тем не менее представлялись неясными некоторые аспекты использования данных орудий, а именно: можно ли функционально относить их к резцам и какая часть рабочей области была ведущей? Трасологический анализ позволил пролить свет на эти неразрешенные моменты. Системный функционально-трасологический анализ предметов осуществлялся с использованием техники высокого разрешения. В качестве основного инструментария был выбран «метод Кили» для выявления следов микроизноса с помощью металлографического микроскопа. Орудия исследовались при 100–400-кратном увеличении, но в основном – при 200-кратном. Используемый нами подход подразумевает изучение как микро-, так и макропризнаков износа.

Срединные резцы горизонтов 3–4 памятника Харганын-Гол-5:
1–3 – резцы гор. 3; 4–9 – резцы гор. 4; 10 – тип заполировки D1;
11 – тип заполировки B; 12 – использование рабочего резца

В анализе участвовали семь резцов, только на трех из них выявлены следы износа, представленные двумя типами заполировок – B и D1 (рис.-10–11). Тип D1 характеризуется сопровождением заполированной поверхности вертикальными линейными

бороздками. Заполировка гладкая и ровная; в целом этот тип износа связан с работой по кости, рогу и бивню. Тип В представляет собой заполировку, также сопровождающуюся вертикальными линейными бороздками и характерную для работы по дереву. Для рабочего края орудия с заполировкой этого типа отмечено наличие микросколов. Наибольшей степенью утилизации характеризуется рабочая область между дорсальной и вентральной поверхностями.

Выявленные на орудиях типы заполировок указывают на то, что срединные резцы применялись для гравировки и резьбы по дереву, кости и рогу. Ведущим рабочим краем является область между дорсальной и вентральной поверхностями, ее протяженность определялась толщиной скола-заготовки (рис.-12). На резцах не обнаружены следы оснащения рукоятью. Три изделия со следами износа демонстрируют разные метрические параметры, но выполнены из одного типа сырья, характерного для долин рек Харганын-Гол и Их-Тулбэрийн-Гол. Это силицит, тонкокристаллический (участками микро-тонкокристаллический), раскристаллизованный, слабо алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный. В нем встречается органическое вещество, могут присутствовать сгустки рудного компонента (пирита). Текстура преимущественно слоистая субгоризонтальная, иногда слабо проявленная. Он редко встречается среди представленных в долинах пород, однако обладает хорошим качеством для расщепления.

Орудийный набор гор. 4, демонстрирующий высокую вариабельность и наличие специфических типов, не характерных для комплексов монголо-байкальского круга, позволяет поместить весь комплекс в хронологический промежуток 20000–15000 л.н. Двугранные резцы гор. 3 характерны для позднего этапа верхнего палеолита Среднего Поднепровья, где круг индустрий, в состав которых входят изделия данного типа, укладывается в хронологический интервал 15000–13000 [Григорьева, 2008]. Полученная для гор. 3 дата в 13000 л.н. указывает, что хронологически эти орудия находятся на своем месте. Что касается изделий из гор. 4, которые типологически более верно относить к срединным ретушным резцам, то они также находят аналогии в Среднем Поднепровье. В орудийном наборе памятника Быки Среднеднепровской историко-культурной области срединные резцы, как и в комплексе гор. 4 Харганын-Гол-5, сочетаются с геометрическими изделиями [Чубур, 2013]. Комплекс Быков датируется временем 20000–16000 л.н., что соответствует предварительным определениям интервала существования комплекса гор. 4. Тем не менее для комплексов европейской части России характерна большая представительность серий срединных и двугранных резцов, а геометрические изделия можно отнести к микролитам, среди которых преобладающим типом являются треугольники, тогда как гор. 4 Харганын-Гол-5 характеризуют диагонально битронкированные пластины-трапеции, а серия срединных резцов невелика. Приведенные аналогии с комплексами Среднего Поднепровья не могут иметь под собой культурно-генетический базис, но отражают общий культурный тренд, существовавший в промежутке 20000–16000 л.н., отголоски которого мы видим в ассамбляже гор. 4 памятника Харганын-Гол-5. Очевидно, что, эволюционируя, технология изготовления срединных резцов сохранилась и в комплексе гор. 3, который в целом соотносится с селенгинской культурой Забайкалья, где изделия подобного типа не представлены. Результаты трасологического анализа срединных резцов, а также состав индустрии в целом показывают, что гор. 4 является кратковременным эпизодом заселения стоянки, на которой изготавливались орудия, обрабатывалось сырье, не только

каменное, но также дерево и кость, однако большая часть орудий так и не была использована: количество изделий со следами микро- и макроизноса невелико в рамках всего ассамбляжа гор. 4.

Библиографический список

Григорьева Г.В. О резцах верхнепалеолитического поселения Юдиново // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб., 2008.

Чубур А.А. Проникновение геометрических микролитов в среднеднепровскую историко-культурную область поздней поры верхнего палеолита: миграция людей или миграция идей? // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза, 2013.

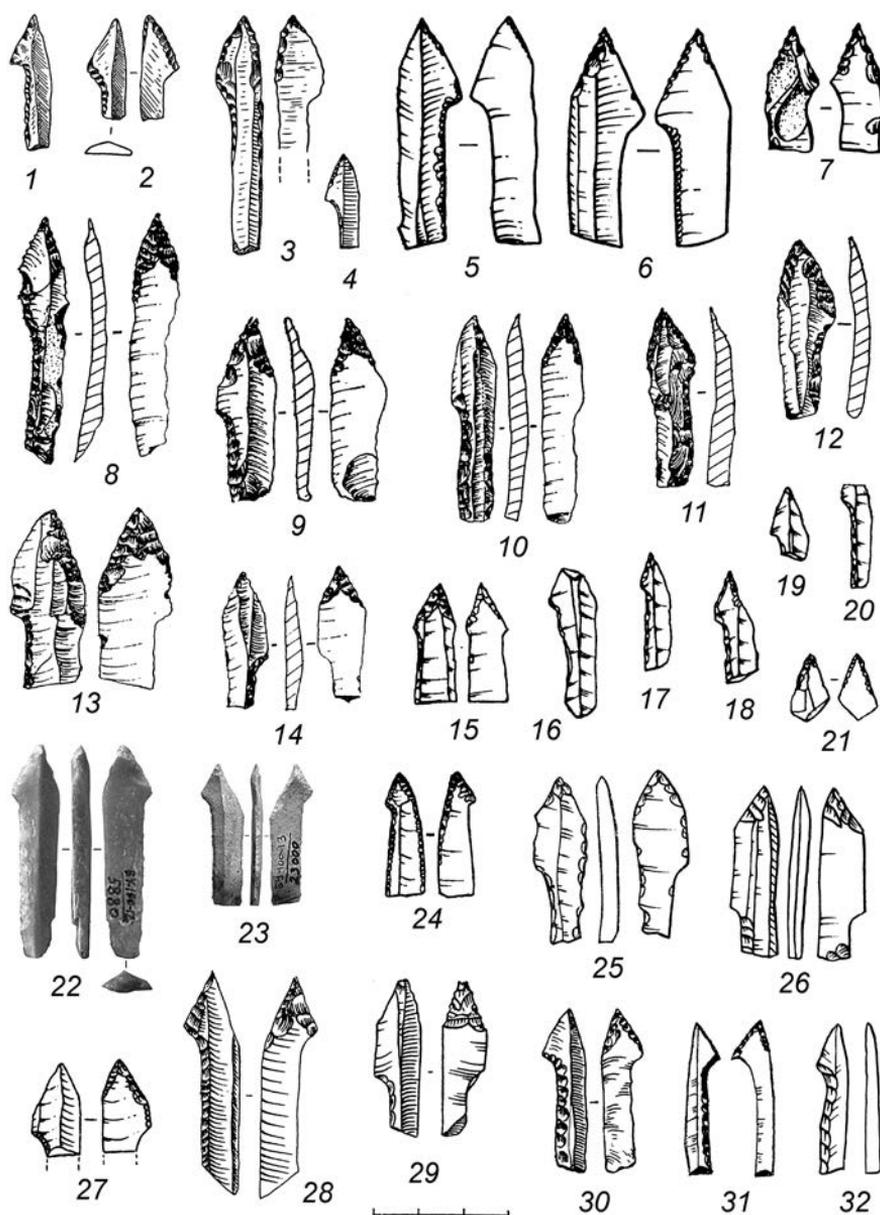
Ю.П. Чемякин¹, А.А. Погодин², Т.Ю. Клементьева²

¹*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия;*

²*ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие», Екатеринбург, Россия*

КЕЛЬТЕМИНАРСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НА УРАЛЕ И В ЗАУРАЛЬЕ

Первые асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, сделанные на пластинах и позже названные наконечниками кельтеминарского типа, найдены на Урале и в Зауралье. В 1883 г. И.Я. Словцов произвел раскопки на Андреевском озере, где обнаружил два «одношипных» наконечника стрел (рис.-3, 4). Примерно в то же время в музей УОЛЕ поступила коллекция с Палкинской стоянки под Екатеринбургом, в составе которой были еще два подобных наконечника (рис.-1, 2). Как писал П.А. Дмитриев, на ряде уральских стоянок найдены орудия, не известные за пределами Восточного Урала. Это одношипные стрелы и сегментообразное орудие; в то же время их малочисленность не позволяет считать их типичными [Дмитриев, 1951, с. 77]. В конце 1920-х гг. П.А. Дмитриев нашел еще один (?) «одношипный» наконечник на Второй Андреевской стоянке. Открытие и исследование в 1940 и 1945 гг. стоянки Джанбас-Кала-4, а затем и других памятников на территории Хорезма привели к выделению кельтеминарской культуры, одним из диагностирующих признаков которой были асимметричные наконечники с боковой выемкой, или одношипные (по П.А. Дмитриеву). Сравнивая кельтеминарские керамику и наконечники с боковой выемкой с уральскими, В.Н. Чернецов пришел к выводу, что на широких лесостепных и степных пространствах Казахстана, Зауралья и Приуралья в течение неолита и энеолита (в конце IV – начале II тыс. до н.э.) существовали очень близкие между собой культуры, являвшиеся генетически родственными локальными вариантами единой культурно-этнической общности [Чернецов, 1953, с. 56]. Несколько позже он писал, что наиболее характерной формой из всех кремневых поделок козловской фазы являются наконечники стрел, среди которых есть экземпляры с боковой выемкой. Последние в Зауралье встречены примерно в тех же границах, что и керамика козловского типа (с прочерченной орнаментацией), их можно рассматривать как руководящую форму культуры козловской фазы неолита [Чернецов, 1968, с. 44]. Близость между зауральскими неолитическими и кельтеминарскими материалами такова, что она «...могла существовать только в пределах единой этно-культурной общности, да и то лишь при сохранении контактов между ее наиболее удаленными частями» [Чернецов, 1968, с. 52]. Схожих взглядов придерживались Л.Я. Крижевская [1962, с. 31; 1968, с. 124] и О.Н. Бадер [1970, с. 159].

1–2 – Палкинская стоянка; 3–4 – Андреевская I стоянка; 5–6 – поселение Малый Барашек-I; 7 – поселение Шапкуль-I; 8–14 – поселение ЮАО-VIII; 15–21 – могильник Чепкуль-21; 22–23 – поселение Большая Умыгья-100; 24 – стоянка Зверев; 25 – поселение Бор-IV; 26 – поселение Долгий Ельник-I; 27 – стоянка Путиловская Займка; 28 – поселение Перевозный-III; 29 – поселение Чебаркуль-II; 30–31 – Усть-Юрюзанская стоянка-мастерская; 32 – поселение Сабакты-III (1–2 – по П.А. Дмитриеву, 1951; 3–4 – по В.Н. Чернецову, 1953; 5–7 – по В.Ф. Старкову, 1980; 8–14 – по В.Т. Ковалевой, 1977; 15–21 – по В.А. Заху и др., 2005; 24 – по А.Ф. Мельничуку, 1990; 25–26, 32 – по Г.Н. Матюшину, 1975; 27 – по В.С. Мосину, 2000; 28 – по В.Т. Петрину и др., 1993; 29–31 – по Л.Я. Крижевской, 1960, 1968)

Другая позиция была у А.А. Формозова [1972, с. 25], отмечавшего, что асимметричные наконечники из ножевидных пластин, хотя и несколько отличные от кельтеминарских, известны еще с верхнего палеолита; нередки они и в мезолите. Уральские же находки, с одной стороны, малочисленны, а с другой – либо не документированы, либо происходят из многослойных памятников. Больше число аналогий кельтеминарской культуре дает керамика неолитических стоянок Зауралья: яйцевидные сосуды с прочерченным струйчатым орнаментом похожи на сосуды из Джанбас-Калы-4, однако не доказано, что эта керамика старше посуды с гребенчатым орнаментом. И в Средней Азии, и на Урале черепки с гребенчатым и прочерченным орнаментом залегают на памятниках вместе [Формозов, 1972, с. 28]. Малочисленность уральских находок наконечников с боковой выемкой, география их распространения в целом заставляют с сомнением отнести к попытке В.Н. Чернецова построить единую схему развития неолитической культуры для Урала, Казахстана и Средней Азии, положив в основу развития неолита комплекс кельтеминарского типа [Формозов, 1972, с. 29–30]. В своих выводах А.А. Формозов [1972, с. 31] отмечал преувеличение исследователями роли кельтеминарской культуры в истории Европы и Азии и признавал влияние этой культуры на Южный Урал и Зауралье, но не на Западный Урал.

Г.Н. Матюшин [1975, с. 150] также писал, что кельтеминарские наконечники – явление чуждое, нетипичное для Урала, а их находки, предположительно, отражают связи приуральского населения с приаральским. По его мнению, влияние кельтеминарской культуры на Урал было преувеличено. Наконечники с боковой выемкой на Урале единичны, все найдены в комплексах позднеолитического времени и отражают связи позднеолитического населения Урала с южными соседями [Матюшин, 1975, с. 151]. Они «...встречаются с керамикой позднеолитического времени (сабактинско-суртандинского типа), а в Зауралье (Сабакты-III, Суртанды-VIII) и Приуралье (Усть-Юрюзань) – в комплексах, где представлена только керамика с гребенчатым орнаментом и отсутствует керамика, орнаментированная прочерченными линиями». Появление наконечников с боковой выемкой на Урале следует относить к позднему неолиту, примерно к IV тыс. до н.э. [Матюшин, 1975, с. 149–150].

В.С. Мосин, характеризуя неолит и энеолит Южного Урала, отмечал, что наконечники с асимметричной боковой выемкой кельтеминарского типа встречаются территориально широко. Вопрос об их хронологической позиции пока остается открытым, поскольку они встречены в коллекциях, где присутствуют материалы как неолита, так и энеолита. Четкой привязки их к чистым неолитическим комплексам у них нет, хотя появление их именно в неолитическое время вряд ли вызывает сомнения [Мосин, 2000, с. 137].

В то же время хорошо документированные раскопки последних десятилетий показали, что абсолютное большинство асимметричных наконечников с боковой выемкой на Урале и в Зауралье (а общее число их уже более 100! – см. табл.) происходят из энеолитических памятников, в том числе из закрытых комплексов. Такие наконечники были найдены В.Ф. Старковым [1980, с. 162, 165] в жилищах шапкульской культуры в Нижнем Притоболье: один – на поселении Шапкуль-I (рис.-7) и два – на поселении Малый Барашек-I (рис.-8–9). На южном берегу Андреевского озера В.Т. Ковалевой был исследован поселок охотников и рыболовов из шести жилищ (ЮАО-VIII), керамический комплекс которого содержал шапкульскую (преобла-

дает), липчинскую и андреевскую керамики. На памятнике найдены девять кельтеминарских наконечников стрел (рис.-8-14) [Ковалева, 1977]. Еще восемь наконечников обнаружены ею же в верхних слоях поселения Ташково-I, вместе с шапкульской керамикой. Как считает В.Т. Ковалева, эти находки отражают не только контакты населения Урала и Приаралья на позднем этапе кельтеминарской культуры (на рубеже IV-III тыс. до н.э.), но и инфильтрацию некоторой части населения в Зауралье [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 16].

Местонахождения наконечников стрел кельтеминарского типа на Урале и в Зауралье

№	Памятник	Публикация
1.	Ирбитское оз.	Чернецов, 1968, рис. 1.-7; Матюшин, 1975, рис. 2.-4
2-22.	Горушки-I, пос.	Чаиркина и др., 2001, с. 102; Чаиркина, 2005, с. 205, 276
23.	Юрьинское оз.	Формозов, 1972, с. 27
24.	Шайтанское озеро-I, ст. (неолит)	Сериков, 2013, рис. 19.-5
25.	Шайтанское озеро-I, ст. (энеолит)	Сериков, 2013, рис. 57.-27
26-32.	Шайтанское озеро-II, ст.	Сериков, 2013, рис. 106.-15; раскопки О.Н. Корочкиной, 2011, 2014 гг.
33.	Береговая-II, ст.	Рыжкова, 2004, рис. 10.-6
34-41.	Береговая-VI, ст.	Арефьев, Рыжкова, 2010, рис. 6.-1-8
42.	Камень Когел, пещ.	Сериков, 2009, рис. 108.-5
43-45.	Камень Дыроватый, пещ.	Сериков, 2009, рис. 60.-23-25
46-47.	Калмацкий Брод, пос.	Сборы Ю.П. Чемякина, 2015 г.
48-49.	Палкинская ст.	Дмитриев, 1951, рис. 1.-18; Чернецов, 1953, табл. XX.-3; Матюшин, 1975, рис. 2.-5
50.	Шувакиш-I, пос.	Чаиркина, 2005, рис. 15.-27
51.	Татарский Бор, р. Исеть	Чернецов, 1968, рис. 1.-3; Матюшин, 1975, рис. 2.-7
52-53.	Большая Умыгтя-100, пос.	Раскопки А.А. Погодина, 2012 г.
54-55.	Андреевская-I = Андреевское озеро-I, ст.	Дмитриев, 1938, табл. 1.-4; Чернецов, 1953, табл. VIII.-3, 5; Он же, 1968, рис. 1.-1; Бадер, 1970, рис. 2.-5; Матюшин, 1975, рис. 2.-2
56-57.	Андреевская-II, ст. = Козлов Мыс	Чернецов, 1968, рис. 1.-2, 6; Бадер, 1970, рис. 2.-6; Матюшин, 1975, рис. 2.-2, 3
58-66.	ЮАО-VIII, пос.	Ковалева, 1977, рис. 2.-1-9; Косарев, 1987, рис. 89.-1, 2, 9
67.	Бузан-3, мог.	Матвеев и др., 1997, с. 156; Зах и др., 2005, с. 39
68-74.	Чепкуль-21, мог., погр. 2-6	Зах и др., 2005, рис. 6.-2-3, 12-16
75.	Шапкуль-I, пос.	Старков, 1976, рис. 2.-7; Он же, 1980, табл. XXXII.-21
76-77.	Малый Барашек-I, пос.	Старков, 1976, рис. 3.-4, 5; Он же, 1980, табл. XXXII.-22, 23; Косарев, 1987, рис. 89.-4
78-85.	Ташково-I, пос. (верх. слой)	Ковалева, Клементьева, 2004, с. 16
86.	Шадринский округ	Дмитриев, 1951, с. 42
87.	Давлеканово, пос.	Матюшин, 1982, табл. 94.-2
88.	Муллино, пос.	Матюшин, 1982, табл. 113.-2
89.	Сабакты-III, пос.	Матюшин, 1970, рис. 7.-1; Он же, 1975, рис. 1.-1
90.	Сурганды-VIII, пос.	Матюшин, 1975, рис. 1.-2
91.	Путиловская Заимка, ст.	Мосин, 1996, рис. 4.-33; Он же, 2000, рис. 29.-31
92-93.	Чебаркуль-II, пос.	Крижевская, 1962, рис. 10.-3; Она же, 1968, табл. XII-4-5; Матюшин, 1975, рис. 2.-8-9

№	Памятник	Публикация
94–97.	Большие Аллаки	Петрин, 1986, рис. 19.-14–17
98.	Перевозный-III, ст.	Петрин и др., 1993, рис. 12.-1; Мосин, 2000, рис. 42.-1
99.	Перевозный-IV, ст.	Петрин и др., 1993, рис. 14.-21
100–101.	Усть-Юрюзанская ст.	Крижевская, 1960, рис. 18.-4, 7; Матюшин, 1975, рис. 2.-11–12
102.	Бор-IV, пос., р. Кама	Бадер, 1961; Матюшин, 1975, рис. 2.-13
103.	Зверево, ст.	Мельничук, 1990, рис. 2.-5)
104–105.	Долгий Ельник-I, пос.	Матюшин, 1969, рис. 9.-28; Он же, 1975, рис. 1.-3–4
106–109.	Средняя Ока-I, пос.	Матюшин, 1975, с. 149, рис. 1.-13–15

По мнению же Н.М. Чаиркиной, не кельтеминарскими инфильтрациями, а контактами населения, сложившимися еще в раннем неолите, или заимствованием можно объяснить появление на территории лесной зоны Урала в энеолите (позднем неолите – раннем энеолите?) наконечников стрел кельтеминарского типа. На восточном склоне Урала один асимметричный наконечник с боковой выемкой найден в жилище шувакишской культуры на эпонимном поселении, и более 20 – на поселении той же культуры Горушки-I [Чаиркина, 2005, с. 109, 276]. Восемь наконечников происходят с VI Береговой стоянки (Шигирский торфяник), однако определить хронологическую принадлежность их довольно сложно, так как на памятнике присутствует керамика различных эпох: неолита, энеолита, бронзы. Наиболее многочисленна энеолитическая коллекция – 95 сосудов, условно разделенных на четыре группы, среди которых преобладают аятские (47%), шувакишские (35%) и сочетающие основные признаки раннеаятской (шувакишской) и классической аятской керамики (16%). Остальные эпохи представлены фрагментами единичных сосудов. Энеолитическая керамика всех групп находилась как в жилищах, так и в межжилищном пространстве, что позволяет оценивать ее как единый культурно-хронологический комплекс [Арефьев, Рыжкова, 2010]. На стоянке Шайтанское озеро-I найдены два кельтеминарских наконечника стрел, из которых один, по мнению Ю.Б. Серикова [2013, с. 20–21, 38–39], лежал в неолитическом слое, а второй – в энеолитическом. Еще семь наконечников происходит со стоянки Шайтанское озеро-II [Сериков, 2013, с. 70, рис. 106.-15], на площадке которой находится широко известный культовый комплекс сейминского времени. По мнению исследователей, они бытовали в эпоху энеолита*.

В Нижнем Притоболье наконечники стрел кельтеминарского типа найдены и в закрытых комплексах. Один из них обнаружен в погребении энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине [Матвеев и др., 1997]. Еще семь происходят из погребений могильника Чепкуль-21 (рис.-15–21) [Зах и др., 2005]. Последний считается наиболее ранним среди некрополей в окрестностях Андреевского озера и в Нижнем Притоболье. Функционировал он в конце атлантического периода голоцена и оставлен населением носителей шапкульской культуры [Зах и др., 2005, с. 40].

В Прикамье найдены два наконечника кельтеминарского типа (на поселениях Бор-IV и Зверево – рис.-24–25). По мнению А.Ф. Мельничука [1990, с. 101], существование борских поселений определяется, видимо, в пределах 1-й половины – середины III тыс. до н.э.

* Авторы благодарят за информацию авторов раскопок О.Н. Корочкову, В.И. Стефанова и И.А. Спиридонова.

На Южном Урале Г.Н. Матюшин [1982, с. 26, 208; 1996, с. 55] отмечал находки единичных наконечников кельтеминарского типа в энеолитических памятниках суртандинской и агидельской культур.

Самыми северными находками наконечников кельтеминарского типа являются два изделия с поселения Большая Умытъя-100 в верховьях р. Конды (таежная зона Западной Сибири). Наконечники (рис.-22–23) найдены в комплексе с керамикой, украшенной печатным гребенчатым орнаментом. Хронологическая позиция этого комплекса определена с учетом шести углеродных дат рубежом V–IV – 1-й четвертью IV тыс. до н.э.

Несмотря на то, что прошло более 100 лет с момента первых находок асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой на Урале, в научной среде до сих пор нет единого мнения ни об их происхождении, ни о датировке [Кирюшин и др., 2011, с. 60]. Более того, нет единого понимания данного типа предметов. При описании находок, их размеров и характера ретуши технологические параметры заготовок и конструктивных элементов изделий практически не учитываются. Зачастую это связано с единичностью находок, редко превышающих 5–10 предметов с одного памятника. Да и среди них всегда имеются поврежденные экземпляры. Сегодня, пожалуй, можно констатировать, что наиболее вероятное время появления наконечников стрел с боковой выемкой на Урале относится к позднему неолиту и связано с памятниками, содержащими керамику преимущественно с прочерченным и отступающе-накольчатый орнаментом (полуденской и чебаркульской (?) культур). Отметим, что практически на всех этих памятниках присутствуют и материалы более поздних эпох (Шайтанское озеро-I, Андреевские стоянки-I и II, Сабакты-III, Долгий Ельник-I, Путиловская Заимка, Средняя Ока). Радиоуглеродные даты получены для чистого комплекса самого северного на сегодняшний день памятника с кельтеминарскими наконечниками – Большой Умытъя-100 (см. выше). Многие исследователи признают влияние кельтеминарской культуры на сложение уральского неолита, но ее роль оценивают по-разному.

Большинство же наконечников стрел с боковой выемкой в Зауралье и Притоболье происходят из раннеэнеолитических комплексов (в том числе закрытых) шапкульской и шувакишской культур; керамика этого времени декорирована печатно-гребенчатым орнаментом. В Прикамье им, вероятно, соответствуют памятники борского типа, а на Южном Урале – кысыкульско-суртандинской (по В.С. Мосину) культуры.

При решении вопроса о происхождении асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой на Урале и в Зауралье следует также учитывать, что они сделаны из уральского сырья (нередко – из яшмы).

Библиографический список

Арефьев В.А., Рыжкова О.В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 6. Екатеринбург, 2010.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. №6.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. М., 1951. (МИА; №21).

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №1 (45).

Ковалева В.Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. (ВАУ; вып. 14).

Ковалева В.Т., Клементьева Т.Ю. Этнокультурная ситуация в Среднем Зауралье (неолит – энеолит) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.

Крижевская Л.Я. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла // ВАУ. Вып. 2. Свердловск, 1962.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968 (МИА; №141).

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1.

Матюшин Г.Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996.

Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000 (Серия «Этногенез уральских народов»).

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // Советская археология. 1972. №1.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953 (МИА; №35).

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР И ОБЩНОСТЕЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Л.Ю. Боброва, О.В. Умеренкова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ УКРАШЕНИЙ ГОЛОВНОГО УБОРА ЭПОХИ БРОНЗЫ (по материалам памятника Новый Белоярск-I)

Работа выполнена в рамках государственного задания №33.1175.2014/К

В археологии эпохи бронзы реконструкция украшений одежды, головных уборов и обуви является малоизученной темой. Несмотря на представительный комплекс бронзовых изделий, накопленный за время полевых исследований, применение его в качестве источника для воссоздания внешнего вида погребенных является весьма проблематичным. Сохранность украшений различная, зачастую изделия представлены фрагментарно, а выявить морфологические особенности или способы изготовления на должном уровне не представляется возможным. Более того, имеется массовый набор этих разрозненных изделий, никак не связанных ни между собой, ни (в определенных случаях) с погребенными. Известны лишь немногие погребения *in situ* на сотни раскопанных с богато представленным инвентарем, на основании которых с большой долей достоверности можно определить факты украшения костюма и установить их место в погребальном обряде. Этот процесс во многом затрудняет отсутствие связывающих элементов (особенно при изучении сложносоставных украшений). В силу того, что эти детали были изготовлены из материалов, подверженных со временем тлению (кожа, шерстяная нитка, жила и прочее), не всегда удается выявить способы крепления и совмещения нескольких предметов в одно целое. Значительную роль в этом играет полевая фиксация материала, но и в таком случае специалисты сталкиваются со значительной проблемой: практически все погребения, «богатые» инвентарем, не имеют должного документального оформления (без указания места расположения, сохранности, размеров, расстояний относительно других элементов, описания и т.д.) и теряют для исследователя ценность в качестве источника для реконструкции и исторической интерпретации. Зачастую при описании погребенного не указываются даже половозрастные характеристики. Поэтому и опыт воссоздания облачения и украшения погребенных в эпоху бронзы не велик.

В данной статье мы хотели бы ввести в научный оборот материалы могильника карасукской культуры Новый Белоярск-I, предоставляющие новые сведения по реконструкции женского украшения погребального костюма бронзового века.

В 1981 г. в фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета поступила коллекция предметов из могильника Новый Белоярск-I Краснотуранского района Красноярского края [Опись материалов могильника..., 1981]. Раскопки памятника были предприняты в 1975–1976 гг. разведочным отрядом под руководством М.Л. Подольского (начальник экспедиции – М.П. Грязнов) в связи со строительством Красноярского водохранилища [Каталог коллекций..., 2004, с. 22–23].

Могильник расположен в 5 км юго-западнее нового села Белоярск (старое с. Белоярск затоплено водохранилищем) и тянется узкой полосой вдоль обрыва правого берега залива в устье р. Сыды при впадении в Красноярское водохранилище.

В могильнике зафиксированы 32 ограды из вертикально поставленных и вкопанных плит, некоторые имели пристройку [Подольский, 1976, 1977]. Ограды прямоугольные в плане, вытянутые в направлении ЮЮВ–ССЗ. В каждой ограде от одной до четырех могил, представлявших собой трапециевидные каменные ящики высотой до 70,0 см. Некоторые детские захоронения совершены в грунтовых ямах. Обряд погребения характерен для карасукской культуры: погребенные лежали на левом боку, с чуть согнутыми в коленях ногами, головой на восток или северо-восток. Сопровождающий инвентарь – глиняные плоскодонные сосуды с округлым туловом и прямым венчиком, орнаментированные тремя желобками (бороздками) по шейке. Многочисленные находки из бронзы характерны для карасукской культуры: ножи, лапчатые подвески, проволочные кольца крупного диаметра в три оборота, массивные зеркала с петелькой на обороте, бляшки-заклепки, двухъярусные бляшки, бляшки-подвески с орнаментом. В числе находок есть бусины из аргиллита, имитации раковин каури, миниатюрный костяной гребешок с циркульным орнаментом, чесало с шестью зубьями из кости, треугольные кремневые наконечники стрел и др.

В коллекции предметов фонда музея хранится инвентарь из погребения №1 ограды №30, в ходе раскопок которого зафиксированы элементы декорирования головного убора [Подольский, 1977, с. 233].

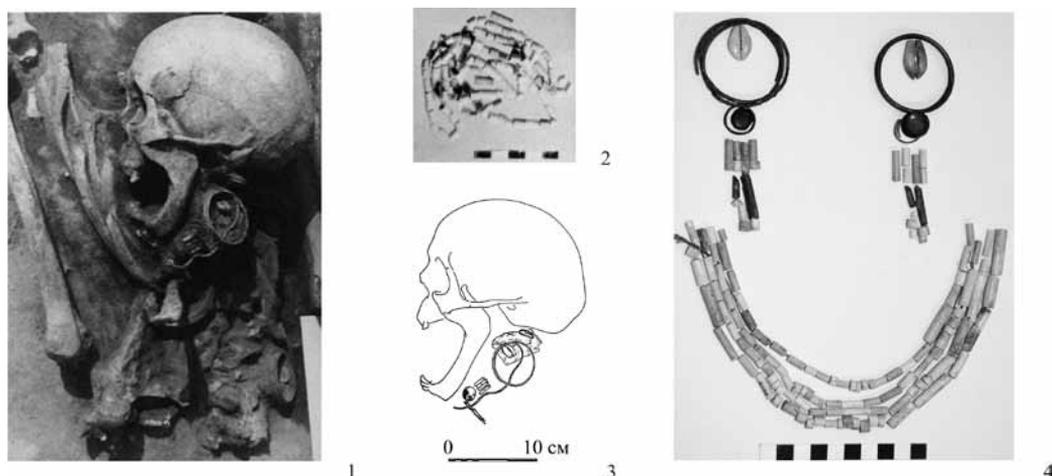
Ограда №30 расположена в юго-восточной части могильника. Погребение №1 является центральным и совершено в массивном трапециевидном ящике из хорошо подогнанных плит, на дне которого был помещен скелет. Кости располагались в анатомическом порядке до грудного отдела, на котором находились кости черепа и шейные позвонки. Погребенный зафиксирован у северной стенки в среднем положении между положениями на боку и на спине (в пол-оборота), головой на ВСВ. В юго-восточном углу находились четыре сосуда, попарно поставленные один на другой.

С левой стороны черепа сохранилось сравнительно неповрежденным наборное украшение, состоящее из двух спиральных бронзовых височных колец (большого и малого), имитации раковины каури, шести аргиллитовых бусин, бронзовой бляшки-пуговицы с петелькой на обороте, трех бронзовых трубочек-пронизок (рис.-1–3). Между черепом и этим украшением сохранился небольшой кусок кожи, вероятно, от головного убора, в разбросанном виде в могиле найдены детали для второго, симметричного, украшения: два бронзовых кольца – большое и малое, бронзовая бляшка-подвеска, под черепом вторая имитация раковины каури и четыре бронзовых трубочки-пронизки. Около шейных позвонков и в заполнении найдено около 130 аргиллитовых бусин (рис.-2).

Описание гарнитура:

1. Кольца височные спиралевидные в 2,5 оборота, крупного диаметра, бронза, диаметр – 4,5 см, толщина проволоки – 0,2 см. Зафиксированы в районе нижней челюсти, ниже височной кости.

2. Кольца бронзовые малые, диаметр – 1,8–2 см, толщина проволоки – 0,2 см, зафиксированы ниже височной кости.

Могильник Новый Белоаярск-I. Ограда №30, могила-1: 1, 3 – фрагмент погребения; 2 – скопление аргиллитовых бусин-трубочек (по: [Подольский, 1977, рис. 170–171, 174]); 4 – реконструкция сложносоставного украшения (авторский вариант)

3. Аргиллитовые бусины в виде трубочек длиной от 0,2 до 3,6 см, диаметр – от 0,4 до 0,7 см. Зафиксированы около шейных позвонков, часть растащена по заполнению, вероятно, в результате перемещения головы. Полевая документация содержит четкую фиксацию трубочек, расположенных от височного кольца в четыре ряда.

4. Бляшка-пуговица бронзовая с петелькой на обороте для крепления, диаметр – 1,7 см. Зафиксирована у нижней челюсти.

5. Бронзовые трубочки-пронизки, выполнены из бронзовой пластины, которую свернули трубочкой так, что один край пластинки заходил на другой.

Детали для второго (симметричного) украшения найдены в разбросанном виде в заполнении.

Между черепом и гарнитуром сохранился небольшой кусок кожи, вероятно, от головного убора.

Отчетная полевая документация не содержит конкретной информации относительно фиксации изделий и не позволяет в полной мере воссоздать внешний вид данного украшения. Половозрастная характеристика также отсутствует. Рисунки погребения и фотографии, предоставленные в отчете, свидетельствуют о том, что захоронение принадлежит взрослому человеку, голову которого вместе со сложносоставным наборным украшением отчленили и, перевернув, поместили на грудную клетку (рис.-1). Сохранившийся порядок элементов гарнитура свидетельствует об аккуратности данной операции.

Интересным представляется тот факт, что украшение со схожим набором элементов известен по материалам памятника Танай-12 в Кузнецкой котловине в погребениях, относящихся к постандроновскому времени. Аналогичные гарнитуры украшений были найдены при исследовании могильника Танай-1, расположенного в этом же археологическом микрорайоне [Бобров, Умеренкова, 2003; Умеренкова, 2011]. Подобный комплекс бронзовых изделий известен по материалам Томского Приобья, на памятнике ЕК-I, где в погребении №4 кургана №14 для украшения головного убора в том

же порядке использовались височные кольца, бронзовые бляшки-нашивки и пронизи [Матющенко, 2001, с. 12, рис. 10.-28–29]. В западных районах распространения культур периода поздней бронзы подобные комплекты не зафиксированы.

Принимая во внимание аналогии с материалами погребений Кузнецкой котловины, в процессе работы в полевых условиях с которыми была проведена четкая фиксация местоположения украшений относительно погребенного и определено расстояние между отдельными элементами наборного украшения и следами тления органических материалов, мы можем предположить два варианта декорирования представленного погребального убора: челюстно-лицевая подвеска либо височные подвески и оформление нагрудника/ворот (рис.-4). Фрагменты кожи сохранились незначительно, поэтому делать выводы о наличии шапочки или повязки не представляется возможным. Так или иначе, фрагменты относятся к кожаной основе, на которую крепились детали сложносоставного украшения.

Челюстно-лицевая подвеска состояла из малого кольца, которое было вставлено в кольцо большего диаметра. К одному из височных колец (большому?) крепились четыре аргиллитовые трубочки, расположенные в ряд, параллельно друг другу, затем бронзовые пронизки. Связки укреплялись при помощи нити. Место крепления скрывалось (?) бронзовой бляшкой-пуговицей. Каждую связку дополняла с обеих сторон низка из аргиллитовых бусин, спускавшаяся до верхней части грудного отдела. Судя по расположению трубочек-бусин, полукругом лежащих в районе шеи и под нижней челюстью, ожерелье из пронизок плавно закруглялось под подбородком, закрывая шею. Имитация раковины каури находилась на фрагменте кожи. Такая же раковина была найдена под черепом, симметрично первой. Вероятно, она являлась украшением шапочки/повязки, прикрепляясь к ней при помощи нити.

Височные подвески и оформление нагрудника/ворот. Сложносоставное украшение состояло из бронзовой бляшки-пуговицы и четырех связок трубочек-пронизок из аргиллита и бронзы, расположенных в ряд друг за другом по четыре штуки. Низки крепились при помощи нити. Вероятно, пронизки закреплялись в заданном положении либо при помощи обмотки основной нити крепления, либо небольшие бронзовые пластинки служили своего рода фиксатором. Каждую связку дополняла низка из аргиллитовых бусин, выполненных в виде трубочек, расположенных вплотную друг к другу. Весь этот комплекс изделий составлял украшение длиной до 11–12 см. Нам представляется, что данный гарнитур украшений использовался именно в качестве подвесок, а не нашивался на тканевую или кожаную основу. Об этом свидетельствует расположение гирлянды пронизок не на определенно фиксированном расстоянии друг от друга, а связкой. Вероятно, образовавшиеся составные подвески затем крепились к полоске ткани или кожи, и место крепления скрывалось бляшкой-пуговицей. Аргиллитовые трубочки-бусины, найденные скоплением в районе шейных позвонков, расположены аккуратной связкой. Трубочки располагались параллельно друг другу, образуя четыре ряда в сложенном состоянии. Они могли выступать в качестве самостоятельного украшения бус либо нашивок на воротниковую зону. Никаких дополнительных фрагментов, относящихся к креплению гарнитура, не обнаружено.

Стоит отметить, что этот комплект украшений найден только в могиле ограды №30. Во всех остальных погребениях представлен инвентарь, характерный для ка-

расукской культуры. Делать какие-либо выводы о межкультурных связях/контактах древнего населения на столь обширных территориях нам не представляется возможным, но стоит отметить, что исследователи неоднократно отмечали связь карасукской и еловской культур [Поляков, 2010, с. 356]. Признаки, свойственные карасукской культуре, отмечались исследователями как в предметном комплексе, так и в погребальных сооружениях на территории Кузнецкой котловины. Представленное погребение карасукской культуры отличается сложносоставное украшение, не характерное для нее. В этнографии известны примеры, когда при экзогамных браках человек, попадающий в чужой род, продолжал носить одежду и украшения своего рода или, по крайней мере, сохранял их часть. Д.К. Зеленин [1948, с. 82–83], выдвигая общее положение о том, что в древности представители разных родов отличались главным образом головными уборами и прическами, особо отмечал, что при экзогамных браках головные уборы снов контаминировались с уборами женщин из рода мужа. В могиле №1 совершено захоронение по обряду, характерному для среднеенисейской культуры поздней бронзы, отличие заключается лишь в наличии головного убора, который, скорее всего, является признаком принадлежности к другому роду (брачные связи?), а не продуктом товарообмена, так как представлен в единичном экземпляре.

Архивные материалы

Опись материалов могильника карасукской культуры Новый Белоаярск-I (шифр НБ) // Научный архив КМАЭЭ, акт №5 от 03.06.1981 г.

Подольский М.Л. Отчет о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1975 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5798. 1976а.

Подольский М.Л. Альбом к отчету о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1975 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5798а. 1976б.

Подольский М.Л. Отчет о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1976 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6371. 1977а.

Подольский М.Л. Альбом к отчету о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1976 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6371а. 1977б.

Библиографический список

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003.

Зеленин Д.К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Серия востоковедческих наук. Ученые записки ЛГУ. 1948. Вып. 2.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Вып. 1. Кемерово, 2004.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2001, 2004.

Подольский М.Л. Обследование берегов Красноярского водохранилища // АО 1975 года. М., 1976в.

Подольский М.Л. Раскопки на Усть-Коксе и у с. Белоаярск // АО 1976 года. М., 1977в.

Поляков А.В. К вопросу об участии еловской культуры в формировании памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010.

Умеренкова О.В. Сложносоставное украшение эпохи поздней бронзы (по материалам могильника Танай-12) // Музей и наука. К 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово, 2011.

Л.Л. Гайдученко¹, В.Г. Ломан²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

ФАУНИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ДОНГАЛ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Поселение Донгал располагается в 208 км к юго-востоку от г. Караганды (Казахстан), в горах Кент. Оно было открыто экспедицией Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова в 1982 г., тогда же произведены первые раскопки трех жилищ (В.Г. Ломан). Поселение датируется временем перехода от финальной бронзы к раннему железному веку [Ломан, 1987, 2003]. Первые сборы остеологических остатков определены Л.Л. Гайдученко в 1989 г. и до настоящего времени не публиковались. Сборы последующих лет (1998, 2012–2014 гг. – автор В.Г. Ломан) обработаны в 2014 г. Генетически они представляют собой кухонные остатки – отходы от утилизации домашних и диких животных. Совокупный список фаунистического комплекса этого поселения за все годы исследований приводится в таблице 1. Поскольку памятник монокультурный, то сборы всех лет объединены.

Таблица 1

Систематический и количественный составы
остеологических остатков из поселения Донгал

Систематическая принадлежность	Количество			
	абсолютное		%	
	костей	особей	костей	особей
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Домашние</i>	2395	303	99,349	88,338
Лошадь	844	87	34,35	25,364
КРС	693	79	28,205	23,032
Верблюд	5	3	0,203	0,874
Овца	740	108	30,118	31,486
Коза	43	19	1,75	5,539
Собака	10	7	0,407	2,04
<i>Дикие</i>	60	38	2,442	11,078
Кулан	32	17	1,302	4,956
Благородный олень	3	2	0,122	0,583
Лось	1	1	0,04	0,291
Кабан	2	2	0,081	0,583
Архар	7	5	0,284	1,457
Сайга	12	8	0,488	2,332
Волк	2	2	0,081	0,583
Лисица	1	1	0,04	0,291
<i>Неопределенные</i>	2145		–	–
Человек	2	2	0,081	2,332
Всего определимых	2457	343	100	100
В сумме	4602		–	–

Данные колонок 4 и 5 таблицы 1 позволяют судить о хозяйственной значимости того или иного вида животных по соотношению костей или особей, как обычно принято

в археологии. Но это некорректно. Для более полного и корректного суждения о значимости видов в хозяйстве древних «донгалцев» необходимо выполнить ряд расчетов.

На основании значений колонки 4 таблицы 1 рассчитаем и по видам распределим пропорционально 2145 неопределимых до вида остатков. Ход вычислений и результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Дополнительные количества костей
из группы «неопределимые» по видам для поселения Донгал

Вид	Ход вычислений и результаты
Лошадь	2145 к. x 34,35% : 100% = 736,807 к
КРС	2145 к. x 28,205% : 100% = 604,997 к
Верблюд	2145 к. x 0,203% : 100% = 4,354 к
Овца	2145 к. x 30,118% : 100% = 646,031 к
Коза	2145 к. x 1,75% : 100% = 37,537 к
Собака	2145 к. x 0,407% : 100% = 8,73 к
Кулан	2145 к. x 1,302% : 100% = 27,927 к
Благородный олень	2145 к. x 0,122% : 100% = 2,616 к
Лось	2145 к. x 0,04% : 100% = 0,858 к
Кабан	2145 к. x 0,081% : 100% = 1,737 к
Архар	2145 к. x 0,284% : 100% = 6,091 к
Сайга	2145 к. x 0,488% : 100% = 10,467 к
Волк	2145 к. x 0,081% : 100% = 1,737 к
Лисица	2145 к. x 0,04% : 100% = 0,858 к
Человек	2145 к. x 0,081% : 100% = 1,737 к

Далее, пользуясь показателями колонок 2 и 3 таблицы 1, определяем количество костей, приходящихся на одну особь в группе определимых остатков. Ход вычислений и результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Количество костей, приходящихся на одну особь
в группе определимых остатков для поселения Донгал

Вид	Ход вычислений и результаты
Лошадь	844 к. : 87 о. = 9,701 к./о.
КРС	693 к. : 79 о. = 8,722 к./о.
Верблюд	5 к. : 3 о. = 1,666 к./о.
Овца	740 к. : 108 о. = 6,851 к./о.
Коза	43 к. : 19 о. = 2,263 к./о.
Собака	10 к. : 7 о. = 1,428 к./о.
Кулан	32 к. : 17 о. = 1,822 к./о.
Благородный олень	3 к. : 2 о. = 1,5 к./о.
Лось	1 к. : 1 о. = 1 к./о.
Кабан	2 к. : 2 о. = 1 к./о.
Архар	7 к. : 5 о. = 1,4 к./о.
Сайга	12 к. : 8 о. = 1,5 к./о.
Волк	2 к. : 2 о. = 1 к./о.
Лисица	1 к. : 1 о. = 1 к./о.
Человек	2 к. : 2 о. = 1 к./о.

Переведем данные о количествах костей из группы «неопределимые» в количества дополнительных особей по видам. Для этого воспользуемся показателями колонки 2 таблицы 2 и колонки 2 таблицы 3, поделив первые на вторые и округлив результаты делений до целых единиц, показанных в скобках в таблице 4.

Таблица 4

Дополнительные количества особей по видам для поселения Донгал

Вид	Ход расчетов и результаты
Лошадь	736,807 к. : 9,701 к./о. = 75,951 о. (76)
КРС	604,997 к. : 8,772 к./о. = 68,969 о. (69)
Верблюд	4,354 к. : 1,666 к./о. = 2,613 о. (3)
Овца	646,031 к. : 6,851 к./о. = 94,297 о. (94)
Коза	37,537 к. : 2,263 к./о. = 16,587 о. (17)
Собака	8,73 к. : 1,428 к./о. = 6,113 о. (6)
Кулан	27,927 к. : 1,882 к./о. = 14,839 о. (15)
Благородный олень	2,616 к. : 1,5 к./о. = 1,744 о. (2)
Лось	0,858 к. : 1 к./о. = 0,858 о. (1)
Кабан	1,737 к. : 1 к./о. = 1,737 о. (2)
Архар	6,091 к. : 1,4 к./о. = 4,350 о. (4)
Сайга	10,467 к. : 1,5 к./о. = 6,978 о. (7)
Волк	1,737 к. : 1 к./о. = 1,737 о. (2)
Лисица	0,858 к. : 1 к./о. = 0,858 о. (1)
Человек	1,737 к. : 1 к./о. = 1,737 о. (2)

Суммировав по видам показатели колонки 2 таблицы 1 и округленные показатели колонки 2 таблицы 4, получаем полные данные о количествах особей выявленных видов из кухонных остатков поселения Донгал (табл. 5).

Таблица 5

Уточненные данные о количествах особей по видам из кухонных остатков поселения Донгал

Вид	Ход расчетов и результаты
Лошадь	87 о. + 76 о. = 163 о.
КРС	79 о. + 69 о. = 148 о.
Верблюд	3 о. + 3 о. = 6 о.
Овца	108 о. + 94 о. = 202 о.
Коза	19 о. + 17 о. = 36 о.
Собака	7 о. + 6 о. = 13 о.
Кулан	17 о. + 15 о. = 32 о.
Благородный олень	2 о. + 2 о. = 4 о.
Лось	1 о. + 1 о. = 2 о.
Кабан	2 о. + 2 о. = 4 о.
Архар	5 о. + 4 о. = 9 о.
Сайга	8 о. + 7 о. = 15 о.
Волк	2 о. + 2 о. = 4 о.
Лисица	1 о. + 1 о. = 2 о.
Человек	2 о. + 2 о. = 4 о.

Располагая скорректированными данными о количестве особей животных и человека в кухонных остатках из раскопанной части поселения Донгал и значениями поедаемой массы тела (ПМТ) соответствующих видов (Гайдученко, Зданович, 2000, с. 45–72), умножением первых на вторые получим значения поедаемой массы тела для всех особей каждого из выявленных видов (табл. 6).

Таблица 6

Значения поедаемой массы тела (кг) для домашних и диких видов животных и человека в кухонных остатках поселения Донгал

Вид, количество особей	Поедаемая масса тела		% от всей ПМТ
	1 особи*	Всех особей	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
<i>Домашние</i>			
		67757	92,678
Лошадь 163	217	217 x 163 = 35371	48,238
КРС 148	159	159 x 148 = 23532	32,092
Верблюд 6	250	250 x 6 = 1500	2,045
Овца 202	35	35 x 202 = 7070	9,647
Коза 36	12	12 x 36 = 432	0,589
Собака 13	4	4 x 13 = 52	0,07
<i>Дикие</i>			
		5248,5	7,157
Кулан 32	106	106 x 32 = 3392	4,625
Марал 4	138	138 x 4 = 552	0,752
Лось 2	176	176 x 2 = 352	0,48
Кабан 4	50	50 x 4 = 200	0,272
Архар 9	54	54 x 9 = 486	0,662
Сайга 15	15,3	15,3 x 15 = 229,5	0,312
Волк 4	8	8 x 4 = 32	0,043
Лисица 2	2,5	2,5 x 2 = 5	0,006
Человек 4	30	30 x 4 = 120	0,163
В сумме	–	73325,5	100

* По: [Гайдученко, Зданович, 2000, с. 48–66, табл. 13; Гайдученко, 2012, табл. 3].

В результате проделанных вычислений мы получили объективный критерий пищевой значимости каждого вида в группе животных и человека для древних насельников поселения Донгал (табл. 6, колонка 4).

Домашние виды в целом давали 92,7% мясной продукции. Доля разводимых копытных – традиционных поставщиков мясной продукции животноводства – составляла 92,6%. Среди них ведущее место занимала конина – 48,3%, второе – говядина – 32%, доля баранины в мясообеспечении была чуть менее 10% (9,6%).

В группе диких животных, дававших в целом 7,2% мясной пищи, выражено доминирует кулан. Только у этого вида суммарная поедаемая масса тела составляет около 5% (4,6%). Доля остальных видов не превышает долей процента (табл. 6, колонка 4).

Экономика древних обитателей поселения Донгал базировалась на животноводстве. Ведущей отраслью было коневодство. На втором месте располагалось скотоводство (разведение крупного рогатого скота), на третьем – овцеводство. Относительно специализированного козоводства определенно судить на основании имеющихся материалов нельзя. Верблюдоводство отсутствовало, а забитые особи, вероятно, поступали с караванами.

Охотничья добыча разнообразила пищевой рацион, принося более 7% мясной пищи. Охоты велись как на мясные виды диких животных, так и на пушно-меховые, но доля последних менее значительна.

Обитателям изучаемого поселения был присущ каннибализм, но являлся ли он обиходным или ритуальным по имеющимся останкам судить невозможно. Отметим лишь, что по расположению в культурном слое, а также по состоянию и сохранности кости человека не отличаются от других кухонных остатков.

Библиографический список

Гайдученко Л.Л. Остеологический комплекс поселения Токсанбай // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. 1. Астана, 2012.

Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археозоологических исследованиях // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2000.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2003.

Ю.В. Герасимов¹, М.А. Корусенко¹, А.В. Полеводов²

¹*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия;*

²*Министерство культуры Омской области, Омск, Россия*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ НАХОДОК В ОМСКЕ

Ряд проблем, связанных с формированием в период поздней бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири круга археологических культур на основе андроновского (федоровского) культурного пласта, являются дискуссионными. Споры вызывают хронологические границы новых культур, характер и генетические связи новых культурных образований. Не ясны и многие аспекты материальной и духовной культуры населения той эпохи. Не в последнюю очередь сложности в поисках ответов на эти и другие вопросы связаны с узостью источниковой базы.

В этой связи большой интерес представляют находки, сделанные в Омске в 2014 г. До этого времени исторический центр города, приуроченный к месту слияния Оми и Иртыша, оставался «белым пятном» на археологической карте: все наиболее известные памятники расположены на периферии, хотя, казалось бы, устье р. Оми с высокой террасой правого берега и обширной поймой на левобережье в условиях лесостепных ландшафтов создавало благоприятные условия для освоения территории древним населением. Впрочем, в разное время на площади Второй Омской крепости (на мысу, образованном при слиянии левобережных террас Иртыша и Оми) были сделаны единичные находки археологических предметов, информация о которых систематизирована А.Ф. Палашенковым. Среди них особый интерес представляют предметы из бронзы, обнаруженные в двух случаях. Первый связан с пребыванием в Омской крепости П.С. Палласа в 1771 г., когда он «имел случай видеть... два кинжалообразные обоюдоострые ножа, один мед-

ный, а другой из подобного колокольной меди сплава, выкопанные, может быть, при выемке нового рва из древних могил» (цит. по: [Палашенков, 1960, с. 17]). К сожалению, кроме этого довольно общего описания, иной информации о находках нет, равно как и сведений о дальнейшей судьбе коллекции. В 1912 г., при строительстве дома Страхового общества «Саламандра» (на месте бывшей эспланады Второй крепости, в непосредственной близости от ее южного фаса) обнаружены бронзовый нож, бляха, наконечник стрелы и пять черепов [Палашенков, 1960, с. 16]. В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, нам удалось обнаружить фотокопию рисунка бронзового ножа, выполненного В.П. Левашовой [Грязнов, л. 289]. Судя по рисунку, находки, сделанные при строительстве здания «Саламандры», относятся к кругу древностей ирменской археологической культуры позднего бронзового века. Описанные П.С. Палласом «кинжалообразные» ножи вызывают скорее ассоциации с андроновскими древностями развитого бронзового века. Эти факты, указывающие на определенный хронологический и культурный разрыв, не позволяют считать обе находки принадлежащими одному памятнику. Таким образом, имелись данные, хотя и косвенные, о том, что близ стрелки Иртыша и Оми располагались, как минимум, два памятника археологии, относящиеся к разным периодам бронзового века. Тем не менее, при интенсивной застройке территории во 2-й половине XX в. археологические материалы не получены. Лишь в последние десятилетия, после начала работ по масштабной реконструкции исторического центра города, появились первые сведения о памятниках древности в центре Омска.

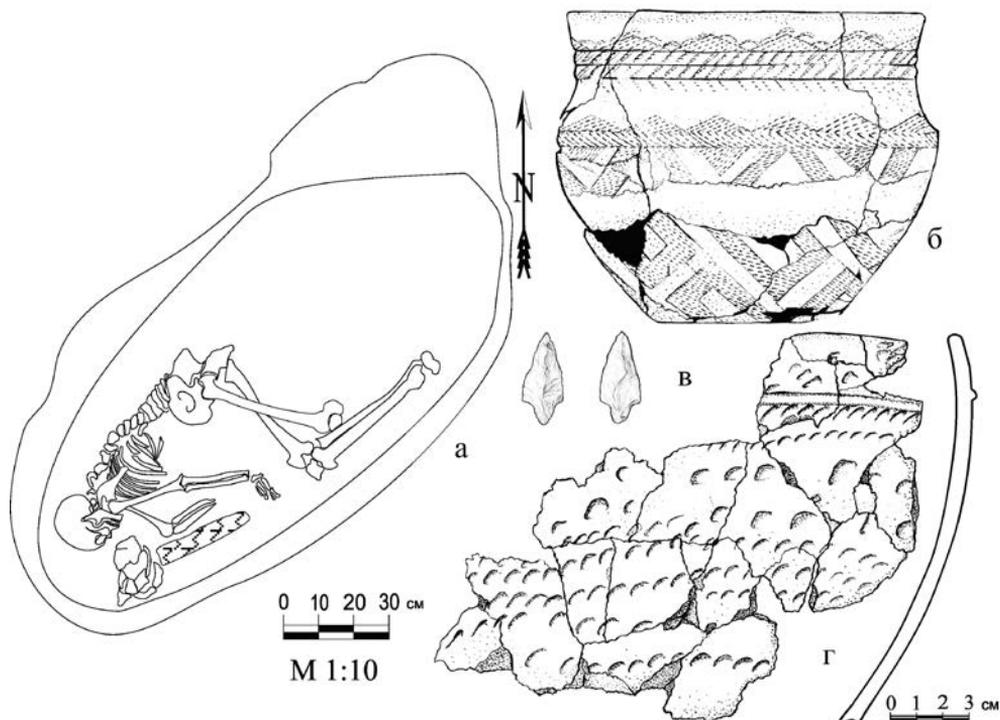
В 2008 г. при проведении археологического обследования фундамента Тобольских ворот Второй Омской крепости получены материалы, отнесенные авторами к разным археологическим эпохам – от неолита до раннего железного века [Гаврилова, 2008]. К сожалению, местонахождение коллекции остается неизвестным, а качество отчета таково, что не позволяет подтвердить ни хроностратиграфические наблюдения, ни культурную атрибуцию артефактов, предлагаемую авторами. На основании проведенных работ выделен памятник с неустановленными границами распространения культурного слоя «Тобольские ворота. Поселение».

В сентябре 2010 г. авторами произведено археологическое обследование в зоне реконструкции историко-архитектурного комплекса северо-западного сектора Омской крепости (здания денежной кладовой и кухни-столовой резервного батальона). При осмотре отвалов строительных траншей обнаружены три небольших фрагмента керамики ручной лепки, не имеющих выраженных культурно-хронологических признаков [Корусенко, 2011]. находка подтвердила факт наличия поселенческого комплекса, но не позволила определить ни его датировку, ни связь с поселением Тобольские ворота.

В 2014 г. началась реновация здания обозного сарая Омской крепости, что дало возможность провести археологическое обследование территории строительства. Указанное обстоятельство определило некоторые особенности работ: ограниченность территории раскопок, сочетание площадных раскопов и шурфов. Полученные материалы принадлежат двум археологическим памятникам. В части шурфов и в раскопах была собрана коллекция фрагментов керамики (в том числе развал стенки сосуда), каменных изделий и отщепов.

Сосуд из развала (рис.-2) плоскодонный, баночной формы, в тесте фиксируется примесь песка и мелкодробленого шамота. Венчик прямой, округлый, срез не орна-

ментирован. Зона под венчиком орнаментирована парными ниспадающими линиями отпечатков лопаточки, линия плечиков подчеркнута вытяжным валиком, украшенным диагональными насечками, под которым расположен поясок наколов. Ниже, в зоне перехода к тулову, размещены два ряда отпечатков лопаточки, под ними – четыре пояска лунок. Остальная часть коллекции керамики, насчитывающей всего около 60 единиц, представлена мелкими разрозненными фрагментами, в орнаментации которых угадываются мотивы, характерные для развитой бронзы. Описанный сосуд, часть фрагментов керамики и, вероятно, некоторые находки из камня связаны, скорее всего, с поселением андроновского культурно-хронологического пласта развитой бронзы. Во всяком случае, наибольшие аналогии сосуду усматриваются в материалах городища и поселения Черноозерье-I, в посуде третьей группы, демонстрирующей смешение гончарных и орнаментальных канонов андроновской (федоровской) и кротовской культурных традиций [Генинг, Стефанов, 1993]. Не противоречит этому в целом и найденный черешковый наконечник стрелы из камня (рис.-в), характерный для комплексов кротовской культуры [Глушков, 1984]. К сожалению, объектов, которые можно было бы убедительно связать с поселением, обнаружить не удалось. Судя по планиграфии распространения находок и насыщенности слоя, нами выявлена окраина поселения, возможно – открытого в 2008 г. при обследовании фундамента Тобольских ворот. Основная площадь памятника в таком случае расположена западнее и северо-западнее территории обследования и тяготеет к террасе р. Иртыша.

Раскопки в центре Омска в 2014 г.: а – погребение №1, план; б – сосуд из погребения №1; в – заготовка черешкового наконечника стрелы, камень; г – склейка сосуда (а–б – могильник Омская крепость 3; в–г – поселение Тобольские ворота)

В одном из шурфов обнаружено захоронение человека в овальной яме размерами 1,55 x 0,90 м, углубленной в подстилающую «материковую» супесь до 0,25 м [Здор, 2015]. Погребенный лежал на дне могильной ямы на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗЗ (рис.-а). Руки вытянуты вдоль тела перед ним, причем правая слегка согнута в локте, суставом наружу. Создается впечатление, что такое положение рук связано с желанием создать упор для уложенного на бок тела, придать ему устойчивое положение. Также обращает на себя внимание, что правая голень лежит поверх левой, что, возможно, свидетельствует о том, что ноги могли быть связаны в районе щиколоток. Можно предположить, что эти манипуляции были призваны «закрепить» приданную телу позу. В юго-западном углу могилы сохранился фрагмент плахи от обкладки могилы, здесь же перед лицом умершего был найден развал сосуда (рис.-б). Сосуд горшковидный широкогорлый, со средней высоты шейкой, слегка приземистых пропорций, с плоским дном. В декоре сосуда ведущую роль играют «геометрические» мотивы (треугольники вершиной вверх и вниз, сложный ленточный мотив). Орнамент выполнен гребенчатым штампом, прослеживается четкая горизонтальная зональность. Под венчиком расположен пояс треугольников «с бахромой», обращенных вершинами вверх. Переход к шейке оформлен двумя желобками, плечико сосуда обозначено рельефным вытяжным валиком, подчеркнутым горизонтальными линиями. Поле стенки сосуда покрыто ромбо-меандровым орнаментом, придонная часть украшена ромбами. С учетом обстоятельств обнаружения могильника сказать что-либо о существовании надмогильных сооружений затруднительно. В любом случае очевиден грунтовый характер погребения.

Несмотря на то, что сосуд оказался единственной достоверно зафиксированной находкой, относящейся к сопроводительному инвентарю, его культурно-хронологическая атрибуция (как и погребения в целом) не вызывает больших затруднений. Характерная «андроноидность» как в орнаментации сосуда, так и в деталях погребальной практики, указывает на принадлежность погребения кругу пахомовских древностей, представляющих начальный период постандроновского этапа поздней бронзы в лесостепном и предтаежном Ишимо-Иртышье (см.: [Корочкова, 2010; Костомаров, 2010; Полеводов, 2003]). Омское погребение находит аналогии в первую очередь в «классических» могильниках пахомовской культуры (или этапа, в понимании ряда исследователей) – Черноозерье-II и Лихачевском [Генинг, Стефанов, 1991]. Это касается как устройства и ориентации могильных ям, так и облика керамической посуды. Примечательно, что в обоих упомянутых могильниках не удалось однозначно установить позу погребенного, и в этом отношении омское захоронение до известной степени сужает поле для гипотез. Таким образом, появление еще одного памятника, демонстрирующего тождественность в основных чертах вышеуказанным могильникам, позволяет более четко очертить характерные признаки пахомовской погребальной практики, с одной стороны, «наследующей» андроновские (в широком смысле) погребальные традиции, а с другой – демонстрирующей продолжающийся процесс их трансформации. В связи с этим считаем уместным поставить вопрос о правомерности наметившейся в последнее время тенденции [Корочкова, 2010, с. 36, 52–54] включения в состав пахомовских ряда андроновских погребальных комплексов Ишимо-Иртышья, демонстрирующих контрастные черты погребальной практики, – Абатский-I, Усть-Китерма-IV–V, Калачевка-II, Батаково-XXI и др. Оставляя в стороне

дискуссионный аспект культурной принадлежности перечисленных памятников [Полеводов, 2003; Полеводов, Шерстобитова, 2010], подчеркнем их явную принадлежность иному хронологическому горизонту, что подтверждается не только обликом погребений (преимущественно подкурганых, устроенных выше «материка», на уровне погребенной почвы или в ней), но также и сопроводительного инвентаря, в числе которого имеются датирующие вещи (например, нож с монетовидным навершием из могильника Калачевка-II). Примечательно, что именно отсутствие «ирменских черт» является, по мнению ряда исследователей, хронологическим маркером пахомовских древностей [Корочкова, 2010, с. 51; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 63].

Таким образом, к настоящему времени в устье р. Оми обнаружены два памятника бронзового века – поселение и могильник. Исходя из вышеизложенного представляется, что поселенческий слой, связываемый нами с андроновским кругом древностей в его черноозерском варианте, несколько старше могильника. Материалы пахомовского облика, равно как и андроновские, известны в коллекциях Омской стоянки, расположенной на противоположном берегу Иртыша. Выяснить возможные связи этих памятников позволят дальнейшие исследования.

Библиографический список

Гаврилова И.Г. Отчет о научно-исследовательской работе по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на территории, подлежащей хозяйственному освоению. Историко-культурные исследования по проекту «Определение мощности культурного слоя и глубины залегания фундаментов на объекте культурного наследия Федерального значения «Тобольские врата Омской крепости». Омск, 2008.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселение Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

Глушков И.Г. О гребенчато-ямочном компоненте в генезисе сузгунской культуры // Скифо-сибирский мир. Ч. II. Кемерово, 1989.

Грязнов М.П. Тетради // Музей археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. III. Архив археолога М.П. Грязнова. Д. 66. Л. 289.

Здор М.Ю. О выполнении культурно-исторической экспертизы на участке, подлежащем хозяйственному освоению, расположенном по адресу: ул. Партизанская, 5а в ЦАО г. Омска. Омск, 2015 // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4. Д. 54-1.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург, 2010.

Корусенко М.А. Отчет о проведении археологического обследования территории историко-архитектурного комплекса северо-западного сектора Омской крепости. Омск, 2010 // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4. Диск 3 – 2010–2011.

Матвеева Н.П. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. №1.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 3. Омск, 1960.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. Время и место археологической культуры: к проблеме соотношения андронидных древностей Среднего Прииртышья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.

А.А. Горячев

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ ДРЕВНИХ ХРАМОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГОРНОЙ ЗОНЕ ЗАИЛИЙСКОГО АЛАТАУ

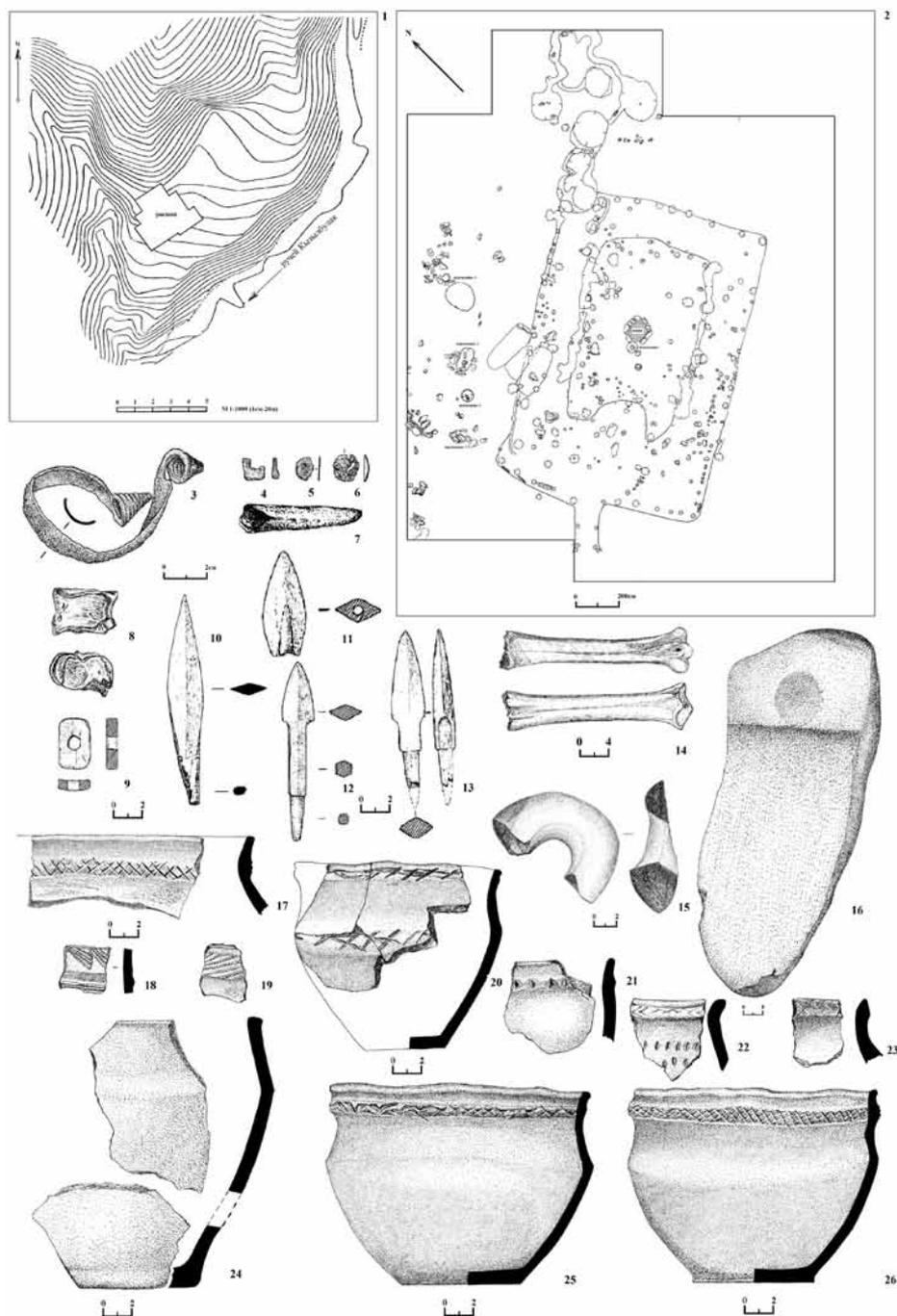
Работы проводились за счет бюджетных средств, выделенных Министерством образования и науки Республики Казахстан по проекту по теме «Генезис древних поселений Северного Пригышья» (шифр программы Г2015, шифр задания программы 3923/ГФ4)

Наиболее ярким памятником, характеризующим все основные этапы заселения и освоения древним населением горной зоны ущелья, является археологический комплекс Тургенъ-II. Он расположен на ровной площадке древней морены, находящейся в 500 м к северо-востоку от места слияния ручья Кызылбулак с одноименной речкой (рис.-1). Это сложносоставной памятник, в структуру которого входят два слоя поселений эпохи бронзы (позднеандроновского времени и периода общности культур валиковой керамики), два слоя стоянок раннего железного века (раннего и позднесакского времени) и могильник усуньского периода [Горячев, 2011а, с. 256–266].

Археологические исследования комплекса Тургенъ-II проводятся в высокогорной зоне Заилийского Алатау с 1998 г. Его сложная структура привела к необходимости исследования курганов усуньского времени и стоянки сакского периода раннего железного века, прежде чем начать исследования древних поселений эпохи бронзы. На сегодняшний день на памятнике изучены 11 курганных захоронений усуньского времени, три наземных жилища стоянки позднесакского периода [Горячев, 2011б, с. 325–341].

К эпохе бронзы относится одно жилое помещение позднеандроновского времени и периода общности валиковой керамики. Исследование следующего помещения этого времени растянулось по времени с 2007 по 2015 г. Только после расчистки трех курганов и трех стоянок раннего железного века стало возможным полное изучение данной конструкции эпохи бронзы. На глубине 100 см с южной стороны и 220 см с северной от дневной поверхности был зафиксирован пол предполагаемого жилища эпохи бронзы (рис.-2). Помещение представляло собой полуземлянку каркасно-столбовой конструкции размерами 13,5 х 9,5 м, врезанную в склон сопки с южной экспозицией. Опорные столбы полуземлянки расположены по периметру помещения через 2–2,5 м друг от друга. Диаметр столбовых ям – от 20 до 30 см. Внутри они были забутованы камнями для укрепления столбовых конструкций.

Основной вход в помещение (прямой коридорообразный) длиной 2 м и шириной 1,5 м располагался с юго-западной стороны. Со стороны входа в южном и западном углах помещения, находилось по одной комнате размерами 4 х 3 м. Перед центральной частью организована таких же параметров ровная площадка, обозначенная по углам наиболее крупными опорными столбами. Под восточной столбовой опорой среди камней забутовки зафиксирован бронзовый браслет со спиралевидными окончаниями (рис.-3).

Материалы исследований ритуального помещения – храма эпохи бронзы из археологического комплекса Тургенъ-II: 1 – топографический план комплекса; 2 – план раскопа помещения 2 эпохи бронзы; 3–7 – бронза; 8–14 – кость; 15–16 – камень; 17–26 – керамика

Центральная часть помещения прямоугольной формы, размерами 8 x 5,4 м, представляла собой ровную площадку, возвышавшуюся над уровнем пола на 30–40 см. По периметру площадки прослеживаются ямки под опорные столбовые конструкции диаметрами 15–25 см. По углам и в центре продольных стенок опорные столбовые конструкции представлены связками из трех бревен. В центре ее располагался очаг округлой формы, диаметром 1,5 м, обложенный крупными ровными валунами. Мощность прокала почвы в очаге составляет 40–50 см, что говорит о его длительном и регулярном использовании. По своим характеристикам он относится к первому типу андроновских очагов, по классификации Е.Е. Кузьминой [1994, с. 80].

Возле центрального очага помещения, с юго-западной стороны, в округлой яме было устроено захоронение, состоящее из правой стороны туши козлика и левой стороны туши козочки. С восточной стороны очага в рабочем положении зафиксирована каменная «зернотерка» с чашевидным углублением (рис.-16). Ее форма и наличие чашевидного углубления на верхней площадке необычны для орудий труда данного типа. Аналоги таким изделиям в материалах эпохи бронзы в близлежащих регионах нам пока не известны. Вероятно, ее использовали в ритуальных целях, поскольку чашевидные углубления довольно часто обнаруживаются среди петроглифов эпохи бронзы и на отдельных камнях древних святилищ, где интерпретируются как обязательные атрибуты ритуальной практики [Сараев, Первых, с. 165–170].

По периметру очага в 1–1,2 м зафиксированы четыре крупных столбовых ямки диаметром 30 см. Они предназначались для массивных бревен, составлявших, вероятно, опорные конструкции крыши (предположительно высотой до 2,8–3 м). Четырехскатная кровля опиралась на квадратную раму в центре дома, поддерживающуюся опорными столбами, врытыми по сторонам центрального очага, над которым устраивалось отверстие для тяги дыма. Устройство перекрытия этого отверстия не устанавливается. Такой тип конструкции характерен для древних андроновских племен Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 74–78].

Пол помещения представляет собой плотный слой глины с примесью извести, вероятно, в жидком состоянии залитый на материковый грунт и затвердевший. Как установлено, в течение всего периода существования дома пол дважды или трижды подвергался капитальному ремонту, в ходе которого он заливался новым глиняным раствором. Отмечаются следы «косметического» ремонта, когда образовавшиеся неровности пола также заливались глинистым раствором.

По периметру площадки находились три коридорообразных помещения шириной 1,6–1,8 м каждое и длиной 8–9 м. В северном углу два из них подходят к боковому выходу, к северу от которого располагались две крупные печи. От печей под полом помещения по периметру центральной его части зафиксированы воздухозаборные каналы. Они могли служить как для обогрева помещения, так и для нагнетания воздуха в печи.

Печи были вырыты в земле и обмазаны глиной. По диаметру максимального расширения они достигали 2 м, высотой – 1,5 и 1 м. Внутри северной печи зафиксированы многочисленные фрагменты древесного угля и отдельные фрагменты кремнированных костей людей. Внутри южной печи восьмеркообразной формы, помимо угля, обнаружены фрагменты костей животных, в большинстве своем обугленных. Печи соединялись выложенным из камня и обмазанным глиной небольшим воздушным коридором в верхней их части. К северу и востоку от этих сооружений обнаружены еще три печи

небольших размеров (диаметр до 1,5 м и высота до 1 м). Все они объединялись между собой и с центральными печами единой системой дымоходов с общим выходом наружу.

Строительные материалы эпохи бронзы зависели от природно-климатических условий каждого региона. Основные материалы в высокогорной зоне Заилийского Алатау – дерево, глина с примесью извести, камни, шкуры животных, солома. Все деревянные конструкции жилища изготавливались из тянь-шаньской ели. Обмазка внутреннего и наружного пространства – глина. Полы – щебень, глина, возможно, солома. Очаг представлял собой каменную выкладку округлой формы. Верхнее покрытие кровли – животные шкуры, иногда дерн.

В 3–4 м к западу от помещения найдены четыре жертвенника. Они представляли собой грунтовые ямы округлой и овальной форм, глубиной 20–30 см. Сверху яма перекрывалась плахами из тянь-шаньской ели и каменной наброской. В двух из них зафиксированы керамические сосуды горшковидной формы (рис.-25–26). Еще в двух жертвенниках были погребены туши молодого козленка и жеребенка.

Среди вещевого материала помещения эпохи бронзы комплекса Тургень-II встречаются каменные и костяные орудия труда, бронзовые украшения (рис.-3–7), костяные черешковые и втульчатые наконечники стрел, бляшки из кости, астрагалы и «коньковые» инструменты (рис.-8–14). Среди каменных изделий в заполнении котлована помещения эпохи бронзы найдены фрагмент каменного кольца и цилиндр (рис.-15). Их утилитарно-практическое назначение не определено.

Среди бронзовых изделий встречаются украшения (браслет, нашивные бляшки). Браслет и бляшки аналогичных форм наиболее характерны для андроновского периода эпохи бронзы близлежащего могильника Кызылбулак-I, который находится с данным поселением в едином комплексе (рис.-3). Интересно, что подобный тип браслетов характерен в андроновское время преимущественно в материалах Средней Азии и Казахстана для памятников федоровской культурной традиции [Аванесова, 1991, рис. 52; Зданович, 1988, табл. 10Б, 10В].

Керамика представлена фрагментами горшковидных (с сильно раздутым туловом) и баночных (с прямыми стенками) сосудов (рис.-17–24). Ряд фрагментов можно отнести к кувшинообразным сосудам. Сосуды в основном крупных и средних размеров с округлым плечиком, судя по фрагментам донцев, плоскодонные. Венчики – преимущественно плоские, с утолщением, округлые, со скосом или бортиком. Около 15% всей керамики принадлежит орнаментированной посуде. Орнамент в основном размещался в верхней части тулова: по венчику, под венчиком, по шейке. Основными видами орнамента являются косые и вертикальные насечки, ногтевые вдавления, формованный валик, «елочки», зигзагообразные линии из косых насечек, каннелюры, «сеточки» и треугольники. Все виды орнамента встречаются в комбинированном виде. Наиболее распространенными являются косые насечки и сеточки по валику, размещенные по шейке сосудов (более 20% орнаментированной посуды). Орнамент наносился в основном режущим инструментом и ногтем.

Выделяются архаичными формами, более характерными для андроновского периода, два ритуальных сосуда, обнаруженных в жертвенниках к западу от помещения (рис.-25–26). Однако они орнаментированы формованными валиками с косыми насечками и сеточкой, что присуще позднебронзовым комплексам горной зоны Заилийского Алатау. По своим параметрам костяные инструменты и керамика поздней бронзы

комплекса Тургень-II наиболее близка материалам поселения Талапты-I в предгорьях Джунгарского Алатау, однако более разнообразна по способам орнаментации [Горячев, Потапов, 2015, с. 343, рис. 1]. Аналогии подобной керамике можно обнаружить в центрально-казахстанских поселениях саргаринского типа [Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 204–257; Варфоломеев, 1987, с. 60; Ломан, 1987, с. 115–123]. Определенный круг аналогий орнаментальным мотивам керамического комплекса Тургень-II прослеживается в материалах поздней бронзы Западной и Южной Сибири [Зах, 1997, с. 68–69; Максименков, 1978, с. 183–186], но наиболее близкие обнаруживаются в поселениях Алтая [Ситников, 1998, с. 78–81]. Такие формы посуды и орнамента на поселенческих комплексах Алтая встречаются и в материалах переходного этапа от эпохи бронзы к железному веку [Папин, Шамшин, 1998, с. 90–91; рис. 12].

Тем не менее большую часть фрагментов посуды составляет неорнаментированная керамика, которая отличается определенным набором форм. Это банки, горшки, миски и кувшины. Некоторую часть таких сосудов характеризуют сильно раздутое тулово и переход к тулову от прямой шейки либо сразу от венчика. Подобные способы формовки посуды представляются более характерными для среднеазиатских комплексов [Мандельштам 1968, табл. XXIII.-5–6, 14–15], где они датируются в пределах XIII–IX вв. до н.э. По совокупности признаков форм и орнаментации посуды керамика позднебронзового этапа на поселении Тургень-II относится к бегазы-саргаринской группе среди общности культур валиковой керамики степной Евразии [Черных, 1983, с. 89–90, рис. 6–7].

Период создания данного строения можно отнести к позднеандроновскому этапу эпохи бронзы на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. Подобная датировка основывается на традициях домостроительства каркасно-столбовых полуземлянок и вещевом материале (бронзовые изделия), характерном для этого исторического этапа. По аналогиям из близлежащего могильника Кызылбулак-I следует предположить их принадлежность федоровской группе древнего населения андроновского хронологического горизонта. Функционирование помещения на этапе поздней и финальной бронзы подтверждается основной частью вещевого материала, преимущественно керамического, который представлен материалами, характерными для бегазинского и донгальского этапов развития культур эпохи бронзы Жетысу.

Своеобразное устройство, в котором центральная часть с очагом не понижается, как традиционно в жилищах андроновского времени, а возвышается над полом позволяет усомниться в жилом характере помещения. Центральный очаг с набором ритуальных предметов вокруг и жертвенником у основания дают основание предположить, что эта часть помещения играла роль алтаря. Наличие печей со следами ритуальных действий (кремированные останки людей) и жертвенников по его периметру позволили определить функциональное назначение конструкции как культового религиозного сооружения – возможно, храма огня.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

- Горячев А.А. Археологический комплекс Тургенъ. Эволюция древних культур // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. I. Алматы, 2011а.
- Горячев А.А. Стоянка и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011б.
- Горячев А.А., Потапов С.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-I // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
- Максименков А.Г. Андроновская культура на Енисее. Л., 1979.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. №145.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
- Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001.
- Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-I // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
- Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

С.П. Грушин¹, Д.С. Леонтьева¹, А.В. Фрибус^{1,2}, А.С. Вальков¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*
²*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ АНДРОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА СИГНАЛ-I

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №15-11-22604, тема «Могильник Сигнал-1 в системе андроновских древностей Обь-Иртышья», и при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Погребальный обряд андроновского населения лесостепного Алтая отличается значительной вариабельностью. В настоящее время на рассматриваемой территории известны как курганные, так и грунтовые могильники [Кирюшин, 1995, с. 59], последние значительно преобладают. В ходе полевого изучения андроновского некрополя Сигнал-I в 2015 г. зафиксированы разнообразные погребальные конструкции, отдельные элементы которых или их сочетания не характерны для ритуальной практики андроновских племен лесостепного Алтая.

Памятник Сигнал-I расположен на правом берегу р. Плоской (левый приток р. Алея), в 1 км к ЮЮВ от окраины с. Плоского Третьяковского района Алтайского края. Он был открыт в 1991 г. председателем сельского совета с. Плоского В.М. Пахомовым, который обнаружил разрушенный каменный ящик в обрыве реки [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996; Грушин, 2009]. В 1991 г. Юго-Западная археологическая экспедиция [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996], в 2007 г. Рудно-Алтайский археологиче-

ский отряд проводили мониторинг памятника [Грушин, Ковалев, 2009]. В 2015 г. на могильнике осуществлялись археологические раскопки Третьяковской археологической экспедицией Алтайского государственного университета.

Визуально могильник не фиксируется на поверхности, что обозначило необходимость проведения геофизических изысканий, которые были реализованы в 2015 г. Магнитное картирование производилось с помощью градиентометра (магнитометр градиентометр FOERSTER FEREX 4.032 DLG GPS) на трех участках размерами 40 x 50, 15 x 34 и 50 x 20 м. Общая площадь участков геофизического обследования составила 3510 кв. м. На обследованной площади памятника явных ожидаемых следов могильных сооружений выявить не удалось. Наблюдается очень пестрая картина. Фиксируются параллельные ряды аномалий, которые заслуживают внимательного изучения, интерпретации и археологической проверки.

В ходе полевого изучения памятника была вскрыта площадь 105,2 кв. м, на которой зачищены пять погребений (№3–7). Также на территории могильника зафиксировано два каменных ящика (№1–2), разрушенных в ходе эрозии берега. Всего на могильнике Сигнал-I изучены семь захоронений.

Погребения №3–7 компактно сгруппированы на небольшом пространстве раскопа 1. Каменные ограды могил №3 и 4, а также №5 и 6 вплотную примыкают друг к другу. Захоронения №1 и 2 расположены на значительном расстоянии как друг от друга, так и от группы могил №3–7, разведочные траншеи и шурфы не обнаружили рядом с ними другие погребения.

Могила №1 найдена в 1991 г. [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996; Грушин, 2009]. Погребальная камера сооружена из четырех каменных плит, поставленных на ребро, и перекрыта двумя или тремя меньшими по размерам плоскими камнями. Ящик был ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ и установлен в яме, выкопанной в материке. Надмогильной конструкции не наблюдалось. Погребение разрушено в ходе эрозии берега. Из ящика происходил керамический сосуд [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, рис. 51.-1].

Могила №2 обнаружена в 115 м к юго-востоку от могилы №1. Объект разрушался небольшой промоиной в береговой линии. В 2015 г. произведены раскопки объекта. Погребальная камера была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Ящик был вкопан в материк и состоял из поставленных на ребро каменных плит, установленных под углом 30 градусов от камеры. Северная стенка состояла из четырех плоских плит; западная – торцевая вымощена одним камнем; южная сооружена из одной крупной плиты; восточная стенка отсутствовала. Глубина камеры составила 0,9 м. Останков и каких-либо артефактов не обнаружено. Вокруг ящика и внутри бессистемно лежало большое количество рваного камня, остатков сооружений, помимо каменного ящика, не выявлено. Скорее всего, существовала конструкция, относящаяся к каменному ящику, разрушенная канавой.

Могила №3. Погребение имело надмогильную конструкцию в виде каменной ограды овальной формы, размерами 5 x 3,4 м, вытянутую длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Она состояла из небольших камней, уложенных вплотную друг к другу. Северо-западный угол ограды не сохранился. При зачистке ограды найден венчик керамического сосуда, украшенный поясом треугольников, выполненных «гладким штампом» [Грушин, 2009, рис. 1.-1]. В северо-восточной части ограды по уровню материка выявлено пятно темного цвета подквадратной формы, размерами 1,8 x 1,9 м, ориенти-

рованное сторонами по линиям СВ–ЮЗ – СЗ–ЮВ. В заполнении ямы зафиксированы две каменные плиты перекрытия. Под ними обнаружена еще одна массивная плита размерами 1,5 x 1,1 x 0,2 м. Под перекрытием находилась погребальная яма в виде цисты размером 0,85 x 0,65 м, глубиной 0,65 м, ориентированная по линии С–Ю с небольшим отклонением к западу. Ее стены вертикальные, плитки и камни хорошо подогнаны. В западном углу камеры зафиксированы скопление угольков и венчик сосуда, еще два фрагмента керамики обнаружены у северо-восточной стенки. Других находок в могиле не найдено.

Могилы №4. Погребение имело надмогильную конструкцию в виде каменной округлой ограды размером 2,5 x 2,3 м, сооруженную из пяти вертикально вкопанных камней. Западная и северо-западная части кольца разрушены. Ограда на юге–юго-западе вплотную примыкала к ограде могилы №3. Поверх кольца имелась каменная наброска, которая, скорее всего, происходит из других разрушенных сооружений. На глубине 0,5 м зафиксировано пятно темного цвета размерами 1,25 x 1,45 м, подквадратной формы, ориентированное по линии С–Ю. При выборке пятна обнаружено перекрытие, состоящее из двух каменных блоков.

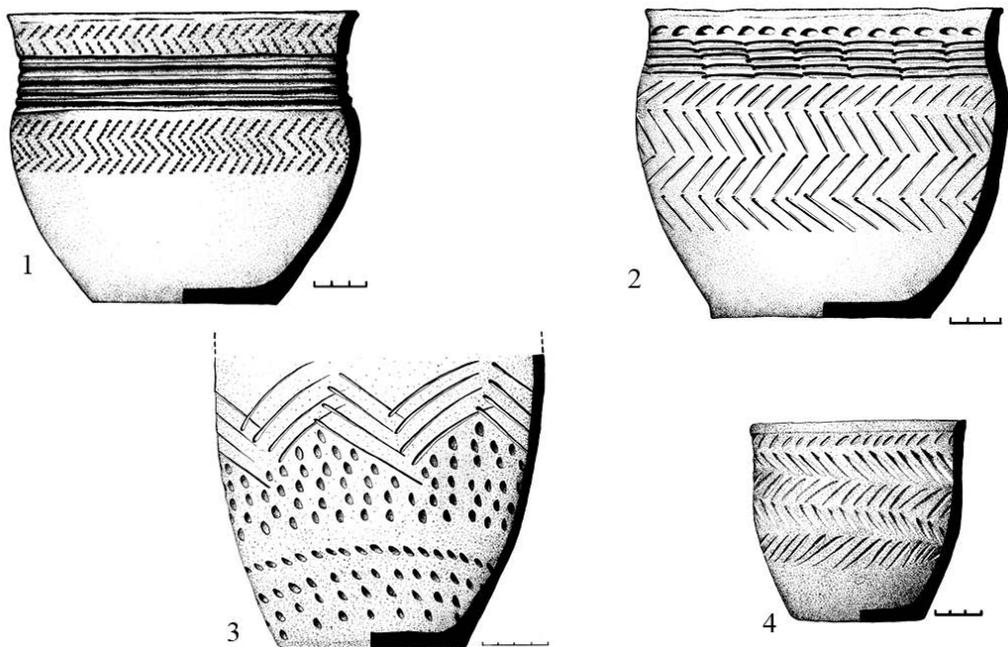
Западная плита перекрытия имела прямоугольную форму (длина – 1,23 м, ширина – 0,28 м, толщина – 0,15–0,21 м). На широкой плоскости камня был оформлен абрис «лица» прямоугольной формы с закругленными краями, размером 35 x 21 см, данный элемент выступает на 3 см. Его поверхность уплощена, черты лица (глаза, нос, рот и т.д.) не обозначены. На торце (слева) у основания имеется искусственное углубление правильной круглой формы диаметром 14 см, глубиной 2 см. Изваяние было уложено «личиной» вверх, ориентировано на юг.

Под перекрытием в заполнении у восточной стенки обнаружен вертикально стоящий камень на глубине 0,42/0,95 м от современной поверхности. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,3 м. У западной стенки на дне могилы найден небольшой сосуд (рис.-4) баночной формы. Он орнаментирован «горизонтальной елочкой», полностью покрывающей стенки.

Могилы №5 располагалась в 6 м севернее могилы №3. Погребение имело надмогильную конструкцию – каменную ограду. Сохранилась лишь северо-западная часть, сложенная из не крупного рваного камня, уложенного в несколько слоев. Ограда первоначально имела овальную форму и была вытянута по линии СВ–ЮЗ, вплотную примыкала к ограде могилы №6. В центре ограды на глубине 0,4–0,65 м лежали потревоженные каменные плиты перекрытия. Под ними зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы размерами 2,0 x 1,1 м, глубиной 1,65 м, ориентированная по оси З–В. У северо-западной стенки погребальной камеры найден вертикально стоящий камень длиной 0,3 м, шириной 0,1 м, высотой 0,15 м, поставленный на дно погребения. В заполнении могилы обнаружены остатки двух костей человека. В юго-западной части могилы найден развал сосуда горшечной формы (рис.-1), придонная часть и дно остались непотревоженными. Он орнаментирован «горизонтальной елочкой» и «каннелюрами».

Могилы №6. Над погребением зафиксирована сохранившаяся северо-западная часть каменной ограды. Ее северо-восточная сторона вплотную примыкала к ограде могилы №5. Каменная кладка сооружена из не крупного рваного камня, уложенного в несколько слоев, имела форму овала размерами 5 x 4 м, вытянутого по линии

СВ–ЮЗ. На глубине 0,9 м в северной части ограды найдено несколько разрозненных костей человека. Могильная яма имела подчетырёхугольную форму размерами 1,5 x 1,3 м и была углублена на 1,2 м. Погребение ориентировано длинной осью по линии З–В. В заполнении найден фрагмент керамики, орнаментированный «каннелюрами» в пять рядов, наклонными линиями, выполненными мелкой «гребенкой» и «гребенчатой качалкой». Фрагменты этого сосуда найдены при расчистке каменной ограды могилы №3.

Сосуды могильника Сигнал-I: 1 – горшок (могила №5); 2 – горшок (могила №7);
3 – банка (найдена в межмогильном пространстве); 4 – банка (могила №4)

Могила №7. Погребение обнаружено в 1 м северо-западнее могилы №3. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами и была вытянута по линии З–В. На глубине 0,7 м зафиксирована массивная гранитная плита размерами 2,6 x 2,15 м, расколотая на несколько частей, выполняющая роль перекрытия. На перекрытии найдено несколько каменных «столбов». Первый «столб» высотой около 0,6 м, отесанный, четырехгранный, в сечении имел подпрямоугольную форму, размерами 0,2 x 0,25 м, установлен вертикально в западной части. Второго «столба» найден с северной стороны на перекрытии. Он состоял из двух частей. Одна половина лежала поверх другой. Камень общей длиной около 0,6 м имел отесанные прямые стороны; в сечении трапециевидной формы, размерами 22 x 12 x 8 x 12 см. Ниже перекрытия расчищена грунтовая яма глубиной 1,8 м, овальной формы, размерами 2,09 x 2,85 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ.

На дне могилы обнаружен *in situ* тлен от двух костей и черепа человека. Судя по ним, умерший был уложен головой на северо-запад, рядом установлен горшок средних размеров (рис.-2). Зоны сосуда выделены орнаментально: под венчик нанесены

крупные ямочные вдавления в один ряд, шейка декорирована пятью рядами прямых линий, нанесенных «гладким штампом», тулово украшено двумя рядами «горизонтальной елочки».

У северной стенки могилы №7 на глубине 0,3 м найден развал сосуда баночной формы (рис.-3). Он лежал вверх дном, часть фрагментов отсутствовала. Скорее всего, сосуд выброшен из разграбленного погребения. Его горловина и тулово отсутствовали. Орнамент сосуда – «елочка» и «ямочные вдавления».

Надмогильные сооружения могильника Сигнал-I не отличаются единообразием. Здесь представлены округлые (могила №4) и овальные (могилы №3, 5–6) каменные ограды. Некоторые захоронения не имели надмогильных конструкций (могилы №1–2, 7). По способу сооружения ограды можно выделить две группы:

– из плоских небольших плит, уложенных в один или несколько слоев (могилы №3, 5, 6);

– из плит, установленных на ребро, вкопанных в материк (могила №4).

Ограды содержали по одному захоронению. Могила №7 имела конструктивную особенность в виде вертикальных каменных столбов, установленных над перекрытием, а в погребениях №4 и 5 были установлены небольшие вертикальные камни под перекрытием. Захоронения устраивали в грунтовых ямах, которые перекрывали каменными плитами или стелами. Проявляется разнообразие в устройстве внутримогильных сооружений. Выделяются три варианта:

– каменный ящик, сооруженный из установленных на ребро плит (могилы №1–2);

– циста, сооруженная из небольших, уложенных друг на друга каменных плиток (могила №3);

– ямы без конструкций (могилы №4–7).

Погребальный обряд могильника Сигнал-I характеризуется труположением: в могиле №7 был расчищен костяк взрослого плохой сохранности; в могилах №5 и 6 найдены кости человека. В других могилах останков не зафиксировано. Плохая сохранность костей связана с неблагоприятными условиями грунта: крупный песок, который хорошо пропускает воду. Только в трех погребениях (могилы №4, 5, 7) удалось определить первоначальную ориентацию тела умершего. Во всех случаях это западный сектор. Погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами. Они найдены почти во всех исследованных могилах. Всего обнаружено семь сосудов, из них археологически целых – четыре. Все они плоскодонные, изготовлены ручной лепкой, серого или красновато-коричневого цвета. По форме сосуды подразделяются на горшки и банки. Все сосуды орнаментированы. Декор наносился крупным, мелким гребенчатым и гладким штампом, палочкой и покрывал большую часть сосуда. Основные элементы рисунка – «елочка», «каннелюры», «ямочки», «гребенчатая качалка».

По характеру погребальных сооружений, обряду захоронения и керамике памятник Сигнал-I, несомненно, относится к периоду средней бронзы и связан с андроновской культурно-исторической общностью, памятники которой распространены на обширной территории от Урала до Енисея. Каменные погребальные конструкции крайне редко встречаются в Верхнем Приобье и тяготеют к предгорьям Алтая, Восточному Казахстану. Так, погребения с каменными ящиками в лесостепном Алтае исследованы на могильниках Чесноково-I [Кирюшин, Шульга, 1996, 2000], Самарка-IV [Грушин, Леонтьева, 2013]; каменные ограды были зафиксированы на памятниках

Гилево-IV и Чекановский Лог-II [Демин, Ситников, 2007, рис. 25], Корболиха-I [Могильников, 1980, 1999]. Важно отметить, что использование на одном памятнике каменной ограды, ящиков, цисты и грунтовых могил на Алтае и Верхнем Приобье встречается впервые. Захоронения с подобными конструкциями широко распространены в Восточном Казахстане [Черников, 1960; Арсланова, 1973; Арсланова 1975; Археологические памятники..., 1987; Ткачев, Ткачева, 2008] и на Енисее [Максименков, 1978; Вадецкая, 1986]. В силу своего географического положения могильник Сигнал-I тяготеет к Восточно-Казахстанскому ареалу распространения андроновских древностей.

Таким образом, исследованный памятник мы связываем с андроновскими древностями восточно-казахстанского варианта андроновской культурной общности [Арсланова, 1975; Кузьмина, 2008, с. 200]. По вопросу о времени существования андроновской культуры нет единого мнения, к тому же полученные в последнее время серии радиоуглеродных дат значительно расходятся с традиционной хронологией андроновской культуры. В целом могильник Сигнал-I можно датировать в рамках традиционной хронологии 2-й четвертью II тыс. до н.э.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // Советская археология. 1973. №4.
- Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Грушин С.П. Итоги исследования могильника Сигнал-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 6. Барнаул, 2009.
- Грушин С.П., Ковалев А.А. Новые информационные возможности по выявлению и фиксации памятников археологии (на примере работ в Третьяковском районе) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, без которой мне не жить». Барнаул, 1995.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. 1996. №2.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск, 2000.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.
- Могильников В.А. курганы Корболиха-I – памятники андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Барнаул, 1999.
- Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Памятники археологии Третьяковского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Приобья. Новосибирск, 2008.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88.

И.В. Ковтун¹, С.В. Баштанник², А.В. Фрибус²

¹*Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия;*

²*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

АНДРОНОВСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ МОГИЛЬНИКА ЮРМАН-I И ЗМЕЕ-/ДРАКОНОБОРЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОРНАМЕНТАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СОСУДОВ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России №33.1175.2014К

Сейчас полевые исследования андроновских древностей Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи ведутся не так активно, как раньше. После масштабных работ В.В. Боброва, его коллег и учеников в 80–90-е гг. прошлого столетия [Бобров, Михайлов, 1989; Бобров, 1992; Ковтун, 1994; Ковтун, 1998; Ковтун, Горяев, 2001; и др.], а также недавно обобщенных изысканий В.А. Борисова [Илюшин, Борисов, 2013] в последнее десятилетие наблюдается определенное «затишье». Поэтому вновь открытые андроновские материалы, безусловно, заинтересуют специалистов.

Могильник Юрман расположен на ровном плато, возвышающемся над одноименным озером, в 7 км к северо-востоку от с. Каменки Промышленновского района Кемеровской области. Памятник открыт в 1987 г. Ю.И. Михайловым. Могильник состоит из двух частей: группа курганов эпохи средневековья (20 сооружений); группа курганов андроновской культуры (приблизительно 12 сооружений), часть насыпей уже тогда визуальнo не читалась из-за сильной распашки.

В 1993 г. три кургана (№1–3) андроновской группы были выборочно раскопаны Д.Г. Савиновым. До раскопок курганы представляли собой сильно уплощенные земляные насыпи диаметром от 10 до 14 м и высотой 0,5–0,6 м. Курган №1 содержал два погребения, в курганах №2 и 3 обнаружено по одному погребению. Устройство могильных ям в целом типично для андроновских памятников Кузнецкой котловины. Могильные ямы были «замаскированы» с помощью материкового грунта, имели квадратную форму со скругленными углами. Внутримогильные сооружения представляли собой деревянные рамы из мощных лиственничных бревен, перекрытые сплошным поперечным накатом, поверх которого были уложены полотнища бересты. Автором раскопок в двух курганах зафиксированы остатки вертикально установленных деревянных столбов. На могильнике присутствуют как кремация, так и ингумация. Курганы №1 и 3 содержали остатки трупосожжения (по два – в каждой могиле кургана №1 и одно – в кургане №3). В кургане №2 зафиксирована ингумация.

Погребальный инвентарь в основном представлен керамикой. Коллекция из раскопок 1993 г. включает 12 разнотипных сосудов (четыре из них относятся к категории «классических» андроновских горшков). Уникальной находкой является бронзовый кинжал из кургана №2. Авторы раскопок справедливо указывают, что случай находки кинжала в андроновском погребении на юге Западной Сибири – явление исключительное [Савинов, Бобров, 1995, с. 84–87]. Это самая восточная находка такого изделия, обнаруженная в собственно андроновском закрытом погребальном комплексе.

В 2014 г. работы на памятнике были продолжены совместной экспедицией ИЭЧ СО РАН и КемГУ. Был снят новый инструментальный план памятника, и проведены раскопки еще одного кургана андроновской группы (№16). Выбранный объект рас-

полагался в непосредственной близости от курганов, исследованных в 1993 г. С целью обнаружения объектов в межкурганном пространстве раскопки велись широкой площадью (всего вскрыто 256 кв. м).

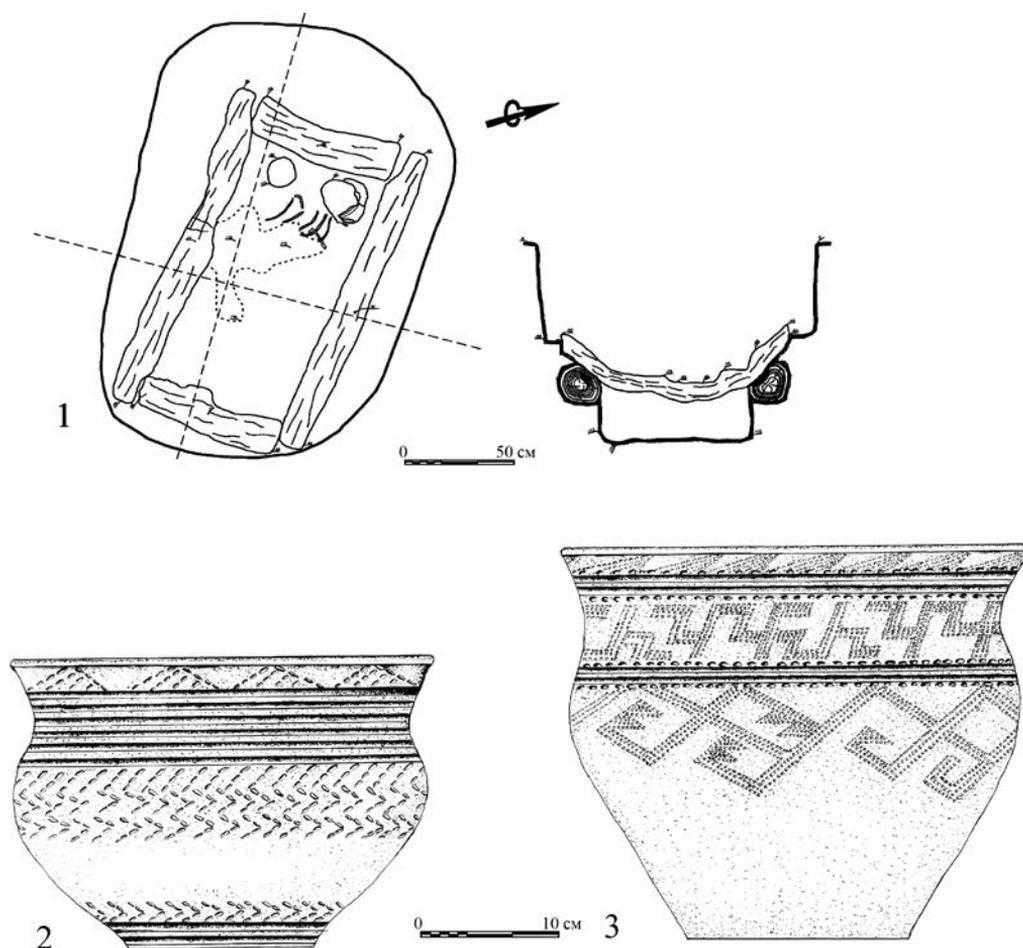
Да начала работ курган №16 представлял собой округлую, уплощенную в результате распушки насыпь высотой около 0,4 м и диаметром 9,5–10 м. При разборке насыпи обнаружено несколько скоплений и отдельных фрагментов керамики. Они орнаментированы в гребенчатой технике, присутствуют геометрические и елочные мотивы, наклады палочкой, жемчужник. По комплексу признаков можно отнести эту керамику к андроновскому культурно-хронологическому комплексу.

Могильная яма была несколько смещена от центра насыпи, как и в курганах, исследованных ранее. Она имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, размеры – 2,95 x 2 м, глубина от уровня материка – 1 м. Могильное пятно четко выделялось по смешанному заполнению, в котором присутствовал материковый грунт, были зафиксированы остатки выкида. Над могильным пятном найдено несколько костей КРС. Перекрытие могильной ямы сделано из поперечных листовенных плах, которые краями лежали на бревнах сруба. На перекрытии зафиксированы крупные фрагменты бересты, по всей видимости, остатки «полотнищ», уложенных поверх плах. В центральной части перекрытие полностью просело в могилу, плахи были сломаны, их торцы расположены почти вертикально. Целые, но прогнувшиеся плахи зафиксированы в западной и восточной частях ямы.

В заполнении могильной ямы встречалась древесная щепа – обломки провалившегося до дна ямы перекрытия. Внутримогильная конструкция представляла собой сруб, который был сооружен из четырех массивных бревен, подогнанных «встык». С внутренней стороны бревна были подтесаны. Толщина продольных бревен – 0,25–0,30 м, поперечных – 0,15–0,25 м. Дно могилы находилось на 0,25–0,3 м ниже уровня установки сруба. По всей видимости, в могильную яму изначально был помещен сруб, а затем пространство внутри него углублено (рис.-1).

В северо-западной части сруба обнаружены остатки трупосожжения: скопление кальцинированных костей и фрагментов угля подовальной формы. В северо-западном и северо-восточном углах ямы установлены два керамических сосуда (рис.-2–3). На дне горшка с «парадной» орнаментацией (рис.-3) находились когти собаки или волка (?). Рядом с сосудами располагались ребра животного (МРС), фрагментированное бронзовое шило и рифленая костяная пронизка, внутри которой сохранились остатки органики, вероятно, кожаного ремешка. При разборке могильной конструкции за одним из продольных бревен найден скребок, сделанный из серо-зеленого кремня.

Следует отметить уникальный случай нахождения когтей собаки (волка) в «парадном» андроновском сосуде. Мифологические универсалии индоевропейских (и не только индоевропейских) народов связаны с представлениями о собаке как о психопомпе, а также страже входа загробного – Нижнего мира. Поэтому когти представителя канисовых в андроновском горшке, скорее всего, содержательно соотносятся со смысловым значением орнаментальной композиции этого сосуда, а равно с семантическим контекстом всего ритуала погребения кремированных останков умершего. Сопроводительные захоронения собак, но не их когтей, известны в ранне-/предандроновских, алакульских, в собственно андроновских и андронидных погребальных комплексах [Михайлов, 1992, с. 110–114].

1 – Юрман-I, курган №16, план и разрез могилы;
2 – Юрман-I, курган №16, сосуд №1; 3 – Юрман-I, курган №16, сосуд №2

Сосуд с когтями собаки (волка) орнаментирован трехзональной композицией с треугольниками по венчику, линейным меандром сомкнутого типа во второй зоне и «ковровым» меандром А-типа в третьей зоне (рис.-3). Смысловое значение таких орнаментальных сюжетов связывалось с фабулой так называемого основного мифа, в котором божественный змея-/драконоборец на стыке Старого и Нового года побеждает своего противника и переустраивает мироздание [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 19–21].

Данная реконструкция основывается на орнаментальной композиции браслета с конусовидными спиралями из могильника Лисаковский, китайских параллелях и сходстве «коврового» меандра А-типа с обско-угорским орнаментальным мотивом «соболь».

На браслете из Лисаковского, с конусовидной имитацией рогов барана-Индры/Веретрагны [Ковтун, 2013, с. 153–156], олицетворявшей баранью ипостась божества и идею жертвоприношения [Ковтун, 2013, с. 153–160], сочетаются совмещенный линейный меандр замкнутого и сомкнутого типов с «ковровым» меандром А-типа [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 21, рис. 6, 1а, 1б]. У хантов и манси мотив, идентичный

последнему, имеет название «соболь» или «соболь с головой» [Иванов, 1963, с. 135–136, рис. 83; Рындина, 1995, с. 325; Молданова, 1999, с. 103–106, 233, рис. 18]. У хантов Казымского Приобья этот мотив, как и сам соболь, связан с лесными духами (миш) и символизирует идею изобилия [Молданова, 1999, с. 103–106, 139]. Практически у всех групп нижнеобских хантов мотив «соболь» (и его разновидности) украшает сумки, резе – коробки, в том числе для хранения швейных принадлежностей [Сязи, 2000, с. 42, 44, 46, 55, 57–58, 61–62, 63, 72, 74, 78, 84, 95, 106]. Это характерный пример метонимического тропа, в котором вместилище фигурирует вместо содержимого. Поэтому использование мотива «соболь» на сумках нижнеобских хантов связывает его с представлением об идее изобилия, восходящей к прото- или раннеугорской архаике.

Глоттохронологически распад праобско-угорского языка датируется IX–VIII вв. до н.э. [Живлов, 2013, с. 219]. Следовательно, его бытование охватывает предшествующие столетия 2-й половины II тыс. до н.э., совпадающие с уходом собственно андроновского населения с исторической авансены. Вероятно, в тот переходный период носители праобско-угорских диалектов и заимствовали ключевые мотивы андроновской орнаментации вместе с представлениями о смысловом значении данных геометрических композиций. Возможность такого заимствования в тот исторический период усматривается лишь в орнаментальном комплексе андронидного культурного массива. При этом орнаментальные элементы, напоминающие либо соответствующие андроновскому типу «коврового» меандра А-типа, аналогичного хантыйскому и мансийскому мотиву «соболь» / «соболь с головой», известны только на еловской, пахомовской, федоровской, а также на бегазы-дандыбаевской керамике. Не исключено, что какие-то из перечисленных культурных сообществ были причастны к передаче указанного орнаментального мотива от ираноязычных «андроновцев» в праобско-угорскую среду, откуда он гораздо позднее и «появился» у хантов и манси.

Симптоматично, что в числе предполагаемых заимствований из так называемого андроновского арийского языка фигурируют: 1) манс. *āctər ‘кнут, плеть’ – поздний авест. aštrā- ‘плеть, кнут, бич’, др.-инд. aštrā- ‘стрекало’ < индоир. *aštrā-; 2) коми dar (darj-) ‘разливательная чашка’, удм. durī ‘разливательная чашка’ < перм. *darī – др.-инд. darvi- ‘разливательная ложка’ < индоир. *darvi-; 3) коми (летский диалект) varneṣ ‘годовалая овечка’ – совр. перс. bagra ‘ягненок’, др.-инд. ugaṇa- ‘баран, ягненок’ [Живлов, 2013, с. 219–220]. Значения именно этих заимствований созвучны семантическому полю андроновского «коврового» меандра А-типа, аналогичного хантыйскому и мансийскому мотиву «соболь» / «соболь с головой». Все три заимствования непосредственно соотносятся с фабулой и главным героем основного мифа, подразумеваемого образом божественного змее-/драконоборца (баран), идеей неиссякаемого изобилия (разливательная чашка/ложка) и функцией магического атрибута, дарованного верховным божеством (кнут, стрекало) для «создания» – досозидания мироздания. В последнем случае подразумевается орудие авестийского Йимы: кнут-стрекало, бодило, стимул – «аштра», «украшенное золотом», данное ему Ахура-Маздой для расширения земли [Стеблин-Каменский, 1995, с. 166; 2009, с. 12, 14, 18].

Темой изобилия и плодородия, возрождения и процветания, идущих на смену «опустошению», пронизаны мифокалендарные представления индоиранских народов о переходном периоде от Старого к Новому году [Топоров, 1990, с. 20; Элиаде, 2009, с. 258]. Вероятно, к архаичной древне- или праиранской идее новогоднего изобилия

и самого Нового года как времени начала нового цикла – возрождения мироздания, восходит и орнаментальная символика андроновского «коврового» меандра А-типа.

Второй мотив на лисаковском браслете представлен линейным меандром замкнутого и сомкнутого типов [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 21, рис. 6.-16]. Символика такого меандра обусловлена его непрерывностью, отсутствием начала и конца, олицетворяющим вечность. В Древнем Китае «меандр соотносился с реинкарнацией и громом» [Топоров, 1994в, с. 273] и трактовался как «линия грома» и «грозовое облако» [Власов, 2001, с. 428]. Непрерывная волна прямоугольных меандровых узоров, т.е. линейный тип андроновского меандра, известен в китайском искусстве как «завиток молнии» или «полоса облака» [Бир, 2011, с. 378]. Персонификация подобных значений указывает на фигуру Громовержца – главного противника и победителя Мирового Змея или дракона. Согласно сюжету основного мифа, с этим событием связываются новогодние празднества возрождения мироздания и начала нового жизненного и календарного цикла. Обоснованность этих параллелей удостоверяется археологическими свидетельствами проникновения в Северо-Восточный Китай традиции андроновидной меандровой орнаментации [Гребенщиков, 1990, с. 74–75, рис. 15.-11].

Таким образом, линейный меандр сомкнутого типа второй зоны юрманского горшка олицетворял образ и (или) атрибутику громовника – демиурга-змее-/драконоборца. «Ковровый» меандр А-типа в третьей зоне этого сосуда (рис.-3) символизировал идею изобилия и процветания, отражавшую мифокалендарную кульминацию сюжетного действия основного мифа при переходе от Старого к Новому году.

Когти собаки (волка), найденные на дне этого сосуда, по-видимому, попали туда с его истлевшей крышки. Можно предположить, что по принципу «pars pro toto» они олицетворяли саму собаку – стража, охранявшего «вход» и доступ к содержимому горшка, представлявшего залогом перехода умершего в иной мир и олицетворением «напитка бессмертия» («сомы», «хаомы», «амриты»), либо предназначавшегося самому умершему (?), либо выступавшего в качестве жертвенного дара, преподносимого богам.

Каннелюрно-«елочная» композиция второго юрманского сосуда (рис.-2) восходит к протосюжету аркаимо-синташтинского периода, представленному на керамике из Синташтинского могильника и из могильника Бестамак. Он был интерпретирован как стилизованное изображение «одноногого козла», напоминающее праобраз Аджи Экапада с чертами связанного с ним «змея глубин» Ахи Будхньи [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 22–23; Ковтун, 2015, с. 51–60].

Имя стоящего у Мирового дерева и поддерживающего небо ведийского одноногого козла Аджи Экапада [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587] связано с именем «змея глубин» Ахи Будхньи. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджа Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией и одноноготью [Топоров, 1994а, с. 44] указывают на серпентоморфные признаки [Ковтун, 2013, с. 81]. Поэтому зигзагообразность вышеупомянутого орнаментального символа аркаимо-синташтинского времени одновременно олицетворяет и «змея глубин» Ахи Будхнью, связанного с Аджей Экападом [Топоров, 1994б, с. 91], имя и одноноготью которого представляются метафорой молнии [Топоров, 1994а, с. 44].

Андроновские реминисценции данного сюжета, включая орнамент юрманского горшка (рис.-2), представлены каннелюрами во второй зоне, возможно, означавшими

небо и атмосферные воды, к которым причастны мифологические персонажи, восходящие к индоиранскому состоянию. Это змее-/драконоборец Трита, считавшийся божеством молнии, воплощением огня в молнии, рождающейся в тучах среди атмосферных вод, откуда его эпитет – Аптья, т.е. «Водяной», и родственник Трите «Сын Вод» Апам Напат, также олицетворявший молнию [Macdonell, 1897, p. 69–70; Эрман, 1980, с. 72]. Связанный с водой («Сын Вод») и огнем (молния) Апам Напат одновременно обнаруживает причастность к «змею глубин» Ахи Будхнье и к одноному козлу Адже Экападу [Топоров, 1994б, с. 91], имя и одноноготь которого, как уже отмечалось, выступают метафорой молнии [Топоров, 1994а, с. 44].

Орнаментированная каннелюрами вторая зона юрманского сосуда (рис.-2), по-видимому, сохранила смысловую символику стихийного начала (небесные/атмосферные воды), соотносимого с архаичным образом героя змее-/драконоборца. В свою очередь, вертикальная «елочка» в третьей зоне сосуда (рис.-2), вероятно, передает стилизованный, орнаментализованный и содержательно стертый образ Аджи Экапада и его метафоры – молнии, олицетворяя еще и серпентоморфную символику «змея глубин» Ахи Будхньи, связанного с Аджей Экападом.

Таким образом, сочетанием каннелюр во второй зоне с вертикальной «елочкой» в третьей, орнаментальной схемой второго юрманского сосуда (рис.-2) также означалась космогоническая модель мироздания в семантическом преломлении основного мифа. При этом изображался уже не конкретный персонаж, а орнаментальная символика с инвариантным остатком смысловых значений столпа, поддерживающего небо, молнии и морфологических признаков серпентоморфности.

Библиографический список

- Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М., 2011.
- Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. Кемерово, 1989.
- Власов В.Г. Меандр // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 8 т. Т. 4. СПб., 2001.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Гребенщиков А.В. Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск, 1990.
- Живлов М.А. Андроновский арийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М. ; Л., 1963.
- Илюшин А.М., Борисов В.А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. Кемерово, 2013.
- Ковтун И.В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994.
- Ковтун И.В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. Новосибирск, 1998.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово, 2013.
- Ковтун И.В. Происхождение и смысловое значение андроновской каннелюрно-«елочной» орнаментации // Вестник КемГУ. 2015. №2 (62), Т. 6.

Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.

Ковтун И.В., Нескоров А.В. Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №1 (28).

Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения. 1990. Ч. I. М., 1992.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.

Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск, 1995.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман-1 в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. №4.

Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры : пер. с авестийского, комм. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009.

Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2000.

Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Топоров В.Н. Ажда Экапад // Мифы народов мира. М., 1994а. Т. 1.

Топоров В.Н. Апам Напат // Мифы народов мира. М., 1994б. Т. 1.

Топоров В.Н. Геометрические символы // Мифы народов мира. М., 1994в. Т. 1.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Изд. 2-е. М., 2009.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.

Macdonell A.A. Vedic mythology. Strassburg, 1897.

И.В. Мерц¹, В.С. Волошин²

¹*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан;*

²*Университет «Туран», Астана, Казахстан*

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА КАМЕННОГО ШЛИФОВАННОГО ТОПОРА-МОЛОТА НА ОЗ. ЖАМАНТУЗ (Казахстан)

Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. по теме «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья: этнокультурное взаимодействие» №0044/ГФ4

Одной из наиболее ярких категорий среди каменных орудий эпохи бронзы Евразийской степной и лесостепной зон являются шлифованные проушенные и привязные топоры. Подобные предметы на территории Казахстана немногочисленны, и поэтому любая новая находка требует скорейшего введения в научный оборот. Данная работа посвящена публикации случайной находки топора-молота из низовий р. Силеты. Задачей исследования является определение его культурно-хронологической принадлежности и рассмотрение вопросов функционального назначения.

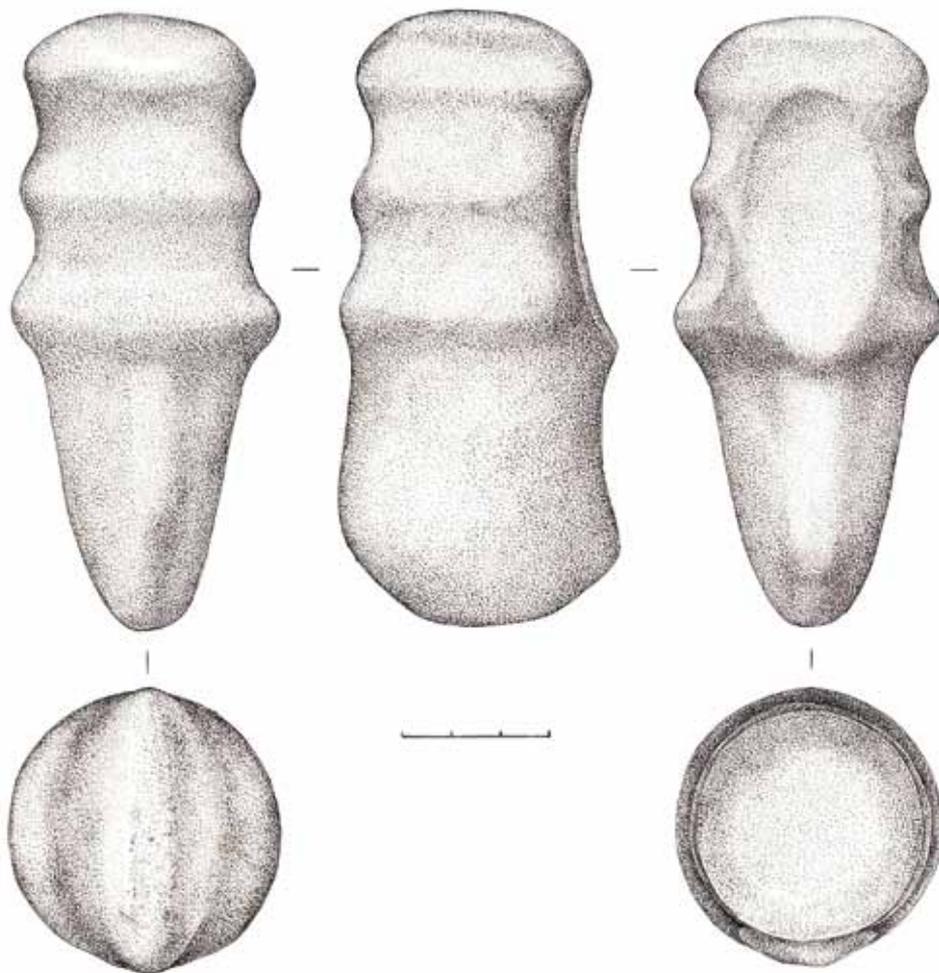
Артефакт (рис.) был найден местными жителями на западном берегу оз. Жамантуз, расположенного в низовье р. Силеты в Уалихановском районе Северо-Казахстанской области, и передан в 2003 г. В.С. Волошину. Проведенное им впоследствии обследование прибрежной части озера не выявило там каких-либо археологических объектов. Изделие представляет собой изготовленный из зеленовато-серого гранита

шлифованный «привязной» топор-молот с двумя рабочими частями – топоричем и обухом, общая длина – 12,5 см, вес – 540 гр. Топориче, овальное в сечении, представляет собой клювовидную «лопасть», составляющую половину длины предмета, верхний край которой несколько вздернут, а нижний – оттянут к брюшке, имеет дугообразное притупленное лезвие длиной 5,6 см. В средней части топориче плавно переходит в окаймляющий топор валик, в этом месте изделие приобретает округлое сечение и достигает максимальной ширины – 5,5 см и затем сужается к выпуклому обуху диаметром 4,6 см. Для привязывания рукояти на обухной части имеется два поперечных желобка шириной 1,8 см, а на брюшке, для упора рукояти, – овальная выемка размером 5,4 x 3 см (рис.-2). Вся поверхность орудия равномерно пришлифована, местами покрыта карбонатной коркой, что свидетельствует о залегании изделия среди суглинков.

На территории Казахстана привязные топоры известны в Прииртышье, в ранне-бронзовых погребальных комплексах Шауке-1 – могила №4 (раскопки И.В. Мерца), Айна-Булак-I – насыпь кургана №2 [Ковалев, 2014, с. 27, рис. 37], на позднебронзовом поселении Побока [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 18, рис. 6], а также как случайная находка из медных выработок в урочище Тукнур [Археологический отдел..., 1888, с. 6]. По-видимому, обломком подобного топора является стержень с двумя поперечными желобками из Акмолинской области, интерпретированный как зооантропоморфная фигура [Самашев, 2013, рис. 14.-1].

На сопредельных территориях топоры с двумя желобками и упором для рукояти известны как случайные находки в лесостепном Алтае (в районе г. Рубцовска), на Урале (из Свердловского музея) (№111) [Удодов, 1993, с. 136, рис. 1.-1; Ченченкова, 2004, с. 238]. Более далекие аналогии наблюдаются в Восточной Европе, на поселениях культуры многоваликовой керамики – Подгоровка и др. [Березанская, 1982, рис. 3.-22; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с. 33, рис. 8], в раннесрубных комплексах восточнорусской лесостепи – Зливки, Грушеваха [Берестенев, 2001, с. 92, рис. 82.-4–5]. Еще несколько случайных находок известны в Ростовской области [Мельников, 2012, с. 146, рис. 3.-7–9]. Одно подобное изделие хранится в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого [Лев, 1934, с. 15, рис. 17]. Кроме топоров, крепление рукояти при помощи продольной выемки и поперечных желобков имеется на молотах из поселения Токсанбай на Устюрте [Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2004, рис. 12.-1] и Мосолово в лесостепном Подонье [Татарин, 2003, с. 41, 44], а также на тесловидном предмете с поселения Дальверзин в Фергане [Ширинов, 1986, с. 60, рис. 18.-б] и на случайной находке песта из Жетесу [Хасенова, 2012, фото 3].

У части этих изделий для крепления использовался один поперечный желобок. Два желобка и выемка для упора имеются на орудиях из Айна-Булака-I (курган №2), Рубцовска, Свердловского музея, Подгоровки. По способу крепления и форме топорича наибольшее сходство с топором из Жамантуза проявляет находка из Рубцовска [Клюкин, 1993]. Изделие из Айна-Булака отличается лопаткообразным топоричем, со стороны спинки несколько выгнуто, а на обухе, со стороны брюшка, имеется углубление для упора рукояти. Расположение выемки-упора на широкой, а не на узкой части обуха, как у находок из Жамантуза, Рубцовска, Подгоровки, говорит в пользу того, что это орудие было мотыгой.

1 – местонахождение топора; 2 – каменный топор с оз. Жамантуз

Несмотря на имеющиеся сходства в устройстве насада, топор из Жамантуза существенно отличается от приведенных аналогий клювовидной формой топорича, имеющей вздернутый верхний, оттянутый нижний края и изогнутое лезвие. По этому критерию он проявляет сходство со сверлеными топорами-молотами из нуртайского могильника Красная Круча в Центральном Казахстане и раннесрубного кургана покровского типа Крутенький-II в Самарском Поволжье [Семенов, 1956, с. 263; Ткачев, 2002, с. 175; Кузьмина, Михайлова, 1999, с. 100, рис. 9]. Более отдаленное сходство наблюдается с изделиями из алакульского могильника Лисаковский-III – сооружение №3 [Усманова, 2012, с. 124, рис. 28.-10], Бородинского клада [Шишлина, 2013, рис. 5], а также с целым рядом подобных находок из Евразийских степей [Бронзовый век..., 2013, с. 392, 400, 571]. Кроме формы топорича, все эти изделия объединяет наличие двух рабочих частей – лезвия-лопасти и обуха, которые пропорционально являются почти равнозначными друг другу [Никулина, 1999, с. 221]. Наличие этих конструктивных элементов существенно отличает топор из Жамантуза, Рубцовска и Свердловского музея от привязных клиновидных топоров наподобие тех, что происходят из Шауке-1, Побока и др.

Определение культурной принадлежности топора-молота с оз. Жамантуз затруднительно. Прямые аналогии здесь отсутствуют, несмотря на то, что подобные изделия встречаются на многих памятниках бронзового века Евразийских степей. Однако они практически не известны в закрытых, хорошо датированных комплексах. Единственной наиболее схожей аналогией орудия из Жамантуза является случайная находка из Рубцовска. Автор публикации Г.А. Клюкин [1993, с. 137] на основании параллелей с окуневскими материалами отнес его к елунинской культуре. Открытие в Прииртышье погребальных комплексов раннего бронзового века, содержащих привязные орудия, – Шауке-1 (могила 4) и Айна-Булак-I (курган №2) – позволяет более обоснованно определить культурную принадлежность подобных изделий в регионе. Могильник Шауке-1 относится к елунинской культуре. На основании серии калиброванных ¹⁴C дат время его существования определяется в пределах XXV–XXIII вв. до н.э. [Svyatko, Mertz, Reimer, 2015, s. 639]. Могильник Айна-Булак-I, по мнению автора раскопок А.А. Ковалева [2011, с. 197; 2014, с. 7], относится к так называемому чемурчекскому феномену, который объединяет синхронные памятники Синьцзяна, Монголии, Казахстана. Время существования памятника на основании серии ¹⁴C дат определяется в пределах XXVI–XVIII вв. до н.э. [Ковалев, 2009, с. 131]. Такая длительная протяженность существования древнего кладбища, состоящего всего из четырех сооружений, вызывает сомнение. Необходимо отметить, что наиболее ранние даты были получены по человеческим костям из кургана №1. Проведенные радиоуглеродные и радиоизотопные исследования на раннебронзовых памятниках Прииртышья выявили существование в регионе пресноводного резервуарного эффекта, которому, в частности, подвержены образцы костей человека – резервуарный эффект приводит к удревнению получаемых дат [Svyatko, Mertz, Reimer, 2015, s. 641]. Следовательно, датировка кургана №1 могильника Айна-Булак-I, скорее всего, является завышенной. Поэтому наиболее корректной, видимо, следует считать дату, полученную по костям животных из кургана №3, определяющую возраст сооружения XIX–XVIII вв. до н.э. [Ковалев, 2009, с. 131]. В этом случае выстраивается схема развития каменных привязных орудий в Прииртышье. Наиболее ранним является топор из

могилы №4 Шауке-1, более поздним – мотыга из насыпи кургана №2 Айна-Булака-1. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что наличие выемки для упора рукояти на подобных орудиях является поздним признаком. Это положение подтверждается находками привязных топоров и молотов с выемкой-упором на поселении культуры многоваликовой керамики Подгоровка, в раннесрубных поселенческих комплексах Зливки и Грушеваха, датируемых 1-й четвертью II тыс. до н.э. [Березанская, 1982, с. 26; Берестенев, 2001, с. 109, 149; Мимоход, 2011, с. 49]. Наличие выемки для упора рукояти на орудиях из Рубцовска и Жамантуза позволяют отнести их к более позднему времени, чем топор из Шауке-1.

В пользу именно такой датировки говорят и параллели со сверленными топорами-молотами. Топор из Красной Кручи относится к бозенгенскому этапу нуртайской (петровской) культуры (1-я четверть II тыс. до н.э.) [Ткачев, 2002, с. 213]. Этим же временем на основании ¹⁴C дат датируется и топор из раннесрубного кургана покровского типа Крутенький-II [Михайлова, Кузьмина, 1999, с. 119]. Оба эти изделия, по мнению О.В. Кузьминой [2006, с. 346], являются производными от топоров Бородинского клада. Время бытования вещей Бородинского клада (в частности, сейминско-турбинского типа) в свете появления новых калиброванных радиоуглеродных дат удревняется до XIX–XVIII вв. до н.э. [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 100; Шишлина, 2013, с. 168]. Наличие двух морфологических элементов – желобков, выемки-упора для крепления рукояти и клювовидного топорщица, характерных для поздних привязных и сверленных топоров на одном изделии, позволяет датировать топор-молот из Жамантуза финалом синташтинского времени в пределах конца 1-й четверти II тыс. до н.э. По-видимому, топоры из Жамантуза и Красной Кручи относительно синхронны, а топоры из Рубцовска и Свердловского музея, имеющие более архаичную форму топорщица, несколько древнее и занимают промежуточное положение между орудиями из Шауке-1 и Жамантуза.

Достаточно сложным остается вопрос культурной принадлежности рассматриваемого изделия. Озеро Жамантуз расположено в пределах ареала кротовской и елунинской культур. Однако нужно отметить, что рядом находится и ареал распространения памятников петровского типа. Наличие определенных аналогий и прототипов в елунинской культуре и отсутствие подобных в петровских памятниках позволяет предварительно отнести жамантузское изделие к елунинской культуре. В Прииртышье последняя существовала в XXV–XVIII вв. до н.э. [Svyatko, Mertz, Reimer, 2015, s. 640]. Появление изделия такой гибридной формы в елунинской среде, видимо, связано с влиянием западного раннеандроновского (петровского) населения, которое могло произойти только на позднем этапе существования елунинской культуры.

Отдельным вопросом является функциональное назначение топора-молота с оз. Жамантуз. В начале II тыс. до н.э. каменные топоры по большей части не имели практического функционального значения, но сохраняли ритуальное. В это время топор «...выступал как символ верховной земной власти и власти небесной, вместе с тем он – символ власти загробного мира и возрождения, жертвенной смерти...» [Никulina, 1999, с. 220, 223; Мельников, 2012, с. 147]. Вполне вероятно, что изделие из Жамантуза совмещало в себе функции боевого оружия и символа высокого статуса владельца, являлось инсигнией власти, наподобие каменных булав и скипетров [Мельников, 2012, с. 147, 148]. Последняя функция могла быть приоритетной. В пользу этого

говорят результаты трасологического исследования* артефакта, выявившего следы работы не на рубящей части орудия, а на обушной и на выемке-упоре. Обух покрыт забитостями, типичными для предмета, использовавшегося в качестве песта. Выемка-упор имеет трасы, симметричные длинной оси орудия, с незначительными отклонениями округлой формы. На ее поверхности фиксируется слабожирная заполировка, отличная от следов шлифования поверхности самого орудия, что позволяет сделать заключение о его использовании для растирания мелких плотных и среднеплотных объектов. Наличие этих следов на орудии говорит в пользу его ритуального и полифункционального назначения. Однако отсутствие следов работы на лезвии**, а также положение изделия вне археологического комплекса позволяют предположить, что первоначально оно не использовалось по своему прямому назначению, а зафиксированные следы работы являются вторичными и получены позднее.

Таким образом, время бытования топора с оз. Жамантуз на основании аналогий определяется концом 1-й четверти II тыс. до н.э. Вероятно, его необходимо рассматривать в рамках кротовских и елунинских древностей. Появление топоров такой формы в кротово-елунинской среде, видимо, связано с влиянием раннеандроновского населения, которое в это время начинает активно контактировать с населением Западной Сибири [Корочкова, 2011, с. 12, 24]. Возможно, первоначально изделие имело статусный характер, а позднее, в другой исторический период, использовалось в качестве песта в ритуальных или практических целях. Данные выводы не являются окончательными и по мере пополнения археологических источников могут быть скорректированы.

Библиографический список

- Археологический отдел Семипалатинского областного музея. Семипалатинск, 1888.
Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
Березанская С.С., Цвек Е.В., Ключко В.И., Ляшко С.Н. Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев, 1994.
Берестенев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001.
Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. СПб., 2013.
Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. №4.
Клюкин Г.А. Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993.
Ковалев А.А. Чемурчекский феномен как продукт эволюции мегалитов Атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европы и памятников чемурчекской культуры) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.
Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. №1.
Ковалев А.А. Введение // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014.
Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

* Определения выполнены младшим научным сотрудником Центра археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова Е.Н. Тушевой на стереоскопическом микроскопе Альтами СМ0745-Т.

** Практически на всех статусных вещах отсутствуют следы работы [Мельников, 2012, с. 147].

- Кузьмина О.В. Каменные сверленные топоры Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Лев Д.Н. К истории горного дела // Труды Института антропологии и этнографии. Вып. 2. Ленинград, 1934.
- Мельников А.Ю. Вопросы изучения каменных шлифованных топоров-молотов Юго-Восточной Европы эпохи палеометалла // Проблемы дослідження пам'яток Східної України Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганск, 2012.
- Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225.
- Михайлова О.В., Кузьмина О.В. Новые памятники бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999.
- Никулина Н.М. Ритуальные молоты-топоры из троянского клада L. (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // Вестник древней истории. 1999. №2.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М., 1985.
- Семенов Л.Ф. Находка каменного топора у реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. I. Алма-Ата, 1956.
- Самашев З.С. Казахское искусство : в 5 т. Т. 1 : Древнее искусство. Алматы, 2013.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т. Поселения эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Верхнее Прииртышье в эпоху бронзы. Новосибирск, 2008.
- Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда ; Лисаковск, 2013.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III-II тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.
- Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трассологического изучения). Ташкент, 1986.
- Шишлина Н. Бородинский клад: продолжения поиска // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. СПб., 2013.
- Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Reservoir Effect on Re-Dating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age North-East Kazakhstan // Radiocarbon. 2015. Vol. 57, No 4.

Г.А. Миляев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МОДЕЛЬ ЖИВОТНОВОДСТВА АНДРОНОВСКОГО ОБЩЕСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Изучение древних обществ методологически можно разделить на отдельные блоки. Исследователи, применяя системный подход при анализе археологического материала, выделяют такие параметры, как реконструкция социальной структуры и система жизнеобеспечения. В настоящей работе предпринята попытка провести реконструкцию состава стада у населения андроновской археологической культуры Обь-Иртышского междуречья при помощи методики А.А. Антипиной, которая успешно использовалась на археологическом материале [Антипина, 2004, 2006; Грушин, 2011]. Ранее автором при помощи данного инструментария были проанализированы палеозоологические данные

андроновских памятников Верхнего Приобья – Фирсово-XV, Большой Лог-I, Переезд [Миляев, 2011, 2012]. В настоящей статье будут рассмотрены остеологические материалы андроновских поселений Восточного Казахстана, опубликованные С.С. Черниковым [1960], – это Канай, Мало-Красноярка, Усть-Нарым и Трушниково. Таким образом, цель данного исследования – проанализировать палеозоологические данные андроновской культуры Восточного Казахстана с помощью новой методики реконструкции состава стада и сравнить эти данные с имеющимися определениями по Верхнему Приобью.

Население андроновской культуры по большей части занимало территорию степи и лесостепи. Эта ландшафтная зона, по мнению В.М. Массона [2004], способствовала благоприятному развитию общества, создавая, наряду с ресурсным разнообразием, широкие возможности для комплексного типа хозяйства. В эпоху бронзы увеличивается как численность домашних животных, так и их видовой состав. Таким образом, эпоха бронзы – это время непрерывного развития скотоводства как формы хозяйства. Интересно, что данный исследователь называет скотоводство доминантной отраслью хозяйства для того времени, которая оказывает «...определяющее воздействие на другие системы блока жизнеобеспечения общества – типы жилищ и поселений, характер питания и, в определенной мере, на типы одежды» [Массон, 2004, с. 9–10].

Затрагивая вопрос системы хозяйства древних племен, М.Ф. Косарев [1984, с. 53–54] отмечал, что многоотраслевой тип хозяйства соответствовал двум определяющим факторам: «разнообразию природно-климатических и ландшафтных условий, и изменчивости природно-климатических условий». Вероятно, подобный тип хозяйства способствовал успешной адаптации к изменяющимся природным и социальным условиям, позволяя увеличивать или уменьшать ту или иную отрасль жизнеобеспечения, делая хозяйство в целом более эффективным.

В.И. Цалкин, рассматривая проблему происхождения животноводства в Восточной Европе, выявил процентное соотношение видов домашних животных в андроновской культуре в целом. По его данным для памятников Приуралья и Казахстана, из общей выборки в 8738 костей (547 особей) первое место занимает мелкий рогатый скот – 46,6%, второе – крупный рогатый скот – 37,0%, и третье место принадлежит лошади – 16,4% [Цалкин, 1976, с. 253].

У населения Верхней Оби в период развитой бронзы, судя по археологическим данным, система жизнеобеспечения также имела выраженный скотоводческий характер. По мнению многих исследователей, скотоводство «андроновцев» имело форму пастушеского с разведением продуктивного молочного скота, лошадей и овец [Кирюшин, Грушин, 2010, с. 87]. Для костных остатков из поселений различных регионов распространения андроновской общности отмечается неоднородность состава стада, хотя в большинстве случаев фиксируется преобладание крупного рогатого скота [Кирюшин, Грушин, 2010, с. 93]. По мнению Ф.А. Сатлаева, это была прогрессивная форма хозяйства, в основе которого лежало животноводство. Первое место, по его мнению, в андроновском стаде занимал крупный рогатый скот двух пород – крупнорослой и мелкой, второе место – овцы двух пород: грубошерстной и тонкорунной, и третье место занимала лошадь. Находки псалиев свидетельствуют о том, что в андроновское время лошадь использовалась не только для мяса, но и для транспортных нужд [Сатлаев, 1988, с. 184; История Алтая, 1983, с. 22].

Рассмотрение остеологических данных поселений андроновской культуры Восточного Казахстана – Канай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка и Трушниково – с при-

менением методики А.А. Антипиной позволит смоделировать состав стада домашних животных у населения этих племен. Для этого нам необходимо рассмотреть возрастную структуру забитого на поселениях скота, выявить характер и формы использования различных видов животных [Антипина, 2004; Грушин, 2011, с. 412]. Остеологическая выборка с четырех поселений является репрезентативной (всего 3125 определимых костей) [Черников, 1960, с. 62].

По данным С.С. Черникова [1960, с. 64], из домашних животных в пищу преимущественно употреблялись молодые животные до двухлетнего возраста, что говорит о мясном направлении скотоводства. Отметим, что подобная система поддержания численности поголовья, «когда 50% забитых особей имели возраст до двух лет, 75% – моложе трех лет скота наиболее продуктивна» [Кузьмина, 1994, с. 201].

Для крупного рогатого скота на этих поселениях А.А. Черниковым определены две формы использования – это преимущественно мясное и в меньшей степени молочное. Кости этого вида довольно фрагментированы и представляют собой обломки трубчатых костей, ребер, позвонков, костей таза и лопаток. Кости черепа и нижние челюсти встречаются очень редко, за исключением поселения Канай, где их несколько больше. Количество определенных особей крупного рогатого скота колеблется от 35 до 45% и только на Мало-Красноярке падает до 23%. Порода КРС везде одна и та же – относительно малорослая [Черников, 1960, с. 62].

Кости козы и овцы представляют собой такие же кухонные отходы, как и кости крупного рогатого скота, но измельчены меньше. Часто встречаются целые кости конечностей, обломки черепов и нижние челюсти. Для мелкого рогатого скота С.С. Черниковым обозначены три вида эксплуатации – это мясное направление, использование меха, а наличие пряслиц на всех поселениях позволяет с уверенностью говорить не только об употреблении мяса шкур, но и об использовании шерсти. Необходимо отметить, что забой мелкого рогатого скота в возрасте до двух лет может говорить о приоритетном использовании данного вида в овчинно-шубном направлении [Черников, 1960, с. 62–63].

Судя по строению нижних конечностей, лошадь на всех поселениях представлена породой мелкого «степного» типа. Как пишет С.С. Черников [1960, с. 64], в андроновское время «началось использование лошади как верхового и тяглового животного». Таким образом, данный вид домашних животных эксплуатировался тремя основными способами: 1) в мясном направлении, 2) как верховое и 3) как тягловое животное.

Процедура исследования и ее применение подробно описаны в статьях А.А. Антипиной и автора данной статьи, в которых рассматривались материалы поселений Верхнего Приобья [Антипина, 2004, 2006; Грушин, 2011; Миляев, 2011, 2012].

Проведенное исследование показывает, что в мясном рационе на всех четырех поселениях (Канай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Трушниково) преобладает крупный рогатый скот – это от 61,89% на Мало-Красноярке до 93,77% на Канае. Второе место в рационе «андроновцев» занимает лошадь с показателями от 6,02% на Канае до 23,15% на Мало-Красноярке и 25,90% на Трушниково, и третье место принадлежит мелкому рогатому скоту, чей удельный вес на Канае составляет 0,21%, в Усть-Нарыме – 6,54%, на Трушниково – 7,25% и на Мало-Красноярке – 14,96% (см. табл.).

Таким образом, на рассмотренных поселениях Восточного Казахстана выстраивается следующая иерархия видов в составе стада домашних животных: первое место занимает крупный рогатый скот с мясным и молочным направлением; на втором ме-

сте – лошадь с мясным и транспортным направлением использования, а также в качестве верхового и тяглого животного; на третьем месте – мелкий рогатый скот с мясомолочным и шерстным направлением эксплуатации.

Необходимо отметить, что доля охоты и рыболовства на рассмотренных поселениях занимает незначительную роль. В определенных случаях доля костей диких животных составляла 2,1% на Канае, 4,1% на Мало-Красноярке, 6,8% на Трушниково, на материале Усть-Нарыма – 7,8%. Охота на промысловых животных частично носила пушной характер, о чем свидетельствуют находки костей лисицы, сурка, волка, другая группа костей относится к мясным животным – косуле, маралу, оленям, дикому барану и др. [Черников, 1960, с. 64].

Расчеты относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для андроновских поселений Канай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка и Трушниково (1952–1956 гг.)

Памятники (число костей с/х видов в кухонных остатках)	КРС	МРС	Лошадь	
I. Остеологические спектры (кол-во костей)				
Канай (1631)	1496	23	112	100%
Усть-Нарым (314)	185	102	27	100%
Мало-Красноярка (466)	149	252	65	100%
Трушниково (714)	323	245	146	100%
II. Кратность веса туш домашних животных по отношению к одной туше овцы/козы				
	7	1	6	
III. Объемы мясных продуктов в условных единицах				
Канай	10472	23	672	11167
Усть-Нарым	1295	102	162	1559
Мало-Красноярка	1043	252	390	1685
Трушниково	2261	245	876	3382
IV. Соотношение объемов мясных продуктов				
Канай	93,77	0,21	6,02	100%
Усть-Нарым	83,07	6,54	10,39	100%
Мало-Красноярка	61,89	14,96	23,15	100%
Трушниково	66,85	7,25	25,90	100%
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях				
На всех этих поселениях (среднее)	2	4	3	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада				
Канай	1	3	2	
Усть-Нарым	1	3	2	
Мало-Красноярка	1	3	2	
Трушниково	1	3	2	

Для андроновских памятников Большой Лог-1, Фирсово-ХV и Переезд было выявлено, что наибольшую долю в стаде домашних животных андроновской культуры Верхнего Приобья имел крупный рогатый скот, который разводили для получения мяса и молока. Второе место в стаде занимает лошадь, вероятно, с мясным, молочным и транспортным направлением. И третье место в стаде данного региона, по всей видимости, занимал мелкий рогатый скот с преимущественно овчинно-шубным направлением разведения этого вида домашнего животного [Миляев, 2012, с. 172]. Доля соотношения костей диких животных на поселении Большой Лог-1 достигает 2,3%, на Фирсово-ХV приближается к 10,8% [Киришин, Грушин, 2010, с. 90–91].

При сравнении результатов по андроновским поселениям Верхнего Приобья и Восточного Казахстана выявляется практически одинаковая иерархия сельскохозяйственных видов в стаде домашних животных. На первом месте – КРС, затем лошадь и на третьем месте – МРС. Однако в соотношении мясных поедаемых продуктов (строка IV в табл.) наблюдаются отличия: на восточноказахстанских памятниках для КРС этот показатель варьируется в пределах 61,8–93,7%, для лошади – 6,02–25,9%, для МРС – 0,21–14,26%, а на верхнеобских для КРС – 46,9–71,4%, МРС – 5,7–12,2%, лошади – 16,4–41,5%. Отсюда видно, что в мясном рационе «андроновцев» Восточного Казахстана крупный рогатый скот играл большую роль, и его значение доходит до 80–90%, в отличие от Верхней Оби, где его доля – 46–71%. В то время как лошадь у населения Верхней Оби в питании занимает 30–40%, а в Восточном Казахстане – это лишь четверть от поедаемого мяса – 6–25%. Также фиксируются несколько меньшие показатели по МРС в Восточном Казахстане.

В целом у всех видов домашних животных фиксируется одинаковое количество вариантов эксплуатации, а также схожее соотношение костей диких и домашних видов в рассматриваемых регионах.

В связи с полученными данными отметим, что, по мнению некоторых ученых, соотношение костей домашних копытных не является «культурно специфическим признаком». На отдельных поселениях оно может существенно отличаться от типичного вида [Кирюшин, Косинцев и др., 2012, с. 91]. Возможно, что небольшие отличия могут быть обусловлены в первую очередь географическим фактором, а также традициями ведения хозяйства локального характера, обусловленными, в том числе, влиянием местных аборигенных племен, что вполне допустимо для таких близких территорий андроновской культуры, как Верхнее Приобье и Восточный Казахстан.

Проведенное исследование частично подтверждает тезис об отличительном своеобразии животноводства андроновской культуры Западной Сибири от других регионов Евразии. Такими чертами, по мнению некоторых исследователей, являются отсутствие в стаде свиньи и высокая степень пространственно-временной однородности структуры [Кирюшин, Косинцев и др., 2012, с. 91]. Это проявлялось в сохранении на больших территориях в течение продолжительного времени относительно одинаковых характеристик животноводства. То же самое касается структуры и половозрастного состава.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004.

Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.

Гальченко А.В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Грушин С.П. Реконструкция состава стада поселка эпохи ранней бронзы Костенкова избушка в верхнем Приобье // Маргулановские чтения-2011. Астана, 2011.

История Алтая : учебное пособие. Ч. I. Барнаул, 1983.

Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Хозяйство населения андроновской культуры Верхнего Приобья // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Грушин С.П., Папин Д.В. Становление производящей экономики на основе скотоводческого типа жизнедеятельности в эпоху бронзы степной полосы Северной Азии // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. М., 2012.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.Н., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Массон В.М. Развитие древних обществ Евразии и адаптационные императивы // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита – бронзы). СПб., 2004.

Миляев Г.А. Особенности состава стада домашних животных по материалам андроновских поселений Переезд, Фирсово-ХV и Большой Лог-1 // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул, 2011.

Миляев Г.А. Структура стада домашних животных у населения андроновской культуры Верхнего Приобья // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4.

Саглаев Ф.А. Из истории хозяйственного развития Северного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины : учебное пособие. Новосибирск, 2004.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1976.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л., 1960.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

БЕРЛИКСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Работа выполнена в рамках проекта 8.100.2.1. «Динамика этнокультурных процессов в Обь-Иртышском междуречье: от неолита до средневековья»

13 января 2016 г. исполняется 70 лет со дня рождения видного российского ученого и организатора науки, профессора Юрия Федоровича Кирюшина. Вся творческая жизнь Ю.Ф. Кирюшина посвящена изучению археологии и древней истории Западной Сибири. Он является первооткрывателем и исследователем целой серии погребальных и поселенческих комплексов, расположенных на севере Западно-Сибирской равнины, в Верхнем Приобье, Горном Алтае и Кулундинской степи. Особое значение имеет открытая им елунинская культура эпохи развитой бронзы, имеющая огромное значение для понимания историко-культурных процессов, протекавших в Западной Сибири в бронзовом веке [Кирюшин, 2002].

Трудно переоценить вклад ученого, внесенный им в развитие Алтайского государственного университета, который он возглавлял на протяжении 15 лет, труднейших для системы образования. Благодаря таланту и организаторским способностям Юрия Федоровича в университете сложился дееспособный творческий коллектив археологов и антропологов, значительная часть которого являются его учениками и последователями.

Находясь последние пять лет на посту президента АГУ, профессор Ю.Ф. Кирюшин продолжает активно руководить работой археологов лаборатории, не оставляет он и полевых исследований.

В научном творчестве ученого немало трудов, посвященных периоду поздней бронзы Западной Сибири (см. напр.: [Кирюшин, Иваков, Удодов, 1990]). Мне представляется в этой связи, что предлагаемая статья в формируемом в его честь сборнике привлечет внимание уважаемого юбиляра.

В историографии археологии Сибири, в том числе и западной ее части, принято выделять переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, к которому относится целая свита ярких и самобытных культур. Данный период датируется 2-й половиной X – VIII в. до н.э. В то время на юге Западной Сибири происходил плавный переход к качественно новому, более совершенному сырью, коим являлось железо по сравнению с бронзой. Вместе с тем бронза еще не теряет своей ведущей роли в производстве оружия и орудий труда. Справедливости ради следует отметить, что мы далеко не всегда располагаем надежными критериями, опираясь на которые, можно было бы определять эпохальное место той или иной археологической культуры, бытовавшей на рубеже бронзового и железного веков [Косарев, 1993, с. 110]. Это приводит к тому, что отдельные археологические культуры или группы памятников по-разному интерпретируются исследователями.

Резкое похолодание, которое отмечается для этого периода, сильнейшее для голоцена [Зыкина, Орлова и др., 2000], привело к сложению кризисной ситуации на севере Западно-Сибирской равнины [Косарев, 1987], спровоцировавшей отток населения из таежной зоны в лесостепь и степь [Молодин, 2010]. В результате в этом регионе осложняется общая политическая ситуация, появляется необходимость формирования в обществе военизированных структур и, как следствие, зачатков института вождества, а в целом и протоцивилизационных процессов со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате в IX–VIII вв. до н.э. в Западной Сибири сложилась свита оригинальных археологических культур переходного от эпохи бронзы к железу времени [Molodin, 2001, s. 93–98], значительная часть которых была вовлечена в масштабные миграционные процессы наподобие броуновского движения, спровоцированные магистральными передвижениями населения с севера на юг.

В этой связи фундаментальные источники, полученные на памятнике Чича-1, позволяют поставить ряд важных проблем, касающихся хронологии, социально-экономических и культурных реконструкций рассматриваемой эпохи, причем в масштабах не только этого памятника, но, по меньшей мере, в Западно-Сибирском регионе.

При анализе огромного керамического комплекса, полученного на памятнике, выяснилась его культурная неоднородность. Особенно ярко и наглядно эта неоднородность проявилась при широкомасштабных раскопках городища на самых разных его участках [Молодин, Мыльникова, 2004]. Статистико-комбинаторный анализ керамических комплексов, а также специализированное изучение керамики [Мыльникова, 2015] показали наличие неоднородного состава керамических компонентов, в то же время однозначно сосуществующих в одних и тех же жилых сооружениях. Очевидно, что по мере существования памятника менялся его этнокультурный состав. Само детальное сочетание различных этнокультурных групп на разных участках городища демонстрирует полиэтничный состав населения, на нем обитающего, что позволяет полагать наличие здесь фратриального устройства общества, по крайней мере, в масштабах дуальной модели [Молодин, 2007]. С другой стороны, можно обоснованно реконструировать этнокультурную трансформацию населения памятника по мере освое-

ния жизненного пространства, что в первом чтении уже предпринималось [Молодин, Парцингер, 2006; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2008].

Одной из составляющих данного культурного феномена явился комплекс, представляющий собой своеобразную керамическую группу и получивший название «берликский» [Молодин, 2008].

Берликская посуда характеризуется крупными по размерам плоскостенными горшками баночной и слабопрофилированной формы (рис. 1). Высота горловин низкая, плечико высокое, толстостенность – до 1,7 см. Для данной посуды достаточно типична «ошершавленность» поверхности (рис. 1.-1, 3–6, 8, 15) [Дребушак В.А., Мыльникова, Дребушак Т.Н. и др., 2006, с. 68]. Край венчика украшен косыми насечками, шейка гладкая или декорирована цепочкой «жемчужин», по прилегающей части тулова наносились один-два ряда косо поставленных насечек, под ними – ряд ямок или «жемчужин», тулово и дно не орнаментировались (рис. 1). Сосуды изготавливались из глины с примесью песка. Выявлено несколько рецептов формовочных масс: глина + шамот + песок; глина + шамот + песок + органика; глина + шамот + породные обломки + органика [Дребушак В.А., Мыльникова, Дребушак Т.Н. и др., 2006, с. 68]. Анализ данной керамической группы на фоне синхронных ей комплексов иных культурных образований (позднеирменской, сузгунской, красноозерской, атлымской), как присутствующих на Чиче, так и существующих независимо, показывает, что все они существенно отличаются от рассматриваемой по форме, орнаментике, качеству изготовления, а иногда и по составу формовочной массы. Более близкую, хотя все же и отличающуюся от берликской посуду можно видеть в культурах, существующих к западу от Иртыша в лесостепях современного Северного Казахстана, Притоболья и Приишимья. Речь идет о комплексах посуды финальной бронзы этого региона – алексеевской, саргаринской и бархатовской культур [Потемкина, 1985, рис. 12.-1, 27; Зданович, 1988, рис. 101.-27; Матвеев, Матвеева, Панфилов и др., 1995, рис. 31.-5–7].

Кроме того, прослеживается определенное, по-видимому, эпохальное сходство с керамическими комплексами эпохи финальной бронзы Центрального Казахстана [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014] и равнинного Алтая [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 104–128].

Отмеченная близость этих керамических комплексов позволяет видеть вероятные истоки формирования берликской культуры именно на этой основе (однозначно определять источник формирования берликской культуры без проведения специального анализа было бы неверным).

Своеобразие рассматриваемого на Чиче керамического комплекса позволяет выделить археологические памятники, где берликская керамика присутствует или доминирует, что позволяет наметить ареал распространения таких местонахождений.

Прежде всего, следует сказать, что берликская керамика была впервые обнаружена в Северном Казахстане в двух могильниках – Берлик и Новоникольское [Хабдулина, 1986, с. 6–8, рис. 4]. Эти памятники по своему погребальному обряду и инвентарю надежно датируются переходной от бронзы к железу эпохой, т.е. VIII–VII вв. до н.э. [Хабдулина, 1986]. Как составляющий, данный керамический комплекс (кроме наиболее восточного, каким на сегодняшний день является Чича) обнаружен на памятнике Большой Лог на Иртыше, в районе современного Омска [Членова, 1994, рис. 17.-1; рис. 18; рис. 20.-2; рис. 23; рис. 24.-1, 4], где эта посуда встречается, так же как и на

Чиче, наряду с позднеирменской. Такое сочетание было отмечено уже после широко-масштабных раскопок городища Большой Лог, позволивших авторам работ выделить памятники большеложского типа, надежно датированных переходным от бронзы к железу временем, т.е. VIII–VII вв. до н.э. [Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с. 47–49]. (Правда, В.Ф. Генинг и его коллеги считали вторую керамическую составляющую «розановской» и датировали городище «X–VIII вв. до н.э., причем ближе к верхней дате» [Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с. 47–49], однако сегодня, с накоплением фундаментальных источников, обе позиции были пересмотрены (см.: [Членова, 1990, с. 6])).

Менее представительный комплекс такой посуды представлен на памятнике Черноозерье-VIII, расположенном также в лесостепном Прииртышье [Членова, 1994, рис. 11.-1–4; рис. 14.-1], где он также сопутствует позднеирменскому.

Таким образом, присутствие берликовского комплекса керамики в Прииртышье и Центральной Барабе на памятниках переходного от бронзы к железу времени как составляющего позволяет видеть в носителях данного типа посуды особую группу населения, носителей пришлой на данную территорию культуры мигрантов с запада, юго-запада, прекрасно адаптировавшихся в новых, но экологически идентичных условиях в среде автохтонного позднеирменского населения [Молодин, 2014]. Эту культуру можно назвать берликовской, как это уже было предложено [Молодин, 2008], по месту нахождения данной посуды в закрытых погребальных комплексах без каких-либо иных примесей, вероятно, в ее метрополии.

Облик берликовской культуры, кроме специфической керамики, существенно дополняют погребальные комплексы (рис. 2.-2–9). Это могильник Берлик и Новоникольское в современном Северном Казахстане [Хабдулина, 1986] и Здвинск-1 в Барабе [Полосьмак, 1987]. Последний, как это было показано в специальной статье, образует единый комплекс с некрополем и городищем Чича [Молодин, 2006], представляющим собой особое кладбище, с характерным для пришельцев-берликовцев погребальным обрядом. Перечисленные могильники позволяют совершенно отчетливо представить себе погребальный обряд берликовской культуры.

Умерших хоронили в неглубоких могильных ямах (в Барабе еще и в насыпи кургана). Погребенного помещали на боку, в скорченном положении либо вытянуто на спине (в Барабе имеет место и то, и другое в одном кургане) [Полосьмак, 1987]. Ориентация погребенных неустойчива [Хабдулина, 1994, с. 23]. Над центральным захоронением возводилось деревянное бревенчатое сооружение, которое часто поджигалось, образуя мощный проквал, делающий наземную земляную конструкцию ярко-оранжевого цвета. Пространство, на котором совершалось захоронение, огораживалось круглым рвом. Наконец, над всей этой конструкцией сооружалась земляная насыпь. Погребальный инвентарь демонстрирует не только культурные, но и хронологические особенности рассматриваемой культуры. Это, во-первых, характерная керамика (рис. 1.-7, 10, 14), о которой речь шла выше, идентичная на поселенческих и в погребальных комплексах, во-вторых, это каменные алтарики (рис. 2.-2, 6) (в Казахстане – преимущественно клювовидной формы [Хабдулина, 1994, с. 23]), в-третьих – это каменная застежка для колчана [Хабдулина, 1986, рис. 1.-5], характерная только для раннескифского времени (рис. 2.-7). В Евразии такие застежки датируются в пределах IX–VII вв. до н.э. [Грязнов, 1983, с. 3–4]; на Чиче подобные предметы отливались из бронзы, о чем свидетельствуют находки глиня-

ных литейных форм в жилище №10, обнаруженные на участке памятника, освоенного берликцами [Молодин, 2008]. Наконец, в-четвертых – это костяные втульчатые наконечники стрел, обнаруженные на могильнике Берлик (рис. 2.-4-5).

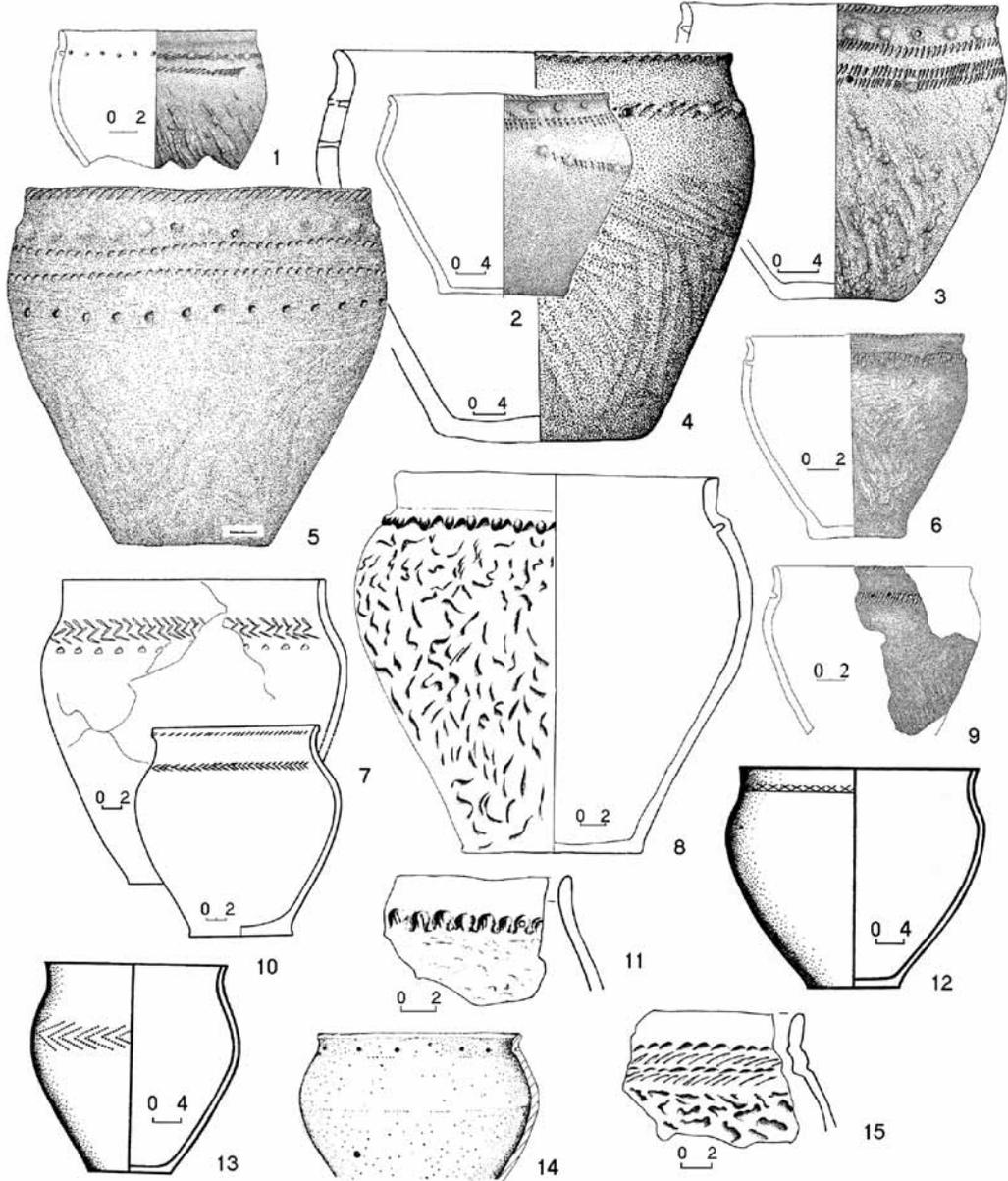

Рис. 1. Керамика: 1–6, 9 – городище Чича-1; 7 – могильник Берлик, курган №5; 8, 11, 15 – городище Большой Лог; 10 – могильник Новоникольское, курган №2; 12 – поселение Акимбек; 13 – поселение Кент; 14 – могильник Здвинск, курган №1. Подготовлено по: 1–6, 9 – раскопки В.И. Молодина; 7, 10 [Хабдулина, 1987, с. 20, рис. 4]; 8, 11, 15 [Членова, 1994, с. 124, рис. 18; с. 125, рис. 19.-9; с. 126, рис. 20.-2]; 12, 13 [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 144, рис. 77.-9, 3]; 14 [Полосьмак, 1987, с. 52, рис. 47.-2]

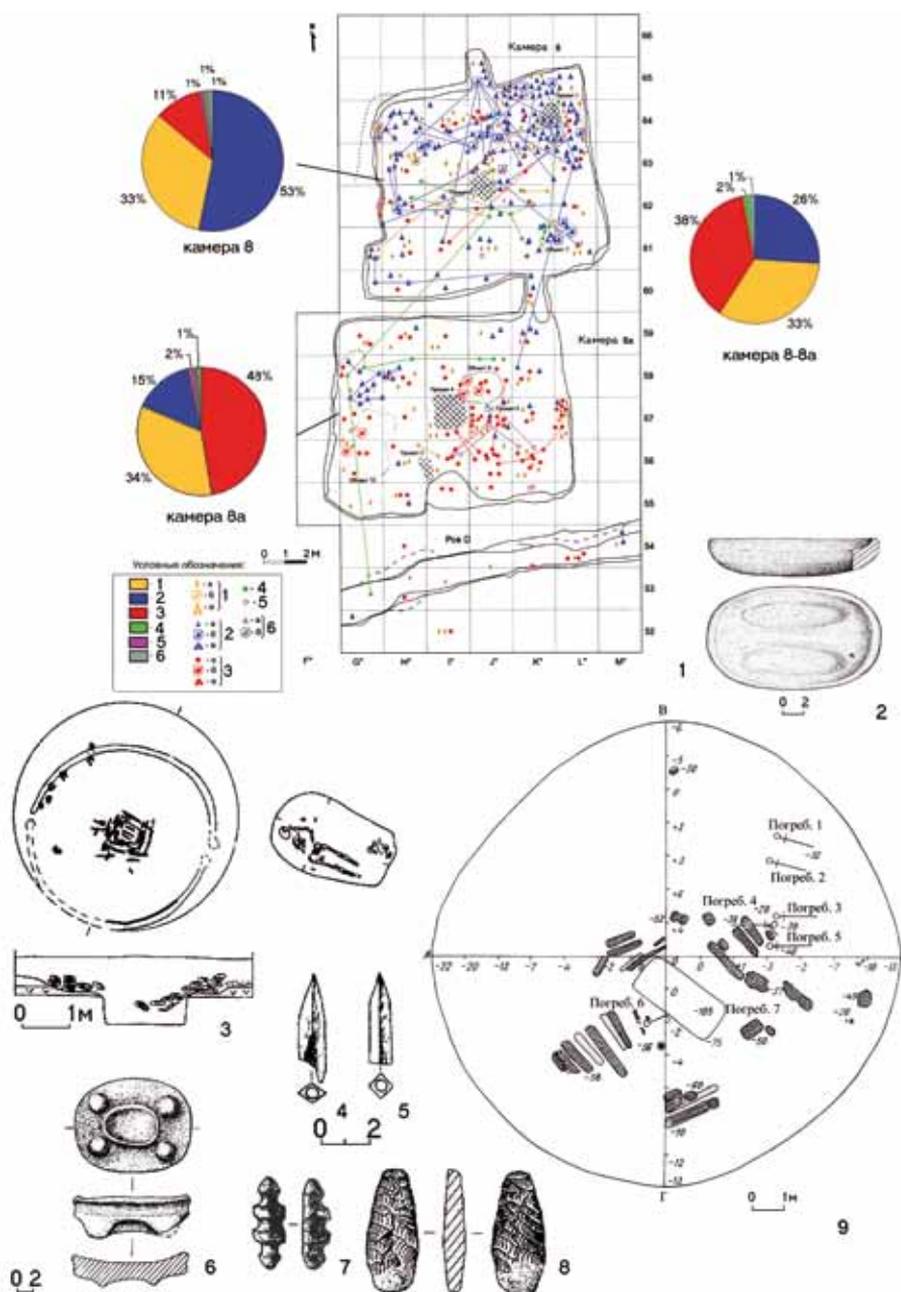

Рис. 2. 1 – Городище Чича-1. Жилище №8–8а. План распределения по площади котлована керамики разных групп и их доля: 1 – позднейрменская группа; 2 – красноозерская; 3 – берлинская; 4 – сузгунская; 5 – группа с чертами керамики раннего железного века; 6 – позднейрменско-красноозерская. Раскопки В.И. Молодина; 2, 9 – каменное блюдо и план-схема кургана №1 могильника Здвинск. Подготовлено по: [Полосьмак, 1987, с. 52, рис. 47.-1; с. 53, рис. 48]; 3–5, 7–8 – план-схема и находки из кургана №1 могильника Берлик; 6 – курган №1 могильник Кенес. Подготовлено по: [Хабдулина, 1987, с. 7, рис. 1.-1–6, 10]

Исследования поселенческих комплексов пока не демонстрируют каких-либо специфических особенностей культуры. Однако изучение городища Чича, на котором выявлена этапность застройки, где удалось определить и зону памятника с доминированием берликского населения [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004], позволяет полагать, что их жилищные сооружения, как, впрочем, и хозяйственные постройки, практически не отличались от строений, характерных для эпохи в целом (рис. 2.-1). Это были однокамерные и двухкамерные сооружения с углубленным в землю котлованом, с выраженным коридорообразным входом. Судя по столбовым ямам, конструкция была прямостенная. В центре камеры сооружался очаг. Можно предполагать, что сооружение возводилось из легких бревнышек (вероятно, береза или осина), тогда как стены и крыша сооружались из плетня и тростника. Наличие сходных конструкций в различных археологических культурах западносибирской лесостепи может говорить о том, что подобная архитектура была наиболее оптимальной для региона и удовлетворяла потребности сложившихся хозяйственно-культурных типов.

Особенностью рассматриваемой культуры следует считать и наличие захоронений младенцев (пока выявлены исключительно мальчики) [Пилипенко, Ромащенко, Молодин и др., 2008], которые устраивались непосредственно в жилищах. Уже приходилось писать, что данная традиция уходит своими корнями в районы Средней Азии [Молодин, Новикова, Парцингер и др., 2003], откуда она (традиция) распространялась, по-видимому, уже с носителями берликской культуры.

Вероятно, с этим же юго-западным вектором следует связывать и некоторые особенности оборонительной системы, выявленные на городище Чича в виде развалов глинобитных конструкций, являющихся составной частью внутреннего (по отношению ко рву) оборонительного сооружения [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001].

Таким образом, на сегодняшний день можно выявить, как минимум, три могильника и три поселенческих комплекса, где материалы берликской культуры являются либо абсолютно доминирующими (речь идет о могильниках), либо крупными составляющими (речь идет о поселениях и городищах). Все эти памятники расположены в лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины. Западной частью территории распространения культуры следует пока считать районы современного Северного Казахстана, отсюда, вероятно, в силу сложившихся экстремальных экологических обстоятельств, наблюдается отток населения на восток, где носители культуры вступали в мирные контакты с автохтонным населением позднеирменской культуры в правобережном Прииртышье, порой смешиваясь с аборигенами, однако при этом сохраняя достаточно устойчивый колорит в материальной и духовной культуре.

Время существования данного образования определяется следующим образом. Учитывая автохтонность культуры для западных районов (Северный Казахстан), можно предполагать, что берликская культура плавно эволюционирует из культуры позднебронзового времени (вероятные истоки обозначены нами выше). Этот процесс приходится на финальную стадию X–IX вв. до н.э. – не ранее. Датировочные предметы, как и серия радиоуглеродных дат, позволяют отнести данное образование к переходному от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени и датировать его в пределах IX–VIII вв. до н.э.

Библиографический список

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.

Дребушак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребушак Т.Н., Болдырев В.В., Молодин В.И., Деревянко Е.И., Мыльников В.П., Нартова А.В. Физико-химическое исследование керамики. (На примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) // Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 6. Новосибирск, 2006.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск, 2000.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Косарев М.Ф. Историко-географический очерк и история археологического изучения бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М., 1993.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. Археологическое наследие Тюменской области. Новосибирск, 1995.

Молодин В.И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28).

Молодин В.И. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействия традиций и культурогенез. СПб., 2007.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008.

Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4 (60).

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика городища Чича как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею проф. Соловьевой Е.И.). Новосибирск, 2004.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Культурная принадлежность городища Чича-1 (по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.

Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайс Й., Гришин А., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул, 2003.

Молодин В.И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск, 2006.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.Г., Беккер Г., Фасебиндер Й., Ман-

штейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). Новосибирск, 2001.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени Барабинской лесостепи. Т. II. Новосибирск ; Берлин, 2004.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2015.

Пилипенко А.С., Ромашенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №2 (34).

Полосьяк Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М., 1985.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.

Molodin V.I. Westsibirien, der Altaj und Nordkazachstan in der entwickelten und späten Bronzezeit // Migration und Kulturtransfer. Bonn, 2001.

Д.В. Папин^{1,2}, Н.Ф. Степанова²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

ТЕХНОЛОГИЯ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ В АЛТАЙСКОМ ПРИОБЬЕ

Гончарное производство в переходное время от бронзы к железу в Алтайском Приобье стало предметом самостоятельного рассмотрения относительно недавно. Вместе с тем при анализе историко-культурных процессов, протекавших в VIII–VI вв. до н.э., данный вид источников имеет важное значение, так как через реконструкцию древней технологии можно проследить изменения, происходившие в конкретной общине, и определить с той или иной долей вероятности степень участия этнокультурных компонентов. Надо отметить, что технико-технологический анализ керамики продемонстрировал высокие возможности для проведения историко-культурных реконструкций на материалах городища переходного времени Чича. Значительная выборка позволила дифференцировать разноуровневые процессы и установить степень влияния различных культурных групп [Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2008; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2012].

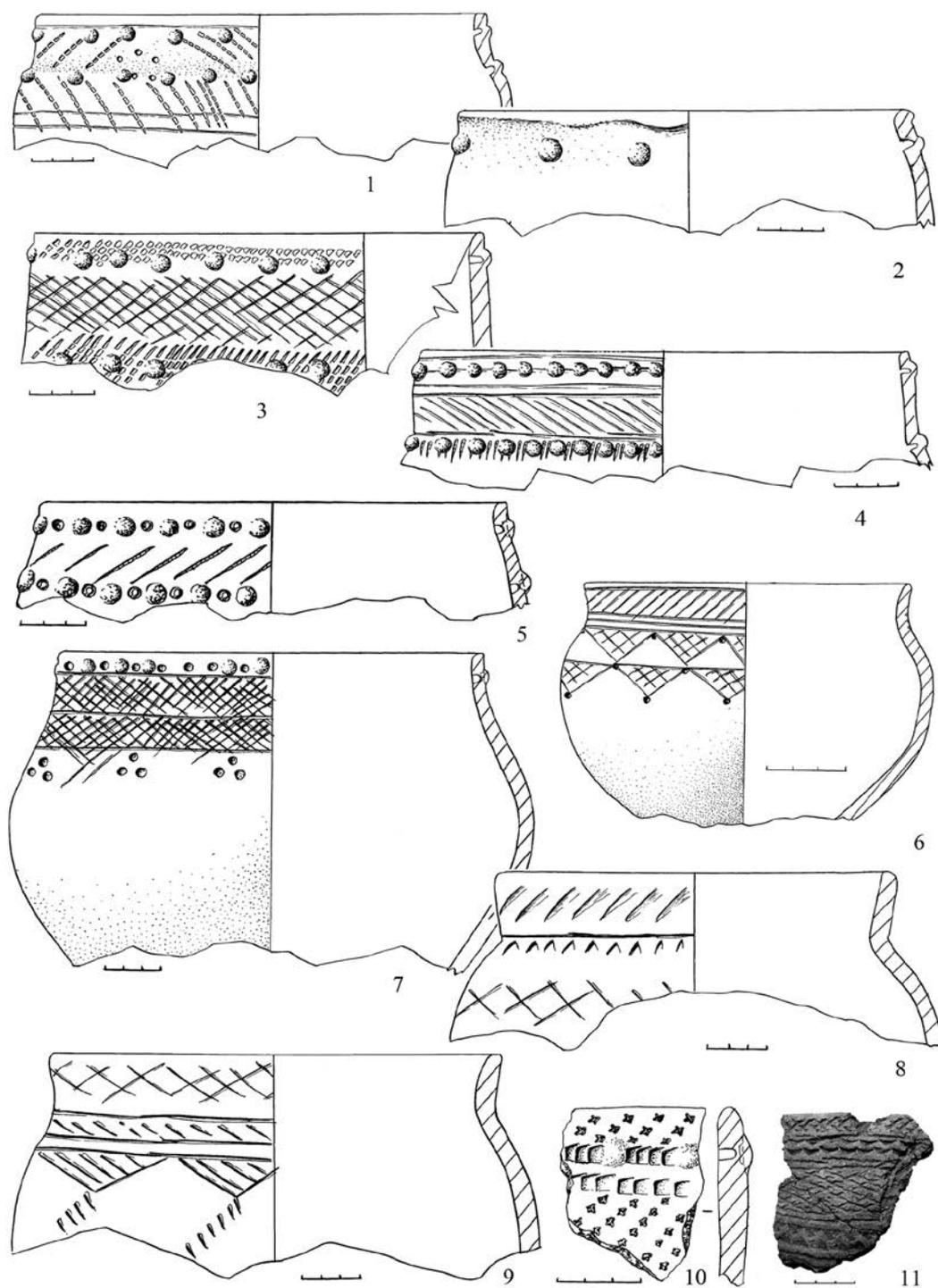
На сегодняшний день наиболее представительной коллекцией среди памятников переходного этапа от бронзы к железу в Верхнем Приобье является керамический комплекс поселения Мыльниково. Его материалы демонстрируют преемственность линии развития эпохи поздней бронзы в переходное время в рас-

смаатриваемом регионе. В небольшом количестве на поселении фиксируются элементы инокультурной гончарной традиции. По составу формовочных масс керамика этого поселения относится к категории смешанных. Причем рецепт «глина + шамот» встречается очень редко. Основной искусственной минеральной примесью, отмеченной во всех образцах, является шамот, кроме того, на данном поселении фиксируется и другая традиция, характерная для керамики таежной зоны Сибири, – применение песка и, что особенно важно, дробленой породы, хотя и не в чистом виде. Говоря о технологии изготовления изделий из глины поселения Мыльниково, следует сразу отметить ее неоднородность, использование нескольких способов оформления начин и возведения тела сосудов [Мыльникова, Папин, Шамшин, 2003; Папин, Шамшин, 2005].

Близким памятником является поселение Аллак. Памятник, так же как и Мыльниково, расположен на правом берегу р. Оби и многократно посещался археологами с целью сбора подъемного материала и проведения разного рода зачисток, а в 2008 г. сотрудниками Алтайского государственного университета проведены охранные раскопки на аварийном участке [Папин, Шамшин, 1998; 2001; Шамшин, 1991]. За эти годы сформировалась значительная керамическая коллекция, облик которой во многом находит параллели в керамике поселения Мыльниково, проведенный статистический анализ показал совпадение значений основных элементов декора [Папин, 2004]. Выделяются четыре типа керамики, находящие многочисленные параллели в синхронных памятниках большереченской культуры. Первый тип – это сосуды с так называемой «мыльниковской» схемой орнаментации, для которой характерно переживание традиций эпохи поздней бронзы. Второй тип – «ближнеелбанский», знаменует уже собственно утвердившуюся схему декора переходного времени (обеднение, снижение числа строк в орнаменте, доминирующая и системообразующая роль такого элемента, как «двойной ряд жемчужника»). Третий тип орнаментации связан с использованием в декоре такого элемента, как фигурный штамп (как правило, «крест»), и четвертый тип – это круглодонные чашки [Папин, Шамшин, 1998; Папин, 2004; Папин, Шамшин, 2005]. Выделенные типы стали основой для последующего исследования.

В общей сложности для технико-технологического анализа было представлено 49 образцов, разделенных на четыре вышеописанные группы (рис.). Работы проведены в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. В результате проведенных исследований выявлены культурные традиции в использовании исходного сырья и минеральных примесей, общее и различное между группами по данным показателям.

Группа 1. Керамику этой группы изготавливали из среднежелезненного исходного сырья, различающегося по пластичности, наибольшее количество составляют изделия из среднепластичных глин (53,5%) (табл.). Выявлены следующие рецепты: глина + шамот (20%); глина + шамот + органика (33%); глина + шамот + дресва + органика (47%). Органика зафиксирована во всех образцах, однако в большинстве случаев ее немного и характер ее не ясен. Преобладает рецепт, отражающий смешение культурных традиций по использованию минеральных примесей (47%), и отсутствуют рецепты с одной дресвой.

Керамический комплекс поселения Аллак-III:
группа 1 – 3–4, 7; группа 2 – 1–2, 5; группа 3 – 10–11; группа 4 – 6, 8–9

Группа 2. Керамику этой группы характеризует использование среднежелезненного исходного сырья, различающегося по пластичности, преобладают изделия из среднепластичного сырья (50%). Выделены три рецепта: глина + шамот (7%), глина + шамот + органика (57%), глина + шамот + дресва + органика (36%). Преобладающей культурной традицией является использование шамота как единственной минеральной примеси (64%). Необходимо отметить, что количество дресвы и шамота, как правило, незначительно, а исходное сырье шамота и сосуда различалось. Органика отмечена во всех образцах, обычно она представлена органическим раствором, введенным в формовочные массы.

Группа 3. Использовалось среднежелезненное исходное сырье и реже – слабожелезненное (11%), низко- средне и пластичное (44,4, 22,3 и 33,3% соответственно). По применению минеральных примесей зафиксированы культурные традиции: использование шамота или дресвы либо шамота и дресвы одновременно (55,5, 22 и 11%). Необычен сосуд, при изготовлении которого использовали шамот и дресву, так как шамот из нежелезненной глины, т.е. качественно иного исходного сырья, и в нем выявлена дресва. Вероятнее всего, дресва в этом сосуде связана с шамотом и не добавлялась отдельно (образец №34). Орнаментация этого сосуда не характерна для керамики переходного времени от бронзы к железу лесостепной полосы Верхнего Приобья, но находит параллели в более северных комплексах атлымской культуры Томского Приобья.

Группа 4. Все сосуды изготовлены из ожезненного сырья, незначительно различающегося по цвету. Использовалось преимущественно пластичное и среднепластичное сырье (54,5 и 36% соответственно), изредка – низкопластичное (9%). Рецепты объединяются в группы по использованию минеральных примесей: 1) глина + шамот (в 45,5% случаев зафиксировано незначительное количество органики, а 18% – с органикой, введенной искусственно); 2) глина + дресва + шамот, в которой образцы с органикой и без нее составляют по 18,25%. Основное количество составляет первая группа (63,5%). Органика в целом отмечена в большинстве образцов, но лишь в 36% она введена искусственно. Смешение культурных традиций фиксируется по использованию минеральных примесей, такие сосуды составляют 36,5%.

№ групп	Пластичность сырья, %			Рецепты, %				
	нпл	спл	пл	Г + Ш	Г + Ш + О	Г + Ш + Д + О	Д	Г + Ш + Д
1	13,3	53,3	33,3	20	33	47		
2	28,5	50	21,5	7	57	36		
3	44,4	22,3	33,3	55,5		11	22	
4	9	36	54,5	45,5	18	18,3		18,3

Подводя итог, отметим, что для всех групп характерно использование среднежелезненного исходного сырья, различающегося по пластичности. Качественно иное исходное сырье отмечено в шамоте одного из сосудов в группе 3, и один сосуд из этой же группы изготовлен из слабожелезненной глины. В группе 3 преобладает низкопластичное сырье, в группах 1 и 2 – среднепластичное, в группе 4 – пластичное. Кроме того, в группе 3, в отличие от других, в 44,5% образцов не выявлено такой естественной примеси, как бурый железняк, что связано с использованием других залежей глин. В целом высокий процент применения низкопластичного сырья, особенно во 2-й и 3-й группах керамики, относится к одной из особенностей, зафиксированных на Аллаке.

По наличию минеральных примесей отмечено три традиции добавления: 1) шамота; 2) шамота и дресвы; 3) дресвы. Преобладают две первые традиции, а применение дресвы как единственной примеси выявлено только в 3-й группе (22%). Смешение культурных традиций по использованию минеральных примесей отмечается во всех группах, однако в группе 3 оно составляет всего 11%, а в группах 1, 2 и 4 – 47, 36 и 36,5% соответственно, т.е. в группе 3 отмечено наименьшее смешение навыков и наличие чистого рецепта с дресвой. По каким-то причинам смешение населения здесь было менее заметным. Следует отметить, что в нескольких случаях в низкопластичное сырье добавляли шамот, хотя необходимости в этом не было. Вероятнее всего, это связано с тем, что население осваивало новые залежи глин и территории. В целом фиксируется приток населения из разных ландшафтных зон, как равнинных, так и тех, где имелись выходы камня [Степанова, 2015].

Таким образом, проведенный технико-технологический анализ керамических комплексов переходного времени от бронзы к железу поселений Мыльниково и Аллак, независимо друг от друга, показал, что в рассматриваемое время наблюдался устойчивый приток мигрантов, привнесших традицию использования дресвы в качестве добавок. Данное наблюдение характерно для третьей группы, связанной с фигурно-штампованной орнаментацией. Но обращает на себя внимание, что переселенцы заимствовали и переходили на местные гончарные традиции, и этот процесс смешения проходил на других более северных территориях.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. М., 1980.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Этапы заселения городища Чича-1 (по результатам анализа керамического комплекса) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35).

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3 (51).

Мыльникова Л.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Керамический комплекс поселения Мыльниково переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепного Алтайского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4.

Папин Д.В. Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселение Аллак-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13).

Шамшин А.Б. Аллак-III – поселение эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу на реке Оби // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.

Л.Ю. Петрова¹, С.А. Григорьев²

¹*Центр археологических исследований, Челябинск, Россия;*

²*Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия*

ПОСТРОЙКИ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ МОЧИЩЕ-I

Поселение Мочище-I – многослойный памятник эпохи бронзы, расположенный в северо-восточной части Челябинской области, в 20 км к юго-востоку от областного центра. В ландшафтно-географическом отношении это лесостепь в пограничной зоне Зауральской равнины с холмисто-увалистым рельефом и западной окраины Западно-Сибирской равнины с равнинным слаборасчлененным рельефом.

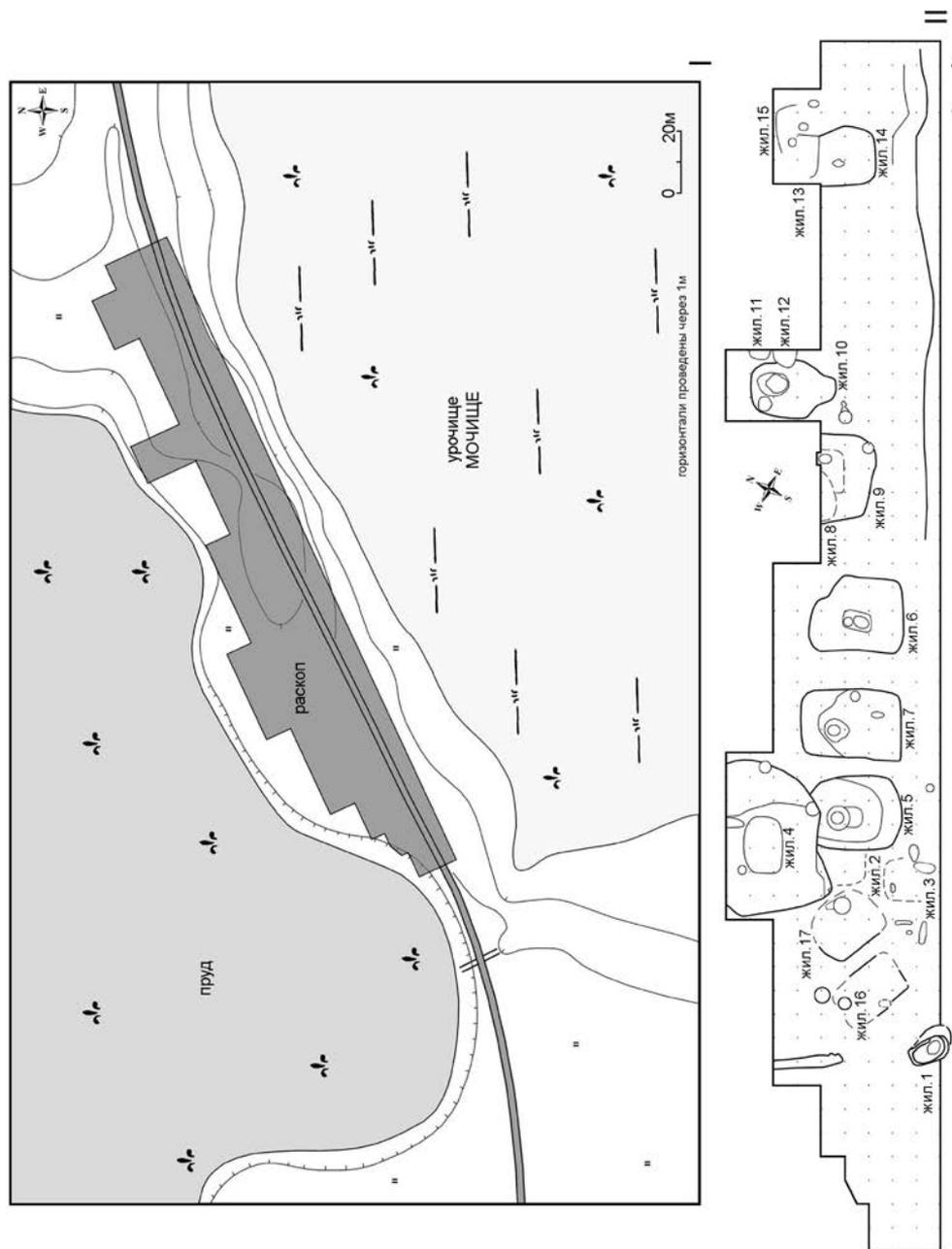
Топография поселения Мочище необычна для поселенческих памятников эпохи бронзы лесостепного Зауралья. Оно находится в пределах обширной котловины, образованной в результате древнего прогиба, изобилующей ручьями, болотами и небольшими озерами, на северо-западном берегу древнего озера, в месте впадения в него небольшого ручья, на вытянутой дюне, образованной слиянием ручья и озера (рис.-I). Данная дюна является единственным приподнятым участком на территории котловины. В настоящее время озеро превратилось в обширное заболоченное пространство (урочище Мочище). Ручей прорезал дюну на западе и в XX в. был перегорожен, в результате чего к северу образовался пруд, который подмывает культурный слой памятника. По всей вероятности, этим прудом была затоплена большая часть когда-то очень крупного поселения. Раскопками захвачена лишь его южная периферия.

Площадь раскопа составила более 4 тыс. кв. м. Наиболее хорошо на многослойном памятнике представлен алакульский комплекс, включающий в себя остатки построек, массовый керамический материал, орудия из камня, бронзовые и глиняные изделия.

К алакульской культуре отнесены остатки восьми построек, по которым можно составить представление об архитектуре сооружений, и фрагменты шести построек, параметры и характеристики которых не восстанавливаются, а также остатки канавы или ровика в юго-западной части раскопа, несколько хозяйственных ям и колодцев, расположенных вне зафиксированных очертаний жилищ (рис.-II).

В пределах раскопа площадь сохранившейся части алакульского поселка составляла около 3–3,5 тыс. кв. м, а количество построек превышало 8. Следовательно, это был довольно крупный поселок, с учетом того, что часть его оказалась затопленной. Однако следует учесть, что не все постройки функционировали одновременно, и в различные промежутки реального исторического времени величина поселка варьировалась и могла быть значительно меньше.

Планировка алакульского поселка была линейной. Сохранился один ряд построек, гипотетически можно предполагать наличие второго. Строения располагались на гребне дюны вдоль береговой линии древнего водоема и обращены торцевыми сторонами к нему. Они одинаково ориентированы и выстроены почти вплотную относительно друг друга, параллельно длинными сторонами стен, образуя своего рода «сплошную застройку». Участок этой застройки наиболее хорошо изучен в центральной части раскопа, где не поврежденным перестройками и позднейшими застройками оказался целый «блок» из трех жилищ, сооруженных на погребенной почве.

Поселение Мочище-1. I – план расположения поселения и раскопа, II – общий план раскопа и жилищ эпохи бронзы

Постройки идентичны по своим внешним параметрам, способам сооружения, структуре внутреннего пространства. Промежутки между жилищами заполнены грунтом, насыщенным золой.

Фрагменты сплошной застройки прослеживаются и в юго-западной части раскопа, несмотря на то, что этот участок поселения подвергался интенсивным и многократным перестройкам. Тем не менее удалось зафиксировать и восстановить очертания двух жилищ, практически примыкающих друг к другу длинными сторонами, ориентированных чуть иначе, чем основная линия жилищ с выдержанным, однако, общим направлением расположения построек торцевыми стенками к водоему. Постройки накладывались на очертания еще нескольких (двух, трех?) жилищ, расположение которых вписывалось в общую линию застройки алакульского поселка.

Традиция сплошной застройки известна на поселениях алакульского времени как степной, так и лесостепной зоны и восходит в конечном счете к синташтинским принципам организации пространства.

Остатки еще одной конструкции, сооружение которой, по-видимому, обусловлено следованием традициям синташтинских и петровских укрепленных поселений, исследованы на юго-западной периферии памятника. Речь идет об остатках канавы или ровика, маркирующего границы поселения. Его ширина составляла чуть более метра, глубина от уровня материка не превышала 20 см. Канавы была заполнена прокаленным золистым грунтом, в котором, наряду с алакульской, найдены обломки синташтинско-петровской керамики.

На территории поселения в алакульское время существовали два типа построек.

Первый, основной, тип представлен жилыми сооружениями. К жилищам отнесено семь построек. По всем признакам они чрезвычайно близки между собой. Это крупные постройки подпрямоугольной формы, площадью от 80 до 100 кв. м. Они могут считаться наземными, так как углублены в материк не более чем на 30 см.

Среди конструктивных особенностей следует отметить преобладание бесстолбовых конструкций стен, на что указывает малое количество либо полное отсутствие столбовых ям в пределах жилищных котлованов. Тем не менее и каркасно-столбовая конструкция стен на поселении также присутствует. Ее остатки изучены в юго-западной части поселения, где по периметру, как минимум, одного из наземных жилищ фиксировался ряд столбовых ямок. Возможно, столбовой каркас представляли собой стены и примыкающего жилища, в котором можно проследить и внутренний ряд (ряды?) столбов. Ямки, расположенные перпендикулярно длинным стенам жилища, могли представлять собой остатки внутренних перегородок. Возможно, в этой части поселения конструкция и других построек была связана со столбовым каркасом, о чем говорит обилие столбовых ямок именно в этой части раскопа, однако утверждать это наверняка, как и проследить какие-либо закономерности в их расположении, не представляется возможным.

В целом же каркасно-столбовой способ сооружения стен для поселения не является преобладающим.

Выход удалось зафиксировать только в одном жилище, расположенном в северо-восточной части раскопа. Он находился в южной торцевой части строения, обращенной

к водоему, и представлял собой выступающий тамбур шириной 3,5 м и длиной около 2 м. По аналогии с известными алакульскими постройками степной и лесостепной зоны можно предполагать, что и выходы других жилищ были обращены в сторону функционировавшего в то время озера. На эту же мысль наводит устойчивое расположение колодцев в северо-западных частях построек, т.е. дальних по отношению к водоему и выходу.

На двух участках рядом с жилищем обнаружена плотная глина зеленоватого оттенка в виде очень тонких слоистых фрагментов, которая, возможно, является остатками наружной штукатурки жилых строений.

На поселении не зафиксировано ни одного пристроя к жилищу, однако в одном случае обнаружены ямки от кольев, перегораживающих пространство между жилищами, а внутри пространства зафиксирована мелкая зола. Не исключено, что это перегородки для хранилища сена.

Что касается интерьера, в силу отсутствия в большинстве жилищ столбовых конструкций не удалось получить достаточных данных об организации внутреннего пространства помещений, за исключением в отдельных случаях следов внутренних перегородок, упомянутых ранее. Можно отметить расположение хозяйственного комплекса, представленного колодцами, пристроенными к ним печами и хозяйственными ямами преимущественно в части жилища, противоположной от входа, в одном случае – в центре. Наличие поперечных перегородок, зафиксированное в единичных случаях, позволяет предполагать существование в жилище спальных отсеков, устроенных у стен. Это свидетельствует о выделении в его пределах функциональных зон.

В большом количестве изучены на поселении такие внутрижилищные конструкции, как очаги и печи, колодцы, хозяйственные ямы. В жилой постройке могло быть и два колодца. После постепенного подмывания основания стен колодец засыпался глиной для обеспечения гидроизоляции, а рядом выкапывался новый.

К колодцам часто пристроены небольшие печи, что также характерно для синташинской традиции. Благодаря перепаду температур в печи и колодце эта конструкция обеспечивала тягу и использовалась как для бытовых нужд, так и для плавки окисленной руды. Так осуществлялись подача воздуха без давления и медленное прохождение его через слой угля. Вероятно, на поселении Мочище существовала особая модификация печей, о чем свидетельствует наличие прокалов, опускающихся по стенке колодцев, однако четкая реконструкция подобных теплотехнических сооружений на данный момент затруднительна.

Помимо жилых, на поселении существовали и постройки иного назначения. Так, явно нежилой характер имела постройка в юго-западной части раскопа. Площадь этого строения составляла около 20 кв. м, глубина котлована – более метра от уровня материка. Котлован имел стенки с резким ступенчатым профилем. В пределах постройки исследованы разновременные очаги, расположенные один под другим, и колодец, заполнявшие все внутреннее пространство.

Существование в пределах одного поселения построек различного типа и функционального назначения – не редкость для алакульских поселков. В целом же постройки алакульской культуры поселения Мочище вполне укладываются в представления об алакульской домостроительной традиции (см. напр.: [Стефа-

нов, 1996]). Первое, что хочется отметить, – их унифицированность. Фактически мы можем говорить об одном типе жилищ в пределах данного поселения: это крупная постройка прямоугольной формы, вытянутых пропорций, слабоуглубленная или наземная, преимущественно с бесстолбовой конструкцией стен (хотя сооружались и каркасно-столбовые дома). Неотъемлемыми элементами интерьера традиционно выступают колодцы, расположенные в дальней от входа части жилища, а также хозяйственные ямы и печи/очаги различной конструкции. Распространены печи, пристроенные к колодцам. Стандартной проблемой остается недостаточное количество печей для отопления таких помещений. Если на синташтинских поселениях мы знаем еще пристенные очаги, то здесь таковые не выявлены. Тем не менее теплотехнические сооружения должны были активно использоваться, на что указывает, в частности, обилие зольников. Иногда в разрезах фиксировался крутой край зольного слоя, четко маркированный гумусной границей. Это позволяет предполагать, что ссыпавшаяся зола ограждалась стенками, сооруженными из дерновых блоков.

Истоки домостроительных традиций, проявление которых мы наблюдаем на поселении Мочище, восходят в конечном счете к синташтинской и отчасти просматриваются в петровской архитектуре, что вполне соответствует иным параллелям между алакульской и синташтинской культурами [Матвеев, 1998, с. 348–352; Григорьев, 2000, с. 310–313; Алаева, 2015, с. 9–10, 23]. Резюмируем черты алакульской архитектуры Мочища, ведущие свое происхождение от синташтинских традиций: расположение построек в пределах поселения друг относительно друга параллельно длинными сторонами стен, с минимальным расстоянием между ними, возможно, группировка в блоки; унифицированность построек, их сооружение по единому принципу и в одном стиле, включая как внешние параметры жилищ (форма, пропорции, размеры), так и принципы организации внутреннего пространства; тип жилищ – крупные прямоугольные постройки наземного характера; фрагментарное наличие каркасно-столбовой конструкции стен; деление внутреннего пространства на функциональные зоны; наличие комплекса «колодец – печь».

В пределах алакульской эпохи поселок возник, существовал и развивался на протяжении длительного времени. Начало обживания площадки приходится на раннеалакульское время, причем первоначально была заселена ее юго-западная часть. На эту мысль наводит факт распространения керамики синташтинско-петровского облика преимущественно в этой части раскопа. Возможно, на раннем этапе обживания площадки был сооружен и ровик, ограждавший поселение, в заполнении которого найдена исключительно алакульская и синташтинско-петровская керамика. Поселок в то время мог быть совсем небольшим. Затем эта площадка неоднократно перестраивалась.

Одновременно поселок разрастался и достраивался в северо-восточном направлении. Возводились новые жилища, ориентировка и принципы сооружения которых выдержаны в едином направлении и стиле. К этому периоду предположительно относятся постройки в центральной части раскопа, а также, возможно, выстроенные в один с ними ряд постройки юго-западной части поселения, где продолжалась активная жизнедеятельность. Об этом свидетельствуют не только следы многочисленных перестроек, но и наличие синкретичной алакульско-федоровской

и федоровской керамики, отразившей контакты на поселении носителей двух культурных традиций.

Видимо, в то же (не самое раннее) время была сооружена нежилая постройка, упоминавшаяся выше. В ее заполнении преобладает алакульская и практически отсутствует синташтинско-петровская керамика, в то же время найден развал алакульско-федоровского сосуда.

О дальнейшем развитии алакульского поселка на поселении Мочище говорить сложно. Скорее всего, он продолжал разрастаться и дальше в северо-восточном направлении. Не исключено, что с северо-западной стороны возник второй ряд жилищ, оказавшийся впоследствии затопленным прудом, однако это всего лишь догадки, которые едва ли смогут получить когда-либо фактическое подтверждение.

Библиографический список

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I : Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.

Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий краеведческий музей, Донецк, Украина

ТУПИКИ В КУЛЬТУРАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА (некоторые аспекты семантики)

На поселениях и в погребениях эпохи бронзы Евразии встречаются тупики – орудия кожевенного производства, изготовленные из тазовых костей и нижних челюстей животных. Рассмотрение комплексов, в которых они находились, позволило авторам сделать вывод о том, что тупики, помимо своего чисто утилитарного назначения, нередко становились обрядовыми атрибутами [Подобед и др., 2011а, с. 89, 93–98, 103–106, 110–115; 2011б, с. 286–290, 295–296]. За период, прошедший со времени опубликования упомянутых выше статей, наша первоначальная сводка (см.: [Подобед и др., 2011а, с. 89, 93–98, 103–106]) значительно расширилась за счет ряда комплексов. Данные комплексы нелишне кратко охарактеризовать. Большая их часть выявлена на памятниках культур Центральной Азии.

В погребении *афанасьевской культуры* кургана **Кургак гови (Хуурай говь) 2**, могила №1, Баян-Ульгийский аймак, Монголия, над правым плечом мужчины был помещен тупик из тазовой кости лошади. Другой инвентарь представлен несколькими кремневыми орудиями [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 183–184].

Тупики из тазовых костей выявлены и при исследовании двух захоронений *чемурчекской культуры* [Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2009, с. 73]. В могиле №2 кургана **Кумди гови (Хундий говь)**, Баян-Ульгийский аймак, интересующий нас артефакт сопровождал костяк взрослого. В погребении присутствовало также бронзовое шило [Ковалев, 2011, рис. 4.4–6]. Захоронение из кургана **Хул уул (Кулала ула) 1**, Баян-Ульгийский

аймак, оказалось разрушенным. Тупик обнаружен в пределах «грабительского» хода вместе с частью костей умершего. Был ли помещен в могилу другой инвентарь, не ясно [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 165–167].

На поселении **Майоровка**, Карагандинская область, Казахстан, в центральной части жилища №2, относящегося, по терминологии А.А. Ткачева, к *атасускому типу*, выявлен очаг, где находились тупик из челюсти животного и обгоревшие кости [Ткачев, 2002, с. 116].

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* **Бугулы-II**, Карагандинская область, в жилище №2, в 2 м от северо-западного угла котлована, лежали тупик из нижней челюсти крупного животного и «небольшая дробилка или терочник, возможно, употреблявшийся при растирании краски» [Маргулан и др., 1966, с. 224].

На поселении этой же культуры **Каркаралинка-II**, Карагандинская область, в жилище №1, в юго-западном углу, обнаружен фрагмент тупика из нижней челюсти крупного рогатого скота (далее – КРС). Рукоять и часть рабочей стороны орудия зашлифованы от долгого использования [Маргулан и др., 1966, с. 230].

На поселении *бегазы-дандыбаевской культуры* **Кент**, Карагандинская область, в раскопе №6 между ямами №66 и 74 располагались два черепа собаки, обращенные передними частями на юг. Они интерпретированы авторами публикации как «охранные жертвы» [Бейсенов и др., 2014, с. 87]. Для нашей темы важно то, что в яме №74 присутствовал фрагмент тупика из челюсти животного [Бейсенов и др., 2014, с. 90, рис. 54.-4]. Здесь же выявлены бронзовая пластина, сплески металла, костяной «конек», пест, терочник, кремневые скребок и обломок нуклеуса, кусочек азурита. В заполнении ямы №66 залегали костяной наконечник стрелы, фрагменты керамики, кости животных и камни [Бейсенов и др., 2014, с. 90]. Еще один фрагмент тупика из челюсти животного находился в яме №1 данного раскопа [Бейсенов и др., 2014, с. 87].

На поселении *трушниковской культуры* **Мало-Красноярка**, Восточно-Казахстанская область, Казахстан, в пристройке к жилищу №1, имевшей вид траншеи, в углистом грунте обнаружен фрагмент тупика из челюсти КРС. Изделие заполировано вследствие его функционального использования. Другие находки из траншеи – два бронзовых шила и орудие из метаподии лошади. Стоит добавить, что пристройка вместе с другим аналогичным сооружением и стеной жилища образовывали участок в виде небольшого двора [Черников, 1960, с. 42, 46].

К северу от северного угла упомянутого двора исследован участок прокаленного грунта, имевший размеры около 3 х 3 м. Здесь выявлены фрагмент заполированного тупика из челюсти КРС, бронзовое шило, глиняные шарики и куски медного шлака. К юго-западу от прокаленного участка находился целый бронзовый серп. В ходе археологизации орудие было положено на стебли злаков, о чем свидетельствуют имеющиеся на нем следы [Черников, 1960, с. 44, 46, табл. XXXII].

Один из рассматриваемых комплексов происходит с территории Западной Сибири. На поселении *федоровской культуры* **Черемуховый Куст**, Тюменская область, Россия, в верхней части зольника №2 обнаружены три фрагмента тупиков из челюстей животных [Зах, 1995, с. 38–39]. Другие находки из данного зольника представлены фрагментами керамики, костями животных, бронзовым шилом, обломками абразивов, костяными наконечниками стрел, проколкой, вюрфелем, из-

делием из зуба животного, глиняными грузилами и обломком глиняной литейной формы [Зах, 1995, с. 38–42].

Еще четыре комплекса выявлены на юге Восточной Европы. Все они относятся к *срубной культуре*. В частности, на поселении **Мосоловка**, Воронежская область, Россия, в заполнении постройки №8, наряду с другими орудиями кожевенного производства, находились несколько тупиков из челюстей КРС [Пряхин, 1993, с. 45].

На поселении **Закатное-II**, Ростовская область, Россия, в южной части жилища №1 (раскоп IV), в заполнении котлована локализовались остатки погребения ребенка (фрагменты черепа и костей конечностей). К югу от них лежала «большая обработанная кость животного (тупик)» [Трубников, 2014, с. 53]. Какая кость послужила сырьем для изготовления орудия, автор не уточняет, однако, учитывая то, что тупики из тазовых костей для срубной культуры не характерны, скорее всего, и в данном случае была использована челюсть.

На поселении **Зимогорье**, Луганская область, Украина, в постройке №8, у восточной стенки котлована, обнаружен тупик из челюсти крупного животного [Пробий-голова, 2013, с. 222].

На поселении **Зливки**, Донецкая область, Украина, в яме (раскоп 1983 г.) выявлен тупик из челюсти коровы (?) (автор публикации назвал изделие костяным серпом, что не верно. – *Прим. авт.*). В состав комплекса входили также кости животных и фрагменты керамики [Швецов, 1985, с. 374].

Всего в настоящее время нам известны 75 комплексов с тупиками, которые с той или иной долей вероятности могут быть интерпретированы как культовые. В 19 из них присутствовали тупики из тазовых костей (ниже – тупики группы I), в 56 – из челюстей (тупики группы II). Самый восточный комплекс исследован на Алтае, а самый западный – в Северо-Западном Причерноморье. При этом в Центральной Азии наиболее ранние проявления обрядовых манипуляций с тупиками демонстрируют елунинская, афанасьевская и чемурчекская культуры, а на юге Восточной Европы – ямная культура позднего этапа. Стоит отметить, что в культурах ранней и средней бронзы известны только тупики группы I, а в культурах поздней бронзы – почти исключительно тупики группы II. Смена сырья для изготовления тупиков охватила всю рассматриваемую территорию. В Центральной Азии радикальный отказ от использования для производства тупиков тазовых костей ранее всего произошел, очевидно, в петровской культуре (все три учтенных комплекса с тупиками содержали орудия из челюстей), а в Восточной Европе – в срубной культуре (на 25 комплексов с тупиками приходится 24, где данные артефакты были выполнены из челюстей). Заострим внимание на том, что вытеснение тупиков группы I тупиками группы II привело к некоторой трансформации знаковой нагрузки данных орудий. Это видно из следующего. Среди комплексов, включавших тупики группы I, преобладают погребальные (68,4%). Ситуация в массиве комплексов с тупиками группы II диаметрально противоположна: лишь 17,9% их относятся к погребальным. Таким образом, тупики группы I более связаны с кругом представлений о мире мертвых, чем тупики группы II. Не исключено, что отмеченное изменение семантики тупиков предопределилось размещением тазовых костей и челюстей в противоположных частях скелета животного – задней и передней.

Становясь обрядовыми атрибутами, тупики образовывали «тексты» с разнообразными знаками. Остановимся пока на знаках двух блоков.

I. **Локусы** (места, куда попадали тупики). Из них чаще всего встречаются ямы на поселениях, в том числе в жилищах (18 случаев), могильные ямы в курганах (12 случаев), места близ стен построек или в кладках стен (9), участки в курганах вне погребений (7), углы построек (5), заполнение котлованов построек (5). Прочие локусы – сооружения на грунтовом могильнике, колодцы, участки в постройках близ выходов, очаги, кострища, места близ медеплавильных печей, зольники, ровик, траншея, природная ложбинка – зафиксированы лишь в 1–3 случаях.

II. **Предметы и субстанции**, с которыми коррелировались тупики. Среди них мы выделяем следующие группы:

1. *Минералы без явных следов обработки*. Более или менее крупные куски минералов (в том числе песчаника, сферосидерита, азурита, охры) встречены в 14 комплексах;

2. *Остатки живых существ без следов обработки или вторичного использования*. Кости животных класса млекопитающих присутствовали в 25 комплексах, кости и чешуя рыб – в одном, раковины моллюсков – в двух. Наконец, в одном комплексе находились кости человека;

3. *Изделия*. В 10 комплексах тупики коррелировались с пестами и растиральниками, в 9 – с костяными проколками, в 8 – с абразивами, в 7 – с бронзовыми шильями, в 7 – с наконечниками стрел, в 6 – с пряслицами, в 4 – с фрагментами литейных форм, в 4 – с «коньками», в 4 – с подвесками (из когтя хищной птицы, раковин моллюсков, гальки, рога, глины). В состав «текстов», включавших тупики, входили и многие другие изделия (псалии, гарпуны, бронзовые ножи, серпы и долото, каменные мотыга, молот, фрагменты зернотерок, глиняные грузила, шарики т.д.), но все они встречены лишь по 1–3 раза;

4. *Следы горения*. В 20 комплексах присутствовали угли, зола или прокаленный грунт;

5. *Отходы металлургии*. В двух комплексах выявлены медные сплески и в двух – металлургические шлаки.

Корреляция тупиков с костями животных, которые в рассматриваемых комплексах являются, по большей части, остатками жертвоприношений различным «адресатам», скорее всего, вызвана тем, что тупики в определенных обрядах выступали как своеобразное дополнение к мясным жертвам. Интересно, однако, что в массиве комплексов с тупиками группы I корреляция данных орудий с костями животных имела место в 15,8% случаев, а в массиве комплексов с тупиками группы II – в 42,9% случаев. Отсюда правомерен вывод, что в эпоху поздней бронзы «актуальность» тупиков в контексте жертвоприношений очень сильно возросла. Добавим, что в Азии наибольшие масштабы обрядовое использование тупиков приобрело в саргаринско-алексеевской культуре. Нами учтено 98 поселенческих культовых комплексов этой культуры. Тупики входили в контекст 9 из них (9,2%). Для сравнения: соответствующий показатель по петровской культуре – 5,4%, по алакульской – 3,8%, по федоровской – 2,4%, по трушниковской культуре – 6,1%.

Анализ локусов, в которых оказывались тупики, подтверждает гипотезу о медиативной функции этих орудий, высказанную нами ранее (см.: [Подобед и др., 2011а, с. 113–115]). Действительно, едва ли не все выделенные локусы во многих традициях считались потенциальными каналами связи с иномиром: и ямы [Подобед и др., 2013б,

с. 41–42], и стены построек [Подобед и др., 2015, с. 127–128], и их углы [Подобед и др., 2014в, с. 90–91], и очаги, и кострища [Подобед и др., 2014б, с. 107–108], и колодцы [Подобед и др., 2014а, с. 287–290], а также рвы и природные ложбины [Подобед и др., 2013а, с. 33]. Однако, на наш взгляд, обрядовая функция тупиков не ограничивалась их использованием в качестве жертв и медиаторов. Обращает на себя внимание то, что тупики нередко входили в состав «текстов», где присутствовали орудия для измельчения какого-то сырья (песты, растиральники, зернотерки и др.). Заметим в данной связи, что процесс измельчения мог рассматриваться как акт сакрального воспроизводства [Михайлов, 2001, с. 200], ассоциироваться с творением мира [Сотникова, 2008, с. 310]. Отсюда правомерно допущение, что манипуляции с тупиками порой совершались в ходе обрядов, целью которых являлось преодоление хаоса и упорядочивание мира. Аргументом в защиту предложенной гипотезы служит частая корреляция тупиков с пряслицами. Как известно, представления о связи веретен и самого процесса прядения с космогонией, поддержанием миропорядка, воссозданием жизни красной нитью проходят через многие мифологические системы (см., напр.: [Бернштам, 1986, с. 34; Боряк, Герасимчук, 1990, с. 33–34; Кинжалов, 1990, с. 84; Полидович Ю.Б., Полидович Е.А., 1999, с. 220; Цимиданов, 1999, с. 226; Коцева, 2008, с. 75; Авилова, 2010, с. 40–41; Дашковский, Карымова, 2012, с. 124]).

В заключение отметим, что знаковая нагрузка тупиков имела много аспектов. Некоторые из них все еще не понятны. Например, почему рассматриваемые орудия ассоциировались с металлургическим производством, что кроется за их корреляцией с абразивами, режущими и протыкающими предметами, с какой целью тупики помещались в заброшенные постройки? Эти и другие вопросы требуют отдельного изучения с подключением новой информации о комплексах, содержащих тупики.

Библиографический список

- Авилова Л.И. Золотое веретене // Российская археология. 2010. №3.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Бернштам Т.А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. №6.
- Боряк О.О., Герасимчук О.В. Веретено та пряслиця у слов'янській міфологічній традиції // Народна творчість та етнографія. 1990. №1.
- Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: Философско-культурологическое исследование. Барнаул, 2012.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Кинжалов Р.В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и современном фольклоре // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990.
- Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. №1. СПб., 2011.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Түүхийн товчоон. Т. V. Улаанбаатар, 2010.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014.

Коцева Й. Дівчина-світлячок або болгарські жіночі чарівні казки // Народна творчість та етнографія. 2008. №2.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово, 2001.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12. Одесса, 2011а.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Қазақстан археологиясының мәселері. 3-ші ш. Алматы, 2011б.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. №5 (17). Горно-Алтайск, 2013а.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7).

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014а.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты // Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. Алматы, 2014б.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири) // «Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі» атты «VI Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы, 2014в.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Мотыги в обрядах племен эпохи бронзы Центральной Азии // Қазақстан археологиясы мен этнологиясы: өткені, бүгіні және болашағы атты «VII Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы, 2015.

Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды Государственного исторического музея. Вып. 109. М., 1999.

Пробийголова О.С. Дослідження поселення кінця доби бронзи біля м. Зимогір'я // Археологічні дослідження в Україні. 2012. Київ ; Луцьк, 2013.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993.

Сотникова С.В. Мотив «обновления мира» в ритуальной практике андроновского населения // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень, 2002.

Трубников В.В. Исследования поселенческих памятников эпохи поздней бронзы в нижнем течении р. Северский Донец в 2012 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. Вып. 28. Азов, 2014.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды государственного исторического музея. Вып. 109. М., 1999.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. №88.

Швецов М.Л. Работы на Зливкинском могильнике // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009.

В.И. Соенов, С.В. Трифанова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР АЛТАЯ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ

Работа публикуется в рамках госзадания Минобрнауки РФ (проект №536 «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая»)

До середины 70-х гг. XX в. памятники Алтая эпохи бронзы были слабо изучены, поэтому известные объекты исследователи относили в основном к афанасьевской культуре, ареал распространения которой – Алтае-Саянский регион и сопредельные территории [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. В последние десятилетия благодаря полевым работам археологов на Алтае обнаружены материалы целого ряда культур эпохи бронзы (напр.: [Кирюшин, 1983; Кубарев, 1988; Кирюшин, Кунгуров, Долинин и др., 1992; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Кирюшин, Кунгурова, Степанова, 1997; Ковалев, 2005; Молодин, 2006; Погожева, Рыкун, Степанова и др., 2006; Степанова, 2001, 2009а, 2010, 2011, 2012; и др.]).

Для периода ранней бронзы на сегодня исследователями выделены отличные от афанасьевских памятники арагольского, улитинского, куротинского и каракольского типов. Наряду с ними, судя по найденным на нескольких алтайских памятниках керамическим материалам, из западносибирской лесостепи по долинам основных рек в северные низкогорья Алтая проникали носители елунинской и крохалевской керамических традиций. Кроме того, из Северо-Западной Монголии на юго-восточные участки Алтайских гор переходили носители чемурчекской культуры. Также, несомненно, были миграции представителей иных культур или общностей. На каких-то отрезках времени носители различных традиций, вероятно, сосуществовали на разных участках горного региона и контактировали между собой [Степанова, 2011; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014].

В процедуре установления места в структуре бронзового века для арагольского, улитинского и куротинского типов, а также в вопросах об их происхождении и исторической судьбе пока еще остаются нерешенные моменты. По мнению Н.Ф. Степановой [2011; и др.], эти типы отражает процесс смешения населения с разными культурными и этнографическими традициями. Возможно, часть населения проживала на Алтае еще с неолита и в какой-то мере сохранила и развивала свою культуру на протяжении длительного времени, другая часть была пришлой и смешивалась с аборигенами, приспособляясь к местным условиям.

В хронологическом отношении период ранней бронзы нам представляется в нескольких стадиях. До определения места в структуре (культур/типов/традиций) для «арагольцев», «улитинцев» и «куротинцев» можно говорить пока о двух этапах – афанасьевском и каракольском. Первый, т.е. ранний этап, – это афанасьевское время, а второй этап – каракольское время.

Памятники алтайского варианта афанасьевской культуры [Цыб, 1984] на сегодняшний день изучены относительно хорошо. На Алтае известны десятки поселений и погребальных комплексов этой культуры, расположенные практически во всех районах, за исключением таежных участков северо-восточной части региона. Посе-

лений раскопано немного, а на могильниках вскрыто 230 объектов – курганов, оград-кромлехов и оград-стенок [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. Имеется значительное количество инвентаря из этих памятников, а также серия радиоуглеродных дат по образцам дерева, угля и костей из погребений [Степанова, 2009б; Грушин, 2009; Поляков, 2010; Кирюшин, Грушин, Семибратов и др., 2010; и др.]. В 2015 г. путем исследования структуры генофонда населения в Centre for GeoGenetics Natural History Museum (Копенгаген) удалось подтвердить по серии образцов генетическое единство афанасьевцев с представителями ямной культуры [Allentoft, Sikora, Sjögren et al., 2015], которое ранее устанавливалось антропологически (напр.: [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Солодовников, 2003, 2006, 2010; Погожева, Рыкун, Степанова и др., 2006; Медникова, 2010; Тур, 2010а–б; и др.]). Морфологические и типологические параллели археологических материалов ямной и афанасьевской культур давно были отмечены специалистами и вошли в разряд аксиом, хотя не имели окончательно оформленного объяснения из-за географической отдаленности ареалов распространения памятников. Но теперь можно уверенно говорить, что появление афанасьевской культуры – это результат масштабной миграции «ямников» на территорию Алтае-Сайнской горной страны. Таким образом, современные достижения генетики перенесли проблему происхождения и хронологии афанасьевской культуры на новый уровень осмысления, поскольку теперь известен район исхода европеоидных переселенцев, составивших основу населения афанасьевской культуры. Тем более, что удалось проследить и другие генетические связи «ямников» [Allentoft, Sikora, Sjögren et al., 2015]. Сейчас хотелось бы с помощью генетики решить вопрос о степени участия в формировании афанасьевской культуры других групп населения, выделяющихся антропологически и генетически [Чикишева, 2010], для чего необходимы исследования новых образцов из памятников. В контексте хронологии и генезиса ямной культуры, а также с учетом картины генетической структуры евразийского населения периода ранней бронзы нам представляется, что афанасьевскую культуру нужно отнести к 1-й половине III тыс. до н.э., возможно, к XXVIII–XXVI вв. до н.э.

Памятники каракольского типа на Алтае представлены несколькими погребальными комплексами, исследованными в Караколе, Озерном, Беш-Озеке, Мендур-Сокконе, а также небольшим количеством наскальных рисунков. Погребения «каракольцев» отличаются от афанасьевских наличием прямоугольной каменной ограды-кладбища, каменных ящиков с полихромными рисунками на плитах [Погожева, Кадиков, 1979; Кубарев, 1988, 2009; Кубарев, Соенов, Эбель, 1992; Суразаков, Ларин, 1994; Кубарев, Суразаков, 2006; Вдовина, Трифанова, Кобзарь, 2006; Киреев, Ойношев, Чевалков и др., 2010]. Наскальные изображения «каракольцев» выделяются на основе иконографического тождества с рисунками на стенах погребальных ящиков. Прежде всего, это изображения хищников на Калбак-Таше, а также наскальные зооморфные и антропоморфные изображения Карбана, Калбак-Таша-II, Озерного, Торгуна, Елангаша и др. [Молодин, 2006; Кубарев, 2009].

Каракольские памятники входят в круг южносибирской окуневской археологической культуры [Кубарев, 1988, 2009]. Памятники окуневской культуры довольно детально исследованы на территории Хакасско-Минусинской котловины. На Алтае памятники этого типа выделены в отдельную культуру [Молодин, 2006]. По мнению Т.А. Чикишевой [1995, 2000], группы населения, оставившие каракольские и окунев-

ские памятники, были близки антропологически. А.В. Громов [1997] пришел к выводу, что «...окуневцы наиболее близки к неолиту и ранней бронзе Алтая». Под «Алтаем» исследователь подразумевает юг Западно-Сибирской равнины к северу от Алтая и собственно алтайские горы. С.С. Тур и К.Н. Солодовников [2005] тоже наблюдают сходство мужских черепов «каракольцев» с черепами неолитического и раннебронзового населения юга Западно-Сибирской равнины из Усть-Иши, Иткуля и Елунино, а также отмечают их близость с тувинскими краниологическими сериями из Аймырлыга. Женские каракольские черепа, по мнению данных исследователей, обнаруживают иное направление морфогенетических связей – с черепами из алтайских пещер, а также енисейских монголоидов эпохи неолита и бронзы. Предстоящие исследования структуры генофонда погребенных людей в могилах каракольского типа, вероятно, позволят установить генетическое родство «каракольцев» с «окуневцами» и другими перчисленными группами. Пока же удалось подтвердить генетическую близость «окуневцев» с коренным населением Америки, которая восходит, возможно, к их общим предкам – верхнепалеолитическим охотникам-собираателям Сибири [Allentoft, Sikora, Sjögren et al., 2015]. Кстати, родство «окуневцев» с коренным населением Америки отмечалось в свое время А.Г. Козинцевым, А.В. Громовым и В.Г. Моисеевым [1995] на основании краниоскопического анализа, а еще раньше А.Н. Липским [1969] были замечены параллели в элементах искусства окуневской культуры и индейцев.

Сегодня исследователи не едины в определении хронологической принадлежности памятников каракольского типа: часть археологов считают, что они датируются III – началом II тыс. до н.э., другие полагают, что их следует датировать в рамках II тыс. до н.э. Спецификой датировки археологических памятников Южной Сибири эпохи бронзы является то, что кроме радиоуглеродных дат пока нет других источников для их датирования [Поляков, 2010]. Поэтому мы в датировке каракольского типа опираемся на результаты радиоуглеродного анализа, полученные по образцам из могильников Каракол и Озерное [Кубарев, 1995, 2009; Соенов, Акимова (Вдовина), Трифанова, 2012]. Могильники располагаются в Центральном Алтае недалеко друг от друга.

Для радиоуглеродного датирования могильника Озерное были взяты кости человека (СОАН-6622) и кусочки угля (СОАН-7926) из погребения, раскопанного Т.А. Акимовой (Вдовиной) и С.В. Трифановой [Вдовина, Трифанова, Кобзарь, 2006]. Даты получены в разное время в Институте геологии и минералогии СО РАН. Определение остаточной активности углерода выполнено на Quantulus 1220 (по бензолно-сцинтилляционному варианту). Калибровка дат осуществлена нами версией программы Оксфорда OxCal v.3.10. Для исследований используем интервалы калиброванного календарного возраста с вероятностью 95,4%: СОАН-6622, дата ^{14}C BP 4030 ± 90, калиброванная дата BC 2900–2300; СОАН-7926, дата ^{14}C BP 4890 ± 115, калиброванная дата BC 4000–3350 [Соенов, Акимова (Вдовина), Трифанова, 2012].

Две даты по образцам из могильника Каракол (BC 2720 и BC 1990), дважды опубликованные [Кубарев, 1995, 2009], не имеют указания индекса лаборатории, поэтому мы не знаем, где они получены и каким способом (бензолно-сцинтилляционным или AMS). Нам не известен также и материал датированных образцов. Отсутствие указания доверительных интервалов обеих дат не позволяет сегодня осуществить их корректную калибровку. Тем не менее радиоуглеродные даты по образцам из могильника Каракол тоже имеют значение для установления хронологии каракольского типа.

Изучая эту небольшую серию радиоуглеродных дат, мы осознаем не только важность каждой даты из-за того, что абсолютная хронология памятников Алтая периода бронзы может быть установлена только радиоуглеродным анализом, но также учитываем и имеющиеся сегодня нюансы этого метода датирования и результаты работ коллег. В данном случае обращает на себя внимание то, что даты по ^{14}C образцов кости и угля из каракольского погребения в Озерном получились с большим хронологическим разрывом: 2900–2300 гг. до н.э. (СОАН-6622) и 4000–3350 гг. до н.э. (СОАН-7926). Это пока не имеет убедительного объяснения, как и даты могильника Каракол с разбросом в 730 лет: 2720 г. до н.э. и 1990 г. до н.э. Значительный разрыв дат может объясняться влиянием какого-либо неуставленного эффекта, хотя мы не исключаем и другие причины. Незвизая на все это, привлекает внимание близость нашей даты по образцу кости из могильника Озерное (СОАН-6622) и одной из некалиброванных дат по образцу из могильника Каракол (BC 1990). А вторая озерновская дата (СОАН-7926) близка другой каракольской дате (BC 2720). Несмотря на почти равный вес этих двух пар дат, для датирования погребения в каменных ящиках на могильниках Каракол и Озерное, мы при публикации выбрали рамки XXVIII–XXIV вв. до н.э. [Соенов, Акимова (Вдовина), Трифанова, 2012]. В контексте опубликованных результатов радиоуглеродной датировки памятников окуневской культуры Среднего Енисея в пределах XXV–XVIII вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009] мы тогда выбрали наиболее оптимальную пару дат. Конечно, даты погребений Каракола и Озерного выглядят древнее, и в целом интервал укладывается в большой промежуток. Однако, кроме разрыва между нижней границей дат каракольского типа (XXVIII в. до н.э.) и верхней границей дат окуневской культуры (XVIII в. до н.э.), есть совпадение в пределах XXV–XXIV вв. до н.э. На наш взгляд, именно эту перекрестную дату с очень условным компромиссным допуском ± 50 –100 лет в сторону омоложения и удревнения можно принять на данном этапе в качестве хронологии каракольского типа памятников. Таким образом, путем механического сопоставления дата получается в пределах XXVI–XXIII вв. до н.э. Конечно, наша датировка в значительной мере гипотетическая и условная, поэтому потребует обязательного уточнения или подтверждения. Дальнейшую корректировку хронологической принадлежности каракольского типа и окуневской культуры можно будет осуществить путем получения дополнительных дат в высокорейтинговых лабораториях. Предлагаемые коллегами хронологические рамки окуневской культуры, полученные по ^{14}C (XXV–XVIII вв. до н.э.), нам кажутся не совсем согласующимися с археологическими данными: наблюдается несоответствие длительного отрезка времени в 800 лет, установленного при помощи интервала радиоуглеродных дат, с относительно небольшим количеством известных в Хакасско-Минусинской котловине окуневских памятников.

Мы полагаем, что «каракольцы» Алтая составляли с «окуневцами» Хакасии и Тувы культурную общность/культуру/традицию, сформировавшуюся на основе местных популяций, включивших в свой состав какое-то количество мигрантов: монголоидное население с Красноярско-Канского региона и европеоидных переселенцев с запада. Причем соотношение разных групп населения очень разное. Уровень и силу связей «каракольцев» с «афанасьевцами», «арагольцами», «улитинцами», «куротинцами» и другими, а также проблему исторической судьбы носителей каракольского типа на данном этапе исследований нельзя окончательно решить из-за

отсутствия необходимых данных сравнительного исследования образцов ДНК и по причине слабой изученности на Алтае периодов развитой и поздней бронзы. В иерархическом плане каракольский тип нам представляется локальным вариантом южно-сибирской окуневской культуры, центром которой являлась Хакасско-Минусинская котловина. Об этом свидетельствует сопоставление количества известных объектов данного круга в Туве, Хакасии и на Алтае. Исходя из вышеизложенного, хронологические рамки возведения окуневских и каракольских памятников в целом должны совмещаться. В любом случае датировка каракольского типа напрямую связана с хронологией окуневской культуры, как периферии и центра. Нерешенность проблемы точных хронологических границ каракольского типа препятствует признанию его единства с окуневской культурой (если не генетического, то культурного), а также определению характера его взаимодействия и взаимовлияния с другими культурами и общностями.

Таким образом, для периода ранней бронзы на Алтае исследователями выделены памятники афанасьевского, арагольского, улитинского, куротинского и каракольского типов. На повестке стоит вопрос обоснования выделения елунинского, крохалевского, чемурчекского, возможно, иных типов памятников, а также проблема построения системы доказательства их пространственно-временного структурирования. В хронологическом отношении, на наш взгляд, пока можно говорить о двух этапах периода ранней бронзы – афанасьевском и каракольском. В контексте результатов палеогенетических и радиоуглеродных исследований афанасьевский этап мы предлагаем датировать 1-й половиной III тыс. до н.э., возможно, XXVIII–XXVI вв. до н.э., каракольский – XXVI–XXIII вв. до н.э.

Библиографический список

- Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K. & Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. №522 (11 June).
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014.
- Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В. Коллективное погребение эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия Южной Сибири. №3–4. Горно-Алтайск, 2006.
- Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997.
- Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М. ; Л., 1948.
- Киреев С.М., Ойношев В.П., Чевалков Л.М., Кубарев В.Д. Раскопки в Чемальском и Усть-Канском районах Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху энеолита и бронзы // История Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1983.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул, 1995.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куюм // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.

Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Американцы на Енисее? Антропологические параллели одной гипотезе // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев В.Д. О происхождении и хронологии каракольской культуры Алтая // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.

Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Кубарев В.Д., Суразаков А.С. Каракол: новые материалы эпохи бронзы Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск, 2006.

Липский А.Н. Американцы на Енисее // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.

Медникова М.Б. Курота-2 и Куюм: данные антропологии к реконструкции условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

Поляков А.В., Свято С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009.

Соенов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В. Радиоуглеродные даты погребений периода ранней бронзы на могильниках Нижний Айры-Таш и Озерное // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск, 2003.

Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуни // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. №6. Горно-Алтайск, 2001.

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009а.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009б.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: современное состояние изучения // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб. ; М. ; В. Новгород, 2011.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: куротинский тип погребений // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

Тур С.С. Краниоскопическая характеристика населения афанасьевской культуры Алтая // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а.

Тур С.С. Зубные маркеры палеодиеты в краниологической серии населения афанасьевской культуры Алтая // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010б.

Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2005.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Чикишева Т.А. Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи бронзы с территории Сибири // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1995.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1 (1).

Чикишева Т.А. Антропологический аспект взаимодействия населения афанасьевской культуры с автохтонным населением Алтая // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

С.В. Сотникова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

АНДРОНОВСКИЕ (ФЕДОРОВСКИЕ) ПОГРЕБЕНИЯ С ПЕРЕВЕРНУТЫМИ СОСУДАМИ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В андроновских (федоровских) могильниках сосуды, перевернутые вверх дном, обнаружены в основном в погребениях, содержащих остатки кремации: Сангуыр-II (ящик 1, курган №1), Боровое (ограда №2), Биырек-коль (могила №1), Лисаковский (могила №28) [Кадырбаев, 1961, с. 50–52; Оразбаев, 1958, с. 231, 245; Усманова, 2005, с. 26]. В могильнике Рублево-VIII перевернутый вверх дном сосуд найден в могиле №12, которая представляла собой кенотаф [Кирюшин, Папин и др., 2004, с. 68)]. Определить расположение перевернутого сосуда относительно костяка в данных погребениях не представляется возможным. Однако в размещении сосудов, установленных вверх дном, прослеживаются определенные закономерности. Во всех погребениях они находились в западной или юго-западной части могильной ямы, нередко – рядом с обычными сосудами, содержащими, по-видимому, напугтственную пищу. Для федо-

ровской погребальной традиции по способу труположения характерны ориентация умершего головой на запад или юго-запад и расположение сосудов в головах. В погребениях по способу трупосожжения и кенотафах эта традиция, вероятно, продолжала сохраняться.

Характерной чертой федоровских перевернутых сосудов, вероятно, следует считать их небольшие размеры и отсутствие орнамента. При описании могилы №1 могильника Биырек-коль А.М. Оразбаев [1958, с. 245] отмечает, что из двух сосудов, установленных в юго-западном углу, именно маленький, баночной формы, был перевернут. В могильнике Сангуыр-II (ящик 1, курган №1) сосуд, установленный вверх дном, был небольших размеров, без орнамента и имел одно сквозное отверстие в верхней части венчика [Кадырбаев, 1961, с. 52]. В могильнике Рублево-VIII перевернутый сосуд представлял собой небольшую банку без орнамента [Кирюшин, Папин и др., 2004, с. 68, рис. 4.-6].

Из четырех рассматриваемых погребений с кремацией в трех среди кремированных костей обнаружены типично женские украшения (бронзовые серьги, бляшки, просверленные раковины): Боровое (ограда №2), Биырек-коль (могила №1, ограда №23), Сангуыр-II (ящик 1 курган №1) [Кадырбаев, 1961, с. 50; Оразбаев, 1958, с. 231, 245]. В могиле из ограды №2 могильника Боровое в западной части ямы рядом с перевернутым сосудом найдена бронзовая игла. Обломки бронзовых иголок обнаружены также в восточной части могилы среди кремированных костей и украшений [Оразбаев, 1958, с. 231]. Игла являлась типично женским орудием труда, но ее использование вряд ли ограничивалось исключительно профанной сферой. Так, в древнеиндийском обряде жертвоприношения коня (ашвамедха) три жены царя с помощью трех разных игл – золотой, серебряной и железной (или медной) – делят жертвенного коня на три части, каждая из частей соотносится с одним из трех миров [Иванов, 1997, с. 187]. Следовательно, иглы можно рассматривать в качестве одного из женских орудий жертвоприношения.

По-видимому, федоровская традиция установки сосудов вверх дном была преимущественно связана с захоронением женщин, которые при жизни выполняли какие-то ритуальные (возможно, шаманские) функции. Вероятно, поэтому их не только почитали, но и опасались. Соблюдение федоровским населением обряда кремации позволяет предполагать существование у них достаточно разработанной концепции жизни и смерти. Некоторые аспекты этой концепции могут быть реконструированы (учитывая признаваемую большинством исследователей индоиранскую принадлежность андроновского населения) на основе древнейшего индийского письменного источника – «Ригведы». В ведийской религии богу огня Агни принадлежала ведущая роль в погребальном ритуале. В гимне «Ригведы» содержится следующий призыв к погребальному костру: «На солнце пусть идет (твой) глаз, в ветер – дыхание! / Иди на небо и в землю, как положено! / Или иди в воды, если там тебе любо, / Костями укрепись в растениях!» (X. 16, 3) [Ригведа, 1999, с. 133]. Благодаря воздействию погребального огня происходило разделение человека как целого. Его душа-дыхание сливалась с ветром, воздушным пространством и направлялась на Небо, а костям, т.е. душе-тени, предстояло слиться с землей, водой и стать корнями растений. Вероятно, именно души-тени влиятельных в культовой сфере женщин, души, которая отправлялась в Нижний мир, больше всего опасались. Перевернутый сосуд, который установ-

ливался в федоровских погребениях с кремацией в районе предполагаемого размещения головы, мог служить целям «нейтрализации зла», препятствовать возвращению души-тени этих женщин в мир живых, а также наделяться свойствами «границы» между миром живых и миром мертвых.

Различные исследователи неоднократно высказывали мнение о преобладании в древней мифоритуальной практике женщин [Кинжалов, 1997, с. 99; Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 87; Сагалаев, 1991, с. 67; Косарев, 2003, с. 232; и др.]. Однако в эпосе и культовой практике встречаются лишь отдельные отголоски их былой, значительной роли. Некоторые сохранившиеся в индийском эпосе предания повествуют о женщинах, спасших и прославивших род – отца или мужа. В сказании о Савитри героиня подчинила себе самого бога смерти Яму и вырвала из его рук своего мужа Сагьявана. От этой эпической героини и ее близких вело свою родословную известное индийское племя малавов. Как отмечает А.А. Вигасин [1990], «сама Савитри, очевидно, принадлежит к типу особо почитаемых женщин-родоначальниц». Среди основателей царских родов или династий в индийских преданиях встречаются не только мужские, но и женские имена. Даже тогда, когда счет родства велся, несомненно, лишь по отцовской линии, героев нередко величали не только по отцу, но и по матери. По мнению А.А. Вигасина [1990, с. 313–314], даже «позднейшая обработка эпоса не всегда могла уничтожить следы тех архаических традиций, согласно которым, по крайней мере, у отдельных народов Индии, женщина играла более значительную общественную роль, нежели было принято в классический период – в начале нашей эры». По свидетельству А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской [1990], в архаичном эпосе тюркских народов Южной Сибири, за редким исключением, действуют только шаманки, а не шаманы. «Трудно сказать, отражены ли в эпосе реалии жизни древнего общества. Вопрос о гипотетическом преобладании в обрядовой жизни древних женского начала – один из «вечных» в этнографии» [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 87].

В традиционной культуре народов Сибири следы значительной роли женщин сохранились прежде всего в шаманских представлениях и практике. Среди всех алтайских народов бытует общее название шаманки (*удаган*), в то время как шаман-мужчина в каждом обществе имеет особое наименование [Сагалаев, 1991, с. 66]. В Сибири была широко распространена практика использования шаманами-мужчинами женской прически и элементов женского костюма в ритуальной одежде. Так, хакасские шаманы использовали бусы и девичьи шапки. Якутские шаманы носили женскую прическу. На Алтае шапка ярлыкчи (бурханистского служителя культа), как отмечает Л.И. Шерстова, «шила из белой кошмы и по покрою была сходна с женской шапкой, к ней также пришивались две ленты» (цит. по: [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 114]). Тувинские ламы носили шубы из ткани желтого цвета с отделкой из красного канта и подпоясывались красным поясом. На вопрос, почему кант и пояс на ламской шубе совпадали с цветом отделки и пояса женского костюма, старики отвечали, что ламы и женщины «имели общую судьбу». Во время пиршеств и молений ламы сидели вместе с женщинами [Потапов, 1969, с. 220]. Этнографы рассматривают данные элементы как проявление травестизма или же объясняют эту особенность внешнего облика шамана его пограничностью и стремлением быть «всеми сразу» [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 114]. Однако ответы тувинских стариков свидетельствуют все же в пользу значительной роли женщин в древней религиозно-культовой практике.

Особенно высока и сакрально окрашена была социальная роль пожилых женщин. Во многих обществах именно они являлись хранительницами древних обрядов и поверий. В Древней Индии даже сами мудрые брахманы рекомендовали во всех сложных случаях обращаться за советом и помощью к старым женщинам, знающим гораздо больше сказанного в книгах [Вигасин, 1990, с. 313]. В традиционной культуре тюрков Южной Сибири специализация пожилых женщин в сфере знаковой деятельности была весьма разнообразной. Сакрально окрашены были профессии повитухи, гадалки, знахарки и т.п. К этому следует добавить, что и в наши дни именно пожилые женщины хранят в своей памяти реалии старой народной культуры [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 87]. По мнению А.М. Сагалаева [1991, с. 67], «преобладанием в древней мифоритуальной практике женщины, возможно, объясняется та значительная роль, которую в позднейшей традиции играют колыбель, мотивы шитья, прядения и прочие атрибуты женской сферы».

Достаточно сложным является вопрос о том, совпадало ли высокое положение женщин в ритуальной практике с их положением в социальной и бытовой сферах жизни. Значительный интерес представляет приводимый в работе А.А. Вигасина обширный материал, который показывает, что однозначная характеристика положения женщины в Древней Индии была бы упрощенной. С одной стороны, известный древнеиндийский афоризм гласит: «Женщина всегда остается несамостоятельной: до брака она находится под опекой отца, после брака – мужа, в старости – сына». С другой стороны, для Индии было характерно настоящее поклонение женщине-матери: «Отца почитать надо в сто раз больше, чем учителя, но мать в тысячу раз достойнее почитания, чем отец» [Вигасин, 1990, с. 324, 327–328, 331]. Еще более значимой была роль женщины в основных ритуалах жизненного цикла. В свадебных формулах подчеркивался прежде всего «космический» аспект женщины – жены и матери. Например, во время церемонии «семи шагов», которая являлась главной частью собственно брачного обряда, муж предлагал ей сделать шаг ради «сока», живительных сил растений, ради времен года и т.п. В свадебном гимне «Атхарваеды» также выражалось пожелание, чтобы от этой матери родились разного рода животные [Вигасин, 1990, с. 310].

Высокое положение женщин в ритуальной практике обусловлено, вероятно, их причастностью к сфере рождения. А главным рождающим началом во многих архаических традициях признавалась богиня Мать-Земля. В Древней Индии женщина рассматривалась как воплощение богини изобилия Шри или Лакшми, к которой надлежит относиться с почтением, а порой и с некоторой опаской. Женщине полагалось уступать дорогу (в особенности беременной) так же, как жрецу или царю. Убийство женщины – ужасный грех, не меньший, чем убийство брахмана или священной королевы [Вигасин, 1990, с. 331].

Среди исследователей достаточно устойчивым является также интерес к женским мифологическим образам Урала и Сибири. А.М. Сагалаев, анализируя алтайский материал, приходит к выводу, что богини-матери одновременно являлись предками-праматерями и жрицами-шаманками. Так, среди алтайских народов однокоренными словами обозначались обожествленная земля и женщины-шаманки [Сагалаев, 1991, с. 66–67]. Ю.В. Балакин рассмотрел проявления архетипа Великой Матери в западносибирских традициях. Он обращает особое внимание на амбивалентность женских

мифологических образов и приходит к выводу о существовании изначально образа Матери-Земли как «синкретично-нерасчлененного мифологического концепта, сосредоточившего в себе представления о жизненной силе, о плодородии, но также о Нижнем мире, о смерти, о могильной яме» [Балакин, 1998, с. 212].

Вновь обратимся к рассматриваемым андроновским погребениям. Можно предположить, что ритуальная деятельность женщин, захороненных в могилах с перевернутыми сосудами, была направлена на общение с Нижним миром и с богиней, олицетворявшей образ Матери-Земли. Как отмечает Ю.В. Балакин [1998, с. 208], «ритуальное переворачивание предполагает (а нередко и прямо обозначает) адресат – Великую Мать». Можно предложить два возможных варианта истолкования подобных захоронений, учитывая амбивалентность образа Великой Матери. Первый вариант, рассмотренный выше, основан на предположении, что женщин, занятых в этой сфере ритуальной жизни, не только почитали, но и боялись. Смерть таких женщин представляла собой дополнительную опасность для коллектива. Перевернутый сосуд призван был нейтрализовать «зло». Возможно и другое объяснение. Помещение перевернутого сосуда в могилы таких женщин могло рассматриваться как наиболее действенный способ, позволяющий избавиться от каких-то негативных явлений в жизни коллектива (эпидемии, болезни, падежа скота, засухи, наводнения и т.п.). Не случайно считалось, что «шаманки более важны (для своих соплеменников) после смерти, нежели при жизни» [Сагалаев, 1991, с. 66].

Таким образом, андроновские (федоровские) женские погребения с перевернутыми сосудами свидетельствуют о значительной роли женщин в культовой сфере. Вероятно, эти обряды были каким-то образом связаны с поклонением «Великой Матери», богине Земли, которой в архаическую эпоху отводилась особая роль. В древнеиндийской литературе не раз повторялось: «Где не почитают женщин, там все обряды бесплодны» [Вигасин, 1990, с. 332]. Вероятно, это отчетливо осознавало население евразийских степей и в более ранний период – в эпоху бронзы.

Библиографический список

- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998.
- Вигасин А.А. Женщина в Древней Индии (вместо послесловия) // Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.
- Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 12. Алма-Ата, 1961.
- Кинжалов Р.В. Вторая теорема. О некоторых особенностях культов женских божеств и женских ритуалов древнего мира (к постановке вопроса) // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. Т. 2. СПб., 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Ригведа. Мандалы IX–X / пер., коммент. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск, 2005.

А.А. Тишкин¹, П.А. Косинцев², А.Е. Некрасов², С.П. Грушин¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия*

НАХОДКИ КОСТЕЙ ПТИЦ И РЫБ НА ПОСЕЛЕНИИ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В течение длительного времени проводились раскопки на поселении Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края. Этот экспедиционный проект осуществлялся под руководством Ю.Ф. Кирюшина, который, работая ректором Алтайского государственного университета, все же находил возможности несколько раз за полевой сезон приезжать на памятник. Во время таких встреч подробно обсуждались полученные находки, а также зафиксированные объекты. Опыт Юрия Федоровича и его конструктивные рекомендации способствовали выполнению важного археологического проекта, научные результаты которого представлены в многочисленных публикациях, а также в виде докладов на конференциях разного уровня. Основные материалы уже сконцентрированы в двух монографиях [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011]. В них же даны описания обнаруженных костных остатков и осуществлены аналитические заключения [Косинцев, 2005, с. 150–164; Косинцев, Явшева, Девяшин, 2011, с. 139–148]. Памятник определяется периодом ранней бронзы и отнесен к елунинской археологической культуре. Потенциал изучаемого комплекса, который находится в аварийном состоянии, далеко не исчерпан. Заложенный комплексный подход в исследованиях [Тишкин, 2002] продолжает реализовываться в разных направлениях.

В настоящее время совершенно понятно, что жители Березовой Луки занимались животноводством. Домашним копытным принадлежит более 99% определимых костных остатков, среди них доминируют находки костей мелкого рогатого скота (свыше 55%), более 25% принадлежат лошади и более 16% – крупному рогатому скоту. Такой состав стада свидетельствует об относительно подвижном характере животноводства [Косинцев, 2005, с. 154–155; Косинцев, Явшева, Девяшин, 2011, с. 147].

Костей диких животных обнаружено менее 1%. Данная ситуация демонстрирует малую роль охоты в хозяйстве населения, оставившего поселение [Косинцев, 2005, с. 155].

Долгое время не были выполнены определения небольшой коллекции костей рыб и птиц, полученных при раскопках. В данном сообщении представим полученные результаты. Они дополняют уже сделанные выводы и расширяют наши знания о хозяйстве и видах деятельности древних обитателей Березовой Луки, которые, будучи скотоводами, могли заниматься и рыболовством. Правда, материальных подтверждений этому совсем немного. Среди находок не обнаружены крючки или другие подобные свидетельства индивидуальной рыбалки. Возможно, что в имеющемся орудийном наборе из костей животных имеются инструменты, с помощью которых плелись сети, а среди каменных предметов есть грузила (см., напр.: [Кирюшин, Малолетко, Тишкин,

2005, с. 110, рис. 42.-6]). Эта тема дальнейших специальных исследований. Сейчас важнее указать на те данные, которые напрямую можно связать с рыболовством. Так, при исследовании первого раскопа (на начальных этапах изучения поселения) около жилища №1 зафиксированы небольшие хозяйственные ямы, в которых обнаружено существенное количество рыбьей чешуи. Кроме этого, найдены остатки приспособлений, которые предварительно можно связать с приготовлением рыбы для еды на открытом огне.

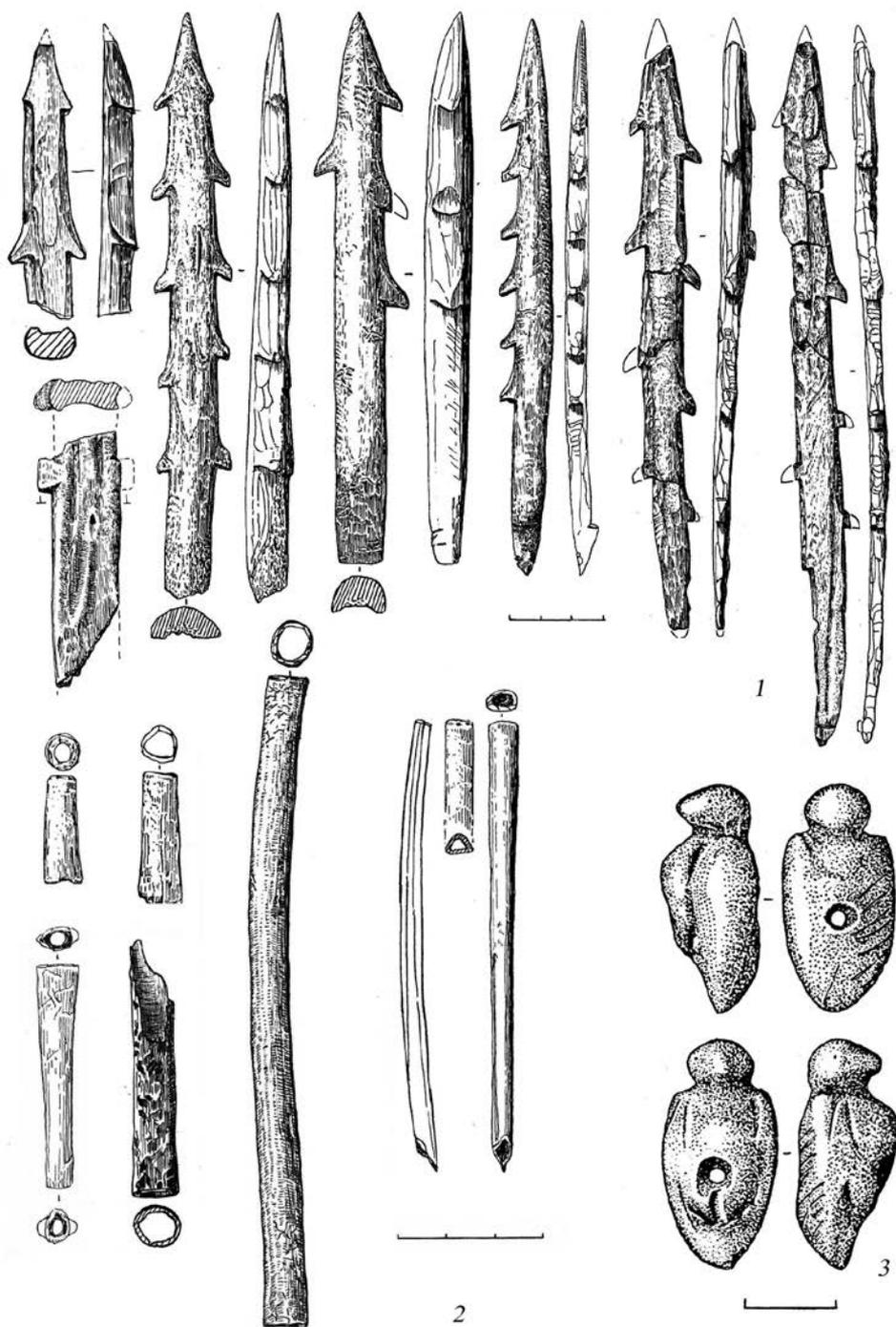
Среди собранных костей рыб были определены те, которые относятся к щуке (4 экз.), а остальные – к карасям (22 экз.). Такой набор может косвенно свидетельствовать о том, что неподалеку от поселения были пойменные озера и старицы, где такая рыба водилась. Еще одним из важных свидетельств рыболовства являются находки крупных гарпунов [Киришин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 146.-1–3; рис. 147.-1–2]. Исходя из их параметров и особенностей изготовления, можно предполагать, что они использовались на крупную рыбу, а также могли применяться и для охотничьих целей (рис.-1).

Что касается костей птиц, то зафиксировано их существенное разнообразие (табл.).

Видовой состав костных остатков и современные свидетельства обитания птиц

Виды	Березовая Лука ¹	Современность
Белолобый гусь – <i>Anser albifrons</i>	3/2	+
Гусь неопределимый – <i>Anser</i> sp.	8	
Кряква – <i>Anas platyrhynchos</i>	3/2	+
Свиязь – <i>Anas penelope</i>	1/1	+
Шилохвость – <i>Anas acuta</i>	14/3	+
Чирок – <i>Anas querquedula</i> – <i>Anas crecca</i>	2	+
Широконоска – <i>Anas clypeata</i>	2/1	+
Хохлатая чернеть – <i>Aythya fuligula</i>	2/1	+
Лысуха – <i>Fulica atra</i>	1/1 + часть скелета	+
Утки речные – <i>Anatinae</i>	10	+
Утки нырковые – <i>Aythiinae</i>	1	+
Утки – неопределимые	4	
Беркут – <i>Aquila chrysaetos</i>	1/1	+
Орел степной – <i>Aquila rapax</i>	5/2	+
Орел не определимый – <i>Aquila</i> sp.	4	
Гриф не определимый – <i>Gypaetinae</i>	1	–
Пустельга – <i>Falco tinnunculus</i>	2/1	+
Тетерев – <i>Lyrurus tetrix</i>	3/3	+
Коростель – <i>Crex crex</i>	10 (часть скелета)	+
Турухтан – <i>Philomachus pugnax</i>	6 (часть скелета)	+
Чибис – <i>Vanellus vanellus</i>	2/1	+
Кулики – не определимые	2	
Чайка озерная – <i>Larus ridibundus</i>	10/3	+
Сорока – <i>Pica pica</i>	15/3	+
Грач – <i>Corvus frugilegus</i>	1/1	+
Ворона – <i>Corvus cornix</i>	2/1	+
Птицы неопределимые – <i>Aves indet.</i>	9	

¹ в числителе – количество костей, в знаменателе – минимальное количество особей.

Находки на поселении Березовая Лука: 1 – гарпуны (целые и фрагменты);
2 – трубочки из костей; 3 – каменная скульптура (по: [Кирюшин,
Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011])

Всего изучены 144 экз. найденных костей птиц. Большинство относятся к костям конечностей: плечевые, лучевые, локтевые, пряжки бедренные, берцовые и цевки. Все кости в основном целые. Имеются две локтевые кости гусей, у которых преднамеренно были отломлены концы. Часть костей можно определить до вида, а часть – до рода или семейства. Небольшое количество оказалось неопределимым (см. табл.).

Для некоторых видов может быть сделано более детальное описание. Так, найдены 20 костей от скелета одной особи и одна кость от другой особи лысух (*Fulica atra*). На основании анализа степени окостенения эпифизов можно указать, что особь, которой принадлежала одна найденная кость, была добыта в августе, а особь, которой принадлежала обнаруженная часть скелета, – в сентябре. Кость беркута (*Aquila chrysaetos*) принадлежала самцу, две кости тетерева (*Lyrurus tetrix*) – соответственно самке и самцу. Все кости коростеля (*Crex crex*) и все кости турухтана (*Philomachus pugnax*) принадлежали скелетам от одной особи.

Еще три кости отнесены к птицам без видового заключения. Следует также отметить несколько зафиксированных находок в виде длинных трубочек [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 141.-8–9; рис. 146.-4; и др.], которые явно сделаны из костей птиц (рис.-2). Они могли использоваться в различных целях, что требует внимательного рассмотрения.

Кости принадлежали видам птиц, которые и в настоящее время живут круглогодично (тетерев, сорока, ворона), гнездятся (все орлы, гуси, утки) или бывают на весенне-осенних пролетах (гуси, утки, турухтан) в районе расположения поселения [Рябицев, 2001]. Исключение составляет гриф. Судя по найденной кости, это мог быть стервятник (*Neophron percnopterus*), черный гриф (*Aegypius monachus*) или белоголовый сип (*Gyps fulvus*). Данные виды сейчас не обитают на рассматриваемой территории, но известны их частые залеты [Рябицев, 2001].

Особенностью состава костных остатков птиц является то, что почти половина из них (части скелетов лысухи, коростеля и турухтана) принадлежат видам, которые не являются охотничье-промысловыми в обычном понимании. Доля типичных промысловых видов (гуси, утки, тетерев) составляет 54%. Остатков хищных птиц (орлы, сокола) – 13%, а остальных, «непромысловых», видов – 33%. Доля остатков «непромысловых» видов составляет 46% от остатков всех определимых птиц. Это очень высокая доля, если полагать, что промысел птиц проводился для получения пищи. Очевидно, что население Березовой Луки специально охотилось на эти «непромысловые» виды с разными целями. Причины их добычи пока не совсем ясны. Хищные птицы могли добываться для изготовления оперения на древки стрел. Также пока не совсем понятны причины попадания в культурный слой частей (а может, и целых) тушек птиц. Среди остатков птиц доминируют остатки видов (гуси, утки, кулики, чайка и др.), которые бывают в районе нахождения поселения в теплое время года.

В целом найденная на поселении фауна птиц очень разнообразна и демонстрирует соответствующие природные условия. В ходе исследований уже было отмечено оптимальное природно-ландшафтное размещение поселения Березовая Лука, охарактеризованного в качестве хозяйственно-культурного центра [Кирюшин, Тишкин, 1998].

В ходе раскопок на поселении обнаружена скульптура (высотой всего 2,5 см) в виде сидящей хищной птицы со сложенными крыльями [Кирюшин, Грушин, Тиш-

кин, 2011, с. 63–64; рис. 38.-7, вклейка: фото 19]. Она была изготовлена из бурой яшмы и имеет отверстие для ношения (рис.-3). Данная находка дополняет публикуемую информацию о птицах.

Приведенные данные позволяют расширить возможности для более детального изучения таких видов деятельности, как рыболовство и охота носителей елунинской культуры периода ранней бронзы.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул, 2011.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул, 2005.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.

Косинцев П.А. Животноводство и охота населения Березовой Луки // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул, 2005.

Косинцев П.А., Явшева Д.А., Девяшин М.М. Комплекс костных остатков животных из раскопок поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул, 2011.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири : справочник-определитель. Екатеринбург, 2001.

Тишкин А.А. Комплексный подход в изучении памятника Березовая Лука // Северная Евразии в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.

А.А. Ткачев¹, Н.А. Ткачева², Е.А. Трофимова¹

¹Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия;

²Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РАНИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ РОЗА ВЕТРОВ-III

Одной из наиболее актуальных проблем современной археологии бронзового века Западной Сибири является вопрос хронологии и соотношения археологических культур. Решению данной проблемы в некоторой степени способствует изучение многослойных памятников, предоставляющих богатый материал для планиграфических и стратиграфических наблюдений, а также возможность выявить компоненты преемственности хозяйственной и культурной деятельности, отражающие особенности взаимосвязи отдельных культур. В данной статье представлены результаты исследования ранних комплексов поселения Роза Ветров-III, которые позволяют увидеть новые аспекты взаимодействия культур энеолита – ранней бронзы в регионе.

Поселение Роза Ветров-III открыто в процессе разведочных работ, проведенных в 1999 г. в прибрежной зоне озера Сингуль (рис. 1.-1). Памятник расположен на территории Ялуторовского района Тюменской области, в 65 км к юго-востоку от г. Тюмени, в 15 км к юго-западу от г. Ялуторовска и в 1,2 км к северу от лагеря «Роза ветров», на пологом склоне террасы восточного берега оз. Сингуль (рис. 1.-2). Озерная терраса

высотой 3–6 м представляет собой цепочку возвышенностей, между которыми пролегают узкие понижения. По гребню террасы проходят линия электропередачи и грунтовая дорога, ежегодно обновляемая скрепованием. В результате регулярных дорожных работ вершины береговых холмов срезаны на глубину 0,6–0,8 м. Прибрежная зона террасы поросла смешанным сосново-березовым лесом, постепенно переходящим в сосновый бор. Отдельные находки, собранные на современной дневной поверхности и в обвалах берега, позволяют предположить, что площадь памятника не превышала 4–5 тыс. м². Прибрежная часть жилой площадки представляла собой относительно ровный участок между кромкой берега и холмами озерной террасы. Активное использование проселочных дорог привело к разрушению верхних отложений в восточной и центральной частях памятника, что вызвало частичное переотложение культурного слоя. Наиболее активно разрушается западная часть памятника, особенно в процессе весеннего таяния снега, когда уровень воды в озере повышается и паводковые воды подмывают берег (рис. 1.-3).

В 2011 г. в южной части жилой площадки поселения был заложен раскоп площадью 188 м², примыкавший к кромке берегового обрыва. В пределах данного участка изучены жилища постройки, три очага, три хозяйственных и 22 столбовых углубления, относящихся к разным хронологическим периодам освоения жилой площадки (рис. 1.-4).

Жилище №1 расположено в восточной части исследованного участка, в 8–9 м от кромки берегового обрыва. Постройка, располагавшаяся на пологом склоне береговой террасы, имела котлован прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. Длина котлована по линии СЗ–ЮВ составляла 6,5 м, ширина по линии СВ–ЮЗ – 5,6 м, площадь углубленной части постройки – около 36 м². Глубина котлована от уровня древней дневной поверхности – 0,2–0,3 м, от уровня материкового грунта – около 0,1 м. Северо-восточные и юго-восточные участки стенок более крутые, остальные пологие, дно относительно ровное с легким понижением с востока на запад – перепад высот между восточным и западным углами составляет 0,15–0,2 м. Верхние части северо-западной, северо-восточной и юго-западной стенок частично срезаны колеями проселочной дороги.

Котлован постройки заполнен светло-серым песком с примесью древесных углей, придонная часть несколько отличалась большей насыщенностью древесными угольками, что связано с повседневной деятельностью людей в пределах жилого пространства. В центре юго-западной стенки прослежен выход, оформленный в виде тамбура, ориентированного на юго-запад в сторону озера, длина выхода – 1,5 м, ширина – до 1,4 м. Слегка наклонный пол выхода плавно переходит в ровный, плотно утоптаный пол жилища. Помещение обогревалось очагом, расположенным в центральной части и представлявшим собой кострище открытого типа, несколько смещенное к выходу. Кострище находилось в яме овальной формы, вытянутой по линии СВ–ЮЗ, размером 0,9 x 0,6 м. Крутые стенки в северо-восточной части ямы на глубине 25 см от уровня пола образуют уступчик шириной 0,3 м, в результате южная часть приобрела округлые очертания диаметром 0,5 м. Общая глубина очажной ямы, заполненной черным углистым песком, составляет 0,4 м. В придонной части заполнения очага встречен фрагмент керамики, близкий посуде андреевского облика (рис. 2.-22).

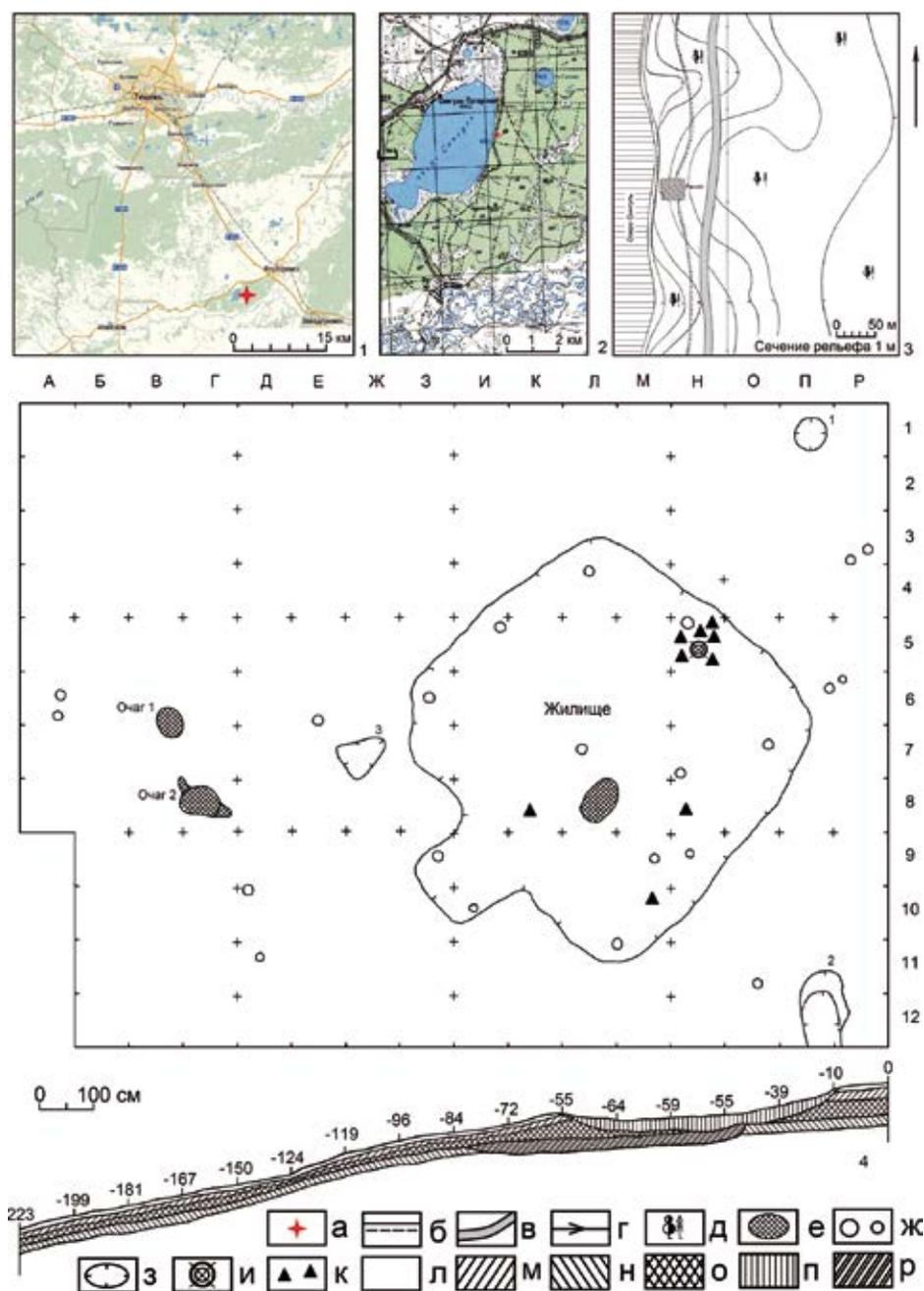

Рис. 1. Поселение Роза Ветров-III: 1–2 – местоположение памятника; 3 – план местности; 4 – план раскопа; а – памятник; б – проселочная дорога; в – грейдерная дорога; г – линия электропередачи; д – смешанный лес; е – очаг; ж – столбовые ямы; з – хозяйственная яма; и – развал ташковского сосуда; к – сигаровидные грузила; л – дерн; м – черный гумусированный песок; н – белый песок; о – серый песок; п – мешанный грунт (колея дороги); р – светло-серый песок с примесью древесных углей

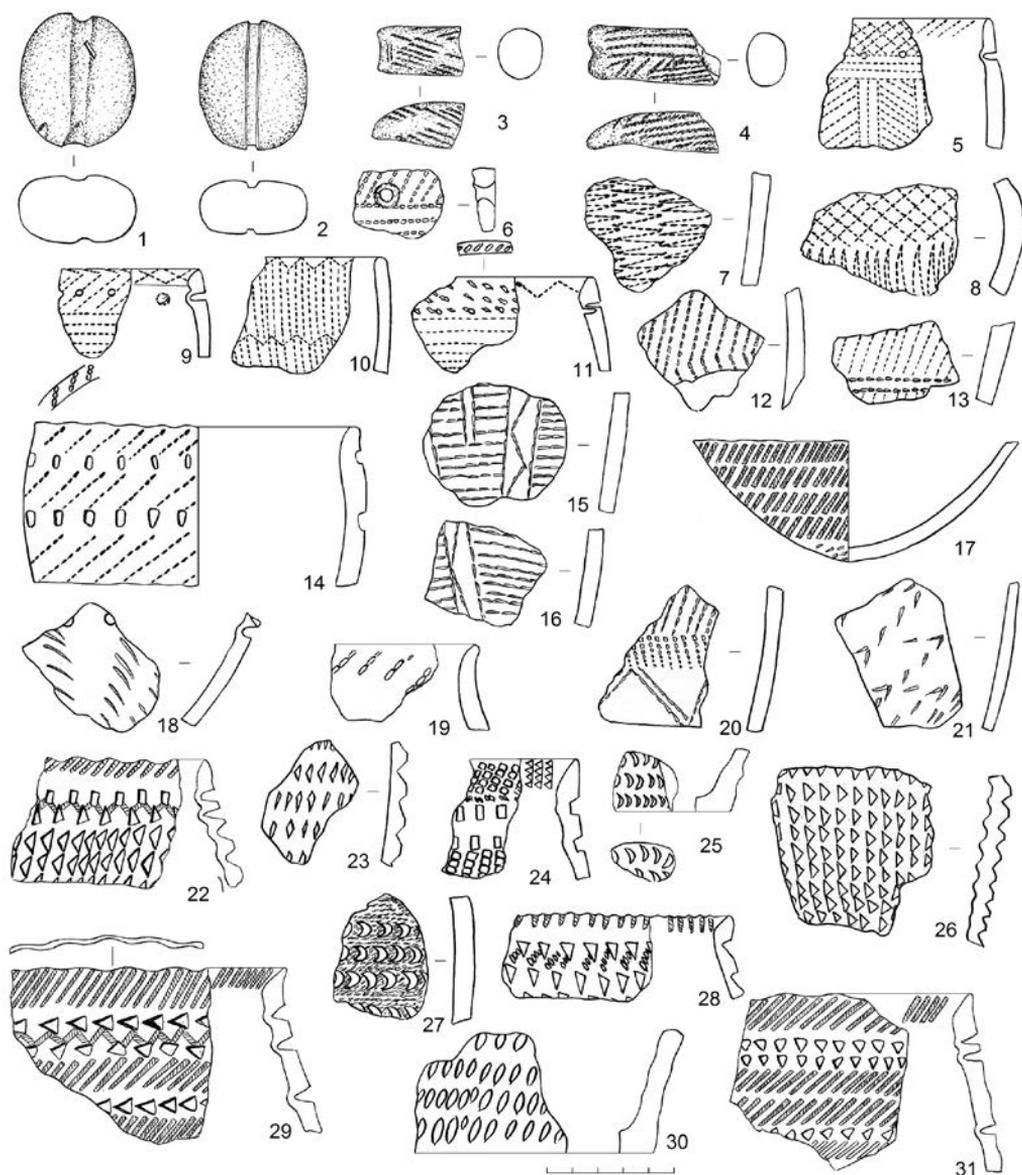

Рис. 2. Поселение Роза Ветров-III. Изделия из глины:

1–4 – грузила; 5–13 – керамика сосновоозерского типа;

14–21 – керамика байрыкско-лыбаевского типа; 22–31 – керамика андреевского типа

На полу постройки расчищено 12 округлых углублений диаметром 15–23 см и глубиной 22–29 см, основная часть которых расположена по периметру котлована на расстоянии 0,3–0,4 м от стенок, что позволяет интерпретировать их как столбовые. Кроме того, два углубления находились в центре помещения и два, параллельных друг другу, зафиксированы у стенок выхода. Сохранившаяся часть котлована позволяет реконструировать изученную постройку – это небольшая, слабо углубленная в грунт жи-

лая конструкция прямоугольной формы, в юго-западной стенке которой располагался открытый выход, оформленный в виде короткого тамбура, ориентированный на юго-запад в сторону озера и одновременно в сторону заходящего солнца. Напольный очаг, зафиксированный в глубине помещения, скорее всего, использовался как для обогрева, так и для приготовления пищи. Жилище являлось наземным сооружением, поскольку придонная часть углублена в грунт лишь на 0,2 м. Основой наземной части постройки служила каркасно-столбовая конструкция – на опорные столбы, находящиеся в центре и вдоль стен котлована, опирались балки, на которых держалась наклонная двух- или четырехскатная крыша. Над напольным очагом могло находиться светодымовое отверстие, о чем свидетельствуют ямки от столбов, располагавшиеся в центре помещения.

На межжилищном пространстве расчищены два очага-кострища, три хозяйственных ямы и 10 столбовых углублений. Основная часть изученных конструкций содержала смешанные материалы. Так, в заполнении первого очага найден обломок сосуда сосновоостровского облика (рис. 2.-7), во втором – обломки от андреевской (рис. 2.-29) и ташковской (рис. 3.-14) емкостей; две хозяйственные ямы (№1 и 3) находок не содержали, в третьей обнаружены скребок на отщепе и разнообразная керамика: сосновоостровская (рис. 2.-6), лыбаевская (рис. 2.-19) и ташковская (рис. 3.-10).

В пределах исследованного участка жилой площадки собрано девять изделий из камня (отщепы, скребки, обломок песта, оселок, аморфные куски камня из песчаника и гранита) и 22 предмета из глины. Основная часть находок залегала в заполнении или вокруг котлована жилища. Культурная принадлежность большинства находок не поддается определению и может соотноситься со временем от позднего неолита до эпохи бронзы. В частности, в пределах раскопа найден 21 экземпляр рыболовных грузил, которые можно разделить на три типа:

– сигаровидные грузила (четыре целых и 12 обломков) длиной 10,8–11,0 см, овального или цилиндрического сечения диаметром 1,4–2,4 см; на концах через легкое сжатие прослеживаются округлые расширяющиеся головки диаметром 1,4–1,9 см, с овальными выемками на торцах, глубиной 2–3 мм (рис. 3.-1–9);

– обломки двух сигаровидных грузил длиной 3,5–4,5 см, овального сечения (2,0–2,1 x 1,6–1,8 см), с уплощенными раздвоенными концами, покрытыми псевдотекстильным орнаментом – так называемые «моталки» (рис. 2.-3–4);

– одножелобчатые округло-уплощенные изделия (два целых и обломок) размером 5,2–5,4 x 4,2–4,5 x 2,2–2,8 см, ширина желобка – 6–8 мм, глубина – 0,3–0,4 см (рис. 2.-1–2).

Следует отметить, что на территории Нижнего Притоболья все три типа грузил распространены в достаточно широких культурно-хронологических пределах. По мнению Е.Н. Волкова [2009, с. 10], сигаровидные грузила наиболее характерны для комплексов андреевской культуры, присутствуют как в «чистых» андреевских памятниках, так и в составе многослойных объектов, содержащих андреевский культурный компонент. Сложнее определить культурную принадлежность грузил с раздвоенными концами. Е.Н. Волков [2009, с. 9] вслед за М.Ф. Косаревым полагал, что появление грузил-моталок связано с развитием липчинской культуры, а их присутствие в регионе обусловлено миграционными перемещениями отдельных групп – носителей этой культуры. С другой стороны, аналогичные грузила встречаются и в ташковских комплексах [Шаманаев, Симонов, 1998, с. 209], являясь, по сути, одной из характерных черт данного культурного образования. Интересно, что на ЮАО-ХIII «моталки» за-

легали совместно с сигаровидными и одножелобчатыми грузилами, хотя, как отмечают исследователи, для других памятников ташковской культуры данное сочетание не характерно [Ковалева и др., 2000, с. 54]. Вероятно, различные группы ташковского населения в хозяйственной деятельности использовали те или иные сочетания грузил. Одножелобчатые грузила, по всей вероятности, соотносятся с комплексами развитой и поздней бронзы Зауралья [Косарев, 1981, с. 111–162].

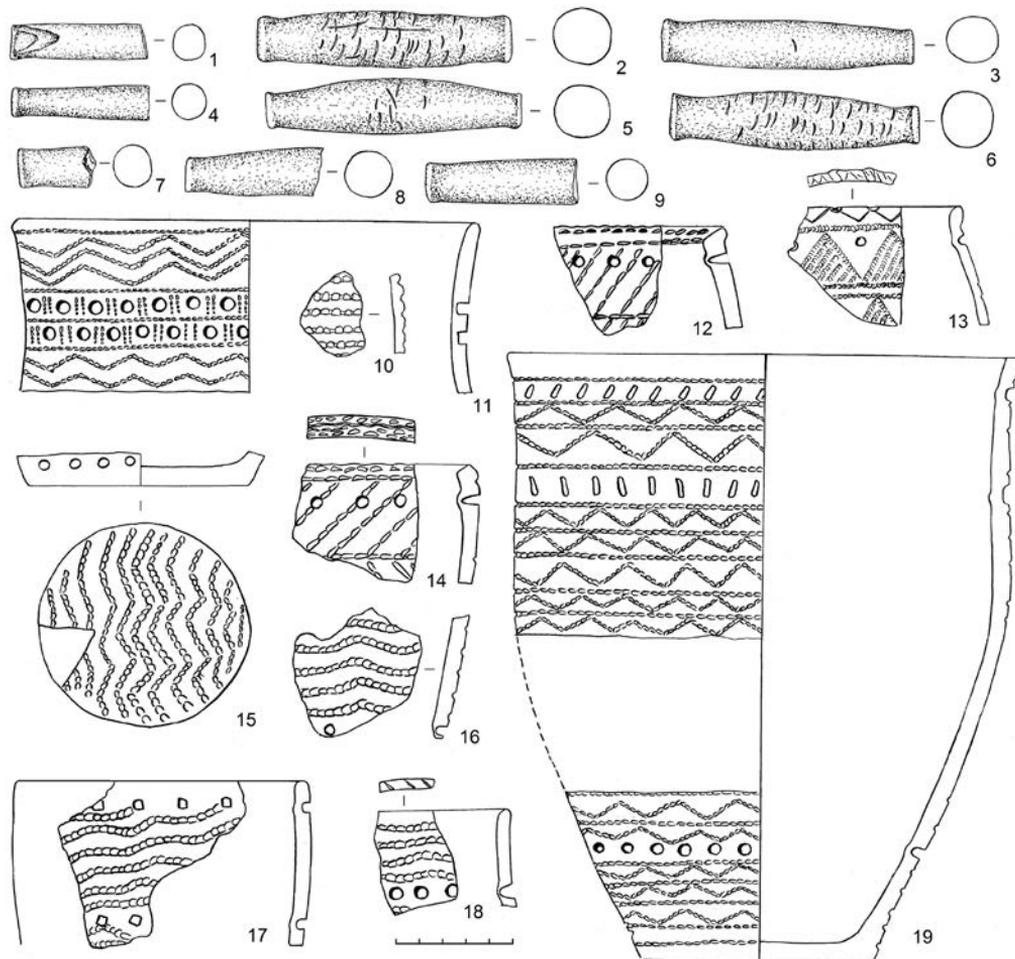

Рис. 3. Поселение Роза Ветров-III. Изделия из глины:

1–9 – грузила; 10–19 – керамика ташковского типа (1–9, 19 – изделия, найденные на полу жилища; 10–18 – изделия из межжилищного пространства)

Вышеизложенные аргументы позволяют с определенной долей условности соотносить грузила поселения Роза Ветров-III с андреевской, ташковской и пахомовской культурами, однако вопрос о культурной принадлежности каждой из находок остается открытым. Условия залегания грузил различных типов в культурном слое устойчивы: все одножелобчатые грузила найдены в верхней части отложений, тогда как «моталки» и сигаровидные грузила залегали и на межжилищном пространстве, и в пределах по-

стройки в одном горизонте между отметками -30 и -40 см. В целом стратиграфическое распределение последних категорий находок позволяет соотнести их как с андреевскими, так и с ташковскими древностями.

Керамика, собранная на поселении, представлена в основном черепками мелких и средних размеров. Небольшую группу составляют крупные фрагменты сосудов, обнаруженные в заполнениях хозяйственных углублений или в скоплениях на межжилищном пространстве.

Неолитическая посуда представлена сосновоостровским комплексом, включающим венчики и стенки от 5–7 сосудов (рис. 2.-5–13). Глиняное тесто содержит в качестве добавок песок, органику и шамот. Толщина стенок сосудов варьируется в пределах 0,5–0,9 см. Все стенки и венчики украшены в гребенчатой технике орнаментации, элементы декора не отличаются сложностью и преимущественно представлены горизонтальными линиями. Среди прочих элементов узора отметим наклонные оттиски гребенчатого штампа, мелкие ямки, «качалку», горизонтальный зигзаг, перекрещивающиеся наклонные линии. Иногда орнамент нанесен на срез и внутреннюю часть венчика. Керамика сосновоостровского типа, обнаруженная на поселении Роза Ветров-III, находит аналогии в таких памятниках Нижнего Притоболя, как ЮАО-XVIII («8-й пункт») и Серебрянка-I [Зах, 2009, с. 204–205, рис. 91–92].

Керамика эпохи неолита представлена фрагментами венчиков и стенок от 5–8 емкостей, имеющих сходство с посудой байрыкско-лыбаевского типа, декорированных, как правило, отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2.-14–21) [Зах, 2009, с. 221, 223, рис. 19]. Керамика орнаментирована горизонтальными и наклонными линиями. Отмечено вертикальное членение узора. Единично встречены ряды вертикальных вдавлений. Геометрические элементы представлены горизонтальным и вертикальным зигзагом. Следует отметить, что керамика энеолитического времени достаточно равномерно распространена по всей площади раскопа, не образуя отдельных скоплений. Время ее бытования соотносится с серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э.

К рубежу неолита – раннего бронзового века можно отнести комплекс керамики, обнаруживающей сходство с древностями андреевского типа (не менее 10–15 сосудов). Цвет внешней поверхности фрагментов варьируется от светло-коричневых до серых тонов, внутренняя поверхность имеет темно-серый или желто-красноватый оттенок, черепки в изломе черные или серо-коричневые. На внешней поверхности отдельных фрагментов прослеживаются отпечатки текстиля. Сосуды изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью песка и шамота. Комплекс включает слабо профилированную посуду горшечно-баночного и баночного облика, имеющую округлые или скошенные вовнутрь венчики, в нескольких случаях венчик имеет волнистый рельеф. Орнамент по шейке нанесен в виде наклонных или прямых линий, выполненных оттисками гребенчатого штампа или резными линиями, дополненными рядами округлых или треугольных вдавлений. Нередко вся внешняя поверхность сосуда орнаментирована мелкими или крупными вдавлениями. Характерной особенностью данного комплекса является наличие полулунных вдавлений, образующих ряды горизонтальных линий. Отмечена и орнаментация плоских доньшек (рис. 2.-22–31). Основная часть посуды андреевского облика собрана в заполнении и вокруг котлована жилища.

Посуда ташковского облика представлена обломками 8–10 плоскостенных сосудов, один из которых удалось частично реконструировать (рис. 3.-19). Цвет внешней

поверхности фрагментов варьируется от светло-коричневых до темно-серых оттенков, внутренняя и внешняя поверхности гладкие, черепки в изломе черные или серо-коричневые. Посуда изготовлена из хорошо промешанного теста с примесью песка и шамота. Емкости горшечно-баночного и баночного облика имеют округлые или уплощенные венчики, в нескольких случаях наблюдается скошенный вовнутрь срез венчика. Среди элементов узора отмечены горизонтальные, волнистые и наклонные линии, а также геометрические элементы (зигзаги и треугольники). Орнамент, выполненный в накольчато-отступающем стиле, покрывает всю поверхность сосуда, иногда и уплощенное дно. Узор по шейке и тулову дополнен рядами округлых или прямоугольных вдавлений (рис. 3.-10–18). Интерес представляет развал реконструируемого сосуда, обнаруженный на полу у северо-западной стенки жилища, – это емкость баночной формы высоких пропорций, орнаментированная в накольчатой технике (рис. 3.-19). В целом комплекс керамики ташковской культуры соотносится с материалами ташковских поселений Ташково-II [Ковалева, 1997, с. 116, рис. 41] и ЮАО-ХIII [Ковалева др., 2000, с. 126, рис. 25.-2].

Планиграфические и стратиграфические наблюдения, проведенные на площади раскопа, показали, что первые конструкции на данном участке жилой площадки связаны с деятельностью населения, обитавшего здесь в поздненеолитическое время, материалы которого соотносятся с сосновоостровскими древностями. В энеолите и в переходный период к эпохе бронзы, когда в пределах жилой площадки уже отложился слой белого песка, данный участок террасы периодически посещали носители байрыкско-лыбаевских и андреевских культурных традиций. В период ранней бронзы на этом участке какое-то время находился небольшой коллектив, оставивший материалы, соотносимые с ташковскими древностями. Котлован ташковской постройки перекрыт слоем серого песка, формирование которого связано с поздними фазами бронзового века, именно в нем залегают находки, соотносимые с древностями паховского облика.

Вероятнее всего, прибрежная зона заселялась неоднократно в разные исторические периоды и особенно активно использовалась населением в период рыбного лова, о чем говорят многочисленные для исследованного участка находки грузил. Изученное на поселении жилище довольно трудно соотнести с конкретной культурой. В заполнении постройки встречается посуда андреевского и ташковского типов, однако находка на дне развала горшка ташковского облика в значительной степени свидетельствует о его принадлежности ташковской культуре. Необходимо отметить, что вокруг сосуда располагались шесть грузил (рис. 3.-2–6, 9). Данный комплекс зафиксирован у дальней стены напротив выхода. Скорее всего, это ритуальный комплекс, связанный с обрядом оставления жилища, – сосуд, перекрытый остатками сети, олицетворял надежду на будущее возвращение в данную постройку. Кроме того, наблюдаются отличия постройки от реконструкции классических ташковских жилых помещений: относительно небольшие размеры, каркасно-столбовая конструкция, наличие оформленного тамбура-входа. Аналогичные постройки, использовавшиеся как хозяйственные, временные или сезонные помещения, изучены, в частности, на поселении Ук-III [Корякова и др., 1991, с. 17]. По мнению исследователей, аналогичные жилища, в отличие от стационарных построек, сооружались достаточно быстро и представляли собой небольшие шалашеобразные конструкции, собранные из жердей и веток, кото-

рые могли покрываться берестой, камышом, дерном или шкурами животных. Выходы оформлялись в виде разрыва в стене, и в процессе эксплуатации жителями постройки вытаптывалась своеобразная «привходовая» дорожка (тамбур).

Зафиксированный на поселении Роза Ветров-III факт наличия каркасно-столбовой конструкции для ташковских жилищ представляется весьма значительным и создает предпосылки для более детального изучения особенностей домостроительных традиций населения этой культуры, поскольку обнаруживает сходство с традициями неолитического населения региона.

Библиографический список

Волков Е.Н. Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №10.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск, 2009.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-II. Екатеринбург, 1997.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро-XIII. Екатеринбург, 2000.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-III : препринт. Свердловск, 1991.

Шаманаев А.В., Симонов А.В. Рыболовство населения ташковской культуры // Вопросы археологии Урала. №23. Екатеринбург, 1998.

А.С. Федорук, Д.В. Папин, А.А. Редников, О.А. Федорук

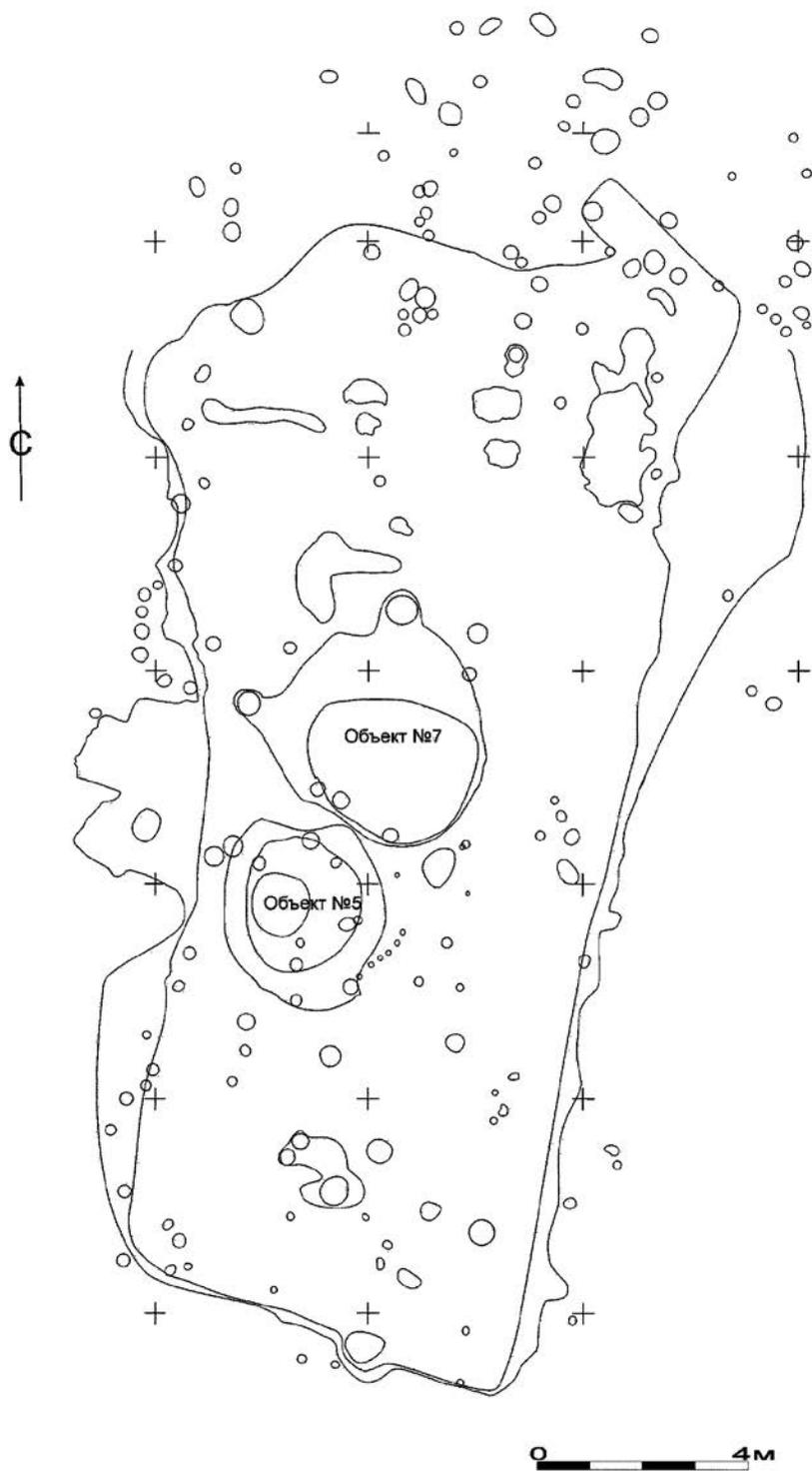
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СООРУЖЕНИЕ АНДРОНОВСКОГО ПЕРИОДА НА ПОСЕЛЕНИИ ЖАРКОВО-3

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также гранта РГНФ №15-31-01279 «Домостроительство эпохи бронзы на юге Западной Сибири»

В период с 2005 по 2010 г. на территории центральной части Кулундинской степи (Баевский район Алтайского края) авторами исследовалось поселение эпохи бронзы Жарково-3. Отдельные результаты этих работ уже введены в научный оборот [Федорук, Шамшин, Иванов и др., 2005; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006–2010]. Однако изученное на памятнике сооружение №2 до настоящего времени не описано. Вместе с тем немногочисленность исследованных в Кулунде построек эпохи бронзы, и в частности андроновского периода, делает каждое подобное сооружение важным источником для реконструкции системы жизнеобеспечения населения региона.

Сооружение №2 на поверхности памятника визуально не фиксировалось, поскольку сверху оказалось перекрыто зольником эпохи позднего бронзового века. За несколько лет исследований удалось полностью раскопать и изучить данное сооружение (рис.).

Сооружение №2 поселения Жарково-3

Котлован подпрямоугольной в плане формы ориентирован по линии С–Ю. Заполнение представлено золистой супесью, аналогичной слою перекрывающего зольника. Контур котлована проявился на верхнем уровне подстилающей зольник погребенной почвы и четко читался только с уровня материковой поверхности. Размеры по верхнему уровню (уровень древнего дневного горизонта – верх погребенной почвы) 23,5 x 8–13 м, по нижнему уровню (уровень материковой поверхности) – 20 x 7,5–9,5 м. Дно конструкции находилось на глубине около 1,25 м от современной дневной поверхности. Восточная и южная стенки сохранились лучше – они оказались более вертикальными, поскольку были менее размыты в период после гибели конструкции (время заполнения котлована золистыми отложениями). Конструкция прорезала материк на 0,2–0,35 м. Пол котлована в целом ровный, однако в центральной части и вдоль северной половины восточной стены дно сильнее углублено в материк – возможно, это следы использования сооружения. На площади котлована и непосредственно за его границами исследовано более 140 ямок (диаметром 0,1–0,5 м и глубиной 0,1–0,5 м от уровня дна конструкции или верхнего уровня материка), очевидно, связанных с конструкцией. Наблюдается некоторая «привязанность» части ямок к южной, западной и северной стенкам котлована. Вдоль восточной стены ямок практически нет. Однако большинство ямок расположены бессистемно. В северной части котлована их концентрация заметно больше. Основная масса ямок неглубокие – до 0,3 м, лишь несколько ям в центральной части котлована глубже 0,4 м от уровня пола. В южной половине котлована эти ямы выстраиваются в ломанную линию, идущую по центру котлована вдоль его длинной оси, в северной части присутствуют только неглубокие ямы. В границах котлована исследовано несколько объектов хозяйственно-бытового назначения.

Объект №5 (ритуальный комплекс?) располагался в центральной части сооружения, в 0,9 м к востоку от западной стены. Представлял собой яму округлой в плане формы, линзовидного сечения (диаметр на уровне дна сооружения – 3,3 x 2,8 м, диаметр на дне объекта – 0,5 x 0,5 м, глубина – до 1,85 м от современной дневной поверхности). Заполнение объекта составляла золистая супесь с включением темной почвы. Интересным фактом стало обнаружение на верхнем уровне объекта в специальных нишах, вырытых с северного и южного краев, по паре целых скелетов овец и коз (северная ниша – скелет овцы и козы, южная ниша – скелет овцы и козы). В основном заполнении объекта обнаружены еще 21 кость КРС, пять костей лошади, одна кость собаки и 12 неопределимых костей млекопитающих (определения П.А. Косинцева). Не менее интересной деталью стала фиксация по периметру объекта шести столбовых ямок и прямой линии из семи ямок (одна диаметром 0,17 м, остальные – 0,1–0,11 м, глубина – 0,14–0,18 м от уровня дна сооружения) вдоль юго-восточного края объекта. Очевидно, объект был частично огорожен. Специфика конструкции и расположения костных останков в данном объекте позволяет предположить, что объект №5 – ритуальный комплекс.

Объект №7 (колодец) располагался в центре сооружения, практически вплотную к объекту №5. На уровне дна сооружения фиксировался как насыщенное черное пятно с рыжими прожилками после снятия перекрывающего жилище слоя зольника. Представлял собой яму округлой в плане формы с сужающимися ко дну стенками (диаметр на уровне дна сооружения – до 3,6 м, диаметр на дне объекта – 1 м, глубина – до 3,07 м

от современной дневной поверхности). Заполнение объекта аналогично заполнению объекта №5. Четко прослеживаются свидетельства заполнения объекта после прекращения его функционирования. При выборке объекта у его стенок найдены отдельные кости животных, развал андроновского сосуда, а у дна обнаружены мелкие фрагменты деревянных плашек. Проследить деревянную конструкцию оказалось невозможно в силу плохой сохранности дерева и поступления грунтовых вод в раскапываемый объект. Интересным фактом стало обнаружение в отдельных местах объекта на его стенках полос бересты. Вероятно, в период функционирования стенки колодца были выложены берестой. Рядом с объектом №7 на дне сооружения также обнаружены бронзовая крица и фрагмент бронзового ножа.

Четкого выхода из сооружения проследить не удалось. Наблюдается коридоробразное расширение западной стенки котлована. Не исключено, что именно здесь располагался выход из сооружения. Вместе с тем существенная концентрация ямок на северном участке котлована может свидетельствовать о наличии там выхода.

Таким образом, исходя из зафиксированных фактов, можно сделать несколько предварительных предположений о конструкции изученного сооружения. Очевидно, это однокамерная полуземлянка общей площадью около 150 кв. м. Камера была углублена от древней дневной поверхности на 0,3–0,6 м. Отсутствие четких следов мощной каркасно-столбовой конструкции наводит на мысль о легком типе сооружения. В этом случае стены сооружения могли состоять из вертикальных рядов плетня, связок камыша, усиленных дерновой кладкой. Кровля, очевидно, была двускатной, сооружалась из тонких жердей и камышовых матов и опиралась на вертикальную раму, стоящую вдоль длинной оси сооружения (остатками чего является линия глубоких столбов в южной половине котлована). Обилие ямок в северной части котлована, его более размытый контур на этом участке наталкивают на мысль о перестройке сооружения, в ходе которого могли быть уничтожены следы первоначальной конструкции (вертикальной рамы в центре).

Легкий характер постройки, вероятно, указывает на ее хозяйственное, а не жилое предназначение. Отчасти это подтверждается отсутствием очагов внутри сооружения.

Полных аналогий данному сооружению на территории степной полосы Обь-Иртышского междуречья нам не известно, что во многом объясняется крайней малочисленностью изученных в регионе единовременных или хронологически близких поселенческих сооружений. Однако отдельные элементы конструкции сближают сооружение с камерой №1 сооружения №1 саргаринско-алексеевского поселения Рублево-VI (Южная Кулунда) [Папин, Федорук, Шамшин, 2014], черкаскульским жилищем №2 поселения Калиновка-II (Восточная Кулунда) [Иванов, 2000].

Библиографический список

Иванов Г.Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2009.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск, 2006.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2010.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево-VI) // Маргулановские чтения – 2014. Павлодар, 2014.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул, 2005.

КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

A.Z. Beisenov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

STUDIES OF THE SAKA SETTLEMENT IN THE EAST PART OF CENTRAL KAZAKHSTAN

The research was financially supported by MES RK, project №4370/
«Early Saka settlements of Central Kazakhstan»

From the history of the problem

The first settlements of the Saka era in the east part of the territory of Central Kazakhstan, have been discovered by the author in Karkaraly district of Karaganda region in 2000. These were the settlements located near the Mount Edirey. At first, early holes were located there, maps were made. Ceramics found in holes is in a small amount, immediately gave the opportunity to clarify the differences of dishes from the Bronze Age. In 2001 more than 10 villages located on the slopes of ridges Edirey Keregetas were opened. In the same year excavations in the small settlement Edirey-1 were carried out [Beisenov, 2002, p. 9–12]. In addition to ceramics, excavations have revealed a number of interesting features in the planning and construction technique of dwellings. The relevance of the study of these hitherto unknown monuments has become apparent. Since that time, the author has carried out an intensive search in this direction.

In the autumn of 2015 the total number of the discovered settlements was counted. The data showed that at least 50 settlements of the early Saka time are known in the territory of the east part of Central Kazakhstan. Several settlements from this number have been opened by V.K. Merts [Beisenov, Merts, 2010], V.V. Varfolomeev [Bedelbaeva, Varfolomeev, 2008]. The majority of the settlements was discovered during the field researches by the author. The author participated in excavation works of 10 settlements. Archaeological data related to the characterization of the settlements has already been presented in a number of publications [Beisenov, 2006, 2009, 2014a–b, v; Beisenov, Loman, 2007, 2009]. In the north regions of Kazakhstan there are several settlements close to the Saka population of Central Kazakhstan both territorially and in ethnoculturally. The Kenotkel settlement was previously studied by M.K. Habdulina near the Mount Kokshetau. Initially this monument was considered as a settlement period of transition from the Bronze Age to the early Iron Age. Currently, Kenotkel is considered to be a monument of the early Saka time. On the river Silety in Akmola region K.A. Akishev and M.K. Habdulina studied two settlements Taskora and Taskora-1 [Habdulina, 2003]. At the present time the comparison of the actual material on Saka era settlements, known in different regions of Kazakhstan and Altai, Southern Urals is relevant.

Topography and planigraphy of the settlements

Both topography and planigraphy of the settlements is quite clearly different from the settlements of the Bronze Age, which are well known in Central Kazakhstan.

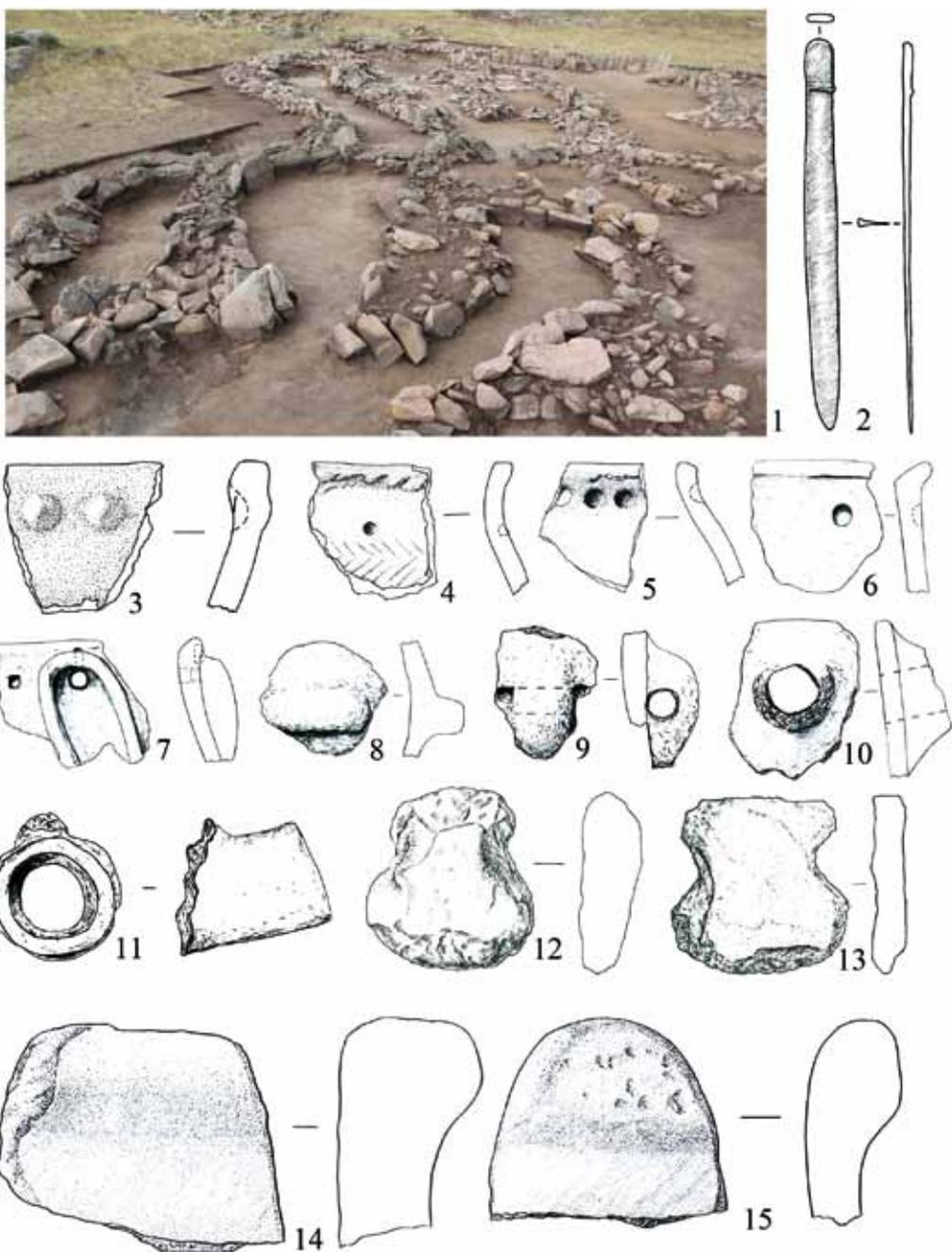
The known settlements of the Saka era of Central Kazakhstan are located on the slopes of rocky hills and ridges. Thus, more often they can be met on the upper slopes. The points are always associated with the location of the south or south-east exposures. For the settlements, as well as for individual houses planigraphy has characteristics such as the residential part (residential parts) of the house and outbuildings connected into one system. This pattern is observed for relatively large housing and commercial complexes. The area occupied by the settlement Sarybuyrat, reaches 10000 sq. m., which is a rare case. The housing and economic complex in the settlement Keregetas-2 excavated in 2015 is quite large (Fig.-1). It should be noted that most of the settlements is represented with only a few buildings. It was, apparently, awkward squat stone building with a strong foundation. Thus, the lower part of the wall of the building was constructed of stone, the upper part was made of wood. The constructions used for living are small. Often, they are narrow, elongated or round. As it is mentioned, the alleged living area is surrounded by a system of narrow corridors and small commercial buildings. The plans of these premises clearly give an idea that the residents of these houses did their best to save heat.

Ceramics and stone tools

The main categories of findings are represented by them. It should be noted that compared to the settlements of the Bronze Age dug in the region, there is not much ceramics on our settlements. The studies of the obtained ceramics provides reasonable basis for the selection of dishes from its final stage of the Bronze Age settlements [Beisenov, Loman, 2007, 2009]. Ceramics from the Saka settlements (Fig.-3-11) is a separate and independent set. The results of its comparison with the published ceramic complexes of the early Iron Age settlements in other regions of the Saka culture allow to make such a conclusion (North Kazakhstan, Zhetysu, Altai and others.). The ceramic material of the excavated settlements is represented by fragments, whole vessels are absent. As the results of research show that all the vessels are made manually by rough modeling, they have a flat bottom. Fragments of vessels with a short spout for draining liquid are found. There are fragments with different handles in the form of small projections. The main decoration consists of a series of convex «pearls» or holes caused by the end of a stick or finger. The ornament is always located on the rim. Vessel edges are decorated variously: they are smooth or rounded, mushroom-shaped, thickened. Stone tools are represented by tiles for grinding grains or other plants (Fig.-14-15), hoes (Fig.-12-13), different graters, scrapers. Our next observation is of great interest: stone tools from the Saka settlements are close to the analogies from the settlements of the Bronze Age. If ceramic vessels have changed, the stone tools mainly kept their known types and forms.

Temporary nature of the settlements

Many aspects require separate consideration here. Materials from the studies on settlements showed that they had one cultural layer. The thickness of the cultural layer is very small. In this regard, they again cannot be compared with the settlements of the Bronze Age. According to the results, these settlements cannot be considered as long-term residences. It is easier to imagine that this was the place for a temporary stay during certain periods of the year. This suggests to consider their winter residence, for which there are several important reasons.

Materials of settlements: 1 – Foto. Settlement Keregetas-2;
 2 – Bronze Knife, Settlement Sarybuyrat; 3–11 – Fragments of pottery,
 Settlements Tagybaybulak, Sarybuyrat, Keregetas-2; 12–13 – Stone hoes,
 Settlements Tagybaybulak, Sarybuyrat; 14–15 – tiles for grinding grains
 or other plants, Settlements Tagybaybulak, Edirey-3

In addition to the insignificance of the cultural layer, and small amount of findings particularly important indicators are the topography of settlements and planning. The location of these small villages far away from the river shores, where traditionally the houses of the Bronze Age are located, their location on the slopes of the hills makes it possible to think about the changes occurring in the lives of the population. It can be noted that putting a house on the banks of the river has become impossible. Using of a large number of stone in a wide base of walls, close buildings – all these say about the fact that the people were in a need for increased protection from the cold, wind and snow. Finally, the ethnographic data directly points to the same circumstances.

It should be noted that all of the features of the Saka settlements are common for the Kazakh winter dwellings of the past centuries. Even at the first stage of the searching for the Saka dwellings (work in 2000–2001), they were found in the locations of the winter settlements of Kazakhs (kystau). The relevance of a comparison of these settlements with the Kazakh winter dwellings is obvious [Rakhimov, 2012].

The role of settlements in the culture of Central Kazakhstan population

Based on the analysis of ceramics and similar materials from adjacent regions (North Kazakhstan, Altai) [Habdulina, 1994, 2003; Shul'ga, 1998] the date of settlement is determined in the framework of VII–VI (V) cc. BC. From metal products a bronze knife (Fig.-2), girth buckle belonging to the early Saka time were revealed. When considering the settlements dating the fact of revealing petiolar bronze arrowhead of the early Saka time by K.A. Akishev, M.K. Habdulina in the cultural layer of Saka era settlement Taskora (Akmola region) is taken into account [Habdulina, 2003, Fig. 12.-8]. It should be noted that the obtained radiocarbon dates confirm the proposed dating. Many of the issues associated with these settlements, require further development.

Thus, in the course of new research in resources base another category of monuments – quite informative and important was included. It is necessary to make one reservation, which must not fall out of the field of view of researchers in future in further development of our topic.

Are the monuments available at our disposal sites the only type of settlement in Central Kazakhstan belonging to the Saka era? Do they relate to all sectors of society? The answers, I suppose, will be found in further studies.

Based on the available data for settlements today Saka era of the east part of Central Kazakhstan, we should not seek to develop a common standard. Such a standard should not exist, given the different environmental conditions of Kazakhstan regions. This is important, if we bear in mind the fact of opening the settlements of Saka time in Zhetysu, in North Kazakhstan, Altai. We must take into account that in North Kazakhstan, in particular, in Zhetysu there were more chances to develop integrated economy. In the area of east Kazakh hills, where considered populations localized, not the climatic conditions played the role. It is important to bear in mind that the climatic factor in this territory has been accompanied by more intensive specialization factor of mobile forms of animal husbandry.

According to archaeological materials the Saka time is known to us as the grand era of the triumph of the steppe man riding a horse and conquering space. This is indicated by the brilliant discoveries in Issyk, Mayemer, Tasmola, Shilikty, Zhalauly. Recently new bright materials were added from Central Kazakhstan, found in burial grounds Taldy-2, Karashoky, Sherubay [Beisenov, 2014]. Golden reflection of this era of steppe chivalry clearly outshines more than modest dwellings at the disposal of archaeologists.

References

- Baipakov K.M. City and the steppe in ancient times: Sedentism and farming among Zhetysu Sakas and Usuns. Proceedings of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. A series of social sciences. [Gorod I step v drevnosti: osedlost I zemledelie u sakov I usunei Jetysu. Izvestia Nazionalnoi Akademii nauk. Seria obshestvennykh nauk]. 2008. №1 (254).
- Baipakov K.M., Maryashev A.N. New data on the studies of the early Iron Age settlements in Zhetysu. Proceedings of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. A series of social sciences. [Novye dannye po izutsheniю poselehiю rannego zheleznogo beka v Jetysu. Izvestia Nazionalnoi Akademii nauk. Seria obshestvennykh nauk]. 2001. №1 (230).
- Bedelbaeva M.V., Varfolomeev V.V. Kyshtan – early Iron Age settlement of Central Kazakhstan . Nomads of the Kazakh steppes: ethno-social processes and contacts in the Eurasian Scythian-Saka era. [Kyshtan – tsentralnokazakhstanskoe poselenie rannego zheleznogo veka. Nomady kazakhskikh stepei – etnosotsiokulturnye protsessy I kontakty v Evrazii v Skifo-sakskuiu epohu]. Astana, 2008.
- Beisenov A.Z. On the problem of finding and studying the early Iron Age settlements in Central Kazakhstan. The historicity of science: problems of Development. Proceedings of the International Conference. [K problem poiska I izutsheniю poselenii rannego zheleznogo veka Tsentralnogo Kazakstana. Istoritshna nauka: problemi rozvitku. Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii.] Lugansk. 2002.
- Beisenov A.Z. Early Iron Age settlements in the Karaganda region (Central Kazakhstan). Preservation and study of cultural heritage of the Altai Territory. [Poselenia rannego zheleznogo veka Karagandinskoi oblasti (Tsentralnyi Kazakhstan). Sohranenie I izutsheniю kulturnogo nasledia Altaiskogo Kraia]. Barnaul, 2006.
- Beisenov A.Z. Settlement Sarybuyrat – a monument to the early Iron Age of Central Kazakhstan [Poselenie Sarybuyrat – pamiatnik rannego zhekeznogo veka Tsenrtalnogo Kazakhstana]. Bulletin of the University Kaynar. 2009. Vol. 4/2.
- Beisenov A.Z. Tagybaybulak settlement in Central Kazakhstan [Poselenie Tagibaybulak v Tsentralnom Kazakhstane]. News of Altai State University. Barnaul. 2014a. №4–1 (84).
- Beisenov A.Z. Settlements of the early Saka time in Central Kazakhstan. [Poselenia rannesakskogo vremeni Tsenrtalnogo Kazakhstana]. Notes of the Institute of History of Material Culture. St. Petersburg, 2014b. №9.
- Beisenov A.Z. Environmental factor in settlements of the Saka time in Central Kazakhstan [Ekolog- itsheski factor v ustroistve poselenii sakskogo vremeni Tsenrtalnogo Kazakhstana]. Journal of the Eastern Economics and Humanities University. Ufa, 2014V. №6 (74).
- Beisenov A.Z. Ancient treasures of Saryarka. Album. Almaty, 2014. (Kazakh, Russian and English).
- Beisenov A.Z. Loman V.G. On ceramics from the settlements of early Iron Age Keregetas-2, Edirey-1, Edirey-3 (Central Kazakhstan). Historical and cultural heritage of Saryarka. Karaganda [O keramike posele- nii rannego zhekeznogo veka Keregetas-2, Edirey-1, Edirey-3 (Tsenrtalnyi Kazakhstan). Istoriko-kulturnoe nasledie Saryarki]. Karaganda, 2007.
- Beisenov A.Z., Loman V.G. Ancient settlements in Central Kazakhstan. [Drevnie poselenia Tsenrtal- nogo Kazakhstana]. Almaty. 2009.
- Beisenov A.Z., Merts V.K. To the question of studying the monuments of the area of the river Shiderty. Proceedings of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. A series of social sciences [K izutsheniю pamiatnikov paiona peki Chiderty. Izvestia Nazionalnoi Akademii nauk. Seria obshestvennykh nauk]. 2010. №1.
- Rakhimov E.K. Kazakh wintering- kystau in XIX century (from written sources). Articles from 1 and 2 Symposiums on the Kazakh monument studies [Kazakhskie zimovki-kystau XIX veka (po pismennym istotshnikam). Materialy 1 i 2 Simpoziumov po kazakhskomu pamiatnikovedeniю]. Almaty-Atyrau, 2012.
- Habdulina M.K. Steppe Ishim area in the early Iron Age. [Stepnoe Prishim'e v jepohu rannego zheleza]. Almaty, 1994.
- Habdulina M.K. Settlements of the early Saka time on the river Selety. [Poseleniia rannesakskogo vremeni na r. Selety]. Steppe civilization Eastern Eurasia. Vol. 1. Ancient era. Astana, 2003.
- Shul'ga P.I. Topography of the ancient settlement of Gorny Altai and methods of their search [Topografija drevnih poselenij i metodika ih poiska]. Security and investigation of archaeological sites of the Altai. Barnaul, 1991.
- Shul'ga P.I. Settlement Partizan Katushka on Katun [Poselenie Partizanskaya Katushka na Katuni]. Ancient settlements of Altai. Barnaul, 1998.

А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЙ САРЫАРКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
(проект №2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»)

В настоящее время в изучении археологических памятников раннего железного века казахских степей наблюдается череда ярких, новых, прорывных открытий. Территория Сарыарки не стала исключением. Если в восточной ее части памятники раннего железного века изучены достаточно полно, то Тургай и Улытау, представляющие собой западное крыло Сарыарки, исследованы слабо. Данное обстоятельство настоятельно диктует необходимость проведения исследований в Тургае.

Из Западной Сарыарки происходит комплекс бронзовых предметов, случайно выявленный близ с. Каинды [Сеитов, 2014]. Предварительный анализ бронзовых изделий из Каинды позволяет определить принадлежность комплекса Тасмоле [Бейсенов, Базарбаева, 2014]. Предметы, известные по случайным находкам из Тургая, представляют те категории предметов сакской культуры, которые встречаются практически на всей территории скифо-сибирской культурно-исторической общности. Традиционно в качестве критерия надкультурной общности степей Евразии I тыс. до н.э. выступает набор, выявляющий культуры скифского круга, – триада: *оружие, конский убор, звериный стиль*. Это закономерно, так как огромные степные пространства явились тем фактором, который способствовал развитию процессов становления цивилизации кочевников. А.И. Мартынов [2008] связывает начало цивилизационных процессов в степной Евразии в палеометаллическую эпоху с тремя основными новациями: распространением скотоводства, началом горнорудного дела и металлургии, изобретением колеса и колесного транспорта.

Клад Каинды является пока единственным комплексом в Казахстане, насчитывающим в своем составе более 70 бронзовых предметов. Данное обстоятельство, а также критически малая изученность сакских древностей региона позволяют обосновать необходимость проведения в регионе систематических исследований.

Материалы Тургая анализировались М.К. Хабдулиной [1994], а также А.Д. Таировым [2007]. Несколько объектов раннего железного века изучены раскопками А.Д. Таирова в составе Лисаковской археологической экспедиции. Древности сакского времени Тургая также исследовались С.Г. Боталовым [1996]. И.В. Шевниной и А.М. Сеитовым [2014] в научный оборот были введены данные о детском погребении, выявленном при раскопках кургана Ашутасты-30, датируемом I тыс. до н.э.

В полевом сезоне 2015 г. экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана в Аркалыкском и Амангельдинском районах Костанайской области проводились поисково-разведочные работы и раскопки. В ходе исследований в окрестностях села Ашутасты, административно относящегося к г. Аркалыку, было выявлено два могильника раннего железного века. Памятники обозначены как Ашутасты-1 и Ашутасты-2.

Если ядро могильника Ашутасты-1 составляет пять крупных курганов, причем два из них имеют каменные гряды, отходящие от курганов-спутников, то Ашутасты-2 насчитывает всего четыре кургана. Ядро данного памятника составляет курган, также имеющий каменные гряды. Примечательностью Ашутасты-2 являются статуарные объекты, которые расположены по одному в каждой гряде. Памятники монументального искусства представлены изваянием и антропоморфной стелой. Изваяние выявлено в южном «усе». Оно характеризуется тщательной проработкой деталей – лица, глаз, шеи, пояса, фаллоса. Предварительный анализ стилистических особенностей стелы и изваяния позволяет довольно уверенно датировать данные статуи эпохой саков. Намек на антропоморфность присутствует еще в двух ашутастинских стелах – кургана №10 могильника Ашутасты, исследованного нами в 2015 г., и кургана Ашутасты-30 [Шевнина, Сеитов, 2014].

Курган №10 могильника Ашутасты-1 расположен близ одного из пяти крупных курганов, образующих ядро памятника. Изученный курган является органичной частью системы погребально-поминальных сооружений. До начала исследований объект был сильно задернован. После снятия золотого слоя обозначились следующие параметры кургана: диаметр – 16,5 м, высота – 1 м. Наземная часть кургана представляет собой панцирь из тщательно уложенных камней мелкого, среднего и крупного размеров. В основании кургана выявлена крепида, сооруженная из крупных брусковидных камней и плит. Предварительную реконструкцию этапов сооружения памятника, видимо, можно представить следующим образом. Первоначально на площади около 227 кв. м была подготовлена площадка, в центре которой была выкопана округлая глубокая могильная яма размерами 2 x 2 x 2 м. С южной стороны могильной ямы была оставлена широкая ступень, а по концам длинной стороны придонной части фиксировались углубления. После мероприятий, связанных с погребением, на расстоянии около 5 м от могилы из массивных каменных брусков и плит, достигающих длиной около 80 см, было сооружено кольцо. Затем, по прошествии определенного времени, могилу полностью засыпали землей и забутовывали камнем. Следующим этапом было возведение наземного сооружения, при строительстве которого, предположительно, использовались земляные блоки из дерна, а также грунт, вынутый из могильной ямы. В заполнении над могилкой прослеживались следы воздействия огня, что фиксируется по пепельному оттенку в бровке, оставленной по линии С–Ю. После возведения насыпи конструкция кургана усиливалась по периметру крупными камнями – брусками и плитами. Полученные данные предстоит уточнить и проанализировать.

Несмотря на то, что погребение было ограблено и, скорее всего, современниками, тем не менее удалось получить несколько находок – это зооморфные изображения, выполненные из фольги, и бронзовый наконечник стрелы. Могильная яма оказалась настолько сильно потревоженной, что в ней не выявлены остатки черепа, за исключением нескольких зубов. По мнению антрополога Е.П. Китова, зубы могли выпасть из сильно скелетированного черепа во время ограбления.

Выполнить культурно-хронологическое определение памятника позволяют особенности погребальной конструкции кургана и наконечник стрелы. Такой тип наземных конструкций зафиксирован во время раскопок в Восточной Сарыарке. Наконечник стрелы бронзовый, трехгранный, с выемками в основании граней, образующими

жальца, с выступающей втулкой. Трехгранные наконечники со скрытой втулкой характерны для поздних алды-бельских памятников Тывы. В уюкско-саглыньских колчанах конца VI–IV вв. до н.э. абсолютно преобладают черешковые наконечники, а втульчатая группа стрел представлена незначительным процентом трехгранных экземпляров, присутствие которых, как правило, свидетельствует о довольно ранней дате комплекса. Общая тенденция развития стрелкового набора в скифское время на территории Тывы направлена на постепенное уменьшение процента втульчатых стрел [Чугунов, 2011]. Для памятников Средней Азии и Казахстана справедливо заключение И.Н. Медведской [1972, с. 89] о времени распространения трехгранных и трехлопастных наконечников стрел скифского типа – VI в. до н.э. С VI в. до н.э., по мнению А.Д. Таирова [1999], в среде южноуральских кочевников распространяются трехгранные, трехгранно-трехлопастные и трехлопастные втульчатые наконечники стрел с острыми концами граней, которые распространяются по всему востоку Евразии, вытеснив другие типы наконечников стрел.

В то же время набор стрел втульчатой группы из кургана Аржан-1 и отсутствие в нем черешковых наконечников позволяет предполагать появление последних в Тыве не ранее середины VIII в. до н.э.

В одном из реперных памятников саков – кургане Аржан-2 в Тыве – найдены две стрелы, которые могут быть сопоставлены со стрелковым набором Кюзели-Гыра и колчана из кургана №53 Южного Тагискена. Это трехлопастной втульчатый наконечник с остролистной головкой из могилы №26 (тип 1D1) и трехгранно-трехлопастной с треугольной головкой и длинной втулкой из колчана 1 могилы №25 (тип 1E1). Последний экземпляр уникален, так как имеет под основанием лопастей моделированные при отливке шипы. За исключением этой детали он напоминает стрелы типа VI-B по классификации К.Ф. Смирнова [1961], которые датируются им начиная с VI в. до н.э. Трехлопастной наконечник из могилы №26 имеет втулку, доходящую до острия. Этот признак считается ранним. Еще А.И. Мелюкова [1964] отмечала появление стрел с остролистной формой пера в скифских комплексах уже во 2-й половине VII в. до н.э. Последние разработки, выполненные для серий наконечников, обнаруженных в памятниках на западной периферии степного мира, также указывают на достаточно раннее появление этого типа стрел с опорой на средневропейскую хронологическую шкалу. Исследователи констатируют наличие, наряду с двухлопастными, значительного процента трехлопастных наконечников с остролистной формой головки, найденных в слоях гибели гальштатских поселений периода Na C2/D1.

Все имеющие аналогии наконечники стрел из кургана Аржан-2 могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н.э. Отдельные долго живущие типы встречаются в ранних уюкско-саглыньских комплексах конца VI–V вв. до н.э., но при этом могут иметь более раннюю начальную дату [Чугунов, 2011].

М.К. Кадырбаев [1966] в свое время указывал, что памятникам тасмолинской культуры V–III вв. до н.э. присущи в числе прочего: а) наибольшее распространение стандартной формы бронзовых втульчатых трехгранных наконечников стрел. В кургане №3 могильника Карамурун-II найдены: точильный камень с отверстием для подвешивания, четыре бронзовых наконечника стрел с остатками древков. Первый наконечник втульчатый двуперый, второй – втульчатый трехгранный, третий – че-

решковый трехгранный, четвертый – втульчатый трехперый с резко выступающей и раздвоенной втулкой. Здесь же найден роговой наконечник стрелы, круглый в сечении [Кадырбаев, 1966].

Л.Т. Яблонский среди втульчатых трехгранных наконечников выделяет: Отдел С. Тип 1 – со слабо профилированной сводчатой головкой и выступающей втулкой. Подтип 1 – с удлинённой втулкой и невыделенным основанием граней (Уйгарак №6) [Яблонский, 2006]. Подтип 2 – с укороченной втулкой и опущенными концами основания граней (Уйгарак №7–8; Кюзели-Гыр №33) [Яблонский, 2006]. Тип 2 – со сводчатой головкой и укороченной выступающей втулкой, валиком вдоль всей длины головки и не выделенным основанием граней (Сакар-Чага №25) [Яблонский, 2006]. Тип 3 – с асимметрично-ромбической или сводчатой головкой, скрытой втулкой, опущенными концами граней (Южный Тагискен №24) [Яблонский, 2006].

Таким образом, общая датировка наконечников такого типа укладывается в рамки от VIII в. до н.э. – до 1-й половины V в. до н.э. В целом, видимо, учитывая особенности архитектуры наземного сооружения, особенностей погребального обряда, рассматриваемый курган следует датировать VII–VI вв. до н.э.

Как показывают некоторые результаты работ 2015 г., в том числе данные проведенных разведок, западнее гор Улытау, на территории современных Аркалыкского и Амангельдинского районов Костанайской области находится значительное число могильников и одиночных курганов раннего железного века, которые, возможно, маркируют западные пределы распространения тасмолинской культуры. Надо надеяться, что предстоящие исследования позволят лучше прояснить ситуацию.

Библиографический список

- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Орнамент в культуре саков Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, №3 (2).
- Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Мартынов А. Проблемы изучения евразийской степной цивилизации // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008.
- Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // Советская археология. 1972. №3.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964.
- Сеитов А.М. О деталях конской упряжи (по материалам клада Каинды из Торгая) // Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана, 2014.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. Вып. 101.
- Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.
- Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. Т. 1. СПб., 2011.
- Шевнина И.В., Сеитов А.М. Детское погребение раннего железного века из Тургая // Восхождение к вершинам археологии. Алматы, 2014.
- Яблонский Л.Т. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приаралье) // Древности скифской эпохи. М., 2006.

А.З. Бейсенов, Д.Б. Дуйсенбай

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

**ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА
КОРГАНТАССКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ БАЙКЕ-2
(Центральный Казахстан)**

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект 2982/ГФ4
«Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии»

Могильник Байке-2 находится в Каркаралинском районе Карагандинской области, в 14 км к юго-юго-востоку от с. Нуркен, 2,4 км к северо-северо-востоку от одноименной зимовки. Расположен на слегка возвышенном участке долины, имеющей небольшой уклон к северу и окруженной с южной, западной и восточной сторон высокими каменными возвышенностями, входящими в систему гряды Каракуыс. Восточнее могильника, на расстоянии 4,2 км, находится могильник Бақыбулак, имеющий в своем составе группу курганов сакского времени. На небольших расстояниях западнее и юго-западнее могильника Байке-2 зафиксированы могильник бегазы-дандыбаевского времени и курганы раннего железного века – несколькими группами и поодиночке.

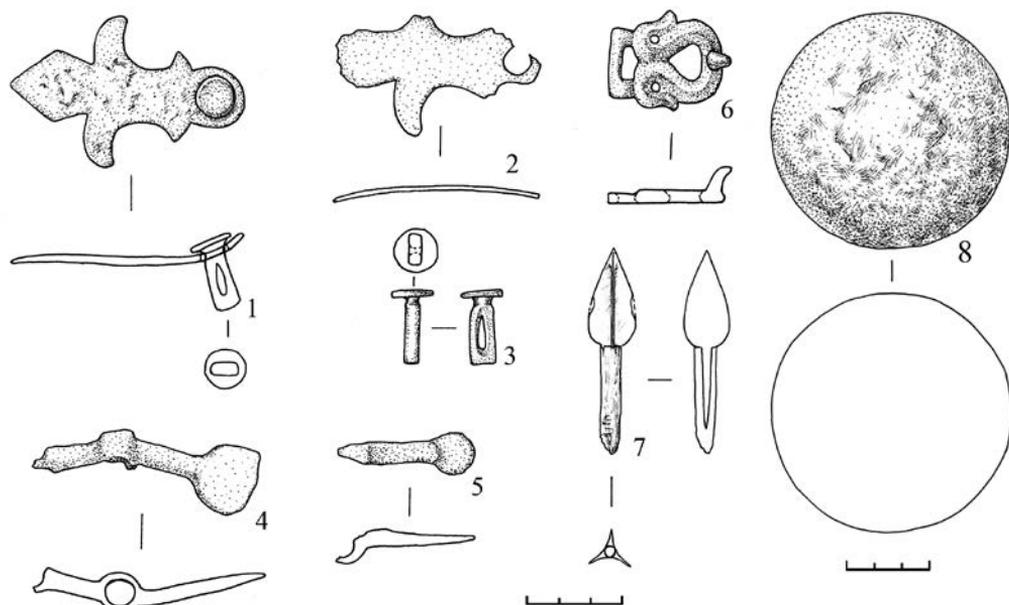
В составе могильника Байке-2 зафиксировано всего 13 курганных объектов, имеющих каменные насыпи, и восемь жертвенных выкладок раннего железного века, а также имеется большое количество погребальных сооружений казахского времени. В числе древних памятников находятся два комплекса курганов с «усами». Общая протяженность могильника – с севера на юг. По общей планиграфии могильника 13 курганных объектов расположены бессистемно, лишь условно можно выделить три группы древних сооружений. Южную оконечность могильника занимают объекты первой группы: пять курганов (№1–5) диаметром 4–12 м составляют цепочку, вытянутую с востока на запад (ВЮВ–ЗСЗ). В середине группы расположен курган №3 с «усами». Севернее этих памятников вразброс находятся объекты второй группы (№6–11). Диаметры курганов составляют 4–13 м. Один объект, курган №7, имеет две каменные гряды («усы»). На северо-западной окраине могильника располагаются еще два кургана (№12–13) диаметром 5–10 м, составляя третью, несколько обособленную, группу.

Все восемь жертвенных выкладок, имеющих округлую форму и диаметры около 2,5–3 м, расположены на территории групп 2 и 3 западной стороны курганов.

Указанные параметры курганов могильника Байке-2 связаны с современным состоянием сохранности памятников и не отражают первоначальные размеры. Прежде всего это касается такого показателя, как высота каменной насыпи. На территории могильника зафиксированы два мазара с каменными стенами и 57 небольших каменных захоронений казахского времени. Как показали обследования, для казахских погребальных сооружений использованы камни из насыпей курганов. Все древние объекты на насыпи имеют четкие следы выборки, некоторые насыпи выбраны почти до основания.

Рассмотрим курган №5, находящийся в составе первой группы.

Диаметр насыпи – 4 м, сохранившаяся высота – 0,25 м. Насыпь полностью сооружена из обломков плитняка. В центральной части насыпи, на глубине 10 см от ее верха, найдено каменное шаровидное орудие (рис.-8). Диаметр изделия – 7 см, на поверхности заметны следы использования.

Находки из кургана №5 могильника Байке-2:

1–3 – налобные бляхи и распределители; 4–5 – фрагменты псалив; 6 – поясная пряжка; 7 – трехлопастной наконечник стрелы; 8 – каменное орудие

После удаления каменной насыпи и зачистки на материковом уровне было выявлено пятно могильной ямы. Оно имеет коричнево-черный цвет и хорошо фиксируется на фоне красноватого материкового суглинка. По краям пятна просматривались небольшие камни. Пятно подпрямоугольной формы с закругленными углами. Длина – 2,7 м, ширина – 1,2 м. Преимущественно в центральной части заполнения ниже 0,05–0,1 м встречены лежащие бессистемно блоки плитняка, некоторые из них имеют длину до 0,5–0,8 м. Разрозненные камни разных размеров следовали до дна ямы. На глубине 0,3 м от материкового уровня яма разделилась на две части через материковую перемычку, проходящую поперек длины ямы примерно посередине ее и имеющую ширину до 0,2 м. Таким образом, далее вскрытие шло в западной яме, имеющей размеры 1,4 x 1,2 м, глубину 0,6 м, и восточной – размерами 1,2 x 1,15 м, глубиной 0,5 м. Обе ямы имеют на плане форму, близкую к овалу. Уже в ходе вскрытия обеих ям стала вероятной их потревоженность.

Западная яма. На глубине 0,4 м от материкового уровня встречены четыре обломка от железного изделия. На дне ямы у северной стенки находилась бронзовая пряжка с отогнутым язычком (рис.-6). Длина предмета – 3,6, ширина – 3 см. В центре дна ямы поперек лежали одна лопатка и одно ребро лошади, неподалеку от них найден бронзовый черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис.-7), на черешке которого сохранился фрагмент древка. Общая длина наконечника – 5,5 см, длина боевой головки – 3 см. Помимо этого, в центре были найдены фрагменты железного изделия продолговатой формы, имеющего длину около 17 см. У восточной стенки, роль которой играет указанная выше материковая перемычка, на 0,15 м выше дна ямы был поднят фрагмент миниатюрного бронзового псалия с монетообразным окончанием (рис.-5). Длина находки – 4,2 см.

Восточная яма. На дне находились плохо сохранившиеся черепа, а также остатки от некоторых костей домашних животных. Приблизительно костные остатки принадлежат не менее пяти лошадиным и не менее двум бараньим черепам. По-видимому, лошадиные черепа лежали в два слоя – три внизу и два вверху. Более или менее определяются также одно копыто лошади, несколько фрагментов от костей ноги (метаподия) и хвостовых позвонков (?). На фрагментах одного лошадиного черепа, находившегося в верхнем слое, сохранились мелкие фрагменты шкуры. Именно с этим черепом связаны две налобные фигурные бляхи (рис.-1–3) и фрагмент бронзового псаля с монетообразным окончанием (рис.-4). Длина каждой бляхи – 7 см, оба изделия имеют по одному отверстию, куда вставлены бронзовые распределители продолговатой формы со шляпкой. Длина распределителей – 2,4 см, диаметр круглой шляпки – 1,3 см. Длина фрагмента псаля – 7,1 см. Под этим же черепом лошади, ниже уровня псаля, найден фрагмент железного изделия длиной около 3 см. Фрагменты псалиев, найденные как в западной, так и в восточной ямах, скорее всего, принадлежали двум изделиям.

Перед нами данные погребально-поминального сооружения коргантасского времени. Надо полагать, обычно в таких случаях археологи применяют термин «кено-таф». Восточная яма – не что иное, как традиционный головной жертвенник. Размеры западной ямы (длина 1,4 м) позволяют усомниться в том, что это полноценная могила. Принимается в учет факт вероятной потревоженности ямы, тем не менее трудно допустить, что первоначально здесь было человеческое захоронение. Не обнаружено ни одного намека на кости скелета человека, при этом поперек дна ямы сохранились указанные кости лошади, положенные именно там, где должна была находиться грудная клетка умершего. Такое положение лопатки и ребра животного (как правило, или лошади, или барана) – довольно устойчивая традиция в коргантасских захоронениях.

Найденные в ямах предметы (налобные бляхи с распределителями, фрагменты псалиев, бронзовая пряжка-застежка) не имеют аналогов в Казахстане. Трудно напрямую сопоставить их также с аналогичными предметами в обозримом окружении. Согласно любезному сообщению П.И. Шульги, их аналогии будто бы отсутствуют в памятниках районов Северного Китая. Подпружные пряжки с загнутыми (отогнутыми) язычками, по-видимому, характерны для курганов Туэкты [Руденко, 1960] и некоторых других памятников пазырыкской культуры. Бронзовую пряжку из Байке-2 следует считать принадлежностью пояса (пряжка-застежка). Налобные бляхи с распределителями в какой-то степени сопоставимы с аналогичными предметами из кургана №12 могильника Бийск [Завитухина, 1961, с. 89–108]. Здесь бронзовые обоймы-распределители пропущены в отверстие крупных роговых блях [Завитухина, 1961, рис. 5]. Предварительно курган №5 могильника Байке-2 датируется V–IV вв. до н.э.

По мере выделения памятников коргантасского типа в Центральном Казахстане и трактовки их исследователями были высказаны мнения о появлении данного типа погребений в результате миграции населения из отдаленных восточных районов Центральной Азии (Ордос, Забайкалье и др., культуры хуннского круга) [Бейсенов, 1995, с. 58–59; 1997, с. 16; Бейсенов, Кожиков, 1993, с. 61–62; Таиров, 2006, с. 182–199; Пересветов, 2006, с. 200–207]. Вскоре стало понятно, что подобные захоронения ранее были обнаружены на территории Саяно-Алтая, где они датируются более ранним периодом – начиная с середины VI в. до н.э. Н.А. Кушакова и К.В. Чугунов [2010, с. 148–156] предполагают, что такие погребения появились путем передачи идеи по-

гребального обряда, ритуала, т.е. без миграции населения. П.И. Шульга [2011, с. 118] считает, что на Саяно-Алтае погребения коргантасского типа «оставлены потомками малочисленных групп ассимилированных мигрантов, сохранивших некоторые особенности в погребальном обряде и инвентаре».

В настоящее время изучена серия из 15 черепов коргантасского времени, происходящих из погребений Центрального Казахстана [Beisenov, Kitov, 2015, p. 585–591]. Антропологические данные характеризуют эту группу как метисированную, смешанного расового типа. В целом, надо отметить, что антропологические материалы в какой-то степени подтверждают гипотезу П.И. Шульги. Немногочисленные погребения коргантасского типа в Центральном Казахстане датируются периодом IV–II вв. до н.э. Возможно, новый памятник указывает на более раннюю дату, по меньшей мере одной части погребений данного типа.

Библиографический список

Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тысячелетия до н.э.) // *Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность)*. Алматы, 1995.

Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних nomadов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997.

Бейсенов А.З., Кожаков Д.А. Раннекочевнические курганы с жертвенными отсеками в Центральном Казахстане // *Археологические памятники на Великом Шелковом пути*. Алматы, 1993.

Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийск // *АСГЭ*. Л., 1961.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Удэ, 2010.

Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*. Павлодар, 2006.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.

Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*. Павлодар, 2006.

Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганда, 2011.

Beisenov Arman, Kitov Iegor. Craniological materials from burials of second half of the I millenium BC in Central Kazakhstan. // *Ancient cultures of the nortern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Nuhhot, 2015.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск, Россия

КАТАЙГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ III – НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ВЕРХНЕЙ КЕТИ (предварительное сообщение)

В 2012 г. Томским областным краеведческим музеем были проведены разведочные работы в верхнем течении р. Кети в окрестностях пос. Катайга, в Верхнекетском районе Томской области. На участке от д. Урликовой (бывшие юрты Урлюковы) до устья р. Катайга выявлены шесть городищ [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 922]. Два из них – Катайгинское-I и II – открыты в 1977 г. В.А. Рябцевым и датированы им «эпохой железа» и «эпохой раннего железного века» [Архив МАЭС ТГУ. Д. №724. 19 л.]. Не исключено,

что впервые сведения о двух из четырех открытых в 2012 г., памятниках, а именно городищах Кара лоози сок и Урликовском, были получены и затем опубликованы А.П. Дульзоном [1956, с. 195–196, рис. 46]. Однако без проведения археологических раскопок идентифицировать их пока не представляется возможным [Боброва, Барсуков, 2015].

В связи с этим в 2015 г. исследования на Верхней Кети были продолжены Кетской археологической экспедицией Томского областного краеведческого музея. Они предусматривали раскопки Катайгинского III городища. Памятник расположен на правом берегу Кети, к юго-западу от пос. Катайга. Городище находится в сосновом бору, на краю террасы (ее высота на этом участке – 8 м) огромного мыса, который вклинивается в пойму, максимально сближаясь с основным руслом Кети, которое находится в 0,4 км к юго-западу. У подножия террасы располагается пойменное озеро (оз. Круглое).

Со стороны материка городище защищено подпрямоугольной линией укреплений, представленной внешним рвом и внутренним валом. Площадь защищенной части городища составляет около 550 м². К северу от памятника естественный рельеф террасы искусственно сnivelирован: с этой стороны к озеру подходит дорога, установлены стол и скамейки.

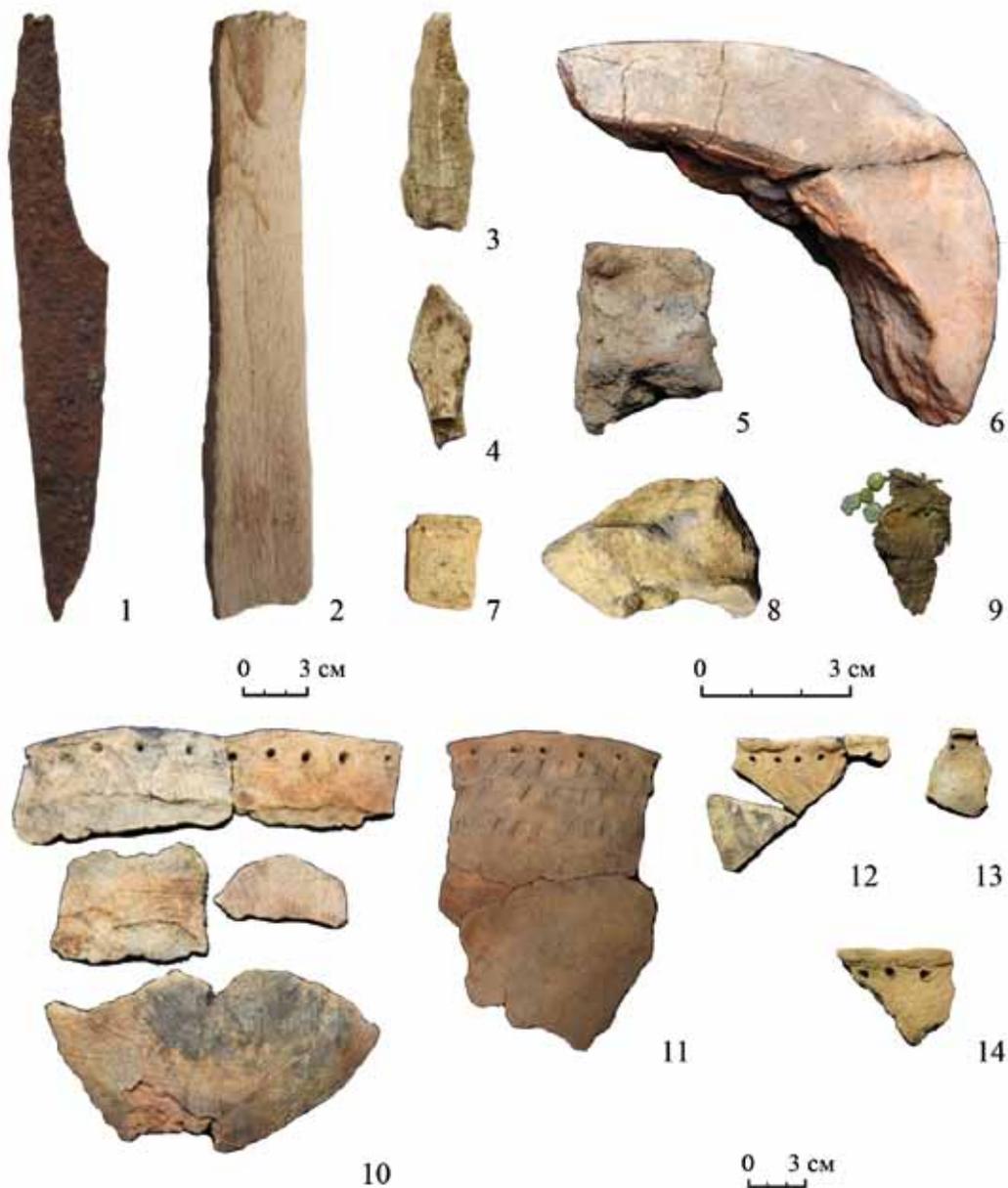
При выборе места для городища, вероятно, было использовано естественное всхолмление – с северной и северо-восточной сторон имеется естественный уступ. Параметры укреплений на разных участках линии обороны неодинаковы. Ров в виде буквы «П» окружает городище, выходя краями к склону террасы. Его глубина достигает максимума (около 0,5 м) в северо-западной части. В северо-восточном углу он почти не прослеживается, возможно, был уничтожен при строительстве дороги к озеру. На дне рва примерно через равные промежутки зафиксировано 5 округлых западин. Их диаметр в среднем составляет 1,5 м, глубина относительно дна рва равна 0,1–0,15 м. Западины локализуются по линии рва противоположной краю террасы. Одна из них располагается на дне рва в его юго-восточной части.

Валообразная, сильно оплывшая насыпь примыкает ко рву с внутренней стороны. На некоторых участках её ширина составляет более 10 м, высота колеблется от 0,6 м на юге до 0,9 м на севере. В центре укрепленной площадки располагается углублённая площадка прямоугольной формы (7,9 x 6,8 м), ориентированная по линии ЮЮВ–ССЗ, к северу от нее находится западина аналогичной формы (2,9 x 1,7 м). С восточной стороны на внутренней части вала визуально различаются три западины округлой формы. Между кромкой террасы и котлованом отчетливо прослеживается обваловка, которая с других сторон не фиксируется.

В раскоп были включены обе западины, расположенные в западной половине городища. Вскрытая площадь составила 116 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя – от 0,1 до 0,5 м. Культурный слой, зафиксированный на площади углубленной площадки, имел однородную структуру, он густо окрашен в чёрный цвет по всей толщине, включал мелкий и крупный уголь, дробленые кальцинированные кости птиц. Слой насыщен отходами технологической керамики (фрагментами толстостенных тиглей, каменными сколами, каплями и сплесками бронзы и пр.).

В коллекционной описи (к.о. №976) находки зарегистрированы под 1055 дробными номерами, без учета каменных сколов. Коллекция №13977 хранится в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова. В ее состав входят немногочисленные изделия и их фрагменты из кости, глины, камня, железа; орнаментированные

и неорнаментированные фрагменты сосудов; бронзовые сплески и капли; фрагменты толстостенных, зачастую ошлакованных тиглей, многочисленные обломки от объектов бронзолитейного производства (обмазка, литейные шишки); мелкие пережженные кости птиц; камни и их сколы.

Катайгинское III городище. Находки изделий и керамика: 1 – нож; 2 – оселок; 3, 4 – наконечники стрел; 5–6, 8 – фрагменты тиглей; 7 – литейная шишка; 9 – «схрон»; 10–14 – керамика (1 – железо, 2 – камень, 3–4 – кость, 7 – бронза, шкура животного, 5–8, 10–14 – глина)

Категории находок распределяются следующим образом: индивидуальные находки – 7 ед., технологическая керамика – 561, камень (сколы камня) – 332, капли и сплески бронзы (лом) – 162, керамика – 946 ед. Из приведенной статистики видно, что значительную долю в хозяйстве населения занимали металлургия бронзы и бронзолитейное производство. Общая доля связанных с этой отраслью находок (камни, технологическая керамика, сплески и лом) составляет более 1000 ед.

Индивидуальные находки: железный миниатюрный нож (1 экз. – рис.-1), каменный оселок (1 экз. – рис.-2) и костяные наконечники стрел (рис.-3–4), фрагменты толстостенных тиглей (рис.-5–6, 8), литейная шишка (рис.-7), «схрон» – капли бронзы и пластинка, завернутые в шкуру животного (рис.-9). Указанные находки, а также каменные ложила и фрагменты керамических изделий не имеют узкой даты и характерны для всего раннего железного века.

Основной категорией для относительного датирования Катайгинского III городища является керамика. В раскопе обнаружено 946 фрагментов керамики: 153 венчика, 679 фрагментов тулов без орнамента и 88 – орнаментированных, 26 фрагментов плоских днищ. Посуда характеризуется присутствием сосудов горшковидной и баночной формы (рис.-10–11), орнаментацией обреза венчика оттисками гребенчатого/гладкого штампа. Она отличается крайне бедной орнаментацией. Подавляющее большинство сосудов имеет под венчиком ряд сквозных ямок, небрежно нанесенных в области шейки (рис.-10–14). Орнаментация выполнена путем прочерчивания концом лопатки или палочки (рис.-12), наколов (палочкой), оттисков коротких гребенчатых или гладких штампов (рис.-11). Полностью отсутствуют жемчужник и фигурные штампы.

Ближайшие аналогии посуде известны с Верхней Кети, из района Обь-Енисейского канала и происходят с пяти городищ раннего железного века, обнаруженных в окрестностях пос. Новый Стан [Ожередов, 1983, с. 15; Боброва, Барсуков, Березовская, 2015, с. 199–203]. Их культурный слой, как и на Катайгинском III городище, насыщен отходами технологической керамики, каплями и сплесками бронзы, каменными сколами, кальцинированными костями, что свидетельствует об их одновременности, однокультурности и общей производственной направленности.

По форме и орнаментации керамика Катайгинского III городища имеет абсолютные аналогии с материалами Карбинского I городища V–III вв. до н.э. [Яковлев, 1991, с. 115–142].

В Нарымском Приобье керамика, близкая катайгинской, зафиксирована на памятниках раннего железного века васюганского этапа кулайской культуры (V–III вв. до н.э.) [Чиндина, 1984, с. 103]. Она обнаружена на городищах Нововасюганском (группы 4 и 5) [Кирюшин, Панкратова, 2002, рис. 12.-1–3, рис. 13.-1–6] и Тух-Эмтор [Кирюшин, 1976, с. 29–48, рис. 13.-1–6]. Однако ее распространение, по мнению Л.А. Чиндиной [1984], не ограничивалось районом Васюганья, керамика раннего этапа широко представлена и на других территориях.

Все это позволяет предварительно датировать Катайгинское III городище V–III вв. до н.э. и включать его в круг однокультурных кулайских памятников, расположенных на восточной периферии Нарымского Приобья.

Библиографический список

Боброва А.И., Барсуков Е.В., Березовская Н.В. Городища раннего железного века на Верхней Кети // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып. 3. Тюмень, 2015.

Барсуков Е.В., Боброва А.И. Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2015 (в печати).

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Том. обл. краевед. музея. Т. 5. Томск, 1956.

Кирюшин Ю.Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1976.

Кирюшин Ю.Ф., Панкратова Л.В. Нововасюганское городище // Труды МАЭС им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Т. 1. Томск, 2002.

Ожередов Ю.И. Тысячелетия Обь-Енисейского пути // Земля Верхнекетская. Томск, 1997.

Рябцев В.А. Отчёт об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ летом 1977 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. №724. 19 л. + 36 рис.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.

Н.Н. Головченко^{1,2}, А.Н. Телегин²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

АППЛИКАЦИИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОГО БАССЕЙНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (классификация и семантика)

Исследования проведены за счет гранта Российского научного фонда (14–50–00036)

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии
Северной и Центральной Азии»

В традиционных обществах головной убор всегда являлся одним из важных компонентов костюма. В полной мере это относится и к одежде населения Верхнего Приобья скифского времени: многочисленные находки фрагментов головных уборов в погребальных памятниках данного региона – красноречивое тому подтверждение.

К сожалению, за более чем двухсотлетнюю историю археологического изучения Верхней Оби специальных работ, посвященных систематизации этой категории головного убранства, практически не предпринималось. Между тем накопленная на сегодняшний день источниковедческая база давно нуждается в серьезном анализе и осмыслении. Настоящая работа, посвященная одной из составляющих головного убранства, – аппликации головных уборов, призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

В археологической литературе аппликациями почему-то принято называть только те украшения головных уборов, которые выполнены из золотой фольги [Троицкая, Бородовский, 1994; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Шульга, 2003; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; Могильников, Телегин, 1992]. Между тем, если руководствоваться общепринятым определением термина «аппликация» (от лат. *applicatio* – прикладывание) как способа создания орнаментов, изображений путем нашивания, наклеивания на ткань, бумагу и прочее разноцветных кусочков какого-либо материала (ткань, бумага, мех, соломка и т.п.) другого цвета или выделки, а также орнамент, изображение, созданные по способу, придающему им особую рельефность (БСЭ), то можно существенно расширить состав предметного комплекса аппликаций головных уборов.

К предметному комплексу аппликаций, на наш взгляд, можно отнести бронзовые пронизки, бусины, золотые статуэтки архаров, а также пластинки, бляшки и био-

морфные изделия из бронзовой и золотой фольги. Составные части комплекса можно подразделить на объемные и плоские предметы: для создания объемной аппликации использовались пронизки, бусины и статуэтки архаров, а для плоскостной – пластинки и бляшки, зоо- и ботаноморфные изделия (в декоре одного головного убора, как и любой другой категории одежды, могли использоваться оба варианта аппликации).

Зафиксировано два способа крепления элементов аппликации к поверхности оголовья уборов: пришивание и приклеивание. При этом объемные элементы только пришивались, а плоскостные – и пришивались, и приклеивались.

Бронзовые пронизки и пастовые бусины – весьма распространенные украшения головных уборов населения Верхнеобского региона. Судя по находкам в захоронениях андроновской и ирменской культур, они использовались здесь еще в эпоху бронзы [Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 26–30]. Аналогичные украшения (6 шт.) эпохи раннего железа впервые были обнаружены М.П. Грязновым [1956, с. 60–63] в урочище Ближние Елбаны. В качестве заполнения елбанских пронизок использовались мелкие бусины. Еще десять таких пронизок, с заполнением и без него, были выявлены на памятниках Милованово-8 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 127], Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 117], Новотроицкое-1, 2 и Локоть-4а [Шульга, 2003, с. 10–26; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 42–92].

Известные нам находки бусин были сделаны при исследовании 11 погребений в могильниках Быстровка-1 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 123, 126, 130], Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 116, 118], Новотроицкое-1, 2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 17–18, 42, 79–80, 83, 92] и Локоть-4а [Шульга, 2003, с. 16]. Место обнаружения бусин во всех случаях одинаково – около черепа, в его затылочной и теменной части. В нескольких случаях одна бусина была обнаружена под нижней челюстью погребенного. Бусины, крепившиеся к головным уборам, ничем не отличаются от бусин, использованных при оформлении оплечья наплечной одежды и заколок [Головченко, Телегин, 2014, с. 5–13]. В подавляющем большинстве случаев эти украшения происходят из женских погребений.

Наряду с «местной» традицией украшения погребальных головных уборов пронизками и бусами, примерно с IV в. до н.э. в Верхнем Приобье распространяется практика орнаментации уборов золотыми статуэтками. Так, в декоре головных уборов мужчин, погребенных в некрополях Обьездное-1 [Телегин, 2005, рис. 2] и Новотроицкое-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 102], присутствовали объемные фигурки архаров.

Металлические пластинки, бляшки, зоо- и ботаноморфные узоры из золотой фольги использовались для плоскостной аппликации в Верхнем Приобье еще в эпоху бронзы [Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 28]. Судя по находкам 12 пластинок в могильниках Ближние Елбаны [Грязнов, 1956, с. 60–63], Быстровка-1 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 125], Новотроицкое-1–2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 46, 123–124], Локоть-4а [Шульга, 2003, с. 8, 16], Красный Плакат, Масляха-2 [Уманский, Бородаев, 1991; Федорук, Фролов, Папин, 2013] и Фирсово-XIV [Федорук, Фролов, Папин, 2013], эта традиция сохранилась здесь и в раннем железном веке.

Таким образом, в развитии предметного комплекса аппликаций головных уборов в среде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа отмечена следующая динамика: от бус и пронизок к усложненной объемной аппликации в виде статуэток архаров, от металлических бляшек к развитой системе узора плоскостной апплика-

ции из золотой фольги. Вероятно, обе традиции развивались синхронно и интенсивно смешивались. Так, к примеру, накладки из золотой фольги, имеющие форму архаров, венчая шпиль головного убора, создавали эффект объемности.

Предметный комплекс головного убора, вероятно, играл особую роль в процессе символической интерпретации этой категории одежды, указывая на социально-экономический, идеологический и обрядовый статусы своего носителя [Головченко, Телегин, 2012].

Можно предположить, что аппликации головного убора, с одной стороны, были призваны иллюстрировать сопричастность покойного к новому миру – миру мертвых, в который он уходил, а с другой стороны, отражать его витальные статусы, которые, по представлениям древних, умерший сохранял за собой и в ином, загробном мире. Возможно, именно этим следует объяснять, например, изобилие солярной символики в погребальной одежде отдельных представителей населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Частые упоминания в гимнах Ригvedы сюжетов, связанных с изготовлением одежды из шерсти и кожи, украшением одежд мифических героев всевозможными аппликациями, облачением богов в «золотые одежды» во время выполнения обрядов перехода, косвенно указывают нам на глубокую мифолого-обрядовую основу их мировоззрения [Головченко, 2015]. Предметный комплекс одежды знати, обнаруженный в погребальных памятниках Верхнего Приобья, среди которых самым знаковым является набор из кургана №9 могильника Локоть 4а [Шульга, 2003], имеющий множество прямых аналогий в ведических гимнах [Головченко, 2015], возможно, был призван соединить в умах участников погребального обряда на сакрально-мистическом уровне образ умершего человека с образом божества (фарна).

Таким образом, в ходе исследования мы пришли к выводу о том, что технологический прием декорирования одежды один – аппликация, представленная двумя вариациями – объемной и плоскостной. Обозначенное разделение ярко прослеживается на примере предметного комплекса головных уборов населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Библиографический список

Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригvedы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2015. №1 (33).

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Сибири и Центральной Азии. №4 (16). Горно-Алтайск, 2012.

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Одежда евразийских nomadов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №2.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.; Л., 1956 (МИА; №48).

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул, 2011.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка-III – могильник эпохи железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.

Телегин А.Н. Шестой год раскопок курганной группы Обьездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2005.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.

Уманский А.П., Бородаев В.Б. Погребение ранне-скифского времени близ с. Красный Плакат // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005.

Федорук А.С., Фролов Я.В., Папин Д.В. Погребальный обряд Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово XIV (раскопки 2010–2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии. №5 (17). Горно-Алтайск, 2013.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ЖЕЛЕЗНЫЕ КИНЖАЛЫ В КУЛЬТУРЕ КОЧЕВНИКОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В процессе раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции курганного могильника Торопово-1 в 1996–1998 гг. в отдельных могилах (7, 1, 9 и 2 из курганов №7–10) нами впервые были найдены железные кинжалы, которые по своим размерам и внешне напоминали ножи, но клинки их имели линзовидное сечение и были заточены по обеим сторонам [Илюшин, 1999а, с. 21, 23, 28–29, 30, 41, рис. 35.-6; рис. 42.-2; рис. 52.-6; рис. 56.-1]. Дальнейшие раскопки курганов кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине позволили пополнить эту коллекцию находок. Железные кинжалы были найдены при раскопках могилы 1 кургана №4 на курганной группе Конево (рис.-1), могилы 1 кургана №4 на курганной группе Солнечный-1 (рис.-4) [Илюшин, 2006, с. 22, рис. 174.-4; 2012, с. 18–19, 36, рис. 40.-3] и в могилах 1 и 2 курганов №2 и №9 на курганном могильнике Ишаново (рис.-2–3) [Илюшин, 2009а, с. 119, рис. 5.-1; 2014, с. 11, 18–19, 44, рис. 21.-1; рис. 78.-1]. Кроме этого, аналогичные изделия были зафиксированы в материалах развитого и позднего средневековья при раскопках поселения Красная Горка, ранее на могильниках Ур-Бедари-1 и Саратовка, а также в Елыкаевском кладе [Илюшин, 1999б, с. 29, рис. 70.-16; 2003, рис. 2.-6; Соловьев, 1987, рис. 22.-3–6].

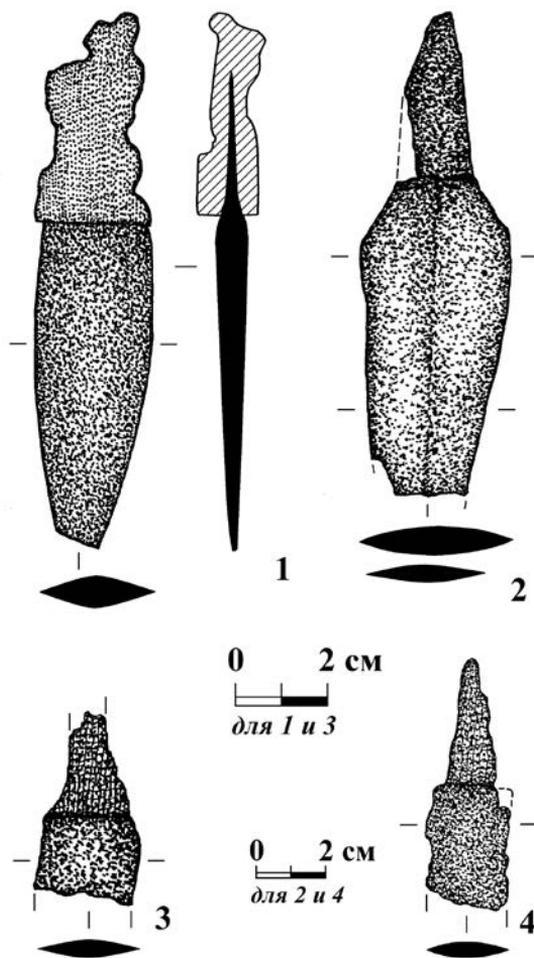
Всего коллекция железных кинжалов с территории Кузнецкой котловины в настоящее время насчитывает 15 экз. Эти редкие находки предметов вооружения при классификации подразделяются на группы по материалу изготовления, форме и профилю клинка, а по размерам, наличию или отсутствию перекрестья – на типы. Все найденные кинжалы относятся к одной группе – железные, прямые, линзовидные, которая насчитывает два типа.

Тип 1. Большие без перекрестья. Включает 6 экз. с поселения Красная Горка, из могильника Ишаново и Елыкаевского клада [Илюшин, 2003, рис. 2.-6; 2014, рис. 21.-1; Соловьев, 1987, рис. 22.-3–6].

Тип 2. Маленькие без перекрестья. Включает 9 экз. из погребальных памятников Торопово-1, Саратовка, Конево, Солнечный-1, Ур-Бедари-1 и Ишаново [Илюшин, 1999а,

рис. 35.-6; рис. 42.-2; рис. 52.-6; рис. 56.-1; 1999б, рис. 70.-16; 2006, с. 22, рис. 174.-4; 2012, рис. 40.-3; 2014, рис. 78.-1].

Отнесение железных кинжалов к категории предметов вооружения вовсе не означает их использования только в военном деле. Они могли быть задействованы и в других целях. При этом первый тип кинжалов, отличающихся большими размерами, мог быть использован в ближнем бою, а второй, наиболее часто встречаемый тип, отличающийся маленькими размерами, для ближнего боя непригоден. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос об этих находках как предметах полифункциональных или выполняющих специфическую функцию семантических маркеров, содержание которой нам пока неизвестно. Настоящая работа представляет собой попытку раскрыть содержание этой функции. С этой целью проанализируем условия нахождения данных предметов в погребальных комплексах Кузнецкой котловины, проведем поиск аналогий этим изделиям на сопредельных территориях, обозначим и исследуем различные гипотезы.

Железные кинжалы из курганов кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины: 1 – железо и кость; 2 – железо; 3–4 – железо и дерево (1 – Конево; 2–3 – Ишаново, 4 – Солнечный-1)

На территории Кузнецкой котловины железные кинжалы были обнаружены преимущественно на погребальных памятниках шандинской археологической культуры XI–XIV вв. н.э., которая является составной частью басандайской этнокультурной общности Верхнего Приобья, отождествляемой в широком понимании с культурой восточных кипчаков. Исследуемые артефакты в основной своей массе (7 из 9) были найдены в грунтовых могилах с погребениями женщин, возраст которых составлял от 20–25 до 50–55 лет. Лишь в двух случаях они были найдены в могилах, где были погребены мужчины (один из них был захоронен с лошадей), возраст которых составлял 40 и 50 лет. По социальному статусу могилы, в которых были найдены железные кинжалы, в большинстве своем относятся к местам захоронений представителей социальных низов и лишь в единичных случаях – к лицам среднего уровня. Сходство основных элементов погребального обряда и близкое расположение погребальных памятников (долины рек Ур, Камышенка и Камысла), на которых были найдены исследуемые артефакты, позволяют предположить, что они представляют собой этнокультурный продукт в виде устойчивой культурной традиции по использованию железных кинжалов в племени куштеми (кыштымы), проживавшем в развитии Средневековья на этой территории. Не исключено, что эти кинжалы за счет двух косых лезвий являются специализированными предметами для обработки толстых шкур и кож и могли использоваться в шорном и обувном деле, по аналогии с короткими ножами, имеющими косые лезвия, в материалах басандайской культуры Томского Приобья [Зиняков, 1997, с. 148, рис. 1.-1095]. Редкие находки этих изделий в Кузнецкой котловине и только в погребениях взрослых людей, способных заниматься подобным видом домашнего ремесленного производства, косвенно подтверждают высказанную гипотезу. При этом необходимо отметить, что многие изделия в могилы были положены в поломанном состоянии, что указывает на их восприятие со стороны окружающих не только как на предмет узкой специализации, но и используемый в качестве оружия. С учетом того, что в раннем Средневековье на территории Кузнецкой котловины подобных железных кинжалов не было, можно предположить, что они появились в качестве заимствованной инновации в XI в. н.э. путем миграции или брачных контактов, а затем, став традиционными, использовались до XIV в. н.э., возможно, и далее.

На сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях Алтайского, Новосибирского и Томского Приобья исследуемые артефакты выявлены лишь в первых двух регионах, как правило, на погребальных памятниках, датируемых рубежом I–II тыс. н.э. и первыми веками II тыс. н.э.

На Верхней Оби железный кинжал был найден на Ближних Елбанах-VI в могиле-3 кургана №4 и отнесен авторами публикации к сrostкинской археологической культуре [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 247, рис. 3.-3]. В.В. Горбунов относит эту находку к категории боевых кинжалов и при классификации включает ее в группу железных, разряду двухлезвийных, линзовидных, разделу килевидных, отделу с прямой рукоятью, типу без перекрестья, варианту с гладким череном. По мнению исследователя, кинжалы этого типа своими корнями восходят к хуннуской традиции, а на территории Алтая непрерывно бытовали в культуре кочевников с II в. до н.э. по XII в. н.э. (булан-кобинская, тюркская, кыргызская и сrostкинская культуры) [Горбунов, 2006, с. 79–81, рис. 66.-8]. Этот вывод подтверждают находки в предгорьях северо-западного Алтая,

где подобные предметы были выявлены на курганных могильниках IX–XI вв. н.э. – Гилево-VII (могила-1 кургана №4), Гилево-VIII (могила-1 кургана №5) и Гилево-XII (могила-1 кургана №1) [Могильников, 2002, с. 21, 26–27, 31, 104, рис. 41.-6; рис. 63.-14; рис. 82.-19; рис. 212.-11–13]. Железный миниатюрный кинжал хорошей сохранности был найден в разграбленной могиле-1 кургана №1 памятника Корболиха-IX. Автор публикации интерпретировал его как наконечник стрелы, но допускал, что он может использоваться в качестве наконечника дротика [Могильников, 2002, с. 57, 112, табл. 5, рис. 177.-1]. На территории Рудного Алтая аналогичное изделие выявлено на могильнике Иванов Ключ-I в погребении-1 кургана №5, совершенное по обряду кремации на стороне, которое автор исследования называет кыргызским и датирует его X–XII вв. н.э. (по: [Могильников, 2002, с. 123]) или 2-й половиной IX–XI вв. н.э. (по: [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 86; Грушин, 2014, с. 14–15, 40, рис. 32.-1; рис. 36.-2]).

На территории Новосибирского Приобья исследуемые артефакты встречены на памятниках, которые авторы относят к сrostкинской или басандайской археологическим культурам, датируемых рубежом I–II тыс. н.э. и развитым Средневековьем и отождествляемых с культурой восточных кипчаков. Один из артефактов, интерпретированный автором как железный дротик, был найден в жилище №1 на сrostкинском поселении Каменушка-3а, датированным X–XII вв. н.э. [Адамов, 2000, с. 44, 105, рис. 32.-1]. Железные кинжалы были обнаружены на погребальных памятниках басандайской культуры Санаторный-1 (курган №1, погребение-3; курган №2, погребение-14; курган №20, погребение-7), датированный серединой XI – началом XIII в. н.э. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 72, 76, 98, 144, 154, 159, рис. 6.-4; 33.-2; 154.-1] и Ташара-Карьер-2 (курган №2, погребение-1; курган №5, насыпь; курган №6, погребение-2; курган №9, погребение-1) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 277, 281–283, рис. 15.-3; рис. 45.-1; рис. 53.-5; рис. 70.-1].

Найденные аналогии позволяют сделать вывод о том, что культурная традиция изготовления и использования исследуемых железных кинжалов для выделки шкур и кож кочевым населением Кузнецкой котловины и сопредельных территорий в развитом средневековье по своему содержанию является тюркской, которая берет свое начало в культуре хунну и формируется на территории Алтая у кочевников поздней древности, а затем существует в раннем и развитом Средневековье [Горбунов, 2006, с. 80–81]. На территорию Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины эти изделия попадают в предмонгольский период истории, вероятно, в результате брачных отношений и миграции этнических групп восточных кыпчаков после окончательного распада Кимакского каганата. Именно в то время железные кинжалы были в употреблении у населения Кузнецкой котловины, Новосибирского Приобья и Алтая. Отсутствие железных кинжалов в культуре кочевников развитого Средневековья на сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях Томского Приобья [Плетнева, 1997] и Минусинской котловины [Кызласов, 1983], вероятно, можно объяснить тем, что описанная выше тюркская традиция не применялась в этих регионах. Находки этих артефактов в материалах кыргызской, сrostкинской и басандайской культур развитого Средневековья на территории Верхнего Приобья указывают на полиэтничность басандайской этнокультурной общности этого региона в предмонгольский и монгольский периоды истории, в основе которой лежали тюркские культурные традиции.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул, 2014.
- Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство Томского Приобья в XI–XIV вв. // Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск, 1997.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999а.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999б.
- Илюшин А.М. Позднесредневековые древности в долине нижнего течения р. Касьмы // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003.
- Илюшин А.М. Новые материалы по средневековой истории аборигенов Кузнецкой котловины // Проблемы археологии и истории Северной Азии. Томск, 2009.
- Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово, 2012.
- Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово, 2014.
- Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году. Кемерово, 2006.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983 (САИ. Вып. ЕЗ-18).
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск, 1997.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002.

А.А. Казаков¹, С.П. Грушин², В.О. Сайберг²

¹*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН-2/6 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Гоньбинский Кордон – название правого берега Оби напротив с. Гоньба. В районе Барнаула ширина поймы Оби и ее русла в этом месте является наиболее узкой. Именно данное обстоятельство сделало Гоньбинский Кордон одним из наиболее привлекательных в хозяйственном отношении мест. В XIX – начале XX в. здесь активно функционировала паромная переправа, а в 1978 г. начато строительство ЛЭП. В результате строительных работ было разрушено древнее погребение. Именно с того момента началось археологическое изучение рассматриваемой территории [Кирюшин, Казаков,

1996, с. 68]. Первые находки сделаны А.Л. Кунгуровым и В.Б. Бородаевым, в том же году исследования на памятнике проводил Ю.Ф. Кирюшин. Так был открыт комплекс памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 (МГК-1) [Кунгуров, 1998, с. 267].

Исследования, проводимые Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 г., позволили зафиксировать еще один комплекс памятников, включающий в себя поселения и городища, получивший название Малый Гоньбинский Кордон-2 (МГК-2). Ю.Ф. Кирюшин [1979, с. 228] датировал его ранним железным веком. Более детальное его обследование было проведено А.А. Казаковым в 1991 г.

Комплекс исследованных памятников находится в Тальменском районе Алтайского края и состоит из 16 отдельных городищ и поселений, компактно расположенных на второй надпойменной террасе правого берега Оби, поросшей сосновым бором [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68]. У основания террасы – цепочка заболоченных стариц. Подъемный материал, собранный с этого комплекса, позволил отнести его объекты в культурном отношении к фоминскому этапу кулайской общности и одинцовской культуре, предварительно датировав в пределах I–III вв. н.э. [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68–72].

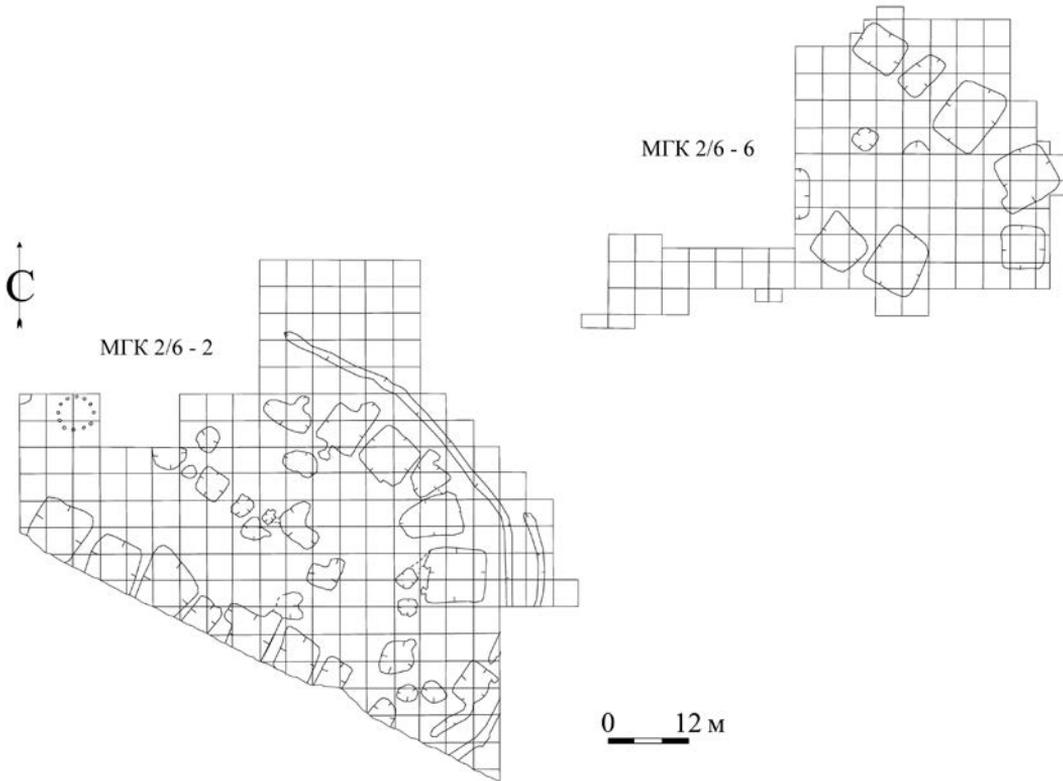
Одной из наиболее важных частей этого комплекса является система городищ и поселений МГК-2/6, состоящая из шести вычлениющихся из общего комплекса самостоятельных объектов, которые в силу их очень плотной взаимосвязанности (чешуевидное взаиморасположение городищ) объединены в единую систему, отдельными элементами которой являются городище МГК-2/6-2 и поселение МГК-2/6-6. Глазомерный план комплекса МГК-2/6 опубликован [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 71].

Памятники расположены на высокой террасе правого берега Оби, возвышающейся над поймой на 15–16 м, в 1 км к северо-западу от санатория «Обские плесы». Городище МГК-2/6-2 расположено в западной части комплекса. С запада к нему вплотную примыкает поселение МГК-2/6-1, с востока – линия ров – вал городища соприкасается с линией ров – вал городища МГК-2/6-3, на северо-востоке от его линии ров – вал берет свое начало линия ров – вал городища МГК-2/6-5.

Комплекс городища МГК-2/6-2 хорошо фиксировался до начала раскопок. Ограниченная площадка городища площадью около 4500 кв. м расположена на краю террасы. С трех сторон, за исключением склона террасы, она окружена полуовальной системой довольно сложной конструкции. Эта система в северной части прерывается, образуя въезд шириной 7 м. Первый пояс состоит из рва и вала, расположенного перед ним (вал с напольной части). Ширина вала от 1,5 до 2,5 м, высота – до 0,1 м, ширина рва – от 1,5 до 2 м, глубина – до 0,2 м. Западный сектор, сооруженный западнее въезда, состоит только из первого вышеописанного пояса. Восточный сектор дополнительно ограничен рвом и расположенным перед ним валом. Ширина вала – от 2 до 3 м, высота – до 0,2 м, ширина рва – от 2 до 3 м, глубина – до 0,2 м. Вторая линия имеет разрыв, ориентированный на ССВ, шириной 7 м. Назначение разрыва не ясно. На ограниченной площадке городища при глазомерной съемке были зафиксированы 19 западин подпрямоугольной формы, расположенных вдоль кромки террасы и ориентированных длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ и по внутреннему периметру рва первого пояса ров – вал. Размеры западин – от 5 x 7 м до 12 x 13 м, глубина – от 0,15 до 0,3 м [Казаков, 2014, с. 22]. Поселение МГК-2/6-6 также фиксировалось при глазомерной съемке. Выявлены 12 западин подпрямоугольной формы

с размерами от 7 x 5 м до 12 x 11 м и глубиной от 0,2 до 0,4 м [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 70].

Мощный импульс исследованию двух памятников этого комплекса (городище МГК-2/6-2 и поселение МГК-2/6-6) дало строительство магистрального газопровода Томск – Барнаул, трасса которого в месте его перехода через Обь проходила по их площади. Необходимость освобождения площади под строительство магистрального газопровода от археологических памятников обусловила проведение ширококомасштабных работ, в результате которых они были исследованы сплошными раскопами.

Ситуационный план раскопов городища МГК-2/6-2 и поселения МГК-2/6-6

Исследования памятников МГК-2/6-2 и МГК-2/6-6 проводились в полевой сезон 1993 г. Гоньбинской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Казакова. Работы были начаты в середине мая и длились вплоть до середины ноября. С целью лучшей организации и координации усилий в составе экспедиции работало несколько археологических отрядов под руководством М.Т. Абдулганеева, В.Б. Бородаева, Н.Ю. Кунгуровой. Практически все сотрудники Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ приняли участие в исследованиях (А.А. Тишкин, С.Ю. Лузин, В.В. Горбунов, Н.Ф. Степанова, В.П. Семибратов и др.). Одновременно на памятнике работали до 150 человек.

Самая исследованная часть памятника – это городище МГК-2/6-2, которое расположено в западной части комплекса. Там сплошным раскопом была вскрыта пло-

щадь 3368 кв. м. Зафиксированы 30 построек как жилищного, так и хозяйственного назначения. Часть, а именно 9 жилищных конструкций, исследована не полностью, так как они разрушены краем осыпающейся второй надпойменной террасы. Оставшиеся постройки (21 объект) исследованы полностью. Котлованы сооружений подпрямоугольной формы, площадью от 4 до 80 кв. м, углублены в материк на 20–40 см. В восточной части раскопа полностью исследована линия ров – вал. Расположенные последовательно (от укрепленной площадки) сначала ров, который был врезан в материк на глубину от 20 до 80 см и шириной до 2 м, затем вал шириной от 1,5 до 2,5 м, высотой до 50 см от материка. В юго-восточной части раскопа фиксируется наличие трех линий: ров – вал – ров. Эта система конструкций прерывается в северной части, отсюда вытекает предположение о наличии здесь въезда.

Еще одной частью памятника, исследованного в 1993 г., является поселение МГК-2/6-6. На данной площади размером 1708 кв. м изучено 10 конструкций как жилого, так и хозяйственного назначения. Котлованы сооружений подпрямоугольной формы площадью от 4 до 80 кв. м, глубиной до 50 см от материка. Дополнительных конструкций на исследованной территории не обнаружено.

Предварительные итоги исследования публикуются впервые. На основании обнаруженного материала (наиболее массовая категория инвентаря – керамика) оба памятника можно датировать 2-й половиной V–VI вв. н.э. В культурном отношении керамический комплекс относится к одинцовскому этапу одинцовской культуры [Казаков, 2014]. Весь материал, обнаруженный на памятнике, хранится в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (колл. №200). Информационно-исследовательский потенциал как всего комплекса МГК-2, так и исследованных памятников поистине трудно переоценить.

Библиографический список

- Казаков А.А. Одинцовская культура Баранульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014.
Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996.
Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998.
Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979.

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ДРОТИКИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ XII–VI вв. до н.э.

Активные этнокультурные процессы в период поздней бронзы – «раннескифское» время на территории лесостепного Алтая явились толчком для развития военного дела племен, населявших данный регион. Это выразилось в качественном изменении комплекса вооружения. Появились не только новые типы, но и виды оружия, к одному из которых, ранее здесь не применявшемуся, относятся дротики. Стоит отметить, что на настоящий момент имеется целый ряд работ, в которых рассматривались изделия из лесостепного Алтая. Большая часть из них посвящена введению в научный оборот но-

вых материалов, их предварительной атрибуции и датировке [Уманский, 1970, с. 176, рис. 8.-7; Савинов, 1975, с. 94, рис. 2.-15; Иванов, 1987, с. 129–133, рис. 1; Клюкин, 1993, с. 137, 139, рис. 1.-2; Папин, 1997, с. 173–175, рис. 1; Фролов, 1999, с. 9, рис. 5.-7–8; Алехин, 1999, рис. 7.-1]. Есть также и ряд аналитических статей, но в них, как правило, наконечники дротиков рассматриваются совместно с наконечниками копий [Иванов, 1987, с. 7; Папин, Федорук, 2009, с. 95–98]. Таким образом, известные на настоящий день исследования не дают полной картины эволюции такого вида оружия, а его системный анализ является весьма актуальной задачей.

Дротик представляет собой древковое оружие колющего действия, предназначенное для метания и поражения противника на дальней дистанции. Он состоит из поражающей части – наконечника, и несущей – древка [Лихачева, 2013, с. 199]. Основным критерием, позволяющим разграничить морфологически близкие наконечники копий и дротиков, является диаметр втулки, косвенно указывающий на толщину древка, от которой зависело, использовалось ли оружие для метания или для нанесения колющего или таранного удара. В том случае, если он превышает 2,5 см, то изделие, скорее всего, являлось копьем, поскольку было слишком тяжелым для метания [Лихачева, 2015, с. 70–71]. На настоящий момент с рассматриваемой территории происходит семь изделий, которые, если исходить из их параметров, можно отнести к наконечникам дротиков. Четыре изделия являются случайными находками, а два происходят из погребений [Уманский, 1970, с. 176, рис. 8.-7; Савинов, 1975, с. 94, рис. 2.-15; Иванов, 1987, с. 129–133, рис. 1; Клюкин, 1993, с. 137, 139, рис. 1.-2; Папин, 1997, с. 173–175, рис. 1; Фролов, 1999, с. 9, рис. 5.-7–8; Алехин, 1999, рис. 7.-1].

На основе анализа признаков в классификационной схеме выделены следующие таксоны: **группа – разряд – раздел – отдел – тип**. Группа определяется по материалу изготовления. Разряд – по способу насада на древко. Раздел – по отношению длины пера к длине насада. Отдел – по форме тела пера и его поперечному сечению. Тип – по абрису пера. Кроме того, выделяется вариант для обозначения дополнительных функциональных и декоративных элементов.

Группа I. Бронзовые. Все изделия изготовлены из бронзы.

Разряд I. Втульчатые. Древко вставляется в наконечник при помощи втулки.

Раздел I. Коротковтульчатые. Перо длиннее втулки (более чем в 1,5 раза).

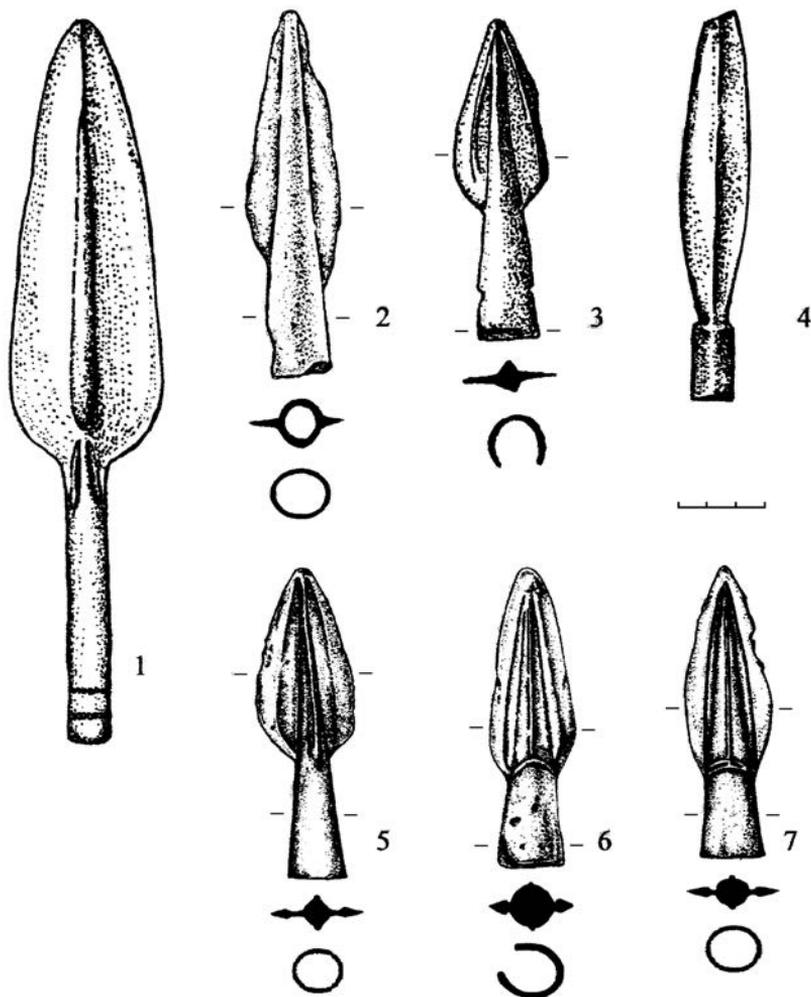
Отдел I. Двухлопастные. Перо представляет собой тело, состоящее из двух лопастей, а в поперечном сечении имеет вид двулучевой звезды.

Тип 1. Вытянутолистовидные. Абрис пера напоминает растительный лист, наибольшее расширение которого приходится на нижнюю треть. **Вариант а** – с нервюрой, двумя ребрами жесткости у основания пера и орнаментом на втулке. По центру пера проходит широкое плоское утолщение вытянуто-каплевидной формы. На границе пера и втулки расположено два сегментовидных выступа. В нижней части втулки имеется два параллельных ряда выдавленных точек. Известен всего 1 экз. с поселения Курейка-III (рис.-1). Размеры изделия: длина пера – 15,6 см, ширина пера – 5,5 см; длина втулки – 9,6 см, диаметр втулки – 1,6 см.

Вариант б – с нервюрой. По центру пера проходит выпуклый валик, являющийся продолжением втулки. Всего 1 экз. – случайная находка из Барнаула (рис.-2). Размеры изделия: 9,3 x 2 см; 3,5 x 1,5 см. **Вариант в** – с нервюрой и отверстиями на втулке. Изделие аналогично варианту б, но в нижней трети втулки имеет два противоположащих

отверстия, предназначенные для крепления к древку. Всего 1 экз. из могильника Осинки, могила №7 (рис.-3). Размеры изделия: 6,3 x 3,5 см; 4,8 x 2 см.

Вариант з – с нервюрой, двумя долами и отверстием на втулке. С двух сторон от нервюры, проходящей по центру пера, расположены сегментовидные углубления – долы. В нижней части втулки находится отверстие для крепления к древку. Всего 1 экз. из могильника Осинки, могила №8 (рис.-5). Размеры изделий: 6,8 x 3,3 см; 4,5 x 2,1 см.

Наконечники дротиков из лесостепного Алтая XII–VI вв. до н.э.:

1 – Курейка-III (по: [Иванов, 1987]); 2 – Барнаул; Осинки: 3 – могила 7; 5 – могила 8 (по: [Фролов, 1999]); 6 – Бийск; 7 – Рубцовск (по: [Клюкин, 1993]) (1–7 – бронза)

Вариант д – с нервюрой, двумя долами и дугообразным валиком на втулке. Наконечник схож с типом з, но дополнительно имеет декоративный элемент, представляющий собой валик, расположенный в верхней части втулки и имеющий форму дуги, выпуклой стороной обращенной к перу. Всего 1 экз. – случайная находка из Бийска (рис.-6). Размеры изделия: 7,4 x 2,3 см; 3 x 2,21 см.

Вариант е – с нервюрой, двумя долами, валиками на втулке и нервюре и отверстиями на втулке. Экземпляр схож с типом *д*, но в основании втулки находится не один, а два дугообразных валика, а еще один проходит по центру нервюры, перпендикулярно им. Всего 1 экз. – случайная находка из Рубцовска (рис.-7). Размеры изделия: 7,5 x 3,1 см; 2,7 x 2,2 см.

Отдел II. Ромбические. Абрис сечения пера представляет собой ромб.

Тип 2. Узколистовидные. Абрис пера ассоциативно напоминает растительный лист, длина которого значительно превышает ширину. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 1 экз. – случайная находка из Рудного Алтая (рис.-4). Размеры изделия: 11,3 x 2,3 см; 2,5 x 1,5 см.

Итак, в результате систематизации материала были выделены: одна группа, один раздела, один отдел, два типа, дополненные семью вариантами.

Первые бронзовые (группа I) дротики появились на Ближнем Востоке с середины III тыс. до н.э. и бытовали там впоследствии до конца II тыс. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XXXIII.-24–25, 28–34; табл. XXXIV.-79–80]. В Восточной Европе они встречаются с начала III тыс. до н.э. до VIII в. до н.э., а в Средней Азии – в XII–VIII вв. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 29, табл. VI.-55–56, 59–60; Клочко, 2006, рис. 18.-1; рис. 32.-3; рис. 110]. На территории лесостепного Алтая бронзовые дротики появляются с XII в. до н.э. [Алехин, 1999, с. 41].

Все данные изделия имеют втульчатый способ насада (раздел II).

Короткая втулка (раздел I) появилась у дротиков из Восточной Европы в III тыс. до н.э. и использовалась до VIII в. до н.э. [Клочко, 2006, рис. 54.-1–2; рис. 110]. Изделия с данным признаком использовались в Сирии и Палестине в начале II тыс. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XXXIV.-45–46]. В Средней Азии они бытовали в XII–VIII вв. до н.э. [Кузьмина, 1966, табл. VI.-59]. На территории лесостепного Алтая короткая втулка известна у изделий с XII в. до н.э. [Алехин, 1999, с. 41].

Двухлопастное сечение (отдел I) характерно для большинства коротковтульчатых экземпляров Северного Причерноморья, Египта, Сирии, Палестины, Средней Азии и лесостепного Алтая [Кузьмина, 1966, табл. VI.-59; Горелик, 2003, с. 45–46; Папин, Федорук, 2009, рис. 10.-1; Клочко, 2006, рис. 54.-1–2; рис. 110].

Вытянутолистовидный абрис пера (тип 1) встречается у дротиков рубежа III–II тыс. до н.э. Северного Причерноморья и у изделий XII–VIII вв. до н.э. из Средней Азии [Кузьмина, 1966, табл. VI.-59; Клочко, 2006, рис. 54.-1–2; рис. 76.-9; рис. 84.-1, 3, 6]. Изделие с нервюрой, ребрами жесткости у основания пера и орнаментом на втулке (вариант *а*) не находит на настоящий момент полностью идентичных аналогий. Достаточно близок ему лишь один экземпляр XVI–XII вв. до н.э. из Казахстана [Черников, 1960, с. 98, табл. LXII.-1]. Данный наконечник является, на наш взгляд, более поздним подражанием изделиям сейминско-турбинского круга. На это прежде всего указывают ребра жесткости у основания пера, имитирующие так называемую вилку. В то же время технология изготовления данного экземпляра качественно иная: втулка не является цельнолитой. Первоначально она была вылита в виде прямоугольника, а затем раскована и согнута в трубку [Иванов, 1987, с. 129]. Нервюра на пере широкая и уплощенная и не соединяется с втулкой как у классических сейминско-турбинских образцов. На территории лесостепного Алтая рассматриваемый наконечник дротика происходит из материалов поселения IX–VIII вв. до н.э. [Иванов, 1987, с. 135].

Наконечники с нервюрой (вариант б) ранее всего появляются в материалах среднеднепровской культуры рубежа III–II тыс. до н.э., бытуя на территории Северного Причерноморья до XIX–XVII вв. до н.э. [Клочко, 2006, рис. 54.-2; 93.-4]. Впоследствии такие изделия встречаются в Казахстане в XV–IX вв. до н.э. [Горелик, табл. XXXVI.-40, 43]. На рассматриваемой территории данное изделие происходит из материалов большещеченской культуры VIII–VI вв. до н.э. [Лихачева, 2014, с. 144–145]. Экземпляры, аналогичные варианту б, но с отверстиями на втулке (вариант в), находят наиболее ранние аналогии среди изделий рубежа III–II тыс. до н.э. из Северного Причерноморья [Клочко, 2006, рис. 54.-1]. В Средней Азии они встречаются в XII–VIII вв. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 29, табл. VI.-59]. На территории лесостепного Алтая данный наконечник происходит из могильника X–VIII вв. до н.э. карасукской культуры [Савинов, 1975, с. 99].

Экземпляры с нервюрой, долами и отверстиями для крепления к древку (вариант з) известны по материалам XIX–XVII вв. до н.э. Северного Причерноморья и середины II тыс. до н.э. из Египта [Горелик, 2006, табл. XXXIV.-20; Клочко, 2006, рис. 96.-11]. На территории лесостепного Алтая данное изделие встречено в памятнике X–VIII вв. до н.э. [Савинов, 1975, с. 99]. Изделиям, схожим с вариантом з, но с орнаментом (варианты д, е), пока не известны точные аналогии. На рассматриваемой территории они происходят из материалов VIII–VI вв. до н.э. большещеченской культуры и, по всей вероятности, майэмирской VIII–VII вв. до н.э. [Клюкин, 1993, с. 137, 139; Лихачева, 2014, с. 144–145].

Ромбическое сечение (отдел II) у втульчатых наконечников дротиков встречается значительно реже и известно у изделий Элама середины III тыс. до н.э. Впоследствии оно фиксируется у китайских наконечников дротиков V–III вв. до н.э. [Горелик, 2006, табл. XXXIII.-76–77; табл. XXXVIII.-78]. Экземпляру с узколистовидным абрисом пера пока не известно точных аналогий. На территории лесостепного Алтая он относится к материалам позднего бронзового века XII–VIII вв. до н.э. [Алехин, 1999, рис. 7.-1, с. 41].

В развитии наконечников дротиков XII–VI вв. до н.э. из лесостепного Алтая условно можно выделить две хронологические группы. К первой относятся изделия XII–VIII вв. до н.э. Все они изготовлены из бронзы, имеют втульчатый способ насада, по соотношению втулки и пера являются коротковтульчатыми. Стоит отметить, что некоторые изделия внутри данной серии датируются более узко. Так, к X–III вв. до н.э. относятся изделия с двухлопастным сечением, вытянутолистовидным абрисом пера, нервюрой и долами (тип 1 в, з). К IX–VIII вв. до н.э. – изделие, схожее по формам, но имеющее имитацию так называемой вилки у основания пера и орнамент на втулке (тип 1а). В целом, на данном этапе этот вид оружия только начинает распространяться на территории лесостепного Алтая. Большинство данных признаков находит аналогии у восточноевропейских образцов. Проникновение данных традиций на рассматриваемую территорию происходит, скорее всего, через посредничество племен Средней Азии. В то же время наблюдается попытка создания изделий на основе местных традиций. Так появляются образцы, являющиеся подражанием либо наконечникам копий сейминско-турбинского типа (тип 1а), либо местным кинжалам с упором (тип 2а). Данные изделия использовались носителями саргаринско-алексеевской (тип 1а, 2а) и карасукской культур (тип 1в, з).

На втором этапе (VIII–VI вв. до н.э.) происходит унификация форм данного вида оружия. В употреблении остаются коротковтульчатые изделия с вытянутолистовид-

ным абрисом пера (тип 1б), иногда дополняемые долами и орнаментом (тип 1д, е). Такие наконечники дротиков применяли носители большеереченской (тип 1б, д) и майэ-мирской (тип 1е) культур.

Несмотря на то, что два наконечника дротиков происходят из погребений, общую длину изделий вместе с древками установить невозможно из-за плохой сохранности органических материалов. Источником, позволяющим косвенно судить о длине изделий, являются петроглифы. Как отмечают исследователи, дротиками можно считать те изображения длиннодревкового оружия, размер которых составляет 2/3 от размера человеческой фигуры [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 36–39]. Таким образом, если принять за средний рост 170 см, то длина дротиков могла составлять 112–120 см. Исходя из этого же вида изобразительных источников метание дротика осуществлялось одной рукой, которая была высоко поднята и отведена назад [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 9.-1, 3–4, 8]. В тактическом отношении дротики являлись только вспомогательным средством, являвшимся дополнением такому наступательному вооружению дальнего боя, как лук и стрелы, не игравшим самостоятельной роли. Этим, скорее всего, объясняется сравнительно недолгое употребление данного вида оружия населением лесостепного Алтая.

Библиографический список

- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003.
- Иванов Г.Е. Бронзовый наконечник дротика с поселения Курейка-III (Степной Алтай) // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
- Клюкин Г.А. Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 (САИ; вып. В4-9).
- Лихачева О.С. Копья и дротики раннескифского времени с территории лесостепного Алтая // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Владивосток, 2013.
- Лихачева О.С. Развитие древкового оружия средней дистанции у населения лесостепного Алтая в бронзовом и раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Шестой Международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб., 2015.
- Папин Д.В. Бронзовый наконечник дротика из фондов Бийского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997.
- Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // Советская археология. 1970. №2.
- Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул ; Усть-Пристань, 1999.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб., 2011.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии. 1970. №172.
- Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Київ, 1996.

Я.А. Лукпанова

Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск, Казахстан

НОВОЕ ЭЛИТНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

В 2012 г. в Западно-Казахстанской области на левом берегу Урала, в 50 км к востоку от Уральска в кургане №6 могильника Таксай-1 было обнаружено неординарное захоронение, датируемое VI–V вв. до н.э. [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 99].

Курган имел округлую форму с современным диаметром 41 м, высотой от дневной поверхности до 1 м. В насыпи кургана на разных уровнях выявлены многочисленные кости животных, фрагменты человеческого черепа и фрагменты керамики, элементы узды (тройник, псалий).

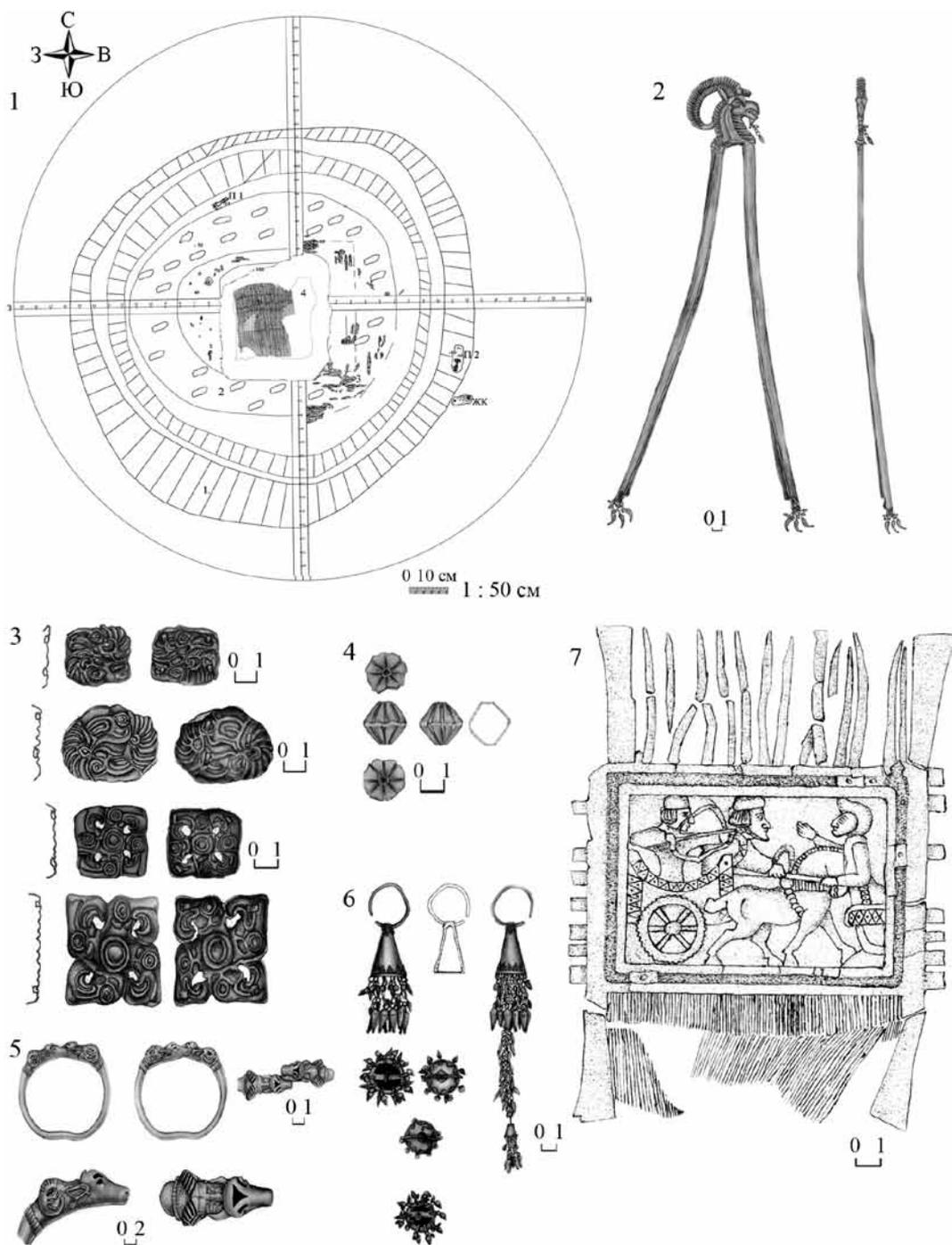
Стратиграфия кургана показала, что курган состоял из задернованной насыпи, возведенной над ямой погребения. На периферии кургана наблюдались два кольцевых вала из желтой материковой глины, ближе к центру фиксировался мощный прокол и остатки деревянной подкурганной конструкции, возведенной на погребенной почве над центральной ямой (рис.-1).

В кургане зафиксированы три погребения, два из которых были совершены на уровне погребенной почвы, за пределами окружности прокола. Они принадлежали женщинам, судя по костям скелетов, лежащим *in situ*, обезглавленным и ориентированным на юг, юго-запад. Инвентарь отсутствовал.

В центральной части кургана, под насыпью, на уровне погребенной почвы, на глубине 0,45–0,5 м были выявлены остатки надмогильной подпрямоугольной деревянной конструкции, рухнувшей в результате сгорания. Основное погребение было выполнено в яме глубиной 3,5 м от высшей точки насыпи кургана, размер ямы по дну – 5,7 x 5,4 м. Дно ямы ровное. Яма была перекрыта обожженным двойным деревянным накатом из тополя, лежавшим на поперечных балках, выложенных вертикально у северной и южной стен ямы. Верхний слой наката покрывал всю яму, бревна были положены в направлении СЗ–ЮВ, они лежали правильными параллельными рядами. В центральной части ямы был зафиксирован столб в 1,5 м к югу от R⁰ и в 1,85 м к западу, диаметром 0,15 м, который возвышался над накатом. Диаметр бревен – 0,1–0,25 м.

На дне ямы, у восточной стенки, обнаружен костяк взрослой женщины (?), уложенной вытянуто на спине, головой на запад с некоторым отклонением на юго-запад. Из-за воздействия высокой температуры скелет плохой сохранности. Череп погребенной сохранился плохо, смещены позвоночные, тазовые, реберные кости. Лицевая сторона обращена к северу, челюсть лежит на левом плече. Руки были расставлены в стороны. У погребенной отсутствовали кости стопы, фаланги, плюсны и предплюсны обеих ног. Длина костяка – 1,5 м. Погребальное убранство женщины было украшено золотыми нашивными бляшками, тщательная фиксация их расположения позволила воссоздать примерный костюм, несмотря на то, что материал, из которого была сшита одежда, не сохранился [Алтынбеков, 2013; Лукпанова, 2014].

На голову женщины был надет конусовидный, высокий головной убор. Он имел сложную конструкцию, к сожалению, остался только каркас убора, из желтого металла, с двумя соединяющимися узкими пластинами, сложенными вдвое. Пластины припаяны к навершию с изображением в виде головы горного козла (рис.-2).

1 – план кургана №6 могильника Таксай-1; 2 – конусовидный каркас головного убора;
3 – нашивные бляшки; 4 – бусины биконической формы;
5 – браслеты; 6 – височные подвески; 7 – гребень

На верхнюю часть костюма были нашиты золотые бляхи (рис.-3), на рукава платья погребенной были подвешены подвески-амулеты, выполненные из зубов и клыков волка в золотой оправе.

Под позвоночными костями, между тазовыми костями и кистями обеих рук, обнаружены золотые бусины биконической формы (рис.-4).

На погребенную были надеты украшения из желтого металла. Запястья женщины украшали два золотых браслета омеговидной формы, на разомкнутых окончаниях браслетов изображения в виде сокращенного варианта сцены нападения рогатого кощачьего хищника на травоядное животное (рис.-5).

С левой и правой сторон височных долей погребенной обнаружены две сложные височные подвески (рис.-6). На шею погребенной была надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута.

Погребенную сопровождал разнообразный по составу инвентарь.

На правой руке погребенной, чуть выше кисти, лежало двустороннее бронзовое зеркало в ореховом футляре. Зеркало с круглым гладким диском, к которому при помощи двух заклепок прикреплен плоский ствол боковой ручки, расширяющийся сверху и книзу. Ручка обложена золотым листом, исходит от края диска и расположена в одной плоскости с ним. Верхняя и нижняя части ручки оформлены в виде двух стилизованных голов грифонов в зеркальном отражении.

Возле кисти левой руки был положен стеклянный сосудик в форме миниатюрного горшочка темно-синего цвета, одна сторона которого деформирована и расплавлена. Женщины использовали эти миниатюрные туалетные сосудики для косметических составов.

В центральной части ямы возле столба зафиксирован фрагмент деревянной чаши и шесть золотых оковок. Оковки были изготовлены из ковального золотого листа в виде клюва птицы, стилизованного копытца животного с просечкой треугольной формы и тремя полукруглыми выступами по нижнему краю загнутой внутрь стороны в виде двух стилизованных голов птицы в зеркальном отражении, а также стилизованной головы хищной птицы с мощным длинным загнутым клювом.

Рядом с ковшом лежал бронзовый котел полусферической формы с сужающимися к устью стенками. У котла имелись две вертикальные петлевидные ручки с навершиями в виде трех выступов и две ручки-петельки, прикрепленные на уровне центральной части тулова котла, под вертикальными ручками.

Котел, вероятно, был предназначен для приготовления жидких продуктов, так как у него имеется носик-слив в виде протомы верблюда с вытянутой шеей. Образу животного придан подчеркнуто устрашающий вид, оно изображено с хищно оскаленными зубами. В изображении очень четко просматриваются обнаженные клыки, круглые глаза рельефно выделены, уши круглые, оттопыренные. Между ушами имеется «шапка» густой шерсти, переходящая в гриву, в виде полукруглого продолжения с продольными линиями. Нос с небольшой горбинкой, слегка загнутый.

Возле ножек котла были обнаружены: пронизь, железные удила, два железных псаляя. В пространстве между псаляями в 0,25 м к юго-востоку была обнаружена пронизь в виде диска с припаянной массивной петлей на обратной стороне, западнее котла, в 0,35 м к югу бронзовая пронизь в виде вытянутого клюва хищной птицы. Всего в погребении обнаружены пять комплектов конской узды, четыре из которых были зафиксированы у западной и восточной стенки ямы на перекрытии [Лукпанова, 2014, с. 149–160].

Севернее столба найден железный нож, положенный острием с севера на юг.

В 1,35 м к югу от центрального столба была обнаружена жаровня. К.Ф. Смирнов [1964] называет жаровню характерным предметом быта и религиозных культов. Рядом с жаровней, в 0,4 м северо-западнее от нее, был положена стеклянная полихромная чашечка, вокруг которой найдена россыпь глазчатых бусин.

В северо-западном углу ямы обнаружен ритуальный комплекс. В деревянный короб из ореха были положены следующие предметы: кисть волка, нож с костяной рукояткой, клыки и зубы волка, а также ступка с пестом, галька, деревянный гребень с изображением батальной сцены, на гребне лежал арибал. На одном клыке проделано такое же отверстие, как на клыках-подвесках в золотой оправе. Возможно, что клыки-амулеты изготавливались местными мастерами.

Уникальным предметом среди предметов инвентаря является деревянный гребень (рис.-7). Он представляет собой цельный, двусторонний, прямоугольной формы предмет. От воздействия огня гребень был поврежден, но в процессе раскопок удалось его сохранить, проанализировать материал изготовления и проследить сюжет изображения. Функциональная часть гребня состояла из верхнего и нижнего рядов зубцов. Центр гребня украшен тонкой резьбой в прямоугольной рамке.

В прямоугольное пространство центра гребня вписана композиция, изображающая батальную сцену между двумя воинами на колеснице и противником, одиночным пешим воином.

Декор одежды, выполненный из желтого металла в зверином стиле, являлся выражением духовных «основ мировоззрения и идеологии» [Мартьянов, 1984, с. 4] как ранних кочевников Степного Приуралья, так и народов степной Евразии, при этом они не только передавали представление о мифологической и религиозной модели мира, но и подчеркивали статус человека.

В классификации животных козел относится к особо ритуально значимым животным. Б.А. Литвинский [1972, с. 145] считал, что у ираноязычных народов существует культ козла, и он связан с культом гор, циклом «дерева» и плодородия. Возможно, именно этот смысл и заложен в структуре описываемого головного убора. Грифон наряду с другими образами представлял верхний мир – небо. Птица – общечеловеческий символ неба и солнца [Акишев, 1984, с. 40]. Культ Солнца занимал одно из главных мест в мировоззрении ранних кочевников, он был одним из идейных выражений космоса и жизненного начала. Имея свастиковидную форму, животные и птицы имели сакрально-магический характер [Смирнов, 1964, с. 139] и выражали солнечный символ.

В соответствии с результатами исследования полученного материала, учитывая сопутствующие погребения, можно сделать вывод о том, что данное захоронение принадлежит женщине, занимавшей высокое социальное положение в обществе, а наличие в погребении зеркала, терочников, песта, бронзового котла, жаровни, ритуального комплекса с двумя конечностями волка и деревянным гребнем [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 142–143] позволяет отнести ее к жреческому сословию.

На основании археологических данных можно заключить, что комплекс находок из кургана №6 могильника Таксай-1 выполнен не только местными мастерами, но и мастерами Востока. Памятник является «элитным» погребением раннекочевнического общества, жившего в регионе в конце VI – начале V в. до н.э.

Библиографический список

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай-1. Алматы, 2013.
- Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай-1). Уральск, 2013. Батыс Қазақстанның Ежелгі Көшпенділері (Таксай I кешені мысалында) The Early Nomads of west Kazakhstan (by the example of the Taksai I mound complex).
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Литвинский Б.А. О семантике двух изобразительных мотивов памирского «звериного стиля» // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
- Лукпанова Я.А. Комплекты конского снаряжения кургана №6 комплекса Таксай-1 (предварительный обзор) // Всадники Великой степи: традиции и новации : труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана. Астана, 2014.
- Лукпанова Я.А. Костюм женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.
- Мартынов А.И. О мировоззренческой и идейной основах искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово, 1984.

С.С. Матренин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С ВОИНСКИМ ИНВЕНТАРЕМ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ

В обществах кочевых народов война выступала в качестве дополнительного способа производства, реализуемого в различных формах. Данный факт подтверждают многочисленные результаты археологических раскопок могильников древних и средневековых номадов Алтая. Отражением высокого уровня милитаризации являются находки разнообразных предметов вооружения в составе погребального инвентаря, а также степень боевого травматизма.

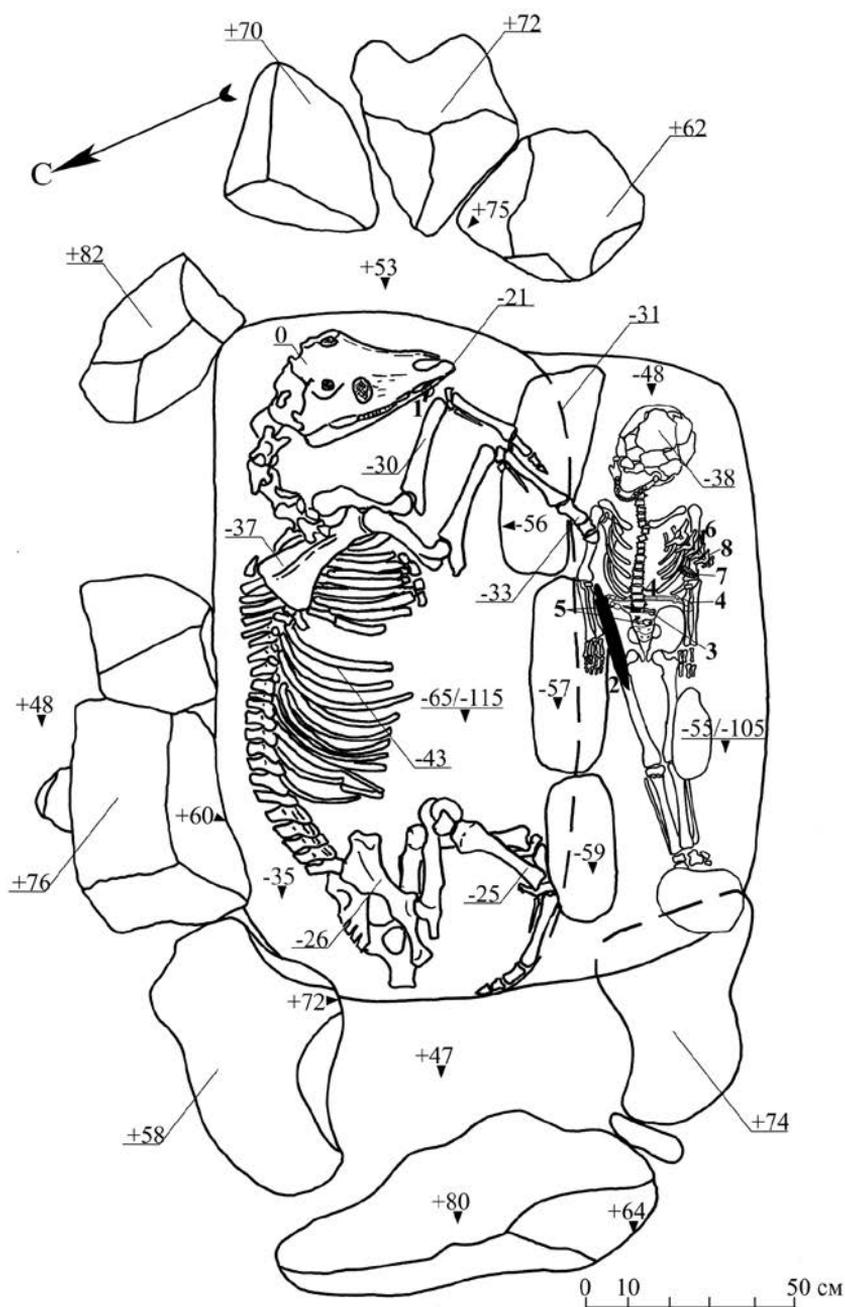
Большую роль военных конфликтов в жизни кочевых народов Алтая демонстрируют представительные материалы исследования некрополей булан-кобинской культуры, прежде всего комплексов, относящихся к эпохе Великого переселения народов (2-я половина III–V вв. н.э.). Ярким свидетельством выступают факты обнаружения оружия и воинского снаряжения в детских погребениях, зафиксированные нами в процессе изучения могильника Степушка-I в Центральном Алтае. Обозначенный памятник представлял собой группу курганов в черте одноименного, ныне нежилого села Онгудайского района Республики Алтай на третьей надпойменной террасы правого берега р. Урсул [Кирюшин, Шмидт, Тишкин и др., 2010; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; 2013а; Тишкин, Матренин, 2013а]. Среди раскопанных объектов выделялся курган №21, содержащий захоронение ребенка 5–6 лет с воинским инвентарем*.

Курган имел плоскую насыпь овальной формы параметрами 3,8 x 3 м, высотой 0,3 м, сделанную из рваных камней в один-три слоя. По ее периметру располагались крупные камни, а в центральной части – мелкий гравий. При разборке обнаружена овальная кре-

* Половозрастные определения выполнены к.и.н., заведующей кабинетом антропологии исторического факультета АГУ С.С. Тур.

пида размерами 3 x 1,63 м, ориентированная продольной осью с северо-запада на юго-восток. В границах данной выкладки находилась могильная яма овальной формы длиной 1,6 м, шириной 0,8 м (рис. 1). На глубине 1,15 м от уровня древнего горизонта размещалось захоронение верхового коня, уложенного на левый бок с подогнутыми ногами, обращенного головой на юго-восток. В челюстях животного стиснуты железные удила с косяными двудырчатыми псалиями (рис. 2А.-1, 2, 3). В южной стенке могилы был устроен подбой шириной 0,6 м. Его свод начинался с глубины 0,4 м от погребенной почвы и продолжался до отметки – 1,05 м, что на 0,1 м выше уровня дна входной части ямы. У входа в нишу располагались три плоских каменных плиты, установленные первоначально на ребро, которые имитировали ящик без перекрытия. Внутри этой конструкции расчищено непо потревоженное захоронение ребенка, уложенного вытянуто на спину с выпрямленными конечностями, ориентированного головой на юго-восток (рис. 1). На левой половине грудной клетки и плечевой кости зафиксирован фрагмент деревянного блюда (рис. 2А.-5), в котором лежали кости крестца овцы (ритуальная мясная пища) и железный коротколезвийный нож (рис. 2А.-4). В области таза и выше него расчищены элементы железной гарнитуры наборного пояса: посередине таза – пряжка с «т-образной» рамкой, подвижным язычком на вертлюге и пластинчатым щитком (рис. 2Б.-1) и кольцо-подвес овальной формы (рис. 2Б.-2); выше правого крыла таза – округлый блок с трапециевидным щитком (рис. 2Б.-5) и прямоугольная пластина с железной витой цепочкой (рис. 2Б.-2); под ребрами, позвоночником, левым предплечьем – три бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 2Б.-3, 4, 6) и не менее 58 блях-зажимов в виде узких вертикально ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую «ленту» на кожаном ремне (рис. 2Б.-7–18). У правого крыла таза острием в направлении ног лежал железный боевой нож в ножнах (рис. 2В), от которых сохранились следующие железные детали: бортик из двух пластин-накладок со стороны лезвия, соединяющихся друг с другом с помощью трех вставных шпеньков с выпуклыми шляпками, две обоймы прямоугольной формы, одна из которых охватывала устье ножен, а другая располагалась ближе к их окончанию, витая цепочка из трех восьмерковидных звеньев, один конец которой крепился с помощью хомута к бортику, а второй – аналогичным способом к железной прямоугольной накладке основного пояса. Основываясь на зафиксированных *in situ* ременных гарнитурах, нам удалось реконструировать данный наборный пояс [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, рис. 3.-II; рис. 6.-4] (рис. 2Г). На тазовых костях найдены мелкие фрагменты железных пластин, по-видимому, от блях-накладок, которые крепились к подвесным портупейным ремням или к деревянной основе ножен (рис. 2Б.-19–28).

Вещественный материал из кургана №21 оказался информативным для археологического датирования. Большое значение для хронологической атрибуции имеет сочетание таких показательных изделий, как боевой железный нож в ножнах с витой цепочкой и наборный пояс с железной гарнитурой (пряжка с «т-образной» рамкой, подвижным язычком на вертлюге и пластинчатым щитком, бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, бляхи-зажимы, пластина с железной витой цепочкой) [Матренин, 2013а; Тишкин, Матренин, 2013а–б; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012а–б; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Данные изделия позволяют относить данное погребение к IV в. н.э. Такой датировке не противоречат результаты радиоуглеродного изучения остеологического материала человека (образец Ле-9436) в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (заведующая – Г.И. Зайцева).

1 – железные удила с роговыми псалями (-20 см)	6 – железный нож (-53 см)
2 – железный боевой нож в ножнах (-55 см)	7 – деревянное блюдо (-53 см)
3 – железная поясная пряжка (-56 см)	8 – кости овцы (-52 см)
4 – железные поясные бляхи; 62 экз. (-55/-56 см)	
5 – железные блоки; 2 экз. (-56/-58 см)	

Рис. 1. План погребения ребенка в кургане №21 могильника Степушка-I

Анализ образца остеологического материала лошади (ИМКЭС-14С95), принятый в новой сибирской лаборатории (заведующая – Г.В. Симонова) в Институте мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (Томск) продемонстрировал возраст $BP=1671\pm 35$: календарный возраст по одной сигма = 260–430 AD, по двум сигма = 250–440 AD [Тишкин, Матренин, 2013в].

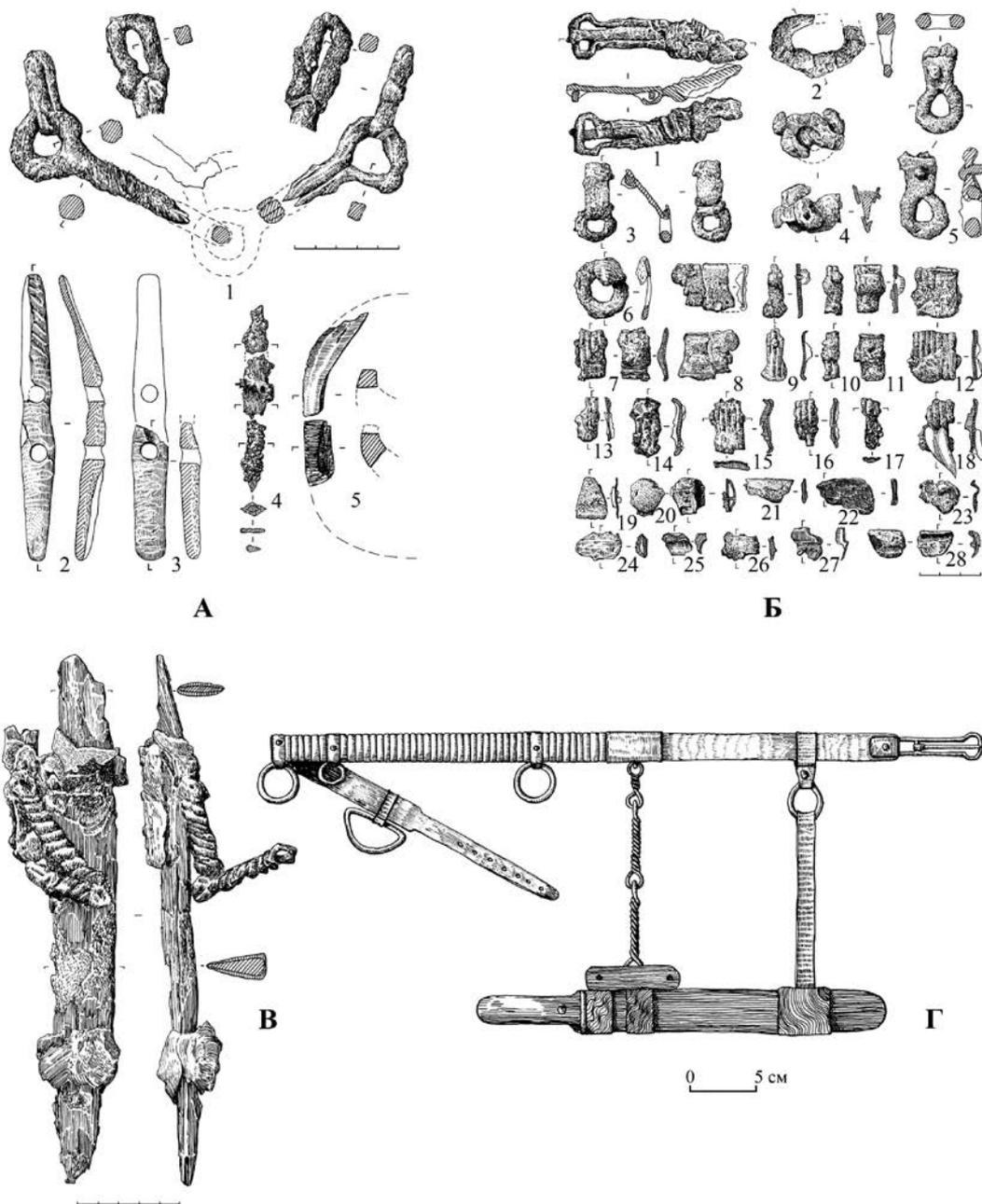
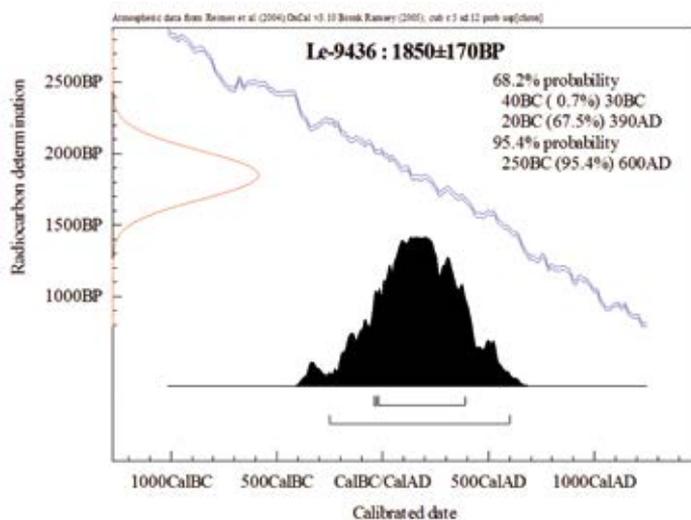

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь из кургана №21 могильника Степушка-I

С точки зрения палеодемографии захоронение из кургана №21 подтверждает довольно типичную ситуацию повышенной смертности у детей – от новорожденных до пяти лет [Матренин, 2006]. Социальная интерпретация данного погребения основывается на учете обстоятельства, что показатели, фиксирующие общественный статус детей, выражены менее четко, чем у взрослых людей [Матренин, 2004; Матренин, Тишкин, 2005]. На формирование общественного статуса ребенка большое влияние оказывали возрастные особенности и специфика индивидуального физиологического развития. В этой связи нахождение в могилах детей небольшого возраста непрестижных или одиночных «элитных» предметов (в нашем случае таковыми являются боевой нож и наборный пояс сложной конструкции), а также захоронения верхового коня выступали индикаторами их высокого социального происхождения как представителей определенных семейно-родовых коллективов. С учетом этих замечаний погребение ребенка в кургане №21 могильника Степушка-I демонстрирует его достаточно высокое этносоциальное положение. Похожая ситуация нахождения боевого ножа (вероятно, также с поясом) в погребении ребенка малого возраста зафиксирована при раскопках некрополя булан-кобинской культуры Белый-Бом-II [Глоба, 1983, с. 120]. Стоит подчеркнуть, что сравниваемые захоронения близки по времени сооружения.

Опубликованные археологические материалы документируют «экстремальные» условия существования популяции, оставившей группу курганных погребений Степушка-I в Центральном Алтае [Матренин, 2013б; Тишкин, Матренин, 2013в; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013б, 2014] и актуализируют проведение детальной диагностики и сравнения фактов боевого травматизма в кочевых обществах эпохи Великого переселения народов.

Библиографический список

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Первые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Вып. 7. Барнаул, 2011.

Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Матренин С.С. Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80).

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80).

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 2013б. Вып. 231.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013в. №1 (7).

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012а.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012б.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013а.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9).

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1.

Ч. Мунхбаяр¹, Ц. Мунхбат², Ч. Энхтур², Б. Гал-Од¹

¹Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия;

²Средняя школа Манхан сомона, Манхан, Монголия

О ТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЯХ, ОБНАРУЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЭЦЭГ СОМОНА (Монгольский Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке МинОКН Монголии (проект «История, этнология, археология, язык и диалекты, фольклор народов Западного региона Монголии»)

Территория Ховдского аймака, находящаяся в южной части Монгольского Алтая, богата памятниками историко-культурного наследия, в том числе сомон Цэцэг, который к настоящему времени еще мало подвергнут антропогенному влиянию. В полевом сезоне 2015 г. там были обнаружены три изваяния. Они находятся на территории двух бригад – Хушуут и Баянгол. Об этих тюркских изваяниях речь пойдет в данной публикации.

Исследование изваяний как величайших памятников тюркского времени в Монголии началось в середине XX в. Известный тюрковед Н. Сэр-Оджав [1970, с. 32, 43] сделал наброски с одного изваяния, находящегося в сомоне Цэцэг, и обнаружил свои исследования.

Характеристика изваяния Давааны ус. Данный памятник (рис. 1) располагается в 5 км к юго-востоку от центра бригады Хушуут сомона Цэцэг, на западном склоне г. Жаргалант (географические координаты – N – 47°21.216', E – 091°13.401'). Изваяние сделано из сине-серого гранита. Его высота – 110 см, ширина – 55 см, толщина – 23 см. На лицевой широкой стороне выбито рельефное изображение лица человека: продолговатый большой нос, брови, губы, глаза и рот. Туловище вырублено ниже плеч (рис. 1).

Характеристика изваяния Тал булгийн ам. К юго-западу в 5 км от центра бригады Баянгол сомона Цэцэг располагается местность, которая называется Тал булгийн ам. Там обнаружены родники, а также несколько ритуальных сооружений тюркского времени (рис. 2). Географические координаты памятника такие: N – 46° 06.433', E – 093° 19.746'. Высота над уровнем моря – 1760 м. Изваяние создано из серого гранита. Его высота – 58 см, ширина – 47 см, толщина – 14 см. На лицевой широкой стороне выбито рельефное изображение лица человека: продолговатый большой нос, брови, губы, глаза и рот. Туловище вырублено ниже плеч. На изваянии правая рука изображена так, как будто у груди она держит сосуд за горлышко. Не намечена левая рука. На север от данного изваяния на холме без названия находится кошара Шивэй.

Рис. 1. Изваяние Давааны ус (Хушуут бригада, Цэцэг сомон, Ховдский аймак, Монголия)

Рис. 2. Изваяние Тал булгийн ам (Баянгол бригада, Цэцэг сомон, Ховдский аймак, Монголия)

Характеристика изваяния Улаан дэвсэг. Памятник находится в 10 км к юго-востоку от центра бригады Баянгол сомона Цэцэг в местности, которая в переводе на русский язык называется «Красная терраса». Географические координаты изваяния: N – 47° 25.316', E – 092°13.421'. Высота над уровнем моря – 1720 м.

Изваяние располагается у южной стороны оградки размерами 2,6 x 2,4 м. Оно разломано на шесть частей. Изваяние было изготовлено из синего гранита. Его высота – 210 см, ширина – 28 см, толщина – 20 см. Грабители разрушили оградку два года назад и разбили изваяние, на котором очень явно выражено изображение головы, рук и груди. На широком круглом лице рельефом выполнен большой длинный нос, брови, губы, узкие глаза, выбиты усы (рис. 3.-1).

На изваянии намечены руки: левая у пояса держит рукоять меча, правая изображена так, как будто у груди держит за горлышко сосуд (рис. 3.-1). Не было выявлено других изображений, кроме маленького отверстия на поясе между тамгой.

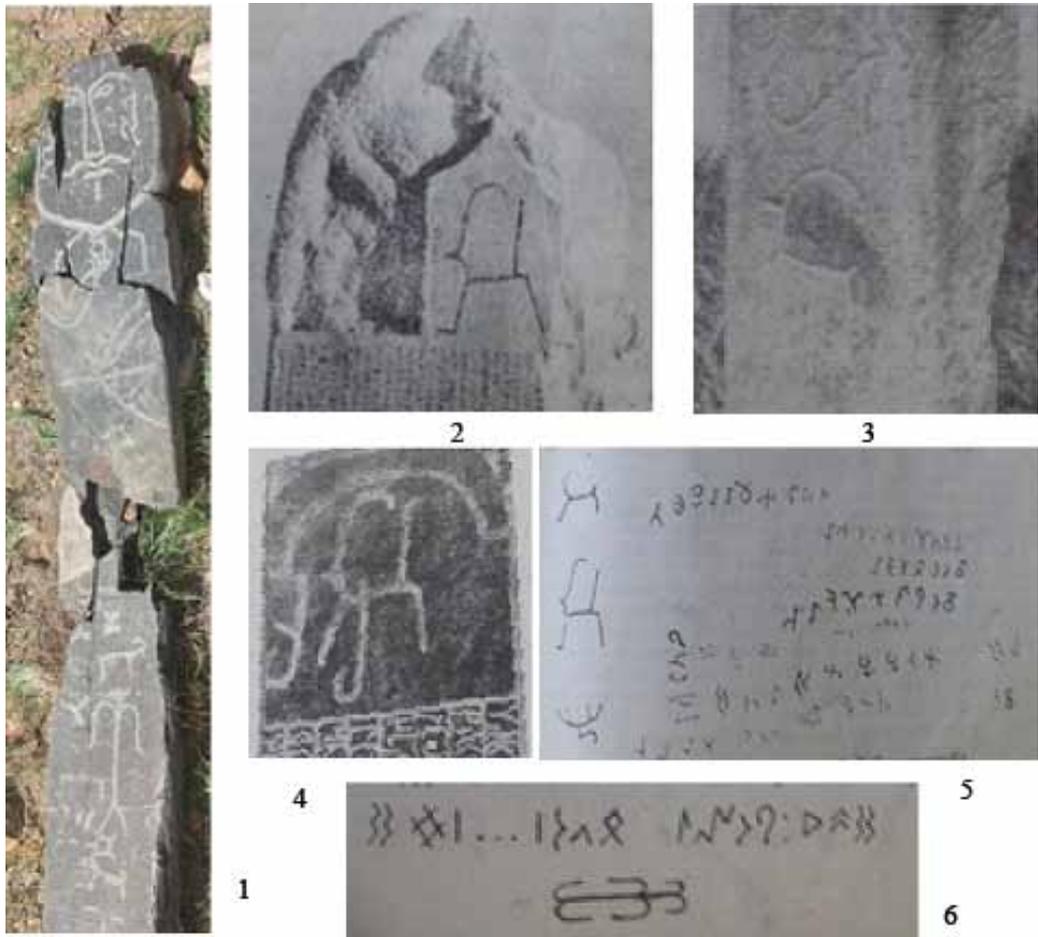

Рис. 3. Изваяние Давааны ус (Баянгол бригада, Цэцэг сомон, Ховдский аймак, Монголия) и аналоги ее изображениям: 1 – изваяние Давааны ус; 2 – столбы поминальника Культегина; 3 – руника Онги; 4 – Вторая руника Хар балгас; 5 – руника Чойра; 6 – руника оз. Ачит (по Л. Болду)

Ниже данного изображения выгравировано изображение горного козла и тамга. Длина тамги – около 30 см. Ниже тамги выбито изображение солнца, а еще ниже – рисунки козла и собаки. В самой нижней части фиксируются две тамги (рис. 3.-1).

Изображение лица человека на изваянии такое же, как на памятнике Улаан дэвсэг, а также на комплексах Янгуун Хурээ (сомон Манхан), Баянбулаг-II (сомона Ховд), Тавтын боолт (сомон Эрдэнэбурэн Ховдского аймака).

Археолог Д. Баяр [1997, с. 26; 1999, с. 14–18] разделил изваяния тюркской эпохи на три группы: 1) с общим (обзорным) изображением; 2) с неполным изображением; 3) с полным изображением. Исходя из этого, памятник Тал булгийн ам отнесен ко второй группе, а Улаан дэвсэг – к первой. Изваяние Давааны ама отнесено к третьей группе. Исследователи считают, что, вероятно, массовое разрушение тюркских памятников Монголии было предпринято противниками тюрков после падения Второго Восточно-тюркского каганата [Гумилев, 1993, с. 365; Горбунов и др., 2007, с. 68]. Монгольский археолог Н. Сэр-Оджав [1970, с. 60] считал, что в Центральной Монголии почти все изваяния без головы, а в Западной Монголии они не разрушены, что связано с буддизмом. Его точку зрения поддержали другие исследователи. Они считали такую связь традицией [Төрбат и др., 2009, с. 124]. Есть мнение о связи данных изваяний с шаманизмом [Потанин, 1881, с. 157]. Но это не предметы религиозного культа, а поминальные сооружения [Төрбат и др., 2009, с. 122; Мөнхбаяр, 2010; Мунхбаяр, 2011].

Интересными являются изображения на изваянии Улаан дэвсэга. На лицевой стороне выгравированы изображения горного козла, тамги, солнцевидной тамги и собаки. Рисунки козлов в виде тамги отмечены на нескольких поминальных стелах. Например, на столбе комплекса Культегина (рис. 3.-2) [Болд, 1990, с. 45] и рунических надписях Онги (рис. 3.-3) [Болд, 1990, с. 74], Хар балгаса (рис. 3.-4) [Болд, 1990, с. 127], Чойра (рис. 3.-5) [Болд, 1990, с. 143] и у оз. Ачита [Болд, 1990, с. 19] (рис. 3.-6).

Рис. 4. Тюркский поминальник Хушуутийн булага (Среднегобийский аймак) и изображение солнца

Аналогии солнцевидной тамги известны к юго-востоку от горы Ширээта (Среднегобийский аймак), в местности Хушуутийн булага (географические координаты: N – 47°11.36', E – 106° 37.568', высота над уровнем моря – 1825 м). Там располагаются поминальные сооружения тюркской эпохи (рис. 4а). Первый столб изготовлен из

желто-серого гранита, высота которого составляет 280 см, ширина – 40 см, толщина – 28 см. На лицевой широкой стороне от современной высоты 90 см выбито рельефное изображение – солнцевидная тамга (рис. 46) [Мөнхбаяр, 2009, с. 4; 2014, с. 262]. Следующая сходная тамга отмечена в рунике памятника Шанаган хэв, находящегося на территории сомона Бухмуурен аймака Увс.

Выводы

По результатам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. На изваяниях Давааны уса и Тал булгийн ам не изображено туловище человека целиком, а только грудь и часть головы.

2. Были обнаружены памятники с подобным изображением на изваянии Улаан дэвсэгэ в поминальниках Центральной Монголии и Хушуутийн булага. Они относятся к позднетюркскому периоду.

3. На изваянии Тал булага и Давааны ам правая рука намечена так, как будто человек держит за горлышко сосуд. Подобное изображение широко распространено среди памятников Монголии, принадлежавших ко времени тюркского ханства. Исходя из этого можно сделать вывод, что изученные нами памятники относятся к периоду 552–745 гг.

Дальнейшие шаги исследования помогут уточнить истоки солнцевидной тамги, а также других изображений на изваянии Улаан дэвсэга.

Библиографический список

- Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь Түрэгийн үеийн хүн чулуун хөшөө. Улаанбаатар, 1997.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хөшөө. Улаанбаатар, 1999.
- Болд Л. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал I боть). Улаанбаатар, 1990.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул, 2007.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Мөнхбаяр Ч. Даланзадгад-Ногоондов чиглэлийн замын трассын дагуух түүх соёлын дурсгалын өнөөгийн байдал (Дундговь. 2009.01.15-18). Даланзадгад, 2009.
- Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутаг дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн төрөл, ангилал // Нүүдэлчдийн өв соёл. Т. X, f. 8. Улаанбаатар, 2010.
- Мунхбаяр Б.Ч. Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). Вып. 7. Барнаул, 2011.
- Мөнхбаяр Ч. Археологи дахь арван жилийн дурсамж. Улаанбаатар, 2014.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1. СПб., 1881.
- Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд. Улаанбаатар, 1970.
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I. Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар, 2009.

Л.М. Плетнева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

БРОНЗОВАЯ БЛЯХА ИЗ ТИМИРЯЗЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ IV

Бляха, найденная в жилище (в стене) Тимирязевского поселения-IV (Томский р-н Томской обл., раскопки Л.М. Плетнёвой в 1973 г. [Архив МАЭС, №624]), имеет овальную форму с двумя ушками-петельками в верхней части. В центре бляхи изображены

две головы волков, обращенных друг к другу. Уши треугольной формы с углублениями, в них насечки. Глаза овально-приостренной снизу формы, обведены рельефной линией. У каждой головы ниже ушей нанесены по три коротких насечки. У каждого изображения – зубастая пасть. Между головами свободное пространство в виде вытянутого знака бесконечности (∞). Головы волков окружают два ящера – змеи с длинными хвостами. Между ушами волков и телом змей также есть свободное пространство в виде сегментов. На головах змей показаны кружками глаза, точками – ноздри, уши треугольной формы. Тела змей отлиты двумя гранями. На верхнюю часть их тел и на хвосты помещен орнамент, состоящий из параллельных линий, нанесенных под углом. Бляху оконтуривает рубчатый кант. Литье одностороннее, выполнено в слабом рельефе. Размер: 7 x 8,8 см (рис.).

Бляха датируется ранним средневековьем, хотя найдена на памятнике XIII–XV вв. Возможно, это пример вторичного использования. Рядом расположен Тимирязевский курганный могильник-I, откуда могла происходить описанная находка.

Обратимся сначала к эпохе раннего железа. Хищникам на изделиях эпохи раннего железа посвящена монография Е.С. Богданова [2006], есть несколько статей [Кубарев, Черемисин, 1987; Новиков, 1998]. Но в большинстве случаев их рассматривают в контексте культуры в целом, в разделах, посвященных искусству и/или мировоззрению (см. например: [Чернецов, 1953; Киселёв, 1951; Руденко, 1960; Кубарев, 1987, 1991; Чиндина, 1984; Плетнёва, 1977]). Работы, специально посвященные хищникам в искусстве эпохи средневековья, автору неизвестны.

Бронзовая бляха из Тимирязевского поселения-IV

Очень четкую характеристику изобразительных деталей волка, которые отражают биологические черты зверя, дал В.Д. Кубарев [1987, с. 119]: «Крупная тяжёлая голова с длинными челюстями и оскаленной пастью, которая всегда изображалась раскрытой с двумя рядами оскаленных зубов. Этот яростный оскал, характерный для волка (собаки), при котором приподнимается кончик носа, а вздёрнутые морщинами верхние губы обнажают клыки. Хвост «поленом», редко задран на спину».

В эпоху раннего железа в тагарской культуре хищники изображались как на навершиях ножей и кинжалов, на перекрестиях последних, так и в виде отдельных предметов [Членова, 1967; Завитухина, 1983]. В пазырыкской культуре они встречены на окончаниях гривен, две головки волков положены в мисочку в погребения детей вместе с изображениями коня и оленя [Кубарев, 1987, с. 160, табл. XIV.-8–11].

В савроматской культуре, как отмечает К.Ф. Смирнов, «мотив волка и медведя, как и в ананьинском мире, занимает ведущее место. С этим мотивом может соперничать только мотив хищной птицы» [Смирнов, 1964, с. 243]. На территории кулайской культурно-исторической общности изображения волков известны в Истяцком, Мурлинском, Кривошеинском кладах, Тимирязевском поселении-1, находках с поселения Самусь-IV [Чернецов, 1953; Чиндина, 1984; Ширин, 2014; Плетнёва, 1978; Матюшенко, 1973] и других памятниках. В большинстве случаев хищники изображены без растительных мотивов.

В эпоху средневековья в культурах Южной Сибири основное место в украшениях предметов (серебряная посуда, поясная гарнитура, украшения упряжи лошадей) занимает растительный орнамент. Растительные мотивы и их композиции нередко сочетаются с зооморфными изображениями [Кызласов, Король, 1990, с. 76].

Г.В. Кубарев [2005, с. 128] отмечает: «Именно растительная орнаментация доминировала в искусстве древних тюрков, получила поистине евразийское распространение не только у тюрко-монгольских кочевников степной зоны, но и в Суйском и Танском Китае, Согде, Византийской империи... Растительная орнаментация стала своеобразным художественным языком древнетюркской эпохи». Изображения только животных и, в частности, хищников встречаются редко. Как пример можно привести изображение на серебряном с позолотой блюде VII–VIII вв. из Ирана, на котором изображено «мифологическое чудовище – гибрид волка и тигра». Однако хищник здесь включен в пейзаж: «скалы», вода, два растения [Даркевич, 1976, с. 60, №117]. Пейзаж с мифологическими сценами, где изображены люди, животные, растения, характерен для таких средневековых предметов, как зеркала, особенно китайские, или их подражаниям [Лубо-Лесниченко, 1975; Ожередов, Плетнева, Масумото, 2008; Плетнева, 2008; Тишкин, Серегин, 2011].

В лесной полосе Западной Сибири и в Приуралье в раннем средневековье бронзовое литье в мелкой пластике продолжает употребляться широко. Там присутствуют антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные изображения [Оборин, 1976; Конигов, 2007; Беликова, Плетнёва, 1983; Чиндина, 1977, 1991]. Изменяется художественный стиль: «скелетный», «псевдоскелетный» стили уходят в прошлое. Литье теперь сплошное, объемное и плоское с тщательной полировкой лицевой поверхности, с более реалистичной передачей образов, кроме фантастических. Значительно чаще, чем раньше, на изделиях появляются петельки по краю, а не на оборотной стороне на некоторых – по две (возможно, хронологический признак). Предметы орнаментированы

рубчатым кантом или кантом из перевитой веревочки (следует заметить, что эти детали в декоре были и в раннем железном веке [Руденко, 1962], но встречались не так часто). Как показывает Е.С. Богданов [2006, с. 68], появились они в «гунно-сарматское» время и характерны для восточной части степной Евразии.

В раннем и развитом средневековье находки с изображением псовых редки. Приведем несколько примеров. Одним из свидетельств изображений хищников являются две бляхи, найденные в Копенском Чаатасе. Приведем их описание, данное С.В. Киселёвым [1951]: «Это массивные литые щитки (две бляхи из первого тайника кургана №6 и кургана №7) с тремя лопастями и петлёй для подвешивания, украшенные ажурным растительным узором. На средней лопасти изображена маска хищника кошачьей породы... На боковых лопастях изображены морды хищников в профиль. Они замечательно точно совпадают с аналогичными изображениями на минусинских бронзах тагарского времени (например, на ручках ножей)». Сноска у С.В. Киселёва дана на опубликованный Д. Клеменцом [1888, табл. VI, рис. 16] нож из Минусинского музея. В головах на боковых лопастях предположительно можно увидеть изображения волка: удлинённая морда, зубастая приоткрытая пасть, треугольное ухо. Они похожи на изображения волков на псалях тагарской культуры из коллекции Эрмитажа, опубликованной М.П. Завитухиной [1983, илл. 210–211, с. 77].

Подобная по форме бляха происходит из Сырского Чаатаса. Но в отличие от копёвских блях, центральная лопасть украшена антропоморфной личиной, а не головой хищника. Профильные изображения голов хищников (волков) боковых лопастей заканчиваются кольцом [Кызласов, 1981, рис. 28–30]. Л.В. Кызласов [1981, с. 50] относит такие бляхи к подвесным украшениям шеи конской упряжи.

Головой волка украшен набалдашник плети из второго Есаульского кургана. Голова волка вырезана из кости. «Особо подчеркнут выдвинутый вперед нос, на котором обозначены ноздри. Кончик носа отделен от остальной морды широким желобком... Глаза хищника узкие, вытянутые. Уши сегментовидной формы, соединяются кончиками на затылке. От лба и ушей назад тянутся закручивающиеся на концах пряди гривы. Шерсть на лбу обозначена перпендикулярными полосами. Нижняя челюсть значительно короче верхней. В пасти волк держит закручивающийся рог. Иконографически он довольно близок костяной застежке из Тувы (Аймырлыг), относящейся к скифскому времени» [Кузнецов, 1999, с. 55, рис. 1.-1]. Как отмечает автор, рукоять плети представляла собой высокохудожественное произведение, вобравшее стили разных эпох. Растительный орнамент на самой рукояти сходен с декором на золотом сосуде из Копёвского чаатаса [Кузнецов, 1999, с. 55, рис. 1.-1].

Находки в раннем и развитом средневековье с изображениями волков и пресмыкающихся (змей) как в Южной Сибири, так в Урало-Сибирском регионе довольно редки. Одна из них происходит из могильника Паново-1 (Прииртышье). Б.А. Конигов [2007, с. 200, рис. 244.-7; рис. 247] дает следующее описание этой бляхи: «Это многофигурная композиция, размещенная на одной плоской стороне бляхи. В центре мягко моделированная выразительная человеческая личина в низком рельефе, с круглыми глазами – «жемчужинами», узким ртом, обозначенным углублением, и прямым носом, переходящим в надбровные дуги; на голове угадывается головной убор или причёска (?). Личину обрамляет согнутое овалом туловище хвостатого зверя с приоткрытой пастью, небольшими треугольными ушами, длинным хвостом, загнутым на конце

«крючком», и трехпальными лапами. По спине животного – от загривка до хвоста – нанесены 25 овальных и одна удлиненная «жемчужина». Из-за его спины выглядывают две птички (утиные?) головы, показанные в профиль и с приоткрытыми клювами». Изображение оригинальное, со сложным сюжетом. По нашему мнению, туловище животного можно трактовать как изображение пресмыкающегося – змеи с головой волка – приоткрытая пасть, вздернутый кончик носа, треугольное ухо – и с короткими лапами. Лапы похожи на лапы ящеров. Может быть, это ящер со змеиным телом?

Одно изображение змеи с личиной в центре происходит из Алексеевского могильника (Муромцевский р-н Омской области, курган №1, могила №1. Змея свернулась в полтора оборота, видны голова, на которой глаза обозначены ямками (как на тимирязевской бляхе). Тело змеи окантовано перевитой веревочкой (четыре ряда), ею же оформлен овал, в который «вписана» личина. Здесь перевитая веревочка касается верхней части лица – лба и щёк. Вверху бляха снабжена петелькой (раскопки С.С. Тихонова в 2007 г.).

Бляха из Тимирязево опубликована Л.А. Чиндиной [1991, с. 61, рис. 22.-11–12], которая по классификации автора отнесена к группе 11, варианту «в»: «Две бляхи-подвески с центральным изображением двух голов ящеров», в который включена, кроме тимирязевской, подвеска из могильника Рёлка. По ее мнению, на рёлкинской бляхе-подвеске изображены змеи, а сверху морда выдры. На тимирязевской подвеске «по бокам находились ящерицы, образовавшие плотный овал» [Чиндина, 1991, с. 61]. По нашему мнению, на тимирязевской бляхе, как, возможно, и рёлкинской, в центре изображены головы волков.

Интересной является находка с Обь-Енисейского канала. Это овальная бляха с изображением нескольких животных [Чиндина, 1991, рис. 21.-18]. Центральная фигура – идущий или бегущий, судя по разинутой пасти, волк, сзади его – головы лосей, над ним – птица, под ним – полоска из голов лося, переходящая в голову змеи (?). Такие сложные изображения распространены в Прикамском искусстве [Оборин, 1976]. Как указывает Л.А. Чиндина, в рёлкинской культуре их найдено 5 экз. Они входят по классификации автора в группу 8: «Изображения хищника и лося. Профильные идущие фигурки медведя, волка, соболя на полосе, завершающейся головкой лося или стоящие на головах лося» [Чиндина, 1991, с. 59].

В Прикамском искусстве в период раннего средневековья значительное место среди других сюжетов занимают изображения людей и животных, стоящих на ящерах [Оборин, 1976, кат. №46, 56, 60–62], их головах или ящерах (волк) входит в общую композицию [Оборин, 1976, кат. №51]. Интересна ажурная бляха с изображением человеколось, стоящих на ящере (кат. №46, VII–VIII вв.). Ящер на этом изображении двухголовый: голова ящера, направленная влево по укороченной морде, овальному уху похожа на морду медведя, а голова, направленная вправо, если судить по удлиненной морде, раскрытой пасти, приподнятому кончику носа и треугольному уху, на голову волка. Возможно, волк есть на бляхе VII–VIII вв. с изображением борьбы животных, где слева изображен лось, справа – волк (удлиненная морда, раскрытая пасть с торчащими зубами, подтреугольно-овальное ухо) [Оборин, 1976, кат. №50].

Среди предметов пермского звериного стиля есть несколько пронизок – крылатые псы или кричащие птицы [Оборин, 1976, кат. №17 (V–VI вв.), №18 (VI–VII вв.)]. У всех фигурок тело птицы, а морда может быть похожей на псовую: разинутая пасть, задранный кончик носа, удлиненное ухо. В.А. Оборин [1976, с. 21–22] предполагает,

что образ был переработан местным населением, где за основу был взят образ священного крылатого пса сэнмурва иранского происхождения, встречающийся в Прикамье. Изображения, как отдельные, так и на предметах, В.А. Оборин [1976, с. 35] связывает с различными культурами, родовыми и межплеменными.

Волк присутствует в мифологических представлениях многих народов Евразии и Северной Америки. И в Европе, и в Центральной Азии, и в Южной Сибири есть несколько похожих сюжетов о происхождении отдельных племен или народов. Волк есть в мифологических представлениях древних тюрков (легенда о происхождении рода Ашина). Главным божеством у многих тюркоязычных народов было небо. Хорошо развиты представления о трех мирах. Волк находился в Среднем мире, но мог при определенных обстоятельствах попасть в Верхний или Нижний мир.

А.П. Потапов, проводивший исследования в Узбекистане в конце 1920-х гг., выявил роль волка на основе сохранившихся легенд, поверий и пришел к выводу о том, что волка считали прародителем, отсюда происходит его функция как защитника, помощника. Сохранилась легенда о том, что волк когда-то был человеком. Особенно часто упоминали информанты роль волка при трудных родах. Интересно сообщение о том, что женщины от бесплодия пили волчий жир. Волк оберегал новорожденного, «был защитником и охранителем своих потомков» [Потапов, 1958, с. 141].

При исследовании культа волка в традициях саха Л.И. Егорова [2010, с. 96] по текстам олонхо (эпические сказания) выявила следующие значения образа волка: 1) является маркером Среднего мира; 2) составляет пару с образом медведя, в этом случае волк соотносится с Верхним миром, медведь – с Нижним; 3) имеет символику волка-богатыря; 4) выполняет функцию собаки, роль подчиненного своему патрону; 5) служит структурообразующей частью обрядов жизненного цикла, связанных с рождением, свадьбой и погребением; 6) является инициатором шаманских способностей*. Автор отмечает, что образ волка соотносится с образом вселенной и её осью.

В шаманском поверье оленекских саха рода урэнг племени тунг говорится о том, что волк родился от змеи. Парность образа волка и змеи зафиксирована в чухонском фольклоре. Л.И. Егорова [2010, с. 56] приводит пример и из славянской мифологии: «...былинный персонаж Волк Всеславович (Волка) родился от женщины, но отцом его был «лютый змей». Он нередко оборачивался волком для борьбы с врагами».

Обратимся к мифологии народов Среднего и Нижнего Приобья Западной Сибири. По утверждению этнографа-селькуповеда Н.А. Тучковой, в фольклоре селькупов нет образа волка. Нет его и в мифологии хантов и манси (Н.В. Лукина, устное сообщение).

Подведем итоги:

1. В эпоху раннего железа в Приуралье, в Западной и Южной Сибири животные изображались отдельно от растительного мира.

2. В средневековье изменяется стиль изображений животных: в Южной Сибири изображения животных часто сочетаются с растительными мотивами; в лесной полосе Приуралья и Западной Сибири животные изображаются, как и прежде, отдельными образами или в сочетании друг с другом.

3. Широкое распространение образа волка в тюркской среде, его значимость в жизни тюрков в раннем и развитом средневековье, возможно, было воспринято частью населения нетюркского происхождения – населением южной кромки тайги Западной Сибири.

* Автором названо 11 функций.

4. Тимирязевская бляха выполнена в стиле, характерном для Приуралья раннего средневековья. Возможно, это прикамское влияние. Возможен и другой вариант: влияние тюркской среды (значимость волка), но выполнена она в стиле, характерном для таежной зоны Западной Сибири и Приуралья.

Библиографический список

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006.
- Егорова Л.И. Культ волка в традициях саха. Якутск, 2010.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Л., 1976.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее в скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск, 1888.
- Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Кузнецов Н.А. Рукоять плети из второго Есаульского кургана // Кузнечная старина. Новокузнецк, 1999.
- Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975.
- Матюшенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Новиков А.В. Канисовые в изобразительном искусстве древнего населения таежной зоны Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998.
- Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
- Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008.
- Плетнева Л.М. Средневековые зеркала из памятников Томского Приобья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск ; Омск, 2008.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–VII вв. до н.э. Томск, 1977.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.
- Потапов А.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. 1958. Вып. XXX.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М. ; Л., 1962 (САИ; вып. ДЗ–9).
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
- Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.

- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. М., 1953.
Чиндина Л.А. Могильник Рёлка. Томск, 1977.
Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991.
Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967.
Ширин Ю.В. Мурлинский «клад» – состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12. Томск ; Ханты-Мансийск, 2014.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ КИТАЙСКОГО ИМПОРТА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

К настоящему времени в результате раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии получена представительная коллекция предметов китайского импорта. Металлические зеркала, монеты, изделия из шелка и лака в абсолютном большинстве случаев обнаружены в погребальных памятниках и являлись частью сопроводительного инвентаря захоронений. Эти находки демонстрируют разного рода прямые и опосредованные контакты кочевников с ремесленными центрами Поднебесной империи, отражая особенности экономической и политической ситуации в регионе на протяжении 2-й половины I тыс. н.э.

Анализ материалов раскопок позволил осуществить первоначальную систематизацию предметов китайского импорта из захоронений тюрок Центральной Азии. Всего в погребениях 2-й половины V – XI вв. зафиксированы 17 монет, 19 зеркал, в 50 могилах обнаружены фрагменты шелка и в двух комплексах – остатки лаковых изделий [Тишкин, Серегин, 2013, табл. 1–3]. Одним из важных аспектов интерпретации этих материалов является детализация тенденций распространения предметов китайского импорта в конкретные хронологические периоды. Определение закономерностей концентрации изделий позволит уточнить особенности контактов кочевников с южным соседом и будет способствовать развитию представлений о функционировании торговых путей в Центрально-Азиатском регионе в раннем средневековье.

На начальном этапе формирования культуры раннесредневековых тюрок Центральной Азии контакты кочевников с Китаем были весьма фрагментарными. Это было обусловлено подчиненным положением кочевников в политической системе центрально-азиатского региона, зависимостью от жуань-жуаней и отсутствием непосредственного доступа к торговым путям. Из письменных источников известно, что только во 2-й четверти VI в., когда власть Жужанского каганата стала в значительной степени формальной, тюрки получили возможность для прямых контактов с Поднебесной империей, в том числе для обмена посольствами [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 82–83].

Изучение археологических комплексов тюрков, относящихся ко времени до создания Первого каганата, не позволило выявить предметов китайского импорта. В данном случае материалы раскопок памятников отражают историческую ситуацию, сложившуюся на окраине центрально-азиатского региона. Важно отметить, что немногочисленные погребальные и ритуальные комплексы начального этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрков, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.), известны на сегодняшний день только на Алтае [Тишкин, 2007; Тишкин, Серегин, 2011]. Учитывая периферийное положение данной территории, а также политическую зависимость кочевников, отсутствие предметов китайского импорта в археологических памятниках представляется закономерным. Обратим внимание также на то, что и в памятниках Алтая предтюркского времени количество привозных изделий из Поднебесной империи весьма незначительно и ограничивается единичными находками [Соенов, Глебова, 2003; Соенов, 2010, с. 4]. Очевидно, фрагментарность контактов населения Алтая с ремесленными центрами Китая в 1-й половине I тыс. н.э. была связана с удаленностью данной территории от южного соседа, а также отсутствием налаженных торговых путей. К примеру, в рассматриваемом регионе не зафиксировано монет у-шу, получивших достаточно широкое распространение практически на всех сопредельных территориях [Лубо-Лесниченко, 1975; Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Камышев, 1999; Масумото, 2001; Илюшин, 2005, с. 171; Длужневская, Савинов, 2007, с. 64; Кузнецов, 2007; Тишкин, Мунхбаяр, Серегин, 2009].

Важной вехой в истории кочевых обществ Центральной Азии стала середина VI в. н.э. Из письменных источников известно, что объединенные племена тюрков нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы кочевников и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) [Гаврилова, 1965, с. 58–60; Могильников, 1981, с. 32–33; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 203–209; Тишкин, 2007, с. 196–197]. Археологические комплексы этого периода исследованы на обширных территориях Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии [Серегин, 2012].

Со 2-й половины VI в. в погребальных памятниках раннесредневековых тюрков появляются предметы китайского импорта. Количество их весьма невелико. Не исключено, что данное обстоятельство в значительной степени обусловлено сравнительно небольшим объемом известных к настоящему времени археологических материалов эпохи первого каганата. Среди имеющихся находок, происходящих из Поднебесной империи, особое место занимает китайская монета, обнаруженная в ходе раскопок могильника Кудыргэ на Алтае [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2; Тишкин, Серегин, 2013, рис. 2.-6]. Первоначально она была датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. [Киселёв, 1951, с. 467; Гаврилова, 1965, с. 43], но впоследствии хронология изделия была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. [Гаврилова, 1965, с. 43]. Экземпляр из Кудыргэ не относится к у-шу. Монеты указанного типа в целом достаточно едино-

образны [Камышев, 1999, с. 59], хотя китайские специалисты выделяют значительное количество их вариантов [Чжунгогуяньши, 2001; Кляшторный, 2006, с. 115]. Судя по всему, рассматриваемая находка из Кудэргэ представляет собой один из экземпляров, отлитых в последние годы существования Северной Ци (550–577). Безусловно, в данном случае все вопросы будут сняты при получении четкого и подробного определения специалиста-нумизмата. Особенно это важно в связи с тем, что монета из могильника Кудыргэ рассматривается многими археологами как важный показатель не только для установления датировки памятника, но и уточнения хронологических рамок кудыргинского этапа тюркской культуры [Азбелев, 2000, с. 5; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 206].

Свидетельством развития контактов раннесредневековых тюрков с Китаем является распространение в памятниках эпохи первого каганата шелковых изделий. Такие находки сделаны в ходе раскопок комплексов 2-й половины VI в. – 1-й половины VII в. на территории Алтая, Тувы и Средней Азии [Кадырбаев, 1959; Гаврилова, 1965; Вайнштейн, 1966; Мамадаков, Горбунов, 1997; Худяков, Кочеев, 1997]. Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев из шелка была изготовлена одежда; в одном захоронении обнаружен шелковый мешочек.

Своеобразную группу предметов китайского импорта, обнаруженных в ходе раскопок памятников тюрков, представляют металлические зеркала дотанского времени. Все они зафиксированы в погребениях, относящихся ко 2-й половине VII–X вв., однако, учитывая возможный длительный срок бытования подобных изделий, их появление у кочевников может быть связано с периодом первого каганата. Ряд черт, характерных для зеркал дотанского времени, имеют экземпляры из могильника Шибе-II на Алтае: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII, XXIV]. Кроме того, необычен небольшой размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал 2-й половины I тыс. н.э. Орнамент, включающий элементы, не характерные для танских зеркал (ряд шишечек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также фрагмент изделия из могильника Курай-III [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 41], данная находка датируется IV–VI вв. Судя по всему, подобная же ситуация, демонстрирующая довольно значительный хронологический интервал между временем изготовления предмета и датировкой погребения, отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря захоронения входил фрагмент зеркала [Боровка, 1927, табл. IV.-1], который, судя по сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени [Changan Hanging, 2002]. Близкие аналогии среди зеркал дотанского времени имеет также находка зеркала из погребения Бертек-34 [Савинов, 1994, с. 149]. Среди элементов орнаментации, характерных для изделий обозначенного периода, следует отметить большое количество нешироких лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками [Changan Hanging, 2002]*.

* Не исключено, что представленные находки могут являться поздними копиями металлических зеркал. Для уточнения времени изготовления изделий необходим специальный анализ каждого экземпляра, в том числе изучение состава сплава.

Особым этапом в истории тюрков Центральной Азии являлся период зависимости от Китая, наступивший после крушения Восточно-тюркского каганата в 630 г. и продолжавшийся до 679 г. До недавнего времени не имелось археологических материалов середины – 2-й половины VII в., непосредственно иллюстрирующих особенности влияния Поднебесной империи на материальную культуру кочевников. Лишь в последние годы появились весьма интересные комплексы, анализ которых позволяет существенно дополнить картину взаимодействия кочевников с южным соседом. Новые материалы раскопок «элитных» памятников в Центральной Монголии уже неоднократно опубликованы [Данилов, Очир, Эрдэнэболд, Бураев, Саганов, Батболд, 2010; Сарткожаулы, 2011; Сарткожаулы, Очир, Эрдэнэболд, Каржаубайулы, 2012; Очир, Эрдэнэболд, Харжаубай, Жантегин, 2013] и привлекли пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей [Алтынбеков, 2011; Бураев, 2012, 2013; Кызласов, 2012; Yatsenko, 2014]. Нет сомнений, что дальнейший анализ этих памятников позволит существенно расширить представления об особенностях развития культуры кочевников во второй половине VII в. н.э. Однако уже сейчас очевидно, что материалы раскопок комплексов Шороон Дов и Майхан-Уул (Шороон Бумбагар) демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на тюрков Монголии. Конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и другое – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Майхан-Уул [Очир, Данилов, Эрдэнэболд, Цэрэндорж, 2013, зураг 58]. Судя по имеющейся информации [Сарткожаулы, Очир, Эрдэнэболд, Каржаубайулы, 2012, с. 80], подобные памятники не являются единичными. В связи с этим значительные перспективы имеет продолжение исследований «элитных» погребальных комплексов на территории Монголии, что позволит существенно расширить имеющиеся представления о влиянии материальной культуры Китая на кочевников.

Основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах тюрков Центральной Азии, датирующихся 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в. н.э. Это объясняется тем, что после воссоздания кочевой империи (Второго Восточно-тюркского каганата) у кочевников рассматриваемой общности вновь появилась возможность получения импортных вещей. Вероятно, значительная часть привозных изделий поступила к скотоводам центрально-азиатского региона в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны 721–723 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 109]. Именно к рассматриваемому периоду в истории тюрков относится большая часть металлических зеркал, монет и шелковых изделий, а также редких находок предметов из лака, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов на территории Алтая, Тувы и Монголии [Тишкин, Серегин, 2013, табл. 1–3].

В археологических памятниках тюрков, датирующихся более поздним временем, предметы импорта еще встречаются, но они уже не столь многочисленны. Данное обстоятельство связано с крушением каганата и вхождением кочевников рассматриваемой общности в состав империй уйгуров и кыргызов. Наиболее поздние предметы китайского импорта в памятниках тюрков Центральной Азии относятся ко 2-й половине X–XI вв. н.э. Среди таких находок отметим редкое для рассматриваемого региона

зеркало из скального погребения Каменный Лог [Соенов и др., 2002, рис. 1.-13]. По ряду признаков данный фрагмент может быть отнесен к предметам, произведенным в X–XI вв. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 25], рельефные и массивные зеркала танского времени сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. Кроме того, в немногочисленных тюркских погребениях Центральной Азии конца I тыс. н.э. обнаружены фрагменты шелковых изделий [Вайнштейн, 1954; Трифионов, 2000].

Выявленные тенденции в распространении предметов китайского импорта в археологических комплексах тюрков Центральной Азии полностью соотносятся с основными политическими событиями в регионе. Степень доступа кочевников к «престижным» в их среде привозным изделиям из Поднебесной империи определялась возможностью контроля торговых путей, а также общей активностью контактов с южным соседом. Наибольшие возможности для получения предметов импорта кочевники имели в периоды политической стабильности, во время существования крупнейших кочевых империй – Первого Тюркского каганата и Второго Восточно-тюркского каганата.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000.
- Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхануул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы, 2011.
- Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л., 1927.
- Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ ; Иркутск, 2012.
- Бураев А.И. Курган Шороон Дов. Скульптурные изображения из дерева // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №8.
- Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. Т. II. М. ; Л., 1966.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965.
- Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010.
- Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.
- Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7.
- Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М., 2007.

- Кызласов И.Л. Начало обсуждения материалов гробницы Майхан-Ул // Вопросы тюркологии. 2012. №2.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997.
- Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- Очир А., Эрдэнболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхонт булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.
- Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы, 2011.
- Сарткожаулы К., Очир А., Эрдэнболд Р., Каржаубайулы Ж. Древнетюркский мавзолей раннего средневековья (предварительный обзор) // Вопросы тюркологии. 2012. №2.
- Серегин Н.Н. Погребальные комплексы кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии (2-я половина VI – 1-я половина VII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3, т. 2. Улан-Батор, 2012.
- Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. №3(15). Горно-Алтайск, 2010.
- Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2003.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011а.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул, 2011б.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 1 (7).
- Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3.
- Чжунгогуцяньши (Старинные монеты Китая) / сост. Тан Шифу. Шанхай, 2001 (на кит. яз.).
- Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tomb in Mongolia // Silk Road. 2014. V. 12.

В.И. Соенов, Н.А. Константинов, С.В. Трифанова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

КЕНОТАФЫ МОГИЛЬНИКА СТЕПУШКА-2

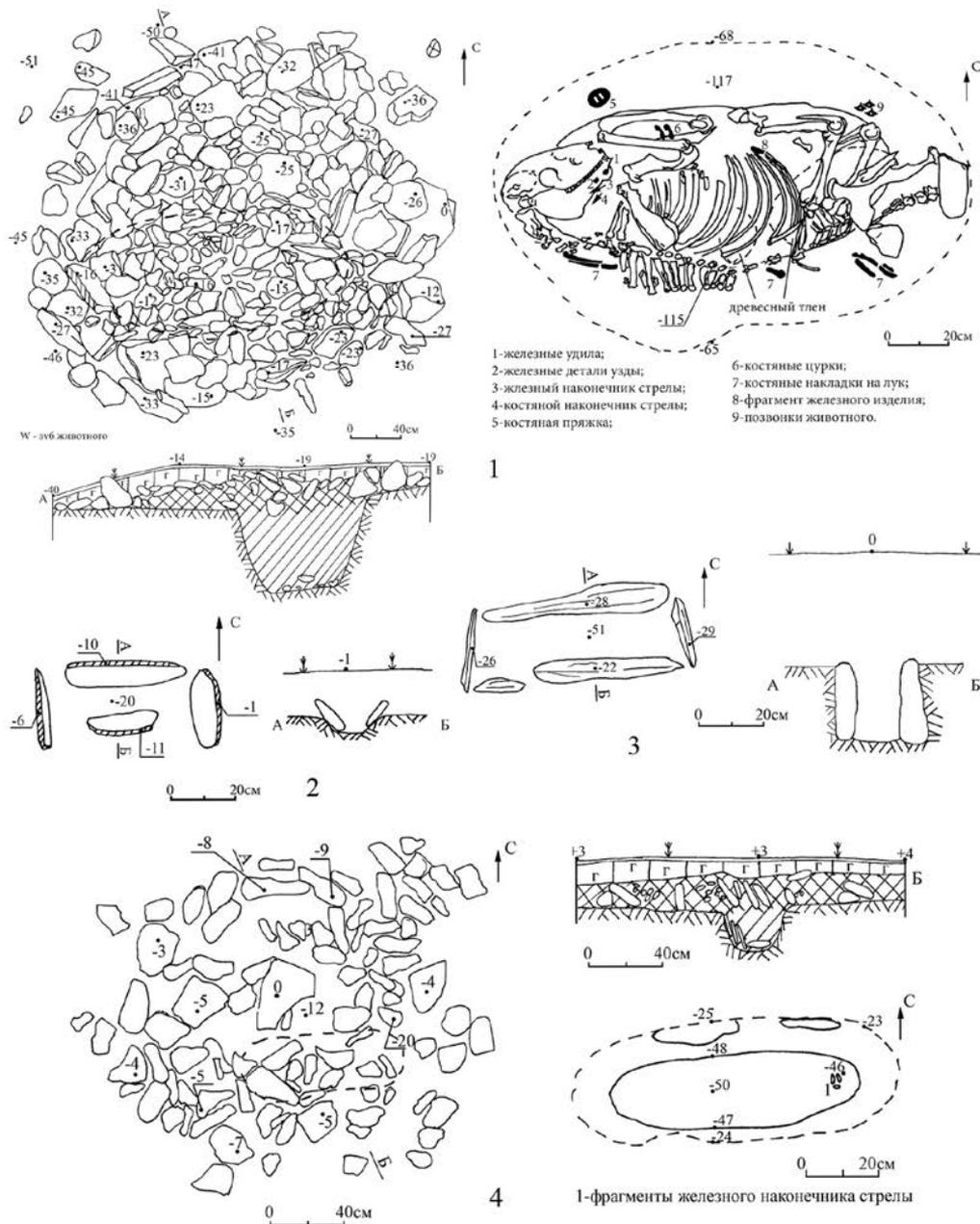
Работа публикуется в рамках проекта РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.», №14-11-04002a(p) и проекта госзадания Минобрнауки РФ «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код 536)

Кенотаф – особый вид погребального памятника, назначение которого хорошо объясняется переводом значения этого слова с древнегреческого языка – «пустая могила». Это погребальное сооружение, не содержащее останков умершего человека. Необходимость создания кенотафов традиционно объясняют отсутствием тела – в случае, если оно было утеряно в результате несчастного случая (например, когда человек утонул, а тело унесло рекой), либо когда смерть произошла вдалеке от родины. Судя по этнографическим данным, существуют различные варианты сооружения кенотафов [Тишкин, Грушин, 1997]. В археологии, на наш взгляд, к категории кенотафов достоверно можно отнести лишь те памятники, которые имеют основные признаки погребального сооружения (надмогильные и внутримогильные конструкции) и инвентарь, но не содержат останков умершего человека.

Практика сооружения кенотафов применялась населением булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени Алтая. На могильнике Степушка-2, исследованном экспедицией ГАГУ в 2010 г., были зафиксированы четыре объекта, которые могут быть отнесены к категории кенотафов. На могильнике Степушка-1, исследованном экспедицией АГУ, который вместе со Степушкой-2 являлся частью одного древнего кладбища, также было выявлено несколько кенотафов [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2014]. В этой работе мы представим результаты изучения кенотафов на могильнике Степушка-2.

Объект №3 представлял собой курган и располагался в северной части могильника. Насыпь кургана овальной в плане формы имела размеры 3,6 x 3 м (рис.-1). Насыпь представляла собой земляной холмик, сверху перекрытый рваными и окатанными камнями разных размеров. По периметру кургана зафиксирована крепида, сложенная из крупных рваных и окатанных камней. Могильная яма располагалась в южной части кургана. Длина ямы – 1,65 м, ширина – 1 м, глубина – 0,98 м. В яме на глубине 0,85 м от условного нуля зафиксировано перекрытие из каменных плит. В восточной части ямы находилась вертикально стоявшая плита. Под перекрытием зачищен костяк лошади 10–15 лет (определение Я.В. Лукериной). Лошадь была уложена на левый бок с подогнутыми ногами головой на запад. В заполнении могильной ямы обнаружены разрозненные кости человека: фрагмент безымянной кости (седалищной дуги), фаланги пальцев стопы и кисти, пястные и запястные кости, стенка трубчатой кости и т.д. (определение С.С. Онищенко). При зачистке костяка лошади в районе позвоночника обнаружен древесный тлен. Под лопаткой на ребрах и под костяком зафиксирован тлен серо-зеленого цвета. На черепе лошади и около него найдены удила с кольчатыми псалиями и остатки железных деталей узды. В области шеи и над тазовыми костями лошади зачищены костяные концевые накладки на лук, на позвоночнике – срединные. Выше костей передних ног на стене ямы зачищена роговая пряжка без шпенька. В области передних ног были обнаружены две костяные цурки. В области задних ног и в районе позвоночника зачищены фрагменты железных изделий. В северо-восточной части ямы у задних ног лошади

ди находились кости овцы: поясничные, крестцовые, хвостовые позвонки, фрагменты подвздошной и плоской костей и т.д. (определение С.С. Онищенко). Под черепом обнаружен костяной наконечник стрелы с раздвоенным насадом и остатки трех железных черешковых наконечников стрел (два из них с костяными свистунками). Контрольный перекоп дна и стен могильной ямы остатков погребения человека не выявил.

Кенотафы могильника Степушка-2: 1 – объект №3; 2 – объект №39а;
3 – объект №34а; 4 – объект №12

Объект №12 представлял собой курган и располагался в северной части могильника. Насыпь овальной в плане формы, размерами 2,4 x 2 м была сложена из рваных и окатанных камней (рис.-4). По периметру насыпи выявлена крепида из рваных и окатанных камней. Внутри крепиды, в 0,2 м к северу от могильной ямы зафиксирован ряд из трех вертикально установленных каменных плиток высотой 0,12–0,19 м, расположенный вдоль ямы. Могильная яма вытянуто-овальной формы располагалась в южной половине кургана. В яме на глубине 0,32–0,4 м от условного нуля зафиксированы камни перекрытия. Длина ямы – 0,9 м, ширина – 0,35 м, глубина – 0,26 м. На дне, у северной стены ямы зафиксированы каменные плиты, поставленные на длинное ребро. В восточной части ямы зачищены фрагмент лопасти и обломок черешка железного наконечника стрелы. Погребение не обнаружено.

Объект №34а представлял собой кольцо, пристроенное с северной стороны объекта №34. Кольцо диаметром 1,6 м имело округлую в плане форму и было сложено из крупных рваных камней (рис.-3). Внутри кольца обнаружен небольшой ящик, составленный из пяти небольших плит. Сверху он был перекрыт мощными каменными плитами. Ящик прямоугольной формы, длиной осью ориентирован по линии З–В. Размеры конструкции – 0,7 x 0,3 м. В ящике погребение и находки не зафиксированы.

Объект №39а представлял собой каменный ящик, сооруженный с юго-западной стороны насыпи кургана №39. Прямоугольный ящик сложен из четырех каменных плит, поставленных на длинное ребро (рис.-2). Ящик длинной стороной ориентирован по линии З–В. Размеры конструкции – 0,6 x 0,25 м. При выборке ящика находок не зафиксировано.

Итак, описанные выше объекты имели все признаки погребения – надмогильные и внутримогильные конструкции (перекрытия, могильные ямы или ящики), в двух объектах был найден погребальный инвентарь. В объекте №3 было зафиксировано погребение лошади. Наличие в этом объекте инвентаря, предназначавшегося для человека (остатки лука и стрел) и тот факт, что захоронение человека с лошадью – это один из распространенных вариантов погребения, характерный для булан-кобинской культуры, свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело не с отдельным жертвенным погребением лошади, а с кенотафом.

Вызывают вопросы находки отдельных костей человека в заполнении могильной ямы объекта №3. При выборке заполнения были найдены фрагменты костей таза, кистей и стоп. Раскопки могильника сплошной площадью исключили возможность существования на мысу более древнего могильника. Поэтому кости человека из заполнения, скорее всего, одновременны могиле. Практика расчленения тел умерших была довольно распространена в гунно-сарматскую эпоху [Миняев, 2014, с. 426]. На могильнике Степушка-2 были зафиксированы случаи отсечения ступней ног, а в одном случае был встречен расчлененный костяк девушки, у которого отсутствовали кости верхней части туловища и рук [Соенов, Трифанова, 2015]. Судя по всему, с результатом подобной практики мы имеем дело и в описываемом случае. Однако остается неясным, какую связь фрагменты костей человека из заполнения имеют с самим погребением. Принадлежали ли эти кости человеку, которому сооружен курган, или это были кости другого человека, пока установить не удалось.

Довольно интересна планиграфия степушкинских кенотафов. Объект №3 располагался у северной кромки мыса, на краю могильника, а объекты №34а и 39а были

пристроены к погребениям взрослых мужчин. Объект №12 располагался в центральной части могильника в месте скопления детских могил. Ориентация лошади в объекте №3 была западной, хотя большинство погребений могильника были ориентированы в восточный сектор.

Обнаруженный в двух кенотафах инвентарь относится к предметам вооружения и конскому снаряжению. В объекте №12 найдены фрагменты железного черешкового наконечника стрелы. В объекте №3 зафиксированы остатки лука в виде костяных накладок и четыре наконечника стрелы (три железных с черешковым насадом и один костяной – с раздвоенным). Железные наконечники имели плохую сохранность, поэтому типологизировать их сложно. Можно отметить, что по крайней мере два из них были трехлопастными и имели костяные свистунки. Из предметов конского снаряжения в объекте №3 обнаружены удила с кольчатыми псалиями, костяная подпружная пряжка без шпенька, костяные цурки и фрагменты уздечного набора из железа. Судя по всему, перед погребением лошадь была взнуздана и оседлана. После помещения лошади в могилу поверх нее были уложены вещи умершего человека (лук и стрелы). Ноги лошади могли быть спутаны, поскольку в нижней части передних ног были найдены костяные застежки пут (цурки). В восточной части могильной ямы был помещен кусок мяса с крестцового отдела позвоночника овцы. Найденные в объекте №3 и №12 предметы вооружения и конского снаряжения не обладают значительным потенциалом для определения узкой даты могильника. Но нужно заметить, что, по мнению некоторых исследователей [Серегин, Матренин, 2014, с. 50], костяные цурки являются хронологическим показателем поздних (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.) памятников гунно-сарматского времени.

Судя по размерам, кенотафы в объектах №12, 34а и 39а предназначались для детей, а объект №3, скорее всего, сооружен для взрослого мужчины. Небольшие размеры ящичков в объектах №34а и 39а (0,7 x 0,3 м и 0,6 x 0,25 м) позволяют отнести их к погребениям или кенотафам, предназначенным для детей. Не исключено, что в этих объектах могли быть устроены реальные погребения детей, однако костяки в них не сохранились. Исходя из размеров ящичков, эти объекты предназначены для новорожденных или грудных детей. Останки детей данного возраста ни разу не были зафиксированы на могильнике. То же самое можно сказать и об объекте №12, однако размеры его могильной ямы были больше (0,9 x 0,35 м). Этот курган мог предназначаться для погребения ребенка более старшего возраста, чем в объектах №34а и 39а.

Необычное сооружение в виде ряда из трех вертикально установленных плит зафиксировано в объекте №12 внутри крепиды, с южной стороны могильной ямы. Плитки были установлены в одну линию узкими гранями вплотную друг к другу. Эта интересная деталь дополняет наши представления о надмогильных сооружениях булан-кобинской культуры.

Рассмотренные объекты могильника Степушка-2 обладают всеми чертами кенотафов. Хотя не исключено, что кенотафы в объектах №12, 34а и 39а могли быть реальными младенческими погребениями, в которых не сохранились костяки. Достоверно установлено, что только объект №3 изначально был сооружен как кенотаф. Рассмотрение отдельных аспектов погребальной обрядности могильника Степушка-2 позволит в большем объеме представить особенности погребального обряда булан-кобинской культуры.

Библиографический список

Миняев С.С. Планиграфия памятника как фактор анализа археологического материала (на примере погребальных памятников сюнну) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Т. XLII. СПб., 2014 (Труды ИИМК РАН).

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул, 2014.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-2 // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1(11).

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сянбийско-жужанского времени могильника Степушка-1 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2014.

А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

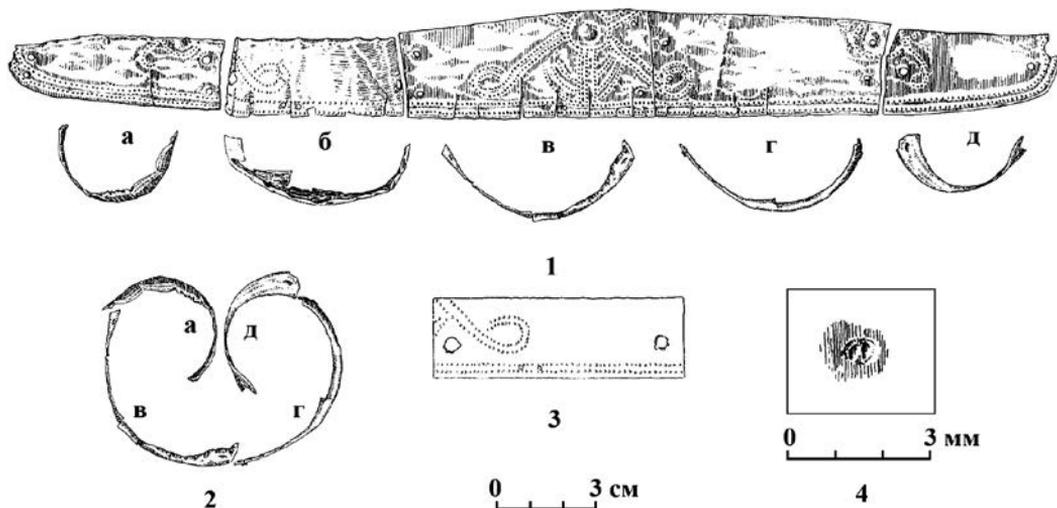
ЧАСТИ «ЗОЛОТОЙ ДИАДЕМЫ» ИЗ КУРГАНОВ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (жужанское время, Центральный Алтай)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Из погребений булан-кобинской культуры Алтая происходит обширная коллекция сопроводительного инвентаря, представленная предметами различных категорий (оружие, воинское снаряжение, экипировка верхового коня, детали костюма, украшения, орудия труда, бытовая утварь, вещи культового назначения и др.). Среди полученных материалов имеются изделия серийного производства, а также обнаружены редкие экземпляры. К числу последних можно отнести артефакты из комплекса «элитных» захоронений жужанского времени (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.) могильника Яломан-II (Онгудайский район Республики Алтай), исследованного экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов данной публикации [Тишкин, Горбунов, 2003, 2007; Тишкин, 2007, 2011; Тишкин, Горбунова, 2005; Тишкин, Мыльников, 2008; Тишкин, Матренин, 2010, 2012]. В рамках настоящей статьи в научный оборот вводятся сведения об уникальной ситуации, связанной с находками частей «золотой диадемы»* в разных курганах памятника, которые были раскопаны в 2008 г. Особенности обнаружения и само некогда целое украшение заслуживают отдельного рассмотрения. Это важно для интерпретации археологических источников позднего этапа булан-кобинской культуры из указанного некрополя, прежде всего в контексте хронологической атрибуции полученных материалов.

* Приведенное обозначение взято в кавычки, так как рассматриваемое изделие не совсем является диадемой в узком смысле этого слова и не совсем оно золотое, судя по публикуемым ниже данным рентгенофлуоресцентного анализа.

«Золотая диадема» представляла собой пластину-нашивку на головной убор или налобную повязку. Ее части были зафиксированы в виде нескольких фрагментов удивительной сохранности в двух курганах (№29 и №30), содержащих мужские погребения с «богатым» воинским инвентарем. Стыковка находок позволяет реконструировать только половину престижного украшения (рис.-1)*.

Части «золотой диадемы» из памятника Яломан-II:

1 – реконструкция общего вида половины изделия (фрагменты *а, в, г, д* – из кургана №29; фрагмент *б* – из кургана №30); 2 – вид расположения фрагментов в погребении кургана №29; 3 – развертка фрагмента *б*; 4 – техника нанесения орнамента

В кургане №29 часть «золотой диадемы» найдена рядом с деревянным «пеналом» (футляром для хранения мелких предметов и инструментов), расположенным в ногах погребенного рядом с деревянной основой седла. Пластины из тонко раскатанного и плотного металлического листа желтого цвета оказались согнуты в крутую дугу, состоящую из четырех фрагментов. Каждый фрагмент ближе к концам снабжен отверстиями (преимущественно парой) для фиксации (пришивания?) к кожаной или тканевой основе (рис.-1*а, в, г, д, 2*). В развернутом виде пластина имела форму сильно вытянутого асимметричного овала с почти прямой одной стороной. Общая длина ее составляет около 26 см. Все фрагменты декорированы мелким точечным орнаментом, выполненным иглой или шилом («чеканом») очень часто с тыльной стороны, отображающимся на лицевой поверхности хорошо заметным рельефом. С применением данной техники нанесен орнамент в виде двух линий вдоль прямой (нижней) стороны «диадемы» и стилизованный растительный узор в центральной части пластины. Данный декор дополняют крупные выпуклины-«жемчужины», сделанные в технике выдавливания части металла с тыльной поверхности предмета.

В кургане №30 фрагмент орнаментированной пластины лежал на черепе лошади. Общая длина его составляет 7,2 см, ширина – 2,2 см (рис.-1*б, 3*). На противоположных концах изделия имеется по одному отверстию. Фрагмент был согнут в дугу.

* Рисунки отдельных деталей и реконструкция выполнены А.Л. Кунгуровым.

По длинному краю пластины выполнен орнамент в виде двух линий точечных вдавлений с тыльной стороны изделия. В аналогичной технике сделано стилизованное изображение в виде завитка.

Изучение фрагментов из курганов №29 и 30 дает основание утверждать, что они изначально составляли один предмет, намеренно разрезанный на несколько частей и применявшийся в разном функциональном назначении. В отношении части «диадемы» из кургана №29, обнаруженной рядом с седлом (деревянными луками и полками), можно говорить о том, что она, по-видимому, не являлась элементом оформления головного убора. В этой связи важно отметить отсутствие подобной категории украшений в мужских поздних погребениях булан-кобинской культуры. Фрагменты «диадемы» из кургана №29 могли использоваться для художественного оформления передней луки седла. В отношении фрагмента из кургана №30 с большой долей уверенности следует говорить об его применении в качестве наконечника для украшения гривы верхового коня.

В свое время был установлен состав данной находки. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ArtTAX, используемого в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, С.В. Хавриным получен такой обобщенный результат: Au (золото) – 35–36,2%; Ag (серебро) – 43–43,6%; Cu (медь) – 20–21,4%. Эти данные указывают на специфический сплав, в котором, кроме драгоценных металлов, присутствует значительное количество меди, что обеспечивало пластине соответствующую цветовую гамму и твердость.

Следует отметить, что в кургане №30 в районе черепа погребенного обнаружены фрагменты скрученной золотой фольги, которые предположительно располагались на кожаном ремешке и являлись частью гривны. Также в Государственном Эрмитаже получен результат, схожий с предыдущим: Au – 34,2–35,2%; Ag – 42,6–43,2%; Cu – 21,8–22,6%*.

Аналогии представленной «золотой диадеме», но выполненные из меди или бронзы, с орнаментом и без него, происходят из следующих могильников булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени: Айрыдаш-I (II – начало IV в. н.э.), Степушка-I (IV в. н.э.), Верх-Уймон (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.) [Соенов, 2000, рис. 2.-9; Трифанова, 2005, рис.-6, 2.-6, 3.-4–6; 2006, с. 11; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, рис. 3.-1; Соенов, Константинова, 2015, с. 53–55, 197–199]. Наиболее близкое сходство данное изделие обнаруживает с бронзовой диадемой из некрополя Верх-Уймон, имеющей орнамент в виде точечных вдавлений, образующих две линии по всему контуру пластины, а также вертикальные линии в сочетании с «выпуклинами-жемчужинами» [Соенов, 2000, рис. 2.-9]. Стоит заметить, что «чеканная» техника орнаментации украшений из бронзы и драгоценных металлов существовала у кочевников Алтая на протяжении всего хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, но была особенно популярна во II–V вв. н.э. [Соенов, Константинова, 2015, с. 50–57]. Орнаментация в виде нескольких линий точечных вдавлений зафиксирована на бронзовых или медных бляхах-нашивках большого диаметра из могильников Айрыдаш-I, Степушка-I, золотых подвесках гривн из некрополя Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-51; рис. 17.-36; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, рис. 3.-2, 4].

* Авторы благодарны С.В. Хаврину за произведенные исследования.

Зафиксированный факт разделения одного украшения на части является свидетельством близости мужчин-воинов, похороненных в курганах №29 и 30, а также дополнительным аргументом, подтверждающим синхронность данных захоронений (совершение их в узкий промежуток времени). В этой связи стоит отметить, что данные погребальные конструкции располагались по соседству, при этом курган №30 был пристроен к кургану №29 кольцевой выкладкой-стенкой. К кургану №30 примыкали раскопанные курганы №31, 32 и 33 [Tishkin, 2011, fig. 3]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что курган №29 был сооружен раньше указанных захоронений изученной группы. Затем возвели курган №30, потом – №32, а после – объект №31. Курган №33 оказывается самым поздним из них.

Многочисленный сопроводительный инвентарь из курганов №29 и 30 позволяет датировать данные закрытые комплексы в рамках 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э. (наиболее предпочтителен V в. н.э.). Данной хронологической интерпретации не противоречат результаты радиоуглеродного анализа органических материалов из кургана №30 и пристроенных к нему курганов №31, 32, 33, выполненные в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (заведующая – Г.И. Зайцева) [Тишкин, 2007, с. 268–270, 275–277].

Причина преднамеренного разделения одного «золотого» украшения на части, использование его в качестве предметов разного функционального назначения, и помещение их в разные погребения пока до конца не ясна. Основанием такой вынужденной манипуляции мог стать дефект (производственный брак), допущенный при изготовлении золотой пластины (в этом контексте нужно обратить внимание на асимметричность «диадемы», присутствие отверстий на всех фрагментах пластины из курганов №29 и 30 как свидетельства вынужденного переиспользования). Тем не менее нельзя исключать и другие возможные варианты объяснения рассмотренной ситуации.

В заключение необходимо указать, что не исключено обнаружение остальных деталей некогда целой «золотой диадемы» в других курганах памятника Яломан-II, что дополнит сведения об имеющихся данных по синхронности сооруженных объектов предтюрокского времени.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003.
- Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1 (80).
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. №5. Горно-Алтайск, 2000.
- Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.
- Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул, 2011.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Новосибирск, 2003.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана №31 памятника Яломан-II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1 (33).

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/2 (68).

Тишкин А.А., Матренин С.С. Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т.11, №7.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011.

Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006.

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011.

Б.М. Хасенова

Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан

СЕРЬГИ САЛТОВСКОГО ТИПА СРЕДИННОЙ ЕВРАЗИИ: ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК
(проект №2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»)

Серьги являются неотъемлемой частью облика степняка на протяжении многих столетий, начиная с бронзового века. Неоднократно засвидетельствовано, что они выступали символом воина (наиболее яркие образцы таких украшений создавались в эпоху ранних кочевников, в период раннего средневековья). В эпоху этнографической современности они утратили такое значение, и эта ситуация, несомненно, является отображением изменений, происходивших в жизни степного населения в связи с распространением ислама и сложившейся сложной геополитической ситуацией. Второй ипостасью данной категории украшений стало оформление образа степной женщины. Серьги выступали маркером различных этапов в ее жизни. Так, по данным этнографии алтайских народов, девушка на выданье именовалась сыргалык (имеющая серьги). И в дальнейшем они сопровождали женщину, когда она становилась женой, матерью, хранительницей традиций.

Предметы украшений по праву считаются своеобразными хронологическими и культурными маркерами. Так, широко известные серьги салтовского типа в евразийских степях стали символом раннего средневековья. На протяжении пятисот лет такие серьги получили широкое распространение на территории от Приамурья до Причерноморья.

В срединной Евразии серьги салтовского типа встречаются в памятниках тюрков, теле, огузов и кимаков. У тюрков, теле известно по одному экземпляру [Бейсенов, Кожяков, 2001, рис. 6.-1; Хасенова, 2015, рис. 6.-1], у кимаков – 7 экз. [Арсланова, 1968, рис. 139; Археологические памятники..., 1987, рис. 73.-21; с. 146–149, р. 77.-6; рис. 110.-19; Арсланова, Самашев, 1987, рис. 2.-2 – в данной публикации *серьга прорисована лучше*; Арсланова, Кляшторный, 1972, табл. I.-4; Арсланова, 1997, рис. 2.-23; 2013, с. 115, рис. 2.-20], у огузов – 3 экз. [Бисембаев, Гуцалов, 1996, рис. 3.-4; Бисембаев, 2010, рис. 13.-20; цветная вставка].

Серьги могли изготавливаться из золота, серебра, бронзы (золото – 3 экз., серебро – 6 экз. (1 экз. с позолотой), бронза – 3 экз.). Могут идти в паре (в погребениях обнаружены в области височных костей) или в единственном экземпляре. Широко представлены составные экземпляры, состоящие из кольца и прикрепленной к ней подвески. В основе конструкции серег присутствует единый принцип оформления – кольцо в виде круга или овала с подвеской, наибольшее количество вариаций связано с формой подвески. Она может быть в виде короткого или удлиненного стерженька, нанизанных на проволоку двух жемчужин, одного металлического шарика. Большинство серег имеет выемку в нижней части кольца посередине – для перехвата проволоки или нитки, которая крепит подвеску. Единожды встречена серьга с раструбом.

Присутствует еще один важнейший принцип, характерный для оформления серег салтовского типа – шпенек в верхней части кольца. Он может быть округлым или треугольным в профиль, но объемным в любом случае. В одном экземпляре – образец со шпеньком в виде короткого стерженька, на который насажена жемчужина. Шпенек размещен в подавляющем большинстве чуть в стороне от центра. Единожды зафиксирован интересный прием в украшении основного кольца – полоска зерни окаймляет его с внешней стороны.

Все эти вариации, тем не менее, существуют в пределах своеобразной «нормы» для серег салтовского типа. Исходя из формулировки, предложенной Д.В. Сташенковым [1998, с. 215], серьгами салтовского типа принято считать «украшения, имеющие форму разомкнутого кольца, в основном округлой или овальной формы, с шариком-отростком в верхней части кольца и с удлиненной привеской (в виде бусин или пронизки, а также их сочетания) в нижней, литые или составные. На протяжении нескольких столетий ювелирами активно предлагались различные оформительские решения (шпенек, основное кольцо серьги, подвеска, область соединения подвески с кольцом – все эти составляющие могли быть оформлены по-разному), но в пределах определенных стандартов в конструкции этого типа серег.

Рассматриваемая коллекция серег салтовского типа происходит из погребений Восточного, Центрального и Западного Казахстана, которые датируются периодом VIII–XI вв. (верхняя дата условна из-за слабой разработки хронологии кимакских древностей; памятники кимаков Верхнего Прииртышья в целом датируются IX–XI вв., поэтому за верхнюю дату бытования данной категории серег принят XI в.). В рассматриваемое время в степях срединной Евразии появляются и исчезают государства тюрков, огузов, кимаков. В рассматриваемой выборке по количеству таких серег лидируют изделия из кимакских погребений Верхнего Прииртышья. Такое их значительное количество, видимо, даже позволило Ф.Х. Арслановой [2013, с. 94] применить к ним формулировку серьги «кимакского типа».

По данным Д.В. Сташенкова [1998, с. 221], в целом время бытования данной категории серег исчерпывается VII–XI вв. (только на Северном Кавказе они бытовали вплоть до XIII в.). Примечательно, что первоначально они маркировали продвижение тюркских племен в Причерноморье, произошедшее в связи с образованием первых тюркских каганатов, в дальнейшем их распространение было напрямую связано с историей государств, созданных тюркскими племенами. Так, в западном ареале бытования данной категории серег, по мнению Д.В. Сташенкова, они практически полностью исчезают в X в. в связи с распадом Хазарского каганата.

Целый ряд ценных наблюдений по региональным особенностям этих серег высказаны как Б.Б. Овчинниковой, так и Д.В. Сташенковым. По данным исследовательницы, серьги с зернью являются типичными для Тывы, Монголии и Хакасии [Овчинникова, 1990, с. 46–47]. На Алтае они встречаются реже [Кубарев, 2005, с. 61]. В западном ареале бытования подобных серег также наблюдаются определенные закономерности. В Северном Причерноморье и Самаро-Сибирском Поволжье встречаются только составные серьги, исключительно литые имеются в могильниках и памятниках Средней Азии, преобладают на территории Татарстана, Северного Кавказа и Подонья. Зернь практически не встречается в Поволжье, для этого региона также не характерно сочетание пронизки с бусинами в подвеске. Позолоченные серьги встречаются только в погребениях Самарского Поволжья и Подонья. Из серебра выполнены все серьги, обнаруженные на территории Башкортостана, из этого металла также большинство мордовских [Сташенков, 1998, с. 219].

К перечисленным региональным особенностям можно добавить, что для западного ареала распространения характерна некоторая вычурность в исполнении подвесок и кольца. Подвески могли быть длинными (до пяти шариков или бусин), а шарики – крупными. Также в боковых сторонах кольца могут присутствовать дополнительные вставки в виде металлических шариков, окруженных с обеих сторон валиками [Сташенков, 1998, рис. 5.-6].

Интересно проследить изменения во времени традиции использования данной категории серег. Так, по мнению Д.В. Сташенкова [1998, с. 221], первоначально они были символом принадлежности к воинскому сословию, а в дальнейшем начинают широко использоваться женщинами. Выявленное наблюдение подтверждается и материалами из кимакских погребений Верхнего Прииртышья. В подавляющем большинстве серьги салтовского типа встречены именно в женских погребениях. Женским определяется и богатое телеское погребение VIII в. из Северо-Западной Сарыарки, обнаруженное в могильнике Ащитасты-27.

По мнению Б.Б. Овчинниковой, основанием для хронологии служат различия в оформлении подвески. Согласно типологии, разработанной исследовательницей, обнаруженные на территории Саяно-Алтая подвески первоначально имели каплевидную форму, в дальнейшем их форма усложняется, они состоят из стерженька, на который могли нанизываться шарики или бусины [Овчинникова, 1990, рис. 10].

Таким образом, необходимо включение рассматриваемой группы серег из погребений Западного, Восточного и Центрального Казахстана в ареал распространения серег салтовского типа. В дальнейшем необходима разработка датировки данной группы серег, что даст возможность скорректировать наши представления о хронологии этого периода, когда на смену государствам, созданным ранними тюрками, приходят новые,

которые возглавили кимаки, огузы, кыпчаки, уйгуры. Пока представленная серия воспринимается как достаточно монолитная группа. Например, имеющиеся различия в оформлении области крепления в виде раструба или выемки, по мнению Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 49–50], могли существовать в пределах одного хронологического промежутка – со 2-й половины VIII по IX в. включительно.

Как уже было сказано выше, считается, что серьги салтовского типа существуют вплоть до XI в. Д.В. Сташенков уточняет, что они исчезают практически повсеместно начиная с середины X в. На смену им в восточном ареале евразийских степей приходят округлые серьги, т.е. наблюдается очередной виток в выборе формы. Интересно отметить, что округлые серьги существуют на всем протяжении средневековья, а на определенном этапе этого периода бытование данной категории серег совпадает во времени с серьгами салтовского типа. Округлые серьги относятся к типу 9, по классификации Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 46], исследовательницей они обозначаются как серьги с гладким кольцом.

По материалам из кимакских погребений IX–XI вв. можно проследить, какими нюансами сопровождалась смена формы серег и приоритетов в их наделении. Для кимаков характерна в большей мере округлая форма серег, нежели форма с подвеской. Необходимо обратить внимание, что округлые золотые серьги встречаются в погребениях с богатым сопроводительным инвентарем. В то же время их бронзовые и серебряные аналоги являются частой находкой в погребениях людей с гораздо более скромным социальным статусом. Также у огузов в основном встречаются округлые серьги (из семи учтенных экземпляров пять именно таких) [Бисембаев, 2010, с. 86]. По наблюдению Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 51], округлые серьги чаще, чем в другое время, встречаются в тюркских погребениях Саяно-Алтая в IX–X вв. Возможно, данная ситуация маркирует образование новых государственных объединений под эгидой новых групп тюркоязычных племен – огузов, кимаков, уйгуров. Происходят изменения в наделении статусности, теперь высокое социальное положение символизирует другая категория серег, поэтому именно округлые серьги встречаются в богатых погребениях кимакской знати.

Таким образом, серьги как важная категория вещного мира прошлого демонстрируют, помимо всего прочего, сходство процессов, протекающих на этой территории, занимаемой разными государственными объединениями степняков, и позволяют акцентировать внимание на локальных особенностях в различных точках пространства Великой Степи.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. М., 1973.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.
- Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М., 1998.
- Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.

Бейсенов А.З., Кожаков Д.А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана. Уральск, 2003.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Средневековые погребения с Западного Казахстана // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Хасенова Б.М. Курган тюркского времени могильника Ачитасты-27 // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Алматы ; Костанай, 2015.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ОРУЖИЕ ВОИНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ

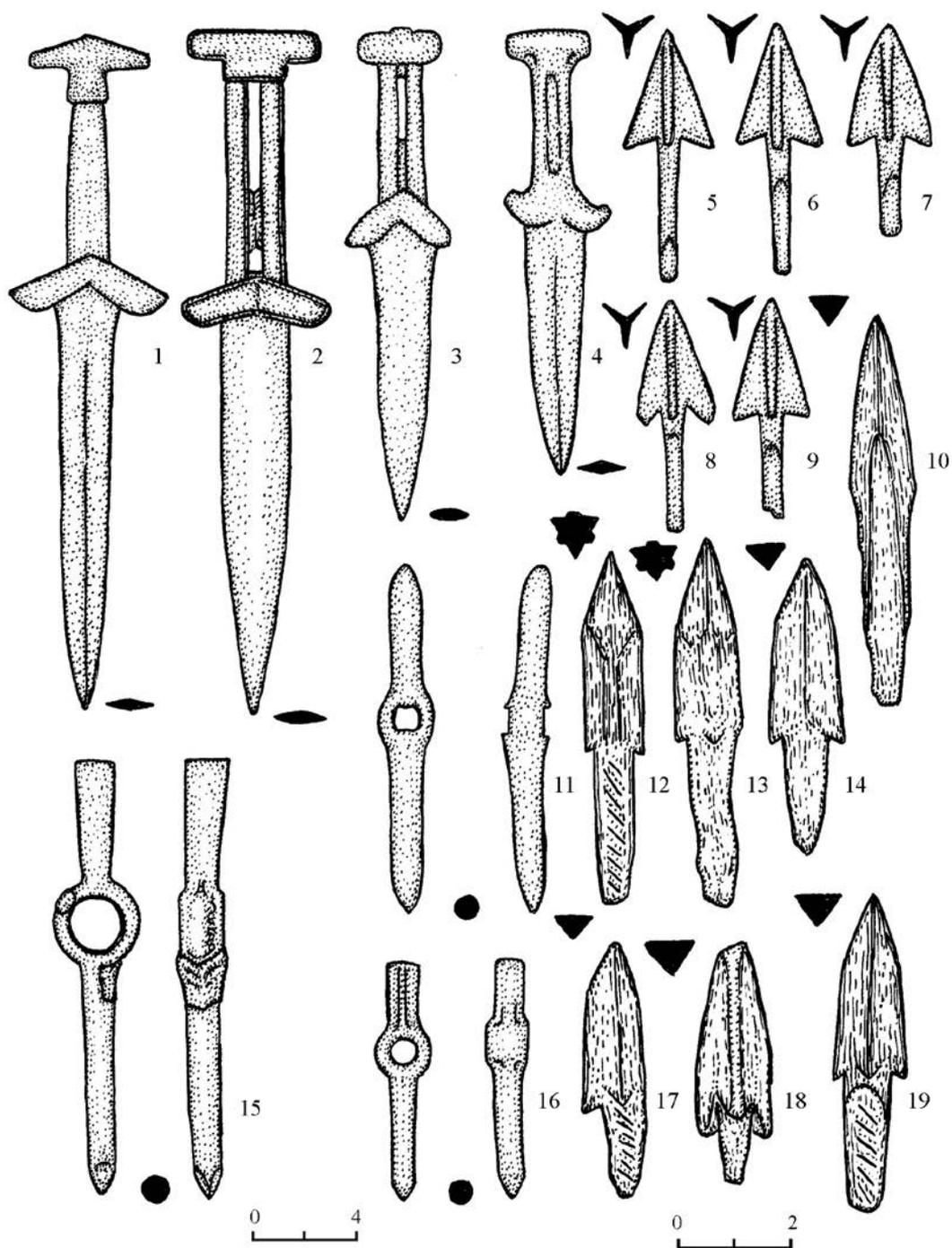
Работа выполнена по проекту РНФ №14-50-00036

Военное дело кочевых племен Горного Алтая скифского времени привлекало внимание многих исследователей. Отдельные находки предметов вооружения были привлечены М.П. Грязновым [1930, с. 7] при выделении этапов культуры кочевников Алтая. В монографии С.В. Киселева [1949, с. 181] памятники пазырыкской культуры, в том числе находки предметов вооружения, были отнесены к гунно-сарматскому времени. Некоторые виды оружия из раскопок больших пазырыкских курганов были проанализированы С.И. Руденко [1960, с. 242–243], который описал находки наконечников стрел, кинжалов, чеканов и щитов. В течение последних десятилетий предметы вооружения из курганов пазырыкской культуры были проанализированы в большой серии специальных и обобщающих работ. В статье А.С. Суразакова [1980, с. 170–190] рассмотрены различные виды наступательного и защитного вооружения из памятников ранних кочевников с территории Горного Алтая. В дальнейшем он еще раз описал находки предметов вооружения из памятников культур раннего железного века, изученных в Горном Алтае и его северных предгорьях [Суразаков, 1988, с. 39–61]. В статьях В.Д. Кубарева [1981а, с. 29–54; 1981б, с. 65–74] было приведено описание находок бронзовых и железных кинжалов и реконструирована форма кожаного колчана из памятников пазырыкской культуры. В работах, посвященных анализу курганов ранних кочевников из Юго-Восточного Алтая, автор охарактеризовал находки кинжалов, чеканов, луков и стрел, щитов из памятников, раскопанных в юго-восточных районах Алтая [Кубарев 1987, с. 54–76; 1991, с. 73–85; 1992, с. 55–77]. Цикл специальных оружейведческих работ, в которых были проанализированы разные виды оружия из памятников древних алтайских nomadов, опубликован В.А. Кочевым [1987, с. 55–59; 1988, с. 145–157; 1997, с. 147–151; 1998, с. 85; 1999, с. 74–76], который проанализировал находки деталей луков, бронзовых и костяных наконечников стрел,

чеканов, средств защиты, реконструировал комплекс вооружения воинов скифской эпохи из Горного Алтая. В дальнейшем он рассматривал находки деталей луков и средства защиты пазырыкских воинов. В результате археологических исследований, проводившихся на горном плато Укок на юге Алтая, были получены новые важные находки предметов вооружения и воинского снаряжения, которые позволили полнее реконструировать внешний облик пазырыкских всадников. Значительный интерес для изучения военного дела древних кочевников Алтая представляют находки оружия в погребении молодой «женщины» на памятнике Ак-Алаха-I. Это первое подобное женское погребение, в котором упокоилась пазырыкская «амазонка». В этом погребении были найдены детали лука, фрагменты деревянных древков и костяные наконечники стрел, деревянная планка горита, железный чекан с деревянной рукоятью, деревянные ножи, в котором были обломки железного кинжала [Полосьмак, 1994, с. 28–35]. В пазырыкских курганах Укока были найдены различные виды оружия и защитного вооружения [Полосьмак, 2001, с. 54–55, 57–58]. Подробное описание оружия воинов пазырыкской культуры с территории Горного Алтая в целом и из памятников, исследованных на Средней Катунь, приведено в работах Ю.Ф. Кирюшина, Н.Ф. Степановой и А.А. Тишкина [2003, с. 73–78; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 53–70]. В последующие годы памятники скифского времени на территории Казахского Алтая исследованы казахскими и французскими археологами. В ходе раскопок курганов на памятнике Берель были обнаружены предметы вооружения [Самашев, 2011, с. 101, 142–143]. Памятники пазырыкской культуры, в которых зафиксированы предметы вооружения, исследованы российскими, монгольскими, немецкими и французскими учеными на территории Монгольского Алтая [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж и др., 2006, с. 431]. За период работы с конца 1980-х по 2000-е гг. в долине Катунь, в ее среднем течении, и ее правого притока Эдиган в Чемальском районе Республики Алтай сотрудниками Южносибирского археологического отряда Института археологии и этнографии СО РАН раскопано несколько курганов пазырыкской культуры, содержащих захоронения воинов, в сопроводительном инвентаре которых обнаружены предметы вооружения. Изучение оружия из пазырыкских памятников в этом районе должно представлять интерес для реконструкции комплекса вооружения и особенностей военного искусства древних кочевников скифского времени в Горном Алтае.

Автором настоящей статьи были проанализированы и введены в научный оборот находки предметов вооружения из памятников скифского времени Салдам, Солдин и Усть-Эдиган, расположенных в долине Катунь, близ устья Эдигана [Худяков, 1995, с. 90–95]. Во 2-й половине 1990-х гг. в ходе раскопок в долине Эдигана памятников Кок-Эдиган и Тянгис-Тыт в курганах пазырыкской культуры были обнаружены различные предметы вооружения (рис.). Изучение этих находок позволит охарактеризовать комплекс вооружения воинов пазырыкской культуры в долине этой реки и проследить развитие военного дела древнего населения данного района Горного Алтая в скифское время.

К числу наиболее распространенных находок оружия в мужских погребениях в курганах пазырыкской культуры относятся наконечники стрел. В составе сопроводительного инвентаря пазырыкских курганов, раскопанных в долине Эдигана, было обнаружено несколько бронзовых и костяных наконечников стрел.

Оружие воинов из памятников пазырыкской культуры в долине р. Эдиган:
1-4 – бронзовые кинжалы; 5-9 – бронзовые наконечники стрел;
10, 12-14, 17-19 – костяные наконечники стрел; 11, 15, 16 – бронзовые чеканы

Бронзовые наконечники стрел представлены одним отделом – черешковые, одной группой – трехлопастные, одним типом – удлиненно-треугольные, шипастые наконечники. Пять бронзовых наконечников стрел обнаружены в ходе раскопок могильника Салдам, в курганах №5 и 7, расположенных на правом берегу Катуня выше устья Эдигана [Худяков, 1995, с. 90]. Длина пера – 2,2 см, ширина пера – 1,5 см, длина черешка – 2 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, шипами, вогнутыми плечиками, уплощенным черешком [Худяков, 1995, с. 90] (рис.-5–9). Бронзовые наконечники стрел в памятниках пазырыкской культуры встречаются достаточно редко. Близкие по форме черешковые трехлопастные стрелы известны из памятников скифского времени на территории Монголии и Средней Азии [Заднепровский, 1992, с. 88; табл. 32.-4, 7; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 91].

Костяные наконечники стрел по способу насада относятся к одному отделу – черешковые. По сечению пера среди них выделяется несколько групп. К первой группе должны быть отнесены наконечники с трехгранным пером. По форме пера среди наконечников выделяется два типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные, шипастые наконечники. В составе этого типа 8 экз. из памятников Кок-Эдиган, курган №7; Салдам, курган №5; Усть-Эдиган, курганы №60, №74 [Худяков, 1995, с. 91]. Длина пера – 4 см, ширина пера – 1,5 см, длина черешка – 1,5 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, шипами, вогнутыми плечиками и коротким черешком (рис.-14, 17–19). Стрелы данного типа являются наиболее распространенными в предметном комплексе пазырыкской культуры. Наконечники стрел подобной формы, иногда с более вытянутыми пропорциями пера, были обнаружены во многих пазырыкских памятниках [Полосьмак, 1994, рис. 20.-1–5; Кочеев, 1999, рис. 2.-16–28; Худяков, 1995, с. 91; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 24.-1–7; рис. 25.-1–11]. Один из подобных наконечников в кургане №7 из могильника Кок-Эдиган сохранился не полностью. Он имеет остроугольное острие и удлиненно-треугольное перо.

Тип 2. Удлиненно-ромбические наконечники. К этому типу относится один экземпляр из памятника Салдам, курган №5 [Худяков, 1995, с. 91]. Длина пера – 4 см, ширина пера – 1,4 см, длина черешка – 3,5 см. Это наконечник с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис.-10).

Подобные наконечники были очень широко распространены в кочевом мире всего Степного пояса Евразии на протяжении периодов древности и средневековья. Однако для предметного комплекса пазырыкской культуры они не были характерны [Кочеев, 1987, с. 56].

Ко второй группе костяных стрел должны относиться наконечники с трехгранным пером и выступающими ребрами на гранях.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные, шипастые наконечники. К данному типу должны относиться 2 экз. из памятника Салдам, курган №5 [Худяков, 1995, с. 92]. Длина пера – 3,5 см, ширина пера – 1,2 см, длина черешка – 3,2 см. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, шипами, вогнутыми плечиками, уплощенным черешком. На гранях пера выделены продольные выступающие ребра. Такое сечение пера необычно для пазырыкских костяных стрел (рис.-12–13).

В большей части раскопанных могил на пазырыкских памятниках в долине Эдигана было найдено по одному, два, реже больше наконечников стрел. Вероятно, это

символический набор стрел. В кургане №7 могильника Кок-Эдиган наконечники находились на дне могильной ямы, возле ступней погребенного. Вероятно, они вместе с древками были помещены внутрь горита. К числу принадлежностей футляра для лука и стрел должны относиться бронзовые конические или сферические бляшки. Одна из бляшек имела петлю на тыльной стороне, другая – боковое отверстие, третья – сквозное отверстие в центре. Вероятно, они служили для крепления к кожаной основе горита. Горит подвешивался к поясу воина с помощью ремня, на котором крепился бронзовый крюк. Такие крюки разных форм были найдены в нескольких пазырыкских курганах в долине Эдигана. Обычно крюки имели кольцевую петлю для крепления ремня. Такие крюки были найдены в кургане могильника Салдам и в кургане №1 могильника Солдин. Крюк из погребения воина в кургане №7 на могильнике Кок-Эдиган изогнут и снабжен уплощенной петлей трапецевидной формы.

Основным оружием ближнего боя у воинов пазырыкской культуры были чеканы. Находки чеканов в памятниках пазырыкской культуры в долине Эдигана относятся к отделу проушных. По сечению бойка они могут быть отнесены к одной группе – с округлым в сечении бойком. По форме обушка среди них выделяется два типа.

Тун 1. Чеканы с удлинненным бойком и высоким обушком с затупленным концом. Включает 2 экз. из памятников Усть-Эдиган, курган №5; Кок-Эдиган, курган №7 [Худяков, 1995, с. 95]. Длина бойка – 7 см, ширина бойка – 1 см, высота проуха – 3 см, высота обушка – 4 см. Это чеканы с остроугольным острием, вытянутым бойком, округлым проухом и высоким, расширенным к верхнему тупому концу обушком (рис.-15–16). На внешней поверхности проуха одного из чеканов сохранилась сферическая выпуклость. Возможно, что это след оформления или литейного брака. На проухе и верхней части бойка сохранились фрагменты выделанной кожи от петли, с помощью которой чекан подвешивался к поясному ремню.

Тун 2. Чекан с удлинненным бойком и высоким обушком с приостренным концом. Включает один экземпляр из памятника Тянгыс-Тыт, курган №5. Длина бойка – 5,5 см, ширина бойка 0,9 см, высота проуха – 2,5 см, высота обушка – 4 см. Чекан с остроугольным острием, вытянутым бойком, округлым проухом с узким отверстием для рукояти, высоким обушком с приостренным концом (рис.-11). Наличие приостренного верхнего конца у обушка дает основания предполагать, что подобный чекан мог использоваться в качестве обоюдоострого ударного оружия в ближнем бою.

Близкие по форме чеканы были обнаружены во многих памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая [Кочеев, 1988, с. 151; 1999, с. 75]. В то же время в период существования этой культуры втульчатые и проушные чеканы стали изготавливаться из железа [Полосьямак, 1994, с. 33; Кочеев, 1999, с. 75].

Все чеканы, найденные в памятниках пазырыкской культуры в долине Эдигана, – вотивные, уменьшенные копии настоящего боевого оружия. Вероятно, поэтому вместе с ними не было обнаружено металлических втоков, которые должны крепиться на противоположном от чекана конце деревянной рукояти. С помощью таких наконечников воины могли наносить противнику колющие удары. Чеканы найдены в области груди или ног погребенных. Судя по находкам кожаных ремней, в походном положении чеканы носили на ремненной петле, пристегнутой к поясу воина. В кургане №7 могильника Кок-Эдиган в области пояса умершего были найдены бронзовые поясные пластины, крепившиеся к поясному ремню.

Основным видом наступательного оружия рукопашного боя воинов скифского времени в Горном Алтае были кинжалы. В захоронениях пазырыкских воинов, исследованных в долине Эдигана, найдено несколько бронзовых полноразмерных и вотивных кинжалов. Все кинжалы имели обоюдоострые клинки, цельнолитые с перекрестьем, рукоятью и навершием. По сечению клинка среди них выделяются две группы.

К первой группе относятся кинжалы с двулезвийным, уплощенно-ромбическим в сечении клинком. По форме перекрестья среди них выделяется два типа.

Тип 1. Кинжалы с ломаным перекрестьем. Включает 1 экз. из памятника Салдам, курган №7 [Худяков, 1995, с. 93]. Длина клинка – 16 см, ширина клинка – 2,2 см, высота рукояти – 9 см. Кинжал с остроугольным острием, прямым двулезвийным клинком, ломаным, тупоугольным перекрестьем, концы которого направлены в сторону клинка, а середина – в сторону рукояти. Рукоять прямая. Навершие брусковидное, т-образной формы, с выступом в средней части и шейкой на рукояти (рис.-1).

Тип 2. Кинжалы с ломаным изогнутым перекрестьем. Включает 1 экз. из памятника Усть-Эдиган, курган №74 [Худяков, 1995, с. 94]. Длина клинка – 9,5 см, ширина клинка – 2 см, высота рукояти – 6,5 см. Кинжал с остроугольным острием, прямым двулезвийным клинком, ломаным перекрестьем, концы которого направлены в сторону клинка, а окончания изогнуты в сторону рукояти. Рукоять кинжала прямая, дольчатая. Навершие брусковидное (рис.-4).

Ко второй группе относятся кинжалы с двулезвийным, уплощенно-линзовидным в сечении клинком. По форме перекрестья он может быть отнесен к самостоятельному типу.

Тип 1. Кинжалы с ломаным перекрестьем. Включает 2 экз. из памятников: Солдин-эке, курган №2; Кок-Эдиган, курган №7 [Антонова, Худяков, 1999, с. 20]. Длина клинка – 12 см, ширина клинка – 2,5 см, высота рукояти – 9 см. Кинжалы с остроугольным острием, прямым двулезвийным клинком, ломаным, тупоугольным перекрестьем с закругленными концами, прямой прорезной рукоятью и т-образным, брусковидным навершием (рис.-2–3).

В кургане-кенотафе на памятнике Солдин-эке на клинке сохранились деревянные ножны в виде одной верхней створки, внутрь которой помещался клинок. Нижняя створка должна была изготавливаться из кожи. На ножнах нет никаких следов крепления ремешков, чтобы пристегивать кинжал в ножнах к бедру воина. Вероятно, кинжал с деревянной створкой ножен помещался внутрь кожаного чехла, к которому крепились такие ремешки.

В погребениях пазырыкских воинов, исследованных в долине Эдигана, не выявлено каких-либо деталей защитного вооружения. Вероятно, они могли использовать для защиты от поражения вражескими стрелами, чеканами и кинжалами щиты, составленные из прутьев или вырезанные из дерева. Подобные щиты были обнаружены в курганах, раскопанных в урочище Пазырык или на плоскогорье Укок [Руденко, 1953, с. 263–264; Полосьмак, 1994, с. 34].

Судя по находкам из памятников пазырыкской культуры, раскопанных в долине Эдигана, комплекс вооружения воинов скифского времени в этом районе Горного Алтая включал разные виды оружия дистанционного, ближнего и рукопашного боя. Пазырыкские воины имели на вооружении луки и стрелы с бронзовыми и костяными наконечниками, которыми можно было поразить легко вооруженных противников, не имевших средств индивидуальной защиты. Среди них преобладали бронзовые трехлопастные и костяные трехгранные наконечники. В походном положении воины хранили и носили

стрелы в кожаных чехлах – горитах. В ближнем бою они могли наносить противнику поражающие удары бронзовыми проушными чеканами. В рукопашном бою воины могли использовать бронзовые кинжалы. Данный набор оружия продолжали использовать пазырыкские воины из долины Эдигана в течение 2-й половины I тыс. до н.э.

Библиографический список

Антонова О.В., Худяков Ю.С. Погребения воинов в памятниках пазырыкской культуры на Средней Катуні (по материалам раскопок Южно-Сибирского отряда САКЭ ИАЭ СО РАН) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні. Барнаул, 2004.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА; №9).

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987.

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.

Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (К вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997.

Кочеев В.А. К вопросу о защитном вооружении древних кочевников Горного Алтая в скифское время // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баирсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пицонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск, 2006.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Руденко С.И. Культура Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Самашев З. Берел. Алматы, 2011.

Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1980.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.

Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск, 1995.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб., 2011.

П.И. Шульга

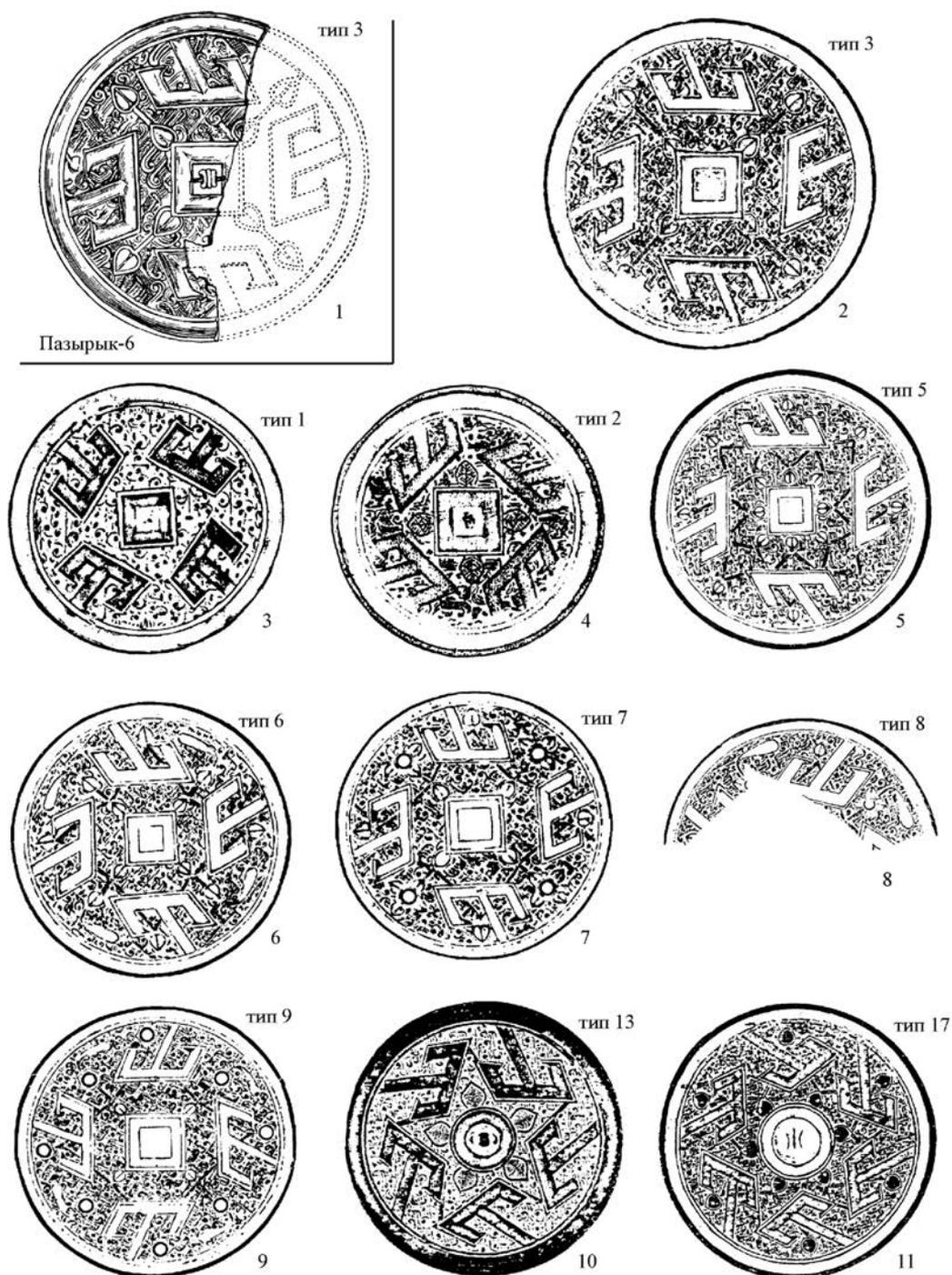
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ДАТИРОВКА КУРГАНОВ ПАЗЫРЫКА И КИТАЙСКИХ ЗЕРКАЛ С Т-ОБРАЗНЫМИ ЗНАКАМИ

После острой дискуссии 1940–1950-х гг. о хронологии курганов пазырыкской культуры большинство исследователей вслед за С.И. Руденко и М.П. Грязновым [Руденко, 1953, с. 360; Грязнов, 1950, с. 10] приняли ранние даты для больших курганов в урочище Пазырык – V–IV вв. до н.э. [Марсадолов, 1988]. Начиная с 1990-х гг. ситуация стала меняться в сторону их омоложения. Ряд зарубежных и отечественных исследователей датировали китайский импорт из Пазырыка-5 концом IV–III вв. до н.э. [Bunker, 1991; Лубо-Лесниченко, 1994], а по радиоуглероду Пазырык отнесли к еще более позднему времени – примерно 300–250 гг. до н.э. [Евразия в скифскую..., 2005, с. 79–82, 215]. Вскоре появились основания вновь пересмотреть и эти даты, но уже в сторону незначительного удревнения. В ходе масштабных исследований была построена новая 446-летняя плавающая дендрохронологическая шкала для позднепазырыкских курганов, которую как будто удалось связать с 2367-летней древесно-кольцевой шкалой «Монгун-Тайга» [Слюсаренко, 2010]. Согласно этой шкале, почти все курганы пазырыкской культуры с исследованным деревом в Восточном Казахстане, на Укоке и в верховьях Чуи были сооружены в рамках 326–275 гг. до н.э. [Слюсаренко, 2010, с. 30; Мыглан, Слюсаренко, Хойсснер, 2012]. В свою очередь, алтайская 446-летняя шкала по методике «wiggle-matching» связана с новыми радиоуглеродными датами, подтверждающими датировку вышеуказанных курганов последней четвертью IV в. – 1-й третью III в. до н.э. Дендрошкалу Пазырык-1–5 не удалось достоверно соотнести с указанными курганами, но, судя по периферийному расположению Пазырыка, и аналогичному по длительности функционированию (около 50 лет), все эти позднепазырыкские могильники сооружались примерно в одно время в последней четверти IV – начале III в. до н.э. в процессе расширения ареала культуры до предгорий, Иртыша, Синьцзяна и Монголии. Возведенные почти одновременно самые ранние курганы Пазырык-1, 2 демонстрируют только связи с сакским миром и Передней Азией. В сооруженных позже курганах Пазырык-3, 4 имеются отсутствовавшие в курганах №1 и №2 орнаменты «глаза и треугольники» и «мотив оленьего рога», которые наиболее хорошо представлены в Синьцзяне [Шульга, 2010, рис. 89], а также импорт из Китая. В самом позднем кургане Пазырык-5, помимо шелка, фигурируют изделия в китайском стиле и особая татуировка со сценой терзания на правой руке женщины, возможно, указывающая на происхождение с территории, находившейся под влиянием Древнего Китая [Баркова, Панкова, 2005, с. 57–58; Ван Хуэй, 2014, с. 60–61]. Помимо этого, в Пазырыке-6 найдены лак и обломанное китайское бронзовое зеркало диаметром 11,5 см, толщиной около 1 мм с четырьмя Т-образными знаками на оборотной стороне (рис.-1) [Руденко, 1953, с. 144]. У целых экземпляров такого типа на тыльной стороне зеркала имелось четыре Т-образных знака и восемь сердцевидных листков, сгруппированных в четыре пары (рис.-1–2). По китайской традиции такой орнамент называется «четыре знака в виде иероглифа «шань» и восемь листков», поскольку так называемый Т-образный знак в Китае воспринимается как иероглиф «шань»

(гора) в виде перевернутой буквы «Т». С.И. Руденко [1953, с. 357] полагал, что такого рода зеркала «могут датироваться, по-видимому, V в., самое позднее – началом IV в. до н.э.». С точки зрения С.В. Киселёва [1951, с. 391–392], основанной на виденных им музейных экспозициях в Китае и высказываниях китайских учёных, зеркало из кургана №6 с Т-образными знаками «не раньше времени Цинь-Ши-хуанди». За прошедшие 60 лет в Китае [Лю Имань, 1985; Дэн Цюлин, 2003; Масумото, 2005] и в России [Тишкин, Серёгин, 2011] было выявлено большое количество зеркал с Т-образными знаками, в том числе в датированных погребениях. Оказалось, что время их бытования в основном приходится на промежуток между датами, предложенными С.И. Руденко и С.В. Киселёвым, при этом имеется значительное количество вариаций орнамента, менявшегося в течение V–III вв. до н.э.

К настоящему времени фрагменты зеркал с Т-образным знаком обнаружены во всех областях Саяно-Алтая. На равнине, прилегающей с запада и северо-запада к Горному Алтаю, найдены фрагменты двух зеркал. Из них одно утраченное зеркало происходит из Восточного Казахстана [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 37; Bunker, 1991, с. 21], и фрагмент из могильника Фирсово-14 у Барнаула [Тишкин, Хаврин, 2006; Тишкин, Серёгин, 2011, табл. XVII, с. 16, 42]. В Горном Алтае, помимо кургана №6 в Пазырыке, маленький фрагмент предположительно такого же зеркала найден в кургане №61 II–I вв. до н.э. могильника Яломан-II, относимого к булан-кобинской культуре [Тишкин, Хаврин, 2006; Тишкин, Серёгин, 2011, табл. XXII]. В соседней Туве неподалеку от Кызыла в кургане №25 могильника Догээ-Баары-2 найден фрагмент зеркала с частично сохранившимся узнаваемым Т-образным знаком [Хаврин, 2009, рис. 1.-6; Николаев, Хаврин, Кисель, 2003; Николаев, Хаврин, 2004, с. 35; Тишкин, Хаврин, 2006, с. 149]. Найденные в Минусинской котловине два фрагмента одного зеркала [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 9, 37, рис. 1; Bunker, 1991, р. 21] и целое зеркало из Саяногорского клада (информация Ю.В. Ширина) относятся к зеркалам с Т-образными знаками типа экземпляра из кургана №6. Появившиеся уже в 50-х гг. XX в. в Китае новые данные по зеркалам с Т-образными знаками позволили китайским ученым и Б. Калгрэну определить место их производства – государство Чу и датировать зеркала IV в. до н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 9; 1994, с. 220]. Позднее появились данные об их изготовлении и в Северном Китае, в последней столице царства Янь (находилась к юго-западу от Пекина), где были обнаружены следы специализированных мастерских, производивших товары для китайцев и кочевников. По-видимому, там были найдены и глиняные формы для отливки зеркал с Т-образными знаками [Bunker, 1991]. Исходя из времени существования столицы – около 90 лет (311–222 гг. до н.э.) Э. Банкер определила и время бытования данных зеркал начиная с конца IV в. до н.э. [Bunker, 1991, р. 20]. О более ранних зеркалах с Т-образными знаками из Чу она не упоминала, вероятно, полагая, что в Южную Сибирь подобные зеркала попадали только из Северного Китая. Между тем имеются все основания связывать происхождение и последующее массовое производство зеркал с Т-образными знаками с царством Чу [Лю Имань, 1985; Дэн Цюлин, 2003]. Именно там они представлены в разных вариантах и в большом количестве. Наиболее полно хронология зеркал с Т-образными знаками рассмотрена в специальной работе Дэн Цюлина [2005], в основе которой лежит коллекция из сотни зеркал, обнаруженных в датированных погребениях царства Чу. На материалах из Китая им выделено 18 типов (разновидностей) зеркал с Т-образными знаками.

Китайские зеркала с Т-образными знаками:
1 – Россия. Республика Алтай, курган №6 могильника Пазырык
(по: [Руденко, 1953]); 2–11 – Китай (по: [Дэн Цюлин, 2003])

Это зеркала со следующими орнаментами:

- 1) четыре Т-образных знака (рис.-3);
- 2) четыре Т-образных знака и четыре сердцевидных листка (рис.-4);
- 3) четыре Т-образных знака и восемь сердцевидных листков (рис.-1-2);
- 4) четыре Т-образных знака и двенадцать сердцевидных листков;
- 5) четыре Т-образных знака и 16 сердцевидных листков (рис.-5);
- 6) четыре Т-образных знака, 12 сердцевидных листков и четыре листка бамбука (рис.-6);
- 7) четыре Т-образных знака, четыре сердцевидных листка и четыре цветка (рис.-7);
- 8) четыре Т-образных знака, восемь сердцевидных листков, четыре цветка и четыре листка бамбука (рис.-8);
- 9) четыре Т-образных знака, четыре сердцевидных листка, четыре листка бамбука и восемь окружностей» (рис.-9);
- 10) четыре Т-образных знака, восемь листков, восемь сердцевидных цветков и четыре листка бамбука;
- 11) четыре Т-образных знака и четыре изображения животных;
- 12) пять Т-образных знаков;
- 13) пять Т-образных знаков и пять цветков (рис.-10);
- 14) пять Т-образных знаков и десять сердцевидных листков;
- 15) пять Т-образных знаков и 15 сердцевидных листков;
- 16) шесть Т-образных знаков;
- 17) шесть Т-образных знаков и 12 сердцевидных листков (рис.-11).
- 18) три Т-образных знака и три изображения животных.

Выделяется четыре этапа бытования зеркал, орнаментированных Т-образными знаками [Дэн Цюлин, 2003, с. 65–66].

Первый этап относится к раннему периоду эпохи Чжаньго. Немногочисленные зеркала появляются примерно начиная с 430 г. до н.э. В погребениях они представлены зеркалом на могильнике Байхэвань в провинции Хунань. У этого зеркала имеется четыре Т-образных знака, узор достаточно простой, Т-образные знаки расположены довольно плотно. Эти особенности характерны и для других ранних разновидностей с четырьмя Т-образными знаками.

Второй этап приходится на срединный период эпохи Чжаньго (около 370–310 гг. до н.э.). Представлены зеркала с четырьмя Т-образными знаками, с четырьмя и восемью сердцевидными листками. В конце этапа в малом количестве фиксируются зеркала с пятью Т-образными знаками. Орнамент становится более аккуратным и искусным, листки сделаны на более высоком художественном и технологическом уровне, но набор элементов пока ограничен. Цветки, листки бамбука, окружности, как правило, отсутствуют и начинают появляться только в конце этапа.

Третий этап имел место на раннем и среднем отрезках позднего периода эпохи Чжаньго (около 310–240 гг. до н.э.). Это было время расцвета зеркал с Т-образным знаком. Представлены зеркала следующих типов: с четырьмя Т-образными знаками, шестнадцатью листками (тип 5); с четырьмя Т-образными знаками, 12 листьями и четырьмя листьями бамбука (тип 6); 3) с четырьмя Т-образными знаками, восемью сердцевидными листками, четырьмя цветками и четырьмя листьями бамбука (тип 8); с четырьмя Т-образными знаками, четырьмя сердцевидными листьями, четырьмя листьями бамбука

и восемью окружностями (тип 9); с пятью Т-образными знаками и многочисленными листками (типы 14, 15); с шестью Т-образными знаками (тип 16); с тремя Т-образными знаками и тремя животными (тип 18); с четырьмя Т-образными знаками и четырьмя животными (тип 11). В этот период зеркала становятся массивней, Т-образные знаки более крупные, орнамент уплощен и тщательно выполнен. Изменяется оформление и композиция Т-образных знаков. Количество декоративных элементов вырастает. Помимо листков, цветков, листьев бамбука, встречается, например, украшение бирюзой.

Четвертый этап приходится на финал эпохи Чжаньго и продолжался до Ранней Хань (примерно 240–206 гг. до н.э.). В этот период популярность приобретает орнамент в виде дракона, а количества зеркал с Т-образными знаками резко уменьшается. Некоторое время имитации зеркал с Т-образными знаками еще производились в прежних границах Чу, но это было угасание традиции.

В целом, согласно таблице Дэн Цюлина [2003, с. 65], самые ранние зеркала типа 1 появляются в захоронениях середины раннего этапа Чжаньго (около 440–430 гг. до н.э.). Большинство типов зеркал, украшенных Т-образными знаками (типы 2, 4–7, 9, 12), производились примерно с середины среднего Чжаньго до финала Чжаньго (примерно 350–240 гг. до н.э.). Одновременно с ними прекращается хождение и недолго изготавливавшихся (примерно 260–240 гг. до н.э.) типов зеркал с изображениями животных (11 и 18). После объединения Китая под властью Цинь Шихуанди (221 г. до н.э.) и начавшейся унификацией всех сфер жизни, зеркала с Т-образными знаками почти исчезают. Лишь два типа зеркал (3 и 16) были в хождении еще 15–20 лет до образования Западной Хань в 206 г. до н.э. Интересующие нас зеркала типа 3, подобные найденным в Пазырыке-6 и Минусинской котловине с «четырьмя Т-образными знаками и восемью сердцевидными листочками» (рис.-1–2), появляются в Чу несколько раньше середины IV в. до н.э. (около 370–360 гг. до н.э.). Примерно через 60 лет количество изготавливаемых зеркал типа 3 могло резко возрасти с началом их массового производства у новой столицы царства Янь (311 г. до н.э.). Имеются все основания полагать, что зеркала с Т-образными знаками впервые появились в Чу и лишь позднее стали производиться в северных царствах, в том числе и в Янь. Теоретически уже на начальном этапе они могли вывозиться в Южную Сибирь из Чу, что как будто подтверждается и чуским производством найденных в Пазырыке шелков. Однако китайский импорт в большом количестве появляется только в поздних курганах Пазырыка предположительно в 300–280 гг. до н.э. В этом случае, как и предполагала Э. Банкер, зеркала типа 3 могли поступать в Горный Алтай, Барнаульское Приобье и Минусинскую котловину не из Чу, а из царств Северного Китая, централизованно и в большом количестве производивших товары для кочевников.

Библиографический список

- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №2(22).
Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М., 1975.
Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М., 1994.

Шульга П.И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками

Марсадоллов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Хойсснер К.-У. Дендрохронологический анализ древесины из пазырыкских курганов Северо-Западной Монголии // Молодин В.И., Парцингер Г., Цзвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012.

Николаев Н.Н., Хаврин С.В. Некоторые итоги полевых исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догээ-Баары-II // Археологические экспедиции за 2001–2003 гг. СПб., 2004.

Николаев Н.Н., Хаврин С.В., Кисель В.А. Работы Кызыльского отряда Тувинской археологической экспедиции // Отчётная археологическая мессия за 2002 год. СПб., 2003.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006.

Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. 2.

Хаврин С.В. Китайские импорты в материалах могильника Догээ-Баары-II // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes in the History of Art, 1991. Vol. X, No. 4.

Ван Хуэй. Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань (王辉. 西戎遗珍 - 马家塬战国墓地出土文物). Пекин, 2014.

Лю Имань. Рассуждение о географическом районировании бронзовых зеркал эпохи Сражающихся царств (刘一曼. 试论战国铜镜的分区 // 考古, 1985, №11) // Каогу, 1985. №11.

Дэн Цюлин. К вопросу о хронологии и периодизации зеркал с иероглифом 山 (邓秋玲. 论山字纹铜镜的年代与分期 // 考古2003年第11期) // Каогу, 2003. №11.

ИСКУССТВО НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ

Л.А. Бобров

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ И ДЕКОРАТИВНОГО ОФОРМЛЕНИЯ КАЗАХСКИХ «ВОСЬМЕРКООБРАЗНЫХ» КОЛЧАНОВ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Исследование проведено по проекту №2718
в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

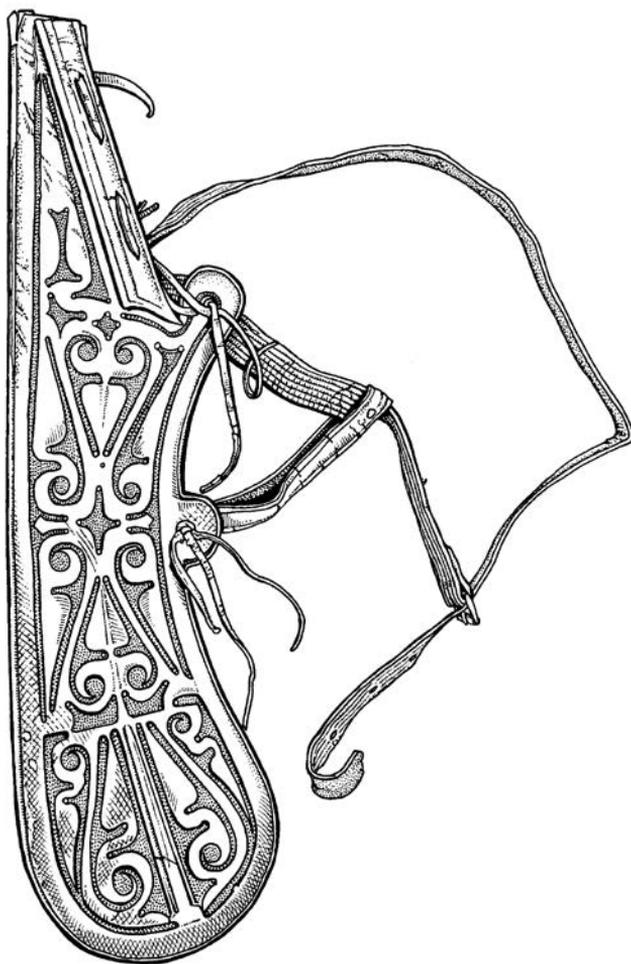
Характерной особенностью комплекса вооружения казахских кочевников XVII – 1-й половины XIX в. являлось сочетание инновационного (гладкоствольные и нарезные ружья) и традиционного (саадак) оружия дистанционного боя. Состоятельные ополченцы и батыры пользовались луком и ружьем попеременно, в зависимости от особенностей боевой обстановки. Так, в спешенном положении обычно применялось огнестрельное оружие, а в ходе динамичного конного боя – сложносоставной лук «монгольского» или «турецкого» типа [Бобров, 2012, с. 299–302, 307–317]. Саадачный набор казахского воина рассматриваемого периода состоял из стрелкового пояса, лука («жак», «жай», «садак», «адырна»), стрел («ок»), налуча и колчана («кылшан», «корамсак», «курамсак»). Как показали специальные исследования, значительная часть луков и стрел импортировалась в казахскую степь с территории Мавераннахра, Башкирии, Калмыкии, а позднее из Цинской империи [Бобров, 2012, с. 307–309; Бобров, Пинк, 2014]. Что же касается стрелковой амуниции (в том числе налучей и колчанов), то она в основном изготавливалась местными мастерами.

До нашего времени дошли более 50 колчанов, применявшихся казахскими воинами XVII – начала XIX в. Наряду с собственно казахскими колчанами, в составе рассматриваемой серии встречаются стрелохранилища узбекского, башкирского, монгольского, южносибирского и цинского производства. Материалы вещественных и изобразительных источников свидетельствуют, что наиболее популярной разновидностью казахских стрелохранилищ являлись так называемые 8-образные (восьмеркообразные) цельнокожаные колчаны. Целью настоящей работы является описание особенностей конструкции, покроя и системы оформления казахских колчанов данного типа.

К рассматриваемой группе относится 29 колчанов, хранящихся в музейных и частных собраниях Российской Федерации, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Монгольской Народной Республики и других стран. По материалу изготовления рассматриваемые образцы относятся к классу кожаных, а по особенностям конструкции – к колчанам-«футлярам» [Бобров, Пинк, 2014, с. 246–253].

Колчаны сшиты из нескольких кусков выделанной кожи. Жесткость конструкции придают специальные деревянные дощечки, надставленные или вшитые в боковые стенки. Такие колчаны (в отличие от берестяных колчанов-«коробов») носились

горловиной назад, а стрелы хранились в них наконечниками вниз. Все образцы рассматриваемой серии имеют характерную 8-образную форму. Они сужаются в центральной части и расширяются у горловины и днища (рис.). Общая длина колчанов: 48,0–68,9 см (от днища до горловины: 35,2–54,5 см). Ширина: 10,2–14,9/8,4–14,0/11,3–18,9 см (в верхней, центральной и нижней части соответственно). Толщина колчанов: 1,8–3,5 см. Срез горловины у всех колчанов асимметричный: задняя (левая) часть колчана («спинка») всегда выше его передней (правой) части. В большинстве случаев удлиненная «спинка» отличается значительной высотой и шириной. Как правило, она возвышается над горловиной колчана на 8–13 и более сантиметров. В некоторых случаях вдоль края колчана и (или) у горловины пришта обкладка в виде кожаных полос различной ширины (рис.). Внутреннее пространство большинства стрелохранилищ поделено на отдельные отсеки специальными ремнями и жгутами. В каждом из отсеков помещались стрелы с особыми типами наконечников («бронзобойные», «универсальные», для стрельбы по противнику без доспехов и т.д.). Подобная конструкция позволяла воину быстро и безошибочно доставать стрелу с нужным типом наконечника.

Казахский колчан XVIII – 1-й половины XIX в. (МАЭ, 2051-11). *Рисунок Л.А. Боброва*

Между собой колчаны различаются некоторыми особенностями покроя и декоративного оформления. Так, в частности, днище колчанов могло быть округлым или заостренным (численно преобладают экземпляры с округлым днищем). Правая сторона колчана снабжалась одним или двумя полукруглыми «ушками» – лопастями для крепления пасовых ремней. Верхнее ушко располагалось у горловины, нижнее – в центральной части колчана (рис.). Если верхнее «ушко» отсутствовало, то крепежные ремешки вшивались прямо в верхнюю часть «футляра» (у горловины). Такие ремешки дублировали основной пасовый ремень и фиксировали колчан в наклонно-вертикальном положении. Подобный способ подвеса позволял воину, с одной стороны, легко доставать стрелы, а с другой – препятствовал выпадению стрел из колчана в ходе динамичного конного боя. Для этой же цели служила удлиненная спинка колчана.

Выделяются две основные разновидности декоративного оформления казахских 8-образных колчанов. В первом случае единственным украшением служила кожаная обкладка вдоль горловины, оформленная треугольными фестонами. Лицевая сторона «курамсака» выполнялась из гладкой кожи [Бобров, Пинк, 2014, с. 247–249]. Во втором случае лицевая сторона колчана покрывалась сложным тисненым узором в виде стилизованного растительного и геометрического орнамента.

Представляется возможным выделить три основных разновидности орнамента, применявшегося при оформлении казахских 8-образных колчанов рассматриваемого исторического периода. В первом случае поле колчана покрывает густой изящный узор из тонких переплетающихся стеблей (как правило, S-образной формы), увенчанных трехлепестковыми бутонами в комбинации с 1–2 (реже тремя) трепещущими лепестками под венчиком (см., напр.: МАЭ, 2051-3). В некоторых случаях S-образные стебли сплетаются в сердцевидные фигуры. Сам рисунок мог быть сплошным (см., напр.: РЭМ, 5280-1а) или поделенным на отдельные ярусы (см., напр.: ЦГМРК, КП 1905).

Другим популярным видом тисненого узора на казахских колчанах является растительно-стреловидный орнамент. На первый взгляд он кажется более грубым, чем его аналог, однако в действительности данный тип узора отличается значительной сложностью и разнообразием составляющих его элементов. Основу композиции формируют стреловидные бутоны различных форм и размеров, соединенные прорастающими остроконечными побегами. Достаточно часто стреловидные бутоны и побеги распределены по ярусам и вписаны в отдельные ячейки [Бобров, Пинк, 2014, с. 252]. В некоторых случаях в общий рисунок вплетены стилизованные изображения пары парящих (хищных?) птиц с распластанными крыльями и заостренной головой на короткой шее (рис.). Перья в нижней части крыльев закручены в спираль. Ноги птиц переходят во вьющуюся лозу, которая соединяет фигуру птицы с основным орнаментом на лицевой части колчана.

Третий вариант орнамента представляет собой комбинацию двух предыдущих: миниатюрные остроугольные бутоны соединены тонкими S-образными стеблями [Бобров, Пинк, 2014, с. 250].

На наш взгляд, генезис цельнокожаных казахских «курамсаков» с тисненым узором связан с эволюцией 8-образных колчанов Западной и Средней Азии XIV–XV вв. [Горелик, 2002, с. 59, рис. 16, 17]. В период позднего Средневековья и раннего Нового времени данный тип колчанов-«футляров» стал доминирующей разновидностью стрелохранилищ народов Восточной Европы, а также Северной Африки, Западной,

Южной и Средней Азии. По своему покрою и системе оформления зауженные и вытянутые 8-образные колчаны резко отличались от широких трапециевидных центральноазиатских (монгольских, тибетских) и южносибирских стрелохранилищ XVI–XIX вв. [Бобров, Худяков, 2008, с. 132–154]. Комплекс вооружения казахов периода позднего Средневековья и раннего Нового времени представлял собой симбиоз центральноазиатских и западноазиатских военно-культурных традиций. Распространение среди казахов 8-образный колчанов обусловлено влиянием этих традиций.

В то же время, несмотря на общее сходство с другими 8-образными колчанами, изделия казахских мастеров выделяются из общего ряда значительным типологическим своеобразием. Так, например, в отличие от своих русских, османских, крымско-татарских и иранских аналогов они редко снабжались «карманом» на лицевой стороне «футляра». Если на западноазиатских и восточноевропейских стрелохранилищах растительный орнамент выполнялся преимущественно в технике вышивки и аппликации и часто дополнялся металлическими накладками, то казахские мастера предпочитали технику тиснения по коже и со временем почти совершенно отказались от идеи украшения 8-образных колчанов металлическими пластинами. Что же касается самого рисунка на поверхности казахских колчанов, то его форма отличается высокой степенью самобытности и отображает результат многовекового развития оригинального орнамента тюркских кочевников Дашт-и Кипчака.

В исторической перспективе кожаные восьмеркообразные колчаны стали завершающим этапом развития традиционных стрелохранилищ тюркских nomадов Казахстана эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени.

Библиографический список

Бобров Л.А. Луки казахских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Вопросы производства, конструкции и боевого применения // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012.

Бобров Л.А., Пинк И.Б. Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского государственного музея оружия // Вестник НГУ. 2014. Серия: История, филология. Т. 13, вып. 3.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002.

А.А. Горячев¹, Т.А. Егорова¹, К.А. Егорова²

¹*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;*

²*Музей археологии «Гылым ордасы», Алматы, Казахстан*

ТЮРКСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ УРОЧИЩА ОЙ-ДЖАЙЛЯУ

Работы проводились за счет бюджетных средств, выделенных Министерством образования и науки Республики Казахстан по проекту «Генезис древних поселений Северного Притяньшанья» (шифр программы Г2015, шифр задания программы 3923/ГФ4)

Впервые петроглифы в горах Киндыктас были обнаружены в 70-е гг. XX в. краеведом Н.Д. Черкасовым. Им же сделаны первые копии наскальных рисунков урочища Ой-Джайляу, которые опубликованы А.Г. Медоевым [1979, рис. 62]. В результате пла-

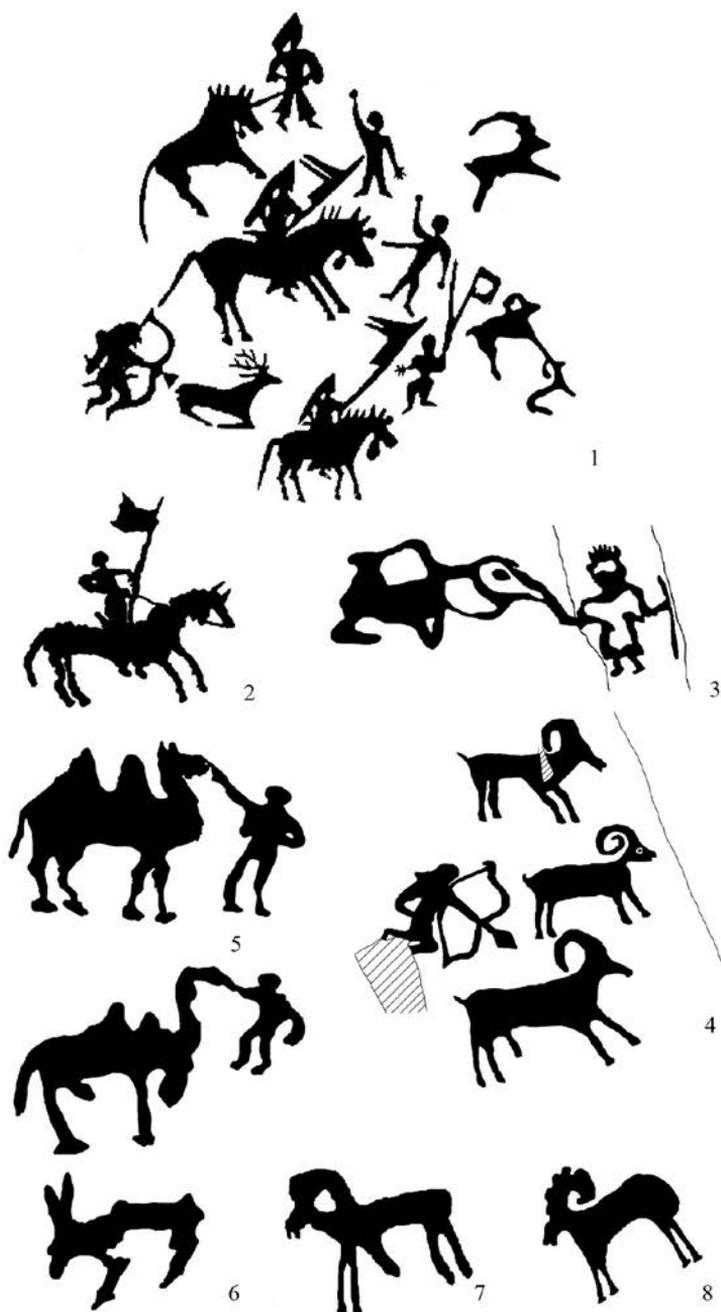
номерных исследований в 80-х гг. XX в. и в 2000-е гг. в урочище выявлено несколько крупных могильников и поселений эпохи бронзы и новые наскальные изображения [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 101–109]. На плато зафиксированы сакские и тюркские курганы, средневековые поминальные ограды с каменными изваяниями. В рамках программы «Культурное наследие» в Ой-Джайляу было выявлено свыше 50-ти скальных плит, на которых обнаружено около 300 наскальных изображений. Установлено, что святилище с наскальными рисунками в северо-западной части урочища сосредоточено на трех сопках по западному левому берегу ручья Узынсу. Их основная масса находится компактно в первой группе, расположенной в центре на отдельной сопке. После представления древней группы петроглифов эпохи бронзы и раннего железного века встает вопрос об основных образах в петроглифах тюркского времени данного святилища и их значении.

Особенностью скопления петроглифов на центральной сопке является компактное расположение каждой хронологической группы рисунков отдельно друг от друга. Если петроглифы эпохи бронзы сосредоточены на западном скальном массиве группы, то рисунки, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля, размещены на скальных блоках и отдельных камнях к востоку от них. Тюркские наскальные изображения сосредоточены на восточном скальном массиве и крупных каменных блоках, прилегающих к нему. В позднем средневековье и в Новое время именно под ними были устроены три жилых комплекса.

Из всех рисунков урочища Ой-Джайляу наиболее крупная композиция тюркского времени приобрела широкую известность (рис.-1), материалы которой были неоднократно опубликованы [Медоев, 1979, рис. 62; Марьяшев, 1980, рис. 17; Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 88; Мотов, 2011, с. 159; Самашев, 2013, с. 151, рис. 113, 118]. Наиболее полное и подробное описание персонажей композиции было произведено Ю.А. Мотовым [2011, с. 158–164]. Сцена высечена на блюдцеобразно «вогнутой» поверхности гранитного блока голубовато-серого цвета скальной гряды с южной экспозицией. Техника нанесения рисунков – выбивка с тщательной шлифовкой – в тюркское время на территории Жетысу встречается нечасто. Сцена была подновлена, но все ее детали повторно шлифованы одновременно. Они наложились на более раннее изображение пешего охотника, стреляющего в козла.

Основу композиции составляют изображения трех всадников, расположенные по вертикали один под другим. Они движутся слева направо – один спешившийся всадник, два со знаменами, навстречу конным направляются три пешеходных воина. На пути конных воинов рисунки трех козлов, в нижней части, уравновешивая фигуры, дано изображение пешего лучника, стреляющего в оленя с поджатыми ногами.

На первый взгляд все образы представляют некие изобразительные шаблоны. Несомненно, видна стабильность иконографических схем изображений всадников, составляющих композиционный и смысловой центр сюжета. Более того, рисунок нижнего всадника и коня являет собой почти уменьшенную копию среднего всадника. Схематичны в профильном исполнении и рисунки козлов. Вместе с тем в построении сцены использован изобразительный прием – фигуры всадников и пешеходных воинов, расположенные по вертикали, смещены относительно друг друга, что создает эффект движения персонажей. Рисунок среднего из них наиболее крупный, все остальные персонажи – меньшие по размеру – скомпонованы вокруг него.

Петроглифы тюркского времени из урочища Ой-Джайляу

Особое внимание уделено деталям. При изображении всадников используется один прием абриса фигур – голова дана в профиль, верхняя часть туловища развернута в фас, ноги – в профиль. Уточнены головные уборы конных воинов в виде островерхих конусов, с длинными полотнищами, свисающими сзади, одеты они в куртки

с широкими рукавами, ноги с расширяющимися книзу широкими штанинами свисают свободно, без опоры на стремяна, за спинами колчаны. В изображении всадников обращает на себя внимание особенность их позы: у всадников, одной рукой держащих знамена, вторая рука фиксирована на поясе (согнута в локте). У спешившегося всадника обе руки на поясе. Такая поза, по мнению О. Советовой [2005, с. 79], имеет признак семантический, применяемый для «героизации» образа. В создании образа героя подчеркиваются те важные детали, которые выявляют его героическую суть. Важнейшим отличием воина считали головной убор, он выделен создателями рисунков не только у конных воинов, но и подчеркнут у лучника-охотника. Изобразительные примеры могут быть дополнены археологическим материалом самого урочища.

Так, в урочище Ой-Джайляу в 2008–2009 гг. под глубоким слоем дерна одним из авторов были обнаружены изваяния в двух комплексах каменных оград. Персонажи изваяний имели головной убор в виде колпака. Отдельные детали выполнены шлифовкой поверхности камня. Несомненно, они сопоставимы с изображением конных всадников в колпакообразных уборах из центральной сцены тюркских рисунков урочища.

При изображении лошадей особое внимание уделено экстерьеру. Кони представлены в профиль, высокопородистые, с коротким крупом, высокие в холке, у них небольшая голова и короткая шея, обозначены оба уха. Кони украшены начельными султанчиками и подшейной кистью, в виде зубцов выделена конская грива, тонкой линией отмечен хвост. Стилистическое своеобразие этой сцене придают хвосты коней, они показаны свисающими в виде изломанной под углом линии. Такой прием украшения коней называют «зачехлением», способ перехватывать хвост коня нахвостником известен на Востоке с IX в. до н.э. [Советова, 2005, с. 37]. Хвосты в футлярах встречены на Большой пластине с батальной сценой, а также со сценой охоты из Орлатского могильника, датируемого II–I вв. до н.э. [Пугаченкова, 1987, с. 57–58].

Всадники-знаменосцы в петроглифах Жетысу представлены различными вариантами [Егорова К., Егорова Т., 2014, с. 240–242]. Знамена из урочища Ой-Джайляу имеют на полотнище прорезь и близки по форме знаменам из Пенджикента [Беленицкий, 1973, рис. 7, 9, 27], что позволяет отнести эти изображения ко времени до арабских завоеваний. Идентичное знамя и схожая иконография всадника встречены в горах Кульжабасы близлежащего региона [Потапов, 2007, с. 14, рис. 19]. Знамена ой-джайляуских всадников определяются как знамена с навершиями в форме волчьих голов.

А.Г. Медоев [1979, рис. 62, с. 159] датирует данную композицию периодом тюркских каганатов – VI–VIII вв. А.Н. Марьяшев и Ю.А. Мотов по наиболее важным атрибутам считают наиболее приемлемой датировкой для данной сцены VIII–IX вв. С данной датировкой согласуется форма наконечников стрел типа томар из этой композиции, которые появляются в вооружении древних тюрок Центральной Азии и Южной Сибири в VIII–IX вв. [Худяков, 1986, с. 146, 148; рис. 64–65].

Сюжет с изображением всадника-знаменосца зафиксирован и на отдельном скальном блоке у подножия скалы с центральной композицией. Этот образ в значительной степени является определяющим для датировки ранним средневековьем целых групп наскальных изображений в различных памятниках, он детально разработан в наскальном искусстве Алтая, Сибири и Монголии [Шер, 1980, с. 254–256; Худяков, 1987, с. 181–190; Черемисин, 2004, с. 39–50; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]. Подробно с привлечением широкого круга материалов и на основе существующей

классификации оружейного комплекса народов средневековой степной Евразии образ воина-знаменосца был разработан З.С. Самашевым [2013, с. 258–270].

В сцене из урочища Ой-Джайляу мы видим всадника на коне в снаряжении (рис.-2). Породистый конь, передние ноги в движении как бы вверх, видны натянутые поводья, длинную шею покрывает попона, хвост заплетен, показан линией, как бы «на отлете», под воином обозначен лук седла. Воин изображен держащим знамя, которое представлено прямоугольным, закрепленным в верхней части остроконечного древка с выступами по верхней и нижней кромкам. Фигура воина-знаменосца в изобразительных памятниках привлекает внимание исследователей военной атрибутикой и знаковой символикой, которые являются достоверными материалами в изучении петроглифов тюркского времени. Такая форма знамен распространена, по результатам исследований авторов, в регионе в урочище Тамгалы в горах Анрахай и Кульжабасы [Егорова К., Егорова Т., 2014, с. 234–242].

Отдельные группы тюркских рисунков представляют собой небольшие скопления, нанесенные на скальные плиты с южной или юго-восточной экспозицией, расположенные у подножия восточной сопки. Это выполненные фигуры козлов, архаров, верблюдов в поводу у людей, сцены охоты лучников, антропоморфная фигура с посохом (рис.-3–8). Сами сцены несколько однообразны, но множество вариантов в изображении одного и того же сюжета, животного, многообразие приемов в передаче деталей, рогов, движения, в технике выбивки и шлифовки позволили художникам того времени создать прекрасные образы. Искусство кочевников производит впечатление своей динамичностью и экспрессивностью. Так, в композициях с верблюдами массивные тела животных не лишены изящества в «выписывании» реалистических деталей: показан их мерный ход, гордо посаженные крупные головы, выделены копыта, отмечена шерсть неровной линией шлифовки (рис.-5–6).

В этом ряду важен сюжет человека с посохом, держащего в поводу коленопреклоненного верблюда, на крупном скальном блоке (рис.-3). На другой плоскости камня показаны два архара (рис.-7–8). Персонажи с посохами широко отмечаются в археологических памятниках степной Евразии, Переднего Востока. Определяя происхождение данного атрибута обитателей пояса степей, А.М. Смирнов [2004, с. 86] указывает на изначальное использование этого предмета функционально как инструментарий пастуха, со временем преобразующегося в символическое понимание его как атрибута власти. По мнению исследователей, посох указывает на особый статус, определенные функции этих персонажей. Так, например, жезл в руках ряженого из Тамгалы может служить указанием на его жреческие функции. Символическим наполнением определен сюжет с преклоненным верблюдом и персонажем с посохом в руках тюркской сцены из Ой-Джайляу.

Необычна для тюркских петроглифов контурная прорисовка фигур. Человек и верблюд имеют абрис линией, внутри которой слабо шлифована, а местами и не тронута каменная поверхность. По технике исполнения сцена подобна двум стилизованным оленям раннего железного века этого святилища, где отдельные части тела животных не тронуты инструментом. Древним художником первоначально размечался контурной линией корпус животного, а затем частично заполнялось шлифовкой остальное пространство фигуры. Такие приемы получили широкое распространение в искусстве сакских племен Южного Казахстана и Жетысу.

Продолжением данного сюжета на этой же плоскости камня является сцена охоты, на которой изображен лучник с присогнутыми в коленях ногами, охотящийся на трех козлов, расположенных один под другим. Все эти фигуры представляют собой некую заданную схему. Образ охотника героизирован: лук имеет огромные размеры – почти с человеческий рост, в него как бы вписана фигура лучника. Прорисованы реалии – подробно показан сложносоставной лук, четко проработан в начертании наконечник стрелы, характерный для тюркского вооружения. Рука охотника, держащая стрелу, словно продолжается в древке стрелы и завершается наконечником, графически буквально исполняя метафору – «стрела, удлинившая руку». Обращает внимание деталь силуэта лучника, которая добавляет элемент головного убора. Поза, в которой изображен лучник, по мнению О.С. Советовой [2004, с. 301–302], может указывать на проявление ритуальных действий.

Подобные сцены в тюркских петроглифах отмечены в горах Ешкиольмес [Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 236, 252, 254], где лучники стреляют из огромного лука в козлов и архаров. В горах Баян-Журек имеется подобная сцена. Сюжет на скальной плоскости включен в большую композицию раннего железного века с охотой и отловом животных [Самашев, 2012, рис. 71].

Все вышеперечисленные сюжеты расположены на скальных блоках, ограничивающих с восточной и западной сторон ровную площадку перед скалой с центральной композицией. Все сюжеты так или иначе связаны с религиозными представлениями и обрядовыми практиками населения региона в тюркское время. С учетом того, что скопления наскальных рисунков формировались на данном участке с эпохи бронзы, а по периметру сопки и вдоль ручья Узынсу расположены серии жилых дворов древности и средневековья, мы можем предположить, что означенная сопка с петроглифами и площадка перед ней играли роль своеобразного семейно-родового святилища.

Библиографический список

- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
- Егорова К.А., Егорова Т.А. К вопросу об иконографических традициях изображений воинов-знаменосцев в петроглифах Жетысу // Кадырбаевские чтения-2014. Астана, 2014.
- Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата, 1979.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Новосибирск, 1980.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 2002.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия: Общественные науки. 2008. №1.
- Мотоа Ю.А. Петроглиф из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы, 2011.
- Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы, 2007.
- Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественного наследия Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана, 2012.
- Самашев З. Древнетюркская графика. Астана, 2013.
- Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Советова О.С. Изобразительные «стандарты» – эпические «метафоры»? // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004.
- Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Г.С. Джумабекова¹, Г.А. Базарбаева¹, С.В. Демиденко²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

РИТУАЛЬНЫЙ СОСУД С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ЖЕТЫСУ

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК (проект №2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве»)

В фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан хранится бронзовый сосуд с зооморфным декором эпохи ранних кочевников, случайно найденный в Алма-Ате в 1952 г. (рис.). Впервые этот предмет был опубликован Т.Н. Сениговой [1967]. В недавно вышедшем каталоге музея помещена исчерпывающая информация о сосуде [Культура..., 2011, с. 84].

Бронзовый ковш. Случайная находка. Жетысу.
Фонды ЦГМ РК (по: [Тасмагамбетов, 2002, с. 273])

Сосуд в форме цилиндра с вогнутыми стенками и слегка выпуклым дном снабжен двумя вертикальными ручками в виде фигурок бегущего кабана (?), расположенными по отношению друг к другу под углом 90°. С противоположной стороны к одной из петель приделана длинная ручка, округлая в сечении, с рифленой поверхностью, заканчивающаяся головой кабана. С четвертой стороны ковша, напротив второй петли, в верхней части сосуда находится носик-слив, также оформленный в виде головы этого животного. Параметры сосуда: высота – 11,8 см, диаметр устья – 11,4 x 11,9 см, дна – 11,3 x 11,5 см, длина ручки – 17,2 см. Коллекционный шифр – ЦМК КП 8664 [Культура..., 2011, с. 84].

Данный предмет, несомненно, входит в круг ритуальных сосудов, рассмотренных Е.Ф. Корольковой [2003а]. В прекрасной обзорной статье были определены критерии выделения ритуальной посуды, проанализированы чаши с зооморфным декором эпохи ранних кочевников, а также кубки, круглодонные кружкообразные сосуды,

котелки. Рассмотрев серии сосудов с зооморфным декором, Е.Ф. Королькова [2003а, с. 51] отмечает, что аналогии кружкообразным круглодонным сосудам с вертикальными ручками прослеживаются на обширной территории Евразии в предскифское, скифское, сарматское время и в культуре финно-угорских народов Прикамья вплоть до средневековья. В результате исследовательница выделяет две категории ритуальных сосудов – котелки-курильницы и культовые сосуды, служившие емкостью для сакрального напитка. Сосуд с зооморфным декором мог отождествляться с образом животного, которое выступало в качестве охранника содержимого. Среди зооморфных охранителей содержимого сосудов специалист называет копытных животных (в том числе кабана) и хищников, хищную птицу, грифона, зайца [Королькова, 2003а, с. 52, 55].

Основное содержание зооморфного декора в оформлении культовых сосудов – тема жизни и смерти и перехода в иной мир. Это подтверждается содержанием фриз на кубках из богатых сарматских погребений с двумя вертикальными ручками в виде фигурок кабана и волка. К таковым относится сосуд-кубок из Косики с двумя вертикальными пустотелыми ручками в виде фигурок вепря. Кубок декорирован двумя фризами изображений, плакированных золотом. Фигуры вепря показаны в спокойной позе, детально проработаны [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 148–150, рис. 5]. Второй сосуд происходит из кургана №4 могильника Вербовский-II [Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. 52; рис. 12]. Ручки – вертикальные, в виде спокойно стоящих фигурок волков. Три яруса изображений с позолотой украшают сосуд, в том числе там присутствует также сцена охоты на кабана.

В целом можно заметить, что кабан – один из излюбленных, часто встречаемых образов, используемых в декоре культовых сосудов из памятников скифов и сарматов, а также других предметов ранних кочевников. Так, в качестве примера можно перечислить профильные изображения кабана на территории Казахстана из Шиликты (курган №5) в Тарбагатае [Черников, 1965]; из Центрального Казахстана – роговая застежка с «загадочной» картинкой из могилы комплекса Тасмола-5 (курган №3), пронизь из могильника Нурманбет-2 (курган №3) [Кадырбаев, 1966, рис. 62; 35]; зеркала из могильников Жиланды [Кадырбаев, 1974], Бирлика [Бейсенов, 2011], а Лебедевки (Западный Казахстан) [Тасамагбетов, 2003]; пронизь из Костанайской области [Сеитов, 2015; Базарбаева, Джумабекова, Швец, 2015].

Изображения животных на сосуде значительно отличаются от плоскостных воплощений этого образа в Юго-Восточном и Южном Казахстане [Швец и др., 2008; Бейсенов, Марьяшев, 2014; Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014]. Среди персонажей наскального искусства региона кабан представлен как в единичных сценах, так и в композициях. Однако стилистически они различаются: как правило, в петроглифах выделены клыки, показаны морды с подчеркнутым «пяточком», уши приостренные, полуовальные или округлые.

В декоре сосудов (предметов, которые можно было бы включить в разряд ритуальных на территории Жетысу/Семиречья (котлы с зооморфным декором, курильницы, жертвенные столы)), применяется определенный набор образов – кошачьи хищники (барсы, крылатые барсы), грифон, волк, верблюд, горный козел, архар, антилопа, бык, ворон, конь, человек. В качестве охранников содержимого ритуальных сосудов выступают барсы, быки, верблюды.

В плане зооморфного декора ковш вписывается в серию ритуальных сосудов ранних кочевников Жетысу, но форма и художественное оформление выделяют его. Среди ритуальной утвари эпохи ранних кочевников Жетысу пока еще не отмечены сосуды, декорированные изображением кабана, что, возможно, указывает на тонкое разграничение семантики образов, роли животных в мифологических представлениях кочевников и воинов.

В результате анализа металлических котлов эпохи ранних кочевников Жетысу мы пришли к выводу о том, что эту категорию сосудов можно определить как культовые атрибуты [Джумабекова, Базарбаева, 2013]. В частности, в декоре треногих котлов либо присутствует образ копытного животного, либо обозначена сцена терзания травоядного животного хищником. Предполагаем, что металлические котлы с ножками в виде конечностей травоядных животных; курильницы со сценой терзания или охоты в центре блюда; жертвенники с вереницей хищников, быков или верблюдов по борту столика использовались в качестве ритуальных атрибутов (в том числе в акте жертвоприношения копытных). Ковш, обнаруженный в этом же регионе, в декоре которого несколько раз продублирован образ кабана, вероятно, относится к разряду ритуальных.

В связи с этим важен вывод Е.Ф. Корольковой, проанализировавшей сцены охоты в искусстве ранних кочевников. Автор поддерживает ранее высказанную мысль о том, что сюжеты с охотой, как и сцены терзания животных, отражают мысль об эквиваленте этих действий жертвоприношению. Охота носила сакральный характер, а не предназначалась только для добычи пропитания. Сцены охоты, битвы, пира, терзания животных носят сакральный характер и отражают представления о смерти жертвы как средстве восстановления мирового порядка, гаранта воспроизводства жизни, цикличности, круговорота жизни и смерти [Королькова, 2003б]. Возможно, о схожей символической роли образов кабана и кошачьего хищника свидетельствуют бляхи, декорировавшие горит в Аржане-2 [Сугупов, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 42, 44].

Сакральная роль охоты отражена в золотых атрибутах с присутствием охотников и кабана (Балгазын; Сибирская коллекция Петра I). Важен вывод авторов публикации композиции из Балгазына о том, что, несмотря на «...этнографичность» ситуации, сцена несет более глубокую семантическую нагрузку, чем только показ обычной охоты на дикого кабана. По мнению авторов, в композиции нашел отображение какой-то неизвестный миф древних кочевников; изображение имеет кульгово-мифологический характер [Грач Н.Л., Грач А.Д., 1987, с. 134–148, 332–334]. Эти же выводы, видимо, можно отнести к сюжету на паре золотых застежек со сценой охоты из Сибирской коллекции [Артамонов, 1973, с. 136–137].

В эту серию ритуальных атрибутов, вероятно, можно включить кинжалы, декорированные изображениями различных животных (орлиные грифоны, кошачьи хищники, волки), в том числе и кабанов.

В связи с этим стоит упомянуть, что воплощениями бога войны и победы Вертрагны были верблюд, конь, птица, бык, баран, кабан, рыба, всадник, ветер [Акишев А.К., 1984а]. В обществе древних воинственных номадов, возможно, кабан играл важную роль в ритуалах, связанных с воинскими культурами, входил в круг воинской символики. Таким образом, можно предположить ритуальный характер сосуда с зооморфным декором из Жетысу, использовавшегося в воинских обрядах.

Полные аналогии сосуду из Алма-Аты не выявлены. Можно обратиться к сосу-дам, на которые указали С.В. Сиротин и М.Ю. Трейстер [2014]. В одиночном кургане

раннесарматского времени Яковлевка-2, погребение-5, были выявлены предметы импортного происхождения, среди которых – литой бронзовый сосуд. Он имеет цилиндрическое тулово, расширяющееся в донной части и по верхнему краю, с носиком в виде горизонтальной трубки, снабжен ручкой и двумя вертикальными петлями. Погребение датируется 2-й половиной IV в. до н. э., не позднее рубежа IV–III вв. до н.э. Авторы публикации отмечают близкие параметры сосудов из Яковлевки и Алма-Аты. В плане функционального назначения они предполагают, что они использовались для приготовления горячих напитков [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 214].

Предполагается, что сосуд из Яковлевки происходит именно из Жетысу. С рубежа VI–V вв. до н.э. функционировали караванные пути, по которым импортные изделия через территорию Дахистана и Хорезм могли попадать в Южное Приуралье. Жетысу находилось на трассе Северного отрезка Великого шелкового пути, шедшего через Ферганскую долину к Приаралью и далее на северо-запад в степи Южного Приуралья [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 215]. Небольшие медные (бронзовые) котелочки также, вероятно, маркируют этот путь.

Исходя из этого, можно предположить датировку сосуда из Жетысу 2-й половиной IV в. до н.э., рубежом IV–III вв. до н.э.

Третья аналогия, упоминаемая авторами, – сосуд, включенный в Новоалексеевский клад, найденный случайно в 1883 г. недалеко от современного Алматы [Акишев, Кушаев, 1963, с. 108–109]. Бронзовый сосуд шаровидной формы, имеет слив, длинную витую ручку (высота сосуда – 11 см, диаметр – 13 см, диаметр венчика – 9 см, длина ручки – 10 см). Котелок из Новоалексеевки, в свою очередь, относится к ряду металлических сосудов, бронзовых котелков, распространенных в Нижнем Поволжье, Южном Приуралье и на Памире [Демиденко, 2008, рис. 111–113; Литвинский, 1972, с. 43–50].

Более отдаленная аналогия – деревянный черпак из кургана Иссык. Несмотря на то, что материал, из которого изготовлен предмет, другой, но сосуд состоит из чаши с длинной ручкой, оформленной в виде 11 валиков с резным набалдашником. Длина ручки составляет 25 см [Акишев, 1978, с. 31; ил. 54]. Всесторонний анализ комплекса кургана Иссык позволили А.К. Акишеву [1984б, с. 93] отнести атрибуты Золотого человека, в том числе набор посуды, к разряду ритуальных, носящих сакральный характер. Датировка кургана Иссык – IV в. до н.э.

Общность материала южно-уральских, западносибирских и среднеазиатских памятников скифского времени при анализе материала из могильника Филипповка отмечает А.Х. Пшеничнюк. Он считает, что это свидетельствует о прямой генетической связи южноуральских номадов с сако-массагетским миром [Пшеничнюк 2002, с. 37]. Надо отметить, что сосуды, выявленные в Филипповских курганах, – изделия с рокошным зооморфным декором, в том числе с ручками в виде фигурок животных.

Следовательно, сосуды с зооморфным декором, вероятно, относятся к разряду ритуальных. Мы солидарны с заключением Е.Ф. Корольковой [2002, с. 50] в том, что к сакральной сфере следует отнести и кружкообразные сосуды с зооморфной ручкой из богатых сарматских погребений I в. н. э. из золота и серебра с двумя боковыми вертикальными ручками в виде фигурок кабанов и волков, упоминаемые выше. В этом плане сосуды с декором в виде хищного животного – чаши, кружки, котлы и небольшие котелочки – «...объединяются символикой потустороннего мира, смерти и жертвоприношения» [Королькова, 2002, с. 51; Джумабекова, Базарбаева, 2015].

Библиографический список

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984а.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984б.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Базарбаева Г., Джумабекова Г., Швец И. Лики Степи в искусстве древних кочевников Тургая // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай ; Алматы, 2015.
- Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. Алматы, 2011.
- Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы, 2014.
- Грач Н.Л., Грач А.Д. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение Скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории. 1993. №3.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М., 2008.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы, 2013.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. К изучению декора котла из Жетысу // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К. Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Королькова Е.Ф. Ритуальная посуда кочевников // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2002.
- Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003а. №36.
- Королькова Е.Ф. «Священная охота» – мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003б.
- Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан : научный каталог. Алматы, 2011.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Мордвинцева В., Хабарова Н. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии : каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2002.
- Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана, 2014.
- Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015.
- Сенигова Т.Н. К вопросу о генезисе культуры Семиречья (VI в. до н.э. – XII в. н.э.) // Вестник АН КазССР. 1967. №4.
- Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир. Уфа, 2014.
- Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы, 2003.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965.
- Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Сауыскандык в Южном Казахстане // Вестник КарГУ. Серия: История, философия, право. 2008. №4 (52).
- Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Berlin, 2010.

Ю.Н. Есин

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Абакан, Россия*

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ РОГА ОКУНЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ИТКОЛЬ-II В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВА СКИФО-САКСКОГО КРУГА

Недавно сделанная находка восьми миниатюрных изображений из рога оленя в могиле-4 кургана №14 могильника Итколь-II в Минусинской котловине оказалась весьма важной для изучения ряда актуальных проблем археологии Центральной Азии и Сибири. Основная информация об этом погребальном комплексе в Ширинском районе Республики Хакасия уже опубликована [Поляков, Есин, 2015]. Найденные изображения отнесены к раннему этапу окуневской культуры и проанализированы в контексте окуневского искусства. Данная работа посвящена их краткому сравнительному анализу с другой группой материала – искусством скотоводов евразийского степного пояса в эпоху раннего железа.

Наибольшее значение для сравнительного анализа с изобразительными материалами скифо-сакского искусства Евразии имеют три стержневидных изделия, предназначавшихся для крепления на кожаных ремешках и лежавших на груди ребенка в колыбели. На каждом из них вырезано несколько образов, при этом узкий конец имеет форму головы птицы с длинным клювом, а на широком показана открытая пасть хищника (рис. 1). По форме, размерам и общей композиции они обнаруживают любопытное сходство с художественными изделиями стержневидной формы из отростка рога оленя или клыка кабана, а также их имитациями из бронзы, которые в эпоху раннего железа получили распространение от Центральной Азии до Северного Причерноморья (рис. 2). Подобно находкам из окуневского погребения их применение тоже связано с кожаными ремешками, правда, используемыми для иных целей: изделия эпохи железа служили подвесками на конской узде, псалями, деталями пояса возле кинжала или меча, колчанными крюками. Важнейшая особенность их оформления – устойчивое сочетание головы птицы на узком конце и пасти хищника на широком. Как и у окуневских изделий, композиция предметов эпохи железа максимально использует естественную форму заготовок (отросток рога, клык). Большое число предметов с такой композицией в эпоху железа свидетельствует о существовании традиционной связи этого типа композиции с таким типом (по форме, материалу и функции) предметов. Стилистически образы скифского времени отличаются от окуневских, однако птица на предметах этого круга тоже длинноклювая, клюв ее тоже порой показан приоткрытым, позади глаз изображены уши или завитки из перьев, а пасть хищника открыта. Очень показательна такая деталь, как завитки позади глаз птицы на одном из окуневских предметов (рис. 1.-2). Они здесь совершенно не случайны, так как представлены и у хищных птиц на одной из каменных стел [Леонтьев и др., 2006. №140]. Кроме того, сама композиция из пары голов птиц (рис. 3.-1) на этой стеле точно соответствует одному из типов композиций эпохи железа, наиболее широко распространенной в качестве навершия кинжалов (рис. 3.-2). На той же окуневской стеле обращает на себя внимание манера показа крыла птицы поднятым вверх с загнутым вперед кончиком (рис. 3.-3), как это типично для многих образов в искусстве скифо-сакского круга (рис. 3.-4).

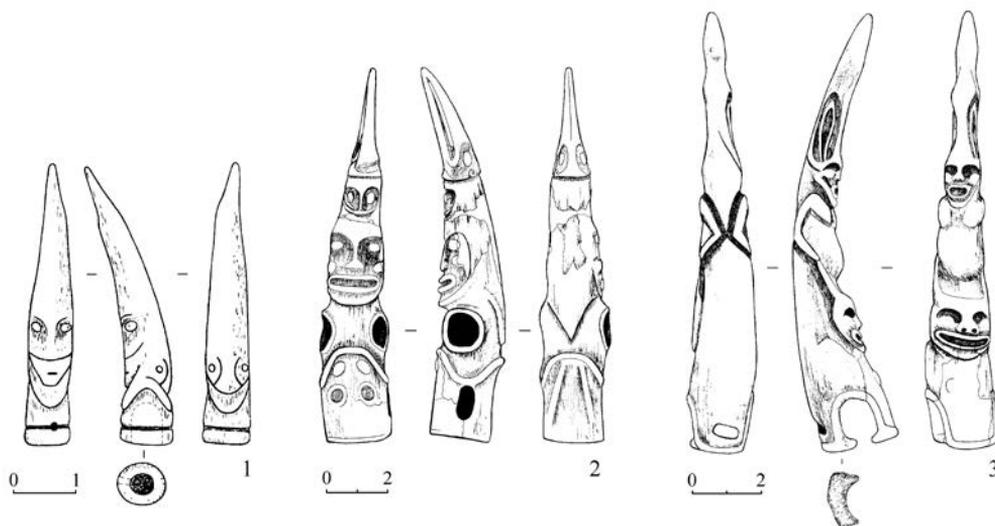

Рис. 1. Изделия стержневидной формы из могилы №4 кургана №14 могильника Итколь-II (рог)

Наряду со сходством сравниваемых изделий по ряду признаков имеются и принципиальные отличия. Главное из них в том, что центральный образ окуневских стержневидных изделий – антропоморфный персонаж – на предметах скифо-сакского круга отсутствует. На артефактах этого культурного круга антропоморфные изображения вообще крайне малочисленны. В то же время отдельного внимания заслуживает высокий конусовидный головной убор окуневских персонажей. Его задняя часть имеет форму треугольника вершиной вниз, который закрывает шею и опускается на спину (рис. 1.-2–3), а на вершине шапки расположена голова птицы. Схожую форму имела высокая конусовидная войлочная шапка саков *tigraxauda* (рис. 4.-1) [Яценко, 2011а, рис. 1.-1]. Похожий по общей форме головной убор, судя по греческой вазописи VI в. до н.э., бытовал и у скифов Причерноморья [Яценко, 2006, рис. 23]. Схожая форма при меньшей длине задней треугольной части имеется у реконструированного конусовидного головного убора из сакского кургана Иссык в Казахстане (рис. 4.-2). Вместе с тем изображения головы птицы на вершине этих шапок не встречено. В этом отношении они более сопоставимы с серией простых конусовидных головных уборов раннеокуневских антропоморфных фигур, вырезанных на камне [Есин, 2009, рис. 3.-3; 2010, рис. на с. 71]. С другой стороны, на вершине шапки из кургана Иссык расположен образ барана, что тоже имеет параллель в оформлении некоторых окуневских каменных стел, верхняя часть которых может восприниматься как высокий головной убор центрального лика [Леонтьев и др., 2006, №111]. Изображение головы птицы являлось традиционным элементом головного убора населения пазырыкской культуры Алтая, типологически схожего, но имевшего меньшую высоту и другую форму заднего края (рис. 4.-3). Часто эта птица похожа на журавля, но порой вместо нее или наряду с ней встречается и голова хищной птицы, и образ копытного [Черемисин, 2008, с. 64, табл. XXVIII, XL]. Голова птицы, которая могла соотноситься с оформлением невысокого головного убора, изображена на вершине каменной стелы из с. Бельтыры [Есин, 2010, рис. на с. 7].

Рис. 2. Предметы стежневидной формы скифского времени:
1 – псалий (рог), 2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э., Алтай (могильник Талдура-1); 2 – подвеска уздечная (бронза), VI в. до н.э., Алтай (6-й Тузуктинский курган); 3 – подвеска при мече (клык кабана), 1-я половина V в. до н.э., Нижнее Поволжье (могильник Заханата); 4 – уздечная подвеска (бронза), V в. до н.э., Нижнее Поволжье (Хошеутово) [Королькова, 2006, табл. 60.-5, 11; табл. 63.-1; табл. 65.-3]

Рис. 3. Некоторые особенности изображений птиц окуневской культуры в сравнении с искусством скифо-сакского круга: 1, 3 – изображения на окуневской стеле №140; 2, 4 – навершие бронзового кинжала из Минусинской котловины и фигурка хищника из Семиречья [Артамонов, 1973, рис. 49, 119]

Хотя антропоморфные изображения на изделиях из окуневского погребения не находят аналогов в скифо-сакском искусстве, возможно их сравнение с материалами иных источников, связанных с той же культурной средой. В частности, в контексте сравнения со скифо-сакскими традициями необходимо обратить внимание на фигуру беременной женщины с длинными ушами, вырезанную на одном из предметов (рис. 1.-3).

Форма, размер и расположение ушей позволяют считать их заячьими. С одной стороны, это указывает на особое качество слуха данного персонажа, с другой – может являться индикатором наличия особых репродуктивных качеств, присущих животным данного семейства. Здесь же необходимо отметить, что не только на роговом стержне, но и на окуневских каменных стелах столбообразной формы персонаж с такими ушами наделен женской грудью и выпуклым животом, т.е. сочетание этих признаков не случайно [Леонтьев и др., 2006, №103]. В связи с этим заслуживает внимания, что в культуре скифов изображения зайцев тоже прежде всего связаны с женской сферой (украшения женских головных уборов и др.) [Полидович, Вольная, 2005, с. 424]. Но особый интерес представляет осетинская легенда про родоначальницу племени, которую герой встречает в образе зайца [Кузьмина, 2010, с. 56; Нарты, 1990, с. 302–306]. Сама легенда восходит к аланам – одному из племен массагетов и, вероятно, имеет общий генезис с легендой о происхождении скифов, пересказанной греками [Раевский, 1985, с. 62; 1977, с. 44]. В ряду рассмотренных аналогий сходство мифического женского образа окуневского искусства и представлений о прародительнице скифов, являвшейся также богиней земли и воды, может оказаться неслучайным.

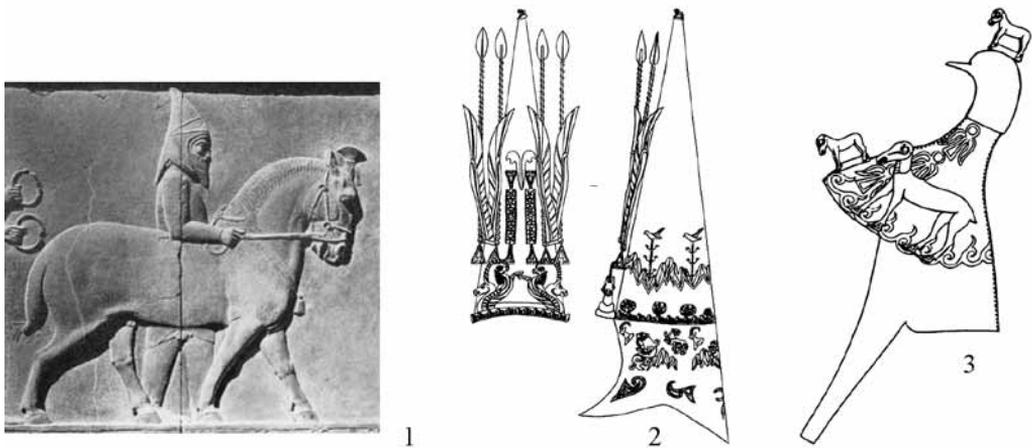

Рис. 4. Головные уборы эпохи раннего железа: 1 – изображение сака на рельефе в Персеполе [Артамонов, 1973]; 2 – реконструкция головного убора из кургана Иссык [Акишев, 1978]; 3 – головной убор из Ак-Алахи I, курган №1 [Полосьмак, 1994]

На одном из окуневских роговых предметов пасть хищника развернута в сторону узкого конца и заглатывает туловище антропоморфной фигуры (рис. 1.-2). Подобная композиция встречается и на каменных стелах окуневской культуры [Есин, 2010, рис. на с. 108]. Она допускает сопоставление с характерной для скифо-сакского искусства темой терзания, хотя аналогов ей в этом искусстве неизвестно. Наиболее близкий аналог этой окуневской композиции можно найти в искусстве Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

Образы, представленные на других изделиях из могилы-4 кургана №14 могильника Итколь-II – водоплавающие птицы, кабан, лось – тоже имеют параллели в скифо-сакском искусстве. Обращают на себя внимание сходные черты в трактовке образа кабана. У изделия с оз. Иткуль во рту показаны зубы. Эти же признаки – открытая пасть,

показ зубов – типичны для изображений кабанов скифского времени, что позволяет допускать определенную смысловую близость этих образов в окуневском и скифо-сакском искусстве.

Роговые изделия из окуневского погребения могильника Итколь-II, несомненно, демонстрируют наличие у окуневцев развитой традиции художественной резьбы. Сфера ее применения с учетом технологической взаимосвязи резьбы по рогу с обработкой дерева [Бородовский, 1997, с. 15, 120] могла быть достаточно широкой. Наличие такой традиции тоже сближает окуневское искусство с искусством кочевников скифо-сакского круга. Не исключено, что если бы в погребениях окуневской культуры сохранялись изделия из дерева, их было бы не меньше, чем в курганах с мерзлотой пазырыкской культуры Алтая.

Приведенные выше параллели между новыми находками окуневской культуры и материалами скифо-сакского круга не являются неожиданными. Они дополняют уже публиковавшиеся ранее наблюдения. В частности, Б.Н. Пяткин и Я.А. Шер отмечали сходство в трактовке глаз кружком у зооморфных образов; в наличии изображений головы зверя с открытой пастью, составленной из двух симметричных профилей ее верхней половины; в декоре на туловище животных [Пяткин, 1987, с. 83; Шер, 1998, рис. 2–3, с. 225]. Другие авторы указывали на параллели в изображении грифонов, «солярных» знаков [Vokovenko, 1996, fig. 16, 17, p. 121], обращали внимание на наличие изображений колющего метательного оружия в оформлении головных уборов у персонажей на стелах окуневской культуры и на головном уборе из кургана Иссык; совмещение в рамках одного окуневского визуального образа формально несовместимых элементов, что подобно принципам построения «загадочных картинок» и приему «зооморфных превращений» в скифо-сакском искусстве [Есин, 2010, с. 26, 48; 2012, с. 33] и т.д.

Такое количество общих признаков требует исторического осмысления. Действительно, в чем причина сходства композиции стержневидных изделий, других особенностей окуневского и скифо-сакского искусства, которые разделяет более тысячи лет? Если сходство между этими явлениями не случайно, то каковы пути и механизмы трансляции традиционных элементов культуры? Сама окуневская культура – явление достаточно локальное, развитие которого прерывается во II тыс. до н.э. с появлением в Минусинской котловине андроновской и карасукской культур. Поэтому непосредственную преемственность между окуневским искусством Минусинской котловины и скифо-сакским предполагать сложно. Однако окуневская культура не была абсолютно уникальна – в тот же период эпохи бронзы в горно-степных районах Центральной Азии существовали и другие близкие по многим признакам культуры ранних скотоводов. Возможно, передачу ряда традиций скифо-сакскому искусству могли обеспечить они. Свой вклад могли внести и потомки носителей самой окуневской культуры, если справедлива гипотеза об их вытеснении из Минусинской котловины на юг пришедшими с севера андроновцами. С другой стороны, по одной из гипотез корни искусства скифо-сакских племен связаны с традициями эпохи бронзы Бактрии и сопредельных областей [Кузьмина, 2010, с. 118]. Возможно ли, чтобы в окуневской культуре был представлен тот же компонент? Такая постановка вопроса кажется вполне вероятной, поскольку целый ряд особенностей окуневского искусства находит параллели в западных районах Центральной Азии второй половины III тыс. до н.э., там же имеются аналоги достаточно специфической конструкции окуневских повозок [Есин, 2012]. Но эта тема заслуживает отдельной работы.

Библиографический список

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск, 1997.
- Есин Ю.Н. Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туим в Хакасии (к 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3 (39).
- Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. Абакан, 2010.
- Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. №1 (3).
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.
- Кузьмина Е.Е. Искусство и мифы бактрийцев и скифов: В стране Кавата и Афрасиаба. М., 2010.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1990.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994.
- Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №2 (43).
- Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск, 2008.
- Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
- Яценко С.А. Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011.
- Vokovenko N.A. Asian influence on European Scythia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Vol. III. Leiden; New-York, 1996.

А.А. Ковалев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

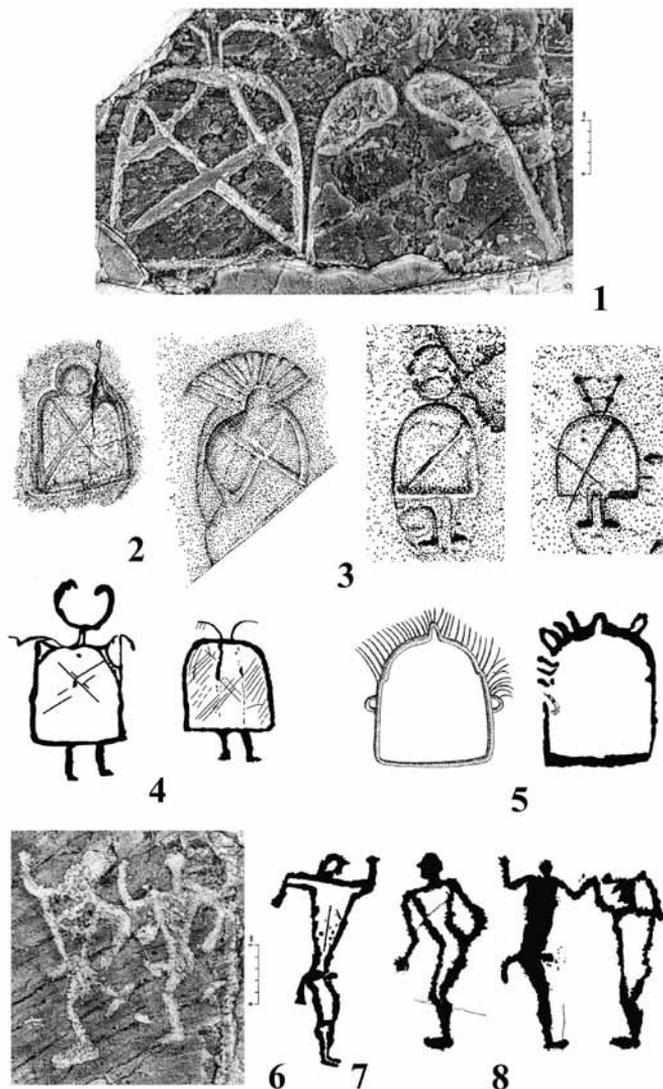
БАССЕЙН ВЕРХНЕЙ КОБДО КАК ЧЕМУРЧЕКСКАЯ РИТУАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Летом 2015 г. российско-монгольский отряд Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции под руководством А.А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра исследовал чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут 1, расположенный на правом (северном) берегу реки Годон-гол, притока реки Кобдо (Ховд) (Уланхус сомон Баян-Ульги аймака Монголии). Как было установлено в ходе раскопок, сооружение

представляло собой прямоугольную каменную платформу размерами в плане около 35 x 25 м, ориентированную длинной осью по линии запад-восток с отклонением 10 градусов против часовой стрелки. Стенки платформы были устроены из установленных вертикально каменных плит, выведенных на высоту около 1 м от уровня древнего горизонта. Внутреннее пространство этой ограды, за исключением центральной части, было занято каменной наброской мощностью до 1 м. В центре наброска расступалась, образуя открытую подпрямоугольную площадку. У середины восточной стороны ограды была установлена стела, в качестве которой использована необработанная симметричная глыба серого гранита. К восточной стенке ограды примыкала подпрямоугольная выкладка длиной 37 м, шириной 25 м, устроенная из валунов, уложенных на уровне древней дневной поверхности. В состав выкладки входил центральный прямоугольник, к западу и востоку от которого по одной линии были устроены удлиненные порталы; с севера, юга и востока этот «коридор» окаймлен периметральной кладкой.

В ходе полевых исследований установлено, что снаружи большинство плит ограды были украшены выбитыми изображениями фантастических существ в виде усеченных эллипсов и прямоугольников с «антеннами» (рис.-1), антропоморфных фигур с одной ногой, показанной в профиль (рис.-6), быков с S-видными рогами и «двумя» ногами, гравированными рисунками рядов треугольных фестонов и листовидных фигур. Судя по находкам в центральной части платформы, устроенная здесь в древности открытая площадка служила для обзора сложных композиций, включающих различные знаки, антропоморфные и зооморфные фигуры, изображения стоп, четырехколесной повозки и др. Кроме того, под оградой с северной стороны был найден клад антропоморфных слазевых пластинок с гравировками в виде рядов свисающих треугольных фестонов и гирлянд из листовидных фигур.

Архитектура прямоугольной платформы в композиции со стелой в точности соответствует стандарту чемурчекских памятников китайской части Монгольского Алтая [Ковалев, 2011, с. 184]. Наибольшая концентрация таких сооружений наблюдается собственно в волости Чемурчек (Чемерчек) городского округа Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, откуда до места наших раскопок по известной издревле горной дороге через перевал Урмогайты будет не более 100 км [Сапожников, 1949, с. 360–373]. Ритуальные площадки с выложенными камнем по контуру прямоугольниками и порталами были выявлены с востока от чемурчекских курганов при раскопках в Ховд аймаке Монголии [Тишкин и др., 2012]. Несколько фантастических фигур вышеописанного типа выбиты на типичных чемурчекских стелах [Ковалев, 2012, с. 81, 87] (рис.-2–3). Изображения быков с вытянутой мордой, S-видными, направленными вперед рогами, кисточкой на хвосте и непременным изображением двух (а не четырех) ног я связал с чемурчекским культурным феноменом еще в конце прошлого века [Kovalev, 2000, s. 152–157; Ковалев, 2005, с. 184]. Параллельные ряды треугольных фестонов в связи с многочисленными находками таких композиций в росписях чемурчекских курганов мною также было предложено считать чемурчекским атрибутом, берущим начало в контексте мегалитических культур позднего неолита Западной Европы [Ковалев, 2011, с. 201]. Таким образом, культурная атрибуция исследованного памятника не вызывает сомнений, датирован он по аналогиям предварительно может быть последней третью III тыс. до н.э. (уточнение датировки ожидается по данным радиоуглеродного анализа).

Рисунки на плитах комплекса Хар чулуут-1 и аналогии: 1, 6 – Хар чулуут-1, (эстампажи рисунков (ХЧ-М1-10, ХЧ-219, выполнены А.Н. Мухаревой); 2–3 – изображения на чемурчекских изваяниях из уезда Бурчун (по: [Ковалев, 2012]); 4, 7 – рисунки из Бага-Ойгор (по: [Кубарев и др., 2005]); 5 – рисунки на плитах гробниц Бретани (по: [Ковалев, 2012]); 8 – изображения из Сауыскандыка (по: [Самашев и др., 2014])

В ходе разведки, предпринятой в том же сезоне, в 15 км к югу от комплекса Хар чулуут, у подножия главного хребта Монгольского Алтая, нами обнаружен еще один памятник того же типа – прямоугольная каменная платформа размерами в плане 60 x 40 м, ориентированная длинной осью по линии 3–В. В качестве подъемного материала вблизи памятника собраны обломки подработанных в верхней части плит ограды с выбитыми изображениями.

Результаты исследований 2015 г. вновь ставят на повестку дня вопрос о первоначальной функции подпрямоугольных оград чемурчекского типа, раскопанных нашей экспедицией в 2004 г. в 100 км к северу – на реках Кара-Джамат-гол и Ойгор-гол [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014]. Еще одна ограда такого типа найдена нами в 2004 г. на левом берегу реки Цаган-гол в том же горном районе. Все эти ограды были составлены из установленных на ребро каменных плит, три из них сопровождалась стелами, установленными у середины короткой (восточной или южной) стороны; в трех случаях из четырех зафиксировано, что огражденная каменной стенкой площадка долгое время (200–300 лет) оставалась открытой, в ее средней части устраивалась земляная яма, которая затем заполнялась мешаной землей вперемешку с камнями, древесным углем и резаными трубчатыми костями. Четвертый памятник (Кара тумсик / Хар хошуу) был сильно поврежден грабительской ямой, однако и там в центральной части собраны многочисленные угли и резаные кости. Кроме того, этот памятник представлял собой две трапециевидные ограды, сопровождавшиеся стелами с восточной стороны, первая из которых была частично разобрана при устройстве второй – большего размера.

Я уже высказывал предположение о том, что устройство ритуальных оград связано с особой значимостью этих мест как сакральной территории, учитывая огромную концентрацию петроглифов бронзового века в находящихся неподалеку комплексах Цагаан салаа, Бага ойгур и Шивээт хайрхан [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 163; Кубарев и др., 2005; Кубарев, 2009]. На этих местонахождениях зафиксированы многочисленные изображения «чемурчекских» двуногих быков с S-видными рогами [Кубарев и др., 2005, рис. 32–35]. Здесь же мы видим и рисунки фантастических существ с «антеннами» (рис.-4) [Кубарев и др., 2005, с. 73-76, рис. 69] (обнаруженная нами на Хар чулуут серия таких фигур, на мой взгляд, не подтверждает мнения В.Д. Кубарева о том, что таким образом изображался «шаман», укрытый накидкой или ширмой; более того, иконография образа, как уже отмечалось мною, восходит к символическим фигурам неолита Франции (рис.-5) [Ковалев, 2012, с. 155–156]. «Пляшущие» одноногие фигуры, туловище которых развернуто анфас, а нога – в профиль, зафиксированы и в петроглифах Бага ойгура (рис.-7) [Кубарев и др., 2005, рис. 78.-8–9]. Группу из шести таких персонажей в ряд удалось зафиксировать и нам в ходе разведки 2004 г. на северном берегу реки Цагаан гол.

В то же время собственно погребальные сооружения чемурчекского типа на северо-западе Баян-Ульгийского аймака Монголии пока не обнаружены, несмотря на то, что этот регион непосредственно граничит с территорией распространения наиболее известных чемурчекских памятников, сопровождающихся искусно выделанными статуями [Ковалев, 2012].

Добытый за последние два десятилетия исследований материал позволяет выдвигать предположение об использовании чемурчекским населением в качестве ритуальной территории бассейна верхней Кобдо (с озерами Даин-нур и Хотон-нур, притоками Годон-гол, Цаган-гол, Согог-гол) вплоть до горного узла Таван-Богдо-уул с его ледниками. Эта гипотеза ставит на повестку дня задачу археологического обследования предгорной и горно-ледниковой зоны в целях обнаружения следов религиозных мистерий чемурчекских жрецов, в том числе, возможно, останков жертв и ритуальных кладов.

В связи с изложенными наблюдениями особый интерес вызывают также недавно опубликованные материалы выдающегося петроглифического памятника Казахстана – Сауыскандык (хребет Большой Каратау) [Самашев и др., 2014]. Там, в 1500 км от

Баян-Ульги, обнаружены уникальные для Казахстана «одноногие» антропоморфные фигуры, представляющие собой ближайшую аналогию чемурчекским (рис.-8), а также многочисленные изображения быков в «чемурчекском» стиле. Весьма вероятно, что здесь располагался ритуальный центр населения, находившегося в религиозном общении с носителями чемурчекского культурного феномена.

Библиографический список

- Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. №1.
- Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2014 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I : Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2009.
- Самашев З., Елеуов М., Мургабаев С. Петроглифы урочища Сауыскандык. Астана, 2014.
- Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1949.
- Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012.
- Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek // Eurasia Antiqua. Bd. 5 (1999). 2000.

Т.С. Матехина

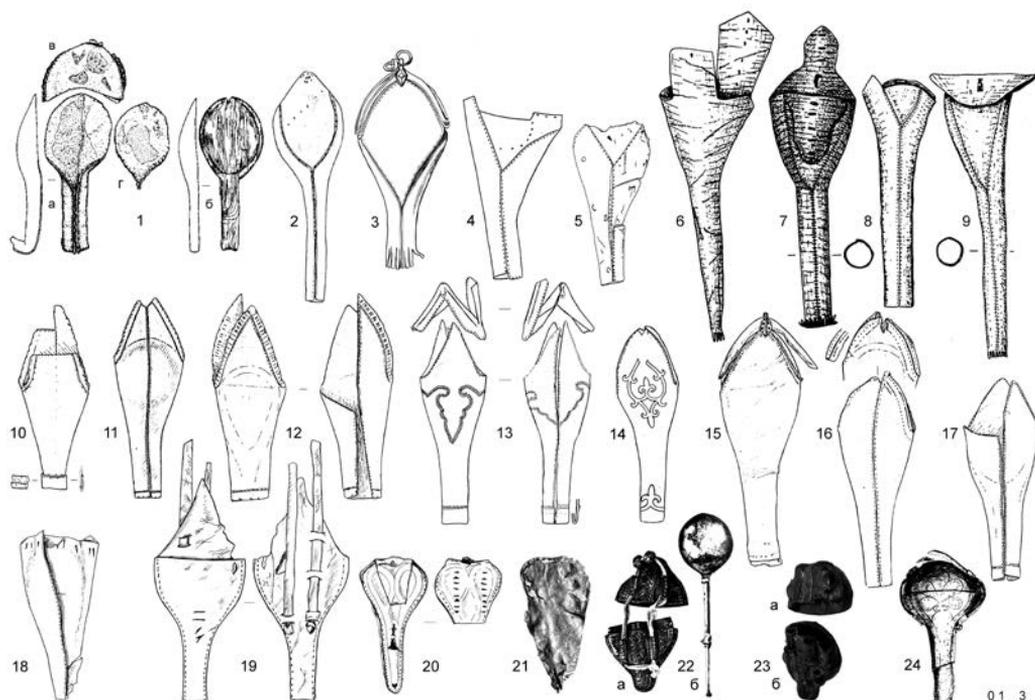
Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЖАНЫЕ ЧЕХЛЫ ДЛЯ ЛОЖЕК

Кожаные предметы из археологических исследований обычно имеют фрагментарную сохранность, и поэтому находки, которые содержат информацию о внешнем виде и использовании изделий из кожи, очень важны. Так, меня заинтересовала деревянная ложка с кожаным чехлом, найденная в 1994 г. в погребении всадника позднетюркского времени, или эпохи «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.) в кургане №7 могильника Талдуаир-1 [Кубарев, 2005, с. 50, 128, 205–206, рис. 21.-1–4; рис. 104.-1–2, 5–6]. Она считается уникальной для древнетюркских захоронений [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1997, с. 10].

Более поздние ложки, дошедшие до нас вместе с кожаными чехлами, тоже единичны. Сохранились две западноевропейские серебряные ложки с орнаментированными кожаными футлярами в виде раздвижных коробочек XIV–XV вв. в Кёльнском городском музее (рис.-22а–б [Die Hanse, 1989: 204–205; abb. 12.-5, i])¹ и в Британском музее Лондона (рис.-23а–б)². Деревянные ложки с кожаными чехлами 1-й половины XVII в. найдены на Украине при археологическом исследовании места битвы 1651 г. под с. Берестечко (рис.-6–9). Руководитель этих исследований И.К. Свешников отме-

чает, что под Берестечком такие находки многочисленны, при этом у всех деревянных ложек были кожаные чехлы [Свешников, 1992, с. 182–185, рис. 35–36]³.

Кожаные чехлы для ложек: 1, а–г – могильник Талдуаир-I, курган №7: 2–5 [Кубарев, 2005, с. 50, 128, 205–206, рис. 21.-1–4; рис. 104.-1–2, 5–6]; 2–5, 10–21 – Новгород [Матехина, 2009, с. 156–167]; 6–9 – Берестечко [Свешников, 1992, с. 182–185, рис. 35–36]; 22 – Кёльн [Die Hanse, 1989, с. 204–205; abb.12.-5, i]; 23 – Лондон [The British museum, 1899, 1209.3 [Electronic resource]. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=44537&partId=1&searchText=1899,1209.3&page=1 (дата обращения: 14.03.2015); 24 – Стокгольм [Strandberg, Fredriksson, с. 238, fig. 209]

Остальные рассматриваемые кожаные чехлы из раскопок в древнерусских городах из слоев конца XII–XVI вв.: Новгорода⁴, Пскова [Оятева, 1966, с. 93, рис. 10, 6]⁵, Твери⁶, Москвы [Осипов, 2014, с. 88, рис. 55]⁷, а также раздвижной кожаный футляр XIV в. из раскопок в Стокгольме (рис.-24 [Strandberg, Fredriksson, 238, fig. 209]) найдены пустыми. Заключение об использовании их для ложек сделано на основании отпечатков на коже, близости формы и размеров этих кожаных предметов и ложек, а также по аналогиям⁸.

Преобладающее большинство чехлов для ложек были в виде раструба, открытого с двух концов, односоставными и однослойными. Кожаная заготовка охватывала ложку в продольном направлении, закрывая рукоять, и была сшита, как правило, *наружным*⁹ швом.

У чехла из Талдуaira, четырех чехлов из Берестечка [Свешников, 1992, с. 184] две детали: прямоугольная основа с расширением в средней части и каплевидная или треугольная вставка у лопасти ложки.

В то же время большинство новгородских чехлов (преимущественно 1-й половины XIV в.), один чехол из Твери¹¹ и оба чехла из Москвы выкроены без вставки на месте лопасти и сшиты вдоль всей осевой линии. Выпуклость на месте лопасти у них предусмотрена выкройкой или образовалась впоследствии. Примерно у половины таких изделий расширяющаяся часть составлена из кусочков кожи, аккуратно сшитых *тачным* (стык в стык) швом с *бахтармянной* (внутренней) стороны кожи, что делало соединение менее заметным. При этом самый ранний новгородский чехол (из слоя 2-й трети XIII в.) и, судя по описанию Е.И. Оятевой, чехол из Пскова были сшиты с *бахтармянной* стороны *выворотным* швом (т.е. вывернуты, так что стачанные края оказались внутри чехлов).

У большинства чехлов открытый верхний край и у некоторых также нижний край были обшиты. Это украшало изделие и укрепляло его края. Отделка краев выполнена разными способами. Полностью она сохранилась только у четырех новгородских (рис.-3, 13, 15–16) и одного из московских чехлов.

Необходимо отметить преобладание следующего способа окантовки. На лицевой поверхности чехла предварительно делали надрез вдоль верхнего края, отступя от него приблизительно 1 см. С полученным таким образом дополнительным краем стачивали край кожаной полоски. Окантовочная полоска сохраняется редко, но описанный способ отделки можно определить по редким отверстиям шва *через край* и частым маленьким отверстиям *тачного* шва *на надрезе*. Важно, что аналогичный способ, но не настолько «ювелирный», характерен для отделки края голенищ сапог жёсткой конструкции восточного типа в XV в.

У чехла из Талдуaira отверстия шва вдоль полукруглого фрагмента (рис.-1в), который может быть отслоившимся фрагментом большей детали (рис.-1г), вероятно, также связаны с отделкой устья чехла.

Для чехлов из Берестечка характерно оформление нижнего края нарезанными зубчиками [Свешников, 1992, с. 184, рис. 35.-4–6], подобная отделка есть и у одного новгородского чехла.

У двух новгородских чехлов швы вдоль краев нефункциональные и, видимо, имитируют описанную выше обработку краев.

Дополнительная отделка есть только у трех чехлов. У двух новгородских чехлов конца XIV в. – 1-й половины XV в. использован контурный криновидный орнамент: в одном случае крупный орнамент выполнен *тачным* швом *на надрезе*, в другом более детальный стилизованный растительный орнамент, напоминающий декор кожанных изделий из Казани ханского времени [Валиев, 2009, рис. 8, 25], нанесен приостренным инструментом. Чехол из Московского Кремля имеет следы декоративного шва [Осипов, 2014, рис. 55.-4–5], также создающего криновидную фигуру.

В готовый чехол ложка (возможно, не одна) вкладывалась через широкое устье вперед рукоятью. Открытый нижний край делал чехол более универсальным.

Верхний край чехлов из Талдуaira и древнерусских городов имеет выпуклое дуговидное или треугольное очертание. В отличие от них, у чехлов для ложек из Берестечка верх петлевидно вырезан. По описанию И.К. Свешникова, чехлы «с двумя клапанами сверху, которые прикрывали черпак и завязывались шнурком. У некоторых футляров есть сзади петелька для подвешивания ложки на поясе, другие крепились к поясу тем же шнурком, которым завязывали футляр» [Свешников, 1992, с. 184]. К сожалению, не совсем понятно, что имеется в виду под клапаном: открытая с боков вы-

ступающая верхняя часть [Свешников, 1992, рис. 35.-5] или то, что верхнюю часть с клапаном загибали вперед, перекрывая чехол до уровня максимального расширения [Свешников, 1992, рис. 35.-4]. Хотелось бы также знать, насколько сохранились шнуры или ремешки, которыми завязывали чехлы с ложкой.

Отмечу, что ни у алтайского чехла, ни у древнерусских чехлов никакие ремешки или шнуры для закрывания или подвешивания не сохранились. В то же время следы подобных приспособлений на обеих сторонах сверху устья есть практически у всех чехлов.

Судя по прорезям и отверстиям на коже, ремешок могли продевать сверху на обеих сторонах чехла, через прорезы, которые, возможно, были укреплены кожаными накладками. Следы подобного приспособления есть у чехла из Талдуaira, одного чехла из Новгорода, чехлов из Пскова и Твери.

У одного новгородского и обоих московских чехлов [Осипов, 2014, с. 88, рис. 55.-4–5] вдоль всего верхнего края через частые прорезы был продет ремешок, который мог стягивать верхний край и служил для подвешивания¹².

В Новгороде найдены чехлы с маленькими металлическими накладками с петельками, накладки прикреплены заклепками: у одного чехла орнаментированные бронзовые накладки (рис.-15), у другого – свинцово-оловянистые накладки, в петельках есть колечки (рис.-3). Остатки железных накладок сохранились еще у двух чехлов. Судя по отпечаткам на коже, подобные накладки могли быть еще у двух чехлов. И еще у двух чехлов вырван верхний кончик, который мог быть утрачен вместе с несохранившейся накладкой.

Среди археологических находок встречаются предметы, *напоминающие* чехлы для ложек.

Два кожаных изделия из слоёв последней трети XIII в. – 1-й половины XIV в. Новгорода имеют конусовидную форму и сшиты вдоль *тачным* швом, одно из них сшито *бахтармянной* стороной кожи наружу (рис.-18). Вдоль верхнего края сделаны небольшие частые прорезы, через которые был пропущен ремешок для стягивания.

У предмета, соответствующего форме ложки, но сшитого сбоку *выворотным* швом, из раскопок в Твери¹³ на коже сохранились отпечатки, возможно, от лопасти ложки и сверху несколько прорезей, вероятно, для закрепления ремешка для подвешивания. Похожее, но более грубое изделие из слоев Новгорода конца XII – 1-й трети XIII в. было сшито сбоку *наружным* швом *через край*. Это мог бы быть самый простой и ранний вариант чехла для ложки.

В то же время подтреугольное изделие из слоёв около XI в. Новгорода, выполненное несколько иначе, как мне представляется, могло быть чехлом на лезвие топора (рис.-21) [Матехина, 2009, с. 164]¹⁴.

Также в слое 2-й трети XIII в. Новгорода найден чехол с явными отпечатками шарнирных ножниц. Для него характерна форма в виде дуговидно сужающегося плоского раструба. По размерам он несколько меньше чехлов для ложек. Выкройка состоит из двух половинок, задняя с клапаном для закрывания. Эти детали, судя по следам на коже, с трех сторон были обшиты кожаной полоской и соединены простым наружным швом. Небольшие парные прорезы свидетельствуют о том, что клапан дополнительно закрывался ремешком, а чехол подвешивался. Находки кожаных деталей с такими признаками, по моему мнению, стоит относить к чехлам для ножниц¹⁵.

Футляры в виде раздвижных коробочек западноевропейского происхождения состоят из двух объемных частей. Их основа изготовлена из толстой жесткой кожи. Сна-

ружки она оклеена (рис.-22–23) или обшита (рис.-24) более тонкой кожей, украшенной тиснением, гравировкой, окраской. Половинки футляра подвижно соединены кожаным ремешком (или шнуром), которые одновременно служили и для подвешивания. Ремешок или шнур пропущен через прорези на боковой или на задней стороне изделия. Любопытно, что у стокгольмского футляра (рис.-24), подобно рассмотренным выше односоставным чехлам для ложек, со стороны верха лопасти ложки не сохранилась, но должна была быть отдельно вшитая вставка. В древнерусских городах находят детали кожаных фуляров в виде коробочек, но мне не известны такие находки, которые можно было бы считать явными футлярами для ложек [Варфоломеева, 1995].

Ложка в чехле, подвешенная за верхний край, должна была висеть вертикально ручкой вниз. В описании погребения кургана №7 могильника Тулдуаир-I указано, что ложка в футляре подвешена сзади, с правой стороны, к поясу погребенного [Кубарев, 2005, с. 206]. Деталью поясного набора являются футляр с ложкой из Кёльна и чехлы с ложками из Берестечка [Свешников, 1992, с. 184]. Вариант ношения чехла с ложкой на поясном ремне в Древней Руси отмечен М.Г. Рабиновичем [1988, с. 178]. Авторы публикации стокгольмской ложки предлагают, что ее могли носить в обрядовых целях или подобно саамам в чехле у пояса, упоминается также запись 1492 г. о серебряных ложках среди содержимого кошельков [Strandberg, Fredriksson, 1982, s. 236, 238]. Возможно, стоит задуматься, использовались ли чехлы только для ношения отдельно в подвешенном состоянии или нужны были не столько для ношения, сколько для предохранения ложек. Так, упоминается, что в более позднее время ложки (*в чехле?*) носили заложенными за поясной ремень и за голенищем сапога [Костомаров, 1866, с. 66].

Практически все рассмотренные здесь кожаные изделия выполнены качественно и могут считаться работой специалистов. Есть несколько декорированных и, видимо, более дорогостоящих изделий. Несколько рассмотренных изделий могут быть упрощенными вариантами чехлов для ложек¹⁶. В этой связи интересно наблюдение И.К. Свешникова об однотипности чехлов как для простых ложек, так и для более дорогостоящих ложек с отделкой, которые автор связывает с работой украинских мастеров-умельцев середины XVII в. [Свешников, 1992, с. 184].

Относительно принадлежности рассмотренных кожаных чехлов для ложек стоит отметить следующее. Чехол с деревянной ложкой из Талдуaira найден в погребении всадника позднетюркского времени, или эпохи «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.). При изучении топографии новгородских чехлов для ложек установлено, что два чехла происходят с усадьбы, принадлежавшей богатому боярину, на территории которой жил также зависимый ремесленник; один чехол – с территории усадьбы, принадлежавшей богатому ювелиру; один чехол со следами деревообработки – с территории усадьбы, где отмечен высокий культурный уровень жизни; два чехла – с территории усадеб, в месте обнаружения следов сапожного и сопутствующего производства; один чехол – с территории Готского торгового двора. Чехол с серебряной ложкой из Кёльна относится к имуществу богатого кёльнского купца. Стоит обратить внимание и на то, что чехлы для ложек найдены на территории кремлей разных древнерусских городов. Чехлы с ложками с места битвы 1651 г. под с. Берестечко были частью походного снаряжения казацко-татарских воинов Богдана Хмельницкого. Мои попытки найти кожаные чехлы для ложек среди более позднего, этнографического, материала пока результатов не дали.

В этом исследовании рассмотрено более 30 кожаных чехлов для ложек IX–XVII вв.

Применение чехлов для разных предметов во многом связано с традицией использовать ложку для принятия пищи и с походной жизнью.

Деревянная ложка с кожаным чехлом из Галдуaira является самой ранней подобной находкой и благодаря хорошей сохранности содержит ценную информацию о внешнем виде и использовании кожаных изделий такого рода.

Немногочисленность рассмотренной группы предметов не дает оснований для утверждений, но заставляет думать о неслучайности выявленных параллелей, самого факта использования чехлов для ложек, хронологической устойчивости особенностей края и пошива подобных кожаных чехлов.

Комментарии

¹ Складная ложка с орнаментированным кожаным футляром из «имущества» кельнского купца Германна фон Гоха хранится в Кёльнском городском музее, инв. №НМ 1888/12.

² Британский музей №1899,1209.3, XV в. (официальный сайт).

³ В монографии И.К. Свешникова приведены рисунки только четырех чехлов для ложек. В то же время подчеркивается, что количество находок ложек в чехлах, найденных на переправе, позволяет утверждать, что ложку в кожаном футляре на поясе носил каждый казак [Свешников, 1992, с. 184].

⁴ К чехлам для ложек относятся 17 таких чехлов и их деталей из раскопок в Новгороде (Великом Новгороде), которые стратиграфически датируются 2-й половиной XII – 1-й четвертью XV в. Большинство их относится к XIV в. [Изюмова, 1959, рис. 10.-2а–б; Матехина, 2009]. КП 25295/А 13 – 199, КП 25060/А 19 – 501, 725, 726; КП 28081/А 58 – 616, КП 37583/А 112 – 633, 688, 1117, КП 37584/А 116 – 1102, КП 44022/А 195 – 539, НВ 18792/Пр.к А 72 – 477, Неревский 7-983 №14 [Изюмова С.А., 1959, рис. 10.-2б], Неревский 9-1204 №57, Неревский 13-1252 №86, Неревский 10-1350, Неревский 9-1353. Есть упоминание о чехлах для ложек из раскопок в Новгородском Кремле 1938 г. [Колчин, 1982, с. 84], но эти находки, скорее всего, не сохранились.

⁵ Чехол из раскопок в Пскове в 1950-х гг. в районе Старого Застенья хранится в Государственном Эрмитаже, ПК-1230, мог использоваться для ложки.

⁶ Чехол из раскопа 1985 г. в юго-восточной части Кремля ТАЭ-1985 р. 1, уч. Б, пл. 7, кв. 11 и чехол ТВ Кр-93 р. 9, уч. Г, кв. А-4, пл. 29 (Тверская кремлевская экспедиция ИИМК РАН 1993 г., нач. д.и.н. В.А. Лапшин). Пользуясь случаем, выражаю благодарность А.В. Курбатову и сотрудникам Тверского государственного объединённого музея за возможность ознакомиться с археологическим материалом.

⁷ Два чехла для ложек XV–XVI вв. найдены при раскопках в Тайницком саду Московского Кремля в 2007 г.

⁸ Что касается новгородских чехлов, то на коже большинства из них заметны выпуклые отпечатки. Все они округлые сверху, пять из них каплевидной формы, видимо, от деревянных ложек. По типологии Б.Н. Колчина, в XIII–XV вв. в Новгороде использовались простые суповые ложки с длинной рукоятью, нижняя часть которой выступала бы из чехла, однако с конца XIII в. появились дорожные ложки с укороченной рукоятью, которые поместились бы в чехол полностью [Колчин, 1982, с. 43–44]. Один из новгородских чехлов с места раскопок иноземного торгового двора немецких купцов могли использовать для деревянной ложки, подобной найденным там же. Эти ложки немного меньше и уже обычных новгородских ложек. В любом случае ложка вкладывалась через широкое отверстие-устье вперед рукоятью, а отверстие внизу делало чехол более универсальным – так он подходил бы для ложек с рукоятью разной длины. К тому же, по наблюдению художника-реставратора НГОМЗ Э.К. Кубло, в одном из новгородских чехлов, судя по отпечаткам на коже, носили одновременно две ложки разных размеров.

⁹ Сшитое изделие не выворачивали, поэтому соединённые края оставались снаружи. У новгородских чехлов основной шов, как правило, простой тачной. Оба московских чехла сшиты швом через край.

¹⁰ ТАЭ-1985 р. 1, уч. Б, пл. 7, кв. 11.

¹¹ ТВ Кр-93 р. 9, уч. Г, кв. А-4, пл. 29.

¹² У этого новгородского и одного из московских чехлов края были обшиты, так что окантовка должна была скрывать продёржку. Московский чехол в средней части перевязан полоской кожи – видимо, оторвавшейся окантовкой.

¹³ ТВ Кр-93 р. 9, уч. Г, кв. А-4, пл. 29.

¹⁴ КП 26517/А 42 – 405.

¹⁵ Это, по моему мнению, может относиться к двум находкам из Твери [Курбатов, 2004, рис. 10.-7; рис. 125.-4].

Библиографический список

Валиев Р.Р. Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // Российская археология. 2009. №1.

Варфоломеева Т.С. Кожаные футляры в виде коробочек // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.

Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. Труды Новгородской археологической экспедиции. Вып. 65. М., 1959. Т. II.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // Археология СССР. Свод археологических источников / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1968.

Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великороссского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1866.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Раскопки на р. Талдуаир // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Матехина Т.С. Чехлы «в форме ложки» из раскопок в Новгороде // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Ч. 1. Екатеринбург, 2009.

Мусин А.Е., Степанов А.М. Ложка или лжица? Находка 2005 г. на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Новгород, 2007.

Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М., 2014.

Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Рыбина Е.А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993.

Свешніков І.К. Битва під Берестечком. Львів, 1992.

Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. (Ausstellungskatalog Museum für Hamburgische Geschichte, 1989). Hamburg: Museum für Hamburgische Geschichte). Red. Jörgen Bracker 1989. Bd. 2 (Katalog der Ausstellungsobjekte).

Opgravningen i Amsterdam. Amsterdam, 1977.

Strandberg B., Fredriksson M. Skor och andra läderföremål // Helgeandsholmen. 1000 år i Stockholms ström. Stockholm, 1982.

Tegner G. Skedar // Medeltidens ABC. Bores, 1985.

Электронный ресурс

URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=44537&partId=1&searchText=1899,1209.3&page=1 (Официальный сайт Британского музея, дата обращения 14.03.2015)

Ю.И. Ожередов

Музей истории Томска, Томск, Россия

НАСКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КЫЗЫЛЧИН БЛИЗ УСТЬЯ Р. ЧАГАНУЗУН В ГОРНОМ АЛТАЕ

В 2013 и 2015 гг. автором был научно зафиксирован и предварительно изучен наскальный памятник Кызылчин, получивший название по одноименному местечку в межгорной долине примерно в 7 км вверх от д. Чаган-Узун на левом берегу одноименной реки в Кош-Агачском районе Республики Алтай (рис. 1).

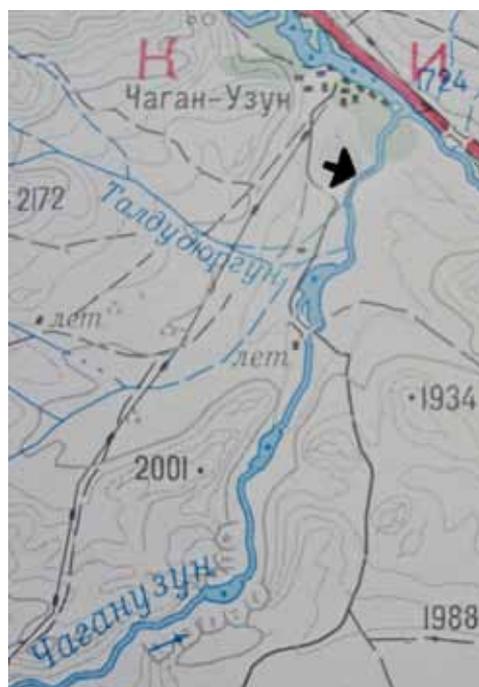

Рис. 1. Карта района д. Чаган-Узун с условным указанием местонахождения наскального памятника Кызылчин (жирная стрелка)

Памятник обнаружен группой студентов Томского государственного университета, проходивших географическую практику под руководством доцента П.С. Бородавко. Последним информация о памятнике была передана автору во время его работы в составе международной полевой школы Томского государственного университета (ТГУ), одним из объектов которой было местечко, именуемое Кызылчин. Раскрытие памятника произошло в два этапа. На первом, в 2013 г., стали известны плоскости с изображениями животных и нескольких антропоморфных фигур. Они были зафиксированы на фото, а некоторые – на миколентную бумагу. В 2015 г. географами были обнаружены еще две плоскости, перекрытые крупной сланцевой плитой. После того как плиту удалось сдвинуть, открылись новые рисунки, в том числе первая из двух известных теперь колесниц.

В ходе изучения вновь открытых изображений в 2015 г. автором установлено, что плита закрывала еще несколько рисунков, в том числе вторую из колесниц. С по-

мощью участников международной полевой школы плита была окончательно удалена, после чего была произведена фотофиксация всех изображений и изготовлены графитовые копии на миколентную бумагу.

Памятник Кызылчин расположен в узкой межгорной долине, ориентированной в широтном направлении (запад – восток). Отдельные изображения горных козлов разбросаны по скалам на большом протяжении долины, но центр памятника пришелся на участок, где долина расширяется перед началом спуска в сторону р. Чаганузун. Площадки с рисунками расположены на скальных обнажениях, выступающих с небольшими промежутками из тела гряды по ее восточному борту, сложенной из рыхлой, частично разрушенной сланцевой породы (N–50° 02' 789"; E–88° 19' 810"; h 1902 m).

Все четко различимые рисунки выполнены в технике сплошной выбивки по красно-коричневому или черно-коричневому «загару» плоскостей, ориентированных в южный сектор, преимущественно на юго-запад. Выбивки сложных рисунков, например колесниц, комбинируют сплошную выбивку с контурной: лошади выбиты сплошным полем, а колеса и платформа возничего – контурным ажуром. На отдельных площадках наряду с выбивками просматриваются упорядоченные процарапанные линии, создающие видимость пучков, лент и подобий геометрических фигур (рис. 2–3). К сожалению, большинство из процарапанных композиций перекрыто выбитыми рисунками (палимпсест), затруднившими их интерпретацию. Цвет загара процарапанных композиций аналогичен загару на сплошных выбивках, что убеждает в одновременности или хронологической близости нанесения тех и других.

Рис. 2. Площадка №2 на северной скале

По предварительным данным носителями изображений являются более 30 площадок, различающихся по площади, количеству рисунков и плотности их нанесения. Номенклатурный состав сюжетов не отличается большим разнообразием. Преимуществен-

но это изображения отдельных фигурок диких животных, набитых достаточно хаотично. Доминирующее число персонажей данного разряда принадлежит изображениям горных козлов, представленных в нескольких стилевых традициях, характеризующих памятник в качестве долговременного святилища. Реже встречаются изображения благородных оленей и хищников из семейства волков. Из домашних животных присутствуют быки, лошади и собаки. К последним, возможно, имеет отношение сцена из трех фигур с закрученными в кольцо хвостами и необычно длинными шеями, напоминающими формы длинноногих водоплавающих (болотных) птиц (рис. 4).

Рис. 3. Колесница на плоскости №2

Рис. 4. Композиция с изображением трех нетипичных «собак»

Композиции, наиболее насыщенные рисунками, располагаются на центральной и северной скалах. Первая композиция состоит из двух полос (верхняя намного длиннее нижней) и вмещает 22 фигуры животных (преимущественно быки с крупными

лировидными рогами), а также ростовую фигуру антропоморфа с раскинутыми в стороны руками (рис. 5). С двух сторон человека окружают быки, двигающиеся цепочкой друг за другом вправо. Стилистические особенности изображений («шарики» на завершении конечностей и хвостов, лировидные рога у быков и рога в виде «ёллок» у оленей) позволяют отнести время изготовления данных фигурок к эпохе бронзы (вероятно, не позднее середины II тыс. до н.э.).

Рис. 5. Плоскость на центральной скале со сценой вереницы быков и антропоморфом

По разнообразию и значению персонажей более выигрышной на всем памятнике выглядит группа рисунков на двух плоскостях северной скалы, несущие «распластанные» изображения боевых колесниц II тыс. до н.э. (рис. 2–3). Повозки показаны в запряжке из двух лошадей, припряженных к центральному дышлу. При вертикальной проекции всего сюжета фигуры лошадей имеют профильную конфигурацию, они показаны как бы лежа на боку спиной друг к другу. Привлекает внимание то, что при общем сходстве в изображениях имеются индивидуальные отличия, которые проявляются в устройстве колесниц, форме лошадей и фигурах возниц.

Колесница на южной плоскости изображена очень схематично (рис. 6–7). Контуром показаны два сплошных (без перемычек или спиц), возможно, блоковых колеса. Площадка возницы указана сплошной выбивкой в форме неправильного круга, расположенного между колесами. В переднюю сторону от нее отходит тонкая линия дышла, а в противоположную, из центра условной площадки, «вырастает» сильно стилизованная фигура, символизирующая возничего. Лошади изображены обращенными друг к другу спиной. Довольно тучные туловища натуралистичны в той мере, которая без дополнительных символов позволяет идентифицировать лошадей.

Колесница на северной плоскости конструктивно более сложная (рис. 2–3). Площадка возничего обозначена между колес жирной линией, окаймляющей подквадратную фигуру с округлыми углами. Через центр ее пересекает крестовина, напоминающая изображенную на колесах. В точке перекрестья выбивка образует овальное расширение, аналогичное расширению на первой повозке.

Рис. 6. Плоскость №1 на северной скале

Рис. 7. Колесница на плоскости №1

В контурах колес имеются крестовидные элементы, напоминающие бруски, в перекрестье которых проходит колесная ось. Окончания оси показаны с двух сторон между площадкой возничего и колесами. Такое устройство, называемое кроссбаровое колесо, в широком смысле означает дисковое колесо, облегченное за счет выемок [Новоженов, 2012, с. 359].

С передней стороны к площадке возничего примыкает дышло, а в противоположную сторону (назад) из центра площадки «вырастает» фигура возничего. Человек изображен в рост на слегка изогнутых ногах, с приподнятыми руками, направленными вдоль туловища, голова покоится на высокой шее. Контур лошадей даны более схематично, нежели в первом случае: туловища маловыразительны, головы обозначены слегка изогнутыми выступами вниз, уши – выступами меньшего размера, вверх. Минимизация образов коснулась конечностей, из которых тонкими линиями показаны только передние. В отношении задних конечностей ясности нет. В одном случае (нижняя лошадь на рисунке) имеется выбивка, напоминающая конечность, но до конца быть уверенным в этом вопросе не приходится, так как она не соединяется с корпусом животного. У верхней лошади в области задней конечности имеются лишь неопределенные линии гравировок, назначение которых неясно.

В отличие от первой колесницы, у лошадей второй повозки на уровне холки прослеживаются поперечные линии, выходящие на окончание дышла. Здесь определенно отмечены так называемые фиксаторы сбруи, крепившие дышло к телам лошадей [Новоженов, 2012, с. 361]. Однако нельзя исключать вероятность того, что данные линии изображают ярмо.

Сравнительный анализ собранных материалов обнаруживает на изученном памятнике ряд изображений, характерных по своим стилистическим особенностям для эпохи бронзы, возможно, для разных ее этапов. Устоявшимися признаками рисунков

данного периода являются самобытные формы боевых колесниц, лировидные рога быков, «ёлочные» рога у оленей, а также завершение конечностей и хвоста у животных характерными для указанной эпохи шаровидными утолщениями (рис. 5–6).

Наличие всадников на открывшихся плоскостях свидетельствует об использовании святилища в эпоху верхового скотоводства. Своеобразные позы коней «в полете» указывают на их принадлежность к хунно-сарматскому времени. Фигуры «летающих» всадников отмечены пока только лишь на плоскостях с колесницами. Более того, в непосредственной с ними близости, как это видно, например, рядом с первой из колесниц (рис. 7). Возможно, наличие изображений коней, запряженных в колесницы, стимулировало «хуннских» художников продолжить «конскую» тематику в непосредственном соседстве с предыдущими рисунками, изображающими лошадей. Возможно, в этом заключалась идея обрядовой преемственности.

В настоящей публикации наскальный памятник Кызылчин лишь введен в научный оборот, но не представлен в полной мере, как он того заслуживает. Для более полной его презентации необходимо провести еще целый ряд дополнительных археологических, искусствоведческих и аналитических исследований, которые, надеюсь, будут выполнены в недалеком будущем.

Библиографический список

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.

С.Ж. Рахимжанова, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-III (результаты изучения орнаментальных традиций)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселение Новоильинка-III находится в Хабарском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под его руководством в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 кв. м [Кирюшин, Ситников, 2013, с. 210]. В 2010–2014 гг. К.Ю. Кирюшин исследовал 560 кв. м [Кирюшин, Ситников, Семибратов и др., 2011; Кирюшин, 2015]. Поселение датировано 1-й половиной III тыс. до н.э. [Кирюшин, 2015, с. 26].

Цель данного исследования – реконструкция гончарных традиций населения, существовавшего на поселении Новоильинка-III, на подготовительной стадии технологического процесса, а также общая характеристика орнаментальных традиций. Для реализации поставленной цели решались следующие исследовательские задачи:

– реконструкция культурных традиций в этих областях гончарной технологии и выяснение на этой основе степени культурной однородности их носителей;

– описание элементов, узоров, мотивов и образов орнамента.

Для технологического анализа керамики были отобраны фрагменты от 32 разных сосудов поселения Новоильинка-III из коллекции 2011–2012 гг.

Исследование проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999] и его последователями (см. например: [Волкова, 1996; Салугина, Васильева, 1999; Степанова, 2010; Цетлин, 2012]) в рамках историко-культурного подхода. Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10.

В результате изучения формовочных масс поселения Новоильинка-III были выявлены четыре разные культурные традиции составления формовочных масс керамики. Среди выделенных рецептов формовочных масс наиболее массовым был только один – «глина + пух + органика» (75,1%), реже использовались рецепты: «глина + дресва + органика» (15,6%) и «глина + шамот + органика» (6,2%), «глина + шамот + дресва + органика» (3,1%) [Рахимжанова, 2015, с. 86–90; Степанова, Рахимжанова, Кирюшин, 2015, с. 282–285].

Описание орнаментов проводилось по методике, разработанной Юрием Борисовичем Цетлиным [2008].

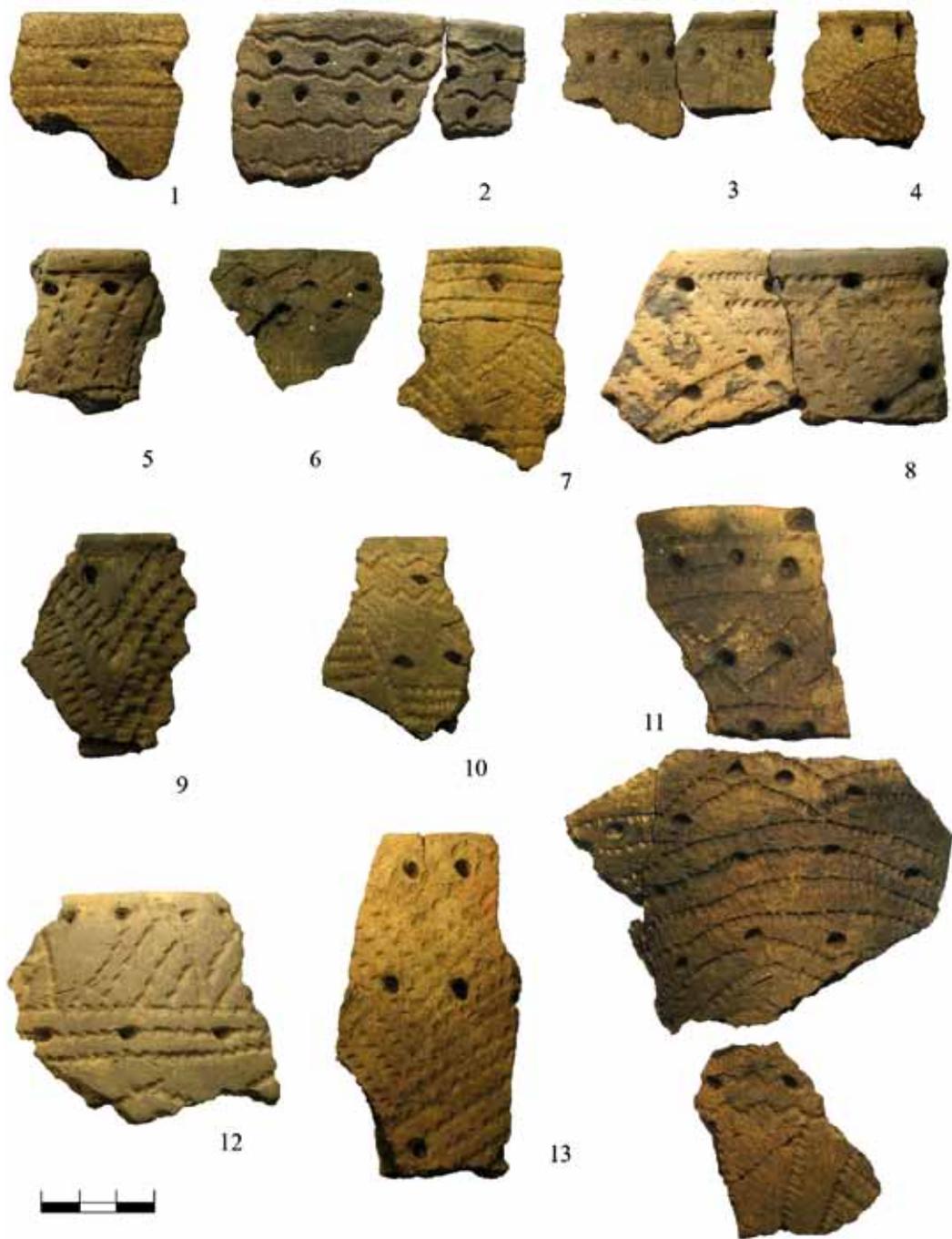
Элементы орнамента. Элемент орнамента – «отпечатки», или динамические «следы» на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт. Всего на керамике Новоильинка-III удалось зафиксировать три элемента орнамента на внешней поверхности сосудов: *ямочный* (47,6%), *накольчатый* (42,9%), *незубчатый* элемент орнамента, который возникает в результате вдавлений инструментов с различной формой рабочей части (овальной, каплевидной, треугольной, трапецевидной), эти отпечатки характеризуются небольшими размерами и глубиной, наносились перпендикулярно или чаще под углом к поверхности сосуда) и *гребенчатый* (9,5%). На внутренней поверхности и по торцу венчиков орнамент может быть *гладкий* – 10 (52,6%) и *веревочный* – 9 (47,4%).

Узоры. Узор – это локализованное изображение на поверхности сосуда, состоящее из одинаковых и разных элементов орнамента и выполненное за несколько трудовых актов [Цетлин, 2012, с. 200].

На керамике Новоильинка-III были выделены восемь орнаментальных узоров: узор (1) из разнонаклонных накольчатых элементов (зигзаг) (рис.-2, 6, 10, 11), узор (2) из накольчатых элементов в виде горизонтальных линий и вертикальных внутри, (рис.-5) узор (3) из накольчатых и ямочных элементов, образующих форму ромба (рис.-7), узор (4) из накольчатых элементов в форме ромба, узор (5) (рис.-8) из накольчатых элементов, узор (6) из накольчатых элементов (рис.-10), узор (7) из накольчатых элементов (заштрихованный треугольник) (рис.-12), узор (8) из двух разнонаклонных гребенчатых элементов (рис.-13). Наиболее массово встречается узор 1 (75%), узор 2 из накольчатых элементов в виде горизонтальных линий и вертикальных внутри, в двух случаях из трех с частичным наложением ямочных элементов поверх узора (8,2%), остальные встречены в единичных случаях в суммарном количестве (16,8%).

Мотивы. Мотив – это способ повторения элементов и узоров орнамента на поверхности сосуда. Элементы и узоры орнамента образуют разные мотивы в зависимости от способов и направления их тиражирования. Простые мотивы (Вид-1) образованы из одинаковых элементов или узоров орнамента, а сложные мотивы – из двух или

большого числа сочетающихся или пересекающихся друг с другом элементов. А сложные мотивы (Вид-2 и 3) состоят из двух или большего числа сочетающихся или пересекающихся друг с другом элементов [Цетлин, 2012, с. 201].

Фрагменты сосудов из поселения Новоильинка-III

Мотивы Вида-1 распространены наиболее широко. Часто использовался мотив из ямочных элементов (76%) (рис.-1-4, 9-10), реже встречается мотив из накольчатых (20%) (рис.-1), из двухрядных ямочных элементов (4%). Мотивы Вида-3 в изученном материале отмечены на обломках 18 сосудов, представлены 11 вариантами. Массовыми среди них были: сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (1) (38,88%) (рис.-2, 6, 10-11), сложный пересекающийся мотив из накольчатых и ямочных элементов (33,33%) (рис.-7, 11), сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (1) и ямочных элементов (8,33%). Остальные представлены единичными случаями: сложный пересекающийся мотив из пересекающихся гребенчатых элементов (2,78%) (рис.-4), сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (3) – ромб (2,78%) (рис.-7), сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (4) и ямочных элементов – ромб (рис.-8), мотив из сложных пересекающихся узоров (5; 2,78%) (рис.-9), сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (6; 2,78%) (рис.-10), сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров – заштрихованный треугольник (7; 2,78%) (рис.-12), сложный пересекающийся мотив из гребенчатых узоров и ямочных элементов (8; 2,78%) (рис.-13).

На внутренней поверхности зафиксированы следующие мотивы: простой мотив из веревочных элементов, наклоненных вправо (47,37%), простой мотив из гладких элементов, наклоненных вправо (47,37%), простой мотив из гладких элементов, наклоненных вправо (5,26%).

Образы. Образ – это часть декора сосуда, состоящая из двух или трех соседних мотивов, образованных определенными элементами или узорами орнамента. По своему составу орнаментальные образы могут состоять из простых мотивов Вида-1, простых и сложных мотивов или только из сложных мотивов Видов 2 и 3. Кроме того, тройные орнаментальные образы по своей структуре могут быть симметричными или асимметричными [Цетлин, 2008, с. 90].

Двойные образы. По материалам зафиксировано 32 двойных образа орнамента. Среди них к Виду-1 (образы из простых мотивов) относится 21 образ (29,17%), к Виду-3 (образы из пересекающихся мотивов) – 49 образов (70,83%). Среди 21 простого образа массовым является образ, состоящий из зоны без орнамента и простого мотива из ямочных элементов (11,11%); образ из простого мотива из ямочных элементов и зоны без орнамента (9,72%); остальные образы менее распространены. Это следующие образы: 1) из зоны без орнамента и простого мотива из накольчатых элементов (2,78%); 2) простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента (2,78%); 3) простого мотива из ямочных элементов и простого мотива из накольчатых элементов (1,39%); 4) простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента (1,39%).

К сложным образам из пересекающихся мотивов, сюда относится 51 образ орнаментов. Наиболее распространенным является образ, состоящий из зоны без орнамента и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 6,94%), сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров и зоны без орнамента (5,56%), сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1) и простого мотива из ямочных элементов (5,56%), сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1) и простого мотива из ямочных элементов (шахматная организация) (4,17%), простого мотива из ямочных элементов и сложного пересекающегося мотива из гребенчатых узоров (1; 4,17%), простого мотива из ямочных элементов, сложного пересекающегося

мотива из накольчатых узоров (1; 4,17%), зоны без орнамента и сложного пересекающегося мотива из накольчатого и ямочного элементов (4,17%), сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 4,17%).

Еще реже встречаются следующие образы: из простого мотива из ямочных элементов (шахматная организация) и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 2,78%), сложного пересекающегося мотива из двух рядов накольчатого и ямочного элементов (2,78%), сложного пересекающегося мотива из накольчатых и ямочных элементов и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 2,78%). Остальные представлены единичными случаями.

К *тройным орнаментальным образам* относится 31 орнаментальный образ. Среди них простых (Вид-1) 11 образов (22,45%), сложных из пересекающихся мотивов (Вид-3) – 38 образов (77,55%). Часто встречаются образ из зоны без орнамента, простого мотива из ямочных элементов и зоны без орнамента (10,2%); зоны без орнамента, простого мотива из накольчатых элементов, простого мотива из ямочных элементов (4,08%); простого мотива из ямочных элементов, зона без орнамента, простого мотива из ямочных элементов (4,08%). Редко встречаются следующие образы: из простого мотива из ямочных элементов, простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента (1,96%), простого мотива из ямочных элементов, простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента (1,96%).

Сложные тройные образы из пересекающихся мотивов. Среди тройных образов чаще всего фиксируется образ из сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1), простого мотива из ямочных элементов, сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 8,17%), простого мотива из ямочных элементов, сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1) и зоны без орнамента (5,89%), зоны без орнамента, сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1) и простого мотива из ямочных элементов (5,89%), зоны без орнамента, сложного пересекающегося мотива из накольчатых и ямочных элементов, сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 5,89%). Реже используется образ из сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1), простого мотива из ямочных элементов (шахматная организация) и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1; 4,08%), образ из зоны без орнамента, простого мотива из накольчатых элементов, простого мотива из ямочных элементов (4,08%); сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (1) и ямочных элементов (4,08%). Остальные образы представлены единичными экземплярами.

Таким образом, изучение орнаментальных традиций керамики поселения Новоильинка-III позволило сделать следующие выводы:

1. На сосудах данного поселения встречаются три элемента орнамента на внешней поверхности сосудов: ямочного (47,6%), накольчатого (42,9%) и гребенчатого (9,5%). Эти элементы встречаются на сосудах четырех групп выделенных рецептов. На внутренней поверхности и по торцу венчиков: гладкий – 10 (52,6%), веревочный – 9 (47,4%);

2. Среди выделенных восьми орнаментальных узоров узор (1) из разнонаклонных накольчатых элементов (зигзаг) зафиксирован на трех группах рецептов, узор (2) из накольчатых элементов в виде горизонтальных линий и вертикальных внутри встречен на одном сосуде (первый мотив) с рецептом «глина + шамот + органика» в сочета-

нии с ямочным элементом (наложение поверх узора), на сосудах с рецептом «глина + органика (пух)» он встречен на двух сосудах (в одном из которых расположен третьим мотивом), остальные узоры отмечены только на сосудах с рецептом: «глина + органика (пух)», это узор (3) из накольчатых и ямочных элементов, образующих форму ромба, узор (4) из накольчатых элементов в форме ромба, узор (5) из накольчатых элементов, узор (6) из накольчатых элементов, узор (7) из накольчатых элементов (заштрихованный треугольник), узор (8) из двух разнонаклонных гребенчатых элементов;

3. Выделяются мотивы, представленные на рецептах «глина + дресва + органика», это сложный пересекающийся мотив из гребенчатых элементов, простой мотив из ямочных элементов (его отличие в том, что в данном случае этот мотив в сочетании с зоной без орнамента) и простой мотив из накольчатых элементов (особенность его в том, что он встречается без ямочного элемента, а расстояние между элементами около 0,2 мм). Для рецепта «глина + шамот + органика» характерны следующие виды мотивов: сложный пересекающийся мотив из накольчатых узоров (в отличие от остальных эти узоры (зигзаги) имеют острый угол в пересечении), простой мотив из ямочных элементов (на одном сосуде двухрядный (шахматная организация), на другом – в сочетании с зоной без орнамента. В смешанном рецепте «глина + шамот + дресва + органика» используется мотив из ямочных элементов и гребенчатых узоров (качалка). Остальные мотивы характерны только для рецепта «глина + органика (пух)», только на них фиксируются сложные пересекающиеся мотивы из накольчатых и ямочных (наложение) элементов, сложные пересекающиеся мотивы из узоров из накольчатых элементов (зигзаг), но со сглаженными углами (более плавными), и узоров из накольчатых элементов в виде ромбов, ромбов с ямочными элементами, заштрихованных треугольников;

4. В результате изучения орнаментальных образов (двойных и тройных) на сосудах нами была выявлена следующая информация: имеются образы, характерные только для сосудов с рецептом «глина + дресва + органика».

Двойные орнаментальные образы: из простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента; из простого мотива из ямочных элементов, простого мотива из накольчатых элементов; простого мотива из ямочных элементов и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (зигзаг).

Тройные орнаментальные образы: из простого мотива из накольчатых элементов, простого мотива из ямочных элементов и простого мотива из накольчатых элементов; простого мотива из ямочных элементов; простого мотива из накольчатых элементов и зоны без орнамента; зоны без орнамента, простого мотива из ямочных элементов и сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (зигзаг); сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (зигзаг); зоны без орнамента, простого мотива из ямочных элементов, простого мотива из ямочных элементов, сложного пересекающегося мотива из накольчатых узоров (зигзаг) и простого мотива из ямочных элементов. Остальные образы встречаются на сосудах с разными рецептами, но имеются образы, встречающиеся только на сосудах с рецептом «глина + органика (пух)».

Таким образом, сравнение результатов изучения орнаментальных традиций и формовочных масс показало, что выделенные группы в основном коррелируются (формовочные массы и орнамент). С другой стороны, орнаментальные мотивы и образы, которые встречаются во всех трех традициях (по формовочным массам), свидетельствуют о взаимодействии групп населения. Аналогии прослеживаются с керамикой «киприн-

ского» типа Барнаульско-Бийского Приобья, с материалами поселения Новоильинка-VI [Кирюшин и др., 2015, с. 70–75], Венгерово-3 в Барабе [Молодин, 1977, 1985] и поселения Пеньки-2 в Северно-Восточном Казахстане [Чалая, 1972, с. 163–181].

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.
- Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61).
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013.
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; Великий Новгород, 2011.
- Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010.
- Рахимжанова С.Ж. Технологический анализ керамики поселения эпохи энеолита Новоильинка III // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13).
- Степанова Н.Ф., Рахимжанова С.Ж., Кирюшин К.Ю. Результаты предварительного изучения керамики поселения Новоильинка III // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, 2015.
- Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010.
- Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.
- Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.
- Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010.
- Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН КазССР – Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики.

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.

АО – Археологические открытия.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВАУ – Вопросы археологии Урала.

ВУНЦ ВВС «ВВА» – Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Челябинск).

ВНК – военно-научный кружок.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

ИИи А – Институт истории и археологии.

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИЭЧ – Институт экологии человека.

КА – кабинет антропологии.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КИО – культурно-историческая общность.

КНР – Китайская Народная Республика.

КРС – крупный рогатый скот.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛКМ – лакокрасочные материалы.

ЛКП – лакокрасочное покрытие.

ЛЭП – линия электропередач.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МНР – Монгольская Народная Республика.

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.

МРС – мелкий рогатый скот.

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан.
ООН – Организация Объединенных Наций.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
РЖВ – ранний железный век.
СА – Советская археология.
САИ – свод археологических источников.
СО – Сибирское отделение.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт.
ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей.
УрО – Уральское отделение.
ХКТ – хозяйственно-культурный тип.
ЦСБС – Центральный сибирский ботанический сад.
ЦГМК – Центральный Государственный музей Казахстана (г. Алматы, Республика Казахстан).

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Редакторы: Е.М. Федяева, Л.И. Базина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Дизайн обложки: Ю.В. Плетнева

*Для оформления обложки использовались фотоснимки,
выполненные С.П. Грушиным (оз. Иткуль) и К.Ю. Кирушиным (Тыткескень)*

Подписано в печать 15.12.2015. Печать офсетная.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 33,54.
Тираж 200 экз. Заказ 379.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66